

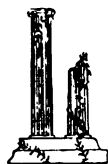
МИНУВШЕЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

11

МИНУВШЕЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

**Editorial board: Jean Bonamour, Elda Garetto, John Malmstad,
Richard Pipes, Marc Raeff, Dmitri Segal**

Editor: Vladimir Alloy

МИНУВШЕЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

11

ATHENEUM

ФЕНИКС

МОСКВА — САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

1992

ББК 63.3 (2)
М 62

Минувшее: Исторический альманах. 11.— М.; СПб.: Atheneum:
М62 Феникс. 1992. 608 с.

ISBN 5—85042—012—6

ISBN 5—85042—001—0

Настоящее издание является репринтным воспроизведением исторического альманаха «Минувшее», выпускаемого парижским издательством «Atheneum». Цель его — введение в научный и общественный оборот неизвестных материалов по русской истории и культуре XX века. В 11 выпуске: воспоминания историка А. А. Корнилова, материалы о высылке из России ученых и деятелей культуры в 1922, неопубликованные работы и письма Л. П. Карсавина, М. О. Гершензона, С. А. Аскольдова, документы к истории сборника «Вехи»; в разделе, посвященном истории литературной жизни, — письма М. Цветаевой, воспоминания о С. Есенине, рукописи из архива Д. Хармса. Значительная часть публикуемых текстов подробно откомментирована.

Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей, интересующихся отечественным прошлым.

М $\frac{4702010206-015}{Д 20 (03)-92}$ 92 без объявл.

ББК 63.3 (2)

ISBN 5—85042—012—6

ISBN 5—85042—001—0

(Феникс)

© «Atheneum», 1990

Предлагаемый читателю одиннадцатый том альманаха нуждается в небольшой сопроводительной заметке. Не только потому, что он открывает собою новый десяток, но прежде всего — из-за изменившихся условий издания. Отныне «Минувшее» выходит не в одном Париже, но и в Москве, где его репринтирует издательство «Феникс». Кроме того, появилось и еще одно родственное издание — альманах «Звенья», выпускаемый Научно-информационным центром общества «Мемориал». Связывают их не просто общая издательская база и, отчасти, авторский состав, но главное — общий подход к отечественному прошлому.

Этот подход был достаточно полно выражен в первом выпуске исторического сборника «Память», вышедшем в свет в 1978 году. Приступая к изданию «Минувшего», мы уже упоминали о нем, но, по условиям тогдашнего времени, — очень кратко, указав лишь, что «Память» составлялась в Самиздате и выходила на Западе с 1976 по 1982 годы. Это не совсем верно. 82-м годом помечен пятый выпуск сборника, последний, который увидел свет. Следующий — шестой — был полностью подготовлен в Москве и уже набран в Париже к 84-му году, когда один из редакторов его (А.Б. Рогинский) находился в лагере — именно за работу над «Памятью», а над остальными участниками нависла та же угроза. Шантаж тогдашнего руководства Ленинградского УКГБ заставил редакцию прекратить дальнейшую работу над сборниками. В Париже шестой выпуск также не появился — уже по иным, хотя тоже довольно драматическим обстоятельствам. Однако материалы сборника не пропали. Большинство их легло в основу первых томов «Минувшего». Разумеется, авторы и публикаторы выступали под псевдонимами. Сегодня пришло время раскрыть их настоящие имена, как и имена авторов, писавших для альманаха позднее, но также под псевдонимами. Ниже мы приводим таблицу, где обозначены материалы в том виде, как они появились в «Минувшем», — и реальные имена авторов и публикаторов. Всем участникам сборников «Память», мы и посвящаем настоящий том альманаха.

Название материала	Имена авторов и публикаторов
В.Б. Лопухин. После 25 октября. Публикация Л.Бурцева.	А.И. Добкин
А.В. Книпер. Фрагменты воспоминаний. Публикация И.Громова и С.Боголепова.	Ф.Ф. Перченко, И.К. Сафонов
Н.С. Сибиряков. Конец забайкальского казачьего войска. Примечания Б.Трофимова.	Н.И. Богомятков, Ф.Ф. Перченко
Максудов, Солодов. Начало тридцать седьмого: перепись.	А.Бабенышев, Ф.Ф. Перченко.
Письма П.А. Флоренского В.И. Вернадскому. По материалам Д.Д. Предисловие и примечения М. С. Елизаровых.	Г.Г. Суперфин, Ф.Ф. Перченко, А.И. Добкин. Благодарность — А.Кобаку

Название материала	Имена авторов и публикаторов
В.П. Свентицкий. Предсмертные письма. Публикация Р.Крепса.	А.И. Добкин.
Юбилей «Русского Богатства» в 1918 году. Публикация К.Шмидта.	А.Б. Рогинский
Два эпизода из жизни литературных организаций. Публикация Н.Крамера. Прим. Н.Крамера и Р.Баха.	В.Н. Сажин, Л.Я. Лурье, Ф.Ф. Перченек
М.Н. Квашнина-Самаринз. В Красном Крыму. Публикация Р.Крафта.	Ф.Ф. Перченек
Последняя страница истории л.-гв. Московского полка. Составил Д.Редькин.	А.И. Добкин
Б.А. Бабина. Февраль 1922. Публикация В.Захарова.	А.Б. Рогинский, А.И. Добкин
Н.Петренко. Ленин в Горках — болезнь и смерть. (Источниковедческие заметки).	Б.Н. Равдин
В.Аркавина. Сухорукова-Спектор и суд над бакинскими с.-р. Публикация В.Гуляева.	А.И. Добкин, А.Б. Рогинский
П.Прудович. О семье Г.И. Петровского.	Д.М. Бацер
Беседа с Б.А. Бабиной. Запись Н.Бармина. Подготовка к публикации Л.Арапова.	А.Б. Рогинский, Е.Д. Прицкер
О.М. Фрейденберг. Осада человека. Публикация К.Невельского.	Ю.М. Каган
А.Гайдар. Письмо к Р.Фраерману. Публикация Н.Стахова.	А.И. Добкин
Цензорская правка «Голубой книги» М.М. Зошенко. Публикация С.Печерского.	А.Б. Рогинский
Т.А. Аксакова. Дочь генеалога. Публикация Л.Остроумова.	А.И. Добкин, А.Б. Рогинский
А.И. Янин. Второе кулацкое восстание и его ликвидация. Приложение: из собрания Г.М.	М.Я. Гефтер
Д.Бурлюк. Воспоминания отца русского футуризма. Публикация Е.Чижова и Д.Ксенина.	О.Л. Лейкинд, Д.Я. Северюхин
Корнелий Зелинский. В июне 1954 года. Публикация и предисловие В.Стрижа.	Е.Д. Прицкер
О.Тииф. Из воспоминаний и заметок о 1939-1969. Публикация Э.В.	Я.Исотамм
Интервью с Я.Мееровым.	Д.М. Бацер
Беседу вел Т.Сонин.	А.Ю. Даниэль
Волин. С бериевцами во Владимирской тюрьме.	Р.И. Пименов
Ф.Благовещенский. В гостях у П.А. Шарии.	Ф.Ф. Перченек

ВОСПОМИНАНИЯ

А.А. Корнилов
ВОСПОМИНАНИЯ
Публикация М.Сорокиной

На рабочем столе академика В.И. Вернадского в Институте геохимии и аналитической химии АН СССР среди книг, которые ученый просматривал в последние дни жизни, находится и небольшая брошюра серого цвета — «А.Корнилов. Семь месяцев среди голодающих крестьян» (М., 1893) с дарственной надписью автора: «Наташе и Владимиру от брата и друга. Москва. 19/II-93». Многие годы в кабинете Вернадского хранилась и еще одна вещь, связанная с именем «друга всей жизни» Адьки (так называли А.А. Корнилова близкие) — рукопись его «Воспоминаний». Семейное предание Корниловых рассказывает, что объемистая папка с исписанными листами находилась в самом надежном месте — во внутренней полости большого кожаного кресла академика. «В нашу эпоху, — писала Н.Я. Мандельштам, — хранение рукописей приобрело особое значение — это был акт, психологически близкий к самопожертвованию — все рвут, жгут и уничтожают бумаги, а кто-то бережно хранит вопреки всему этому горсточку человеческого тепла»¹.

Причин для волнения за судьбу воспоминаний Корнилова было вполне достаточно: их автор — известный русский историк, профессор Политехнического института в Петербурге-Петрограде, много лет посвятивший изучению жизни и деятельности М.А. Бакунина, создатель первого обобщающего курса истории России XIX века, являлся и одним из основателей конституционно-демократической партии, секретарем ее ЦК (1905-1908, 1915-1917), председателем Петроградского городского комитета партии. Даже этот, далеко не полный перечень вех его биографии, дает представление об историческом масштабе личности мемуариста, а тем самым и о значении его работы.

---

¹ Н.Я. Мандельштам. Воспоминания. М. 1990.

Александр Александрович Корнилов родился 18(30) ноября 1862 г. в Петербурге. Он принадлежал к старому дворянскому роду, представители которого с конца XVIII в. стали занимать видное положение в среде высшей бюрократии, армии и флота. Женитьба его отца в 1861 г. на Е.Н. Супоновой связала род Корниловых с Новосильцевыми, Шиповыми, Бологовскими. В 1876-1880 гг. Корнилов учился в 1-й Варшавской гимназии, где одновременно с ним занимались С.Е. Крыжановский, Н.В. Харламов, Л.А. Оболянинов, братья С.Ф. и Ф.Ф. Ольденбурги, Д.С. Старынкевич — все те, кто составит ядро Братства, сформировавшегося уже в Петербургском университете. Здесь к «варшавянам» примкнули В.И. Вернадский, Д.И. Шаховской (окончил гимназию также в Варшаве, но 6-ую), А.Н. Краснов, Н.Г. Ушинский, И.М. Гревс.

Идеалы Братства, ставшего по выражению Шаховского, «исканием... обогащения единичного сознания сознанием мировым», во многом предопределили дальнейшие общественные устремления его членов. И вслед за Вернадским Корнилов мог сказать, что «стал кадетом незаметно, жизненно, через Братство, Союз Освобождения, земскую жизненную среду».

После окончания юридического факультета университета Корнилов в 1886 г. поступил на службу комиссаром по крестьянским делам в Конском уезде Царства Польского. И с этого момента в течение 15 лет его жизнь связана с крестьянскими земельными, а затем и переселенческими делами. Богатый, но в основном негативный опыт государственной службы, приобретенный Корниловым в столь удаленных друг от друга частях Российской Империи, как Польша и Сибирь, привел его к убеждению в необходимости активной оппозиции самодержавию, которая и составила главное содержание всей его последующей жизни.

В июле 1917 г. Корнилова поражают два апоплексических удара и он решает, что «пора начать свои воспоминания. Пожалуй, даже надо признать, что срок уже, может быть, и упущен, ибо поручиться, что при нынешних бурных обстоятельствах удастся мне их благополучно кончить, нельзя. Написать свои воспоминания я признавал важным не потому, чтобы я считал себя особо достопримечательным человеком, заслуживающим обстоятельной биографии, а потому, что судьба сделала меня свидетелем и отчасти участником таких достопримечательных событий и происшествий, воспоминание о которых вполне уместно и, может быть, даже и весьма ценно».

Так начинаются воспоминания, над которыми историк работал в течение осени 1917 — лета 1921 гг. в Кисловодске, где он находился на лечении. То, что мы называем «рукописью», «оригиналом» воспоминаний, на самом деле представляет собой текст, написанный рукой второй жены Корнилова — Екатерины Антиповны, что дает основание предполагать, что либо он был записан женой ученого под его диктовку, либо переписан ею же с неизвестного нам экземпляра-автографа Корнилова. Думается, что первая версия правдоподобнее, ибо после перенесенных инсультов правая рука историка потеряла нормальную подвижность.

Как бы там ни было, после возвращения летом 1921 г. в Петроград, Корнилов предпринимает попытки издать свои воспоминания. Первоначально он ориентировался на акционерное издательство «Огни», выпускавшее под редакцией П.Е. Щеголева «Библиотеку мемуаров»: в январе 1922 г. Корнилов сообщал Шаховскому, что «Огни» хотят напечатать главы до 1901 г., но сначала их должны прочитать Б.Л. Модзалевский и А.А. Сиверс. В том же году это издательство прекратило работу, а 19 февраля 1923 г. было ликвидировано. Но Щеголев, по-видимому, не отказался от мысли напечатать мемуары Корнилова и в 1923 г. «взял записи..., чтобы... решить, можно ли их печатать...». И наконец 28 мая 1925 г. читаем в одном из писем: «Щеголев согласился печатать рукопись без изменений и вообще был очень мил и любезен». Но это решение, по извечной российской традиции, опоздало — 26 апреля 1925 г. А.А. Корнилов скончался.

В.И. Вернадский, находившийся во Франции, откликнулся на эту смерть большим письмом Шаховскому:

Bourg la Reine (Seine) 15.V.925
4 Rue des Chenux de fer

Дорогой Митя — сегодня совершенно неожиданно узнал от Анички о смерти Ади... Признаюсь, у меня даже явилось сомнение, верно ли это известие, т.к. оно не получило никакого отголоска в печати, к[ото]рая, впрочем из России не доходит сюда аккуратно. Но, может быть, печать ее и не отметила?

К смерти в нашем возрасте и в наше время относишься иначе, чем относился раньше. Для меня, к[ото]рый сейчас очень углубился в изучение живого и опять охвачен философским и религиозным исканием, смерть не является ужасом и я к ней отношусь с еще большим спокойствием, чем относился раньше. Но это отношение не безразличие и я очень хотел бы иметь известия о его болезни, как он умер, сохранил ли сознание, знал ли о ее наступлении, страдал ли? Что Талочка и Екат[ерина] Антип[овна]? Сообщи все, что можешь.

В последние недели хотел узнать его адрес — я знал, что он переехал на свою прежнюю квартиру — но так и не дождался адреса, чтобы написать ему.

Переписка как-то замолкла в трудных условиях жизни и в трудности выразить, что хочешь, с уверенностью или с большими шансами, что письмо при этом дойдет. Но я вполне понимаю, что отказываться от нее было слабостью — одной из многих слабостей нашей жизни...

Круг близких, дорогих близких братьев все более сжимается и остается нас совсем немного — и мы в разброде, каждый в своих идейных исканиях, но на своем жизненном посту, замираем единицами, не как целое... Была ли ошибка в нашей молодой конструкции? Явились ли мы раньше времени? Не хватило ли смелости мысли? волевого хотения?

Понемногу, когда уходили из жизни дорогие, близкие люди — Шура, Федор — когда жизнь совершенно изменила окружающее — все же мы чувствовали, что моральные — и идейные — основы нашего жизненного пути остались нетронутыми и мы им не изменили, но шли, однако, к ним *отдельно*, а не *вместе*. Наш кружок — теперь кружок стариков — доживал — но не жил общей жизнью. И сейчас смерть Ади, к[ото]рого болезнь давно уже оторвала от гущи жизни, очень ярко ставит передо мной те же мысли.

А между тем для меня является все более и более ясным будущее и большое некоторых из тех идей, к[ото]рые были нашей спайкой: примат морали и отрицание средств действия, противоречащих ей, уважение к человеческой личности и свобода, в разной форме религиозное искание — и сознание — при этой широкой нравственной атмосфере — первостепенного значения научного искания, научного творчества, ничем не ограниченного и не могущего быть ограниченным, искание нового строя жизни в подьеме семьи и свободной личности, ее высоте... Я думаю — во многом из этого таится будущее и может быть не напрасно прошли наши жизни, хотя мы не сумели дать им форму яркого выражения и как-то сами скрылись — в нашем единении — в гуще жизни.

Мы коснулись правды, остались ей верны — но поднять ее и внести в жизнь в нашем составе не смогли.

Новые поколения подойдут к тому же с большей смелостью и с большей решимостью...

Жизнь идет и все меньше остается личных связей с будущим; связи в прошлом — в ушедших. Из моей семьи — я остался один. И из дорогого кружка друзей остались осколки.

А наши дети при их нетронутости в чистоте их личностей едва сохраняют отпечатки нашей духовной близости...

Конечно, в этом мы вольны были сами, когда убедились в невыполнимости *нами* той формы жизни, которую мы создать — слабо правда — пытались, когда мы фактически ее оставили замирать.

Аде, мне кажется, пришлось пройти больше тяжелого, чем пока пришлось испытать нам оставшимся. Меня всегда страшило — впрочем, это не то слово, т.к. *страха* я не испытывал — охват той медленной смерти, теряя возможность полного духовного проявления своей личности, которую я видел так близко и тяжело на моем отце и к которой так близко подошел Адя...

Не знаю, как сложится моя дальнейшая судьба — но мне иногда сейчас хочется перед своим земным концом — дать в яркой форме те мысли и искания, касающиеся вечных вопросов бытия, которые сложились в моей долгой духовной жизни и начинают сейчас выливаться в ясные формы. Благодаря этой работе мысли я чувствую эти годы странным образом — как бы вторую молодость, связанную с большим спокойствием к жизни и к смерти и с все увеличивающимся чувством бесконечности мига жизни и связи своей со всем живым. Не

знаю, решусь ли я изложить эти всегда идущие во мне достижения или так же, как в братском строении нашей молодости, и я в этой работе мысли и интуиции, как мы все в свое время в идее братства — остановлюсь перед осуществлением в жизни ощущаемого в мысли как должное...

Я знаю, что Адя в последние годы стал ближе подходить к религиозным вопросам, в которые раньше он не проникал глубоко. Но уже силы его угасали и не знаю, смог ли он что-нибудь сделать или все осталось не высказанным...

Очень часто думаю о Тебе, мой дорогой, хотя ни разу не писал Тебе. Сейчас я все время в работе и в большом подъеме мысли — но успеваю сделать ничтожно мало по сравнению с тем, что было бы нужно и что хотел бы.

Что Наташа и Аня? Ты теперь дедушка? Я думаю, что это гораздо более глубокое достижение, чем обычно считается — так как мы миг в цепи поколений и часть нас переходит только в потомстве.

Горячо и нежно Тебя, мой дорогой, обнимаю. Твой Владимир.

Что Иван и Маша — о них давно не имели известий. Наш горячий привет тебе и Анне Ник[олаевне].²

Старые друзья Корнилова, прежде всего тот же Шаховской, с одной стороны, пытались облегчить материальные условия жизни его семьи, а с другой, стремились сохранить память о друге. В одном из писем Шаховского читаем:

Есть ли у нас список писаний Ади? Пишет ли о нем, написал ли о нем Пресняков? Независимо от нашего перед Адей долга чрезвычайно важно было бы для русской исторической науки и для назидания подрастающего поколения закрепить сделанное Адей — в частности — по русской истории. Ведь это самое лучшее, что у нас есть в этой области и надо непременно облегчить всячески использование этого для поколения, к[ото]рое без сознательного понимания пройденного Россией за последние 100 лет пути будет жалким болтуном и тягостным для себя и для других грузом.³

Как целостный текст «Воспоминания» Корнилова сохранились как минимум в двух экземплярах⁴ — в семье А.А. — у его дочери Натальи Александровны (машинопись) и в личном фонде В.И. Вернадского в Архиве АН СССР (Ф.518. Оп.5. Д.68, рукопись). Машинописный фрагмент воспоминания (до 1883) находится и в личном фонде историка в ЦГАОР СССР (Ф.5102. Оп.1. Д.93) — том самом «фонде», который своим суще-

² ЛО ААН СССР. Ф.726. Оп.2. Д.334. Л.23-26 об. Копия, сделана Шаховским.

³ ЦГАОР СССР. Ф.5102. Оп.1. Д.1297. Л.3.

⁴ «Как минимум два» — ибо известно, что в сентябре 1930 В.И. Вернадский послал вдове Корнилова «бумагу для 4-х копий» (ЦГАОР СССР. Ф.5102. Оп.1. Д.1149. Л.3).

ствованием «обязан» обыску в квартире Корниловых в начале 30-х годов: все «арестованные» бумаги поступили после соответствующей проверки в так называемый «исторический архив» НКВД-МВД, чье «собрание» было влито в начале 60-х годов в состав ЦГАОР (заметим, что аналогично «происхождение» в этом архиве и ряда материалов Г.В. и В.И. Вернадских, Д.И. Шаховского).

Текст, публикуемый в настоящем издании, получен нами в конце марта 1990 г. от Наталии Александровны Корниловой — Талочки, дочери А.А. Корнилова. Через месяц — 22 апреля 1990 г. — она скончалась.

Воспоминания насчитывают 617 машинописных листов. Для публикации нами отобраны главы, образующие самостоятельный, логично заверченный эпизод «сибириады» А.А. Корнилова.

* * *

НАЗНАЧЕНИЕ В СИБИРЬ. ИРКУТСКАЯ ГОСТИНИЦА ДЕКО.
НАЧАЛЬНИК КРАЯ А.Д. ГОРЕМЫКИН. И.П. МОЛЛЕРИУС.
Е.А. СМИРНОВ. ИНТЕРЕСНЫЙ РАЗГОВОР С ГОРЕМЫКИНЫМ
ИЗ-ЗА МОЕГО МЕСТА.

В феврале 1894 г. состоялось мое назначение в Сибирь и мне предстояло, получив прогоны и подъемные, тронуться довольно скоро в дальний путь.

Сдав свою библиотеку для перевозки в Иркутск транспортной конторе Второвых, сам я отправился налегке, с одним легким большим чемоданом, да с подушкой, завернутою в плед. Выехал я из Петербурга 4 марта и, пробыв 3 дня в Москве у Вернадских¹, отправился 8 числа в Иркутск. Путь в Иркутск в то время был далекий и не особенно легкий: железнодорожное сообщение открыто было только до Челябинска; от Челябинска до Кургана возили по неоткрытой еще линии едущих по служебной надобности в товарных вагонах. Переезд этот, составлявший менее 300 верст, потребовал однако ровно сутки езды. По совету Л.Ф. Пантелеева², хорошо знакомого с сибирскими порядками, в Кургане я заехал к исправнику, чтобы взять у него подорожную на пользование лошадьми по казенной надобности. Исправник этот принял меня весьма любезно и охотно выдал мне просимую у него бумагу. Но тут же посоветовал ехать не по казенному тракту, через Петропавловск, а по коммерческому, через Тюкалинск. «Здесь, — сказал он, — вас повезут от дружка к дружку, по веревочке, по казенному тракту вам следовало бы платить за тройку лошадей по

4¹/₂ коп. с версты, да на чай еще давать ямщикам. А тут, если вы объявите, что будете платить по пятаку с тройки, так вас будут мчать сломя голову». Мне именно хотелось попробовать этой бешеной езды «сломя голову», которой славились еще тогда ямщики на сибирских трактах, и я послушался исправника. И не раскаялся. От Кургана до Ишима 305 верст, т.е. больше чем от Челябинска до Кургана, проехал же я это расстояние в сутки и 1 час. Ехал я по гладкой, как скатерть, санной дороге, лежа в просторных сибирских саях, на купленной мною в Кургане кошме. Мороз ночью достигал -20°, но я был в хорошей енотовой шубе и в теплых валенках. Лишь на одной остановке пробыл я около часу, найдя там готовый суп из курицы, которым и пообедал; да раза два пил чай по получасу. На остальных станциях перепряжка лошадей и перегрузка моего тощего багажа брала обыкновенно не более 10 минут. Правда, я, сверх условленного пятачка с тройки и с версты, платил и тут ямщикам на чай, от 20 до 50 копеек, смотря по скорости их езды. Помню, особенно поразил меня один ямщик, который, запрягши вместо тройки четверку, попросил у меня разрешения промчать меня вместо одной две станции — правда, короткие, верст по 18-ти, так что в сумме весь перегон составил 36 верст. Этот перегон он действительно промчал меня в 1 ч. 45 минут, ни разу при том не ударив лошадей. Усевшись на козла и перекрестившись, он только гаркнул: «Ух, с горки на горку, даст барин на водку!» — и лошади его сразу понеслись, как оглашенные.

Есть, несомненно, своя поэзия в этой быстрой езде по гладкой снежной равнине и я с удовольствием мчался по ней, вдыхая свежий морозный воздух.

Из Челябинска в Иркутск предстояло мне всего проехать на лошадях почти ровно 3000 верст, но я этим тогда не удовольствовался и своротил из Канска на Барнаул, где тогда находился брат моей невесты, с которым я обещал ей познакомиться. Это прибавило мне лишних 600 верст, которые казались мне тогда пустяком.

Однако заезд этот оказался сопряженным с некоторыми неудобствами. За Канском кончилась хорошая дорога и наступила оттепель. Возили еще на саях, но уже по отвратительной дороге, с ухабами и зазорами, причем однажды ночью, среди дремучего леса, угораздило моего ямщика въехать в такую зажору, из которой, как он ни бился, лошади его не могли взять. Тогда он, наконец, объявил мне, что отпряжет пристяжную и поедет на ней в ближайшую деревню за подмогой. Мне ничего не оставалось, как согласиться, хотя, признаюсь, оставаться одному глубокою но-

чью, среди темного леса, в этой стране, где встречались на каждом шагу ссыльно-поселенцы, мне было жутковато. И промелькнула даже мысль, уж не нарочно ли ямщик мой устроил всю эту историю, и не за грабителями ли он поехал теперь. Делать однако было нечего; и я переменил только свое положение из лежачего на сидячее и, вынув револьвер, положил руку на курок и стал в таком положении поджидать событий. Ямщик мой отсутствовал долго, более часа. Но тревога моя оказалась напрасною: явившись часа через полтора с двумя крестьянами — все трое верхами — они припрягли своих лошадей и вытащили наконец мои нетяжелые сани из зажоры.

В Барнауле я пробыл тогда один только день и ни с кем, кроме брата своей невесты, не видался. Выехав затем снова на главный тракт и переночевав и проведя часть дня в Томске, я вновь с такою же быстротою отправился в Красноярск, где санная дорога окончательно уже прекратилась и где мне пришлось испытать впервые всю прелесть зимнего колесного пути. Путь этот людям, не имеющим своего «проходного» транспорта, приходилось совершать в так называемых почтовых повозках, настолько широких, что мне случалось впоследствии езжать в них втроем, лежа рядом. В этот же раз, когда я ехал один со своим чемоданом, мне приходилось нередко прыгать вместе с ним по повозке — особенно в тех случаях, когда ямщики не клали в повозку достаточно сена. А один раз пришлось и опрокинуться в канаву, что было ночью, во время сна и о чем я узнал уже лежа в канаве и держа в объятиях свой чемодан. К счастью, случай этот не имел для меня дурных последствий. Расстояние между Красноярском и Иркутском, ровно в 1000 верст, я проехал в 4^{1/2} дня, что для плохой колесной дороги считалось весьма быстрым.

Вообще же весь путь на лошадях от Кургана до Иркутска, составивший со сделанным мною заездом в Барнаул 3600 верст, я проехал ровно в 17 дней, так что, когда я предстал в Иркутске перед правителем генерал-губернаторской канцелярии Моллерисом³, извещенным по телеграфу о дне моего выезда из Москвы, то он был крайне изумлен быстротою моего прибытия.

В Иркутск я приехал 1 апреля 1894 г. Ангара была при этом настолько уже ненадежна, что ямщики не взялись меня перевозить через нее ночью, и я должен был дожидаться на последней станции утра. И, действительно, на следующий день после моего прибытия, она уже вскрылась.

В Иркутске я остановился в лучшей тогдашней гостинице Деко, впрочем, довольно грязной. Была распутица в полном ходу и город Иркутск сразу же поразил меня необыкновенной грязью сво-

их немощенных улиц. Безнаказанно можно было пройти по деревянным его тротуарам лишь до ближайшего угла, а там уже человеку, желающему сохранить некоторую чистоту ног, приходилось брать извозчика, которые, к счастью, были не дороги.

На другой же день по приезде я отправился к Талиным родным⁴, которым она, ничего не сообщая о наших отношениях, рекомендовала меня в письме, посланном ею со мною, лишь как большого своего друга. Вместе с письмом я передал им посланный ею же ящик с апельсинами (в 100 штук), долженствовавший произвести некоторую сенсацию, так как апельсины в то время считались в Иркутске большою редкостью и продавались от 80 к. до 1 р. за штуку. Мать Тали сразу отнеслась ко мне чрезвычайно радушно, и я был позван в тот же день к ним обедать, причем меня угостили любимым сибирским блюдом — пельменями в разных видах. С младшею сестрой Тали Катей⁵ я познакомился еще в Петербурге, так как она в тот год поступила уже на курсы. В Иркутске же я познакомился и со среднею сестрою — домовитой Машей, которая была главной помощницей матери по хозяйству и ввиду болезненности матери являлась в сущности даже и почти полною хозяйкою дома. С ней я довольно быстро сошелся и она, кажется, очень скоро поняла из разговоров со мною истинный смысл моих отношений к Тале, о которых однако же прямо мне было запрещено говорить.

На другой день по приезде в Иркутск отправился я представляться главному начальнику края, генералу от инфантерии Александру Дмитриевичу Горемыкину⁶. Это первое свидание с ним осталось мне хорошо памятным. Помню, что так как у меня не было мундира, то я представлялся во фраке, чем возбудил некоторые скептические замечания со стороны своих новых сослуживцев, которые полагали, что «генералу» это не понравится. Но «генерал» не обратил на этот раз на мою одежду никакого внимания. Мне очень недолго пришлось ждать его в приемной и почти вслед за докладом обо мне дежурного адъютанта дверь из кабинета отворилась и из нее вышел плотный генерал, небольшого роста, с умным лицом и не старый еще на вид. Выслушав мое официальное представление, он, радушно протянув мне руку, сказал, что не ожидал меня так скоро видеть, и поблагодарил за скорый приезд, сообщив, что в канцелярии дел по крестьянской части накопилось много. Затем он взял меня под руку и стал ходить со мною по приемной, в которой, кроме дежурного адъютанта, никого не было, расспрашивая меня о прежней моей службе. Услышав от меня, что я уже почти два года находился в отставке и занимался помощью голодавшим крестьянам⁷, он заявил мне, что это обстоятельство

увеличивает мою цену в его глазах, так как я в своей продовольственной деятельности, несомненно, много сталкивался с земскими людьми и с порядками земской России, которые очень его интересуют. Что же касается деятельности моей по крестьянскому делу в Царстве Польском⁸, то он сказал мне, что видит во мне, вследствие этой моей деятельности, как бы своего старого сослуживца, так как он сам когда-то, при первом своем переходе от чисто-военной к административной деятельности, был короткое время комиссаром по крестьянским делам в Царстве Польском, а затем председательствовал года полтора в комиссии по крестьянским делам Варшавской губернии, откуда и получил первое свое назначение в губернаторы Подольской губернии. Затем словоохотливый генерал тут же рассказал мне, как он, прослужив четыре года губернатором и не ужившись с новым тогдашним генерал-губернатором киевским, Дундуковым-Корсаковым, опять вернулся в военное ведомство, причем был назначен начальником штаба Одесского военного округа при графе Коцебу, а после того долго командовал одною из расположенных в Одессе дивизий, причем «имел честь», как он выразился, познакомиться и с отцом моим⁹, в бытность его управляющим канцелярией одесского генерал-губернатора. «Прослужив в Одессе почти 20 лет, — повествовал далее Горемыкин, — я получил, наконец, назначение в корпусные командиры, но не успел принять корпуса, как получил новое, неожиданное для меня назначение на настоящую мою должность иркутского генерал-губернатора, в каковой и нахожусь вот уже пять лет. Уверен, — прибавил он в заключение, — что мы с Вами сойдемся».

После этого весьма радушного приема, рассказанного мною тотчас же Смирнову¹⁰, который оказался милым и простым человеком и с которым мы быстро сблизились, оба мы были уверены, что все пойдет в служебном отношении и далее у меня, как по маслу. Смирнов собирался через месяц уехать и понемногу сдавал мне свою должность. Как вдруг в один прекрасный день правитель канцелярии И.П. Моллериус, пригласив меня к себе в кабинет, заявил мне со смущенным видом, что намеченное назначение мое в делопроизводители канцелярии по крестьянской части не может, к сожалению, состояться, так как генерал-губернатор вынужден предоставить это место состоящему при нем чиновнику особых поручений Д.В. Безобразову, мне же предлагает место чиновника особых поручений. Я был очень озадачен таким предложением и тут же заявил Моллериусу, что, конечно, я не имею возможности настоять на назначении меня в должность делопроизводителя, но так как я решился приехать в Иркутск для занятия

крестьянскими делами, то прошу лучше оставить меня в ныне занимаемой мною должности помощника делопроизводителя крестьянского отделения, впредь до приискания мною других подходящих для меня занятий. В тот же день я был потребован к генерал-губернатору, который в присутствии Моллериуса повторил мне то же, что и он, но при этом объяснил и причину, вынуждавшую его назначить Безобразова делопроизводителем. Оказалось, что Безобразов сделал на днях предложение его племяннице; по закону же чиновник особых поручений, равно, как и правители канцелярии, не могут состоять в родстве с генерал-губернатором, а остальные чины канцелярии — могут. «Я, — прибавил генерал-губернатор, — никою так не хотел бы иметь своим сотрудником по крестьянскому делу, как Вас, но что же прикажете мне делать с Безобразовым?» Поблагодарив начальство за откровенное объяснение, я со своей стороны просил разрешения объясниться с ним совершенно откровенно и тут же заявил ему, что пошел на службу в Сибирь, интересуясь исключительно крестьянскими и переселенческими делами, и что поэтому прошу оставить меня в ныне занимаемой мною должности, тем более, что никаких карьерных соображений я не питаю; предлагаемой же мне должности чиновника особых поручений никак не могу принять ввиду полной неопределенности занятий, с нею связанных, и особого характера личных услуг, которые с нею соединяются.

Услышав эту последнюю фразу, Моллериус, как мне показалось, даже подпрыгнул на своем стуле, а Горемыкин, ходивший до тех пор по кабинету, круто повернулся и покраснев затылком, что было в нем признаком особого волнения, как я потом не раз мог наблюдать, видимо что-то хотел мне сказать, но остановился. И затем, помолчав с минуту, он сказал:

«Да, вот что Вас останавливает! Но ведь характер должности чиновников особых поручений всецело зависит от меня, и я их всегда употребляю сообразно их способностям: одни из них заняты дежурствами и личными при мне услугами, как Вы изволите выражаться, другие же заняты бывают исключительно серьезными поручениями, возлагаемыми на них по службе. И в частности Вам я имел в виду поручать главным образом именно крестьянские дела. Я могу Вам даже это торжественно обещать теперь».

«Покорнейше благодарю, Ваше Высокопревосходительство, — ответил я, — но ведь люди не вечны, и сегодня Вы изволите занимать пост генерал-губернатора, а завтра это может быть другое лицо, которое, увидя меня в списке чиновников особых поручений, может возложить на меня поручение, совершенно не согласное с моими взглядами и убеждениями».

«Однако, Вы не из сговорчивых, — возразил Горемыкин, — но в таком случае я предлагаю Вам следующее: приказом моим по канцелярии Вы будете назначены чиновником особых при мне поручений, с откомандированием Вас в канцелярию для заведования в ней совместно с делопроизводителем 4-го делопроизводства, крестьянскими и переселенческими делами, а чтобы гарантировать Вас на случай моей смерти или внезапного перевода, я согласен оставить занимаемую Вами ныне должность вакантной и дать Вам приказ об обратном переводе Вашем в помощники делопроизводителя, который Вы и можете иметь в кармане на всякий случай».

Против этого последнего предложения генерал-губернатора возразил Моллериус, указавший, что в результате у нас будет одним чиновником меньше и что от этого может выйти затруднение в делах канцелярии.

Тогда я, смущенный очевидной готовностью Горемыкина идти на уступки мне, решился заявить, что согласен принять назначение чиновником особых поручений, раз в самом приказе будет упомянуто об откомандировании моем в канцелярию для занятия крестьянскими и переселенческими делами.

Выйдя после того от генерал-губернатора вместе со мною, Моллериус не преминул мне заметить, что ему в первый раз приходится присутствовать при разговоре генерал-губернатора со столь непокладистым подчиненным и что он удивляется сдержанности и особому благорасположению ко мне генерал-губернатора. Что же касается самого Горемыкина, то, к чести его, я должен отметить, что независимость и прямота моего поведения произвела на него, видимо, хорошее впечатление. И я с тех пор завоевал особое его уважение, которым потом пользовался неизменно.

РАЗДЕЛ ДЕЛ С БЕЗОБРАЗОВЫМ. ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ. ИХ НАДЕЛ ЗЕМЛЕЙ. ЗЕМЕЛЬНОЕ ДЕЛО. ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В ГОЛОДНЫЕ ГОДА. ПЛОХОЕ ВЕДЕНИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО ДЕЛА МИНИСТЕРСТВОМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ.

С Безобразовым мы вскоре благополучно размежевались в заведовании делами 4-го делопроизводства. Он взял на себя заведование административными крестьянскими делами, которые меня гораздо менее интересовали; я же взял на себя заведование всеми поземельными и переселенческими делами. Заведование этими делами выражалось собственно в докладах по этим делам генерал-губернатору. Доклады эти делались раз в неделю по каждому

делопроизводству делопроизводителями (и в том числе и мною) лично, в присутствии лишь правителя канцелярии, который сам ничего не докладывал, а лишь выражал по выслушании доклада свое мнение или заключение, после которого генерал-губернатор постановлял по делу свое решение, иногда в форме письменной резолюции, иногда же в форме словесного распоряжения. И то, и другое должно было быть исполнено канцелярией к следующему докладу (за исключением экстренных дел) в виде бумаги, заготавливаемой от имени генерал-губернатора к соответствующему лицу или учреждению.

В то время земельными делами в крае, выражавшимися главным образом в виде заготовления и отвода переселенцам особых для них участков, заведовали двоякого рода учреждения: дело заготовления участков производилось чинами Министерства земледелия и государственных имуществ, сформированными в особые межевые отряды; каждый такой отряд находился под начальством особого старшего производителя работ и состоял из двух производителей работ, одного помощника и ряда топографов. В Иркутской и Енисейской губерниях, подчиненных иркутскому генерал-губернатору, работало два таких отряда: один под начальством А.Н. Ушакова¹¹ (бывшего впоследствии членом I Государственной Думы), другой под начальством г. Востросаблина. Хотя отряды эти подчинены были непосредственно департаменту земельных имуществ, во главе которого в то время стоял очень порядочный человек И.И. Тихеев¹², но все же в деятельности своей отряды эти находились под контролем генерал-губернатора и обязаны были подчиняться его указаниям.

Самое же дело отвода переселенцам заготовленных им участков и забота об устройстве переселенцев на них лежала на четырех чиновниках особых поручений по переселенческим делам, состоявших в полном распоряжении генерал-губернатора. Кроме того, эти чиновники являлись также и членами особых комиссий по приему заготовленных участков, состоявших под председательством вышеупомянутых старших производителей работ.

Дело образования переселенческих участков затрагивало, конечно, также и интересы старожилов крестьян, так как в состав этих участков они могли включать также и разбросанные и далеко отстоящие от старожильческих селений пашни и различного рода угодья этих крестьян, под известными, конечно, условиями. Простекавшие отсюда неудовольствия и жалобы подлежали в конце концов разрешению генерал-губернатора.

Равным образом окончательному рассмотрению генерал-губернатора, в порядке апелляционной инстанции над губернскими

и областным управлениями, подлежали также и все граничные споры между старожилами-крестьянами, казаками и инородцами в Иркутской и Енисейской губерниях и Якутской области.

Но самым важным и основным вопросом являлась в сфере генерал-губернаторского управления разрабатывавшаяся в то время общая поземельная реформа, действие которой должно было распространиться на четыре сибирских губернии, Тобольскую, Томскую, Енисейскую и Иркутскую. Дело в том, что поземельное устройство сибирских крестьян и инородцев в то время еще не было начато. В 1886 г. на Восточную Сибирь было распространено общее положение о крестьянах лишь в одном только административном отношении, причем обязанности мировых посредников были возложены на местных полицейских чинов — земских заседателей (становых приставов). В поземельном же отношении сибирские крестьяне были вовсе устроены и находились в том положении, в каком были вообще государственные крестьяне в России до графа Киселева¹³. Они находились даже в заведовании местных казенных палат, ибо особых управлений государственными имуществами в Сибири введено не было. Конечно, благодаря сибирскому многоземелью, быт их от этого не страдал, ибо они могли пахать и возделывать казенную свободную землю где и сколько хотели. Но с развитием переселенческого движения, когда [перед] правительством серьезно встала забота об устройстве переселенцев на новых местах, то старожилым крестьянам во многих случаях приходилось потесниться. И хотя в этих случаях начальство принимало в расчет установленную еще в конце XVIII века норму наделения казенных крестьян в многоземельных губерниях по 15 десятин на душу, однако, ввиду крайней раскиданности разработанных крестьянами пашен и лугов и при наличии в крае частью огневой, подсечной, частью залежной системы полеводства, возникал вопрос о том, достаточна ли 15-десятинная пропорция, в которую зачислялись и все промежуточные невозделанные земли, чтобы обеспечить благосостояние местных крестьян. При существующих местных особенностях культуры, при ничтожной ценности невозделанных и находящихся под дремучим лесом так называемых таежных и урманых пространств и, наоборот, при высокой ценности труда и, следовательно, обработанных или завоеванных у тайги земельных участков, нередко сведение местных крестьян к установленной пятнадцатидесятичной норме казалось им, и не без основания, посягательством на их собственность, добытую тяжелым трудом.

В степных местностях Сибири, где у крестьян, и в особенности у инородцев, находившихся в полукочевом состоянии, разви-

то было значительное скотоводство и практиковалась залежная система обработки земли, 15-десятичная пропорция тем более во многих случаях могла оказываться неудовлетворительной.

При таких условиях, когда правительство признало необходимым приступить к земельной реформе в 80-х годах прошлого столетия, то под влиянием остережений, полученных им от местных начальств, признано было необходимым, прежде приступа к земельной реформе и даже прежде проектирования основных ее положений, приступить к подробному местному статистическому исследованию существующего землепользования и хозяйства местных крестьян. В Западной Сибири исследование это было совершено под руководством опытных и ученых статистиков: А.А. Кауфмана и г. Осипова¹⁴; в Иркутскую и Енисейскую губернии для организации этого дела, еще при предместнике Горемыкина, графе А.П. Игнатьеве¹⁵, были приглашены известные земские статистики Н.М. Астырев, Л.С. Личков и Е.А. Смирнов¹⁶, которые, прибыв в Иркутск в 1887 г., сумели быстро и мастерски сорганизовать и поставить это трудное дело благодаря превосходному подбору помощников и второстепенных работников из числа большею частью молодой местной сибирской интеллигенции. Ко времени моего прибытия в край, эта важная предварительная работа была уже блестящим образом закончена, и местная администрация обладала драгоценным статистическим материалом, выразившимся в толстом томе отлично разработанных статистико-экономических сведений по каждому из пяти уездов Иркутской и Енисейской губерний. Здесь следует сказать, что материал этот, собранный по прекрасно разработанным Астыревым, Личковым и Смирновым программам, охватывал всесторонне не только землепользование, но и весь культурно-хозяйственный быт местного крестьянства.

Ко времени моего прибытия в Министерстве земледелия и государственных имуществ был, наконец, составлен проект поземельного устройства сибирских крестьян, разработанный главным образом А.А. Кауфманом на основании статистических материалов, собранных в Тобольской и Томской губерниях. Проект этот поступил тогда на заключение иркутского генерал-губернатора в отношении применимости его к Иркутской и Енисейской губерниям. Он был получен в бытность Смирнова в Иркутске и подвергся с его стороны большой критике в отношении оснований, на которых предполагал он передать землю во владение крестьян. По проекту предполагалось сохранить за государством право верховной собственности на землю (*dominum directum*), крестьянам же предоставляемую им землю передать лишь в постоянное

пользование (*dominum uttile*) за определенный оброк. На этих именно основаниях в свое время утверждена была за казенными крестьянами их земля и в Европейской России, причем крестьяне представлялись таким образом как бы бессрочно обязанными по отношению к собственнику земли — государству.

Известно, что впоследствии, когда государству потребовались деньги для возмещения потерь, происшедших от понижения выкупных платежей бывших помещичьих крестьян, то правительство, пользуясь таким неопределенным положением бывших казенных крестьян, перевело их якобы на выкуп, утвердив земли их за ними в полную собственность, но произвольно повысив при этом лежавшие на них денежные повинности. Имея в виду этот пример, Смирнов и возражал против идеи сохранения в Сибири прав верховной собственности на землю за государством, причем он не без основания, конечно, указывал, что при наличии самодержавной и самовластной правительственной власти, владение крестьян отведенными им землями ничем не будет ограждено. Он указывал, что при этой системе даже и прочность границ отведенных крестьянам земель не может считаться гарантированной.

Для обсуждения присланного из Петербурга проекта Горемыкин собрал большое совещание, в состав которого, кроме нас, ближайших его сотрудников, вошли также местный губернатор К.Н. Светлицкий, управляющий казенной палатой И.Л. Лавров, оба старшие производители работ по отводу переселенческих участков Ушаков и Востросаблин, чиновники по переселенческим делам Н.Г. Козлов, А.И. Орлинский и Н.А. Степанов, два местных податных инспектора и некоторые из прежних статистиков, участвовавших в исследовании землепользования крестьян.

В этом совещании я разошелся во мнении с Е.А. Смирновым и поддерживал мнение Кауфмана, выраженное в проекте. Тайным моим соображением, которое я не мог, конечно, высказать вслух в официальном совещании, была мысль, что самодержавие доживает, быть может, свои последние годы в России, а между тем, раз мы откажемся от идеи верховной государственной собственности на землю, то вернуться к этой идее впоследствии будет в высшей степени затруднительно, если не невозможно. Сам генерал-губернатор горячо поддержал идею необходимости сохранения верховной собственности на землю за государством, и на стороне ее оказалось большинство членов совещания. И хотя Е.А. Смирнов и впоследствии, в петербургских совещаниях, в которых мне пришлось участвовать, продолжал упорно отстаивать свою мысль, но и там это ему не удалось.

В дальнейшем обсуждении проекта основным вопросом явился вопрос о нормах землевладения, причем здесь мы считали необходимым значительно повысить основную 15-десятинную норму, особенно для степных местностей, и в некоторых случаях доводили ее, помнится, до 25 десятин. Сверх того повсеместно мы предполагали прибавить к основному крестьянскому наделу по 3 десятины на прибылое население, а в местностях таежных отвести еще трехдесятинные лесные наделы.

Большие споры неожиданно вызвал вопрос о счете душ, на которые должен отводиться надел, ибо некоторые члены совещания, в том числе, помнится, и сам Горемыкин, довольно долго отставляли мысль, что к учету должны приниматься лишь ревизские души, а не наличные. При помощи собранных статистических данных, однако, его удалось убедить в необходимости счета наличного населения, какое будет в каждом устраиваемом селении к моменту его устройства. Дополнительной важной гарантией ненарушимости существующего благосостояния населения служило в наших глазах правило, что при желании каждое общество может удержать за собой часть предположенных к отрезу земель или и все такие земли, лишь с обязательством допринять на них недостающее число душ в определенный срок. Таковы были эти основные положения проектируемого поземельного устройства сибирских крестьян. Вскоре, как будет видно из дальнейшего изложения, мне пришлось принять участие и в дальнейшем рассмотрении этого дела в Петербурге.

Что касается переселенческого движения, то важнейшим вопросом в этом отношении являлся в то время вопрос об устройстве так называемых «самовольных» переселенцев, которые составляли в то время огромное большинство всех двигавшихся в Сибирь переселенцев. Переселенческое дело и законодательство по переселенческому вопросу являлось делом сравнительно новым. До освобождения крестьян в Сибирь могли более или менее свободно переселяться, конечно, одни лишь казенные крестьяне; помещики же пользовались лишь правом ссылать наиболее непокорных и порочных из подвластных им крестьян. Со времени освобождения крестьян, и в особенности с переходом значительной их части на выкуп, стало развиваться также и самочинное переселение бывших помещичьих крестьян. Однако же правительство, долго смотревшее на этот вопрос исключительно с точки зрения дворянских интересов, которые, как казалось ему, могли серьезно пострадать от усиленного переселения, грозившего создать недостаток рабочих рук, нужных помещикам, относилось к делу переселения вполне отрицательно. Когда же усиливавшееся и разви-

вавшееся с каждым годом самовольное переселение крестьян под влиянием недостаточности отведенных им на родине наделов дало особенно сильно себя почувствовать к концу семидесятых годов, то правительство подвергло этот важный вопрос обсуждению созданных при Н.П. Игнатьеве¹⁷ в особое совещание так называемых «сведущих лиц», из числа «главным образом земских гласных и общественных деятелей». На обсуждение этого совещания переданы были только что выработанные в то время, по соглашению с министрами внутренних дел, государственных имуществ и финансов, секретные правила о переселенцах 10 июня 1881 г. Правилами этими признавалось желательным допускать переселение крестьян только с разрешения правительства, причем такие разрешения должны были выдаваться по соглашению министров внутренних дел и государственных имуществ, что создавало большую волокиту. Совещание «сведущих людей» сильно раскритиковало эти правила и признало, что переселенческое движение не должно подвергаться никакой регламентации, что переселения должны, наоборот, допускаться в том объеме, в каком они происходят и что правительством должны быть принимаемы только меры по отношению к устройству переселенцев на местах, без всякого, однако ж, стеснения их в выборе места переселения, что им должны быть предоставляемы известные льготы в уплате податей и повинностей и оказываемы, по мере возможности, пособия, как денежные, так и натуральные — последние, главным образом, в форме выдачи леса на постройку.

План этот не получил однако же утверждения, и правила 10 июня 1881 г. остались в силе, а переселенческое движение тем не менее продолжало по-прежнему совершаться в форме самовольных переселений. Правительству же и в эти годы приходилось мириться с этим фактом, и самовольные переселенцы, вопреки изданным правилам, не только не возвращались назад, но их и формально, в конце концов, приходилось устраивать на местах, иногда даже давая им, в виде исключения, известные льготы и ссуды.

В конце концов, в конце восьмидесятых годов, уже при полном разгаре реакции, в министерство гр.Д.А.Толстого¹⁸, пришлось-таки осуществить часть мер, рекомендованных в 1881 г. «сведущими людьми». 13 июля 1884 г. был опубликован проведенный через Государственный Совет особый закон о переселенцах, которым разрешение переселений было значительно облегчено. Разрешение переселений по этому закону давалось уже одним министерством внутренних дел, и притом самые переселения обставлялись очень значительными льготами: на первые три года и по

водворении переселенцы освобождались от всяких податей и воинской повинности, а в следующие три года подати взимались с них в половинном размере. Сверх того могли быть оказываемы им и различные денежные и натуральные пособия.

Когда начались голодные годы, то переселения из неурожайных местностей чрезвычайно усилились. Это обстоятельство вызвало специальный циркуляр министра внутренних дел И.Н. Дурново¹⁹, совершенно запрещающий всякое переселение в Сибирь и временно приостановивший действие закона 1889 г. Действие этого циркуляра оказалось однако же ничтожным, и никогда еще самовольное переселение в Сибирь не достигало таких размеров, как в 1892 г., когда число самовольных переселенцев, перешедших Урал, достигло 90 тысяч душ; и несмотря на суровые угрозы, заключающиеся в министерском циркуляре, насильственно возвращать таких переселенцев с пути, как бы далеко они ни зашли, самодержавному правительству Александра III и на этот раз не оставалось ничего другого, как сделать исключение в пользу нарушителей правительственной воли и приказать местным начальствам устроить этих самовольных переселенцев на избранных ими местах.

Такое распоряжение на этот раз последовало во исполнение представления специально командированного в тот год в Западную Сибирь сенатора князя Голицына²⁰.

До какой степени плохо работали в то время учреждения Министерства внутренних дел по выдаче разрешений на переселение, мне самому пришлось в этом убедиться в бытность мою в Петербурге вместе с генерал-губернатором в 1895 г. Однажды я был в земском отделе по какому-то делу и в приемной этого отдела встретил хорошо мне знакомого писателя-философа В.В. Лесевича²¹. Удивившись этой встрече, я спросил его, по какому он находится здесь поводу. На что получил раздраженный ответ, что он уже несколько часов сидит здесь и не может добиться чести быть принятым в этом «святылище», чтобы навести нужную ему справку. Оказалось, что он являлся в данном случае ходатаем за своих бывших крепостных крестьян, которые хлопотали о разрешении им переселения из Полтавской губернии в Минусинский уезд Енисейской губернии; предварительно они посылали туда своих ходоков, которые и выбрали для них подходящий участок в степной части Минусинского уезда. Я предложил Лесевичу свои услуги, чтобы ускорить выдачу ему просимой им справки, и каково же было мое изумление и негодование, когда я узнал, что переселенцам этим разрешено переселение г. министром, но вовсе не в Минусинский уезд, на избранный ими участок, а на какой-то иной

неизвестный им участок в Тобольской губернии. Когда я спросил подлежащего чиновника о причинах такого изменения, то тот немало не смущаясь, попросту заявил мне, что произошла, вероятно, ошибка, в данном случае, однако же, по его мнению, уже не поправимая, ибо последовало уже разрешение г. министра внутренних дел, изменить которое уже невозможно. Объявив Лесевичу этот печальный результат моей справки, я успокоил его, однако, обещанием добиться через своего генерал-губернатора пересмотра этого возмутительного дела. В самом деле, не возмутительный ли это факт? Крестьяне, с таким трудом идущие на исполнение затруднительных для них требований закона, в данном случае исполнили их благодаря вмешательству в дело интеллигентного человека, их бывшего помещика, снарядили в далекую Сибирь специальных ходоков, которые облюбовали для них определенный участок, указанный им местным начальством, и все это оказывается напрасным, благодаря небрежности или ошибке какого-то петербургского чиновника, который записал их совершенно на другой участок, в другой губернии, может быть, для них вовсе неподходящий! В данном случае ошибка эта была исправлена исключительно благодаря случайной встрече Лесевича со мной, ибо мне удалось-таки — правда, не без труда — убедить моего генерал-губернатора вмешаться в это, собственно не подлежащее его ведению дело, и заставить, благодаря особому письму его самому министру, пересмотреть это дело и разрешить крестьянам поселиться на избранном ими участке. Спустя несколько лет я имел удовольствие видеть это их новое поселение, действительно, великолепно выбранное и представлявшее собою уже довольно большое селение, с большими скирдами немолоченного хлеба, являвшимися запасом прошлого урожая, с хорошенькими и чистенькими малороссийскими домиками и с колодцами в виде журавлей, столь популярных на родной их Украине. И всего этого могло бы не быть, и напротив, могло бы последовать разорение несчастных крестьян, [если бы] не случайное, совершенно непредвиденное вмешательство двух живых людей в это канцелярское дело.

Вскоре, однако, благодаря открытию работ по постройке Сибирской железной дороги, взгляд правительства на переселенческое дело изменяется довольно существенно. Самый вопрос о переселениях изъимается фактически из непосредственного ведения Министерства внутренних дел и передается в особый комитет по постройке Сибирской железной дороги, где и рассматривается в особой комиссии о различных подготовительных предприятиях, связанных с постройкой этой железной дороги. Комиссия эта,

находившаяся под председательством весьма лукавого, но в то же время разумного человека, А.Н. Куломзина²², взглянула довольно правильно на переселенский вопрос, и, благодаря докладам этой комиссии, взгляд этот сообщился и самому председателю особого совещания наследнику престола Николаю Александровичу. Взгляд этот основывался на том соображении, что с одной стороны, развитие переселенческого движения никоим образом не могло отзываться дурно на состоянии сельского хозяйства в местах выхода переселенцев, ибо в годы наибольшего развития переселенческого движения число переселившихся в Сибирь лиц обоего пола не достигало даже 1/3 общего годового прироста населения европейской России. С другой же стороны, являлась совершенно очевидная необходимость приложить все старания к уплотнению населения Сибири, без чего и проводимый через Сибирь великий железнодорожный путь рисковал попасть в положение чересчур трудно обслуживаемого со стороны людского персонала, чересчур убыточного в хозяйственном отношении, ибо было очевидно, что дороге, проводимой по безлюдному краю, не пришлось бы перевозить почти никаких грузов, кроме одних лишь транзитных, которые никоим образом не могли оправдать понесенных на постройку этой железной дороги государством расходов.

С этих пор и до окончания постройки Сибирской железной дороги все меры законодательного характера, касавшиеся урегулирования переселенческого движения, проходят уже не через Государственный Совет, а через Комитет Сибирской железной дороги, который отпускает и весьма значительные по тому времени средства для финансирования различных предприятий, связанных с переселенческим делом. Так, благодаря постановлению этого комитета и на отпущенные им средства, образованы были в 1893 году особые межевые партии по заготовлению и отводу переселенческих участков. Так же точно из сумм Комитета Сибирской железной дороги отпускались значительные средства, с течением времени сильно возрастающие из года в год, на расходы по водворению переселенцев на местах и на вспомоществование им как в пути, так и на устройстве их на местах. Средства эти отпускались по сметам, составлявшимся на местах местными главными начальствами; затем рассматривались подготовительной комиссией при Комитете сибирской дороги под председательством Куломзина, и, наконец, утверждались в самом Особом Комитете.

Вскоре по приезде мне пришлось и лично войти в сношение с самими переселенцами, проходившими через Иркутск и направ-

лявшимися на Амур. В то время переселение на Амур было временно приостановлено ввиду начавшейся нашей и общеевропейской войны с Китаем. Но и независимо от этого официального воспрещения переселения на Амур, мне было ясно все неудобство этого переселения и все ожидавшие этих переселенцев невзгоды и разорения ввиду только что прочитанной мною официальной переписки об условиях водворения переселенцев в Приамурском и особенно в Нижнеуссурийском крае. Ввиду же начавшихся уже военных действий, я знал, что по Амуру на плотках — как в то время двигались переселенцы — их во всяком случае не пропустят и что, если они, не послушавшись меня, двинутся далее, то придется им зазимовать в Забайкалье, в самых неудобных для них условиях. Переселенцев этих — по большей части малороссиян из Черниговской и Полтавской губерний — скопилось несколько тысяч в Иркутске. Многие из них находились в пути по году и больше. И вот я старался убедить их, благо было еще не поздно, — это был конец июня или начало июля — отказаться от мысли о поселении на Амуре или на Уссури и водвориться вместо того у нас в Енисейской или в Иркутской губерниях, причем со своей стороны обещал им оказать в этом деле полное содействие. Я старался возможно рельефнее изобразить им при этом, как неудобства, представляемые для переселенцев Нижнеуссурийским краем, так и трудности дальнейшего их пути и неизбежность новой зимовки в самых неудобных условиях в Забайкалье. И обратно, рисовал им соблазнительные, мне казалось, для них картины привольных условий водворения переселенцев в Канском или Минусинском уездах. Много раз привелось посетить мне их в обширном переселенческом бараке под Иркутском, но как я ни старался их убедить, все мои старания оказались напрасны. И не мудрено, конечно, что эти несчастные измученные люди, столько раз испытывавшие на своем веку недобросовестность и легкомыслие чиновничьих указаний и разъяснений, не хотели поверить и в этом случае мне, чиновнику. Впоследствии, однако, они сильно в этом раскаялись, и на следующую весну мне привелось встретиться опять с огромным их большинством, в качестве обратных уже переселенцев, напрасно пропутешествовавших до Шилки и обратно. На этот раз еще более истомленные и натерпевшиеся невзгод, они уже лично ко мне относились с видимым доверием и от души ругали сами себя, что не послушались моих советов в прошлом году. Все они были водворены на вновь заготовленных переселенческих участках в Минусинском, Ачинском и Канском уездах Енисейской губернии.

СЪЕЗД СТАРШИН ДЛЯ УРАВНЕНИЯ ПОВИННОСТЕЙ. ПРИЕЗД
ТАЛИ. ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ РАБОТА. ОТКРЫТИЕ БЕСПЛАТНОЙ
ЧИТАЛЬНИ. ОБЩЕСТВО РАСПРОСТРАНЕНИЯ НАРОДНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ В ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ. НАУЧНЫЕ
ЧТЕНИЯ В ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ.

Несмотря на то, что заведование крестьянским делом в крае было поделено между мною и Безобразовым, как сказано выше, таким образом, что тогда как он заведовал административными крестьянскими делами, на мою долю приходились дела переселенческие и поземельные, мне однако же давались иной раз небезытересные для меня поручения также и в сфере дел безобразовского отдела. Так, в сентябре 1894 г. я был командирован для руководства назначенным в г. Иркутске на 29 ноября того же года съездом представителей от крестьянских волостей и инородческих ведомств Иркутского уезда по уравниению и упорядочению отбываемых населением подводной и дорожной повинностей. Дело это для крестьян и инородцев было чрезвычайно важное, а для меня в высшей степени интересное, почему и я принял с удовольствием возложенную на меня командировку. Такие съезды, имевшие место раз в 3 года, перед составлением общей сметы земских повинностей в крае, были заведены еще при гр. Игнатьеве по идее тех земских статистиков — Астырева и Смирнова — которые были тогда приглашены для обследования крестьянского землепользования и хозяйства в крае. Во время производства своего статистического исследования, статистики эти были поражены той неравномерностью в отбывании тяжелых дорожных и подводных повинностей, с какою отбывание это ложилось на различные селения и улусы в зависимости от их местоположения.

Вообще надо сказать, что натуральные повинности в Сибири по своей тяжести далеко превосходили весь размер денежных повинностей и оброков, лежавших на крестьянском населении. Самую тяжелою из этих повинностей, до постройки Сибирской железной дороги, была повинность по содержанию в порядке Большого сибирского тракта, лежавшая всецело на плечах населения огромных уездов, через которые тракт этот пролегал. Стараниями местного начальства тракт этот был приведен почти весь в состояние шоссированной дороги, о чем особенно позаботилось сибирское начальство перед проездом по этому тракту наследника-цесаревича в 1891 г. С тех пор содержание этого тракта в полном порядке стало одним из коньков главной сибирской администрации. Между тем по тракту этому в то время постоянно шли нескончаемые обозы, сильно его выбивавшие. И вот, для починки

этого тракта, ежегодно в июне месяце назначались огромные наряды крестьян, причем некоторым из них приходилось являться с телегами, лошадьми и инструментами иной раз за 400 верст и более и проводить на тракте за работой по несколько недель времени в самое дорогое для крестьянина время укоса травы.

Точно так же неравномерно падало на крестьян и инородцев и содержание подводной повинности, которая ложилась на них тем тяжелее, чем более проезжей являлась дорога, пролежавшая через данное селение.

Задачей съезда являлось, таким образом, вычисление размеров всех натуральных повинностей, ложившихся на то или другое селение данного уезда, с целью правильного разверстания этой тяжести между всеми селениями. При этом дело сводилось не к одной лишь механической раскладке повинности по числу душ, а к такой раскладке, при которой, по крайней мере до некоторой степени, принималось бы во внимание и общее экономическое положение каждого селения, то есть степень зажиточности его жителей и наличность особых промысловых условий. Съезд этот составлялся не только из представителей каждого волостного общества или инородческого ведомства; в нем принимали участие также все волостные старшины и инородческие головы со своими писарями, а также и все земские заседатели уезда и уездный исправник или его помощник. Руководителями таких съездов генерал-губернатор, не желая назначать местных исправников, назначал обыкновенно наиболее опытных и сведущих лиц из числа производителей работ по образованию переселенческих участков и из числа состоявших при нем переселенческих чиновников, из которых в то время многие принадлежали к числу прежних статистиков по исследованию крестьянского землепользования.

Таким образом, мое назначение было довольно необычно, ибо опытности в делах у меня еще не могло быть в то время, и свидетельствовало об особом доверии ко мне начальника края. Будучи, однако, назначен в сентябре для руководства съездом, который был созван лишь в конце ноября, я имел время хорошо подготовиться к исполнению этой своей обязанности. Между тем съезд этот, настоящий небольшой парламент, численностью своих членов далеко превышал размеры уездного земского собрания, так что я не без смущения занял в нем свое председательское место, когда он собрался в музее Восточно-Сибирского отдела Географического общества. Войти в роль руководителя этого съезда мне помогла, однако, не столько моя теоретическая подготовка к нему, сколько мой опыт в обращении с крестьянами и крестьянскими сходами, приобретенный мною как во времена мо-

его комиссарствования, так и за время моей продовольственной деятельности в голодающих местностях. Лишь благодаря этому опыту, я не смутился ужасным шумом, галдежом и беспорядком, с которыми мне приходилось бороться в этом собрании, ибо я давно знал, что чем больше дать крестьянам поспорить и прокричаться в подобных делах, задевающих глубокие их интересы, тем больше от такого бурного и беспорядочного по виду обсуждения получится в конце концов толку. Так и в данном случае, после бурного и шумного заседания первого дня съезда, собравшиеся представители волостей успели-таки договориться между собою и установить более или менее справедливые основы разверстки; а затем уже началась работа съехавшихся писарей, которым предстояло, применив эти основы к имевшимся у нас цифровым данным, вывести цифровое распределение повинности. Потом распределение это было мною детально проверено, при участии местного исправника и некоторых господ заседателей, и затем, в последний, третий день съезда, было без труда принято и одобрено съездом.

На этом съезде я имел возможность ближе познакомиться с лучшими представителями крестьянства Иркутского уезда и местного инородческого населения и должен сказать, что знакомство это было гораздо более в пользу культурности и толковитости сибирских крестьян, нежели припомнившиеся мне невольно в этом случае первые впечатления мои от знакомства с польскими крестьянами в Конском уезде, а равно и с крестьянами голодающих местностей Тамбовской и Тульской губерний. Особенно же хорошее впечатление произвел на меня личный состав волостных писарей, из числа которых многие выделялись своей интеллигентностью и порядочностью, а также и довольно независимым отношением своим к чинам земской полиции, являвшимся прямым их начальством. Надо сказать, что волостной писарь в крупных сибирских волостях является очень часто хорошо обеспеченным чиновником, которому богатое здешнее крестьянство не жалеет давать хорошее жалование, иногда в 2-3 тысячи рублей (золотом) и даже больше. Поэтому-то они, дорожа своим местом и в то же время будучи в состоянии существовать без всяких взяток и незаконных поборов, бывают очень часто вполне порядочными людьми. Приятно удивило меня также независимое отношение волостных старшин к земским заседателям, и хотя земского заседателя крестьяне обыкновенно называли здесь «баринном», но никакого низкопоклонства по отношению к нему не проявляли, а волостные старшины и другие более или менее почетные крестьяне при встречах здоровались с ним за руку. Таким же руко-

пожатием встречали, случалось впоследствии, и меня волостные начальники, во время производившихся мною ревизий волостей разных уездов.

Между тем летом 1894 г. приехала в Иркутск Таля по окончании Высших женских курсов, вместе с сестрой своей Катей, которая приехала тогда на каникулы. Я ездил их встречать до г. Канска, верст за 700 от Иркутска, для чего мне необходимо было взять отпуск на неделю. И помню я, как удивлялись и недоумевали по этому случаю и Моллериус, и сам Горемыкин, которым я не мог сообщить настоящей причины своего отъезда. Когда же дело объяснилось, и я перед свадьбой моей, совершившейся 17 октября того же 1894 г., должен был, наконец, объявить об этом генерал-губернатору, то он, отнесшись к моему заявлению с большим участием и дружелюбием, выразил надежду, что я наверное скоро познакомлю его и его жену, Елену Димитриевну, с своею супругою; на это я должен был отвечать, к новому его изумлению, что, к сожалению, буду лишен этой чести, так как я должен был, ввиду застенчивости своей невесты, дать ей обещание не принуждать ее ни к каким знакомствам с официальными лицами. Добродушный начальник мой отнесся, однако же, и к этому моему, не совсем ловкому заявлению с полным добросердечием, сказавши мне, впрочем, смеясь, что так как невеста моя состоит городской учительницей — а Таля в то время, действительно, поступила в городские учительницы, с целью исполнить лежавшее на ней обязательство, — то он, генерал-губернатор, в качестве попечителя учебного округа, имеет возможность с нею познакомиться, посетить ее школу. Это действительно он и исполнил вскоре после нашей свадьбы, к немалому смущению Тали. Впрочем и вообще нежелание Тали знакомиться с «высшими иркутскими сферами» не могло долго быть выдержанным, ибо, во-первых, жена Моллериуса, Анастасия Петровна, оказалась с нею уже знакомой, познакомившись с нею случайно на пароходе еще во время первого путешествия Тали в Петербург; а во-вторых, и Елена Димитриевна Горемыкина, женщина очень добрая и простая, так убедительно стала доказывать мне всю неловкость нашего положения и с таким добросердечием предлагала даже первая приехать познакомиться с Талей, что нам ничего не оставалось, как сделать визит Горемыкиным. И надо сказать, что мы в этом не имели основания раскаиваться, потому что за все семь лет моей службы в Сибири и А. Д., и Е. Д. Горемыкины все время были так к нам предупредительны и с такой деликатностью относились к застенчивости Тали, что мы могли и после лишь с удовольствием вспоминать наше с ними знакомство.

Таля, поступив в городские школьные учительницы, или вернее, вернувшись вновь в звание школьной учительницы, которою она была еще и раньше, до поступления на курсы, несмотря на тяжесть для нее этих обязанностей при слабом ее здоровье, все же не хотела ими ограничиваться. Ей хотелось тогда деятельно участвовать в различных общественных просветительных учреждениях Иркутска, которых и до нас существовало в Иркутске уже несколько и к числу которых скоро прибавилось два новых, при близком нашем участии. Старыми учреждениями были: Общество пособия учащимся Восточной Сибири и Комиссия для устройства народных чтений. Вновь устроены были тесным кружком лиц, в котором мы оба принимали близкое участие, бесплатная библиотека-читальня, открытая в память А.В. Потаниной²³, и Общество распространения образования в Иркутской губернии. Особенно деятельное участие Таля принимала в организации бесплатной библиотеки-читальни и устройстве народных чтений и музыкально-литературных утр, имевших огромных успех среди иркутского городского населения. В деле устройства народной библиотеки-читальни, наряду с нами, принимали большое участие: одна также окончившая высшие курсы учительница местного института Анастасия Александровна Белозерова, Нина Николаевна Заостровская, жена директора народных училищ Иркутской губернии, дочь местного богатого купца Екатерина Федосьевна Пахолкова, тоже бывшая курсистка, и один весьма оригинальный господин, бывший студент Медицинской академии, занимавшийся в Иркутске оспопрививанием и различного рода просветительной деятельностью, родной племянник известного доктора Н.А. Белоголового²⁴, В.А. Белоголовый, человек бесспорно хороший и честный, но с большими странностями и в высшей степени придиричивый. Благодаря его участию в этом деле, нам приходилось выдерживать с ним постоянные дебаты, однажды едва не закончившиеся серьезно ссорю между мной и им из-за грубостей, которые он наговорил А.А. Белозеровой.

Утверждения устава библиотеки-читальни мне удалось довольно скоро достигнуть благодаря хорошим моим отношениям с Горемыкиным и столь же скоро были закуплены и выписаны необходимые для нее книги при посредстве магазина Макушина, отделение которого в то время существовало в Иркутске под управлением В.М. Посохина. Для помещения бесплатной читальни городская дума отвела нам две большие комнаты в здании городской управы, но добиться разрешения именовать нашу бесплатную библиотеку-читальню именем А.В. Потаниной нам долго не удавалось. Зависело это разрешение от министра народного про-

свещения и представление об этом должно было идти через генерал-губернатора, как попечителя учебного округа. И в данном случае влияние мое на него оказывалось уже недостаточным, ибо он очень не симпатизировал Потанину, имя которого для него соединялось с идеями ненавистного ему сибирского сепаратизма²⁵. Я добился-таки, что он сделал соответствующее представление, но в такой сухой, чисто передаточной форме, которая не обещала нам ничего хорошего. Учреждение бесплатной библиотеки-читальни, видимо, отвечало назревшей потребности в книгах населения, так что вскоре нам пришлось расширить наше предприятие и открыть второе отделение читальни в наемном уже помещении, в более демократической части города, «на Горе». Здесь, впоследствии собравшись со средствами, построили мы на отведенном нам городом участке и собственное здание бесплатной библиотеки-читальни, которое уже вскоре вслед за сим украсилось и именем А.В. Потаниной.

Гораздо больше затруднений предстояло нам преодолеть в деле образования Общества попечения о распространении народного образования в Иркутской губернии. Здесь очень трудно было нам провести устав через учебный отдел Восточной Сибири. Хотя во главе этого отдела и стоял в качестве попечителя округа тот же Горемыкин, но всеми делами отдела фактически заведовал главный инспектор учебных заведений Восточной Сибири некто г. Татлин, человек в высшей степени реакционного образа мыслей. Не возражая в принципе против открытия такого общества, он стремился, однако же, свести по уставу все его функции к одному лишь сбору денег, распоряжение которыми должно было зависеть всецело от него, Татлина. Соответственные поправки он и старался ввести в наш проект устава. Собранное нами учредительное собрание уполномочило для ведения переговоров с Татлиным особую депутацию из трех лиц: Б.П. Шостаковича (управляющего отделением Сибирского банка), Н.С. Боголюбского (начальника горного округа в Иркутске)²⁶ и меня. Депутация эта, бесплодно потеряв два утра на убеждение Татлина, кончила тем, что, серьезно с ним побранившись, решила отложить дело до лучшего времени. К счастью, Татлин вскоре был переведен куда-то или вышел в отставку, и тогда уже, при заместителе его Дедове, дело об утверждении устава нашего общества получило, наконец, желательное движение.

Немало затруднений и палок в колеса вставляла нам администрация, заведовавшая делами народного просвещения в Иркутске и в деятельности нашей в комиссии народных чтений. Здесь главным нашим врагом являлся инспектор народных училищ го-

рода Иркутска г. Троцкий-Сенютович; это был уже настоящий мерзавец и доносчик, с которым у меня вскоре вышла история из-за того, что я не подал ему руки, когда он явился в качестве непрошеного соглядатая в заседание нашей комиссии, где я председательствовал. Я знаю, что Троцкий-Сенютович принес на меня тогда формальную жалобу Горемыкину, но Горемыкин, хорошо зная этого господина, не обратил на это дело ни малейшего внимания и даже ничего мне об этом не сказал тогда.

Вскоре, однако, по делам этой комиссии вышло у нас и более крупное недоразумение с учебным ведомством. Лица, выступавшие чтецами на публичных чтениях, должны были по закону быть утверждаемы в этом звании местной губернской властью, причем в самых правилах было указано, что без специального утверждения могут выступать на чтениях лица учебного и духовного ведомства. Однажды иркутский губернатор, которым в то время был уже Моллериус, отказал нам в утверждении чтецом одного контрольного чиновника, некоего г. Соломона. И когда я запросил И.П. Моллериуса письмом о причинах этого отказа, то он ответил мне письменно, что действовал в данном случае по соглашению с учебным отделом, каковой отдел обратил его внимание на существование особого министерского циркуляра, рекомендующего отказывать в утверждении чтецами всех вообще лиц, кроме лиц учебного и духовного ведомств, каковые лица между тем вовсе и не нуждались в утверждении по точному смыслу закона. На такое произвольное толкование закона я обратился с письменной жалобой к Горемыкину; но Горемыкин, которому Татлин представил имевшийся у него министерский циркуляр, не счел себя вправе поступить вопреки этому министерскому распоряжению, о чем я и получил от него письменное уведомление. Тогда я, явившись к нему официально, предупредил его, что вынужден буду принести на него жалобу в Сенат, на что он с усмешкой отвечал мне: «Что же, вы имеете на это полное право!» Соответствующая жалоба была мною тщательно составлена и отправлена в Сенат. К моему удивлению и удовольствию, Сенат не замедлил рассмотрением этого дела и через несколько месяцев после того — помнится, во время какого-то официального торжественного богослужения, Горемыкин, подойдя ко мне в церкви и подавая мне руку, довольно громко сказал: «Чсть имею вас поздравить, вы выиграли ваше дело в Сенате против меня». Вслед за тем я получил и письменное извещение о том же в виде копии сенатского указа от иркутского губернского управления. Привожу здесь этот случай, как свидетельствующий о полной порядочности Горемыкина как начальника в отношении меня, ибо в те времена не многие из на-

чальников отнеслись бы так лояльно к жалобе на них со стороны их подчиненного в Правительствующий Сенат.

Общественная деятельность моя в Иркутске не ограничивалась сферой различных просветительных начинаний. Вскоре же по приезде своем я был приглашен в число членов Восточно-Сибирского отдела Императорского Географического общества и немного времени спустя был избран в нем в члены совета. Деятельность этого общества в Иркутске, где в его распоряжении находилась отличная аудитория состоящего при нем большого музея, выражалась главным образом в устройстве различного рода публичных научных чтений и сообщений; кроме того, общество это издавало свой специальный научный журнал. Но главной сферой его деятельности была огромная Якутская область, в которой оно производило различные этнографические и статистические исследования, главным образом при помощи многочисленного контингента ссылаемых туда политических ссыльных, для чего в его распоряжении находился в то время небольшой капитал (10 тысяч рублей), пожертвованный Иннокентием Михайловичем Сибиряковым²⁷. Деятельность эта была, таким образом, вдвойне благотворительна, ибо в результате ее обогащалась этнографическая наука и получали некоторые средства к существованию и в то же время привлекались к полезному и для многих из них живому труду политические ссыльные, заброшенные в страшную глушь Якутской области.

Во главе этого общества стоял иркутский городской голова В.П. Сукачев²⁸, человек очень богатый, довольно просвещенный и тароватый. За это последнее свое качество он и был главным образом избран в председатели этого общества. Как городской голова, Сукачев служил несколько четырехлетий подряд бесплатно, отдавая все причитающееся ему содержание на прибавки к жалованию думских служащих. Враги его любили вскрывать и рассказывать причину такой его тароватости, которая заключалась, по их рассказам, в том, что Сукачев чувствовал себя неправым перед родным своим городом, оттягав у города многомиллионное наследство, завещанное городу родным дядей Сукачева Трапезниковым. Впоследствии мне пришлось прочесть полный печатный отчет об этом судебном процессе. Подробности дела в настоящее время ускользнули из моей памяти, и я могу здесь привести лишь общее впечатление, вынесенное мною от знакомства с этим делом. Сущность его заключалась в том, что дядя Сукачева, Трапезников, действительно завещал все свое многомиллионное состояние, заключавшееся главным образом в денежных капиталах и в паях различных золотопромышленных предприятий, городу

Иркутску. Племяннику же своему Сукачеву он отказал по этому завещанию всего 3000 руб. сер. Сукачев, воспользовавшись какими-то формальными упущениями в этом завещании, поднял процесс в старых судебных местах и выиграл его в нескольких инстанциях; после чего город заключил с ним мировую, по которой львиная доля состояния досталась Сукачеву. Таким образом, в деле этом формально Сукачев являлся правым, но понятные нарекания на него не давали ему покоя, естественно могли служить вместе с некоторыми угрызениями, быть может, не совсем чистой совести, стимулом его тароватости и склонности к меценатству.

Сам он был большой любитель и тонкий ценитель художественных произведений, благодаря чему дом его в Иркутске являлся своего рода маленькой картинной галереей, завещать которую он намеревался городу, открывая ее иногда и при жизни для осмотра публики с благотворительными целями. В качестве председателя Географического общества он также являлся в нем деятелем весьма полезным своею тароватостью. В личных сношениях он держался всегда в высшей степени любезно и был всегда джентльменом.

Мое участие в Географическом обществе не могло быть значительным уже по самому роду моих научных познаний. Сколько помню, я лишь один раз выступил на нем с рефератом об Николае Алексеевиче Милютине, как об одном из крупнейших организаторов научной статистики в России²⁹. Но я с большим удовольствием принимал участие во всех заседаниях его совета, касавшихся организации и постановки работ политических ссыльных Якутской области. Впоследствии на этом пути, как будет рассказано ниже, я не избегал столкновений с лицами, настроенными враждебно по отношению к политическим ссыльным.

«ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРЕНИЕ» И УЧАСТИЕ МОЕ В НЕМ. РЕДАКЦИЯ.
И.И. ПОПОВ. П.Г. ЗАЙЧНЕВСКИЙ. В.С. ГОЛУБЕВ. СВЯЗИ С
ПОЛИТИЧЕСКИМИ ССЫЛЬНЫМИ. С.А. ЛЯНДЫ, Б.П. ШО-
СТАКОВИЧ И ДРУГИЕ. ПАРТИЯ НАРОДНОГО ПРАВА.
СМЕРТЬ АЛЕКСАНДРА III.

Еще ближе мне пришлось сойтись уже с самими политическими ссыльными в непосредственном с ними общении в редакции издававшейся в то время в Иркутске газеты «Восточное обозрение», основанной когда-то Ядринцевым³⁰ в Петербурге и перенесенной за несколько лет до моего приезда в Иркутск. Я получил приглашение участвовать в редакции этой газеты вскоре по приезде в

Иркутск от вновь приглашенного ее редактора И.И. Попова³¹, соединившего в своем лице на первых порах должность редактора «Восточного обозрения» с должностью консерватора музея Географического общества.

Иван Иванович Попов не был сибиряком по происхождению, а был лишь так же, как и я, женат на сибирячке. Жена его, Вера Алексеевна, была дочь известного кяхтинского купца Лушникова. Сам Иван Иванович в ранней молодости принял участие в каком-то народовольческом предприятии и был за то сослан в Туркестан административным порядком. Из Туркестана он как-то переехал в Кяхту, и там женился на Лушниковой. Отсюда и родилась его связь с Сибирью. В литературе за ним не числится никаких известных произведений. В политике взгляды его также не отличались большой определенностью, но при всем том человек он был очень хороший и, пожалуй, единственный недостаток его заключался в слишком большой мягкости характера, откуда проистекала и его уклончивость, за которую многие его побраливали. Я, однако же, с ним находился всегда в очень хороших отношениях, и с первого же раза он произвел на меня очень хорошее впечатление. Рекомендован был я ему в качестве сотрудника Ядринцевым и с удовольствием обещал ему принимать в его газете посильное участие. Вскоре получил я от него приглашение принять участие в редакционном собрании, в числе членов которого я нашел: сослуживца своего по канцелярии генерал-губернатора М.М. Дубенского³², делопроизводителя III-го делопроизводства, а ранее бывшего одним из выдающихся участников статистического исследования крестьянского землепользования в Енисейской губернии; ветерана сибирской печати Всеволода Ивановича Вагина³³, который, родившись еще в 1823 г., служил когда-то исправником в Томске, а затем, променяв службу на литературную деятельность, получил некоторую известность в литературе в качестве редактора газеты «Сибирь» и автора замечательного двухтомного труда о Сперанском и его деятельности в Сибири; Петра Григорьевича Заичневского³⁴, старого бунтаря и якобинца, непримиримого революционера, дебютировавшего когда-то в истории русской революции в качестве автора известной прокламации «Молодая Россия» 1862 г. и сосланного тогда же, за распространение подложных грамот в имени своего отца, в каторжные работы, затем возвращенного из ссылки и потом вновь дважды сосланного уже административным порядком в Восточную Сибирь; фельетониста, из числа также ссыльных народовольцев, В.В. Свитыча-Иллича; и, наконец, вновь приглашенного одновременно со мною сотрудника, капитана военно-судебного ведомства Евгения Густавовича Шоль-

па (бывшего впоследствии членом I Государственной Думы от Киева)³⁵.

Собравшаяся в таком разнородном составе редакция принялась обсуждать в корне задачи и направление издаваемой ею газеты. Сперва разговор начался довольно колкими препирательствами между Вагиным и Заичневским, причем сущность спора между ними заключалась в том, что Вагину хотелось, чтоб «Восточное обозрение» являлось чисто местным органом печати, обслуживающим главным образом местные сибирские вопросы и интересы; Заичневский же весь интерес своего участия в газете находил в том, чтобы делать ее, по возможности, проповедницей политического радикализма и социализма, насколько это возможно.

Затем речь перешла к Дубенскому, который, ссылаясь на какую-то статью «Петербургских ведомостей» о реформе Министерства земледелия, стал доказывать необходимость оптимистически осветить и поддержать эту реформу. Я возразил тогда Дубенскому, указывая на то, что все подобные, чисто бюрократические, мероприятия, в сущности, выеденного яйца не стоят; что нужно твердо сознать, что пока нам суждено барахтаться в тисках, хотя бы и «доброжелательного» самодержавного бюрократизма, ничего путного в России быть не может и что поэтому я считаю главной задачей печати разоблачение полной несостоятельности всех подобных затей нашего самодержавно-бюрократического правительства. В этом своем возражении я был тотчас же горячо поддержан скромным капитаном военно-судебного ведомства, который и тогда уже оказался весьма последовательным и очень образованным конституционалистом.

Бойкий вообще на язык Дубенский тогда замолчал со смущением, а П.Г. Заичневский, видимо довольный тем оборотом, какой приняло дело, подошел ко мне по окончании нашего совещания и любезно сказал мне, что ему давно уже не приходилось проводить такого приятного вечера. На эту любезность я отвечал соответственным образом и пригласил в свою очередь понравившего мне старика Заичневского бывать у меня запросто.

П.Г. Заичневский был в высшей степени яркой и колоритной фигурой в кругу лиц политической ссылки, проживавших в то время в Иркутске. Это был человек лет пятидесяти двух или трех, с красивой большой курчавой головой и с окладистой седой бородой на крупном, несколько сутуловатом туловище. Фигура его сразу обращала на себя внимание, особенно взглядом симпатичных и живых карих глаз. По происхождению своему он был сыном орловского помещика и генерала, а мать его была урожденная княж-

на Юсупова, и во всей фигуре его, частью даже и в привычках, сохранилось что-то помещицье, несмотря на простую студенческую обстановку, в которой он жил до старости. Проповедник самой жестокой и непримиримой революции, сохранивший до смерти свои якобинские убеждения, не признававший со своей точки зрения не только новоявленных социал-демократов, но и народовольцев, являвшийся открытым приверженцем идей французского конвента, в частной жизни своей он в то же время отличался крайним добродушием и даже некоторой домовитостью. Так, например, любя порядочно покушать, он иногда лично отправлялся по утрам на базар, чтобы купить там хорошую утку или пару рябчиков.

Человек весьма образованный, он, однако же, мог читать лишь книги одного радикального направления, и я помню, как во время одного из многочисленных диспутов в частном собрании политических ссыльных, в котором и я принимал участие, кто-то при нем упомянул о Тэне³⁶, как о справедливом изобразителе судеб французской революции, и как он с бешенством напал на этого приверженца Тэна. Когда же тот, видя из самой речи Заичневского, что он вовсе и не знаком с Тэном, заметил ему это, то Заичневский, с азартом и нимало не смутившись, отвечал: «Да, как же, стану я читать подобную мерзость! Да ведь и совершенно достаточно прочесть первые четыре страницы в сочинении этого господина, чтобы понять с кем имеешь дело». И тут сам он добродушно расхохотался; засмеялись и все слушатели.

В «Восточном обозрении» Заичневский вел иностранный отдел, и я помню, как Горемыкин, который лично цензуровал «Восточное обозрение», и надо сказать, цензуровал очень строго, говаривал мне, не скрывавшему от него своего участия в этой «антиправительственной» газете: «Умный человек у вас ваш Заичневский и с большим интересом читаю я всегда его статьи по иностранной политике, — но только чудак! Охота же ему писать так много для меня, единственного его читателя, потому что ведь почти все, что он ни напишет, я велю зачеркнуть красными чернилами». Я передавал этот отзыв генерал-губернатора самому Заичневскому и помню, как он добродушно смеялся.

Вместе с Заичневским, когда я с ним только что познакомился, жил молодой товарищ его по последней ссылке, Василий Семенович Голубев³⁷. Голубев был молодой человек лет 27-ми, попавший в ссылку из студентов Петербургского университета за пропаганду среди рабочих, вместе с другом своим и моим петербургским знакомым по научно-литературному обществу В.В. Бартеневым³⁸. Попав в одну партию ссыльных с П.Г. Заичневским, он на первом же этапе так к нему привязался, что решил с ним не

разлучаться и, чтобы быть с ним назначенным в один пункт, назвался его племянником. И администрация, действительно, их не разлучила: они оба вместе были водворены в Балаганский уезд Иркутской губернии, а затем, по прошествии некоторого времени, обоим им вместе же было разрешено переселиться в Иркутск, где я их и застал. Вскоре, однако же, Заичневский получил приглашение поселиться у Елены Марковны Хоммер, вдовы Николая Михайловича Астырева, который, как известно, живя в Москве после своих иркутских статистических работ, был привлечен по делу о пропаганде среди голодающих крестьян, посажен в тюрьму, после чего и умер в конце 1894 или в начале 1895 г. Супруга же его, Е.М. Хоммер, осталась в Иркутске, где у нее был зубоврачебный кабинет. Осиротевший Голубев обратился ко мне с просьбою взять его к себе на квартиру, и так как у нас в то время была свободная комната наверху, то мы и решили пустить его к себе. В комнате этой вскоре у Голубева образовалась постоянная аудитория из учеников и учениц гимназий старших классов и учительской семинарии. Помню, что по настоятельной просьбе Голубева и я сам выступал иногда перед этой импровизированной аудиторией с элементарными лекциями о государственном строе России и западноевропейских держав. Замечательно при этом, что Голубев несмотря на горячую привязанность свою к Заичневскому отнюдь не разделял крайностей учения этого своего учителя. Будучи сам человеком в высшей степени мягким и даже религиозным, он и к ученикам своим относился с мягкою умеренностью и большою вдумчивостью, отнюдь не стремясь сделать из них во что бы то ни стало отъявленных революционеров. И сколько я знаю, из учеников его, за небольшими исключениями, почти никто и не вступил потом на путь явно революционный.

Связи мои с политическими ссыльными отнюдь не ограничивались теми, которые я приобрел таким образом в редакции «Восточного обозрения». Вообще политические ссыльные в Иркутске — их было в то время человек 50 — жили там довольно свободно. Многие из них имели значительные знакомства, особенно в кругу местного учительства, а некоторые из них настолько уже обжились и фактически приобрели право гражданства, что участвовали и в открытой общественной жизни. К числу таких принадлежал Болеслав Петрович Шостакович, сосланный в Сибирь на жительство еще по делу Каракозова³⁹, теперь же являвшийся в качестве управляющего Сибирским банком одним из почетных членов иркутского общества. У меня к нему было рекомендательное письмо от старого товарища его по ссылке Л.Ф. Пантелеева и я сразу же настолько с ним сблизился, что пригласил его даже

быть моим шафером на скромной свадьбе моей с Талей. К числу таких же, получивших уже фактически некоторое право гражданства в иркутском обществе лиц, принадлежали супруги Лянды, с которыми я познакомился в доме одной из Талиных подруг-учительниц А.З. Сказываевой.

Станислав Адамович Лянды был сослан в Иркутск по одному старому социалистическому процессу в Варшаве, за пять лет до большого процесса общества «Пролетариата»⁴⁰. Он был некрещеный еврей, но принадлежал к семье евреев — польских патриотов, считавших себя «поляками Моисеева закона». Жена его, Феликса Николаевна, урожденная Левандовская, была настоящая полька, но не варшавская, а уроженка Херсонской губернии. Она была привлечена в Одессе в 1879 г. по одному делу с Лизогубом⁴¹; была присуждена к смертной казни, но затем смертная казнь заменена ей была ссылкой на поселение. Попав в одну партию ссыльных, они так полюбили друг друга, что решили обвенчаться, причем для него не потребовалось изменение веры, так как евангельское исповедание, к которому принадлежала Феликса Николаевна, допускает брак с евреями. Тем не менее, им не удалось соединиться сразу, ибо Феликса Николаевна была водворена в Тунке, на самом юге Иркутской губернии, — в великолепнейшей альпийской местности, где и мне привелось впоследствии, летом 1895 г., провести десять прекрасных дней с Талей, — а Станислав Адамович был водворен в одной из самых суровых местностей Иркутской губернии — на реке Средней или Подкаменной Тунгуске Керенского округа. Так как Станиславу Адамовичу не удалось тогда добиться от иркутской администрации перевода своего в Тунку, то пришлось Феликсе Николаевне примириться с необходимостью перевода ее в более суровую местность Керенского округа, где они, наконец, и соединились и где им пришлось пробедовать несколько лет, тяжелых для них в материальном отношении, но смягченных взаимною их любовью. Здесь же у них родились и все дети их.

Лишь к началу девяностых годов удалось им наконец переехать в Иркутск, где Станислав Адамович устроился на службу в контору Громовых; здесь очень скоро, благодаря своему огромному трудолюбию и блестящим умственным способностям, он выдвинулся на пост главного бухгалтера этой крупной фирмы, заведовавшей различного рода торговыми операциями и главным образом пушным делом по всей Якутской области. Спустя короткое время он настолько приобрел доверие главы этой торговой фирмы Анны Ивановны Громовой, что сделался фактически главным руководителем всего этого крупного коммерческого дела.

Я никогда не думал, что буду в состоянии столь близко сойтись с человеком, выросшим в совершенно чуждой и даже враждебной среде по отношению к той среде, в которой вырос и воспитывался я сам. Но С.А. Лянды, будучи пламенным патриотом своей родины Польши, был в то же время человеком настолько широкого ума и сердца, умел так здраво и вдумчиво отнестись к нуждам и интересам его второго, невольного отечества России, той страны, в которую он был брошен враждебными ему силами, до такой степени чужда ему была всякая партийная и национальная узость и всякая мелкая политическая злоба, что я скоро почувствовал к нему искреннюю симпатию, которая, будучи обоюдной, не замедлила превратиться в прочную дружбу, причем дружеские отношения наши весьма скоро распространились и на наших жен.

Наряду с этой новой дружеской связью вспоминаются мне также приятельские отношения, тогда же образовавшиеся у нас с Талей еще с одной симпатичной четой политических ссыльных. Это был служивший в то время в Иркутском отделении Сибирского банка, а впоследствии назначенный управляющим Благовещенским отделением того же банка, Станислав Осипович Хлусевич и жена его Зоя Осиповна, близко сошедшаяся с моею женой. И Лянды, и Хлусевичи уже считались в то время лицами, настолько граждански правоспособными, что принимали деятельное участие в некоторых общественных делах, как например, в Обществе взаимопомощи местных торговых и промышленных служащих, а С.А. Лянды вскоре привлечен был нами также и в состав редакции «Восточного обозрения», где и занял принадлежащее ему по праву влиятельное положение.

К числу знакомств моих с тогдашними политическими ссыльными следует прибавить еще одно, — это знакомство с «бабушкой русской революции» Екатериной Константиновной Брешко-Брешковской⁴². Надо, впрочем, сказать, что Екатерина Константиновна занимала в то время в среде политических ссыльных особое и довольно уединенное положение. Одна из причин этого заключалась, быть может, в том, что она не сходилась во взглядах и была в натянутых отношениях с «дедушкой» русской революции, П.Г. Заичневским. Но очень быть может, что у нее были еще и другие какие-нибудь неизвестные мне причины держаться особняком и уединенно. Во всяком случае я не видел ее ни разу на больших и шумных собраниях политических ссыльных, в которые я имел свободный доступ.

Жила в то время Е.К. Брешко-Брешковская втроем, с двумя подругами, из которых одна была талантливая драматическая актриса Киселева (родная сестра довольно известной в Москве

Кошевой); имя же третьей их сожительницы в настоящее время у меня выскользнуло из памяти. Знакомство мое с Екатериной Константиновной состоялось благодаря моей порядочной библиотеке, привезенной мною с собою в Иркутск. Узнав от кого-то о наличии у меня интересных книг, в том числе и французских, которые в то время в Иркутске являлись редкостью, Екатерина Константиновна весьма просто, придя ко мне в одно прекрасное утро, попросила у меня разрешение пользоваться моею библиотекой. Виделись мы, впрочем, с нею нечасто. Никакой пропагандой, сколько я знаю, она в то время в Иркутске не занималась.

Главным вопросом дня, интересовавшим и волновавшим в то время всю иркутскую ссылку, являлись слухи об образованном в России новом тогда тайном политическом обществе «Народное право». Основателем этого общества являлся старый земледелец, а потом народоволец, Марк Андреевич Натансон⁴³, самое имя которого я тогда впервые услышал. Целью этого общества являлось главным образом привлечение к политической борьбе широких кругов демократической интеллигенции, без различия социалистических направлений. Считая в то время очередным вопросом дня борьбу с самодержавием, Марк Андреевич не прочь был в то время привлечь в кадры своего общества не только социалистов-революционеров и социал-демократов разных оттенков, но и демократически настроенную часть буржуазной интеллигенции. Так по крайней мере трактовалась его задача в тогдашних диспутах иркутских политических ссыльных, на которых мне случалось присутствовать. Крайняя левая, с П.Г. Заичневским во главе, относилась тогда к затее этой с большим порицанием. Другие же, и их было огромное большинство, относились если не прямо сочувственно, то во всяком случае занимали выжидательное положение.

Дело в том, что в тот момент в широких кругах интеллигенции, в связи с впечатлением голодных лет, а также с крайностями реакции Александра III, уже назревало более или менее широкое общественное движение.

20 октября 1894 г. Александр III скончался; смерть его наступила для огромного большинства публики совершенно неожиданно, можно сказать внезапно. Начиналось новое царствование, причем маленькая фигурка нового императора, в то время совсем молодого человека, являлась для всех первое время совершенно загадочной и неопределенной. Шли рассказы о проявленной им будто бы большой простоте в обращении, о крайней нелюбви его к придворному этикету и даже о каких-то робких шагах в сторону ослабления бюрократической ферулы, в тисках которой изнывала в то время Россия. Эти неопределенные и бледные слухи, которые

многими невольно окрашивались оптимистически, продолжались, однако же, недолго. Уже на третьем месяце царствования, 17 января 1895 г., прозвучали на весь свет известные царские слова Николая II о «бесмысленных мечтаниях» в ответ на адрес Тверского земства и приготовленную, но не произнесенную речь Родичева⁴⁴. Положение сразу разъяснилось. В ответ на царскую речь выпущены были два документа. Один из них в виде брошюры, изданной новой партией «Народного права», другой был своего рода манифест, исходивший из земских кругов, начинавшийся словами: «Вы сказали ваше слово, и оно разлетелось по всему миру» и подписанный С.Мирный. Документ этот, как я вскоре узнал, был составлен другом моим Д.И. Шаховским и редактирован им вместе с П.Б. Струве⁴⁵. Вскоре мне довелось познакомиться и с инициатором общества «Народное право» М.А. Натансоном. Но об этом я расскажу ниже, в своем месте.

ПОЕЗДКА С КАРАВАНОМ ЗОЛОТА В ПЕТЕРБУРГ. СВИДАНИЕ
СО СВОИМИ. ПЕРЕПИСЬ. ВОПРОС О ПРИВЛЕЧЕНИИ К
ОТБЫВАНИЮ ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ ИНОРОДЦЕВ.
КОМИССИЯ ОБРУЧЕВА. ГР. ПАЛЕН. НАЗНАЧЕНИЕ
МЕНЯ ЧИНОВНИКОМ ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ V КЛАССА.
АННЕНСКИЙ И КОРОЛЕНКО.

Летом 1895 г. генерал-губернатор решил ехать в Петербург представляться новому государю и в то же время принять личное участие в разрешении нескольких важных сибирских вопросов, связанных частью с постройкой Сибирской железной дороги, частью с предполагаемой земельной реформой. В числе чиновников, назначенных в штат его путевой канцелярии, оказался к искреннему моему удовольствию — и я. При этом, ради экономии в расходах и чтобы доставить мне возможность взять с собою жену мою, а буде я пожелаю, то и еще кого-нибудь из ее семьи, генерал-губернатор назначил меня помощником начальника очередного каравана с золотом. Эта командировка считалась в то время весьма почетной и выгодной, так как по уставу чиновники, назначаемые для сопровождения каравана с золотом, не только получали прогоны и суточные, но еще и пользовались правом на продолжительный шестимесячный отпуск с сохранением содержания. В этом последнем отношении Горемыкин однако же выговорил, чтобы я этим отпуском не пользовался, а живя в Петербурге, принимал бы участие в делах путевой канцелярии.

Путешествие с караваном золота в те времена представлялось довольно оригинальной и любопытной миссией. Золото, собран-

ное от разных золотопромышленных компаний, сплавлялось в Иркутске на особой золотосплавне и оттуда уже в виде тяжелых, двухпудовых слитков доставлялось на монетный двор в Петербурге. До постройки Сибирской железной дороги оно отправлялось до Томска, отстоящего от Иркутска в 1600 верстах, на лошадях, причем специально для этого изготовлялись особые крытые повозки по типу обыкновенных сибирских почтовых повозок, причем в каждую повозку клался и привинчивался на дне ее особый ящик с золотом в 30 пудов весом. А так как в нашем караване было более 480 пудов золота, то и повозок в нем полагалось целых шестнадцать. В виде охраны каждому такому каравану, сверх начальника, назначаемого обязательно горным ведомством и помощника, назначаемого генерал-губернатором, давалось небольшое число казаков, всего 3 или 4 человека. Во все же остальные повозки назначались пассажиры, частью генерал-губернатором, частью горным ведомством. В караваны, отправляемые в летнее время, обыкновенно по преимуществу назначалась молодежь из числа лиц, кончавших средние учебные заведения и направлявшихся в Томск, в Москву или в Петербург в высшую школу. При дороговизне тогдашнего колесного пути это являлось сущим для них благодеянием и таким образом в Иркутске шутя говорили, что каждый такой караван везет золото двоякого рода: одно настоящее металлическое, а другое в виде сибирской золотой молодежи, будущей надежды страны. В Томске золото перегружалось на пароход, отводимый всецело в распоряжение каравана, а потому бесплатно принимавший и всех его пассажиров. В Тюмени следовала новая перегрузка на железную дорогу, а в Перми опять на пароход до Нижнего, и уже из Нижнего золото доставлялось в поезде прямо в Петербург. Многим может показаться странным, что такой ценный груз (в данном случае 9 600 000 рублей) вверялся такой слабой охране, но я должен сказать, что не было случая какой бы то ни было пропажи за все время с тех пор, как золото препровождалось этим путем. Да и мудрено было бы золоту потеряться. Это мне сделалось ясным с того момента, как я увидел на иркутской золотосплавне изготовленные из него увесистые кирпичики, весом по два пуда каждый. Если к этому прибавить, что все они запаковывались в крепкие ящики, залитые пломбой и привинченные ко дну повозок, что самый караван двигался только в дневное время, причем в каждую повозку впрягалось по пяти лошадей, и что самый факт проезда каравана по тракту вызывал, таким образом, невольно всеобщее оживление, что в каждой повозке, кроме пассажиров, был еще здоровый ямщик, нужно было предположить для увоза хотя бы одной такой повозки факт силь-

ного вооруженного разбойного нападения. Да и в случае отбита повозки, куда же бы делись разбойники с этим золотом, изготовленным в столь неудобных для сбыта формах? Как бы то ни было и на этот раз мы с доктором Оринкиным, начальником каравана, довели свое золото совершенно благополучно.

Я с Галей при этом ехали в первом экипаже, а во втором, следом за нами, помещалась Талина мать, Екатерина Олимпановна с одной из ехавших в Петербург курсисток. Остальные все экипажи, кроме одного, в котором помещались три казака, были сплошь заняты учащейся молодежью, и, наконец, в последнем посещался доктор Оринкин с женой. Ехали мы от Иркутска до Томска 16 дней: этот путь и составлял самую утомительную часть переезда. Собственно самая езда в лежку на свежем сене, на матрасах и на подушках, была довольно покойна, но утомительной была медленность передвижения (всего по 100 верст в сутки); так что дамы мои, особенно Талина мать, порядочно утомились.

Зато в Томске их ожидала радость свидания со старой-престарой старушкой — матерью Екатерины Олимпановны, с которой они не виделись несколько десятков лет и которая, впрочем, до того зажила на этом свете, что оказалась впавшею в совершенное детство и не могла узнать своей родной дочери. Это была очень милая и благообразная старушка, встретившая нас по-своему мило и радушно, но, видимо, не понимавшая, кто мы такие и никак не могшая восстановить в памяти, была ли у нее в действительности дочь Катенька или нет. Это свидание их было последним, ибо на возвратном пути мы уже не застали ее в живых.

В Томске мы пробыли, помнится, сутки с небольшим. Затем погрузились на пароход, на котором плыли сперва по Томи, потом по Оби, по Иртышу, по Тоболу и, наконец, по Туре до Тюмени, всего 10 суток. Это было мирное и весьма приятное путешествие по великолепным, многоводным рекам Сибири. Конечно, оно было довольно однообразно и при обыкновенных условиях могло показаться скучноватым, но для меня, после усиленных занятий в Иркутске, оно являлось чистым приятным отдыхом. Плыли мы на пароходе с великим комфортом, в большой и удобной каюте первого класса, где могли по произволу читать взятые нами с собою книги, тихо между собою беседовать или просто отдыхать, ничего не делая, гуляя по палубе и любясь многоводною Обью. В одном месте было даже маленькое развлечение, в виде небывалого зрелища: а именно под Сургутом мы видели, как у далекого от нас берега медведица купалась с детенышем. На пристани в Сургуте мы запаслись запасом свежих кедровых орехов. Питались мы все время превосходно, по преимуществу рыбным

столом, причем я ежедневно лакомился любимым моим блюдом — свежей стерляжьей ухой. Под конец спутники мои стали надо мной посмеиваться, как мне не надоест заказывать все одну и ту же уху, но мне так и не надоело до самой Тюмени, где я распростился с обской стерлядью, впрочем, не надолго, ибо начиная с Перми и до Нижнего, я мог вновь лакомиться камской и волжской стерлядью, которая, впрочем, на мой вкус уступала обской.

В Тюмени опять последовала перегрузка, на этот раз уже на железную дорогу, занявшая у нас несколько часов времени, которым дамы мои не преминули воспользоваться, чтобы купить здесь хороший тюменский ковер — который я отвез в подарок матери — и разных поделок из мамонтовой кости. Проведя затем сутки в поезде железной дороги, мы вновь погрузились в Перми на большой волжско-камский пароход, который доставил нас на пятые сутки в Нижний Новгород. Хотя здесь мы не были уже полными хозяевами парохода, ноплыли однако же и здесь с достаточным комфортом, любуясь Камой многоводной и загруженной судами всех размеров, быстро сновавшими по воде, Волгой. В Нижнем Новгороде я был поражен силой и ловкостью тамошних крючников, которые могли в одиночку перебрасывать наши тяжелые тридцатипудовые ящики с паровой пристани в вагон.

По прибытии в Петербург мы должны были тотчас же отвезти доверенное нам золото на монетный двор, где оно и было принято под мою расписку.

Всего я пропутешествовал таким образом от Иркутска до Петербурга 37 суток и однако же и сам прибыл совершенно свежим, и даже слабых спутниц своих довез в добром здоровье и не особенно утомленными. Дорогой, в Москве мы заезжали на несколько часов к Вернадским, и здесь состоялось, наконец, знакомство Тали с моими друзьями.

В Петербурге жила в то время моя мать, с единственной оставшейся незамужней дочерью, моею сестрою Олей, и у нее же в то время рос и воспитывался двухлетний сынишка мой Володя, с которым Талья тогда также впервые познакомилась, будучи представлена ему под именем его мамы. Младшая сестра моя Лиза, незадолго перед тем окончившая курс в Академии художеств, успела в отсутствие мое выйти замуж за товарища своего по академии Николая Евгеньевича Дорогова.

Явившись на другой день к генерал-губернатору, поместившемуся на Малой Морской улице в гостинице «Париж», я был принят им с видимым удовольствием, причем он тотчас же заявил мне, что в путевой его канцелярии накопилось много дел, ожидавших моего прибытия; что скоро начнутся заседания Государ-

ственного Совета, посвященные рассмотрению нашей поземельной реформы, что он получил приглашение там присутствовать и давать объяснения и что будет таким образом нуждаться перед каждым заседанием в деятельной моей помощи. Сверх того он сообщил мне о назначенной на 1 января 1897 г. всеобщей переписи населения в Российской Империи и что для подготовки этого важного и сложного дела в Петербурге учреждена главная переписная комиссия под председательством сенатора П.П. Семенова (Тян-Шанского)⁴⁶ и что он, получив приглашение командировать в эту комиссию кого-нибудь из состоящих при нем лиц для участия в обсуждении особенностей вверенного ему края, предположил назначить туда меня, «если — прибавил он — с вашей стороны не будет препятствий». Я, разумеется, изъявил свое согласие, так как участие в этом важном деле не могло меня не интересовать.

Вскоре после того я имел случай познакомиться с заведовавшим в то время нижегородским статистическим бюро, известным земским статистиком Николаем Федоровичем Анненским⁴⁷, который приходился дальним родственником жене моей. В то время Николай Федорович кончал свою земскую службу и переселился вместе с Владимиром Галактионовичем Короленко⁴⁸ в Петербург, где они оба приглашены были к участию в редактировании «Русского богатства». Н.Ф. Анненский, в качестве сибирского уроженца и весьма опытного статистика, сообщил мне тогда много ценных указаний по организации дела всеобщей переписи в Сибири, и я предложил генерал-губернатору собрать небольшое совещание по этому предмету из Н.Ф. Анненского, Е.А. Смирнова, А.А. Кауфмана, И.П. Моллериуса и себя под его председательством, на что и получил его согласие. Совещание это состоялось в конце сентября 1895 г., причем мы обсудили довольно подробно все основания, на которых положение о всеобщей переписи могло бы быть применено к Иркутской и Енисейской губерниям и в особенности к Якутской области. После того я мог уже гораздо смелее выступать с выработанными нами основами и в главной переписной комиссии, к участию в одном из заседаний которой я скоро получил приглашение. Заседание это состоялось под председательством П.П. Семенова, а главным докладчиком в нем являлся директор статистического комитета тайный советник Н.А. Тройницкий⁴⁹, человек сразу же поразивший меня своею ограниченностью и с которым Семенов, несмотря на высокое чиновное положение Тройницкого, обращался довольно небрежно и даже, как мне показалось, презрительно. Что касается самого П.П. Семенова, о котором я ранее много слышал, но с которым впервые тут познакомился, то меня поразила в нем какая-то детская хвастли-

вость, столь мало гармонизировавшая с его сединами и почтенным видом. С Н.А. Тройницким мне пришлось впоследствии еще раз увидеться уже по окончании всеобщей переписи, когда разрабатывались собранные ею материалы. Он обещал тогда любезно мне и П.Ф. Унтербергеру⁵⁰, бывшему в то время губернатором Приморской области, познакомить нас с выписанными тогда из-за границы счетными машинами. Но и на этот раз я мог только еще более убедиться в полной ограниченности умственных способностей этого человека, благодаря которому и результатами первой всеобщей переписи Россия могла воспользоваться лишь лет через десять, т.е. когда результаты эти бесспорно устарели.

Вообще в этот приезд в Петербург мне привелось немало пересидеть лиц, принадлежавших к высшим бюрократическим сферам, особенно в Министерстве земледелия, где мне пришлось познакомиться со всем высшим его составом, начиная с самого А.С. Ермолова⁵¹, товарища его А.Х. Стевена⁵² и директора департамента земельных имуществ И.И. Тихеева, причем с этим последним, человеком простым и в высшей степени деликатным, у меня установились довольно дружелюбные отношения. Приходилось мне также два раза бывать в заседаниях подготовительной при Особом комитете при постройке Сибирской железной дороги комиссии, состоявшей под председательством умного и лукавого сановника А.Н. Куломзина. В состав этой комиссии входили представители различных ведомств. Тут я встречал и И.П. Шипова⁵³, моего троюродного брата (по матери), бывшего тогда директором канцелярии по кредитной части, и Н.Н. Кутлера⁵⁴, бывшего в то время директором департамента окладных сборов, с которым впоследствии мне пришлось близко сойтись, как с товарищем моим по центральному комитету к[онституционно]-д[емократической] партии, и флотского генерала, впоследствии академика М.А. Рыкачева⁵⁵, с сыном которого, Андреем Михайловичем, меня впоследствии судьба свела в Саратове, и добродушного чудака генерал-контролера и упорного славянофила Афанасия Васильевича Васильева⁵⁶, всегда неизменно готового отстаивать истинные нужды переселенцев, и Н.Н. Покровского⁵⁷, впоследствии министра иностранных дел, служившего в то время в качестве начальника отделения Комитета министров и знакомого мне с детства как одного из кавалеров на наших танцевальных вечерах в Варшаве. А в заключение мне пришлось довольно-таки близко познакомиться тогда и с высшими представителями нашей военной бюрократии.

Случилось это вполне для меня неожиданно и вот каким образом. Бывший в то время приамурским генерал-губернатором

генерал С.М. Духовской⁵⁸ неожиданно поднял тогда вопрос о распространении воинской повинности на сибирских инородцев. Вопрос этот с военной точки зрения был совершенно вздорный, особенно в применении к инородцам Приамурского края, тунгусам и орачонам, которые представляли из себя немногочисленные, вымирающие и вполне дикие племена. Однако же, ввиду последовавшей на всеподданнейшем отчете Духовского, в котором он поднял этот вопрос, высочайшей резолюции «рассмотреть дело по существу», вопрос этот поступил на рассмотрение Главного штаба, где была образована по этому вопросу особая комиссия, под председательством самого Н.Н. Обручева⁵⁹, из двух его помощников, генералов Беневского и Гюббенета, из находившихся тогда налицо в Петербурге сибирских генерал-губернаторов и командующих войсками и целого ряда представителей различных ведомств. В эту-то комиссию и Горемыкин получил назначение быть ее членом по высочайшему повелению и с правом пригласить с собою кого-либо из «ближайших своих сотрудников по военной части». Получив это приглашение и не имея при себе никого из лиц своего штаба, Горемыкин развел было руками в недоумении, но вскоре он решил выйти из затруднительного положения, признав, что так как дело тут касается инородческого населения, делами которого заведую я, то я и могу сойти за «ближайшего его сотрудника по военной части». Я было смутился сперва таким неожиданным для меня назначением, но затем, подумав, что не безинтересно мне будет познакомиться с делами военного ведомства, решил от него не отказываться. И в один прекрасный день отправился совместно с Горемыкиным к генералу Обручеву, знакомство с которым не могло меня не заинтересовать, как с ближайшим сотрудником бывшего военного министра Д.А. Милютина⁶⁰. И хотя Обручев был, видимо, несколько озадачен при виде моей штатской фигуры, однако, все сошло благополучно и я занял место за длинным столом среди массы генералов Генерального Штаба рядом с генералом Д.И. Суботтичем, занимавшим тогда должность помощника начальника штаба у Духовского. Сперва я твердо решил на роль безмолвного свидетеля происходивших при мне совещаний, но вскоре, однако, к собственному моему удивлению, мое участие в этой комиссии оказалось небезрезультатным для дела. Когда речь свелась главным образом к вопросу о формах привлечения к воинской повинности более или менее значительного бурятского населения, то решено было составить из бурят два конных полка и в виде кадров этих полков употребить казаков Иркутской и Енисейской губерний. Все генералы признавали этот проект весьма удачным, нимало не затрудняясь вопро-

сом о том, хватит ли наличного казачьего населения Иркутской и Енисейской губерний для того, чтобы составить потребные полковые кадры. Между тем я, обладая весьма точными статистическими данными о численности казачьего населения, рассчитал, как по пальцам, что состав его далеко меньше потребного количества и свой расчет представил генерал-губернатору, который должен был со мною вполне согласиться. Сведения эти чрезвычайно огорчили тогда всех прикосновенных к делу штабных офицеров, но, однако же, им пришлось примириться с неумолимостью этих фактических данных, и таким образом так хорошо, как им казалось, разработанный проект их должен был остаться втуне и не получил никакого движения. Я же был очень доволен, что мне, маловажному штатскому человеку, пришлось разрушить тогда этот генеральский проект, приведение которого в исполнение не легко отозвалось бы на спинах неповинных бурят.

Сотрудничество мое в делах путевой канцелярии генерал-губернатора закончилось в конце апреля 1896 г., когда генерал-губернатор отправился в Москву, чтобы принять участие в предстоящих торжествах коронации, и куда я за ним уже не последовал.

В Петербурге в служебном моем положении произошла перемена: Безобразов, занимавший должность делопроизводителя крестьянского делопроизводства в канцелярии генерал-губернатора, получил другое назначение и я с 1 декабря вступил в должность делопроизводителя. Но не долго мне пришлось в ней пробывать. К маю 1896 г. освободилась должность старшего чиновника особых поручений при генерал-губернаторе V класса и Горемыкин, желая доставить мне повышение по службе, представил меня на эту должность. И так как мне было при этом вновь обещано, что это отнюдь не изменит характера моих занятий по крестьянской части, то мне не было оснований и возражать против такого представления, тем более, что с назначением этим улучшалось и мое материальное существование и вместе с тем я становился в положение более самостоятельное и независимое от правителя канцелярии.

Перед самым отъездом генерал-губернатора из Петербурга случился, однако же, один инцидент в Государственном Совете, грозивший опрокинуть все наши труды по выработке поземельной реформы. В те времена считалось установленным, что дело, рассмотренное в департаментах Государственного Совета, уже никогда не перерешалось в общем его собрании. Между тем, в данном случае неожиданно произошло как раз обратное. Почти накануне отъезда генерал-губернатора явился к нему с визитом

в моем присутствии старик гр. К.И. Пален⁶¹ и с видом весьма веселым и гордым сообщил нам, что он «опрокинул» наш проект в Государственном Совете. «Это невозможно, что вы там написали, — сказал нам гр. Пален, — я сказала членам Государственного Совета, что нельзя Государю каламбур подносить». Как выяснилось из дальнейших объяснений, таким каламбуром бывшему министру юстиции показалось то положение, что крестьянам земля отводится в бессрочное пользование, а не в собственность. В остзейской голове Палена такое положение не укладывалось и он на сей раз увлек за собою большинство государственных младенцев Государственного Совета.

Мы с Горемыкиным было приуныли и встревожились. Вскоре оказалось, однако, что тревога наша напрасна. Во время коронации в Москве состоялось новое общее собрание членов Государственного Совета, в котором вопрос этот вновь был, уже не знаю по какому случаю, причем большинство членов Государственного Совета после объяснений, данных Ермоловым, спокойно признало вполне правильным принцип бессрочного пользования и проект наш на этот раз прошел благополучно и вскоре получил высочайшее утверждение.

С отъездом генерал-губернатора из Петербурга я мог воспользоваться последним месяцем своего пребывания там, как настоящим уже отпуском, который я и провел в общении со своими родными, а также со старыми друзьями и с новыми интересными знакомыми, из числа которых я более всего дорожил тогда знакомством своим с Н.Ф. Анненским и В.Г. Короленко. С В.Г. Короленко мы познакомились сперва заочно в 1893 г. после того, как я переслал ему, как одному из видных деятелей по борьбе с голодом, свою книжку «Семь месяцев среди голодающих крестьян», на что Короленко отвечал тогда же присылкой мне его книги «Голодный год». Теперь знакомством с Анненским и Короленко я дорожил в особенности потому, что они в составе редакции «Русское богатство» представляли собою менее заядлых народников и стремились оба, как и я, к возможному примирению с лучшими из тогдашних марксистов или неомарксистов, Струве и Туган-Барановским⁶². Им обоим, как и мне, казалась в то время происходившая жестокая распря между народниками и марксистами несвоевременною братоубийственной войной, незаконным междуусобием перед лицом торжествующего общего врага — бюрократического самодержавия. В наших дружеских разговорах того времени мы вполне понимали друг друга и совершенно согласно признавали очередной задачей дня борьбу всей русской интеллигенции с бюрократическим самодержавием. Впрочем, в социальных вопросах

это не мешало нам и расходиться с ними, по крайней мере с Н.Ф. Анненским, который хоть и не был узким приверженцем народнических взглядов на общину, все-таки твердо их отстаивал. С удовольствием вспоминаются мне те несколько вечеров, которые мне удалось в то время провести в их живом обществе. Владимир Галактионович был превосходный рассказчик и охотно рассказывал тогда различные сцены, встречи и вообще впечатления свои из времен своей сибирской ссылки, а Николай Федорович приправлял наши беседы такими остроумными и веселыми юмористическими выходками, которые заставляли всех присутствующих неудержимо покатываться со смеху. Вообще своим блестящим остроумием, своим добродушием и веселостью Анненский неизменно напоминал мне Герцена таким, каким я его представлял себе по его собственным живым воспоминаниям в «Былом и думах» и по рассказам о нем друзей и современников его, вроде Т.П. Пасек и П.В. Анненкова⁶³.

НОВЫЕ ЗНАКОМСТВА И СТАРЫЕ СВЯЗИ. ВОЗВРАЩЕНИЕ В ИРКУТСК. РЕВИЗИЯ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ УЧАСТКОВ. А.Н. КУЛОМЗИН. ОСМОТР ТЮРЕМ И БОЛЬНИЦ В КРАСНОЯРСКЕ. ВОЗВРАЩЕНИЕ. ТЕАТР И ЕГО ПОСТРОЙКА. ГОРОДСКОЕ ДЕЛО. ПОЛОЖЕНИЕ ГЛАСНОГО. МОЕ МНЕНИЕ, В СУЩНОСТИ СОГЛАСНОЕ С АНАРХИСТАМИ.

Перед возвращением в Иркутск и еще до отъезда генерал-губернатора в Москву состоялось у нас с Талей еще новое знакомство с Варварой Ивановной Натансон, второй женой Марка Андреевича Натансона, которая рассказала нам, что муж ее сидит уже более года в тюрьме и что в настоящее время состоялся и приговор по их делу, которое решено в административном порядке. Что при этом муж ее, Марк Андреевич, ссылается в отдаленные места Восточной Сибири на 5 лет. Она просила меня узнать, куда именно будут они назначены генерал-губернатором. Я тотчас же адресовался по этому вопросу к Горемыкину, сказав ему, что Натансоны мои старые знакомые и что я хлопочу в данном случае о судьбе Варвары Ивановны, которая являлась нервно-больным человеком, что было и справедливо. Горемыкин тотчас же потребовал себе дело Натансона и Тютчева⁶⁴, причем выяснилось, что местом пребывания Натансону назначен город Верхоянск Якутской области — тот самый Верхоянск, который будучи отделен с юга Верхоянским хребтом, представляет собою, по Миддендорфу, полюс холода на земном шаре, ибо морозы в нем достигают 63 градусов!

Узнав это, я ужаснулся и с своей стороны заявил Горемыкину, что по моему мнению вообще бесчеловечно ссылать людей в места с таким климатом, а что по отношению к Натансонам ссылка эта будет для них прямо убийственна. Я указал притом Горемыкину, что и преступление, в данном случае вменяемое в вину Натансону — участие его в обществе «Народное право» — даже с правительственной точки зрения не может считаться слишком серьезным, ибо и общество это, сколько мне известно, не является террористическим.

На это Горемыкин ответил мне, что он не имеет возможности разбираться во всех этих политических сектах «народовольцев, народолюбцев и народоправцев»; что в деле распределения политических ссыльных он руководствуется сообщаемыми ему из министерства данными о степени их закоренелости и опасности и что в данном случае относительно Натансона он получил сведения, как об одном из самых хитрых и опасных вождей революционного движения и притом, как о неисправимом рецидивисте, но что, впрочем, так как в задачи правительства не входит морить политических ссыльных и тем более их жен, то в данном случае он соглашается изменить свое решение и велит назначить место пребывания Натансона вместо Верхоянска Якутской области город Балаганск Иркутской губернии. Разница была весьма существенная, ибо Балаганск был тысячи на три с половиной верст южнее Верхоянска и находился всего в 300 верстах от Иркутска! И мне ничего не оставалось таким образом, как поблагодарить Горемыкина за изменение его прежнего сурового решения и поспешить порадовать В.И. Натансон вестью об столь значительном смягчении их участи.

Это был первый случай моего удачного ходатайства перед Горемыкиным о смягчении судьбы политических ссыльных. Впоследствии мне приходилось неоднократно выступать перед ним с подобными же ходатайствами и я не помню ни одного случая неудачи. Помню только, как впоследствии Горемыкин, удивляясь обилию моих знакомств и связей с политическими ссыльными, шутя грозил мне произвести у меня обыск и как однажды, во время одного из визитов своих к нам, остановившись перед моими полками с книгами, он шутя указал Тале на красные корешки переплетов многих из них и сказал: «Смотрите-ка, Наталья Антиповна, до чего красен ваш муж! У него и книги переплетаются по преимуществу в красный цвет».

Что касается собственных политических взглядов Горемыкина, то он вскоре разъяснил мне их во время одного совместного с ним путешествия на пароходе по Енисею. Он читал в то время

как раз ту самую брошюрку С. Мирного, о которой я упоминал выше и которая представляла собой один из первых печатных протестов против известных слов Николая о «бесмысленных мечтаниях».

Прочтя брошюрку и показав мне ее, начальник мой сказал: «Умно написано, но я далеко не во всем согласен с автором ее. Автор ее желает конституции, я же, не разделяя взглядов на этот вопрос государя императора, не могу согласиться также и с автором этой брошюры. России нужна не конституция, а облегчение свободного общения земской России с ее монархом. Я бы допустил постоянное участие представителей земств в законодательстве страны, но только не допустил бы, чтобы заседания такого законодательного собрания происходили гласно. Ибо допущение гласности означало бы допущение участия в законодательных делах бульварной прессы и ораторы в таком собрании заботились бы не столько об истине, сколько о том, чтобы речи их нравились толпе. Что же касается господства бюрократии у нас, которая, действительно, стеной отделяет монарха от народа, то я и сам думаю, что такое господство недопустимо».

Я попытался указать Горемыкину на невозможность проявления истинной народной воли, истинного голоса народа в тайном собрании представителей привилегированного земства и на полное отсутствие гарантии в том, что при его системе голос истинных народных представителей будет действительно услышан и правильно понят монархом. Но генерал мой твердо остался при своем мнении.

Недостаточно виделся я в этот приезд свой с друзьями своими. Из них Д.И. Шаховской в то время занят был разработкой статистических сведений о начальном образовании по Весьегонскому уезду. Ф.Ф. Ольденбург⁶⁵ с увлечением работал в школе Максимовича и оба они вместе заняты были еще вопросом о введении в России всеобщего образования.

В.И. Вернадский разделял свою деятельность между научными своими занятиями, которые развивались все успешнее и шире, и участием своим в земстве, в которое он вступил тогда, будучи избран земским гласным в Моршанском уезде Тамбовской губернии. В московском обществе он все более завоевывал влиятельное положение.

Специально для свидания с Вернадскими я ездил в ту зиму на несколько дней из Петербурга в Москву вместе с Талей, в бытность там и Д.И. Шаховского. Размолвка моя с Владимиром кончилась благополучно после того, как он понял, что поступив на службу, я в то же время не изменил нимало своих социально-по-

литических взглядов, и так как в то время не намечалось еще никаких определенных предприятий, в которых участие мое признавалось бы необходимым, то друзья мои и не возражали больше против дальнейшего моего пребывания в Сибири, где служба моя могла так удобно комбинироваться с довольно широкой и относительно свободной общественной деятельностью.

Что касается Тали, то при ближайшем знакомстве с нею и у Наташи, и даже и у Владимира, исчезло то предубеждение против нее, которое образовалось было вследствие упорного нежелания Тали знакомиться с моими друзьями и войти в их круг. Теперь она в этот круг вошла и с Наташей у нее образовались даже довольно теплые, дружеские отношения.

В Петербурге мы виделись в то время довольно часто с Гревсами, а я и с Крыжановским⁶⁶. Помню, как тогда, уже перед отъездом нашим из Петербурга, он явился однажды ко мне с просьбой дать ему дружеский совет относительно предложенного ему в то время места в Министерстве внутренних дел. Он был в то время уже товарищем прокурора Петербургского окружного суда, место же, которое ему предлагали, было место начальника отделения в хозяйственном департаменте. Я ему не советовал переходить на службу в Министерство внутренних дел, считая, что служба в Министерстве юстиции все же гораздо более независима и зная по неоднократным наблюдениям своим, как затхла и противна атмосфера, царившая тогда во всех департаментах Министерства внутренних дел. Однако Крыжановский, политические взгляды которого в то время уже сильно переменились и который начинал даже считать прежние свои социалистические убеждения не иначе, как детскими бреднями, в то время меня не послушал. И, конечно, если смотреть на дело исключительно с точки зрения служебных успехов, несомненно уже присущих ему в то время, то он оказался и прав в своем выборе, ибо в следующий свой приезд в Петербург я застал его уже на правах вице-директора хозяйственного департамента, с блестящей репутацией превосходного делового чиновника, перед которым открывалась блестящая карьера...

Обратный путь в Иркутск мы совершали уже по открытой железной дороге вплоть до Томска и даже от Томска до Ачинска нас провезли в товарных, правда, вагонах, по неоткрытому еще, но уже вполне достроенному пути.

На железную дорогу мы, впрочем, сели тогда лишь в Самаре, путь же свой до Самары, начав его по Николаевской и Рыбинско-Бологовской железной дороге, продолжали затем по Волге с останковкою в Нижнем Новгороде, где в то время шла обычная яр-

марка и всероссийская выставка. И то, и другое нам хотелось посмотреть, и мы пробыли в Нижнем с этой целью дня три. Осмотр выставки, конечно, в столь короткий срок был довольно поверхностным. Больше всего внимания мы уделили тогда сибирскому отделу, который нам показывал один из его комиссаров И.А. Молодых, и механическому отделу, по которому нас провел с весьма толковыми разъяснениями комиссар этого отдела, товарищ мой Д.С. Старынкевич⁶⁷. Помню, в сибирском отделе довольно неприятную встречу свою с главным комиссаром этого отдела Н.А. Крюковым, бывшим впоследствии директором департамента земледелия; довольно резкий спор вышел у нас из-за весьма прикрашенного на мой взгляд отдела амурского переселения, все отрицательные стороны которого, здесь скрытые, были однако же мне хорошо известны по официальной переписке.

Из более или менее замечательных личностей вспоминается мне надутая фигура Ивана Лонгиновича Горемыкина⁶⁸, только что назначенного тогда министром внутренних дел, и оригинальная фигура Ли-Хунь-чана⁶⁹, который разъезжал по выставке в креслах, внимательно все осматривая, но без всякой специальной охраны, так что за ним свободно бегали мальчишки, с любопытством его рассматривавшие.

Сверх выставки и ярмарки, которую я видел впервые, удалось мне в Нижнем Новгороде познакомиться кое с кем из третьего земского элемента на вечеринке, устроенной для нас приятелем моим Сергеем Сергеевичем Зарудным, младшим братом Александра Зарудного⁷⁰ и Маши Гревс, и Галиным приятелем Николаем Васильевичем Романовым. Господствующим интересом дня среди них был в то время вопрос о скорейшем достижении всеобщего обучения народа. С.С. Зарудный, в то время только что возвращенный из ссылки в Акмолинскую область, незадолго перед тем пристроился к нижегородскому земству. Это был прекрасный благородный юноша, способный к большому энтузиазму и не способный ни к каким компромиссам. Воспитывался он первоначально в Пажеском корпусе, исключенный оттуда, поступил было в Петровскую сельскохозяйственную академию. Но вскоре по поступлении в нее был арестован по прикосновенности своей к делу 1 марта 1887 г. Оригинально сложился его частный быт. Сойдясь с горничной матери своей, он на ней женился и успел настолько ее развить и образовать, что она сделалась вполне развитым и сознательным человеком. Вскоре ранняя смерть от развившейся у него чахотки похитила его у нас. В то время, о котором я теперь говорю, у него проявлялись лишь первые признаки этой ужасной болезни.

В Томск мы заезжали на один день, чтобы захватить с собой осиротевшую после смерти бабушки тетку Талину, Елизавету Олимпановну. Ничего достопримечательного дорогою с нами не случилось, кроме разве неожиданной встречи с М.А. Натансоном в Красноярске, которую стоит здесь описать. По приезде в Красноярск мы встретили прежде всего Варвару Ивановну Натансон, которая объяснила нам, что ждет здесь мужа, который ехал до Красноярска по этапу и находится теперь в пересыльной тюрьме, откуда его обещали освободить, предоставив далее ехать самостоятельно с проходным лишь свидетельством. Я зашел тогда к В.И. Натансон в номер, где она остановилась, и вскоре при мне явился из заключения ее муж. Несмотря на свой немолодой уже возраст, он влетел в комнату, как бомба, и тотчас начал целоваться со всеми присутствовавшими, в том числе и со мной, человеком ему незнакомым. Когда же В.И. смеясь ему сказала: «Марк, а ведь ты не знаешь, с кем целуешься!», то он тотчас же ответил: «Как не знаю, с кем? — С товарищем, конечно!» — «Ну, нет, — сказала она, продолжая смеяться, — это не товарищ, а чиновник особых поручений генерал-губернатора». Лицо Марка Андреевича на минуту омрачилось, но скоро опять прояснилось и он, обратившись с улыбкой уже прямо ко мне, сказал: «Вероятно, вы А.А. Корнилов?» «Он самый», — отвечал я, и мы снова дружелюбно с ним поцеловались. Вскоре я получил от Натансонов и другой знак доверия и расположения их ко мне — фотографическую группу членов партии «Народного права», которая хранится у меня и до настоящего времени.

Тотчас же по прибытии в Иркутск мне предстояла новая командировка для осмотра, вместе с генерал-губернатором, переселенческих участков в Ачинском и Минусинском уездах Енисейской губернии. Эта неожиданная для меня командировка вызвана была неожиданно и для генерал-губернатора предпринятой поездкой туда А.Н. Куломзина. Из Красноярска мы отправились в Минусинск с Горемыкиным и с сопровождавшим нас с Красноярска врачом-инспектором П.И. Рачковским по Енисею на маленьком пароходе «Евгений». Здесь я впервые имел случай познакомиться и вдоволь налюбоваться красотами этой чудной реки, гористые и скалистые крутые берега которой не уступят своими красотами Рейну. Погода стояла чудная и я был все время в превосходном настроении духа, так же, как и Горемыкин, который тут-то мне и поведал в вышеописанном разговоре свои политические взгляды. С Куломзиным он до того момента также находился в очень хороших отношениях и с удовольствием говорил о предстоящей с ним встрече. Встреча эта произошла на следующий же

день поздно вечером. Минусинск мы осмотрели на следующий за тем день все вместе, проведя, между прочим, часа два времени в интереснейшем археологическом и этнографическом музее, устроенном здесь двадцатилетними трудами и стараниями основателя и хранителя его Николая Михайловича Мартьянова⁷¹, местного аптекаря. Музей этот, помещавшийся в двухэтажном каменном здании, построенном Минусинским городским управлением, находился еще в частных руках своего основателя Мартьянова, который на содержание этого музея не получал даже ни от кого никакой субсидии, и единственно в целях своего пропитания и содержания своего детища должен был продолжать свое ремесло аптекаря. Лишь после этого посещения, письмом генерал-губернатора к П.П. Семенову, как вице-председателю Императорского географического общества, выхлопотана была первая небольшая субсидия Мартьянову на содержание этого музея. И лишь спустя несколько лет после того удалось выхлопотать ему и небольшую пожизненную пенсию. Мне тогда впервые пришлось познакомиться с самим Н.М. Мартьяновым, а также и с его ближайшим сотрудником А.В. Адриановым⁷², бывшим раньше редактором газеты «Сибирь» в Томске, а в то время занимавшем должность акцизного надзирателя в Минусинске и усердно помогавшем Мартьянову в деле поддержания музея в необходимом порядке. Некоторую помощь Мартьянову оказывали и политические ссыльные, интересовавшиеся местной этнографией и археологией. Из них в то время я застал в музее г. Яковлева⁷³, принимавшего участие в составлении каталога музея. Сам Н.М. Мартьянов, в это время человек уже немолодой, был благороднейший в своем роде чудак, что тотчас же чувствовалось при личном с ним знакомстве. Про него мне рассказывали шутя, что он и женился-то ради музея. «Все-таки, знаете, — говаривал он будто бы, — будет кому этикетки наклеить и пыль стереть с коллекций музея». И в самом деле музей находился у них в блестящем порядке.

Куломзин приехал тогда в Минусинск с некоторым опозданием против расписания своего маршрута, раздосадованный какими-то задержками, какие ему пришлось испытать в пути. Поэтому и встреча его с Горемыкиным с самого же начала носила не особенно дружеский характер. К приезду Куломзина был изготовлен торжественный обед, который, надо полагать, порядочно пересох и перекипел вследствие долгого ожидания. Мы с Горемыкиным, подождав немного, пообедали раньше, и когда Куломзин с сопровождавшими его чиновниками, по-видимому, голодными и в этот день не обедавшими, расположился ужинать, то Горемыкин от участия в ужине отказался и, посидев с ним не-

много, ушел спать, что, видимо, Куломзину не понравилось еще больше. На следующее утро, когда нам подали запряженные тройки, Куломзин предложил генерал-губернатору сесть с ним в один экипаж, на что Горемыкин ответил: «Нет уж, Ваше Высокопревосходительство, вы уж извольте ехать первый, а мы с Александром Александровичем следом за вами». Куломзину это не понравилось еще больше и он стал настаивать, чтобы Горемыкин в таком случае ехал первый. Когда же Горемыкин после некоторого препирательства согласился на это, и Куломзину пришлось поглотить порядочно пыли от нашего экипажа, так что в конце концов он приказал своему экипажу отстать на полверсты или более, то настроение его испортилось окончательно и уже не могло поправиться ни от превосходных видов на Саяны, видневшиеся вдаль, ни от прекрасного состояния посещаемых нами переселенческих поселков, которые мы все находили в более или менее цветущем положении благодаря благоприятным условиям этого края. Так после этого не удавшегося совместного путешествия возгорелась между Куломзиным и Горемыкиным некоторая вражда, наличность которой впоследствии немало повредила Горемыкину.

Сверх переселенческих поселков и участков осмотрели мы тогда и знаменитую Ирбитскую дачу, имевшую свою длинную историю. Дача эта, еще в середине XVIII века (помнится, в 1745 г.) отведенная под медный завод купцу Пермикину, досталась как-то потом, уже в середине XIX века, какому-то тайному советнику Безкаравайному, который сам, а потом и его наследники, не держа на ней никакого завода, стали эксплуатировать ее, как частное имение, отдавая великолепные земли ее в аренду крестьянам целого ряда поселков, на ней водворившихся. Казна, желая отобрать от Безкаравайных захваченное ими казенное имущество, должна была вести с ними длительный процесс, причем дело это восходило и на высочайшее разрешение и в конце концов все-таки было проиграно Безкаравайными, после чего, уже в бытность мою в Иркутске, возник вопрос об устройстве поселившихся на ней крестьян в поземельном и административном отношениях. В поземельном отношении крестьянам этим отданы были все занятые ими земли, в административном же отношении из них была образована целая волость. В тот момент, когда мы их посетили в 1896 г., они находились еще в переходном состоянии, но вид имели весьма зажиточных и вполне независимых людей. Многие из них и по внешнему виду весьма отличались от обыкновенных сибирских крестьян, носили какие-то круглые шляпы и выглядели тирольцами, что вполне гармонировало с прекрасным горным ландшафтом этой местности.

В обратный путь из Минусинска мы вместе с Куломзиным и с сопровождавшими его чиновниками отправились вновь по Енисею на том же пароходе «Евгений». Здесь только чело Куломзина видимо прояснилось и он стал более любезно относиться к нашему генерал-губернатору. Но и тут, однако, как только Горемыкин отправился после обеда отдохнуть в свою каюту, Куломзин, подсев ко мне, попытался завязать разговор о слабых сторонах моего начальства. Но тут он, разумеется, встретил с моей стороны такое явное нежелание вести этот разговор в начатом тоне, что вскоре прекратил его совсем, и с тех пор, как мне казалось, по крайней мере частица его недоброжелательства к Горемыкину перешла и на меня, его скромного сотрудника. Дальше Красноярска в этот раз Куломзин не углублялся в Сибирь, и там мы с ним и распростились.

Мы же с генерал-губернатором провели в Красноярске еще дня два, причем посетили тюремный замок, пересыльную тюрьму и губернскую красноярскую больницу. Горемыкин все это время продолжать быть в раздраженном состоянии — так на него, видимо, подействовал разлад его с Куломзиным. Пылил генерал мой понемногу всюду, куда мы с ним только ни появлялись, но окончательно гнев его разразился над ни в чем неповинными врачами губернской красноярской больницы, в том числе и над приятелем моим Владимиром Михайловичем Крутовским⁷⁴. Надо сказать, что приезд наш в больницу не был внезапным, и генерал-губернатор, заранее предупредив о нем врачей, просил их быть не в мундирах, а в обыкновенной служебной форме, т.е. в вицмундирах. Между тем внизу вестибюля он был встречен старшим врачом в мундире. Это ему не понравилось и он сухо заметил ему: «Ведь я вас просил не одеваться в парадную форму. Отчего же вы не исполняете точно эту мою просьбу?» И затем поднявшись по лестнице, на первой же площадке ее, он был встречен доктором Крутовским в черном сюртуке и белом галстуке и доктором Альтшуллером во фраке и белом галстуке. Тут уж он не выдержал и с гневом сказал им: «Что же это, господа, за порядки? Я просил всех быть в обыкновенной служебной форме, т.е. в вицмундирах, а вы одеваетесь, как кому угодно!» Доктор Крутовский смотрел на него в это время улыбаясь и не говорил, доктор же Альтшуллер заюлил около него и самым сладким голосом заявил, что он полагал, что так будет параднее. Тогда Горемыкин, резко обернувшись к нему, повысив голос, сказал: «Вот доктора Крутовского я крайне уважаю за его полезную деятельность в Красноярске, только вижу, что он меня, к сожалению, не уважает, потому ставит ни во что все мои распоряжения. Вас же я совсем не уважаю

и знать не желаю и прошу вас сегодня же подать в отставку». После этого грозного окрика всем сделалось чрезвычайно неловко, в том числе и самому Горемыкину, и все мы в этом неприятном положении начали осмотр больничных палат.

Когда осмотр кончился и мы с генерал-губернатором вышли из больницы, то он, садясь со мною в экипаж, сказал, как бы извиняясь: «Вот проклятая вспыльчивость! Сколько раз я давал себе обещание быть сдержаннее и не могу. А вам, я думаю, было неприятно присутствовать при той сцене!» Я сказал, что мне, действительно, было неприятно и что сцена эта может иметь дурные последствия, т.к. Крутовский также может подать в отставку, а не один Альтшуллер, который был действительно на очень дурном счету. При этом я напомнил генерал-губернатору, что я и сам, прибыв в Иркутск, в первый раз представлялся ему во фраке, не имея мундира, и что у нас, людей штатских, мало кто обращает внимание на форму.

В тот же день вечером инцидент этот обсуждался у В.М. Крутовского в моем присутствии, причем Крутовский заявил мне, что он предполагает, как я и опасался, подать в отставку. Я доказывал ему, что лично он не может считаться оскорбленным генерал-губернатором. «Ну, а что касается Альтшуллера, — заметил присутствовавший при этом П.И. Рачковский, также приятель Крутовского, местный врачебный инспектор, — то за него вступаться поистине не стоит. Можете себе представить, что этот господин тотчас по уходе Горемыкина пристал ко мне с вопросом, не переменит ли он, генерал-губернатор, свой гнев на милость, если узнает, что он, Альтшуллер, намеревается на днях перейти из иудейской веры в православную. На это я ему сказал, что не думаю этого и что полагаю даже обратно, что слух об этом только утвердит Горемыкина, и при том совершенно справедливо, в невыгодном его мнении об Альтшуллере».

Не следует смешивать этого господина Альтшуллера с однофамильцем его, известным доктором Альтшуллером в Ялте, служившим ранее земским врачом в Тверской губ. и имеющим вполне заслуженную репутацию вполне порядочного человека.

Благодаря такой незавидной репутации доктора Альтшуллера инцидент этот и действительно не имел тогда никаких последствий, так как Крутовский не настаивал на своем намерении подать в отставку и решил все происшедшее предать просто забвению. О В.М. Крутовском мне придется еще неоднократно упоминать в этих моих воспоминаниях.

По приезде в Иркутск я «обращен был» вновь к занятию крестьянскими и переселенческими делами, причем в моих руках бы-

ло вскоре сосредоточено все наблюдение за ходом этих дел в IV-ом и вновь образованном V-м делопроизводствах канцелярии генерал-губернатора.

Вскоре между мною и Горемыкиным образовалась еще новая связь по участию моему в деле постройки и в особенности эксплуатации нового городского театра. Каменный театр этот, выстроенный Горемыкиным на собранные им пожертвования, взамен сгоревшего прежнего, деревянного, составляет и теперь одно из украшений города Иркутска. Во все время сооружения театра (5 лет) Горемыкин с большою ревностью смотрел за ходом его постройки, которая совершалась особым назначенным им для этого комитетом. В состав этого комитета, по просьбе генерал-губернатора, вошел и я перед самым уже концом дела. По окончании же постройки театр, как и следовало, торжественно был передан в заведование города, причем городская дума избрала пятерых директоров для заведования театральным хозяйством и вообще всем делом эксплуатации театра. В числе этих пяти директоров был избран думою и я. Побудила меня принять это избрание надежда влиять на возможно более широкую эксплуатацию театра с просветительными целями, что мне впоследствии и удавалось до некоторой степени. Дважды мне и самому приходилось публично выступать на арене этого театра. В первый раз в день торжественной передачи театра городу, причем мною в качестве делопроизводителя строительного комитета был составлен и прочитан подробный отчет о сооружении театра. В второй раз мне довелось выступить на арене театра с публичной лекцией о Белинском, в день пятидесятилетней годовщины со дня его смерти 26 мая 1898 г. Открытие театра было торжественно отпраздновано 30 августа 1896 г., что совпало с днем именин генерал-губернатора и причем на обеде фигурировал, между прочим, оставшийся у меня в памяти феноменальный по своим размерам арбуз, привезенный тогда самим генерал-губернатором из Олекминского уезда Якутской области, куда он успел съездить по возвращении нашем из Красноярска и где арбуз этот был поднесен ему водворенными там скопцами, удивительно искусными огородниками. Арбуз был вышиной в $3/4$ аршина и весом в 45 фунтов и по вкусу своему не уступал лучшему камышинским и астраханским арбузам. Вместе с ним скопцами были поднесены тогда же и еще два арбуза сопровождавшим генерал-губернатора чиновникам, но те были уже несколько меньшего размера, а именно в 35 и 30 фунтов, и оба они были съедены ими в дороге, не доехав до Иркутска, и потому мне уже не пришлось их видеть.

Участие мое в общественных делах города Иркутска продолжало развиваться и вскоре я получил приглашение принять участие в выборе гласных городской думы, воспользовавшись для этого полномочием от канцелярии генерал-губернатора, имевшей в своей собственности казенное здание, в котором она помещалась. В то время многие интеллигентные граждане города Иркутска, недовольные сонливой деятельностью городского самоуправления, решили сплотиться на выборах и попытаться провести в состав городских гласных как можно больше представителей местной интеллигенции. Усилия эти увенчались успехом и между прочим в число гласных попал и я. Приняв это избрание с разрешения генерал-губернатора под условием полной самостоятельности моих действий, я с большим интересом погрузился в дела городского самоуправления, отдавая этому делу отныне все мои досуги. В.П. Сукачев, оскорбленный недовольством обывателей его деятельностью, отказался тогда баллотироваться в городские головы, и на его место был избран один из примкнувших к интеллигентной партии купцов В.В. Жарников; я же был избран председателем думы на те случаи, когда городской голова по силе 120 статьи Городового положения не мог в ней председательствовать, т.е. когда рассматривался отчет городской управы и вообще когда обсуждались ее действия.

Вместе с тем я был избран также и членом губернского присутствия по городским делам от думы. В то же время мы с Талей продолжали участвовать во всех просветительных обществах и во всех их начинаниях того времени. Вскоре я избран был также и членом ревизионной комиссии, причем участие в этой последней обусловило для меня необходимость более глубокого ознакомления со всем городским хозяйством и с финансами города. Камнем преткновения, однако, на этом пути на первых порах явилось для меня совершенное незнакомство мое с бухгалтерией, так что, когда члены ревизионной комиссии выразили было желание избрать меня своим председателем, то я от этого наотрез отказался, несмотря на уговоры С.А. Лянды, который обещал меня быстро ознакомить со сложной системой городской бухгалтерии.

Трехлетнее участие мое в городских делах города Иркутска не ознаменовалось, однако же, ничем достопримечательным. В три года, при скудных городских финансах и при недостаточных правах городского самоуправления и новый, более интеллигентный состав городской думы не мог, конечно, сколько-нибудь серьезно улучшить условия городской жизни. Интеллигентная городская дума охотно давала ассигнования на распространение народного образования и в особенности на всякие внешкольные просве-

тельные учреждения, которые находились все же в меньшей зависимости от тяжелого гнета Министерства народного просвещения. Но вся эта деятельность представлялась мне все яснее каким-то крохоборством по сравнению с истинными народными нуждами, хорошо сознаваемыми уже и тогда лучшей частью нашей интеллигенции. Что же касается чисто технических улучшений в деле городского хозяйства, то тут наряду с недостаточными средствами города, ощущался весьма сильно также и недостаток в людях. Дума, имевшая в своем составе многих представителей интеллигенции, не была, однако же, в состоянии выбрать из их состава подходящую управу, ибо почти все эти лица состояли или на государственной службе или занимали определенные должности в торговых и промышленных предприятиях и были таким образом перегружены своими прямыми обязанностями. Все они охотно шли в гласные думы, отдавая таким образом городу свой скудный досуг, но отдаться всецело городским делам и принять на себя непосредственное руководство той или другой отраслью городского хозяйства они, разумеется, не могли. Сверх того, выбор лиц в члены управы был стеснен еще необходимостью утверждения в должности со стороны властей предержавших, которые могли в свою очередь утвердить лишь лицо вполне «благонадежное» в политическом отношении, что, естественно, сокращало и без того небольшой контингент, из которого, могли быть выбраны члены управы. К тому же часть членов прежней управы, выбранных в середине полномочий прежней думы на четырехлетний срок, должны были отслуживать свой срок и при новой думе.

Из числа выбранных нами членов управы вспоминается мне В.А. Белоголовый, на которого возлагались особые надежды. В деятельности своей он, однако же, вскоре обнаружил столько непрактичности и сумасбродства, что мне самому вскоре пришлось принять участие в его укрощении. Заведуя, между прочим, в управе столом по воинской повинности и стремясь прекратить совершавшиеся там, по слухам, злоупотребления, он до такой степени разошелся, что стал обвинять, притом совершенно бездоказательно, в участии в этих злоупотреблениях почти весь персонал управских служащих, в числе которых было много лиц из бывших политических ссыльных. Встретившись с их сопротивлением, Белоголовый не остановился перед официальным обвинением и их в небывалых злоупотреблениях. В результате мне пришлось, в качестве председателя думы, после всестороннего расследования дела поставить на закрытую баллотировку гласных вопрос о «вздорности» всех обвинений, возведенных Белоголовым

на служащих городской управы. И значительным большинством голосов обвинения Белоголового признаны были «вздорными». Помню, что многие тогда, смущаясь резкостью моей формулировки, подходили ко мне и просили меня ее смягчить, но я остался в этом случае при своем, считая, что тут уместна была именно резкая постановка вопроса, ибо дело касалось чести лиц, ни в чем не повинных. Мы думали, что Белоголовый уйдет тогда в отставку, но он остался на своем месте как ни в чем не бывало.

Помню я, что, внимательно пересмотрев во время моей ревизии все делопроизводство думы, я представил думе большой доклад, тогда же напечатанный и розданный гласным, о перераспределении дел между отделениями городской управы. Доклад этот был принят думою, но вскоре я сам должен был убедиться в том, что эпиграфом к нему легко могли бы послужить известные слова из басни Крылова:

«А вы, друзья, как ни садитесь,
Все в музыканты не годитесь».

До такой степени был плох личный состав членов городской управы.

Вспоминая теперь свое участие в иркутских городских делах и не видя в этой своей деятельности ничего достопримечательного, о чем я мог бы вспомнить с особенной отрадой, я должен однако же сказать, что мне лично это участие мое в городских общественных делах было в высокой степени полезно, ибо оно чрезвычайно расширило сферу моего жизненного опыта и заставило меня лично убедиться в трудности ведения городского общественного хозяйства.

Участие мое в городских делах не только не помешало мне продолжать мое участие вместе с Талей в различных просветительных учреждениях города Иркутска, но сделало даже участие это гораздо более плодотворным, благодаря обилию появившихся у меня связей и моему влиятельному положению в думе, вследствие которого я без труда мог выхлопывать у города необходимые денежные субсидии.

Связи и знакомства мои с кружком политических ссыльных упрочивались и развивались. В «Восточном обозрении», где я прежде был просто членом редакции, я принял после отъезда в Россию П.Г. Заичневского, который вскоре там и умер в Смоленске, — ведение отдела иностранной политики, причем мне удавалось в этом отделе сообщать публике гораздо более сведений, нежели то было при Заичневском.

После приезда из Петербурга в 1896 г. мы наняли довольно большую квартиру в доме Нацвалова, на углу Баснинской и Граматинской улиц; наличность в ней большой гостиной позволяла нам устраивать журфиксы, на которых собиралось иной раз больше 20 лиц. Большая часть собиравшихся обыкновенно принадлежала к кружку политических ссыльных. И вскоре в глазах многих иркутян я до того с этим кружком объединился, что некоторые считали и меня чуть ли не политическим ссыльным. Помню по крайней мере один, свидетельствовавший о таком смешении отзывов, доведенный кем-то тогда же до моего сведения. Отзыв этот принадлежал моему сотоварищу по совету Географического общества, заведующему физической обсерваторией в Иркутске Аркадию Викторовичу Вознесенскому, который в разговоре с кем-то об иркутских политических ссыльных, сказал, что его из всего кружка ссыльных интересуют только три человека: С.А. Лянды, Я.К. Стефанович⁷⁵ и А.А. Корнилов. Политические споры, которые велись на подобных собраниях у меня, И.И. Попова и С.А. Лянды, вращались обыкновенно около старой темы о тогдашних распрях между марксистами и народниками. При этом я помню как-то особенно удививший С.А. Лянды мой ответ на поставленный мне прямо вопрос, к кому я себя причисляю — к социалистам-народникам или к социал-демократам? — Отвечая на этот вопрос, я тогда сказал, «что не мог бы причислить себя ни к тем, ни к другим, ибо, если говорить об идеалах, то мой идеал скорее всего подходит к идеалу анархистов, и что если я не могу себя причислить также и к числу практических анархистов, то лишь потому, что не одобряю сумасбродного их образа действий и не разделяю, само собою разумеется, их надежд на более или менее близкое осуществление этого идеала в жизни». Признавая анархический строй своим идеалом, я в то же время допускаю на пути к осуществлению этого идеала множество переходных стадий, из которых, однако же, ни одна, по моему мнению, не будет заключать в себе полного осуществления стремлений ни социалистов-народников, ни социал-демократов.

Прислушивавшийся к этому разговору один старый анархист-бунтарь С.Ф. Ковалик⁷⁶ им заинтересовался и стал защищать неизвестную мне в то время доподлинно теорию Бакунина⁷⁷. Я обратил тогда его внимание на то, что с моей точки зрения одной из важнейших сторон анархического идеала является полное отсутствие насилий над личностью в человеческом обществе, между тем анархисты-бунтари возводят применение насилия почти в догмат. Я же признаю правильным осуществлением анархического идеала лишь ту мирную борьбу за него, которую проповедует

Толстой, и расхожусь с Толстым лишь в том отношении, что, не считая его идеал осуществимым в настоящее время, допускаю ряд компромиссов, приближающих, по моему мнению, его осуществление в будущем. В настоящее время я считаю, однако ж, первым шагом, необходимость которого неизбежно должна признаваться членами всех прогрессивных политических партий, переход от самодержавно-бюрократических государственных форм к конституционно-демократическим. Одним из необходимейших средств к этому я считаю в настоящее время возможно больший подъем народного просвещения, которое одно лишь может обеспечить сознательное участие народа в государственных делах. С этим тогда, как мне кажется, согласны были более или менее все присутствовавшие; мне же в то время казалось возможным и осуществимым, даже без большой борьбы, соединенными усилиями всей интеллигенции страны достижение необходимых в этом смысле уступок со стороны правительства. Настолько плохо представлял я себе в то время тупое упорство самодержавной власти.

**НИКОЛАЕВСКИЙ ЗАВОД. РЕВИЗИЯ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ
ЧИНОВНИКОВ И ИНСТРУКЦИЯ ИМ. КРАСНОЯРСКОЕ
ОБЩЕСТВО. В.М. КРУТОВСКИЙ. М.Т. АНТОНОВ И
ЕГО СМЕРТЬ.**

Еще осенью 1897 г. был я командирован в Николаевский железнодорожный завод для составления проекта наделения рабочих усадебными участками и оттуда в Енисейскую губернию для ревизования переселенческих чиновников и выработки им инструкции.

Николаевский завод лежал к северу, верстах в 600 от Иркутска по Ангаре, недалеко от того места, где начинается порог, препятствующий судоходству по Ангаре. День был очень хороший, но морозы уже охватили леса и обнажили березу. Мы ехали на пароходе и к удивлению моему я увидел, что в тот же день выехал в Николаевский завод и И.П. Моллериус (губернатор), который свидетельствовал порядки на заводе со своей точки зрения, а с ним вместе выехал и Александр Петрович Сипягин⁷⁸, иркутский тюремный инспектор, небезызвестный в литературе своими статьями. Мы, таким образом, составили довольно приятную компанию. Благодаря этому путь туда, около двух суток, мы совершили незаметно, в разговорах друг с другом.

Николаевский завод, взявши на себя большой заказ по постройке Сибирской железной дороги, не мог выполнить таковой

в положенный срок. На заводе, принадлежавшем Савве Ивановичу Мамонтову⁷⁹, жили его племянник с женой-итальянкой и сын-студент, благодаря чему был задан обед, достойный губернатора.

На заводе этом работало до 4000 рабочих, главным образом ссыльно-поселенцев. И вот эти-то рабочие и должны были быть устроены, и выработка плана их устройства была поручена мне. Так как завод был устроен на казенной даче, достигавшей 50 тысяч десятин, то наделение рабочих участками, достаточными для их усадеб и для пастьбы скота, не представляло особого затруднения. В мою задачу и не входило наделение их усадьбами, т.к. таковое потребовало бы наличности казенного землемера, а должно было ограничиться лишь выяснением их нужд и собранием о них различных статистических сведений, что и удалось мне сделать в течение тех нескольких дней, которые я провел на заводе. Помнится мне, что я проектировал им поделить по 4 десятины на двор и выходило что-то около 16 тысяч десятин. Обе стороны относились к этому довольно равнодушно и не видно было обычной жадности крестьян к земле. Я уехал с завода, хотя и кончив это дело в принципе, но без твердого убеждения, что оно прочно.

И действительно, прошел едва год, как поселенные на заводе крестьяне были оттуда выселены, а завод прекратил свою деятельность. Произошло это из-за невозможности тех работ, которые заводовладелец взял на себя. Случилось оно в бытность генерал-губернатора в Петербурге и когда я исполнял там обязанности заведующего канцелярией. Была получена телеграмма, а за нею другая, срочная, от Моллериуса, уведомлявшие, что дела завода приостановились и служащим и рабочим заводовладельцы не платят жалования уже в течение трех месяцев. Что ввиду нахождения завода в местности, отдаленной от всякого жилья, там запасы хлеба были на исходе и необходимо было или рабочих отпустить немедленно, или обеспечить их хлебом. В противном случае губернатор не отвечал за сохранение среди рабочих спокойствия. Дело усложнялось еще и тем обстоятельством, что не было вблизи завода места, откуда можно было бы получить хлеб. Вторая телеграмма Моллериуса была экстренная. Сейчас же после получения первой телеграммы генерал-губернатор снесся с министром земледелия и государственных имуществ и с департаментом государственной полиции. И министр земледелия назначил очень быстро комиссию для рассмотрения этого дела, в состав которой были приглашены представители Министерства внутренних дел, путей сообщений и генерал-губернатора. Представителем генерал-губернатора назначен был я. Обсуждение дела в этой комиссии зашло довольно далеко, так что заседания комиссии про-

зили затянуться. Я требовал скорейшего, по возможности немедленного, решения этого дела, так как обстоятельства складывались достаточно серьезно. Главный пункт обсуждения заключался в том, что у завода находилось более 100 тысяч казенных денег, данных заводу Министерством путей сообщения в виде задатка при заказе партии рельсов, которые завод не сдал в положенный срок. Теперь вопросом, разрешить который должна была комиссия, являлся: может ли генерал-губернатор распорядиться этими деньгами. Комиссия задалась целым рядом побочных вопросов, и для разрешения этого вопроса предполагалось испросить согласие министра земледелия. Я очень горячился, понимая, что от промедления нашего решения зависит судьба тысяч рабочих, а между тем следующее заседание комиссии было назначено через несколько дней. Со мной никто не согласился, и я подал отдельное мнение, составленное в довольно резких выражениях. При этом я понимал, однако, что мнение мое, и если даже министр со мною согласится, то все же пройдет несколько дней, в течение которых на заводе может развиться бунт среди рабочих. К сожалению, генерал-губернатор, которому я доложил это дело в тот же день, был нездоров, так что не мог выезжать из квартиры. Я предложил ему тогда обратиться экстренно к министру финансов, которым был в то время Витте⁸⁰. А так как он лично не мог к нему поехать, то я предложил отправиться к директору департамента торговли и мануфактур Ковалевскому⁸¹ и добиться, чтобы он взял на себя это дело. К Ковалевскому я попал уже часов в 7 вечера. Сперва он отказался меня принять, но я, действуя именем генерал-губернатора, настоял на своем, заставил Ковалевского принять себя и выслушать. У Ковалевского приемная комната была полна докладчиков. Несколько раз он пробовал сплавить меня, не дослушав до конца доклада, но я добился того, что он, выслушав меня, согласился взять это дело в свои руки. На следующий день, в 1 час дня, был доклад Ковалевского у Витте, и он, назначив мне утром этого дня привезти письменный доклад о моем деле, взял этот доклад с собою. Дело кончился в тот же день благополучным решением Витте, предоставляющим генерал-губернатору распорядиться всею суммою денег, данных в задаток Министерством путей сообщения. В тот же день я известил экстренно иркутского губернатора о том, что он может употребить означенную сумму на расчеты с рабочими.

Рассказывая о Николаевском заводе, я увлекся. Теперь будем продолжать начатое по порядку. Из Николаевского завода я выехал дня через четыре на Тулун и оттуда в Красноярск. Мне предстояло посетить большое число районов переселенческих чинов-

ников в Енисейской губернии, так как до Иркутской переселение тогда еще не дошло. Посещение этих районов должно было дать основания для суждения о правильности заведования этим новым делом.

Вообще переселенческое движение развивалось постепенно. По мере постройки железной дороги и заготовления участков для переселения, которых сразу заготовили большое количество две межевые партии, занимавшиеся этим делом, число участков в Енисейской губернии достигло внушительной цифры, так что в течение трех-четырёх лет население в этой губернии грозило чуть не удвоиться. Между тем дело это было совершенно новое и почти одновременно развивалось и законодательство, и действительное внедрение переселенцев. Поэтому предстояло разрешить целый ряд более или менее важных вопросов относительно устройства переселенцев. Вопросы эти в общей своей форме разрешались постановлениями особой комиссии под председательством Куломзина, разрешавшей все вопросы и имевшей власть законодательного учреждения. Но она рассматривала вопросы лишь в общей форме и при применении ее решений к действительности очень часто возникали более мелкие вопросы о порядке применения или о неприменимости норм, изданных комиссией к данному случаю. Все такие вопросы должна была на месте выяснить и разрешить власть генерал-губернатора. Вопросы эти касались нередко весьма существенных нужд и прав крестьян, как переселенцев, так и старожилото населения.

Поэтому для целей выяснения этих вопросов мне всего лучше было бы объехать сперва все регионы переселенческих чиновников, которых было уже восемь, и, ознакомившись на месте со всеми делами и затруднениями, встреченными переселенческими чиновниками при самом заселении участков, в конце концов подготовить разрешение на общем совещании всех встреченных затруднений, чтобы потом представить журнал этих совещаний на утверждение генерал-губернатора.

Состав переселенческих чиновников был очень удовлетворительный и помимо них в этих совещаниях должны были принять участие, во-первых, управляющие казенной палатой и государственными имуществами Енисейской губернии и местный врачебный инспектор, во-вторых, я пригласил к участию в совещании чиновников по переселенческим делам Министерства внутренних дел, бывших в Енисейской губернии и заведовавших движением переселенческих партий. Таким образом, состав этого совещания возрос до 20 с лишним лиц. Я поэтому взял большой двойной номер в гостинице и совещания происходили у меня.

Совещания эти продолжались неделю и затем журнал их, веденный мною лично, утвержденный в Иркутске без всяких изменений генерал-губернатором, был напечатан, составив большую брошюру, страниц в 200. Обезд районов переселенческих чиновников занял более месяца, и таким образом, вся поездка, с пребыванием неделю в Красноярске, взяла у меня месяца полтора. Потом я докладывал генерал-губернатору все дело и печатал постепенно журнал в Иркутске, так что готов он был только весной.

Заезжая по делам службы в Красноярск, я в течение этого времени мало-помалу приобрел там знакомых и друзей почти в таком же количестве, как и в Иркутске. Во-первых, моими знакомыми являлись знакомые официальные, во-вторых, сюда относились знакомства необязательные, с людьми, подходящими ко мне по духу.

Из первых было знакомство с губернатором. Первого губернатора я застал в Красноярске, тайного советника Теляковского⁸², который был гимназическим товарищем моего дяди Вл[адимира] Серг[еевича] Кудрина. Это был человек не только не симпатичный, но являвшийся представителем дореформенной сибирской власти, — взяточник, не гнушавшийся доносами, бестактный, возбудивший к себе ненависть всего населения. Я сделал ему официальный визит и он явился отдавать мне его. В это время я был в Красноярске с женой и у нас сидел в гостях Василий Андреевич Караулов⁸³, бывший ссыльно-каторжный. Узнав о приезде губернатора, я спросил нет ли другого номера, и так как номер свободный нашелся, то я и принял в нем Теляковского. Просидел он у меня с четверть часа, и когда, наконец, мне удалось его выжить, я отправился в свой номер, чтобы с Карауловым вместе направиться к кому-то из красноярских знакомых. Мы уселись на извозчика и поехали и, к удивлению нашему, встретили у подъезда гостиницы Теляковского, который, вероятно, делал еще кому-нибудь визит.

«Ну, теперь он не преминет донести на вас», — сказал мне, смеясь, Караулов.

Теляковского вскоре убрали по представлению Горемыкина, и он, поселившись в Костромской губернии, сделался земским начальником. Представляю себе, каков был он земский начальник!

Вице-губернатором был В.Л. Приклонский⁸⁴, с университетским образованием, мой предместник по должности. Его я мало успел узнать ввиду того, что он скоро умер. Он был порядочный человек, но довольно странный. Ко мне он, впрочем, высказывал симпатию. Он был знаток инородческого быта и ранее дол-

жности чиновника особых поручений V класса он был вице-губернатором в Якутске.

К другого рода знакомым принадлежали председатель окружного суда, с которым я встречался еще гимназистом в Варшаве, — Н.П. Ераков, брат моего товарища.

Управляющий государственными имуществами Енисейской губернии А.Ф. Духович⁸⁵ мог бы быть причислен и не по должности к числу моих личных знакомых. Он был также сослан в Сибирь по политическим делам и, будучи уже на службе лесным ревизором, при проезде наследника через Иркутский тракт был арестован жандармами и выслан в другой уезд. Однако Горемыкин признал несправедливым этот арест и дал Духовичу такую рекомендацию, которая послужила впоследствии основанием для назначения его управляющим государственными имуществами. Бедный Духович умер в молодых годах от чахотки. По какому же делу он был привлечен к политическому надзору и сослан в Сибирь, я теперь не помню. Но помню, что дело его было не важное. После него осталось несколько специальных брошюр по лесному хозяйству.

Управляющий казенной палатой Юрборский был кажется из кантонистов, человек мало образованный и хорошо знавший только свое дело.

Я упоминал уже о знакомстве своем с Петром Ивановичем Рачковским. Это был инспектор врачебной управы. К должности своей он относился не только официально, но вместе с помощником своим Владимиром Михайловичем Крутовским вел свое дело почти как представитель земской медицины. Он между прочим интересовался и переселенческим делом и потому охотно принимал участие в осмотре переселенческих участков. В то же время он был хороший врач-акушер и многие дамы у него охотно лечились.

Из чиновного мира я ближе других познакомился с Влад[имиром] М[ихайловичем] Крутовским. Владимир Михайлович, давний сибирский старожил, был домовладельцем и дачевладельцем под Красноярском. У него в доме находили себе приют все невольные жители Красноярска. Окончив еще в семидесятых годах курс медицинской академии и женившись на такой же, как он, сибирячке и при том курсистке Лидии Симоновне Гоштофт, окончившей Высшие женские курсы, он водворился в родном своем Красноярске. Здесь он образовал общество пособия врачей и устроил особую лечебницу, а вместе с женой принялся за распространение народного образования. Вскоре дом молодых Крутовских сделался центром, в котором сходились все идейные деятели, вольные

и невольные, попадавшие в Енисейскую губернию. Больше, впрочем, около Крутовских объединялись сибиряки, но поддерживали с ними связи также и невольные обитатели Сибири и в редких случаях немногие из чиновников, подходящие к ним по своим взглядам, выделявшиеся из остальной массы своей идейностью. Вскоре Крутовскому удалось исследовать и установить целебные свойства источников известного озера Шира в Минусинском уезде. При помощи этого курорта связи Крутовского стали расширяться и расширились мало-помалу чуть не на всю Сибирь. Ко времени моего приезда в Красноярск репутация Крутовского была уже прочно установлена во всей передней Сибири. Я же себя чувствовал особенно тепло и уютно в маленьком домике на Узенькой улице, принадлежавшем Крутовскому.

По службе своей стояли ко мне ближе другие сибирские деятели: Алексей Николаевич Ушаков, о котором я уже упоминал выше, Виктор Ювентинович Григорьев и Николай Егорович Козлов. Все они составляли остаток от сформированного Астыревым исследовательского кадра и были объединены службой по статистическому исследованию землепользования и сельского хозяйства в Восточной Сибири, сообщавшей им определенную идейность и связывавшей их с нуждами родной страны. Из них Ушаков — цыган с белыми зубами, как, шутя, звал его Смирнов, — был старшим производителем работ по образованию переселенческих участков, а Григорьев — человек умный, но менее развитый — был производителем работ; Козлов же был переселенческим чиновником. Ушаков был кандидатом математического факультета, Григорьев не получил высшего образования, а Козлов был из студентов Московской Петровской академии. Впоследствии Ушаков был старшим чиновником по введению крестьянского землеустройства в Иркутской губернии, а Григорьев занял ту же должность в Енисейской губернии — должность V класса, и этот успех несколько вскружил ему голову, отчего он и удалился от прежней компании. Козлов же, умерший недавно правителем канцелярии иркутского генерал-губернатора, не так резко изменился в этом отношении. Все они, будучи выдающимися представителями сибирского населения, каждый пошел своей дорогой на службе родине — Ушаков был избран в 1906 году членом I Государственной Думы и, подписавши Выборгское воззвание⁸⁶, уже не мог вернуться на службу в Сибирь. Он перешел на службу в Сибирский банк и был назначен управляющим Вятским его отделением.

Вместе с этими деятелями переселенческого дела вспоминаются мне и другие, не принадлежащие к сибирской интеллигенции,

но тем не менее посвятившие себя этому делу вполне. Тут на первом плане встает в памяти ачинский переселенческий чиновник Николай Александрович Степанов, человек очень оригинальный. Я его застал уже переселенческим чиновником, но был он раньше капитаном артиллерии и служил при складе каких-то казенных имуществ, где не все было благополучно. Как человек безусловно честный, он заставил генерал-губернатора обратить внимание на расхищение там имущества, а затем пустил в себя пулю. Рана была тяжелая, но не смертельная; однако по излечении в прежнюю должность капитан Степанов не пожелал возвратиться, и генерал-губернатор назначил его переселенческим чиновником. Здесь, с увлечением относясь к этой службе, Степанов немало нам задал хлопот и вопросов, которые мы и разбирали в своем переселенческом съезде. Позднее он перешел старшим производителем работ в партию Ушакова в Иркутскую губернию и мы часто виделись с ним в 1899 г. зимою. Он был уже человеком лет 40 от роду и казался старым холостяком. Но уже после моего отъезда из Иркутска он вышел в отставку и женился. С тех пор я его не встречал.

Новым переселенческим чиновником, уже по моему представлению назначенным на это место в Канске, был Михаил Трофимович Антонов. Это был тот самый Антонов, который служил при мне землемером в Конском уезде, потом вместе со мною был на голоде в Тамбовской губернии. Теперь он был назначен чиновником особых поручений по переселенческой части и с него-то и началась моя ревизия. Затем мы с ним вместе поехали в Красноярск на съезд переселенческих чиновников. У Антонова в детстве был кариозный процесс в правой руке, из которой выходили кости. Но впоследствии рука поправилась до такой степени, что он мог свободно писать ею, и она была только несколько короче левой. Теперь, перед поездкой в Красноярск, Антонов ушиб эту руку в экипаже. Он жаловался дорогой на легкую боль в руке, а приехав в Красноярск, он уже участвовал только в первом заседании съезда, после чего так расхворался, что должен был остаться дома. Благодаря нашим связям с врачами, он с самого начала был поставлен под надзор опытных хирургов. Очень скоро пришлось его перевезти в больницу Крутовского, где спустя несколько дней у него отняли руку. После того я уехал из Красноярска и уже по приезде домой получил печальную телеграмму о кончине этого, казалось, столь сильного и молодого еще человека.

Из переселенческих чиновников Енисейской губернии мне вспоминается еще А.И. Орлинский, бывший чиновником особых поручений по переселенческой части в Минусинском уезде. Он был

человек лет 40 с лишним, холостой, и всецело отдавался своему делу. Впоследствии он был назначен председателем съезда крестьянских чиновников Минусинского уезда, но скоро умер.

16 августа 1898 г. я опять был командирован для ревизии переселенческих чиновников Иркутской и Енисейской губерний и для ознакомления в Енисейском губернском управлении и в Енисейской казенной палате с ходом работ по введению в действие закона 19 января 1898 г. о замене подушных сборов государственными оброчными и поземельными податями. Замена этих сборов поземельными податями производилась не механически. Подати заменялись поимущественно, тогда как прежние повинности были наложены лично. И поравнение могло происходить между волостями и даже между уездами. Условиться, в какой степени будет произведено это последнее, я и должен был с управляющим казенной палатой и с вице-губернатором в губернском управлении. На этот раз я не особенно долго пробыл в Красноярске. Со мной ехала моя жена; но все-таки я остановился там на несколько дней, в течение которых, в то время как я занимался своими делами в губернском управлении и казенной палате, жена моя успела съездить к Крутовским на дачу, которая была на берегу Енисея в 7 верстах от города.

Из этой командировки я уже прямо поехал в четырехмесячный отпуск, в течение которого посетил с женой Галахи⁸⁷, где остановился очень недолго, и потом Крым. В Крыму поселилась в это время моя мать с семьей сестры моей Вари и с моим маленьким сыном Володей, который уже достиг четырехлетнего возраста.

ПОЕЗДКА В РОССИЮ. КРЫМ. ПЕТРУНКЕВИЧИ И БАКУНИНЫ.
СМЕРТЬ СЕСТРЫ ВАРИ. ЯРОСЛАВЛЬ. ШАХОВСКИЕ. ПЕТЕРБУРГ.
«ЗАМЕЧАНИЕ» МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ. «НАЧАЛО».
ПОЛЕМИКА ГОРЕМЫКИНА И ВИТТЕ. ВВЕДЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКИХ НАЧАЛЬНИКОВ. РЕВИЗИЯ ИХ И СОСТАВЛЕНИЕ ЗАПИСКИ. ЗАПИСКА О ЗЕМСТВЕ. СОЧИНЕНИЕ БУМАГИ ОБ УПРАВЛЕНИИ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА. НЕОЖИДАННОЕ
ФИАСКО И НАЗНАЧЕНИЕ ГЕН. А.И. ПАНТЕЛЕЕВА.
ПОСЛЕДНИЙ ОБЪЕЗД КРАЯ. МОЯ ОТСТАВКА.

В Крыму я виделся с Петрункевичами⁸⁸, которые гостили у Бакуниных⁸⁹, и через них в первый раз познакомился с Натальей Семеновной Бакуниной, с мужем которой Павлом Александровичем я был уже знаком раньше. К Бакуниным я ходил не один раз в их чудное имение «Горная щель» за четыре версты от Ялты.

При мне к ним приехал другой брат, Александр Александрович Бакунин⁹⁰, тот самый, которого я встретил в Москве на обеде в честь Головачева.

Имение Бакуниных «Горная щель» не было расположено на берегу моря, но от этого оно было не хуже по своему местоположению. Оно было построено лет за десять перед тем, когда Павлу Александровичу врачи рекомендовали жить на юге. Он, поселившись сперва у родственников Натальи Степановны Корсаковых в Чукуреаре, случайно набрел на эту прекрасную местность, расположенную в горах, против деревни Ай-Василь, и купил за пустяки 7 десятин. Влюбленный в эту землю, Павел Александрович с трудом раздобыл денег и построил на ней маленький, но очень изящный и уютный дом, в котором одна из комнат принадлежала Петрункевичам, а всего было в двух этажах пять комнат. Теперь, когда никого из жильцов этого дома, кроме Петрункевичей, давно уже не живущих там, нет в живых, мне сугубо дорого воспоминание о нем. В нем, кроме необыкновенной симпатии и ласки, которую внушали к себе его оригинальные и ласковые хозяева, было что-то так сильно говорившее о другой эпохе, об идейной жизни сороковых годов, что меня влекло к себе чрезвычайно властно. Я был в этом доме и с Рубакиным, и с Келлером, и с Елпатьевским⁹¹, и с матерью, и один много раз, и каждый раз мне так было в нем тепло и уютно, что не хотелось уходить. Для меня, кроме милых хозяев и массы портретов, особенную привлекательность этого дома составлял домашний архив Бакуниных, собранный трудами Натальи Семеновны. У меня тогда же явилось желание начать его разработку, что я впоследствии и исполнил. В архиве этом находилась переписка всей семьи Бакуниных, начиная с десятых годов прошлого века, затем письма Михаила Бакунина и его братьев и сестер и их подруг Беер. Тогда я был не свободен и надо было дожидаться, пока я освобожусь от службы, чтобы вплотную заняться этим делом. Пока же мы много беседовали с Павлом и Александром Александровичами, причем они рассказывали мне из своего прошлого, а я посвящал их в новую для них сибирскую жизнь. Я не знал тогда, что эти свидания были уже последними с Павлом Александровичем, который скончался в 1900 г. О Павле Александровиче Бакунине, так же как и о других его братьях, я расскажу в своем месте, когда начну говорить о разработке мною их семейного архива.

Эти же месяцы крымского пребывания были также последним свиданием моим с сестрой Варей. Сестра Варя, уже давно больная страшной неизлечимой болезнью, прожив после того еще два года, скончалась в 1900 г. в городе Люблине, куда с нею переехала

моя мать. Она умерла от этой болезни, первые признаки которой у нее появились за десять лет до того. Признаки эти были пятнышки на лице, сперва мало заметные, а потом мало-помалу увеличивавшиеся. Некоторые из докторов, у которых она лечилась, признали, что это lupus, но другие отвергали этот диагноз. Варя ездила за границу и долго лечилась у Ламана, который помог ей, приучив ее к суровому режиму жизни. Но затем, вернувшись, она скоро возвратилась к прежнему состоянию, причем пятна не уменьшались в размере, и к этой болезни присоединилась эмфизема легких, от которой она, в сущности, и умерла 35 лет от роду. Болезнь эта, конечно, составляла большое несчастье, но меня смущал еще задолго и до болезни вид Вари, который показывал, что она не чувствует себя счастливой. И хоть она клялась мне и матери моей в том, что она счастлива, но наружный вид ее показывал другое. Частое ли рождение детей, которых у нее было целых шестеро, причем последняя — Люся родилась уже во время болезни, постоянное ли откладывание зятем моим защиты диссертации, которую он так и не защитил, постоянно озабочивало ее, но только она всем своим видом давала чувствовать, что чего-то недостает в ее жизни. Мне кажется, что секрет ее неудовлетворения судьбою надо искать в характере ее мужа. Между тем муж ее, Евгений Михайлович, был безусловно хороший человек и в раннем возрасте он обещал сделаться если не замечательным ученым, то во всяком случае выдающимся профессором. У него были все данные для этого, но не хватало одного — силы воли. И Варя глубоко это чувствовала и страдала сильнее, чем он, не только за себя, но и за него. За время чуть не двадцатилетней жизни их в Ново-Александрии он, попивая пиво, так и не собрался представить и защитить диссертацию, написать которую для него, я уверен, было легче, нежели выдержать магистерский экзамен, который он, однако, выдержал. Варя очень болезненно переносила это, как удар своему собственному самолюбию, тогда как Евгений Михайлович мало останавливался на этом вопросе.

Варя была страстная мать и постоянно проявляла это. Я помню, как однажды они ехали из Варшавы в Ново-Александрию, и третий сын ее, Шура, мальчик лет 10-12, спал в вагоне. Ему вдруг приснилось, что он потерял шапку, и он выскочил на ходу из вагона. Поезд в это время подходил уже к Ново-Александрии и Варя бросилась за ним. Она равно любила всех детей, но была строга с ними. У нее было три девочки и три мальчика, и бабушка взяла на себя заботу о их воспитании после смерти матери. Теперь уже старшая дочь и два сына Вари имеют свои собственные семьи и младшая — Люся, которой не было трех лет при смерти

ее матери, а теперь уже 23 года, — состоит чиновником в ведомстве распределения народного продовольствия в Петербурге.

В Ялте мы часто гуляли с женой и сыном, причем я не уставал любоваться морем. С доктором Сергеем Яковлевичем Елпатьевским мы ходили пешком на Яйлу и совершали иногда грибные экскурсии в лесничество.

Здесь, между прочими знакомыми в Ялте, я встретил Сергея Сергеевича Зарудного в последнем градусе чахотки. Он сознавал свою неизлечимость и близость смерти и умирать ему было особенно трудно, ввиду того, что после него оставалась большая семья, содержание которой ложилось после его смерти на плечи его брата Александра.

В Ялте мы пробыли 3 месяца и 2 декабря собрались в Петербург. Погода в эту осень была превосходная и я помню, что уезжая на пароходе 2 декабря, мы видели немногих запоздалых купающихся в море!

Мы направились прямо в Ярославль, где Волга в то время только что встала, и мороз был 27 градусов. Мы заехали в Ярославль, чтобы повидаться с друзьями своими Шаховскими. Дмитрий Иванович Шаховской в это время был гласным ярославского земства и работал в качестве работника третьего элемента в ярославской статистике. Он воспользовался этим случаем, чтобы познакомить нас со своими сослуживцами и друзьями, но я в то время дурно себя чувствовал и помню только, что мерз невероятно, когда Анюта Шаховская⁹² показывала мне Ярославль. И в воспоминании у меня не осталось ничего, кроме длинных белых стен города. Впрочем, я помню в Ярославле один наш совместный с Дмитрием Ивановичем визит к Евгению Ивановичу Якушкину — сыну декабриста и отцу московского профессора Вячеслава Евгеньевича⁹³. Евгений Иванович доживал в это время свой долгий век, занимаясь своим многотомным сочинением «Обычное право», которое издавал уже Вячеслав Евгеньевич после смерти отца — со 2 тома. Но розовый, бритый старичок с длинными белыми волосами в то время еще не казался близким к смерти.

Из Ярославля мы приехали в Петербург, где я нашел нетерпеливо ожидавшего моего приезда генерал-губернатора Горемыкина, уже три месяца находившегося в Петербурге. В этот приезд свой в Петербург я занимался главным образом в министерстве делами поземельного устройства, причем был приглашен в состав Особого совещания под председательством министра А.С. Ермолова и неоднократно участвовал в заседаниях подготовительной комиссии при Комитете Сибирской железной дороги под председательством А.Н. Куломзина, по делам об устройстве пе-

реселенцев в Сибири. В комиссии Ермолова решен был на этот раз окончательно и во всех подробностях вопрос о введении поземельного устройства крестьян, причем в губерниях Иркутской и Енисейской были назначены особые межевые партии под начальством старших чиновников, работавшие независимо от партии по отводу переселенческих участков.

В этот же приезд мой в Петербург мне вспоминается пассаж, произошедший со мною благодаря министру внутренних дел Горемыкину. Однажды я после занятий прилег и заснул у себя в номере на Гороховой улице, как вдруг услышал стук в дверь. Отворив, я увидел жандарма, который пришел меня позвать от имени генерал-губернатора. Удивившись необычности приглашения от генерал-губернатора, у которого я только что был, я отправился к нему. Как только я прибыл, генерал-губернатор, выпроводив от себя всю прислугу, сказал мне, что имеет мне сообщить нечто необычное, относящееся ко мне. «Поехал я сегодня, как вы знаете, перед завтрашним заседанием к министру внутренних дел. А на завтра было назначено заседание Комитета министров для обсуждения высочайших отметок на всеподданнейшем отчете за 2 года. В этом отчете между прочим сказано было о необходимости введения земства, и это заявление вызвало высочайшую отметку "сообщить подробности особым докладом". Вот об этом-то, — продолжал Горемыкин, — я и хотел переговорить с министром внутренних дел».

Министр же внутренних дел в это время был как раз в постоянных горячих спорах с министром финансов о существовании земских учреждений, причем споры эти приобретали неудобный для министра внутренних дел характер.

«Вот министр, как только я ему заявил, о намерении своем развить эту мысль, прервал меня замечанием, что это с моей стороны рискованное намерение, ибо неизвестно, как отнесутся к нему такие члены совещания, как Победоносцев⁹⁴ и Витте. "Да и подготовлены ли вы к этому?" — спросил он меня, на что я ответил: "ну, к этому мы, кажется, подготовились, и мой чиновник особых поручений Корнилов собрал для меня все необходимые справки».

— Ах, кстати, — спросил министр. — Кто это у тебя Корнилов?

— Я, — говорит генерал-губернатор, — постарался вас расхвалить, но министр, выслушав меня, мне сказал:

— Вот что, передай ты Корнилову, что министр внутренних дел о нем сказал, что если он не прекратит своих связей, то с ним может случиться катастрофа!

Я, разумеется, не знал, о каких связях упоминал министр внутренних дел, но полагаю, что Вам эти связи известны, и потому решил довести это все до вашего сведения».

«Связи, о которых Вы говорите, мне в точности неизвестны, — возразил я. — Я могу думать, что министру стали известны мои сибирские связи с ссыльными. Могу также предположить, что он имеет в виду мое сотрудничество в некоторых столичных изданиях, но как бы то ни было, чиновник, пользующийся вашим доверием, не может быть опорочен таким образом. И потому я исполню в этом случае то, к чему, я постоянно готов: подам прошение об отставке».

Тут Горемыкин вскочил, стал меня целовать и уверять, что он этого не допустит. Что в случае, если это далеко пойдет, он готов и к государю ехать и что мне он вовсе не для того сказал, а для того, чтобы я принял меры с своей стороны, чтобы очиститься.

Мер я никаких принимать не думал, да и не мог, и ближайшим образом разговор этот не имел никаких последствий. Лишь года два спустя, когда я уже подал прошение об отставке и Горемыкин не был уже генерал-губернатором, однажды я посетил его на его квартире (Сергиевская, 50), и Горемыкин, увидав меня, воскликнул: «А, Александр Александрович! Вот я Вас сейчас и познакомлю с человеком, который грозил Вам катастрофой, а катастрофато самого его и постигла». И, введя меня в гостиную, в которой сидел Иван Лонгинович Горемыкин, отставленный министр, он обратился к нему: «Позволь тебе представить Александра Корнилова». Но И.Л. Горемыкин, не вспоминая прошедшего, очень сухо со мною поздоровался и ни слова мне не сказал. А вскоре затем и ушел. Этот случай напоминает мне мое участие в «Начале». «Начало» был толстый журнал, основанный П.Б. Струве. У меня сохранилась даже и группа некоторых сотрудников «Начала». Это были: А.М. Калмыкова, М.И. Водозова, Горький, Струве, Туган-Барановский, Яковлев-Богучарский, Гурович, М.П. Миклашевский, Ласицкий и др.⁹⁵, одним словом все будущие производственники русского марксизма. К редакции этого журнала принадлежали также Мережковский и Гиппиус⁹⁶. Были приглашены туда и С.Ф. и Ф.Ф. Ольденбурги, хотя и не марксисты, но ничего против марксистов не имеющие.

Как иногородний сотрудник этого журнала, я мог иметь в нем лишь небольшое участие, однако Петр Бернгардович пригласил меня, даже с некоторым нажимом, так как у меня не было тогда свободного времени, — дать им статью о земстве. Статья эта была наскоро состряпана и в ней, помнится, я остановился главным

образом на полемике между И.Л. Горемыкиным и Витте, не называя их, впрочем, по именам. И.Л. Горемыкин в то время признал своевременным распространить земство на губернии западного края в очень умеренном и сокращенном против положения 1890 г. виде. Это намерение Горемыкина и послужило поводом к нападкам на него со стороны Витте.

В кратких словах сущность этого спора между двумя министрами заключалась в том, что Витте, явно подсаживая Горемыкина, утверждал, что земское положение, сколько-нибудь свободное, противоречит коренному принципу русского государственного права, именно идее самодержавия. В длинной записке, заказанной им профессору Ярославского лицея Липинскому, он доказывал, что земство в России было введено с самого начала по ошибке и потому постоянно преследовалось администрацией, находившейся с ним в постоянной вражде.

У Горемыкина ответную записку, не менее длинную, составил С.Е. Крыжановский, и в ней старался доказать, что земство отнюдь не находится в противоречии с самодержавием и что люди, в нем объединенные, только потому и могут действовать, что не составляют «людской пыли». Конечно, он при этом признавал, что земство должно быть всячески укорочено и подчинено властям предрержащим.

Излагая эти две точки зрения в своей статье, я указывал, что в сущности говоря, в данном случае прав министр финансов и что совершенно не прав министр внутренних дел, но в то же время я старался защитить и земство и, насколько было возможно в подцензурном журнале, и общую идею народоправства, которая с земской идеей была вполне согласна.

«Начало» на четвертой книжке, в которой предполагалась моя статья, решено было упразднить вовсе решением четырех министров, и кроме того министром внутренних дел. У редактора затребованы были фамилии четырех авторов статей, подписанных псевдонимами, моя — буквой К.

Струве сказал, что моя статья принадлежит адвокату Демьянову, и таким образом мое авторство не разоблачилось. Лишь впоследствии, на обеде в честь Пушкина, Родичев познакомил меня с этим адвокатом, сказавши: «Позвольте Вас познакомить с вашим псевдонимом!» Четвертая книжка «Начала» так и не вышла, хотя я получил ее неофициальным порядком. На пятой книжке журнал остановился вовсе, и каково же было наше удивление, когда мы узнали, что все время журнал издавался агентом-провокатором Н.С. Гуровичем, который выхлопотал разрешение издавать журнал в департаменте полиции на имя г-жи Воейко-

вой, с которой он был, как говорили, в очень близких отношениях!

Летом 1899 г. мы заехали в Галахи, чтобы взять там сына своего и повидаться с матерью и с родными, из которых на этот раз в Галахах были Харламовы и Насоновы⁹⁷. Затем мы поехали в Сибирь через Москву, где виделись с Вернадскими, и в Уфе съехались с свояченицей моей Екатериной Антиповной, возвращавшейся из Мензичинского уезда Уфимской губернии, где она участвовала в организации кн. С.И. Шаховского⁹⁸ по пособию голодающим крестьянам. В этой компании мы приехали в Иркутск в начале июля 1899 г.

В Иркутске меня ждали новые дела по введению института крестьянских начальников. Это для меня было не только новое дело, но и весьма щекотливое. Хлопоты по введению крестьянских начальников в генерал-губернаторстве начались еще в 1896 г., но в то время, видя мое несочувствие этому делу, генерал-губернатор поручил его специально Моллиериусу. Теперь же Моллиериус был уже губернатором, когда получилась бумага по этому делу, и генерал-губернатор на ней написал, что просит дело это подробнейшим образом доложить Александра Александровича. Я взял бумагу и пошел с нею к генерал-губернатору, которому сказал, что я этому делу, как он знает, не сочувствую и потому в моем исполнении оно только потеряет. Этот разговор был еще до поездки моей в Петербург, помнится, в 1897 г. Генерал-губернатор ответил мне, что он знает мое несочувствие, хотя и удивляется ему, но просит меня подробно изучить весь вопрос и доложить ему.

Министр внутренних дел в последней бумаге возражал что-то против генерал-губернаторского проекта. Я в свою очередь сообщил генерал-губернатору, что с моей точки зрения чиновники по крестьянским делам могут принести пользу, лишь если они будут назначаемы постепенно и если самые участки будут в первый год учреждены лишь в тех уездах, в которых имеются переселенцы. И кроме того, если немногим крестьянским начальникам будет на первый раз поручена лишь часть их обязанностей. Горемыкин с этим согласился, и так министру и было это написано.

В ответ на это Горемыкин-министр сообщал, что он удивляется, каким образом ранее генерал-губернатор писал, что реформа крестьянских учреждений крайне необходима для всей Восточной Сибири, а теперь вдруг пишет, что вводить ее следует постепенно, притом в некоторых только местностях. Такое противоречие заставляет его отсрочить введение реформы по крайней мере

на год; что же касается числа крестьянских начальников, то в распоряжении министра внутренних дел имеется список чиновников, до 300 человек, из которых министр внутренних дел всегда может назначить недостающих или даже всех крестьянских начальников.

Генерал-губернатор этого, конечно, и опасался и всего менее ждал назначения крестьянских начальников из списка министерских кандидатов. Об этом министру и было написано, но все-таки в 1899 г., когда реформа, наконец, вводилась, министр навязал генерал-губернатору человек 5 из своего списка. Всех крестьянских начальников было, кажется, 42, и на первый раз состав их был более или менее удовлетворителен, за исключением пяти-шести лиц.

Земские заседатели Восточной Сибири, конечно, были, с одной стороны, переобременены занятиями, и с другой стороны, на эту должность не шли порядочные люди. Земские заседатели были полицейские чиновники, соответствующие становым приставам в России, и они же исполняли обязанности до 1897 г. судебных следователей и мировых посредников до введения крестьянских начальников. Само собой понятно, что даже хороший чиновник не мог быть сразу и полицейским чиновником, и судебным следователем, и мировым посредником.

В земские же заседатели шли лица, кончившие 4 класса гимназии, или отставные офицеры с плохой репутацией. И, конечно, если в Сибири крестьянское дело и не провалилось окончательно, то это зависело от того, что дел этих возникало мало, и крестьяне не часто видели земского заседателя или, как они называли его, «барина». Теперь, с 1897 г., земские заседатели освобождены были от обязанностей судебного следователя, что чрезвычайно уже их облегчало. С введением же крестьянских начальников они окончательно становились в разряде становых приставов.

Введение должности крестьянского начальника, хотя неизмеримо выше поставленного, но однако все-таки из чиновников, притом довольно плохо знавших крестьянский быт, могло подвергнуть сибирских крестьян довольно близкому заведованию их делами и вмешательству в их хозяйственную и домашнюю жизнь.

Теперь мне предстояла чрезвычайно трудная задача, познакомившись с личным составом крестьянских начальников, определить в точности порядок их действий. С этой целью я должен был объехать все участки крестьянских начальников и председателей их съездов, выяснить встреченные на местах шероховатости и недоумения и разъяснить все частью своею властью, частью доложив результаты объезда генерал-губернатору. В конце концов я привез в Иркутск массу материалов и генерал-губернатор поручил мне этот материал облечь в записку. Такая записка разрос-

лась в моем изложении до 300 страниц! Она была напечатана и вместо инструкции разослана всем крестьянским начальникам, губернаторам и непременно членам крестьянских присутствий. Первый человек, ее прочитавший и порадовавший меня своим одобрением, был, к удивлению моему, И.П. Моллериус, который сказал, что он две ночи не спал, читая ее по ночам.

В числе крестьянских начальников были лица, приглашенные по рекомендации профессора Чупрова⁹⁹, были также взятые из числа лиц, отбывших ссылку в Сибири и гласный надзор полиции, а также и другие лица, зарекомендовавшие себя своею прежнею деятельностью (один из них попал в профессора Томского университета), но были между ними и неудовлетворительные, и между прочим преимущественно как раз из списка, имевшегося у министра внутренних дел. Таков был статский советник Вижилинский, назначенный в Енисейский уезд председателем.

Кроме этого дела на мне лежало другое дело: я в то время писал записку с подробными доказательствами о возможности и необходимости введения земства в Сибири. Помню, что главный материал для этой записки я заимствовал из дел хозяйственного департамента о введении земства в Вологодской губернии. Эти дела мне выдал С.Е. Крыжановский, с которым я тогда еще находился в приятельских отношениях. От него же я получил, под большим секретом, и записки, которыми в то время переписывались гр. С.Ю. Витте и И.Л. Горемыкин. Из дел о введении земства в Вологодской губернии я усмотрел, что в 5 восточных уездах этой губернии, мало населенных и во всех отношениях похожих на сибирские, встречено было сомнение в возможности ввести в них земства по их некультурности и вследствие отсутствия в них частного землевладения. Однако все-таки земство в них было введено, хотя и с некоторым опозданием. И через тридцать лет мы видим, что эти земства ушли гораздо дальше западных, «более культурных» земств и в деле народного образования и в земской медицине. Бюджеты земских управ были в них гораздо скромнее, чем в западных земствах Вологодской губернии.

Генерал-губернатор несколько раз выражал мнение, что было бы осторожнее ввести лишь губернские земства и им уже поручить через некоторое время ввести уездные земства. Но я настойчиво разъяснял генерал-губернатору, что невозможно вводить губернские земства, не вводя уездных, и что уездные гласные являются представителями лично выбранными в участках, тогда как губернские представляют уже интересы уездных собраний, и что таким образом избрание одних губернских гласных повело бы за собой изменения избирательной системы. В конце

концов генерал-губернатор с этим примирился. И большая записка моя, составленная на основании местных данных, с большим количеством статистических цифр пошла в таком виде в министерство, где и была очень скоро опять погребена. Впрочем, лично от себя я послал ее еще один раз в Красноярский уездный комитет уже в 1902 г., которым она и была рассмотрена.

Занимаясь деятельно перепискою с крестьянскими начальниками о введении земства и в свободное время городскими делами, я дожил в Иркутске до 1900 г. и в марте месяце, ввиду отъезда нашего правителя канцелярии Булатова, который отсутствовал более пяти месяцев вследствие болезни жены, я был назначен временно управляющим канцелярией. Притом и генерал-губернатор сначала серьезно заболел ревматизмом, а затем и вовсе уволен был от занимаемой должности и назначен членом Государственного Совета.

Предстоящее увольнение его было для нас отнюдь не неожиданно, и мы все подумывали о том, чтобы найти себе другое назначение. Еще в 1899 г. я писал особую бумагу министру внутренних дел, в которой подробно доказывал, что должность генерал-губернатора в Иркутске подлежит упразднению. Главным мотивом являлась постройка железной дороги, чрезвычайно приблизившая Иркутск к центру, ибо раньше почта ходила туда ровно месяц, а теперь 8 дней. Таким образом, Иркутск стал не менее приближен к Петербургу, нежели в восьмидесятых годах Томск, когда было упразднено генерал-губернаторство Западной Сибири. Это до такой степени было очевидно, что мы нисколько не сомневались, что не только генерал-губернатор, но и все мы, в ближайшем будущем освободимся, и в частности, я решил этот момент избрать моментом для прекращения своей службы...

Так мы думали, а не так случилось. Назначенный министром внутренних дел Сипягин¹⁰⁰ нашел, что квартира министра неудобна и что гораздо лучшую квартиру, особенно если ее переделать, занимает товарищ министра, заведующий жандармами Пантелеев¹⁰¹. Пантелеев был человек со странной карьерой: попал на это место из директоров училища правоведения, а в директора училища правоведения попал из командиров Семеновского полка. Не знаю, чем он пленил И.Л. Горемыкина, пригласившего его на пост товарища министра, но твердо уверен, что ни с какой точки зрения он не только не был способен к этому посту, но и вообще ни к какой должности с распорядительной властью. Сипягин, оценивши достоинство квартиры Пантелеева и испросивши на ее поправку около 400 000 и 600 000 на покупку дома на Захарьевской улице, куда должно было быть эвакуировано все жандармское

ведомство, признал, что Пантелееву неудобно перемещаться в другую квартиру в том же городе и нашел возможным предложить ему пост иркутского генерал-губернатора. Таким образом мы и увиделись с генералом А.И. Пантелеевым, никогда не рассчитывавшим раньше попасть в иркутские генерал-губернаторы и имевшего до той поры о Сибири самое невероятное представление.

Памятно мне расставание с Горемыкиным, который уезжал полубольной и в несколько размягченном состоянии. Помню, как мы снимали две группы, одну — директоров театра, а другую — большую группу — всех служащих при нем чиновников. Обе эти группы у меня имеются. Помню, как мы с Талей явились к нему проститься. Он принял нас в своем кабинете. После короткого свидания и обычных прощальных приветствий и пожеланий ему скорейшего выздоровления, Таля встала с кресла, на котором сидела, а Горемыкин вдруг опустил ся со своего на колени и поцеловал край Талиного платья! Мы так были поражены происходившим, что не успели предупредить этой сцены. Горемыкин же, со слезами на глазах и с трудом с моей помощью поднимаясь с полу, объяснил нам свой поступок: «Вы не можете себе представить, Наталья Антиповна, как дорожу я всем, что сделал здесь Александр Александрович. Я знаю, конечно, что не мне следует благодарить его за все сделанное и прошу Вас поблагодарить его от меня и от всей страны за всю его работу. Вас же я особенно благодарю за то, что благодаря Вам он приехал в наш край». Не помню уж, как после этого мы ушли из генерал-губернаторского дома...

Горемыкин, как иркутский генерал-губернатор, пробыл на своем месте одиннадцать лет. Я думаю, со времени Муравьева-Амурского¹⁰² никто из предместников его не пробыл на своем посту так долго. Но не это составляет отличительную черту его управления. При нем построена великая Сибирская железная дорога, коренным образом изменившая условия существования края. При нем введена судебная реформа, хотя давшая суд и без присяжных заседателей, но радикально изменившая судебное устройство Сибири. При нем введено в Сибири новое поземельное устройство крестьян и при нем же изменено и управление крестьянами, причем не земскими, а крестьянскими начальниками. А отличие тут было не в одном только слове, и крестьянские начальники, по крайней мере большинство из них, значительно отличались от земских. Наконец, он же предполагал ввести в Сибири земское самоуправление, и не его вина, если эта реформа не осуществилась.

Я не хочу сказать, что Горемыкин был инициатором всех этих преобразований, но несомненно он употребил немало труда, чтобы они принесли как можно больше пользы. Я говорю лишь о главных преобразованиях, если же вспомнить все мелочные изменения в составе управления при нем и вспомнить тот образ жизни, который он вел, то невольно придется признать его одним из лучших генерал-губернаторов.

В нем было два недостатка: он был груб и он не любил Сибири, т.е. не считал ее не только отдельной самостоятельной провинцией, но даже и областью, требующей особого управления. В числе его ближайших сотрудников было очень мало лиц, желавших искренно и умело работать на пользу населения, и хотя второстепенные деятели были подобраны удачно, все-таки они не вполне делали свое дело так, как этого хотел Горемыкин. Сибирское же общество всякое лыко ставило в строку. Поэтому Горемыкин особенно дорожил таким сотрудником, как я, который и с обществом сибирским жил вполне в мире, и этим может объясняться особенно теплое его расположение ко мне и повышенный тон его прощания со мною.

Александр Ильич Пантелеев был странный генерал, носивший постоянно мундир Семеновского полка, но иногда надевавший жандармский мундир. Он приехал вместе с военным чиновником особых поручений, полковником кн. Волконским. Этот князь Волконский мне известен был еще по Варшаве. Он служил тогда в Гродненском полку молодым корнетом и был известен своим богатством, кутежами и своей болезненной страстью к полицейским поручениям.

Прежде чем встретиться лично с Пантелеевым, я три месяца управлял канцелярией в то время, как он уж был назначен. Все бумаги, которые я ему посылал в Петербург, он подписывал, но ни разу не написал мне, в каком смысле он желает управлять краем, так что я решил управлять краем, как Бог мне на душу положит. За это время, впрочем, не возникало серьезных вопросов, требующих немедленного решения. Самые трудные дела, которые меня касались, были распределения политических ссыльных, но, конечно, их я распределял на возможно более льготных условиях. Как только Пантелеев приехал, так обнаружилась его полная неосведомленность и относительно населения и даже относительно географии края. При мне докладывалось ему дело о перенесении административного центра в Туруханск. Он очень удивился и спросил: «А где же это Туруханский край?» Пришлось объяснять, что Туруханский край есть северная часть Енисейской губернии, равная по пространству Франции, от чего он еще больше изумился.

В другой раз, когда изумляться пришлось уже нам, генерал-губернатор сам рассказал, что утром к нему приходила какая-то дама, сестра или мать одного из ссыльных в Колымском уезде и рассказала ему про Колымский уезд таких ужасов, что у него «стали волосы на голове». Между прочим, от этой дамы он узнал о страшной отдаленности и о брошенности Средне-Колымска, причем в городе оказывается в наличности всего восемь или девять домов (!). «И кто ссылает туда политических ссыльных?» — заключил патетическим восклицанием свою речь генерал-губернатор. Я был очень изумлен его неожиданной речью и отвечал, что ссыльные сосланы в Средне-Колымск косвенно по определению присутствия, находившегося под его председательством. Это те, относительно которых это присутствие постановило сослать их в «отдаленнейшие места Восточной Сибири», и что во всяком случае зависит от него переселить их в другое место.

Далее, он передал лично мне два письма о назначении крестьянских начальников, предварительно осведомившись, есть ли вакансии. В одном из писем гр. Адлерберг (финляндский) писал ему, что он помнит, вероятно, грехи его молодости и как результат этих грехов представляет ему незаконного сына, которого просит назначить в крестьянские начальники. Этот сын его нигде не кончил курса и постоянно доставляет этим хлопоты, так вот его-то гр. Адлерберг и просит назначить крестьянским начальником. Другой кандидат был не более благонадежен. Я, прочитав эти письма, сообщил генерал-губернатору, что оба его кандидата не подходят, что видно из самого их образовательного ценза, и вообще ему при этом указал, что в назначении крестьянских начальников его предместником соблюдалась особая осторожность.

На это генерал отвечал: «Да ведь Вы находите, что они формально не подходят. Значит, так и напишите», причем не сказал мне, что бы следовало делать, если бы они формально подходили.

Впрочем, так как приехал наш правитель канцелярии Булатов из отпуска, то я, сдав ему должность, вместе с тем сообщил генерал-губернатору, что его предместник разрешил мне четырехмесячный отпуск, из которого я уже не возвращаюсь.

«Какая же причина? Вы переходите на другую службу?»

— Нет, — сказал я, — я не перехожу никуда, а по окончании четырехмесячного отпуска подам в отставку.

«Но ведь у Вас нет никаких средств. Я не могу Вам обещать быстрого повышения, но все-таки Вы на хорошем счету. Не лучше ли Вам возвратиться из отпуска?»

Я ответил, что хочу заниматься литературной деятельностью и что план оставления службы мною уже давно решен.

«Жаль, очень жаль! — сказал Пантелеев. — Позвольте мне быть с Вами откровенным. Вы знаете, что до назначения генерал-губернатором я занимал должность заведующего полицией в Империи и поэтому мне хорошо известно, что в департаменте полиции у Вас есть отметка, которая Вам в пользу не послужит. Пока Вы служите, это — ничего, но как только Вы выйдете в отставку, то уж Вам нужно держать ухо востро».

Я поблагодарил его за доверенность и сообщил ему, что это мне до некоторой степени известно.

«Во всяком случае, я Вас попрошу до отъезда в Петербург проводить меня по губерниям».

Итак, делать нечего, пришлось Пантелеева провожать по губерниям, причем я имел случай не раз убедиться в том, до чего он края не знает. Так например, в Минусинском уезде, заехав в какую-то школу, он вдруг сказал: «Э, да здесь много якутов!» — на что я отвечал, что ни одного якута наверное ближе 3000 верст нету. «А что же это за физиономии?» — тихо спросил он меня. Я ему сказал, что физиономии, должно быть, татарские.

Дорогой мы ехали в скором поезде с Коваленским, прокурором судебной палаты, и князем Долгоруким, бывшим воспитанником Петербургского университета. Это был тот самый Долгорукий, который дал пощечину министру иностранных дел гр. Муравьеву¹⁰³. Человек он был полупомешанный, и когда мы остались в вагоне, где сидели Коваленский и я, то Коваленский в разговоре выяснил, что я конституционалист, на что Долгорукий заметил, что он с своей стороны вполне признает народную волю, но конституции не признает. После чего мы перешли в вагон-ресторан, где встретили генерал-губернатора, и тут Долгорукий, отрекомендовавшись ему, сейчас же завел с ним разговор. Разговор этот однако свидетельствовал о примитивном понимании генерал-губернатором своих гражданских обязанностей.

По возвращении из этой командировки я в сущности был свободен уехать. Останавливала меня лишь болезнь моей тещи Екатерины Олимпановны. Эта болезнь была тяжелая, предсмертная и тем тяжела, что не давала возможности ожидать другого исхода, кроме смертельного. Но болезнь затягивалась без малейшей надежды на улучшение. Это была чахотка в последней стадии. Больная еле дышала и, видимо, мучилась, а мы, т.е. я, жена, сестры жены и старик-муж больной бестолково околачивались, бесполезно суетились, не имея возможности облегчить ей страдания.

Мы переехали со своей квартиры в меблированные комнаты и распродали свою обстановку.

Наконец, когда бедная Екатерина Олимпановна скончалась, мы с женой и сыном и сестра Катя отправились в Люблин, где жила мать моя с детьми сестры Вари. А тесть мой, Антип Петрович, со средней дочерью Машей остались в Иркутске.

Этому отъезду из Иркутска должны были предшествовать проводы, но я вовремя узнал о затеваемой подписке и сказал, что никакого прощального обеда я не приму. Тогда, вместо обеда, собрали несколько сот рублей, которые передали в мое распоряжение, а я передал их в пользу бесплатной библиотеки-читальни, для которой перед тем, при моем ближайшем участии, было выстроено красивое и удобное собственное помещение. Товарищи мои по канцелярии поднесли мне серебряный бювар с часами для письменного стола.

Мои политические друзья собрались у меня для последнего прощания. Тут были Лянды, Поповы, Натансоны, Новомбергский¹⁰⁴ и др. Во время проводов говорилось речи. Из них я помню речь Лянды, который просил разрешения пожелать восстановления Польши, что вызвало горячие возражения со стороны Новомбергского. Натансон спросил меня, к кому ближе я себя чувствую, к социалистам-революционерам или социал-демократам, на что я ответил, что не согласен ни с теми, ни с другими, но что уважаю я обе партии и что думаю, что в настоящее время мне с обоими по пути; на это Натансон ответил, что то же самое и он думал, основывая группу «Народного права» в России. Мы дружески провели этот вечер и дружно, хотя ненадолго, расстались.

Итак, приходилось расстаться с Сибирью и расстаться, может быть, навсегда. Я в то время не думал о том, будет ли мне это тяжело или нет.

Когда я приехал в Сибирь, я думал в ней остаться года три не больше, а прожил целых семь лет. Семь лет в возрасте от 31 до 38 лет — большое дело! Но я об этом не жалел. Это были годы быстрого роста Сибири; прошедший через Сибирь железнодорожный путь сильно перевернул все занятия ее жителей. Мощное переселенческое движение в короткое время почти удвоило население Сибири, а проведенные в ней реформы — земельная и судебная — дали Сибири порядочных русских людей в большом числе. В прежнее время сибиряк, кончавший курс в университете, не возвращался в Сибирь, а теперь многие чиновники-были из сибиряков с высшим образованием. Русские люди, приезжавшие на службу в Сибирь, приезжали прежде главным образом нажиться и назывались «навозными». Это было очень характерно. Теперь русские чиновники в Сибири, служащие по судебному или по земельному ведомству, отнюдь к этому не подойдут...

Прожив в Сибири семь лет, я чувствовал, что пустил корни и что расстаться с Сибирью мне не так легко, и если я ехал из Сибири, притом ехал даже без определенных намерений, то это главным образом потому, что служить дольше под начальством Пантелеева не представляло соблазна. Я чувствовал, что принес пользу в Сибири, насколько вообще мы можем принести ее.

В России, хотя кризис не наступил еще и друзья мои еще не звали меня, но всеми чувствовалась непрочность настоящего строя, и в любой момент можно было испытать это на себе. Мне недолго пришлось ждать. Обстоятельства сложились так, что через несколько месяцев решили мою судьбу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вернадские Владимир Иванович (1863-1945) и Наталья Егоровна (урожд. Старицкая; 1860-1943) — близкие друзья Корнилова со времен учебы в Петербургском ун-те; члены Братства. С 1892 В.И. — хранитель Минералогического кабинета Московского ун-та; летом 1894 находился в длительной поездке по Западной Европе. К началу 1890-х годов Вернадский уже одна из видных фигур либерального движения. После выхода в отставку и переезда в Москву в 1891 Корнилов присоединился к другу: в своих воспоминаниях И.И. Петрункевич (Из записок общественного деятеля. Прага, 1928. С.267) называет его в числе членов либерального московского кружка, наряду с А.И. Чупровым, Д.И. Шаховским, С.А. Муромцевым, В.А. Гольцевым и др. В дальнейшем Вернадский — академик (1912), директор Геологического и Минералогического музея Академии наук, организатор и руководитель Комиссии по изучению естественных производительных сил России; Комиссии по истории знаний и многих др. академических учреждений. Основоположник учения о биосфере и других новых научных направлений в естествознании. Член ЦК конституционно-демократической партии (1905-1918); на выборах в ЦК в мае 1917 получил наибольшее количество голосов. Член Государственного Совета (1906-1911). Товарищ министра народного просвещения 2 и 3 коалиционных составов Временного правительства.

После принятия решения об отъезде в Сибирь, Корнилов послал Вернадским, не одобрявшим его намерений, следующее письмо:

Дорогие друзья!

В конце концов после многих раздумываний и колебаний я все-таки решил взять место в Иркутске в крестьянском делопроизводстве канцелярии генерал-губернатора, от которого раньше отказался ввиду того, что хотел все же служить на государственной службе. Соображения, которые меня заставили принять это решение, вот какие: по своим личным обстоятельствам я решил во всяком случае 2-3 года провести в Восточной Сибири. Иначе я поступить не могу

ни в каком случае. Следовательно, весь вопрос сводится к тому, в качестве чего быть мне в Сибири. Сперва я думал, что лучше ехать туда независимым пролетарием и заняться там частным путем изучением Сибири вообще и аграрного вопроса в частности, а также принять участие в местной журналистике. Поступить на государственную службу является для меня несомненно компромиссом, в чем я вполне согласен с Владимиром [Вернадским. — Публ.], и который, как мне казалось, я не мог допустить. Но потом по всем собранным о Сибири сведениям я ясно увидел, с одной стороны, что в качестве частного лица, да еще с ничтожными средствами трудно будет что-нибудь сделать по части изучения аграрного вопроса и вообще исследования страны; тогда как служба при известных условиях может мне дать возможность сделать то и другое. У меня явилось опасение, что я могу потратить эти два года совсем или почти совсем бесплодно и я стал опять думать о государственной службе. Собственно материальные соображения тут не играли большой роли, потому что я все-таки думаю, что заработать на свое существование денег, пока я один, — я смогу и в Сибири. Но при маленьких средствах мне были бы затруднены передвижения, а следовательно и всякая привлекающая меня работа.

С другой стороны, после всех разговоров (с сибиряками) я стал опять думать, что все-таки можно служить в Сибири, если не иметь при этом в виду делать карьеру и ничем себя не связывать, т.е. служить, так сказать, с готовым всегда прошением об оставке в кармане.

Кауфман очень соблазнял меня взять на себя интересное поручение от М[инистерст]ва госуд[арственных] имущ[еств] по отводу переселенческих участков, о чем я вам уже писал, и я решил было поступить туда. Но свидание с директором департамента и потом записка его Кауфману, в к[ото]рой он писал, что согласен меня считать своим кандидатом, но ничего не обещает (ввиду того, что решение зависит от министра) заставило меня опасаться за получение этого места. Между тем из Иркутска, несмотря на мой первоначальный отказ от предложенного места, пришла телеграмма, в которой меня уговаривали взять место. То обстоятельство, что уговаривали меня, показалось существенным, потому что раз я являюсь для них величиной ценной, значит, могу ставить свои условия и значит легче могу служить. Я телеграфировал тогда, что могу принять место только по крестьянскому делу и на это получил сейчас же ответ, что меня ожидает вакансия в крестьянском делопроизводстве. На эту телеграмму я отвечал согласием. Вчера я отправил туда формальное прошение и копию своего аттестата, так как опять получил телеграмму, в к[ото]рой меня запрашивали, согласен ли я на это, и просили поторопиться.

Когда Иван [Гревс. — Публ.] ехал к Вам в Москву, я уже знал, что поеду в Сибирь на службу, но колебался еще, принять ли должность при Горемыкине или же ожидать назначения от Ермолова. Теперь все решено окончательно. Раньше я не писал, потому что знал все равно, что Вы со мной не согласитесь, так как Вы высказали уже

свое мнение (особенно Владимир); а отговорить меня от моего решения Вы тоже не могли бы, потому что я решил на него окончательно и знаю, что иначе поступить не могу. /.../

8/1 94. СПб., В.О. 11 л. д.44 кв.2.

Горячо любящий Вас Адя.

(Архив АН СССР. Ф.518. Оп.3. Д.814. Л.31-32 об.)

² Пантелеев Лонгин Федорович (1840-1919) — революционер-шестидесятник, общественный деятель, издатель, мемуарист. Член Петербургского комитета «Земли и воли» (1862-1863). Арестован в 1864, приговорен к 6 годам каторжных работ, замененных поселением в Енисейской губ. После возвращения в Петербург находился под негласным надзором полиции. В 1877 основал издательство, выпускавшее преимущественно научную литературу. В 1907 прекращает работу на этом поприще, материальную часть издательства передает Литературному фонду. Примыкал к конст.-демокр. партии. Автор книг «Из ранних воспоминаний» (СПб., 1903) и «Из воспоминаний прошлого» (Т.1-2. СПб., 1905-1908).

³ Моллериус Иван Петрович (р. 1851) — иркутский губернатор, действительный статский советник. Начинал службу в Министерстве юстиции, в 1879 перешел в Министерство внутр. дел правителем канцелярии гродненского губернатора. С 1883 помощник управляющего канцелярией генерал-губернатора. С 1889 правитель канцелярии иркутского генерал-губернатора, в 1897 назначен иркутским губернатором.

⁴ Корнилова (урожд. Федорова) Наталья Антиповна (1866-1906) — первая жена А.А. Корнилова.

⁵ Корнилова (урожд. Федорова) Екатерина Антиповна — вторая жена А.А. Корнилова (с 1908).

⁶ Горемыкин Александр Дмитриевич (1832-1904) — госуд. деятель. Генерал от инфантерии. В 1864 командирован в распоряжение наместника в Царстве Польском для занятий по крестьянским делам; назначен председателем Варшавской комиссии по крестьянским делам. С 1866 подольский губернатор и вице-президент Каменец-Подольского тюремного комитета; с 1869 начальник штаба Одесского военного округа. В дальнейшем состоял начальником отдела войск прибрежной обороны различных участков юга России. В 1889 назначен командиром 8-го армейского корпуса, иркутским генерал-губернатором и командующим войсками Иркутского военного округа.

⁷ С февраля 1892 по июль 1893 Корнилов вместе со своими друзьями по Братству активно участвовал в широком общественном движении помощи голодающим: сначала в тамбовском имении В.И. Вернадского, затем в Воронежской и Тульской губ. Именно в это время он знакомится с П.Н. Милюковым и публикует свое первое сочинение — кн. «Семь месяцев среди голодающих крестьян» (М., 1893).

⁸ В 1886-1892 Корнилов служил комиссаром по крестьянским делам в Конском уезде Радомской губ. Царства Польского.

⁹ Корнилов Александр Александрович (1834-1891) — отец А.А. Корнилова. Двоюродный племянник адмирала В.А. Корнилова, вместе с которым участвовал в обороне Севастополя во время Крымской войны. В 1857 — в кругосветном путешествии в качестве флаг-офицера; после плавания — помощник редактора журн. «Морской сборник». После отставки служил в 1870-е в Государственном контроле управляющим контрольной палаты в Киеве, Кишиневе, Люблине, Варшаве. С 1881 — управляющий канцелярией одесского генерал-губернатора И.В. Гурко, с которым продолжал работать в той же должности с 1883 в Варшаве.

¹⁰ Смирнов Евгений Алексеевич — статистик. С 1894 служил в Министерстве земледелия и государственных имуществ, неоднократно приезжал в Сибирь по землеустроительным и переселенческим делам.

¹¹ Ушаков Алексей Николаевич (р. 1864) — статистик, общественный деятель. Служил ст. чиновником переселенческого управления в Иркутске. С 1893 редактор газ. «Восточное обозрение». Депутат I Государственной Думы (трудовик). Во время выборов в Думу находился в ссылке в Сургуте.

¹² Тихеев Иван Иванович (р. 1841) — директор департамента госуд. земельных имуществ (с 1894). Окончил Константиновский межевой институт, в течение 5 лет стажировался в Западной Европе. С 1866 член Ковенского губ. по крестьянским делам присутствия, с 1869 — директор Ковенского попечительного комитета о тюрьмах. В 1872 назначен управляющим госуд. имуществами Ковенской губ., в 1878 — Минской, в 1886 — Херсонской и Бессарабской губ. Уполномоченный министра госуд. имуществ на Кавказе (с 1883). Директор департамента земледелия и сельской промышл. (с 1890), директор департамента общих дел (с 1891).

¹³ Киселев Павел Дмитриевич (1788-1872) — госуд. деятель. С 1835 постоянный член всех секретных комитетов по крестьянскому делу; один из них под его руководством выработал план постепенной ликвидации крепостного права. С 1837 министр госуд. имуществ. В 1837-1841 провел реформу управления госуд. крестьянами. В 1856-1862 посол в Париже.

¹⁴ Кауфман Александр Аркадьевич (1864-1919) — экономист, статистик. Член студенческого научно-литературного общества Петербургского ун-та, где работал вместе с В.И. Вернадским, А.А. Корниловым, Д.И. Шаховским, бр. Ольденбургскими. По окончании юридического ф-та посвятил много лет изучению крестьянского хозяйства и быта переселенцев Западной Сибири. Доктор политэкономии. Профессор Высших женских (Бестужевских) курсов. В 1906-1907 по приглашению Н.Н. Кутлера занимался обоснованием необходимости проведения широкой аграрной реформы в России. Выступал против конфискации помещичьих земель, считая, что никакое расширение крестьянского землевладения не может радикально улучшить положение крестьянства. Странник выкупа части помещичьих имений по «справедливой оценке» на основе рыночной стоимости земли. Автор крупного труда по теоретической статистике. Член ЦК

конст.-дем. партии. В 1917 принимал участие в работе Главного земельного комитета по составлению проекта буржуазной аграрной реформы.

Осипов Евграф Алексеевич (1841-1904) — организатор земской медицины и статистики. Участник народнического движения. С 1873 член санитарной комиссии московского губ. земства. С начала 1880-х в течение 20 лет зав. медицинским бюро московской губ. управы. Активный деятель Пироговского общества. Один из авторов «Русской земской медицины» (М., 1899).

¹⁵ Игнатъев Алексей Павлович (1842-1906) — госуд. деятель, генерал. В 1885-1889 — иркутский генерал-губернатор. Покровительствовал научной и школьной деятельности, инициатор проведения подворной переписи в Енисейской и Иркутской губ. По характеристике Г.Н. Потанина, «либеральный начальник края».

¹⁶ Астырев Николай Михайлович (1857-1894) — статистик, общественный деятель, писатель. В 1881, оставив учебу в Петербургском ин-те инженеров путей сообщения, под влиянием народнических идей отправился «в народ», служил писарем в Воронежской губ. до 1884. Работал в статбюро Московского губ. земства, в 1888-1889 заведовал Иркутским статбюро. Здесь вокруг Астырева образовался кружок молодых статистиков, выступавших против «областничества» Н.М. Ядринцева и его сподвижников. В 1891-1892 участвовал в оказании помощи голодавшим крестьянам Самарской губ. В марте 1892 арестован и привлечен к дознанию по делу о распространении «крестьянского воззвания». 19 месяцев находился в Петропавловской крепости, в одиночной камере Трубецкого бастиона. В конце 1893 приговорен к 2-летнему заключению и 3 годам ссылки в Вологодскую губ., последняя была заменена гласным надзором полиции по месту жительства (Москва). Последние месяцы жизни находился на излечении в клинике нервных болезней.

Личков Леонид Семенович (1855-1904) — статистик, публицист. Окончил Петровскую сельскохозяйственную академию. С 1880 — зав. Саратовским статбюро, затем служил в Рязанском земстве. В Восточной Сибири работал с 1887 по 1891. Участник народнического движения, позднее либерал-народник. Член Юридического общ-ва. Отец Б.Л. Личкова (1888-1966) — геолога, ученика и друга В.И. Вернадского.

Астырев, Личков и Смирнов были участниками экспедиции, на основе которой составили двухтомные «Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний» (СПб., 1889-1890), удостоенные Большой золотой медали Русского Географического общества.

¹⁷ Игнатъев Николай Павлович (1832-1908) — госуд. деятель, дипломат. В 1861-1864 директор Азиатского департамента МИД. Принимал активное участие в подготовке Сан-Стефанского мира 1878. В 1881-1882 министр внутренних дел. При его участии были выработаны положения «об усиленной и чрезвычайной охране» и основана «Священная дружина». Внес предложение о созыве Земского собора, после чего вынужден был уйти в отставку.

¹⁸ Толстой Дмитрий Андреевич (1823-1889) — госуд. деятель. Член Государственного Совета (1866). В 1865-1880 оберпрокурор Синода, с 1866 — министр народного просвещения. Инициатор реформы 1871, когда были созданы классические гимназии. В 1882-1889 министр внутренних дел и шеф жандармов. Один из столпов политической реакции 1880-х годов; разрабатывал основополагающие законы контрреформы — закон 12 июля 1889 о земских начальниках и Положение 12 июня 1890 о земских учреждениях. С 1882 — президент Академии наук.

¹⁹ Дурново Иван Николаевич (1830-1903) — госуд. деятель. С 1882 товарищ министра внутренних дел, в 1889-1895 министр. В период его министерства проходило осуществление контрреформ. Председатель Комитета министров в 1895-1903.

²⁰ Голицын Григорий Сергеевич (р. 1838) — член Государственного Совета (1893), сенатор. В 1892 во время неурожая командирован для устранения существующих в Тобольской губ. неурядиц с предоставлением ему прав генерал-губернатора для устройства продовольственных дел и права объявления повелений от имени Е.И.В. в чрезвычайных обстоятельствах.

²¹ Лесевич Владимир Викторович (1837-1905) — философ-идеалист, публицист. Учился в Академии Генштаба. В 1874 был неофициальным оппонентом на защите магист. диссертации Вл. Соловьева. В конце 1870-х организовал украинское землячество в Петербурге, основатель первой украинской народной школы. Друг Г.Н. Потанина. В 1879 выслан из Петербурга и сослан в Енисейск. Через 3 года возвратился в европейскую часть России, в Твери познакомился с И.И. Петрункевичем. С 1888 — в Петербурге, где становится членом редакционного комитета «Русского богатства», входил в кружок Н.Г. Михайловского и В.Г. Короленко, однако около 1898 разорвал с ними. Первый познакомил широкие русские круги с творчеством Авенариуса. Увлекался буддизмом, провансальской поэзией, украинским фольклором. В 1901 выслан из Петербурга на 2 года как подписавший протест 44 членов Союза писателей против расправы с молодежью на Казанской площади.

²² Куломзин Анатолий Николаевич (1838-1924) — госуд. деятель. Действительный тайный советник, статс-секретарь. Товарищ министра гос. имуществ (1880-1883), управляющий делами Комитета министров (1883-1902), управляющий делами Комитета Сибирской железной дороги (1893-1904). С 1902 член Государственного Совета, в 1915-1916 его председатель. Неоднократно бывал в Сибири по переселенческим делам; автор нескольких работ по экономике России и зарубежных стран.

²³ Потанина (урожд. Лаврская) Александра Викторовна (1845-1893) — путешественница, жена Г.Н. Потанина. Участвовала в экспедициях в Сев.-Зап. Монголию, Вост. Тибет, Сев. Китай и др. Автор многочисленных этнографических работ. В 1887 награждена Большой золотой медалью Русского Географического об-ва. Умерла во время одной из экспедиций, похоронена в Кяхте.

²⁴ Белоголовый Николай Андреевич (1834-1895) — доктор медицины, общественный деятель. Сын богатого сибирского купца и золотопромышленника. С 1855 иркутский городской врач, организатор медицинского кружка. Корреспондент «Колокола» А.И. Герцена. После защиты в 1862 диссертации остался в Петербурге. Друг и биограф С.П. Боткина, лечил Н.А. Некрасова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, И.С. Тургенева. С 1881 жил за границей, где в 1883-1891 редактировал «Общее дело» — ежедневную газету русских эмигрантов либерально-народнического и революционного направления. В 1884 сблизился с М.Т. Лорис-Меликовым. В 1891-1892 занимался сбором пожертвований для голодающих в России. В 1894 вернулся на родину. Автор кн. «Воспоминания и другие статьи» (М., 1898).

²⁵ Потанин Григорий Николаевич (1835-1920) — ученый-путешественник, исследователь Сибири, писатель, публицист, фольклорист, общественный деятель. В 1852 окончил Сибирский кадетский корпус. В мае 1865 вместе с Н.М. Ядринцевым арестован по делу о прокламации «Сибирским патриотам» и «Обществу независимой Сибири». В 1868-1870 находился в Свеаборгской каторжной тюрьме, приговорен к лишению всех гражданских прав и к 15 годам каторжных работ с последующей высылкой на пожизненное поселение. Вскоре его срок был сокращен до 5 лет. В 1871 освобожден по амнистии, отправлен на поселение в Вологодскую губ. В 1874 помилован. В 1876-1879 совершил две экспедиции в Монголию, в 1883-1886 — в Китай, Восточный Тибет, и Внутреннюю Монголию. Награжден высшей наградой Русского Географического об-ва — Константиновской золотой медалью. В 1892-1893 совершил еще одно путешествие в Китай. Принимал активное участие в общественной жизни Сибири. Странник местной автономии и культурной самостоятельности Сибири, так наз. «сибирского сепаратизма», выступавшего за отделение Сибири от России. Публиковался в газ. «Восточное обозрение», бывшей органом сибирских «патриотов-областников». В 1880-е находился в конфликте с иркутской молодежью, прежде всего Н.М. Астыревым — выразителем централистских тенденций в противовес «областничеству». Участвовал в создании проекта земского положения Сибири (1904), способствовал открытию Сибирских высших женских курсов. «Потанин пользуется по всей Сибири громадной популярностью, почти такой же, как Лев Толстой в России» (Вяч. Шишков).

²⁶ Шостакович Болеслав Петрович (1845-1919) — революционер-шестидесятник, сибирский общественный деятель. За содействие побегу Я.Домбровского привлечен в 1886 по делу Н.А. Ишутина — Д.В. Каракозова, сослан в Томскую губ. С 1883 гласный Томской городской думы и член городской управы. В 1887 переехал в Иркутск, где стал управляющим Сибирского торгового банка; в 1902 избирается иркутским городским головой. Автор статей по этнографии, экономико-географическому и статистическому описанию Томской губ. Член Восточно-Сибирского отдела Русского Географического об-ва, гл. ред. газ. «Восточное обозрение».

Боголюбский Николай Семенович — горный инженер, брат А.С. Боголюбской — возлюбленной Н.М. Ядринцева.

²⁷ Сибиряков Иннокентий Михайлович (1860-1901) — сибирский купец и золотопромышленник, меценат. Один из учредителей Общества вспомоществования нуждающимся переселенцам (1891). Вместе с братом — Александром Михайловичем (1849-1893) финансировал ряд экспедиций (в т.ч. Г.Н. Потанина), издание книг, участвовал в организации помощи голодающим Тобольской губ. (1891). В последние годы жизни обратился к религии; умер в монастыре.

²⁸ Сукачев Владимир Платонович (1849-1920) — иркутский городской голова, меценат-просветитель — основатель Иркутской картинной галереи, издатель журн. «Сибирские вопросы» (1905-1913), «Известий Иркутской городской думы» (1886-1894); один из учредителей Общества вспомоществования нуждающимся переселенцам. Финансировал издание газ. «Восточное обозрение». Председатель Восточно-Сибирского отдела РГО.

²⁹ Милютин Николай Алексеевич (1818-1872) — госуд. деятель. В 1859-1861 товарищ министра внутренних дел. По политическим убеждениям принадлежал к либеральной бюрократии. Активный участник подготовки крестьянской реформы 1861, член Редакционных комиссий. В период Польского восстания занимал шовинистическую позицию. Находясь в Царстве Польском с особым поручением императора, разработал ряд проектов реформ, в т.ч. положения 19 февраля 1864 «Об устройстве быта крестьян» в Польше. В 1866 главный начальник канцелярии по делам Царства Польского. См. статьи Корнилова о Н.А. Милютине: Большая энциклопедия под ред. С.Н. Южакова. Т.13; Основные течения правительственной и общественной мысли во время разработки крестьянской реформы. // Освобождение крестьян. Деятели реформы. М., 1911; Реформа 19 февраля 1864 г. в Царстве Польском // Великая реформа. Т.5. М., 1911.

³⁰ Ядринцев Николай Михайлович (1842-1894) — исследователь Сибири, публицист, общественный деятель, один из идеологов сибирского областничества. В 1860 в Петербурге познакомился с Г.Н. Потаниным, активно участвовал в собраниях сибирского землячества. Вместе с Потаниным ездил по губерниям Европейской России с этнографической целью. В 1865 входил в Томске в кружок по сбору средств ссыльным, в мае того же года арестован по делу «Общества независимой Сибири». Приговорен к 12 годам каторги на рудниках, замененной затем бессрочной высылкой в Архангельскую губ. (Шенкурск). В декабре 1873 помилован и освобожден из ссылки, переехал в Петербург. С января 1874 — домашний секретарь В.А. Сологуба, возглавлявшего Комиссию по тюремной реформе. В 1876 переезжает в Омск на службу сотрудником в комиссии по земельному устройству крестьян Зап. Сибири. Один из инициаторов создания Западно-Сибирского отделения РГО. В 1878-1880 совершил две экспедиции на Алтай. Основатель (1882) и редактор газ. «Восточное обозрение», закрытой правительством в 1906. В течение последующих лет неоднократно участвовал в экспедициях в Монголию, где в 1889 обнаружил развалины древнего Каракорума. В 1890 выступал с докладом о монгольских находках в Парижском географическом об-ве. В 1892 на борьбе с голодом в Зап. Сибири возглавлял санитарный отряд. В 1893 на деньги И.М. Сибирякова

ездил в Чикаго на Всемирную выставку, вскоре после возвращения скончался от чрезмерной дозы снотворного. Автор книг «Русская община в тюрьме и ссылке», «Сибирь как колония», «Сибирские инородцы» и др.

³¹ Попов Иван Иванович (1862-1942) — народоволец, писатель. В 1885 арестован по делу Г. Лопатина и др., выслан на 4 года в Кяхту, где стал инициатором первой общественной библиотеки в Троицкосавске и музея в Кяхте. В 1889 побывал в Париже, где близко сошелся с П.Л. Лавровым. Работая в Географическом об-ве, сблизился с Потаниным и Ядринцевым. С 1894 (официально — с 1895) редактировал «Восточное обозрение» и «Сибирский сборник». В 1896 как статистик принимал участие в экспедиции по исследованию влияния земледельческого быта инородцев. Гласный иркутской думы и председатель училищной комиссии. С 1906 жил в Москве, являлся председателем Общества деятелей периодической печати и литературы, членом политического Красного Креста. Участвовал в редакционном комитете газ. «Ночь» вместе с С.А. Муромцевым, Ф.Ф. Кокошкиным и др. После Октябрьской революции работал в потребительском об-ве «Кооперация», в бюро краеведения, был членом группы народников при Обществе политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Автор сочинений по археологии, истории Китая и Монголии, кн. «Минувшее и пережитое. Воспоминания за 50 лет» (Л., 1924).

³² Дубенский Михаил Маркович (ок. 1858 — ок. 1909) — юрист, статистик. Член редакции «Восточного обозрения», печатался в «Сибирском сборнике».

³³ Вагин Всеволод Иванович (1823-1900) — публицист, общественный деятель. Сотрудник «Иркутских губернских ведомостей», редактор первой большой в Сибири газ. «Сибирь» (1874-1877). Один из основателей частной библиотеки в Иркутске. Работал в Восточно-Сибирском отделе РГО. Автор свыше 200 работ по истории, народному хозяйству, золотопромышленности, народному образованию, переселенческому делу. Автор «Исторических сведений о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 гг.» (Т.1-2. СПб., 1872).

³⁴ Заичневский Петр Григорьевич (1842-1896) — революционер, основатель якобинского направления в общественном движении пореформенной России. В 1861 вместе с П.Аргиропуло организовал рев. кружок, напечатавший ряд нелегальных изданий. Встречался с Н.Г. Чернышевским. Летом 1861 арестован за выступления перед крестьянами с призывами не повиноваться властям, к черному переделу земель и общинному владению ими. В заключении написал прокламацию «Молодая Россия» (май 1862), призывающую к свержению самодержавия. В 1862 приговорен к 2 годам 8 месяцам каторги. В 1869 вернулся из Сибири. Продолжал пропагандистскую работу. Последнее место ссылки — Иркутск. В 1895 вернулся в Европейскую Россию, умер в Смоленске.

³⁵ Святич-Иллич Владислав Станиславович (1853-1916) — революционер-народник. Впервые арестован в 1876 за распространение запрещенных

книг. В 1878 отпечатал воззвание «Голос честных людей», был арестован и приговорен к лишению всех прав состояния и к каторжным работам в крепости на 8 лет. В 1881 отправлен в Сибирь (Кара, Якутск. обл. и др.). В мае 1893 получил разрешение приписаться к крестьянскому обществу, жил под наздором в Иркутске, затем Владивостоке. В 1900-х вернулся в Европейскую Россию.

Шольп Евгений Густавович (1863-1916) — участник народнического движения, юрист, член I Государственной Думы, кадет.

³⁶ Тэн Ипполит (1828-1893) — французский литературовед, философ и историк; представитель культурно-исторической школы. Большое внимание придавал общественной психологии. Основной исторический труд — «Происхождение исторической Франции» (русский пер. Т.1-5. СПб., 1907), посвящен Великой французской революции; оценивал ее как «страшную разрушительную силу».

³⁷ Голубев Василий Семенович (1867-1911) — один из руководителей рабочих кружков в Петербурге, публицист. Учился в Петербургском ун-те, курса не кончил из-за ареста и ссылки в Вост. Сибирь. По окончании ссылки поселился в Саратове, поступил на земскую службу, сделался фактическим редактором «Саратовской земской недели». В 1904 переехал в Петербург, работал в газетах «Наша жизнь», «Народное хозяйство», «Товарищ», «Наша газета», в которых заведывал земскими отделами. В газ. «Народное хозяйство» являлся ответственным редактором, за что отбывал по суду 4-месячное тюремное заключение. В последние годы жизни заведывал редакцией журн. «Земское дело».

³⁸ Бартенев Виктор Викторович (1864-1921) — участник рев. движения, исследователь Севера. Учился в Петербургском ун-те одновременно с Корниловым и А.И. Ульяновым. Работал в Петербургском объединенном землячестве как делегат от волжского землячества. Член кружка А.Гизетти (1885). В социал-демократическом движении с 1880-х; с 1890 вместе с В.С. Голубевым член рабочей группы М.И. Бруснева, в которую также входил Л.Б. Крассин.

³⁹ Дело Каракозова — политический процесс в Верховном уголовном суде над кружком ишутинцев, один из членов которого — Дмитрий Владимирович Каракозов 4 апреля 1866 г. совершил неудачное покушение на Александра II. Под следствием находилось свыше 2000 человек, из них 36 — под судом. Каракозов по приговору суда был казнен.

⁴⁰ Лянды Станислав Адамович (1855-1915) — революционер-народник, публицист. В 1878 вошел в варшавский рев. кружок, который вел пропаганду среди рабочих. Арестован в том же году по делу 137-ми. Находясь в заключении, принял участие 30 июля 1879 г. в беспорядках, вместе с С.Серошевским оказал караулу вооруженное сопротивление, за что был приговорен к лишению всех прав и каторжным работам в рудниках на 12 лет, замененным впоследствии ссылкой в отдаленные места Сибири. В 1889 переехал в Иркутск, где был членом редакции газ. «Восточное обо-

зрение» и журн. «Сибирский сборник». В 1905 принимал активное участие в рев. движении; был арестован и выслан из Иркутска вместе с женою. Жил в Москве, работал в журн. «Новь», «Женское дело» и др.

⁴¹ Лизогуб Дмитрий Андреевич (1850-1879), революционер-народник. Дворянин, крупный землевладелец. В 1873-1874 член общества чайковцев, с 1876 — член-учредитель «Земли и воли». С 1878 выступал за переход от пропаганды к террору. В августе 1879 приговорен к смертной казни.

⁴² Брешко-Брешковская Екатерина Константиновна (1844-1934) — одна из организаторов и лидеров партии с.-р., народница. С 1874 по 1896 — на каторге и в ссылке. В 1899 вместе с Г.Гершуни участвовала в организации Рабочей партии политического освобождения России, влившейся в 1902 в партию с.-р. В 1903 эмигрировала в Швейцарию, затем в США. В 1905 вернулась в Россию. Неоднократно избиралась в ЦК партии с.-р. В 1907 вновь арестована и сослана на поселение в Сибирь. В 1919 эмигрировала в США, в 1923-1924 переехала в Чехословакию.

⁴³ Натансон Марк Андреевич (1850-1919) — народник. Один из основателей общества чайковцев. В 1869-1871 трижды арестовывался. С 1872 по 1875 в ссылке. Играл руководящую роль в создании и деятельности «Земли и воли». В июне 1877 вновь арестован, до 1878 содержался в Петропавловской крепости. В 1879-1889 в сибирской ссылке. Основатель и глава партии «Народного права». В 1894 вновь арестован, выслан в Вост. Сибирь на 5 лет. С 1905 — с.-р., член ЦК партии. С 1907 по 1917 в эмиграции. После октября 1917 один из вождей левых с.-р. Умер в Берне. Партия народного права — народническая организация, существовавшая в 1893-1894. Создавалась на основе объединения саратовского, орловского и московского кружков. Раскрыта летом 1894 в связи с провалом «Группы народовольцев». К дознанию было привлечено 158 чел. В дальнейшем члены «Народного права» вошли в партию с.-р.

⁴⁴ Родичев Федор Измайлович (1856-1932) — общественный деятель, юрист. В 1878-1895 гласный Весьегонского уездного и Тверского губернского земств; 1878-1890 — предводитель дворянства Весьегонского уезда, почетный мировой судья. С 1880 находился под негласным надзором полиции. В 1891 избран председателем Тверской губернской земской управы, но не был утвержден администрацией. В 1894 за активное участие в составлении и проведении в Тверском губернском земском собрании адреса по случаю восшествия на престол императора Николая II был ограничен в правах и лишен возможности заниматься общественной деятельностью до ноября 1904. В 1901 ему запрещено проживание в Петербурге на 2 года. Участник «Союза Освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов». Депутат Государственных Дум всех созывов. С 1906 член ЦК конституционно-демократической партии. В марте-мае 1917 министр Временного правительства по делам Финляндии. Эмигрировал из России.

⁴⁵ Шаховской Дмитрий Иванович (1861-1939) — общественный и политический деятель, историк, литератор, публицист. Внук декабриста Ф.П. Шаховского. Вместе с Корниловым учился в Петербургском ун-те, где

принимал участие в деятельности студенческого научно-литературного общества. Член Братства. С 1886 служил в Весьегонском земстве; с 1889 — гласный ярославского уездного земского собрания, с 1895 — гласный ярославского губернского земского собрания. Один из основателей и сотрудников журн. «Освобождение». Член совета «Союза Освобождения», член «Союза земцев-конституционалистов». Депутат I Государственной Думы, ее секретарь. Подписал «Выборгское воззвание», за что отбывал тюремное заключение. Член ЦК конст.-дем. партии. Министр государственного призрения Временного правительства. Один из основоположников кооперативного движения в России, издатель газ. «Кооперация». Исследователь творчества П.Я. Чаадаева. Арестован в ночь с 26 на 27 июля 1938 г. В апреле 1939 осужден на 10 лет «без права переписки».

Струве Петр Бернгардович (1870-1944) — экономист, философ, историк, публицист, общественный и политический деятель. Один из теоретиков «легального марксизма». В 1890-е редактировал журн. «Новое слово» и «Начало». В 1898 участвовал в составлении Манифеста I съезда РСДРП. С июня 1902 редактор журн. «Освобождение», один из главных деятелей возникшего летом 1903 «Союза Освобождения». С 1905 член ЦК конст.-дем. партии. В 1907 избран членом Государственной Думы. Редактор и издатель журнала «Русская мысль». Один из авторов сборника «Вехи» (1909). В 1906-1907 преподавал политэкономии в Петербургском политехническом ин-те. С 1917 академик Российской Академии наук по кафедре политэкономии и статистики; исключен из АН в 1928; до сих пор не восстановлен. В годы Гражданской войны министр в правительстве П.Н. Врангеля, входил в состав Особого совещания при А.И. Деникине. В эмиграции редактировал журн. «Русская мысль» (Прага), газ. «Возрождение» (Париж). Его отец — Бернгард Васильевич (1828-1889) — в 1850-1855 был председателем Иркутского губернского правления.

⁴⁶ Семенов-Тянь-Шанский Петр Петрович (1827-1914) — путешественник, географ, статистик, ботаник, энтомолог. Организатор многих экспедиций в Среднюю и Центральную Азию. В 1864-1875 директор Центрального статистического комитета; в 1875-1897 — председатель статистического совета МВД. С 1897 член Государственного Совета. С 1873 вице-президент Русского Географического об-ва. Почетный член Петербургской АН (1873).

⁴⁷ Анненский Николай Федорович (1843-1912) — статистик, публицист, общественный деятель. С конца 1860-х в народническом движении. Сотрудничал в «Отечественных записках» и др. Подвергался арестам, в 1880 — административной ссылке. В 1880-1890-х руководил статистическими работами губ. земств Казани и Н.Новгорода. В 1896-1900 заведовал статистическим отделом Петербургской городской управы. В 1903-1905 один из руководителей «Союза Освобождения». Вел внутреннее обозрение журн. «Русское богатство». Один из учредителей партии народных социалистов.

⁴⁸ Короленко Владимир Галактионович (1853-1921) — писатель, общественный деятель. С ноября 1881 по сентябрь 1884 находился в ссылке в

Якутии (Амгинская слобода). Привлекался Н.М. Ядринцевым к участию в газ. «Восточное обозрение», но ни одной статьи Короленко в ней так и не появилось.

⁴⁹ Тройницкий Николай Александрович (1842-1913) — госуд. деятель. С 1869 ярославский вице-губернатор, с 1876 вятский губернатор, с 1882 — рязанский губернатор. В ноябре 1883 назначен директором Центрального статистического комитета. Участвовал в работе Особого комитета для рассмотрения предположений известного путешественника Н.Н. Миклухо-Маклая об основании русской колонии на одном из островов Тихого океана. Неоднократно принимал участие в заседаниях Международного статистического ин-та. В 1891 командирован в Вятскую и Казанскую губ. для выяснения положения с продовольствием в этих губ. С 1895 член и управляющий делами Главной переписной комиссии. Сенатор с 1905.

⁵⁰ Унтербергер Павел Фридрихович (р. 1842) — нижегородский губернатор с 1897. Окончил Николаевскую инженерную академию. В 1864 командирован в распоряжение начальника инженеров Вост. Сибири; в 1875 назначен штаб-офицером для особых поручений Вост.-Сибирского окружного инженерного управления. В 1877 становится председателем Иркутского временно-тюремного комитета, в 1878 — заведующим инженерной частью Вост.-Сибирского округа, в 1884 — и.д. заведующего инженерной частью Приамурского военного округа. С 1888 по 1897 военный губернатор Приморской области.

⁵¹ Ермолов Алексей Сергеевич (1846-1917) — госуд. деятель, ученый-аграрник. В 1892-1905 возглавлял Министерство земледелия и госуд. имуществ. Занимался развитием сельскохозяйственного образования, поддерживал расширение кустарной промышленности. Автор известной кн. «Организация полевого хозяйства» (СПб., 1879).

⁵² Стевен Александр Христофорович (р. 1844) — зав. земельно-заводским отделом кабинета Его Имп. Величества (с 1894). Работал на Парижской всемирной выставке. В 1869 назначен секретарем при директоре департамента неокладных сборов. После выхода в отставку в 1871 избран почетным мировым судьей в Симферополе, в 1874 — председателем симферопольского съезда мировых судей, в 1876 — председатель Таврической губ. земской управы. Один из инициаторов создания при этой управе особой библиотеки «Тауґіса» с сочинениями, относящимися к Таврической губ., музея таврических древностей и энтомологического музея. С 1900 по 1905 — товарищ министра земледелия и госуд. имуществ. Член Государственного Совета (1905), гофмейстер Двора Его Имп. Величества.

⁵³ Шипов Иван Павлович (р. 1865) — госуд. деятель. С 1891 служил в канцелярии Комитета министров, с 1894 — в Министерстве финансов. В 1897 назначен директором общей канцелярии министерства и членом комиссии при Комитете Сибирской железной дороги. С 1898 член правления Русско-Китайского банка. Состоял представителем в комиссии о поземельном устройстве поселенцев Забайкальского края. С 1902 — управля-

ющий делами особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности и директор департамента госуд. казначейства. В течение 6 месяцев был министром финансов в кабинете С.Ю. Витте в 1905. С 1908 — министр торговли и промышленности в правительстве П.А. Столыпина.

⁵⁴ Кутлер Николай Николаевич (1859-1924) — общественный и политический деятель. Недолгое время занимался адвокатурой, затем служил в Министерстве финансов, занимая последовательно должности податного инспектора, управляющего казенной палаты, вице-директора и директора (1899-1904) департамента окладных сборов. Недолго был товарищем министра внутренних дел и финансов, в 1905 назначен главноуправляющим землеустройства и земледелия, но вскоре вышел в отставку, после того как был отвергнут его проект о принудительном отчуждении земель. Член ЦК кадетской партии, депутат II и III Государственных Дум. Председатель Совета съездов представителей промышленности и торговли. После октябрьской революции работал в Наркомфине. С 1922 член правления Госбанка СССР.

⁵⁵ Рыкачев Михаил Александрович (1840-1919) — метеоролог, физик. Академик Петербургской АН (1900).

Рыкачев Андрей Михайлович — сын М.А. Рыкачева, вместе с А.А. Корниловым входил в ред. «Саратовского дневника».

⁵⁶ Васильев Афанасий Васильевич (р. 1851) — генерал-контролер Департамента военной и морской отчетности. Действительный статский советник. Член высочайше учрежденной подготовительной комиссии при Комитете Сибирской железной дороги. Член Славянского благотворительного об-ва. С 1890 руководитель изд-ва «Благовест». Автор многих научных и литературных трудов.

⁵⁷ Покровский Николай Николаевич (1865-1930) — госуд. деятель. Тайный советник. С 1893 начальник канцелярии Комитета министров; с 1899 вице-директор департамента окладных сборов Министерства финансов; 1903 — и.д. статс-секретаря департамента промышленности, науки и торговли Государственного Совета; с 1904 — директор департамента окладных сборов Министерства финансов; в 1906-1914 товарищ министра финансов; с 1914 член Государственного Совета; последний министр иностранных дел царского правительства (ноябрь 1916 — март 1917).

⁵⁸ Духовской Сергей Михайлович (р. 1838) — генерал-лейтенант Генерального штаба. Начальник штаба Моск. военного округа (1879-1893). Генерал-губернатор Приамурского края с 1893.

⁵⁹ Обручев Николай Николаевич (1830-1904) — военный и государственный деятель. Генерал от инфантерии (1887), почетный член Петербургской АН (1888). С 1856 профессор и начальник кафедры военной статистики в Академии Генштаба. Вскоре сближается с Н.Г. Чернышевским и Н.А. Добролюбовым. Совместно с первым из них редактировал «Военный сборник». Один из организаторов «Земли и воли», участвовал в под-

готовке нелегальных изданий. Во время заграничной командировки знакомится с А.И. Герценым и Н.П. Огаревым. В 1863 отказался от участия в подавлении Польского восстания. Вскоре отошел от рев. движения. В 1867-1881 управляющий делами Военно-Учетного комитета Генерального Штаба, один из ближайших сотрудников Д.А. Милютин в подготовке военной реформы. В 1881-1897 начальник Генерального Штаба и председатель Военно-Учетного комитета. Член Государственного Совета с 1893.

⁶⁰ Милютин Дмитрий Алексеевич (1816-1912) — государственный и военный деятель. В 1836-1839 служил в Генеральном Штабе. Сотрудничал в «Отечественных записках». Профессор Военной Академии (1845-1856). По его инициативе в 1840-х начато военно-статистическое описание губ. России. Член-корр. АН (1853). С 1861 — военный министр. Провел серию военных реформ. После Берлинского конгресса 1878 фактический руководитель внешней политики России. Член Государственного Совета.

⁶¹ Пален Константин Иванович (1833-1912) — госуд. деятель. Министр юстиции (1867-1878). Член Государственного Совета (с 1878). В 1884 участвовал в составлении проекта местного управления.

⁶² Туган-Барановский Михаил Иванович (1856-1919) — экономист, историк, общественный и политический деятель. Один из теоретиков «легалного марксизма». В 1898 в Московском ун-те защитил докторскую диссертацию «Русская фабрика в прошлом и настоящем». В 1899 за политическую неблагонадежность отстранен от преподавания в Петербургском ун-те, в 1905 вернулся в ун-т. С 1909 создал и возглавил журн. «Вестник кооперации». С 1913 профессор Петербургского политехнического ин-та. В 1917-1918 министр финансов Центральной Рады. При его ближайшем участии организована Украинская Академия наук, имевшая одно из первых в мире отделение социально-экономических наук. Академик УАН по специальности теоретическая экономия. Профессор Ун-та св.Владимира в Киеве, декан его юридического ф-та, председатель Центрального кооперативного украинского комитета и Украинского научного об-ва экономистов. По получении известия о смерти Туган-Барановского В.И. Вернадский записал в дневнике: «Две смерти — Лаппо-Данилевский и Туган-Барановский. Оба крупные порождения русской культуры, ее исключительного богатства, красоты и мощи» (Архив АН СССР. Ф.518. Оп.2. Д.11. Л.5 об.).

⁶³ Пассек Татьяна Петровна (1810-1889) — писательница. Автор воспоминаний «Из дальних лет» (Т.1-3. СПб., 1878-1889), содержащих важные сведения о Герцене и его окружении. Родственница и друг детства Герцена, описанная им в «Былом и думах».

Анненков Павел Васильевич (1813-1887) — критик, историк литературы, мемуарист. Либерал-западник. Путешествовал по России и Европе, был знаком и переписывался с К.Марксом (1846-1847); постоянно общался с А.И. Герценым. По предположению Н.Я. Эйфельмана, привозил в Лондон (1858, 1860) публицистические статьи и бесцензурные стихи русских поэтов с целью передачи их А.И. Герцену. С 1851 начал готовить пер-

вое научное издание Сочинений А.С. Пушкина. С 1866 — секретарь Литературного фонда.

⁶⁴ Тютчев Николай Сергеевич (1856-1924) — революционер-народник. В 1875 арестован по делу Н.И. Кибальчича. С 1876 член «Земли и воли». Арестован в марте 1878 и в административном порядке выслан в Сибирь. По возвращении в 1891 из ссылки участвовал в создании партии «Народного права». В апреле 1894 вновь арестован и выслан в Вост. Сибирь на 8 лет. С 1904 в партии с.-р. В 1905-1914 в эмиграции. С 1918 возглавлял Комиссию по раскрытию секретных агентов охраны. Разоблачил И.Ф. Окладского. Сотрудничал в журн. «Каторга и ссылка».

Помощь А.А. Корнилова ссылным подтверждается и документами, хранящимися в его архиве. Одним из примеров таких ходатайств к Корнилову может служить письмо Л.Книпович от 14 февраля 1897 г.:

Дорогой Александр Александрович! На днях в Ваши края отправляется несколько молодых людей и среди них пом[ощник] прис[яжного] повер[енного] Владимир Ильич Ульянов, которому по приговору придется отбыть 3 года в Восточн[ой] Сибири. Едет он с проходным свидетельством и мать его хлопочет отсюда, чтобы ему назначили местопребыванием более цивилизованный пункт, так как он очень слаб здоровьем и часто нуждается в докторской помощи. Здесь говорят, что пункт назначения целиком зависит от воли ген[ерал]-губ[ернатора] Восточн[ой] Сибири. Не найдете ли Вы возможным как-нибудь посодействовать тому, чтобы просьба Ульянова не осталась без последствий. Это человек очень образованный и крайне симпатичный, но с очень слабыми легкими. Туда же и на тот же срок едут Кржижановский и Старков (технологи), которые будут просить о назначении их в один пункт. Нельзя ли будет устроить их всех в одном месте, т.к. с Кржижановским едет мать и в таком случае мать Ульянова была бы совсем спокойна и за своего сына, который был бы под призором матери Кржижановского. Если есть какая-нибудь возможность помочь им устроиться, в смысле назначения для их местожительства более удобного пункта, то сделайте для них, Александр Александрович, что можно. Сроки не велики, но люди это физически слабые и жаль матерей, которые рискуют потерять в них все.

(ЦГАОР СССР. Ф.5102. Оп.1. Д.606. Л.3-3 об.).

Судя по тому, как развивались дальнейшие события, просьба эта была Корниловым удовлетворена — и Владимир Ильич Ульянов отбывал ссылку в Минусинском округе, одном из южных районов Красноярского края.

⁶⁵ Ольденбург Федор Федорович (1862-1914) — педагог, статистик и общественный деятель. Брат С.Ф. Ольденбурга (1863-1934) — индолога, неперменного секретаря АН (1904-1929), члена ЦК кадетской партии, министра народного просвещения Временного правительства. Вместе с Корниловым учился в 1 Варшавской гимназии, Петербургском ун-те и работал в студенческом научно-литературном об-ве. Член Братства. С 1887 по 1914 руководил женской учительской школой им. Максимовича в Твери; в

1880-х создал в управе земское педагогическое справочное бюро; основатель текущей школьной статистики. Член конст.-дем. партии. См. о нем: Корнилов А.А. Воспоминания о юности Ф.Ф. Ольденбурга. // Русская мысль. 1916. №8.

⁶⁶ Гревсы: Иван Михайлович (1860-1941) — историк, один из создателей петербургской школы медиевистики, профессор Высших женских (Бестужевских) курсов (1892-1918) и Петербургского-Ленинградского ун-та (1899-1941). Среди его учеников Л.П. Карсавин, О.А. Добиаш-Рождественская, Н.П. Анциферов и др. Член Братства.

Мария Сергеевна (ур. Зарудная, 1860-1941) — жена И.М. Гревса, двоюродная сестра Н.Е. Вернадской. Окончила Высшие женские курсы, где занималась под руководством А.Н. Веселовского.

Крыжановский Сергей Ефимович (р.1861) — юрист, госуд. деятель. Вместе с Корниловым учился в 1 Варшавской гимназии, Петербургском ун-те. Член Братства. После окончания ун-та — судебный следователь в Новгородском судебном округе. (Одно из писем Корнилову подписал: «...юрист 1-го курса — будущий министр юстиции». (ЦГАОР. Ф.5102. Оп.1. Д.651. Л.2 об.). Начал службу в 1885 в Министерстве юстиции. В 1896 перешел в Министерство внутренних дел помощником старшего помощника хозяйственного департамента. Вскоре назначен начальником отделения, а в 1901 — вице-директором хозяйственного департамента. С 1904 помощник начальника Главного управления по делам местного хозяйства, временно перешел в Министерство юстиции директором 1-го департамента. С 1906 — товарищ министра внутренних дел. Автор избирательного закона 3 июня 1907. С 1907 — сенатор; с 1911 — государственный секретарь Российской Империи. Женат на сестре выдающегося востоковеда-индолога академика Ф.И. Щербатского.

⁶⁷ Старынкевич Дмитрий Сократович (1863-1920) — член Братства. Учился с Корниловым в одной гимназии, затем в ун-те. В 1918 женился на дочери П.Н. Миллюкова. Одна из его дочерей — Ада — жена С.С. Ольденбурга (1887-1940), сына С.Ф. Ольденбурга, известного публициста и историка; другая — Ирина — известный биогеохимик, ученица и многолетняя сотрудница В.И. Вернадского.

⁶⁸ Горемыкин Иван Лонгинович (1839-1917) — госуд. деятель. Комиссар по крестьянским делам в Царстве Польском (1860); Полоцкий вице-губернатор (1861). Министр внутренних дел (1895-1899); председатель Совета министров (апрель-июль 1906; 1914-1916). Член Государственного Совета (с 1899).

⁶⁹ Ли-Хунь-чан (прав.: Ли-Хун-чжан) — китайский госуд. деятель, фактический руководитель внешней политики Китая в конце XIX в.

⁷⁰ Зарудный Сергей Сергеевич (1866-1898) — общественный деятель. Во время учебы в Петровской сельскохозяйственной академии входил в 1886-1887 в народовольческий кружок студентов. Арестован в апреле 1887 и привлечен к дознанию по делу о 16-ти лицах, причастных к покушению

1 марта 1887 г. Заключен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости; освобожден в мае под залог. В 1888 выслан под гласный надзор полиции на 3 года в Зап. Сибирь (Омск). По окончании срока подчинен негласному надзору. В 1893 выслан из Петербурга в Н.Новгород, служил конторщиком в Волжско-Камском коммерческом банке. В 1896 арестован по делу социал-демократического кружка А.Кузнецова, освобожден под особый надзор. С 1897 жил в Крыму.

Зарудный Александр Сергеевич (1863- после 1934) — юрист, общественный деятель. Брат С.С. Зарудного. В 1886-1887 входил в кружок В.В. Водовозова, издававший нелегальные сочинения. В апреле 1887 арестован по делу о покушении 1 марта 1887. В 1895-1899 товарищ прокурора Петербургского окружного суда. Оставил должность в знак протеста против назначения товарищем прокурора Трусевича (в дальнейшем — директором Департамента полиции), осужденного товарищеским судом за некорректное поведение в политическом деле. С 1902 — присяжный поверенный в Петербурге. Выступал защитником на политических процессах: I Совета рабочих депутатов (1905); ЦК крестьянского союза; лейтенанта П.Шмидта; по делу Бейлиса и на др. процессах. После Февральской революции — народный социалист. Министр юстиции 2 коалиционного Временного правительства. В 1920-е член коллегии адвокатов в Ленинграде. В 1930-е юрисконсульт ленинградского отделения Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев.

⁷¹ Мартянов Николай Михайлович (1844-1904) — ботаник, краевед, основатель Минусинского музея.

⁷² Адрианов Александр Васильевич (р. 1854) — сибирский этнограф, публицист.

⁷³ Яковлев Максимилиан Аверкиевич (р. ок. 1854) — народник. Сын ссыльнопоселенца. В 1878 дважды привлекался к дознаниям. В 1879 выслан под надзор полиции в Якутск. В 1882 срок его надзора определен в 3 года с переводом его в Красноярск.

⁷⁴ Крутовский Владимир Михайлович (1856-1939) — врач, литератор, педагог и общественный деятель. Политический ссыльный. В 1880-х выступал в газ. «Сибирь» и «Сибирская газета». Редактор «Сибирских врачебных ведомостей» (1903-1907), редактор-издатель литературно-художественного журн. «Сибирские записки» (1916-1919). В 1919 осуществил первую попытку издания сборника сочинений Н.М. Ядринцева. Его брат — Всеволод Михайлович (1864-1945) — садовод, создатель первого в Сибири стелющегося сада, в 1905-1906 редактор газ. «Сибирская жизнь».

⁷⁵ Стефанович Яков Васильевич (1854-1915) — революционер-народник. Член киевского отделения об-ва чайковцев. Главный организатор «Чигринского заговора» (1877). Арестован в сентябре 1877, в мае 1878 бежал за границу. Вернувшись в Россию, вступил в 1879 в «Землю и волю», а после ее раскола стал одним из лидеров «Черного передела». В январе 1880 эмигрировал. Вновь вернулся в Россию в ноябре 1881, примкнул к

«Народной воле» и стал членом ее Исполкома. Вторично арестован в феврале 1882 по «процессу 17-ти». Осужден на 8 лет каторги, которые отбывает в Каре. С 1890 на поселении в Якутии. Один из авторов газ. «Восточное обозрение».

⁷⁶ Ковалик Сергей Филиппович (1846-1926) — революционер-народник. Один из представителей анархических тенденций в радикальных кружках Петербурга. Окончил Павловское военное училище, кандидат математики. С 1872 сближается с чайковцами и кружком Долгушина. В 1873 знакомится с М.А. Бакуниным. Арестован в 1874, стал одним из главных обвиняемых по «процессу 193-х». Попытался бежать, переведен в Петропавловскую крепость. В 1877 осужден на 10 лет. С 1881 — на Каре. Сотрудник газ. «Восточное обозрение».

⁷⁷ Бакунин Михаил Александрович (1814-1876) — один из идеологов анархизма и народничества. Играл видную роль в кружке Н.В. Станкевича. В 1840 уехал за границу. В 1844 заочно приговорен к лишению всех прав состояния и ссылке, в случае явки в Россию — на каторгу в Сибирь. В мае 1849 один из руководителей восстания в Дрездене, приговорен саксонским судом к смертной казни, замененной пожизненным заключением. Передан в руки австрийского правительства и в 1851 вторично приговорен к смертной казни, замененной снова пожизненным заключением. Выдан Николаю I и заключен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости. С 1857 по 1859 находился в ссылке в Томске, затем в Иркутске. Полностью одобрял деятельность генерал-губернатора Вост. Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского, причем оказался в числе противников политических ссыльных М.В. Петрашевского и Ф.Н. Львова, критиковавших методы управления иркутской администрации с демократических позиций. В 1861 бежал из ссылки через Японию в США.

В течение многих лет А.А. Корнилов занимался изучением жизни и деятельности М.А. Бакунина по материалам «премухинского архива», переданного им затем в Пушкинский Дом. См. его монографии: Молодые годы Михаила Бакунина (М., 1915) и Годы странствий Михаила Бакунина (М., 1925). Появление работ Корнилова, связанных с историей семьи Бакуниных, вызвало значительный резонанс среди демократической интеллигенции. Так, «патриарх» российского либерализма И.И. Петрункевич писал историку: «Если с точки зрения науки Ваш труд всегда будет крупным вкладом в историю русской культуры, то для нас, знавших эту семью, любивших ее и много обязанных ей в своем собственном умственном и нравственном развитии, это история собственной души в ее самом источнике. В моем нравственном существе никому я не обязан в такой мере, как Павлу Александровичу, а он без семьи Бакуниных и семья их без него едва ли могут быть поняты. Вы подошли теперь к самому интересному моменту, когда выступает на сцену П[авел] А[лександрович] и когда Вам предстоит передать образ этого человека во всем его нравственном содержании и значении, которые так мало известны русскому обществу, что свидетельствуют не о незначительности этого человека, а о некультурности русского общества» (ЦГАОР. Ф.5102. Оп.1. Д.766. Л. 2-2 об.).

⁷⁸ Сипягин Александр Петрович — иркутский губернский тюремный инспектор, автор статей в журн. «Тюремный вестник», в 1898 в Иркутске вышла его работа «Несколько слов о настоящем и будущем уголовной ссылки и тюрьмы».

⁷⁹ Мамонтов Савва Иванович (1841-1918) — крупнейший предприниматель, меценат. Глава акционерного об-ва Восточно-Сибирских чугуноплавильных заводов. Осенью 1899 почти полностью разорился. Основал в 1885 московскую частную оперу.

⁸⁰ Витте Сергей Юльевич (1849-1915) — госуд. деятель. С 1892 министр путей сообщения и финансов, с 1903 председатель Комитета Совета министров. Инициатор военной монополии, денежной реформы (1897), строительства Сибирской железной дороги. Автор Манифеста 17 октября 1905 г.

⁸¹ Ковалевский Владимир Иванович (р. 1848) — директор департамента торговли и мануфактур (с 1892). В течение многих лет служил в департаменте земледелия и сельской промышленности в Министерстве госуд. имуществ. С 1884 вице-директор департамента окладных сборов Министерства финансов. Председатель комиссии по участию России на всемирной выставке в Чикаго. Вице-председатель комиссии по устройству всероссийской художественно-промышленной выставки в Н.Новгороде (1894), председатель комиссии по устройству русского отдела на Всемирной выставке в Париже (1900) и скандинавской выставке в Стокгольме. Автор многих статей и докладов по экономических вопросам.

⁸² Теляковский Леонид Константинович (р. 1834) — енисейский губернатор (1889-1897). Служил в Петербургской казенной палате. С 1874 псковский вице-губернатор и корреспондент госуд. коннозаводства по Псковской губ.

⁸³ Караулов Василий Андреевич (1854-1910) — революционер-народник. Арестован 4 марта 1884. Судился по процессу 12-ти в Киеве. Приговорен к 4 годам каторжных работ, которые отбывал в Шлиссельбурге. В 1888 отправлен на поселение в Сибирь. Амнистирован в октябре 1905. Кадет. Депутат III Государственной Думы, где много работал по вероисповедным вопросам (защита интересов старообрядцев и сектантов).

⁸⁴ Приклонский Николай Иванович (р. 1831) — нижегородский губернский предводитель дворянства (с 1891). Действительный статский советник, гофмейстер Двора Его Имп. Величества.

⁸⁵ Духович Александр Фомич (р. 1863) — народоволец. Учился в Петровской земледельческой академии. С 1882 под негласным надзором полиции; арестован и привлечен к дознанию по делу о лицах, адреса которых были обнаружены в записной книжке Г.Лопатина. В 1885 выслан из Москвы с запрещением проживать в ней. По делу Лопатина подлежал особому надзору. В 1887 выслан под гласный надзор полиции на 3 года в Зап. Сибирь. Остался жить в Сибири, служил лесничим в Туринске,

с 1895 — лесным ревизором при управлении госуд. имуществ в Томской губ. С 1898 — и.д. управляющего госуд. имуществами Енисейской губ., жил в Красноярске.

⁸⁶ Выборгское воззвание — обращение членов распущенной I Государственной Думы (в основном кадетов и трудовиков) «Народу от народных представителей», содержавшее призыв к пассивному сопротивлению властям — отказу от уплаты налогов, отбывания воинской повинности и т.д. Принято в Выборге 9-10 июля 1906 г. 12-18 декабря 1907 прошел так наз. «Выборгский процесс» против 177 депутатов, подписавших воззвание, подвергнутых небольшому тюремному заключению и лишенных права вновь избираться в Государственную Думу.

⁸⁷ Галахи — название деревни в Тверской губ., в которой в течение многих лет Корниловы проводили летние месяцы.

⁸⁸ Петрункевичи — Иван Ильич (1844-1928) и Анастасия Сергеевна (урожд. Мальцева, в первом браке графиня Панина). И.И. — общественный деятель, один из зачинателей российского либерализма. За активную общественную деятельность в 1879 выслан из Черниговской губ. В 1886-1904 — гласный Тверского губ. и Новоторжского уездного земских собраний. В 1894 снова подвергается высылке, находился под негласным надзором полиции. Председатель «Союза Освобождения» (1904). Участник земских съездов 1904-1905. Один из основателей и лидеров конст.-дем. партии, председатель ее ЦК (1906-1915); издатель ЦО партии газ. «Речь». Депутат I Государственной Думы, председатель фракции кадетов в ней.

Петрункевич Михаил Ильич (1845-1912) — брат И.И., общественный деятель, врач. Окончил Медико-хирургическую академию. Служил старшим врачом Тверской земской больницы. С 1870 — гласный Тверского уездного, затем губернского земства. С 1881 — под негласным надзором полиции. После переезда в Петербург гласный Петербургской городской думы. С 1905 член Совета Имп. Вольно-экономического об-ва. Участник «Бесед», «Союза Освобождения», «Союза земцев-конституционалистов». Кадет. Депутат I Государственной Думы.

⁸⁹ Бакунина (урожд. Корсакова) Наталья Семеновна. Бакунин Павел Александрович (1820-1900) — брат М.А. Бакунина, земский деятель.

⁹⁰ Бакунин Александр Александрович (1821-1908) — брат М.А. Бакунина, общественный деятель. Участник обороны Севастополя во время Крымской войны. Гарибальдиец. Исполнял некоторые конспиративные поручения А.И. Герцена. В течение 40 лет гласный Тверского губ. и Новоторжского уездного земских собраний (1865-1906). Участник «Бесед». С 1880 под надзором полиции.

⁹¹ Рубакин Николай Александрович (1862-1946) — книговед, библиограф, писатель. Участвовал в нелегальных студенческих организациях, был арестован. В 1907 эмигрировал в Швейцарию. Создатель библиопсихологии и одноименного института в Лозанне.

Келлер Владимир Васильевич — юрист, участник борьбы с голодом в 1892 в Моршанском уезде.

Елпатьевский Сергей Яковлевич (1854-1933) — врач, писатель, общественный деятель. Участник народнического движения. За принадлежность к «Народной воле» в начале 1880-х был сослан на 3 года в Вост. Сибирь. Позже — один из руководителей журн. «Русское богатство». В 1906 — один из организаторов Трудовой народно-социалистической партии.

⁹² Шаховская (урожд. Сиротинина) Анна Николаевна — жена Д.И. Шаховского.

⁹³ Якушкин Евгений Иванович (1826-1905) — юрист, этнограф. С 1859 — в Ярославле: управляющий палатой гос. имуществ, начальник казенной палаты. Издал записки декабристов Н.В. Басаргина, И.И. Пушина и своего отца, И.Д. Якушкина.

Якушкин Вячеслав Евгеньевич (1856-1912) — литературовед, историк, профессор Московского ун-та. С 1889 гласный Курского губ. земства. В 1899 выслан из Москвы в Ярославль за речь в Обществе любителей российской словесности в связи со 100-летием А.С. Пушкина. Член «Союза Освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов». Кадет. Редактор газеты «Народное дело».

⁹⁴ Победоносцев Константин Петрович (1827-1907) — юрист, государственный деятель. В 1880-1905 обер-прокурор Синода.

⁹⁵ Калмыкова Александра Михайловна (1849-1926) — педагог-просветитель, общественная деятельница. С 1885 педагог воскресной школы для рабочих в Петербурге, гда работала вместе с Н.К. Крупской. В 1889-1902 заведовала книжным складом народных изданий, служившим местом встреч русских марксистов, среди которых бывал и В.И. Ленин. Входила в редакцию журн. «Новое слово», была тесно связана с деятельностью группы «Освобождение труда» и «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», оказывала материальную помощь изданию «Искры» и «Зари». В 1901 выслана за границу без права возвращения в Россию в течение 3 лет. После 1917 работала в Петроградском отделе народного образования, Педагогическом ин-те им. К.Д. Ушинского.

Водовозова Мария Ивановна (1869-1954) — книгоиздательница. Родилась в Кяхте. В 1892 вышла замуж за Н.В. Водовозова, брата В.В. Водовозова. Основала издательство, целью которого была борьба с народническими течениями и пропаганда идей марксизма, в т.ч. издавала произведения В.И. Ленина. Оказала большую материальную помощь первому легальному марксистскому журн. в России «Новое слово». В 1900 выслана из Петербурга, но деятельность ее издательства продолжалась вплоть до 1907. После 1917 работала в библиотеке Пречистенских рабочих социалистических курсов.

Яковлев (Богучарский) Василий Яковлевич (1861-1915) — общественный деятель, историк освободительного движения. В 1884 сослан в Сибирь за связь с народовольческими военными кружками, а за участие в протесте ссыльных отправлен в Якутию (до 1890). От сочувствия народни-

честву перешел к легальному марксизму, а затем стал активным деятелем либерального лагера. Собрал и опубликовал источники по истории рев. движения 60-80 гг.: «Государственные преступления в России в XIX в.» (Т.1-3. Штутгарт-Париж. 1903-1905) плюс 3 тома приложений — материалов нелегальной печати. Один из издателей в 1906-1907 журн. «Былое» (вместе с П.Е. Щеголевым и В.Л. Бурцевым), с 1908 — в журн. «Минувшие годы». По делу о «Былом» в 1909 выслан за границу, вернулся в 1913.

Миклашевский Михаил Петрович (1866-1943) — критик, журналист.

Гурович М.И. (1862-1915) — тайный сотрудник охранного отделения; в 1902 разоблачен как провокатор Петербургским социал-демократическим комитетом, что подтвердила и комиссия, созданная из представителей «Заграничной лиги русской революционной социал-демократии», «Союза русских социал-демократов за границей» и группы «Борьба». После этого Гурович открыто перешел на службу в Петербургский департамент полиции. Позднее возглавлял особую канцелярию при помощнике по полицейской части кавказского наместника.

⁹⁶ Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865-1941) — писатель.

Гиппиус Зинаида Николаевна (1869-1945) — поэт, жена Д.С. Мережковского.

⁹⁷ Харламовы — семья сестры А.А. Корнилова Татьяны, которая была замужем за Николаем Васильевичем Харламовым, одним из ближайших друзей Корнилова по Варшавской гимназии, членом Братства.

Насоновы — семья сестры А.А. Корнилова Екатерины. Ее сын — Дмитрий Николаевич Насонов (1895-1957) — известный биолог, член-корр. АН СССР (1943); муж — Николай Викторович Насонов (1855-1939) — также биолог, действительный член АН (1906).

⁹⁸ Шаховской Сергей Иванович (1865-1908) — общественный деятель, брат Д.И. Шаховского. В 1890-е гласный Московского губ. и Серпуховского уездного земских собраний. Член Серпуховской уездной управы. Член «Союза Освобождения». Кадет.

⁹⁹ Чупров Александр Иванович (1842-1908) — профессор-экономист, публицист-народник. Председатель статистического отделения Московского юридического об-ва. Автор многочисленных трудов по железнодорожному хозяйству и аграрным вопросам.

¹⁰⁰ Сипягин Дмитрий Сергеевич (1853-1902) — госуд. деятель. Товарищ министра госуд. имущества (1893), товарищ министра внутренних дел (с 1894), управляющий делами Министерства внутренних дел (1899). С 1900 министр внутренних дел. Инициатор созыва в 1902 Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Убит в Мариинском дворце эсером С.В. Балмашевым.

¹⁰¹ Пантелеев Александр Ильич (р. 1838) — генерал-лейтенант, помощник шефа жандармов (с 1897). С 1882 командир л.-гв. Семеновского полка. В 1890 назначен директором Имп. училища правоведения. Иркутский генерал-губернатор.

¹⁰² Муравьев (Амурский) Николай Николаевич (1809-1881) — госуд. деятель и дипломат. Генерал от инфантерии (1858). Тульский военный и гражданский губернатор (1846). В 1847-1861 иркутский и енисейский губернатор, генерал-губернатор Вост. Сибири. Проводил активную деятельность по изучению, освоению и заселению края и расширению торговли на Дальнем Востоке. Руководил экспедициями в 1854-1855 по Амуру до устья перед окончательным разграничением между Россией и Китаем. Подписал Айгунский договор 1858, утвердивший государственную границу России с Китаем по Амуру, за что получил титул графа Амурского. Член Государственного Совета.

¹⁰³ Муравьев Михаил Николаевич (1845-1900) — госуд. деятель. Служил по Министерству иностранных дел в Берлине, Стокгольме, Париже и др. С 1880 первый секретарь посольства в Париже, с 1889 — советник посольства в Берлине, с 1893 — чрезвычайный посланник и полномочный министр при дворе короля датского. С 1897 — министр иностранных дел.

¹⁰⁴ Новомбергский Николай Яковлевич (1871-1947) — врач, этнограф, краевед. Действительный член Петербургского археологического ин-та и Русского географического об-ва. Автор трудов о врачебном и ветеринарном деле в России. Профессор Томского ун-та.

Б.Н. Лосский
НАША СЕМЬЯ В ПОРУ ЛИХОЛЕТИЯ
1914-1922 ГОДОВ

Читателю седьмого тома альманаха, может быть, памятни опубликованные мною воспоминания моей бабушки Марии Николаевны Стоюниной, в которых большое место уделено ее мужу и моему деду Владимиру Яковлевичу¹. С их деятельности в области народного образования, как и с его печатных трудов по педагогике и филологии началась причастность нашей семьи к культурной жизни России: ее двух первых поколений — с 1860-х до 1920-х годов, а также в значительной мере и трех следующих, — до сего дня, хоть и за рубежом.

Свои личные воспоминания о жизни нашей семьи я мог бы возвести с достаточной точностью к моему трехлетнему возрасту, то есть к 1908 году, но в настоящее время мне представляется предпочтительным ограничить их периодом жизни нашей семьи от года начала первой мировой войны до года вынужденного исхода из России.

НАШ ДОМАШНИЙ КРУГ НА КАБИНЕТСКОЙ УЛИЦЕ
В НАЧАЛЕ 1910-х ГОДОВ

Главной его особенностью было неразрывное слияние с миром женской гимназии Стоюниной, с самого ее основания бабушкой Марией Николаевной (1846-1940) в Петербурге в 1881 году. Начать с того, что ее дочь и моя мать Людмила Владимировна (1875-1943), в известной мере «виновница» основания школы, стала в конце 1890-х годов, по выходе с Высших Женских Курсов, верным и деятельным помощником бабушки и осталась тако-

вым выйдя в 1902 году замуж за одного из ее преподавателей, Николая Онуфриевича Лосского (1870-1965)², тогда уже приват-доцента Петербургского университета. Не знаю, в какой мере подобает напоминать о занятом им месте в области русской философии и о месте его родившегося в 1903 году сына и моего старшего брата Владимира, преждевременно скончавшегося в 1958 г., в мире мистического богословия Православной церкви. Если прибавить к этому, что в 1905 г. появился на свет и я, а в 1908 — сестра Маруся, то будет дан полностью состав нашей семьи к 1914-му году.

Что же до «домашнего круга», распространявшегося на домохозяев, то он был очень обширен, в значительной мере, как уже было сказано, из-за своей причастности к гимназии, как бы возникшей из бабушкиной семьи. Назову в первую голову почти вошедших в ее состав двух бабушкиных сотрудниц с первых лет ее школы, носившей по началу характер пансиона: Адель Ивановну Каберман, для нас «Аденьку», обрусевшую немку из Эстляндии, преданную экономку и начальницу технического персонала гимназии, а вместе с тем и воспитательницу матери и, позже, нашего детского поколения. За нею M-lle Sophie Raynauld, выпускницу пансиона при женском монастыре в Авиньоне, «Мамзушку» для бабушки и мамы, «манмазелиньку» для прислуг и «Мазясю» для нас, детей. Она преподавала французский язык и вела на нем песни и игры в Детском саду, и в семье, благодаря ей, часто звучала французская речь, а у нас со старшим братом возникло первое ощущение притягательной силы Франции.

Стоит пожалуй отметить в этой группе «старожилов» живописную фигуру ровесницы бабушки, прислуги Евгеньи Лазаревны Широковой, хотя в мое время ее деятельность не распространялась за уборку четвертого этажа гимназии. Но почти каждое воскресное утро она подымалась в наш пятый этаж, когда за кофеем сидели еще только мы, дети, и приносила «вынутые» на ранней обедне за наше здоровье вкусные просвиры и, для нашего вящего удовольствия, няня завела было обычай (вскоре прекращенный запретом свыше) мазать их маслом. Также Евгенья надзирала летом за нашим пустующим из-за каникул этажом и, будучи в своем роде духовидицей, разгоняла святой водою расселившуюся в нем нечистую силу. В спальне бабушки егозила какая-то карикатурно ее напоминавшая ведмёнка, а отцовский рабочий кабинет навещал какой-то дух, представлявшийся нам, по ее описаниям, похожим на Вольтера. Когда он не качался в *cocking-chair*'е, то садился за письменный стол и держал себя за хвост «как облизьяна». Сама же Евгенья садилась в столовую, открыв перед собою Библию, хо-

тя грамоте особенно и не разумела. Но нечистые духи этого должно быть не знали, и ей случалось слышать за собой их почтительный шопот: «Читает, читает...», который она прерывала окриком: «Что, и читаю!»

Среди более молодого поколения домочадцев отведу главное место нашей уже упомянутой «няне Лизе», Елизавете Павловне Советовой. К нам она поступила вскоре после рождения брата Владимира, еще не дойдя до двадцатилетнего возраста, как дипломированная «шпитонка»³, прямо из дома Столыпиных, где чем-то не угодила на властолюбивую и вздорную по ее словам барыню. В нашем же доме она хорошо сошлась со всеми, начиная с Аденьки, своей непосредственной начальницы по части надзора и ухода за нами, детьми, число которых с рождением Маруси поднялось до трех. Службу свою она исполняла с преданностью делу и любовью к питомцам, что однако не шло в ущерб независимости ее суждений о нашей семье, некоторые особенности быта которой вызывали ее бутаду «у них все не как у людей». Не буду останавливаться на характеристиках горничных родителей и бабушки: притязавшей на изысканность Гаши Евдокимовой и забавно ворчливой Аннушки Рябухиной. Ограничусь также только упоминанием подведомственного Аденьке живописного мира кухни, еще одного звена, связывавшего семью и гимназию.

И еще одно, последнее звено: две «пансионерки», своего рода пережиток первоначального существования бабушкиной школы. В 1914 году одной из них была прожившая у нас до революционных лет Катя Полякова. Она отличалась одаренностью в рисовании, пении и, главное, в искусстве имитации, порожденном юмористической наблюдательностью и сулившем ей театральную карьеру. Но, увы, всему этому сопутствовали не менее разнообразные «достоевские комплексы», о которых здесь незачем распространяться. Второй пансионеркой этого времени была другая Катя — Екатерина Алексеевна Умова, — тоже рисовальщица, но на более сухой манер, предвещавший в ней архитектора, каковым я ее и встретил полвека спустя, когда сбылась моя мечта увидеть снова берега Невы.

Не забываю, конечно, о многочисленной родне со стороны отца, начиная с его здравствовавшей до 1925 г. матери, для нас «бабушки Лосской», Аделаиды Антоновны⁴, но здесь наш обзор ограничится частью семьи, восходящей к «бабушке Стоюниной», пребывавшей с 1904 г., как и ее гимназия, в доме №20 по Кабинетской, позже ул. Правды.

Это был доходный дом Тами и Дейчмана, только что выстроенный архитектором Данини в стиле шведского сецессиона, с

оштукатуренным серым фасадом, оживленным вставками из глазурированного желтого кирпича. Дом стоит и поныне, с двумя подъездами, лишившимися своих нарядных криволинейных навесов из матового стекла и створок входных дверей с зеркальными стеклами и поставленными наискосок длинными медными ручками. Как не прибавить к этому представительную фигуру швейцара в синей livрее с золотыми пуговицами и бортом фуражки? Это был Антон Матвеевич Сканцев, рассудительный и красноречивый грамотей, одной из обязанностей которого было приведение в действие еще не автоматизированного лифта шведской марки.

Нашим миром была правая (более близкая к Звенигородской) половина дома, у которого было две парадных и две черных лестницы. Гимназия размещалась во втором (говоря по-русски), третьем и четвертом этажах. Детский сад с Мазясиной комнатой в одной из двух квартир шестого. Что же до пятого, то в его обеих квартирах расселилась, не без некоторых уступок гимназии, наша семья: в №21 — бабушка и обе пансионерки, в №22 — оба поколения Лосских, Аденька и няня. Мебель, происходившая по большей части из предыдущих бабушкиных жилищ и набравшаяся, главным образом, путем приобретений у добротных старьевщиков, не притязала ни на антикварную ценность ни, разумеется, на модный «стиль 1900».

Сторону нашей двойной квартиры, обращенную на улицу, заполняла анфилада из шести больших комнат. Первая из них (начиная слева) служила поначалу рисовальным классом, где нас забавляли гипсовые слепки-модели, став около 1912 г. «классом языков». Также служила отчасти гимназии и соседняя, «большая» или «бабушкина» столовая, где наша семья пила утренний кофе, до звонка домашнего телефона, вызывавшего бабушку на школьную молитву, и садилась за обед в половине седьмого вечера. На полуденный же завтрак в нее поднимались из гимназии учителя. Там же проходили педагогические и «родительские» заседания. Меблировали ее два буфета и две дюжины стульев с прямоугольными кожаными сиденьями и спинками, на части которых был вытеснен вензель *МС* под дворянской короной. Перед угловой печью-камином стоял большой экран с вышитым гербом рода Тихменевых⁵. Рядом висел портрет сидящей в кресле бабушки, написанный летом 1910 г. в рембрандтовском освещении и пуантилистской технике только что заканчивавшим Академию Художеств Львом Заком⁶. Далее шел «бабушкин кабинет»: проходная комната, гораздо лучше отвечавшая роли гостиной. Среди ее мебели отмечу, кроме короткого рояля марки Мюльбах, длинный диван в переходном стиле 1840-х — 1850-х годов работы одного из придворных мебель-

щиков Гамбсов. Затем следовала «маленькая» или «мамина» столовая, где семья собиралась на полуденный завтрак, а ее взрослые члены и на чай в десятом часу вечера. Там импонировал своими простыми и благородными формами большой буфет, облицованный красным деревом, и стояла излюбленная мною фисгармония. Двери и окна обрамлялись темно-синими бархатными портьерами с вышитыми над ними гладью декоративными мотивами. Подобные им портьеры из зеленого сукна согревали глаз в соседнем «папином кабинете», где отец работал в спокойном уединении и вечером, после обеда, просвещал наше поколение так много ему давшим чтением произведений классической литературы. Здесь заполняли целую стену этажерки библиотеки, «возглавляемые» бюстом Сократа. Монументальный письменный стол, как может быть и нео-ренессансные кресла и стулья, имел свою историю, потому что служил в свое время астроному Глазенапу. Небезинтересны были и картины: голландская жанровая в духе Остааде с монограммой Корнелиса Дюссарта⁷; голова юноши, вспоминая о которой, я думаю о венецианском круге Пьяцетты; и над диваном, почти во всю его длину, картина Ярошенко, изображавшая лежащую у стога сена городскую девицу в розовом платье⁸. Анфиладу замыкала родительская спальня, выдержанная в розовом цвете, как для штукатурки стен, так и для шелковой обивки мебели, с ансамблем которой контрастировал поставленный наискосок в трехугольный «фонарь» (эркер) столярный верстак, за которым отец занимался одно время, по предписанию врачей, требующим движения и физического усилия ручным трудом. Что же до нашей «детской», то она выходила тремя окнами на противоположную уличной, восточную сторону с видом на обширное пространство дворов, вплоть до задних фасадов домов параллельной с нашей Николаевской, ныне улицы Марата. В нее обильно вливался утренний свет, который как бы еще усиливала белизна стен, постелей и большей части мебели. За ней шла маленькая, уютная комната Аденьки. Венок между детской и западной анфиладой была родительская передняя, обставленная ансамблем пробившей себе к началу века дорогу в буржуазные интерьеры мебели из мореного дуба «русского народного» стиля, изготовлявшейся в Мамонтовском Абрамцево по рисункам Елены Поленовой: скамья, зеркало с резной рамой, стоячий и подвесные шкафчики, один из которых, угловой, поместился рядом, в маленькой столовой.

Кабинетская нашего времени никак не походила на нынешнюю улицу Правды, превращенную в бульвар проведением по середине аллеи, обсаженной деревьями. В моей памяти она стоит как широкая и пустынная улица с булыжной мостовой, окаймлен-

ной известняковыми тротуарами (или, на осмыслявшем это слово на языке убиравших их дворников, «плитуарами») с зелеными лоханями под устьями водосточных труб и вереницей чугунных столбов газовых фонарей, обслуживавшихся фонарщиками, носившими на плече лесенки.

Над улицей часто несясь благовест из трех домовых церквей. Одна из них принадлежала подворью не знаю где в России находившегося Митрофаньевского монастыря. Фасад здания выходил на Звенигородскую улицу, при впадении в нее Кабинетской против казарм Семеновского полка. Против же наших окон церковь Александра Невского увенчивала шатровыми верхами здание в ложно-московском стиле времени Александра III с крупной золотой надписью *Синодальная типография* через две ижицы и большой мозаикой с изображением Христа посреди детей. Направо от нее (удаляясь от Звенигородской) свешивался до середины улицы мощный ствол почти столетней липы через дощатый забор Первой гимназии, невысокое классицистическое здание которой ширится и теперь до Ивановской, ныне Социалистической улицы, с полусферическим куполом бывшей домовой, позднее продолжавшей быть «нашей» приходской церкви. В дореволюционное время, подниматься на ее этаж дозволялось, только оставив в гардеробе верхнее платье и калоши, чем обуславливался ее «буржуазный» осуждаемый прислугой характер. Не знаю, был ли попросту сбит или только заштукатурен на светлой стене под куполом нестеровский пейзаж с *Видением отроку Варфоломею*, копия если не ошибаюсь с оригинала Владимирского собора в Киеве.

Хорошо помню на противоположном углу Ивановской спуск в подвальную мелочную лавочку *Роскошь* с ее бородатым хозяином в люстриновом пиджаке и теперь годившейся бы в музей быта вывеской с нехитрым натюрмортом, изображавшим продававшиеся в лавочке товары, вплоть до почтовых марок. Также помнится, на полпути к Разъезжей, двухэтажный деревянный домик с импониравшим мне благородным ампириным фризом в виде лавровой гирлянды, наполовину скрытым вывеской трактира *Аркадия*. Перед одним из домов этой половины улицы можно было иногда видеть экипаж или сани, запряженные, кажется, парой лошадей, которых покрывала как попона синяя или лиловая сеть. Только сравнительно недавно мне довелось узнать, что хозяйкой так запряженных повозок была властительница сцены Александринского театра, Мария Гавриловна Савина⁹. Случалось, что тишину улицы нарушала бодрая ритурнель рожка и сочный звонок колокольчиков пожарной команды с Загородного, несущейся на всех парах, и несколько минут спустя — стук колес влекомого ме-

нее резвыми, но более сильными битюгами как бы запыхавшегося парового насоса с высокой трубой. Или медленно шла похоронная процессия за белым с серебряными рельефами катафалком, открытым или под балдахином, с выступающими по сторонам факельщиками в белых же фраках и цилиндрах, со светильниками, застекленными наподобие уличных фонарей. Отраднее было слышать мажорные залихватые выкрики разносчиков и разносчиц с лотками на головах. Фальцетом: «Раки, селёдки, стерляди-и», сопрано: «смародина-ягода, малина, малина-а-у». Порой слышалась, но со стороны двора, глухие и краткие возгласы старьевщика-татарина: «хлат-хлат, хлат-хлат», за чем иногда следовали реплики дворовых мальчишек, начинающиеся с рифмы «портки горят». И в том же порядке идей, но уже на кухне: поднявшийся в нее по черной лестнице китаец с длинной черной косой сидит на полу скрестив ноги перед открытым коробом, достает из него и разворачивает аккуратно сложенные вдоль свертки разноцветной чичунчи и возражает осклабясь на скептические замечания Аденьки об их качестве: «сициняес бариня».

Свое название наша улица вела от «Кабинета Двора Его Имп. Величества», служащие которого проживали в находившейся здесь до середины прошлого века «Дворцовой слободе». Наименование Кабинетская оказалось как бы «предопределяющим» для моего отца, написавшего в своих Воспоминаниях:

Улица наша была тихая, спокойная, удобная для кабинетных занятий. Раньше, во времена моего студенчества, по ней проходила в одном направлении конка, параллельная конке, шедшей в другом направлении по Загородному проспекту. Когда конка была заменена [в начале века. — Б.Л.] электрическим трамваем, обе колеи были проложены на Загородном проспекте и Кабинетская освободилась от рельсового пути. Меня удивляло воспоминание о том, что будучи студентом я нередко, проезжая по Кабинетской на империале конки, с симпатией приглядывался к этой улице и думал о том, как приятно было бы жить на ней.¹⁰

Мечта эта сбылась и наша семья провела на ней десять лет «благоденственного и мирного бытия», а за ними и восьмилетнюю пору возрастающих лишений, тревог и горьких испытаний, выпавших на долю русских людей и, в особенности, интеллигенции. «О ней, друзья мои, для вас начну свое повествованье».

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОД

Чтобы приняться за него с самого начала, следует перенестись в Левашево, где наша семья проводила в четвертый раз рождественские каникулы и встречала Новый год на снимаемой у наших

свойственников Алтуховых богатой даче в просторном саду. Время проходило главным образом в катаньи на салазках и прогулках пешком, на лыжах или на розвальнях, в которых дворник возил нас по окрестным окутанному снегом хвойным, уже подлинно финским лесам.

Вернувшись после Крещенья в город, каждый взялся, в естественном порядке, за работу. Бабушка и мать в гимназии, а отец в своем кабинете, в Университете и на Бестужевских женских курсах. Володя, которому шел одиннадцатый год, учился с осени в недавно основанной гимназии Шидловской (о ней напишу позже), мы же с сестренкой Марусей поднимались на шестой этаж: она в детский сад, я в средний приготовительный класс.

Воскресные и праздничные дни проводились, как издавна повелось, с родителями: прогулки в далекий от нас Летний сад к излюбленному детьми памятнику Крылова, окруженного звериным миром его басен, на Острова, особенно Крестовский, где жила среди большого сада семья милейшего генерала Василия Ксенофонтовича Болдырева (несшего, кажется, службу при дворе), второй из четырех сыновей которого, Дмитрий Васильевич, был любимым учеником отца и «товарищем» нашего поколения. Там же случалось встречаться с семьей Семена Людвиговича Франка. Выезжали тоже и за город: в то же Левашево или в Царское Село, где проживала семья университетского товарища отца, биолога Сергея Ивановича и гимназической подруги матери Ольги Владимировны Метальниковых, реже в Петергоф и за финскую границу.

Взрослые отдавали дань театру, особенно Мариинскому, где у бабушки был абонемент на 19-ю (позже 17-ю) ложу первого яруса. Этим пользовались и друзья семьи, вплоть до того, что в нее набивалось больше семи человек и отцу приходилось искать кресла в партере или в «бенуарах». Ему особенно импонировали продолжавшие царить в конце предвоенного времени на мариинской и многих европейских сценах оперы Вагнера. Что же до нас с братом и сестрой, то, следуя строгим заветам Лесгафта относительно вреда сильных импульсов на детское воображение, в театр нас водили только раз в год, на дневные спектакли. Так, после *Жизни за Царя* в год трехсотлетия дома Романовых, нам довелось насладиться *Русланом и Людмилой* под управлением Направника, чешское имя которого мы принимали за обозначение профессии капельмейстера. По созвучию с этим словом вспоминаю о производивших на нас должное впечатление открывавших ложи капеллидинерах в придворных ливреях. Переходя от ассоциации слов к ассоциации образов, вспомню, что такие же синие отороченные красным ливреи с серыми гетрами носили и сторожа Эрмитажа,

входившего в состав императорских дворцов. В первые месяцы 14-го года там привлекала всеобщее внимание только что приобретенная *Мадонна Бенуа* Леонардо да Винчи. Этикеткой ей еще служила карточка с машинописной надписью. Глядя на картину, пришедшая с нами знакомая дама «с понятием» возмущалась на невежество музейной дирекции приписывающей великому флорентийцу эту «деревенскую девчонку-няньку». Для нас с Володей художник не был незнакомцем после появления у брата его романизированной «для юношества» биографии. Потому мы с большой радостью и к умилению стоявшего рядом старика-сторожа узнали в висящей над дверью картине копию с миланской *Тайной Вечери*. Но чаще случалось бывать в Русском музее Александра III и удивиться там на громадные холстины Брюллова и Бруни, — *Последний день Помпеи* и *Медный змей*. Посещали тоже, на Васильевском острове, этнографический и зоологический музей со знаменитым мамонтом, а на Петербургской стороне — Зоологический и Ботанический сад, где посреди большого бассейна в оранжерее изредка цвела бразильская *Victoria Regia*.

Вспоминается, как в конце зимы по воскресным утрам бабушка, сидя в кресле на круглом подиуме, поставленном в «классе языков», позировала работавшему над ее бюстом князю Сергею Александровичу Ухтомскому, талантливому скульптору, которого ждала в августе 21-го года гибель вместе с Гумилевым¹¹. Задача для него была трудной, ибо надо было запечатлеть одно из шести насчитанных им выражений, менявших бабушкино нервное лицо. Чтобы умиротворить его, нам было как бы вменено в обязанность вести перед нею наши детские игры, а Мазяся взялась читать вслух выходившего тогда том за томом, увлекавшего бабушку *Жан-Кристофа* Ромэн Роллана. Помню как, подсев к нам, когда его помощники снимали гипсовые формы с законченной глиняной модели для исполнения бюста в мраморе, Ухтомский рассказал, что только что видел летящего над Адмиралтейством *Илью Муромца*, — самый крупный из всех самолетов, принесший мировую славу инженеру Сикорскому.

Когда настало 1-е апреля, отец, любивший нас мистифицировать по этому случаю ложными сенсационными известиями, якобы вычитывая их из газет, провозгласил за утренним кофе, открывши свежий номер *Речи*: «Германский флот приближается к Кронштадту!» Как это можно видеть из его Воспоминаний, сгущающуюся угрозу войны отец остро ощущал уже около двух лет. Как наверно и на многих других образованных петербуржцев, выстроенное к 1912 году на Исаакиевской площади Петером Беренсом (и породившее школу в европейской архитектуре) здание

немецкого посольства производило своей мощной монументальностью впечатление устрашающей крепости, а венчавшая его скульптурная группа коней и ведущих их под узды атлетических мужей казалась символом долженствующей властвовать над Россией Германии. Тоже хорошо помню, как родители, вернувшись осенью 13-го года с прогулки по роскошно иллюминированным по случаю празднования трехсотлетия дома Романовых центральным кварталам нашей столицы, говорили об особенно им бросающихся в глаза кроваво-красных когтях и клюве светящегося орла германской империи, украшавшего немецкое посольство.

***

Однако, несмотря на все возрастающие опасения, именно в 14-м году семья наша изменила уже четырехлетнему обычаю проводить летние каникулы в Машуке, имении Петрункевичей в Тверской губернии, польстившись на заманчивый совет Володиного крестного отца Данила Даниловича Гарднера, профессора Технологического института, ехать по их примеру в Швецию, на берег переходящего в Скагеррак пролива Каттегат.

В первую очередь туда направились, около 3 июня (нов. стиля) мы, трое детей, Аденька, няня, кухарка-балтийка Берта и производившая с нами с прошедшего лета каникулы четырнадцатилетняя бабушкина гимназистка, заносчивая Настя Иванова, уже завладевшая Володиным десятилетним сердцем. Мать, руководившая в ту пору белых ночей увлекательной гимназической экскурсией на Соловецкие острова, присоединилась к нам недели две-три спустя, а позже и бабушка, пройдя курс лечения тоже где-то в Швеции в известной тогда санатории Бирхер-Бенера, а также названная выше пансионерка Катя Полякова, как одиннадцатый член нашего летнего домашнего круга.

Путешествие отцовской группы началось с двухсуточного плавания на финском пароходе *Торнео*, на палубе которого, лет двадцать перед тем, Владимир Соловьев заканчивал навеянное рассветом стихотворение оптимистическим восклицанием «Солнце, солнце опять победило!» Так же ободренные ясным светом первого утра нашего путешествия, пользуясь двухчасовым стоянием парохода у набережной тогдашнего Гельсингфорса, мы пробежались по свежееубранным улицам и площадям финской столицы.

К концу следующего утра мы доплыли до Стокгольма, где остановились на две ночи в отеле Эксельсиор. Запомнились, кроме живописной панорамы города, расположенного на проливах меж-

ду шхер, так несхожей со «строгим, стройным видом» нашей столицы на шири Невы, часы проведенные в фольклорном музее под открытым небом Сканзене, а также первое ощущение, у меня, как и у брата, чувства не лишённого гордости национального сознания перед статуей Карла XII с рукой, протянутой в сторону ненавистного ему Петербурга.

Также водным и тоже двухсуточным путем проследовали мы на пароходике Муталастрём по шлюзам Готского канала, пересекая озера Мэлар, Веттер и Вэнэр, до Трольхеттана. Там провели ночь в примитивной гостиничке, а поутру любовались на скатывающийся водопад, что пенился, окружая выступы скал¹². Всегда о нем вспоминаю, глядя на пейзажи голландца Алларта Эвердингена, «нашедшего себя», странствуя в 1640 году по Скандинавии.

Сев в тот же день, должно быть, 10-го июня, на поезд, мы добрались через многие, бывшие нам в диковинку туннели до станции Льюнгшиле на конце продолговатой бухты Каттегата, на южном берегу которой находился недавно основанный дачный курорт Люкорна с нашей виллой Аньесберг, построенной жившим выше нее старым моряком для сдачи приезжим горожанам.

Прибывшее в эти места до нас семейство Гарднеров жило на противоположном берегу бухты, в местечке Ёльвезунд, а следуя уже нашему примеру, приехали вскоре в Швецию и поселились в Льюнгшиле семьи директора бабушкиной гимназии Владимира Александровича Герда и его сестры Нины Александровны Струве, жены оставшегося в России Петра Бернгардовича, с пятью сыновьями: Глебом, стяжавшим себе позже известность на почве поэзии, Алексеем, отцом парижского профессора Никиты Алексеевича, умершим в молодости Львом, будущим иеромонахом Константином, и моим сверстником Аркадием. Так образовалась в течение июня месяца на берегах нашей бухты целая русская колония человек в тридцать, к которой собирались присоединиться в августе С.И. Метальников и гимназические делопроизводительница А.А. Белозерова и учительница немецкого языка Е.И. Киль. Между собою расселенные в трех местах семьи общались без труда благодаря регулярно курсировавшей по бухте «мотор-яхтен Дротт», старый хозяин-капитан которой, Оссиан Андерсон, уделял нашей бабушке какое-то особенно симпатизирующее внимание.

О двух месяцах пребывания в Швеции у нас осталось воспоминание как о на редкость прекрасной поре с чудной погодой, купаньями в море, прогулками пешком по живописным окрестным местам или на принадлежавшей нашей даче гребной лодке перед шхерами с подводными склонами, покрытыми водорослями, по-

липами и анемонами. Раз наша лодка проплыла мимо поднявшегося к поверхности воды, но скоро исчезнувшего из нашего поля зрения какого-то светлорозового мягкотелого животного с длинными вытянутыми щупальцами. Мы его приняли за большую медузу, но не исключено, что это был средней величины осьминог. Вспоминается также экскурсия на пароходе в довольно отдаленное открытое море, на несхожий с перебургским, подлинно «каменный остров» Шеринген, за голую поверхность которого цепляются железными тросами домишки и церковка рыбацкого поселка с возвышающейся на околице весьма своеобразной аркой из пары ребер, с расставленными вокруг нее табуретами-позвонками когда-то издохшего на побережье кита.

И в этом году родители, не изменяя своему давно установившемуся обычаю прерывать летние каникулы двух-трехнедельными путешествиями, направились в июле поплавать по фиордам и походить по ледникам соседней, уже известной им с лета 1904 года Новергии. Из своего путешествия родители возвратились 26-го июля. На станции Льюгшиле, где мы их поджидали с бабушкой и Аденькой, сразу же после подобающих семейным встречам восклицаний и целований, отец сообщил не потревожившую нас новость о непредотвратимо надвигавшейся войне Австрии с Сербией. Но скоро мы смогли убедиться в агрессивном отношении Германии к России, перелистывая только что вышедший номер иллюстрированного немецкого журнала, на одной из страниц которого располагались симметрично овальные портреты, — очень эффектный кайзера Вильгельма и мало представительный «царя Николая». Другую же страницу заполняла карикатура с фигурой нашего государя, показывающего, явно шатаясь, бутылку водки насилу выстроившимся в шеренгу уродливым солдатам с вопросом, достаточно ли им отпускается русского национального напитка, на который следует их удовлетворенный утвердительный ответ.

Все же 28 (15-го ст. ст.) июля на нашей даче праздновались, еще довольно беспечно при большом стечении друзей, именины Володи и В.А. Герда. Даже не произвело на всех большого впечатления сообщение Н.А. Струве о том, что ей пришла ночью от мужа телеграмма, требующая немедленного возвращения домой. Да и она прибавила, что делать этого не намерена, между прочим и потому, что у них стиралось и теперь развешано для сушки белье. Однако вскоре пришла еще более повелительная телеграмма, которая послужила всей русской колонии сигналом к спешному отъезду. Пошли лихорадочные сборы в обратный путь, и я помню, как утомленная ими и, должно быть, особенно трудно переживавшая создавшееся положение Аденька — немка, ставшая издавна

членом семьи, поднимаясь в гору по какому-то делу к хозяевам виллы, упала в обморок, что еще сгустило беспокойную атмосферу.

3-го августа все одиннадцать членов нашего дома пустились в путь. Когда мы смотрели с отошедшего от Льюнгшиле поезда на полюбившиеся окрестные места, заходящее солнце как-то необычно ярко обаграло добрую треть небосклона. Помню обращенное к отцу бабушкино восклицание «Коля, огонь», и его ответ: «Кровь...» «С тех пор и до настоящего дня, — как он напишет в 1938 г. — мы, русские, не знаем, что такое нормальная жизнь».

Тема огня приняла прямой смысл в разговорах старших о горящей от немецкого артиллерийского обстрела лифляндской гавани Либаве (ныне Лиепайя, Латвия), когда после ночной пересадки в Гетеборге мы приближались к Стокгольму. Остановились снова, ночи на три, в Эксельсиоре, где многие номера были заняты некоторыми из русских, прибывших толпой в шведскую столицу из Германии, претерпев на пути грубые оскорбления от немецких властей и обывателей. Общей целью было возвращение на родину, — по железной дороге, обогнув Ботнический залив, по которому прекратилась гражданская навигация. Естественным образом, главный вокзал, на который мы прибыли 7-го августа, оказался наполненным соотечественниками. Внутрь него, чтобы взять билеты и сдать багаж, проникли только родители и Аденька, оставив нас на площади, где многие русские расположились унылым табором. Здесь можно было убедиться, что среди в общем германофильски настроенных шведов были и люди, проявлявшие человеческие чувства к несчастным русским, раздавая пакетики печенья и плитки шоколада. Помню, что сознание этого жалкого положения довело бабушку до слез.

На вокзале родителей ждало известие, что из-за мобилизации в России железнодорожного подвижного состава на пограничной станции Торнео образовался ужасающий затор: в ожидании редких поездов, многочисленные пассажиры сидят чуть что не под открытым небом, испытывают во всем лишения, начинаются болезни и «дети мрут», что их особенно обескуражило. Было решено оставаться в Стокгольме в ожидании проблематического улучшения положения, но в Эксельсиоре, как нам было известно, комнаты были уже в наше время обещаны новым постояльцам и, пустившись в розыски другого пристанища, мы не без труда нашли место в каком-то маленьком пансионе.

Ожидание оказалось, по счастью, недолгим. Дня два спустя к нам пришел Гарднер сообщить, что знакомый ему нефтяной король Эммануил Людвигович Нобель, возвращающийся в Россию,

зафрахтовал шведский пассажирский пароход Гаутиод под залог, равный его стоимости, и сделал это, располагая взять на борт сколько на нем может уместиться русских семей. На предложение Гарднера способствовать занесению одиннадцати членов нашего дома в список пассажиров, родители, конечно, согласились с восторгом и 10 или 11 августа все мы присоединились к толпе русских, ожидавших в порту причала парохода. Здесь нашему старшему поколению доставила удовольствие встреча с провожавшим Гарднеров знаменитым химиком Свантэ Арениусом, давно исчезнувшем с нашего горизонта, но еще памятным Володе и мне — в раннем детстве он подарил нам плюшевого медведя «дядю Арениуса».

После долгого ожидания Гаутиода, посадки на него по переключке около ста двадцати русских семей (что в общей сложности должно было составить около трехсот человек), нам, трем детям и бабушке, посчастливилось занять каюту в рубке, рядом с капитанской. Где и как разместились прочие восемь членов «семьи Стоюниной» (как это стояло в списке), не помню.

Пароход взял сперва курс на север, вдоль по Оландскому проливу, и только зайдя в Ботнический залив, повернул на восток, чтобы пересечь его по направлению к финскому берегу. И здесь уже были расставлены мины (от одной из которых погиб через месяц финский пассажирский пароход Улеаборг) и вместе с капитаном плаванием руководил лучше осведомленный в создавшемся положении лодман. Путь держали со многими предосторожностями: если на горизонте появлялся пароходный дым, Гаутиод, избегая привлечь к себе внимание, останавливался, прекратив топку. Также, кажется, останавливались и на ночные часы, которые некоторые пассажиры проводили на палубе. По счастью, погода за это время стояла ясная и безветренная, так что все наше замедленное плавание прошло без качки. Вспоминаю, как по пути мы обогнали отважившийся на плавание небольшой парусник, явно с русскими на борту (чуть что не с самоваром), а нас перегнала закачав несущаяся куда-то на всех парах, извергая черный дым и пламя из двух или трех труб, миноноска или канонерка под успокоившим всех шведским флагом. А главное, вспоминаю всеобщее чувство удовлетворения и радости при виде, в конце третьего дня переправы, показавшегося вдали финского порта Раумо с развевающимся над ним, представившимся нам особенно милым и почитаемым русским трехцветным флагом.

Тут, вероятно по инициативе Гарднера в качестве распорядителя русской группы, многие пассажиры собрались на палубе, и мой отец произнес от имени всех благодарственную речь стоявшие

му на капитанском мостике Нобелю. Уместно будет прибавить, дабы воздать все должное Эммануилу Людвиговичу, что на рубке висело подписанное им объявление о даровой переправе через море с предложением пассажирам, желающим это как-то отметить, внести посильную лепту в кассу какого-то человеколюбивого общества.

Проведя ночь на борту пришвартованного к пристани парохода, наша группа погрузилась на предоставленный ей экстренный поезд. На покрытие более пятиста верст от Раумо до Петербурга понадобилось три дня езды, прерываемой многими остановками. Особенно врезался в память проведенный первым вечером час на какой-то узловой станции, где на запасном пути остановился также, наверно для ужина, воинский эшелон, направлявшийся к шведской границе. Рядом с ним расположились биваком, чтобы размяться на вольном воздухе, бодрые и веселые солдаты, с которыми пассажиры вошли в общение, глядя на их лихие (нами, детьми, еще не виданные) пляски вприсядку и слушая мажорные песни, среди которых одна (если в мое воспоминание не вкрадывается анахронизм) уже отвечала злобе дня, начинаясь словами «распалился белый царь, пошел с немцем воевать».

Не помню, чтобы в пути пришлось испытывать голод и откуда брались на всех нас бутерброды. Во всяком случае буфетчикам больших станций не удавалось угодить на всю ораву беженцев, в особенности на ее «аристократическую верхушку». Можно было слышать возмущенную жалобу одного из ее представителей на то, что ему где-то отказали в молоке, предназначенном в первую очередь для детей.

До Петербурга добрались к началу ночи и, выйдя на перрон Финляндского вокзала, бабушка почтила крестным знаменем благополучный исход нашей одиссеи. Менее радостно на него реагировала разбуженная внезапно звонком в нашу квартиру Евгенья, недовольная главным образом тем, что до приезда «господ» в обычный срок не привела дом в надлежащий порядок.

Остающиеся недели августа мы, дети под покровительством и уходом Аденьки и няни, провели на алтуховской даче в Левашеве, куда только на короткие сроки наезжали родители. Вспоминается их разговор во время прогулки мимо дымящегося от внутреннего тления торфяного болота, о том, что с репертуара императорских театров будут сняты оперы Вагнера, и признание отца, что в наступившее время воинствующего германизма ими увлекаться, как это повелось у всех за последние годы, у него как-то пропала охота. Прибавлю кстати, что это мероприятие (не распространившееся, как думается, на произведения других классиков

немецкой музыки) поспособствовало, по всей видимости, законному утверждению за русской оперой господствующей роли на отечественной сцене. Так на смену Вагнеру пришел Римский-Корсаков.

***

Последняя треть года прошла, как известно, под знаком охватившего широкие круги общества патриотизма и в разной степени действенного стремления многих его членов к служению русскому делу, главным образом в его гуманистическом аспекте. Помню взволнованные разговоры бабушки о том, что в полевых и тыловых госпиталях, за неимением белья на солдат после перевязки надевают их окровавленные рубашки, и о необходимости оказания в первую очередь помощи Красному Кресту, пока не наладится достаточно его санитарный аппарат.

В этом порядке идей «класс языков» в нашей квартире превратился, на первые месяцы войны, в своего рода мастерскую, в которой после вечернего обеда собирался наш семейный круг с некоторыми добровольцами из гимназического персонала, чтобы заниматься кройкой и шитьем рубашек из доставляемой промышленниками (родителями учениц) материи и даже (как это ни представляется анахронизмом!) щипанием из ее лоскутьев корпии на место недостающей ваты. Изготавливались также и кисеты для солдатских курительных принадлежностей и махорки и к этому делу могли приобщиться и мы с братом, овладев техникой шитья «взад иголкой». Прибавлю по этому поводу, что, ощутив интерес к подобного рода занятиям, я вышел по канве, для своего употребления, полотенце, украсив его концы русскими флагами и надписью «Боже царя храни».

Также по бабушкиной инициативе и с помощью родителей учениц и друзей был основан при гимназии просуществовавший где-то в нашем квартале до лета очаг для детей (около пятнадцати девочек) сражавшихся или павших на поле битвы воинов. Также был основан и проработавший около трех лет на Эртелевом (впадающем в ул. Жуковского) переулке лазарет для десяти «легкораненых». Заведывал им прикомандированный армией фельдшер, а управлял комитет, составившийся из приходивших в порядке дежурства дам в косынках сестер милосердия. В их числе была и мать, уже знакомая с санитарным волонтерством с японской войны. Она делала это, поскольку позволяла текущая работа в гимназии. Нам, детям, полюбили ходить туда по воскресеньям, играть с солдатами в шашки, трик-трак и подобные игры и слушать

их пение: вспоминается «С Ертыша, с Дона, с Кубани, с Волги-матушки реки, развернув стяги-знамена, с песней движутся полки». Тоже слушали граммофон и вместе с братом воодушевлялись кончающимся Марсельезой романсом Гейне-Шумана «Во Францию два гренадера из русского плена брели». В лазарет любила ходить и наша гимназическая прислуга — пококетничать с фатоватым офицерообразным фельдшером Василием Ивановичем или с молодыми пациентами, среди которых особым успехом пользовался татарин Гайнулин.

В лазарет навещался также и отец для общения с ранеными, среди которых его предпочитаемым собеседником был не очень молодой, проделавший японскую войну солдат или ефрейтор Рыков. Тут уместно будет заметить, что не подлежавший призыву в армию из-за своего сорокатрехлетнего возраста, а также согласно русским законам, по своей принадлежности к университетскому преподавательскому составу, отец как бы наложил на себя моральную обязанность уделять на пользу общего дела часть своего времени, свободного от профессорских повинностей и обычно посвящаемого личному философскому труду. В этом же порядке идей родители присоединились к деятельности какого-то общественного благотворительного учреждения, взяв на себя посещение, по его указаниям, наиболее нуждающихся жителей нашего квартала. Так довелось познакомиться и им с миром, известным интеллигентам только по пьесе Горького «На дне» в постановке Московского Художественного театра. Тоже представляется мне явлением «морально-дисциплинарного» порядка отношение отца к возрастающему ухудшению положения на Западном фронте. Думаю, что он вменил себе в обязанность пребывать в оптимистическом настроении или, по крайней мере, проявлять таковое в своих высказываниях перед семьей и знакомыми. Однако не знаю, думал ли он о пресловутой «стратегической ректификации фронта», когда после чтения утренних газет, все больше и больше зиявших пробелами, выкроенными ножницами военной цензуры, подходил к водворившейся на стене столовой карте «театра военных действий», чтобы переставлять слева направо черные флажки, символизировавшие немецкие боевые единицы. Не знаю также, с большим ли убеждением возразил он на горькое замечание обидавших у нас знакомых: «Покусают нас эти черные мухи» — бодрым «и мы их покусаем!»

Случалось слышать и менее безобидные речи друзей семьи. Так, упомянутый выше крестный отец сестры Маруси Сергей Иванович Метальников как-то выразил желание, чтобы немцы оккупировали Россию и занялись бы поднятием ее культурного уровня.

Спешу прибавить, что он был по природе спорщиком, доходившим до крайностей в своих высказываниях, и что его пацифистской натуре наверно слишком претил воцарившийся в русской атмосфере «ура-патриотизм», окрашенный грубым, доходящим до глупости германофобством.

Тут будет кстати напомнить о переименовании городов, в первую очередь Петербурга, принявшего на десять лет заимствованное из пушкинского стиха «над омраченным Петроградом дышал ноябрь осенним хладом» название¹³. Чтобы оно вошло лучше в обиход, мы, дети, завели копилку для взыскания с обмолвившихся домочадцев и гостей штрафного гривенника в пользу раненых. Этому мероприятию не подчинилась только бабушка, заявив, что готова выплачивать периодически какую-нибудь определенную сумму, оставаясь верной традиционному наименованию нашей столицы. Понадобилось доброе десятилетие, чтобы к нему вернулись и мы, прочие члены семьи¹⁴.

Вспоминаются тоже и объявления «просят не говорить по-немецки» в присутственных местах и в магазинах, на витринах которых красовались книги с заглавиями вроде «Немцы (извините за выражение)», а главное — восхищавшие нас с няней тошнотворные по грубости лубочные карикатуры с соответствующими текстами, ждущими или уже дождавшимися исследователя военного фольклора эпохи. На случай приведу примеры рифмоплетства вроде «хоть одет ты и по форме, а получишь по платформе», «глядь-поглядь уж близко Висла, немцев пучит значит кисло» или изображения ставшего квазилегендарным казака Крючкова, сажающего на пику «столько немцев, сколько влезет».

Зато, как известно, обрела всеобщее благоволение Польша, еще недавно называвшаяся по официальной терминологии, если не ошибаюсь, чем-то вроде «Привисленского края католического вероисповедания». Уже с одним из осенних номеров детского ежемесячника «Маяк» мы получили в качестве приложения книжку «Польша и поляки», а на улицах, с наплывом в Петербург беженцев с запада, появились афиши на польском языке. Прибавлю еще, что в не сходившей с репертуара императорских театров «Жизни за царя» Иван Сусанин умирал на сцене не от польских сабель, а, кажется, от мороза. Русский же национализм брал свое в эпилоге оперы с панегирическим «славься, славься, наш русский царь», распространившимся за стены театра на вокальный репертуар уличных патриотических манифестаций, каковых было немало в эту пору временного сближения с монархизмом фрондерской интеллигенции и мятежного студенчества. К тому, что уже было сказано о причастности нашей семьи к общему настроению, при-

бавлю, что в главном зале бабушкиной гимназии появились, в первый раз за время ее существования, парные портреты императорской четы.

Еще одно, восходящее к осени четырнадцатого воспоминание: идущие по Загородному, по всей видимости от Варшавского или Балтийского вокзала, трамваи, тянущиеся в виде прицепов по две конки, перекрашенные из темно-синего в белый цвет и приспособленные для развозки по лазаретам лежащих раненых. Их менее увечные товарищи сидят в ведущем вагоне и жадно смотрят в окна на улицы многими из них невиданного «Питера». А в обратном направлении идут к тем же вокзалам, небезупречным строем и с невеселыми лицами, колонны завтрашних фронтовиков.

Рождественские каникулы прошли, в пятый и последний раз, в Левашеве. Здесь наш патриотический пыл испытал первое смущение, когда, услышав мою одушевленную игру на рояле национального гимна, присутствовавшая при этом сторожиха дачи, давно озабоченная судьбою призванного с начала войны на фронт мужа, ушла из гостиной.

Еще вспоминается, как незадолго перед святками, после рассказа матери о заявлении двух сестер — учениц младших классов своим родителям, что они отказываются в пользу раненых от рождественских подарков, мы с братом, скрепя сердце, решили последовать хотя бы в известной мере их примеру. Однако в праздничный вечер мы нашли у разукрашенной высокой елки обычное количество всякого баловства. Мне достался, между прочим, корнет-а-пистон, на шести нотах которого я не замедлил подобрать Марсельезу, тогда еще воспринимавшуюся нами только как гимн давно нам любезной, ставшей военной союзницей, Франции.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОД

Под знаком приподнятого настроения прошли и зима и весна этого года. Еще не набили оскомину утвердившиеся в газетном языке эпитеты вроде «мать Россия», «наша доблестная армия» или, еще лучше, «христолюбивое воинство», хоть и слышались иногда от пессимистов-балагуров пародирующие официальный стиль устные сообщения вроде «русские войска победоносно отступают, немцы в панике бегут за ними».

Повторялись, чуть что не понедельно, для второклассной публики, «патриотические концерты Долиной». Побывавшая на одном из них няня рассказывала воодушевленно, как она вместе с другими слушателями заливалась слезами, когда перед концертом на экране появилась групповая фотография царской семьи.

Как и многие школьники и школьницы, мы с братом и шестилетней сестричкой завели каждый своего корреспондента в действующей армии, чтобы время от времени адресовать ему маленькие посылки и напутственные письма. У Володи последние даже принимали стихотворные формы: «Дорогой солдат, поздравляю Вас с Рождеством и желаю вернуться на родину с торжеством. Врага победить, Вильгельма в плен захватить. Выдрать его за усы, чтоб не ел колбасы». Все лучше, чем вопросы некоторых других школьников: «Дорогой солдат, сколько Вы убили немцев?» Помню имя своего корреспондента: Минай Гвозданович, с ним я переписывался еще летом 17-го года.

Также продолжались проявления симпатии к занятым врагом Сербии и Бельгии, в честь которых были вычеканены медали «Бог чува (любит) Србию» и «Hommage d'admiration au peuple belge». На вывесках отелей, ресторанов и пивных имена немецких городов сменились бельгийскими (причем Люттих стал Льежем, а Лёвен — Лювеном), открылся лазарет имени короля Альберта и со сцены Московского Художественного театра не сходили «Синяя птица» и другие пьесы Метерлинка. В гимназии ученицы декламировали стихи Щепкиной-Куперник, посвященные прекрасной стране готических колоколен и знаменитых кружев, настигнутой жестокой судьбой. Уделялось особое внимание учительнице французского, уроженке Брюсселя Лине Павловне Статсбадер.

Продолжалась и широкая популярность Вел.кн. Николая Николаевича, главнокомандующего армией, в эту пору ее продвижения на юго-западном фронте. Помню воспроизведенную в газетах фотографию бравого русского солдата, добродушно треплющего по плечу пленного неприятеля, с подписью «куда ты австрияк годишься против нас?» До нас стали доходить, не помню каким путем, разные военные сувениры вроде осколков вражеских снарядов. Один из них послужил моей матери материалом для заказа перстня с надписью «Перемышль» на внутренней стороне, когда в марте было всеобщее ликование после взятия этого города, увы, всего на два месяца.

Из событий вневоенного порядка вспоминаю о виденном в конце зимы на сцене Александринки «Ревизоре» в великолепном исполнении Варламова в роли Осипа, Давыдова — Городничего, Савиной — Анны Антоновны и Горин-Горяинова — Хлестакова. Могу сказать, что нам особенно посчастливилось, потому что ни Варламов, ни наша блистательная соседка по Кабинетской не дожили до осени. О Варламове бабушка вспоминала, что встретила с ним на водах в Германии, и он ее приветствовал, награждая эпитетом «мать Петербурга».

Также импонировала нам и расположила к «русскому стилю» и Римскому-Корсакову яркая постановка оперы «Садко» на подмостках Музыкальной Драмы, в театральном зале Консерватории, о котором теперь как-то ничего не слышно.

Чтобы назвать еще одного деятеля культуры, не дожившего до конца года, вспомню о виденном издали в Павловске последнем августейшем обитателе его дворца, Вел.кн. Константине Константиновиче, в поэзии К.Р. Было это во время весенней экскурсии в Павловский парк вместе с будущими однокашниками гимназии Шидловской. Когда мы шествовали парами по широкой аллее, ведущей ко дворцу, на одной из ее отдаленных скамей сидел человек в офицерской форме и фуражке. Ведущая экскурсию классная воспитательница, полагая, что догадалась, кто это был, сказала, что, приближаясь к нему, мальчикам надлежало снять шапки. Однако, когда мы поравнялись со скамьей, он ее уже покинул и успел исчезнуть из поля нашего зрения.

К концу весны я провел последние недели единственным мальчиком старшего пригготовительного класса женской гимназии Стоюниной.

***

Летние трехмесячные каникулы (как повелось, от начала июня до конца августа н.ст., и даже на неделю больше) наша семья провела, как и до шведской авантюры, в Тверской губернии. Только не на насиженном месте в Машуке Петрункевичей, а в находящемся значительно ниже по Тверце и ближе к Торжку имении Романовых Митине. Очень стоит посвятить несколько страниц его создателю, обитателям и облику, в дополнение к тому, что уже было сказано в известной мне исторической литературе.

С поместьем Митино, расположенным между Петербургско-Московским шоссе и левым берегом Тверцы, верстах в семи¹⁵ от Торжка, как и с противолежащим на правом берегу Василёвым, неразрывно связано имя одного из самых удивительных представителей русского века Просвещения, всесторонне одаренного как Ломоносов — Николая Александровича Львова (1751-1803)¹⁶. В своей роли «архитектора-любителя» он явился строителем Главного почтамта и пристани Петропавловской крепости в Петербурге, Приората в Гатчине, Борисоглебского собора в Торжке и целой плеяды помещичьих усадеб в родном ему Новоторжском уезде, из которых назову его собственную: Никольское-Черенчицы. К числу таких усадеб принадлежат и Митино с Василёвым, которыми владел до своей смерти, не позже 1804 г., дальний родст-

венник архитектора (если можно так выразиться, его «восьмиюродный» брат) Дмитрий Иванович Львов, а за ним сын его Сергей Дмитриевич, умерший в 1857 году, через девять лет после кончины супруги Татьяны Петровны, дочери новоторжского дворянина П.М. Полторацкого. Помню, что о ней Д.Д. Романов говорил как об оставившей добрую память бабушке. На поверку выходит, что ее дочь Агрипина Сергеевна (ум.1903) вышла замуж, полагаю, около 1840 г., за полковника Дмитрия Ивановича Романова (1809-1854), отца Дмитрия Дмитриевича, вследствие чего, не знаю, прямо или после одного из сыновей С.Д. Львова, Митино стало достоянием семьи Романовых.

Также говорил Дмитрий Дмитриевич и о воспетой Пушкиным Анне Керн (1800-1879), которая, как для меня теперь выяснилось, приходилась родной сестрой Татьяне Петровне. Из ее биографий известно, что между 1865 и 1879 годами ей случалось не раз гостить у своих тверских родственников, наверно, в их числе и у митинских племянников. Во всяком случае ее внучатый племянник Дмитрий Дмитриевич ее помнил, хоть и не в образе «гения чистой красоты», а как, по его словам, мало интересную старуху, страдавшую расстройством желудка.

Восходя к лучшим временам в ее жизни, к двадцатым и тридцатым годам, можно встретить среди гостей С.Д. Львова и самого Пушкина, как это утверждают современные исследователи его рисунков, полагая, что его *Пейзаж с соснами* (коллекция Пушкинского Дома) отражает виденное в парке митинской усадьбы¹⁷.

Сам Дмитрий Дмитриевич, как он стоит в моей памяти, с недлинной седой бородой и чичунчовой фуражкой, был подлинным представителем тверского вольнодумного дворянства. В Бога не верил, царя не чтил, к общему патриотическому порыву не присоединялся и общественно-политическими проблемами как будто не интересовался. Не думается также, чтобы его очень занимали дела, связанные с жизненным обиходом принадлежавшего ему большого имения. Скорее предметом его забот был, на рубеже столетий, дошедший до настоящего времени, но уже тогда довольно запущенный английский парк. Для него он выписывал издалека (как за век перед ним архитектор Львов для своего любимого Никольского) невиданные под тверским небом деревья вроде канадской березы не с пятнистым, а с чисто «белым как сметана» стволом. Также было у него много французских книг и в своем знании французского языка он был уверен достаточно, чтобы остерегать мою бабушку от употребления *liason* в заглавии романа Анатоля Франса *Les dieux ont soif*.¹⁸

Но было у него еще одно бесспорно ценное увлечение, которое следует заметить тем более, что оно, если не ошибаюсь, не нашло еще своего законного места в истории русского народного искусства и его поощрения частным меценатством. Проводя с семьей зимы в Торжке, где у Романовых был деревянный дом на Дворянской улице, Дмитрий Дмитриевич активно занимался ведением основанного, должно быть, им самим «кустарного склада», куда стекались главным образом изделия деревенских и городских вышивальщиц (как будто даже известных новоторжских «золотошвей») и работников по сафьяну, исполненные часто по даваемым складом образцам.

Вряд ли ошибусь, если скажу, что действительное владение Митиным взяла, как будто удачно, в свои руки энергичная Анна Арсеньевна, супруга Дмитрия Дмитриевича, должно быть, вторая, лет на двадцать (если не на двадцать пять) моложе его. Как пушкинская Ларина, «она езжала по работам, солила на зиму грибы, вела расходы», только не «брила лбы», хотя в отношениях с подвластными ей большой обходительности не проявляла.

У них с Д.Д. был единственный сын, девятилетний Ваня, еще не ходивший в школу, а воспитывавшийся немецкой гувернанткой, совсем недавно уехавшей в Германию. По-видимому, кому-то из родителей он был обязан приличной для возраста русской грамотой, уже интересовался, наверно благодаря отцу, западным XVIII веком, говорил о «моде рококо», а также, хватавшись кое-каких знаний из физики, рассуждал о «законе перцепции», слово и понятие, которые мы с братом осмыслили как «прицепцию». С Ваней я сошелся настолько, что после наших летних игр у нас завязалась корреспонденция, которая продлилась до конца 1922 года, когда я ему отправил, уже из-за границы, последнее письмо.

Таковы были хозяева Митина, обитатели усадьбеного дома, две трети которого, оставив за собой только часть верхнего этажа, они предоставляли летним дачникам.

Как искусствовед, я убежден, что авторство архитектуры господского дома должно быть приписано Николаю Львову: всего здания, а не только его каменного цоколя с окошками на сводчатый подвальный этаж и некоторых хозяйственных сооружений, как это полагают советские коллеги¹⁹. Свойственный Львову дух палладианизма господствует в архитектуре кубовидного двухэтажного здания из темно-красного, в основном нештукатуренного кирпича с кремовыми обрамлениями окон. Со стороны главного подъезда, как и с противоположной, выходящей на долину Тверцы, рельефу архитектуры способствуют колонные портики: первый в виде широкой лоджии, как у королевского дворца в Вар-

шавских Лазенках, второй в виде полуротонды с огибающими ее цилиндрический цоколь лестницами, как в излюбленном нео-классицистами римском, не дошедшем до нас Porto della Ripetta. Также царит Палладио и на скотном дворе с его колонным портиком под треугольным фронтоном. Как и возглавляемые им надворные постройки, он был в свое время оштукатуренным, но к началу нашего века успел порядком облупиться, и его колонны зияли обнаженной кирпичной кладкой. Нас это ошарашило, когда, поравнявшись со скотным двором, мы подумали, что подъезжаем к господскому дому, который, как в этом можно было убедиться несколько минут спустя, содержался в самом приличном виде.

В нем на нашу долю приходилась большая часть нижнего, парадного этажа, вдоль по всему обращенному к Тверце западному фасаду и почти что по всему восточному, включая портик-лоджию. Столовой и гостиной служил средний зал, сохранявший от своего монументального декора подпотолочный карниз и фризовую полосу из чередующихся медальонов и розеток. Сохранилась тоже из ампирной мебелировки пара трюмо, составленных в верхней части из дополнявших друг друга затуманившихся зеркальных стекол, между двух окон и застекленной дверью, выходящей на полукруглую террасу. Также в глубине зала два симметрично сгибавшиеся буквой Г за круглыми столами угловые диваны. Сильное впечатление на наше детское воображение производили висевшие над ними в рамках большие гравюры со знаменитых в свое время парных картин Ораса Вернэ с байроновским молодым Мазепой, привязанным к спине коня, несущегося ночью через лес, спасаясь от стаи волков или сопутствуемого табуном диких лошадей. Еще незадолго до нашего приезда с потолка залы свалилась освещавшая ее старинная люстра. От нее мы видели, забравшись как-то на чердак, разрозненные части бронзовой арматуры и хрустальные подвески, лежавшие в ящиках или корзинах вместе с ампирными «кинкетами», давно там пребывавшими заодно с подобным, теперь завидным для музеев «хламом». Также помню на перемышке ведущей на чердак двери крест, начертанный копытю, должно быть, от свечи страстного четверга, чтобы преградить обитавшему там привидению доступ на лестницу, где предшественникам старожилов усадьбы слышались по ночам его шаги и даже иногда шум от падения на деревянные ступеньки.

Возвращаясь к мебели зала, упомяну еще старинный расстроенный рояль, к которому на это лето присоединилось выписанное из Петербурга для моих утренних упражнений под надзором матери пианино. Пишу это в качестве свидетельства о том, что в 15-м году еще можно было жить на широкую ногу.

Состав нашего домашнего круга удержался полностью тем же, что и на предыдущих каникулах, даже к нему прибавилась дочь балтийской кухарки, наша сверстница Шура, про которую даже ее мать говорила «такá тупа». Но главным образом увеличился круг чисто семейный, к которому стала присоединяться на летние месяцы бабушка Аделаида Антоновна Лосская. Она была почти на девять лет старше 68-летней бабушки Стоюниной и так же как она носила на седых волосах вдовью наколку (по-старинному «fan-сhоп») из черного кружева. Помню ее обычно сидящей на террасе у стола и, если не шепчущей молитвы над открытым перед нею польским католическим бревиарием, то читающей русскую книгу и одновременно вяжущей что-то на спицах. Если приближалась гроза, она спешила уединиться до ее полного удаления в своей комнате для непрестанной молитвы перед затепленной свечой-«громницей». Надеюсь, что мы, дети, не очень огорчали ее своею бестактностью, недостаточно сдерживая усмешки над полонизмами, которыми была насыщена ее речь: «что ты там маэстришь?», «ходи-ж сюда» и т.п.

На этом же полукруглом балконе с обрамленным деревьями парка далеким видом за долину Тверцы на луга или поля перед деревней Василёво, наша семья садилась, кроме самых ненастных дней, за завтрак, обед, полдник с холодным сырым молоком и ужин, до наступления темных и прохладных августовских вечеров, когда мы ели в среднем зале. Там же после ужина, при ярком беловатом свете одной из сопровождавших нас на каникулы спиртовых ламп с «колпачком Ауэра», перед угловым диваном отец читал вслух, не только детям, а всей семье, этим летом «Домби и сын» Диккенса и особенно нас обогатившие гоголевские «Мертвые души».

Из Воспоминаний отца известно, что 1915-й год отметил переход его умозрения от теории знания к метафизике с появлением в журнале «Вопросы философии и психологии» его трактата «Мир как органическое целое»²⁰. Также возник и новый этап его мировоззрения благодаря традиционной каникулярной экскурсии родителей, приведшей их из Митина в Ясную Поляну и, по следам Толстого, в Оптину Пустынь, до него обогащенную пребыванием там Достоевского и Владимира Соловьёва. «В это время, — пишет отец, — в связи с моими занятиями метафизикою, у меня начался медленный процесс возвращения к религии»²¹.

Все это однако не затмило в отце привившейся с первых студенческих лет любви к естественным наукам. Так, он привез в деревню (в тяжелейшей корзине, которую так мастерски заполняла книгами мать), для нашего образования определитель «флоры

средней России». В том же порядке идей, год спустя, в Митино прибыли два тома очерков Жана Анри Фабра об «Инстинкте и нравах насекомых».

От отца перешел если не мне, то года на два Володе, интерес к ученому общению с природой. Однако в сфере увлечений брата уже два года преобладала сменившая мечту стать моряком тяга к истории и археологии, идущая об руку с романтическим, несколько «донкихотским» умонастроением. Для иллюстрации сказанного напрашивается стоящая в памяти, не раз повторившаяся, характерная сценка: массовое нашествие на наш балкон домашней птицы и — вслед за тревожным восклицанием бабушки Лосской «прогоните-ж курей», — Володя, обращающий в бегство «русским ура» и теснением с обоих флангов пернатую стаю, явно принявшую в его воображении облик отряда немецких агрессоров. К этому будет полезно прибавить, что летом, как и зимой, его любимым занятием было чтение Вальтер Скотта, сменявшего Жюль Верна.

Что же до меня, то уже митинские каникулы породили во мне предрасположение к искусствоведению, пока что в форме любви ко всему, что напоминало старину. Меня заинтересовала архитектура господского дома и близлежащих хозяйственных строений, в особенности ледника-пирамиды, хоть и смущали в ней невиданные на ее египетских прототипах входы за арками из дикого валуна²².

Привлекал к себе и английский парк, куда нужно было спускаться от дома вдоль по откосу к Тверце, принявшей вид террасного сада, дорожкой, ведущей к митинскому ручью, который вился между влажными лужайками, усыпанными в июне золотыми шариками купавок-троллиусов, и между рощами на склонах постепенно сужающегося оврага. Там притягивала особенное внимание давно заброшенная кузница, врытая в откос правого берега и обращенная к ручью рустичным фасадом в форме трех арок, заполненных валуном: средняя с дверью, боковые с окнами, забранными решетками²³, что поначалу позволяло нам воображать, что в былые годы сюда запирали провинившихся крепостных.

Митинский парк находил в прошлом свое продолжение на противоложащем берегу Тверцы, в имении Василёво, принадлежавшем в свое время Львовым (может быть, и Романовым), а при нас — супругам Новоселовым, усыновившим малолетних мальчика и девочку из соседней деревни. У нас завелся обычай переправляться туда, чтобы показывать гостям замечательную, теперь прославляемую затею архитектора Львова в его качестве садово-пейзажиста: спускающиеся ступенями к Тверце большие пруды, разделенные плотинами. Подъемный затвор одной из них приво-

дил в действие водопад, своего рода Ниагару в миниатюре, на низвергающуюся прозрачную завесу которого можно было дивиться из находящегося за нею грота, соединенного тропинкой с берегом.

Нравилось, конечно, и естественная красота долины Тверцы, вдоль по которой тянулась дорога со сводчатыми, построенными из валунов (наверное, тем же Львовым) мостами. По ней таскали бичевой баржи уже не артели бурлаков, а вереницы запряженных цугом лошадей. Без них обходились идущие наверно на паре (если не на бензине) от Астрахани нобелевские нефтеналивные суда «Кулик» и «Коростель», а вниз по течению спускались связанные лыком из бревен длинные сплавные плоты. Поскольку речь зашла о судоходстве, прибавлю, что в наше время по каким-то соображениям гидрографического порядка в Вышнем Волочке для наполнения бассейна-резервуара около начала августа недели на две затворялась переграждающая Тверцу плотина и уровень воды падал так низко, что, кажется, выходила из строя плавучая купальня.

Речной пейзаж оживляли фигуры рыбаков, в большинстве любителей. Так, вспоминаются стоящие на обоих берегах Тверцы и держащие «перемет» священнослужители в рясах из лежащего на версту выше Митина сельца Прутни. Туда ходила часто на воскресную обедню бабушка Стоюнина, а иногда и прочие члены семьи, даже католичка бабушка Лосская, кроме еще не вернувшегося к церкви отца.

Здание прутнинской церкви с острящейся спилем колокольной состояло из двух помещений: зимнего в западной и летнего в восточной части. И тут строителем был (как мне теперь известно из сообщения Д.И. Львова) Николай Львов. Это видно между прочим и по входившим в ее внутреннее архитектурное убранство фризovým полосам, той же отливки, что и в зале митинского дома. Над ними нависали хоры: два балкона с палладианскими балюстрадами, заполнявшие вогнутыми четвертями круга углы западной стены. На одном из них пел небольшой хор из десятик приезжавших на летние месяцы студентов и курсисток. Главным основанием их «гастролей» было, конечно, желание окупить свои каникулы на лоне природы. На церковной службе они довольно громко перешептывались и пересмеивались. Пели же стройно, и мы с братом особенно истово крестились, когда дело шло о даровании «победы благоверному императору Николаю Александровичу».

Прутненское кладбище распространялось на соседний с околицей борок, где теснились деревянные кресты под голубцами, из которых запомнился один, со стихами, посвященными родителя-

ми скончавшейся в юности дочери и завершавшимися словами «спи-почивай и нас к себе поджидай». По всей видимости, это была «разночинная» часть погоста, а в церковной ограде красовались гробницы митинских господ и их близких родственников. Раз нас водил между ними хорошо осведомленный в прошлом края, проводивший лето в Прутне отцовский младший коллега по университетскому доцентству филолог-романист А.И. Малеин. Из показанного им в мою память врезались лишь могилы Татьяны Петровны Львовой и Анны Петровны Керн. На первой из них, содержащейся в полном порядке (наверное, старанием почитавшего ее внука Д.Д. Романова), было распятие с бронзовой, помнится, атлетической фигурой Христа работы барона Клодта²⁴. Что же до могилы вдохновительницы Пушкина, то без Малеина мы бы на нее не обратили внимания, так она была запущена. В моей памяти стоит только воткнутый в землю, как доисторический менгир, дикий камень с остатком на его верхушке тоненького железного креста²⁵.

В наше время Прутня и Митино никак не могли считаться, как теперь, пригородами разросшегося за пореволюционные десятилетия Торжка, тогда еще державшегося чуть что ни в своих екатерининских границах со следами застав на мощеном мелким булыжником или, вернее, утрамбованном крупным щебнем Московском шоссе. Во всяком случае совсем недалеко от тогдашнего северного въезда в город находилось двухэтажное «каменное» здание классического стиля гостиницы Пожарского, знаменитой своими котлетами, ценившимися Пушкиным, который около двадцати раз останавливался в «славном трактире» по пути между двумя столицами. По сторонам у входа в него помнятся две живописные вывески, изображавшие чуть что не в натуральную величину лихих, прямо вышедших из гоголевских «Мертвых душ» половых с салфеткой на руке и подносом на уровне плеча. Вряд ли они дожили до того, чтобы стать любопытными экспонатами поместившегося в части гостиницы исторического музея.

В Торжке мы побывали за лето раза четыре. В его великолепной панораме можно было насчитать более тридцати церквей. Вспоминаются ансамбли мужского Борисоглебского монастыря с построенным Львовым палладианским собором²⁶ и девичьего Воскресенского, живописно раскинувшиеся за белокаменной стеной-оградой на зеленом склоне противоположного правого берега Тверцы. Также розовое здание с фронтоном — женская гимназия, бывший екатерининский путевой дворец. Красота города нам imponировала уже с довоенных лет, проведенных в Машуке, но теперь, с переходом в более сознательный возраст, в нас появилось

и чувство несколько презрительной иронии ко всякого вида чертам провинциализма. В данном случае нас забавляли надписи на вывесках вроде «мануфактуры и галантерии обуви». Такое же вспоминается и от посещения находившейся за чертой города — наверное, во избежание пожарной опасности — спичечной фабрики под названием «Восход солнышка». Там можно было прочесть над дверью одного из помещений надпись «Лабалатория», а на этикетке одного из стоявших там сосудов «Бертолетова соль».

До Торжка мы добирались пешком по проходящему приблизительно за версту Московскому шоссе, к которому вели липовая и березовая аллеи, или вдоль по течению Тверцы. Обратный же путь совершали под предводительством механика Органова, в разнообразную деятельность которого входила факультативная транспортировка пассажиров на своем крытом моторном катере. Подымались по реке мимо богатой дачи известного в те лета Булацеля, реакционные выступления которого, наверное в «Новом Времени», наши либеральные газеты осмеивали как «Свет из Торжка». По уговору с обитателями дачи, катер давал, поравнявшись с нею, высокий гудок на случай, если захотят сесть на него, когда будет возвращаться порожняком. Также входило в обычаи Органова осыпать бранью встречных рыболовов, главным образом носителей переметов, подымавшихся по его мнению недостаточно проворно на откосы, чтобы пропустить катер под своими лѣсами. Доставалось и чем-нибудь да провинявшимся перед ним лодочникам, которых он приветствовал словами «погодите, молодчики, вы будете оштрафованы».

Также любили мы совершать иногда прогулки за несколько верст от Митина, в село, не знаю, чем обязанное своему названию Выставка, где у родителей завязалась дружба со священником Орловым, большим любителем и знатоком пчеловодства. В опрятном и уютном зальце домика, где он проживал с двумя городско-го вида барышнями-дочерьми и похожим на Пугачева плечистым глухонемым братом, который мне запомнился в красной косоворотке, объясняющимся на пальцах с родными, — был для нас особенной приманкой сооруженный у окна в форме витрины улей, где деловито копошились проникавшие в него с вольного воздуха через деревянную трубку пчелы. И нам случалось видеть у себя в гостях батюшку Орлова, не только в Митине, но даже раз и на Кабинетской улице.

Тоже как-то на петербургских улицах отца окликнул и упрекнул, что он не узнает в столице провинциальных знакомых, Грабинский, владелец большой дачи между Митиным и Прутней, сдававший часть ее летним квартирантам.

Из дачников, снимавших приспособленные для найма усадьбы строения, естественным образом помнятся жившие, как и мы, в стенах господского дома родные и домочадцы одного из двух новоторжских частных врачей, Черномордика (другого звали Черношварцем). С его детьми, чуть старшей Володи Софой и моим ровесником Витей, как и с Ваней Романовым, мы были в постоянном общении: в играх, таких как крокет, и в разных ребяческих затеях.

Как это повелось с прошлых годов, и теперь к нам на дачу приезжали гостить далекие друзья. Так, появились на несколько дней (скорее этим, чем следующим летом) оба философа с петербургских островов: Франк и Болдырев, о которых уже была речь выше. И тот и другой пользовались в нашем младшем мире популярностью, каждый по-своему. Музыкальный и обладающий приятным баритоном Семен Людвигович обогатил свой «смысл жизни» исполнением для детей целого репертуара приличных их возрасту песенок и каждый раз, когда бывал у нас, не заставлял себя дважды просить сесть за рояль и потешить ими старых и малых. Особенно хорошо звучало в его драматической передаче «Вот через болото журавль долговязый...» и дальнейшее повествование о его несчастном сватовстве с цаплей. Что же до Димитрия Васильевича, бывшего в машуковское время изобретательным затейником наших игр, в Митине он проявил свой талант не менее изобретательного рассказчика. Поводом к этому послужило сконфузившее двух философов происшествие. Дело было, по-видимому, в июне, когда и в средней России светать начинало еще очень рано. Окна в зале, куда гостей положили на угловые диваны, были недостаточно занавешены и для нуждавшегося в полной темноте Франка нашлась какая-то ширма. Однако и ее оказалось недостаточно и, проснувшись ночью, Семен Людвигович захотел ее как-то переставить и вместо того опрокинул на пол и смутился мыслю, что ее падение должно было потревожить сон обитателей соседних комнат. На помощь пришел Димитрий Васильевич, заняв всех за утреним кофе живым рассказом о том, как после полуночи им обоим привиделся бал пушкинской эпохи, на котором блистала красотой Анна Керн. В перерыв между вальсом и мазуркой она приблизилась, сопровождаемая удалым кавалергардом, к дивану, на котором были разложены брюки Семена Людвиговича. Придя в крайнее смущение и бросившись опрометью их оттуда убирать, он свалил на пол злополучную, нашумевшую ночью ширму.

Приезжали к нам и другие гости, в частности, отцовские младшие брат и сестра, «дядя Володя» и «тетя Вера». Причиной их

появления был вызов дяди Володи на Юго-западный фронт с китайской границы, где уже годами протекала его военная служба в чине капитана.

Еще вспоминаются прошедшие этим летом в нашем зале два концерта со сбором на нужды войны. На первом, детском, сестра и брат Черномордики играли на пианино пьесы Бургмюллера, Ваня Романов — этюды Бернса, я — вальс Чайковского, а Володя и Маруся декламировали стихи. Второй концерт дали две певицы. Одна, «заправская», пользовавшаяся известностью Мейнгарт, знакомая Черномордики, другая — дилетантка, родственница Грабинского или его дачница, сугубо-выразительное пение которой он приветствовал громким «браво».

Более прямое отношение к войне, только что вступившей в фазу неприятельских газовых атак, имело спешное изготовление, из марли по указанному образцу, оболочек для первобитных масок в форме повязок, покрывающих только нос и рот.

***

Учебный 1915/16 год начался для нашей семьи под знаком моего поступления в первый класс гимназии Шидловской на Шпалерной (ныне улице Войнова), №7, которую стоит извлечь из забвения, посвятив ей несколько страниц.

Принятому определению «гимназия» она отвечала почти полностью, но по каким-то причинам формального порядка, связанным в пору ее основания около 1910 года, с установленными Министерством народного просвещения категориями, школа, подобно некоторым другим частным учебным заведениям, могла открыться, как тогда говорили, только «под флагом коммерческого училища». Чисто для формы предвиделся в ее будущем выпускном классе курс бухгалтерии, до которого дело фактически не дошло, а общая ее программа была приблизительно той же, что и в гимназиях.

Основательницей и начальницей нашей школы — являвшей тогда еще редкий пример совместного учебного заведения — была Мария Александровна Шидловская, принадлежавшая, как мне представляется, к довольно высоким дворянско-буржуазным либеральным кругам. О последнем можно было судить по подбору ее педагогического персонала, в состав которого входил должно быть не один социалист. Директора звали Сергеем Ивановичем Сазоновым, а инспектора, мужа Марии Александровны, Иваном Ивановичем Сидоровым; он до того служил в Палате мер и весов, а в мое время томился в немецком плену.

В гимназию Шидловской отдавали своих детей главным образом семьи зажиточной, в преобладающей мере либеральной интеллигенции, относившейся неприязненно к духу казенщины. К новой школе их располагало между прочим и то, что вместо «формы установленного образца», т.е. черных шинелей с блестящими пуговицами, фуражек (кажется, с козырьками) и кушаков с медными пряжками мальчики, как и девочки, носили в ней фартуки песочного цвета и матросские полосатые фуфайки.

В ученическом составе этого якобы «коммерческого училища» дети коммерсантов никак не являли большинства. Он был самым разнообразным, не исключая стоявших на противоположных концах социальной лестницы детей сановников и ремесленников. Небезынтересно будет вспомнить, иногда забегая на год вперед, имена моих сверстников, старших и младших однокашников, члены семей которых снискали известность или которым ее уготовляло будущее.

Из учеников третьего класса (для 12-летнего возраста), где за Володей уже утвердилась с прошлых годов репутация одаренного автора читаемых для примера на уроках русского языка школьных сочинений, назову Кирилла Федорова, сына лейб-хирурга, обещавшего стать стройным, красивым и хорошо воспитанным молодым человеком, пожинаящим успехи в старорежимном избранном обществе. Также Андриюшу Гершуна, сына пулковского астронома, подвижного мальчугана, склонного к точным наукам, реагировавшего сатирически на проявления все еще державшегося патриотического оптимизма, и Игоря Явейна, которого я был рад встретить в 1966 году на своем докладе о замке Фонтенбло в Ленинградском Доме архитекторов (к числу которых он принадлежал). Ему, между прочим, послевоенный Павловск обязан изящным павильоном своей новой железнодорожной станции, повторяющим в миниатюре архитектуру дворца Павла I.

Во втором классе верховодил мальчиками старший сын Керенского, Олег. В нем же учился и старший из братьев Познеров, Вова, позже поэт, а за последние десятилетия известный французский коммунистический писатель, недавно раненый правыми террористами. Уже в наши школьные времена он выражал свою революционную настроенность восторженно-воодушевленной игрой на рояле Марсельезы, терпимой тогдашними властями как национальный гимн союзницы Франции. Там же учился Кирилл, наследник художественного дара мирискусника Бориса Кустодиева. Мне он памятен как обидчик «малышей», каковыми он считал нас, первоклассников, включая свою сестру Ирину, которая раз ответила на какой-то из его выпадов многозначительным

остережением: «вот теперь ты хихикаешь, а дома, пожалуй, и заплачешь», имея должно быть в виду крутые воспитательные меры их матери. Из других первоклассников помню хорошо рисовавшего Бобу Крейцера, будущего иллюстратора, если не ошибаюсь, детских книг, которого я встретил в 1966 году, как и Явейна, в Доме архитекторов на Мойке. Тоже хорошо рисовал ставший позже живописцем мой любимый товарищ и неизменный сосед по парте Володя Богданович, близкий родственник (кажется, внучатый племянник) Короленко. Его мать имела отношение к литературной среде и была верной приятельницей семьи Керенских, а обе старшие сестры учились в бабушкиной гимназии.

Из шедших за нами старших «приготовишек» упомяну четырех, начиная с симпатичного кудрявого брюнета Жоржа, младшего брата Владимира Познера, будущего французского египтолога, недавно скончавшегося в звании члена парижской Académie des Inscriptions; двух двоюродных братьев: Шуру Розенфельда и Леву Бронштейна, иначе говоря, сыновей Каменева и Троцкого. Не могу не вспомнить, как первый из них, православный (должно быть по причине отцовской карьеры присяжного поверенного), когда пришла его очередь читать на утренней молитве «Отче наш», произнес уверенно «да придет царствие Твое». Второй никак не рисуется в моей памяти, как и последний из четырех, Митя Шостакович, о котором смогу рассказать многое, начиная со следующей главы. Сейчас же заключу список «именитых» одноклассников упоминанием об учившемся в младшем подготовительном классе Глебе, младшем сыне Керенского.

О преподавателях храню хорошее воспоминание, как в особенности и о нашей классной воспитательнице (в либеральных школах не говорили «классная дама») Елизавете Михайловне Гревс, сестре известного историка, университетского коллеги отца и, позже, учителя брата.

На пятом или шестом году своего существования гимназия еще переживала период постепенного роста и за два учебных года моего в ней пребывания ее старшими учениками были пяти и шестиклассники²⁷. А помещение ее, не то в трех, не то в двух нижних этажах доходного дома второй половины прошлого века уже становилось тесноватым. Чтобы единственный, совсем небольшой рекреационный зал мог отвечать своему назначению, расписание уроков и перемен было разным для старших и младших классов, а столовой еле-еле хватало на всех. Хорошо еще, что на большой перемене игры можно было затевать на довольно большом и светлом дворе, когда это позволял петербургский климат.

От нашего дома до школы нужно было проделать три версты, вдоль по всему Владимирскому и всему Литейному проспектам, на все более и более переполненном трамвае №9 или, чаще, пешком, что было полезной прогулкой. Володя добирался до Шпалерной сам, в положенные его классу часы, меня же туда и обратно водила няня.

С осени военное положение все больше и больше сказывалось на жизни Петербурга и нашего дома. После нового продвижения немцев на Западном фронте, число польских беженцев едва ли не удвоилось и на улицах появились пролетки варшавских извозчиков с обитыми кожей (а не синим сукном, как у наших) сидениями. В том же порядке вещей классы Либавской женской гимназии, эмигрировавшей за своей начальницей Любимовой, водворились на три учебных года в предоставленных им бабушкой школьных помещениях, свободных после трех часов пополудни.

Были в связи с войной и дела, относящиеся прямо к нашей семье. Как-то утренняя почта принесла отцу известие, наверное из Главного Штаба, о ранении его брата, дяди Володи. Это было так: на австрийском фронте при наступлении его части он вскочил с командой «Ребята, за мной, пришла наша очередь» на внешний край траншеи, был сразу же ранен пулей в ногу и не без труда перенесен санитарями в полевой госпиталь. В конечном счете, наверно благодаря хлопотам отца, он был помещен в офицерскую палату покровительствуемого кем-то из великих княжен лазарета, находившегося на нашей улице, в особняке какого-то, кажется, купеческого клуба, против трактира «Аркадия»²⁸. Его, разумеется, навещали родители, но и мы, дети, побывали у него дважды, оба раза когда артисты — профессионалы или любители — развлекали собравшихся в общем зале раненых декламацией стихов, рассказыванием анекдотов и разыгрыванием сценок юмористического характера.

К этому же времени относилась замена мелкой монеты соответствующими по стоимости почтовыми марками с печатной угрозой возможным фальсификаторам на неклеякой оборотной стороне. Понижение общего уровня жизни сказалось и на том, что по причинам материального порядка родителям пришлось оставить обычай проводить рождественские каникулы в Левашеве и справлять святки на Кабинетской с одним только выездом — в Царское к Метальниковым.

Особо стоит в памяти виденный на второй день Рождества в театре Музыкальной Драмы «Евгений Онегин» с Марией Бриан и Марией Давыдовой в ролях Татьяны и Ольги, — завладевший моим воображением на весь следующий год.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОД

Встреча Нового года прошла впервые с нашим детским участием, тем более, что семья отмечала его на сей раз не в полночь, а в девять часов вечера. Дело было в том, что родителям, как членам делегации от общества петербургских преподавателей средних школ, организовавшего сбор и отправку на фронт для раздачи подарков (белья, курительных принадлежностей и сладостей), предстояло сесть в ночной поезд, идущий на Двинск, где они провели первые дни января. Оттуда члены группы (их было человек десять) разъехались попарно в нескольких санях для посещения указанных им участков фронта. Отец и мать побывали даже, по собственному желанию, в передовом окопе в виду неприятельских траншей. Хотя военные действия в зимние дни и притихли, над ними раза два прожужжал снаряд, а на обратном пути был и ружейный выстрел в их направлении. Также в одну из проведенных в Двинске ночей на город упало несколько сброшенных вражеским самолетом бомб. Домой к нашему удовольствию родители привезли небольшой набор сувениров-«трофеев», главным образом — миновавших цель немецких пуль.

Февраль ознаменовался наконец совершившимся избранием отца в круг профессоров Университета, более десяти лет тормозившееся главой кафедры философии — невзлюбившим его из-за расхождений в умозрении учителем А.И. Введенским²⁹, который и стал, по всей вероятности, отправителем одного из двух черных шаров, оказавшихся в избирательном ящике. В этом году вышла в свет и книга отца *Материя в системе органического мировоззрения*.

На Масляной, как повелось, ездили в Царское Село к Метальниковым, и заплатили там дань петербургскому обычаю поката́ться в предпостную неделю на «чухонской вейке» с ритмически дребезжащим колокольчиком и полностью в пестрых лоскутах. Навстречу почему-то попадалось много бойскаутов в беличьих полушубках, и мы с Володей, глядя на них, высказали появившееся у нас недавно желание вступить в эту организацию, но безуспешно: как нам позже объяснили родители, они опасались царившего в ней, как им говорили, официально-монархического духа.

Первый день Пасхи, когда со всех колоколен неся над городом непрерывный торжествующий звон, был нами проведен, согласно установившейся традиции, на Петербургской стороне, Малый проспект 7, где жили бабушка Лосская, вместе с четой Алтуховых, то есть с уже упомянутой младшей сестрой отца Верой Онуфриевной и ее мужем, инженером Владимиром Михайлови-

чем, — учеником отца по многим предметам в те времена, когда отец в бытность студентом обеспечивал свое существование частными уроками. С тех пор и началась его дружба с семьей богатого инженера Михаила Ивановича, устроителя царскосельского и собственника двинского водопроводов. Что же до Владимира Михайловича, то он был, кажется, электротехником. Во всяком случае тогда он занимался выработкой своего способа изготовления батареек для карманных фонариков. Нашего отца, к которому он относился как к учителю-другу, восхищало присутствие в нем своего рода властителя над материальным миром, мастера на все руки, которому беспрекословно подчинялись машины и рабочие инструменты, оправдывая его обычную поговорку «долго ли умеючи?». Это шло как-то об руку с его тягой к эзотеризму: астрологии, тайнам Атлантиды и, в частности, к спиритизму. И все это не мешало ему быть шутником и нехитрым юмористическим рифмоплетом на семейные темы. С уже отдаленной поры нашего раннего детства, когда в ответ на его заявление, что рядом с его саженым ростом мы ему кажемся комариками, Володя в отместку окрестил его «дядей Микробом» и эта кличка вошла во всеобщее, включая и его собственное, употребление. Под стать мужу тетя Вера обладала живым и веселым характером, не поблекшим в ее девические годы среди суровых старших сослуживиц в институте Лесгафта, где она жила, занимаясь хранением коллекций учебного музея. С ней была совсем несхожа сестра и моя крестная Аделаида Онуфриевна, жена инженера-оптика Леонида Гавриловича Титова и мать родившегося в 1911 году кузена Андрюши. Она отличалась скорее пессимистическим душевным складом, чем снискала себе у нашей няни (словесный репертуар которой не сходился полностью с общепринятым) квалификацию «жись-нерадостная тётя Адя»³⁰.

Не помню, поселились ли Титовы уже к этому или только к следующему году на ту же лестницу, что и «Микробы», но перед Пасхой к семейному клану на Петербургской стороне присоединился вышедший из госпиталя на поправку дядя Володя, оставшийся до нового назначения в Петербурге. С ним мы погуляли по одному из близких садов — должно быть тому, что окружает Князь-Владимирский собор — проходя по его примеру вдалеке от скамеек с греющимися на солнце тоже поправляющимися от ран «нижними чинами», чтобы не вынуждать их отдавать вставанием честь офицерским погонам дяди Володи.

На той же Светлой неделе мы побывали и в Царском Селе, где угощались куличом и пасхой в незнакомой нам до того семье соборного священника и законоучителя бабушкиной гимназии, отца

Стефана Фокко, которого мы называли, следуя неудачному отцовскому примеру, «Стефаном Яковлевичем»³¹. Он был греком по происхождению, привлекал к себе благородной наружностью, начитанностью скорее в мирской литературе, чем в Священном писании, и либеральными убеждениями, кажется, сильно проявленными в пору революции 1905 года.

Замечу в качестве отступления, что в этом отношении полной ему противоположностью являлся законоучитель гимназии Шидловской, священник Пантелеймоновской церкви о. Яболонский. Этот был черносотенцем и соответственно держал себя в своем отношении к ученикам: ласкательном к детям благонамеренных чиновников (и к нам с братом, у которых спрашивал, что делает и говорит отец) и враждебным в первую очередь к Олегу Керенскому, хотя тот и был верующим (как, к удивлению многих, и его отец) и уроки знал хорошо. Говорили даже, не знаю, правильно ли, будто бы раз, разбранивши его неизвестно за что, он пробормотал: «сын неблагородных родителей».

Возвращаясь к Царскому Селу, вспомню о третьей, особенно нас впечатлившей поездке в излюбленный нами пригород. На этот раз родителям пришла в голову исключительно счастливая мысль посетить Екатерининский дворец, что в дореволюционное время было возможно только по получении пропуска из канцелярии, находившейся на Садовой набережной. Этот пропуск был выдан отцу без особых формальностей, и сопровождаемые молодым камердинером в серой отороченной красным ливрее, мы осмотрели главные аппартаменты. С тех пор в моем воображении воцарились прихотливая роскошь елисаветинского рококо Растрелли и утонченное благородство екатерининского классицизма Камерона. Запомнилась конечно и не найденная в Германии после 1945 драгоценная облицовка Янтарного зала, если не штучный паркет с перламутровыми вставками Лионской гостиной, скрывавшийся под обшивкой из суконного или плюшевого трипа, будто бы по воле Государя и «окончательно», — во всяком случае по словам нашего чичероне³².

Тоже вспоминается посещение уже давно нам известного Музея Александра III, с родителями и десятью ранеными нашего лазарета, внимательно слушавшими отца, объяснявшего сюжеты картин. У вестибюльного прилавка каждый из них получил на память по открытке, в выборе которых мы, дети, приняли деятельное участие и как будто не без него на долю татарина-магометанина пришлось «Перенесение священного ковра из Мекки в Каир» К.Маковского. Умиленная нашим доброхотством дама-продащица вынула из-под прилавка экземпляр смененного новым изда-

нием иллюстрированного каталога и ласково протянула его нам со словами «а это примите вы, от меня в подарок».

Вспоминается, наконец, и посещение с отцом выставки «Британского военного плаката» в вестибюле-галерее Академии Художеств, под звуки балалаечного оркестра, лихо наяривавшего *Tiperary*. Главной темой афиш был разнообразно аргументируемый призыв под знамена еще не поступивших в армию граждан державы, в которой из уважения к личной свободе еще не была введена принудительная мобилизация.

У нас же к этому времени начали размножаться менее изобретательно иллюстрированные афиши, приглашавшие обывателя подписаться на «Военный 5 1/2 % заём», некоторые из них с поощрительной прибавкой: «патриотично и выгодно»! Помню действительно, что купившая сторублевый билет Аденька рассчитывала, что обеспечила себе на будущий год даровую пару башмаков, явно не принимая во внимание начинавшую уже чувствоваться инфляцию.

Также началась и «инфляция» национально-политического характера и временный монархизм, стал определенно сходить на нет с ростом могущества Распутина. Помню свою вялые чувства при виде одного из классовых товарищей, щелкнувшего в нос попавшийся ему под руку портрет Государя, сопроводив свой жест презрительным «Николашка».

Такое же ласкательное наименование случалось иногда слышать из уст Мазяси, в которой начинал просыпаться недовольный союзник. Это было во время вступления Франции в период *guerre d'usure* у стен осажденного Вердена, который наш средний обыватель называл Вёрденом. Тут наша Мазяся оказалась, сама того не зная, пророком происшедшего только в самом конце года устранения с фронта главного защитника города-крепости. Она читала с грехом пополам русские газеты и как-то заявила сенсационную новость: «*Joffre est remplacé par un pommé Geoffrat*», после чего отцу стоило большого труда втолковать ей, что дело в действительности шло о родительном или винительном падеже того же имени, которое могло бы таким же образом превратиться в Жофру, Жофрбм или Жофрэ.

***

Не изменяя своему обычаю проводить каникулы на насиженном месте, наша семья начала вступать на путь новообразовавшейся рутины пребывания в Митине, завязав заблаговременно переписку с Романовыми. Только усложнившиеся с прошедшего

года условия жизни проявились на том, что их попросили озаботиться настройкой старого рояля, так как упаковка и перевозка петербургского пианино уже стали делом нелегким.

Ухудшение ситуации сказалось еще больше при посадке на поезд. Вышло какое-то недоразумение с плацкартами на II-й обычный в нашей скромной железнодорожной практике класс. Не без всяких приплат, «начаёв» и инцидентов, родителям удалось впихнуть нас в купе I-го класса. Мы составляли первую, «детскую» партию митинских дачников, возглавлявшуюся Аденькой и сопровождаемую няней и еще не названной прислугой, о которой пора сказать несколько слов. Она прозывалась «Нюшей Тверской», оттого что происходила из пользовавшегося лихой славой села Святцова, соседнего с Машуком, куда приходила мыть наши полы, прежде чем очутиться в Петербурге среди уборщиц бабушкиной гимназии³³. От своих сослуживиц она отличалась живой любознательностью, известной начитанностью и нарождающимся чувством классового самосознания.

Из нашего путешествия в моей памяти остался вечерний свет над разлившимся у Чудова Волховом и стоящими среди воды хуторами; из окна вагона эта картина представлялась полной идиллической поэзией.

Второй год войны внес перемены и в жизнь Митина. Призываемых на фронт крестьян, нанимавшихся раньше к Романовым в сельские работники, сменяли постепенно пленные австрийцы. Среди них вспоминаются не германцы, а инородцы, говоря по-тогдашнему, «лоскутной империи». Красовалась фигура южно-тирольского итальянца или далмата, живописно носившего набекрень подаренную отцом панаму. Совсем иначе, педантически аккуратно носил случайно доставшуюся и ему панаму ставший хозяйским кучером и объяснявшийся лучше других по-русски чех Ольбрих. Был и мадьяр, и находившие способ вступать в разговор с нашей прислугой не то хорваты, не то воеводинские сербы.

Тоже в связи с Митиным, и даже в более общем порядке с дворянско-крестьянской Россией, вспоминается, как Дмитрий Дмитриевич повез нас вместе с Ваней и приехавшим к нему латышземлемером на свои поля за березовой аллеей. Там уже ждали их управляющий именем Матвей Егорович, носивший такую же фуражку и так же подстриженную, как у хозяина, бородку, с работниками-австрийцами и выборными от мира соседней деревни на предмет продажи ему куска львовско-романовской земли. Внуки митинских крепостных почтили бодрым приветствием потомка господ своих дедов, а управляющий предоставил в распоряжение вставшего за астрольбией «господина межевого» австрийцев для

переноски землемерных цепей и установки штанг. Здесь ситуация была не та же, что в «Плодах просвещения» Толстого: дворянское наследие переходило уже легче в общинное землевладение.

Что до нашей семьи, то ее второе лето в Митине прошло так же в общем беззаботно, как и первое. Репертуар развлечений даже обогатился присутствием на пристани у купальни взятой в Торжке напрокат широкой невалкой гребной лодки. Правда, дело не обошлось без сюрпризов, потому что в ней скоро объявилась изрядная течь и ушло немало времени и усилий на ее периодическое, мало действенное законопачивание. Кроме того, выяснилось, что гребля против мощного течения Тверцы требовала слишком больших усилий, и был куплен канат, чтобы служить бичевой для прогулок вверх по реке, с превращением отца и нас с братом в добровольных бурлаков. Кроме того, канат понадобилось просмолить дегтем, на что тоже ушло немало времени. «Охота пуще неволи» еще усугубилась нашим оказавшимся безуспешным притязанием по части рыбной ловли, главным образом на «блесну», привязанную лесой к корме лодки. Пишу все это в виде образца наших теоретически обоснованных, но на практике не всегда удачных семейных затей.

Как и в предыдущем году, ближе к концу июня приехали из Торжка Черномордики и снова начались совместные игры и всякие раздоры. Из них стоит упомянуть спор о достоинствах Москвы и Петербурга. Они в свое время побывали в старой столице, восторгались Кремлем и его памятниками и прониклись презрением к неизвестному им нестарому и «нерусскому» Петербургу. Все, что я нашелся им противопоставить, был Спас на крови с куском мостовой, на которую упал смертельно раненный Александр II, а о других достопримечательностях нашего города мы как-то и сами не сумели многого рассказать. Существенным однако было то, что как перед статуей Карла XII в Стокгольме мы впервые почувствовали себя русскими патриотами, так и при возвеличении Москвы перед Петербургом мы осознали свою неразрывную привязанность к берегам Невы и даже довели это чувство до агрессивного-неприятного отношения к не виденному воочию «первопрестольному граду». Родители даже подумывали, не установить ли в нас равновесие в отношении к двум столицам, свозив нас к концу каникул в Москву, но при все ухудшавшихся условиях жизни подобные предприятия становились неудобноосуществимыми. Ведь самим им в этом году пришлось прекратить обычай прерывать пребывание на даче далекими путешествиями вдвоем.

Возвращаясь к нашим товарищам по играм, вспоминаю, как все мы собирались после обеда в комнате родителей, где с увлече-

нием слушали читаемую для нас отцом «Одиссею». Раз на один из этих сеансов Витя пришел с крайне расстроенным видом и на вопрос отца, что с ним, ответил сдавленным от слез голосом: «папа ранен»! По счастью, ранение было легким: в руку, кажется, навывлет, и в течение того же лета уволенный на поправку доктор Черномордик появился в Митине.

С окрестными дачниками у нашей семьи большого общения не было, если не говорить о приехавшей на это лето семье известного в ученом мире (не помню, по какой отрасли) профессора Флерова. Тоже пожинала возрастающий успех среди дачной молодежи уже шестнадцатилетняя Настя Иванова.

О контакте с деревней сказать было бы нечего, если бы не вспоминалось купанье на реке и летящие через нее в нашем направлении камни от василевских мальчишек, а вскоре и от присоединившегося к ним рослого парня, с которым завязался мало дружеский диалог. На наше заявление о том, что если он кого-нибудь ранит, то попадет в тюрьму, последовал гордый ответ, что-то вроде «да, к нашему брату, которого вы, господа, сами сидя дома, посылаете биться на фронт»... Небезынтересно будет заметить, что наши обидчики принадлежали к числу отличившихся крамольным нравом от мирных жителей левого, митинского берега — правобережных новоторжцев (напомню о Святцове), о которых отец писал, что «это были как будто остатки старой новгородской вольницы»³⁴.

Как и предыдущим летом, к нам приезжали гостить друзья. На сей раз это была чета старших Алтуховых: блистательный и прекраснодушный водопроводчик Михаил Иванович со второй, младшей его лет на двадцать французенкой-женой Луизой Людвиговной, в родственном просторечии «Зуней». Помню ее нежный упрек мужу: «Мишенька, какой ты упрям» с окончанием «ый», превращенным в «'e' muet». Также его по-своему морализирующее изречение: «Кто в двадцать лет не умен, в тридцать не женат, в сорок не богат, тот чортов брат и грош ему цена». Кстати, о никак не подходивших под эту категорию младших Алтуховых: было бодрое письмо от тети Веры, извещавшее нас, что «Светлячки (название, которое было придумано для батареек дяди Микроба) загораются всё ярче и ярче».

Также приезжала в гости из Екатеринбурга Антонина Михайловна Эйхе, жена, если не ошибаюсь, крупного инженера-металлурга. Помнится, как отдыхая на пригорке во время вечерней прогулки, родители вели с ней разговор о политической злобе дня, и Володя позабавил всех рассказом о гимназии Шидловской и Олеге Керенском — как о коноводе-трибуне на манер отца.

Были еще ставшие обычными со времени каникул 1910-13 гг. прогулки в Константиново, село на правом берегу Тверцы, на пол-пути от Машука до отстоящего от него за десять верст вниз по реке Митина. Там проводила лето более близкая нам часть семьи Петрунkevичей, откупивших клочок земли, если не ошибаюсь, от соседней усадьбы помещиков Цвелевых и заживших на нем, — как им и подобало — по-барски, в благоустроенной ими даче среди большого сада с отвечающими их спортивным повадкам трапезней и теннисной площадкой, на которой до войны случилось состязаться с ними и моим родителям.

Семья состояла из мало симпатичной (во всяком случае нам, детям) своими постоянными запретами делать то или то Любови Гавриловны (рожд. Вульф), ее мало мне памятного сына Ивана Михайловича, кажется, утонченного сноба, дочерей Александры и Анны Михайловны и мужа последней, Владимира Ивановича Поля. Анна Михайловна была камерной певицей, стяжавшей себе известность под именем Ян Рубан, ее же муж — как композитор. Он был благоговейным учеником Римского-Корсакова и страстным ненавистником Стравинского. Его музыкальному таланту сопутствовал талант живописца-рисовальщика, физические и духовные качества подлинного йога и несусветное, ставшее баснословным чудачество³⁵.

Старшая сестра, Александра Михайловна, была доцентом Высших Женских Курсов и высоко-талантливой преподавательницей всеобщей истории в бабушкиной гимназии³⁶. Нельзя не упомянуть и гостившего этим летом в Константинове ее явного обожателя и коллеги в бабушкиной гимназии по курсам русской истории, Сергея Александровича Князькова, видного ученого, в котором парадоксально сочетались старообрядец и франкмасон³⁷.

В Константиново мы ходили пешком, вверх по долине Тверцы, через Прутно и деревни Толстяково и Худяково. Раз приходил к нам в Митино и Сергей Александрович, как всегда импонируя всем пронизательным умом и флегматически-пессимистическим юмором. Собираясь уходить, он ответил на приглашение навещать нас чаще ироническим отказом, мотивируя его тем, что наверное Любовь Гавриловна ему этого не позволит, опасаясь нашего подозрения, что она ему не дала хозяйского экипажа, а экипажа не даст, чтобы лошадь не кусали слепни.

Как самое лучшее воспоминание об общении с обитателями Константинова сохранился устроенный совместными усилиями пикник на берегу Тверцы, где-то между двумя имениями. Нам надлежало дотянуть бичевой нашу ладью с частью снеди и, наверное, столовым прибором, может быть, даже с самоваром.

Отдав должное угощению, участники пикника, взалкав духовной пищи, попросили Анну Михайловну преобразиться в Анну Ян Рубан и усладить всех своим искусством. Она согласилась без обычного у артистов ломанья, поставив только непременным условием для слушателей — сесть лицом к реке, которую освещали лучи клонящегося к закату солнца. Сама же поднялась к опушке, окаймлявшей долину рощицы и, уподобясь деве Февронье из «Града Китежа», пропела оттуда «Похвалу пустыне».

Хронику лета 16-го года дополняют два воспоминания, связанные с «нашим» большим залом, открывавшим и в этом году свои двери митино-василенской публике.

Первое: выставка-продажа (наверное, однодневная) изделий местных мастериц и мастеров, покровительствуемых и руководимых Кустарным Складом Д.Д. Романова, о котором говорилось выше, — изделиями по старым образцам или современным моделям. Помню, например, вышивку, тонкой гладью воспроизводящую со всеми нюансами формы и колорита одну из открыток вошедшей тогда в моду серии элегантных английских женских головок. Или подушку со стилизованным в духе времени изображением маков, выкроенных из разноцветного сафьяна, которой было суждено украшать диван в отцовском кабинете на Кабинетской. Помнится, были оценены дамами и узорчатые вершки для туфель из того же материала, наверное, вроде тех, какими Торжок гордился уже во времена «Путешествия Онегина»³⁸.

Второе воспоминание: благотворительный спектакль, данный нашим младшим поколением обитателей дома под руководством очень интеллигентной русской воспитательницы детей Черномордиков, давно потерявших мать. На нем мы разыграли шесть шарад, т.е. около двадцати разнообразных сценок, вымышленных или иллюстрировавших литературные сюжеты вроде басни Крылова о «Двух мужиках». Все это в собранных с бору да с сосенки костюмах и даже париках. Представление сошло с большим успехом, которым мы довольно нескромно пользовались среди дачников до конца нашего пребывания в Митине.

***

Наступивший учебный год прошел у брата в четвертом, у меня во втором классе гимназии Шидловской, у Маруси — в среднем подготовительном, на нашем шестом этаже. И она и няня переселились на бабушкину половину, в «розовую комнату», одну из двух, где до того времени жили сменявшиеся пансионерки. Мы же с братом стали полными хозяевами «белой комнаты», потеряв-

шей на время свое качество «детской». Новой, главной ее мебелью стал большой книжный шкаф для наших растущих библиотек, особенно у книгоеда-брата, которому на именины подарили около тридцати томов выходившего тогда полного собрания сочинений Толстого.

Поскольку речь зашла о пансионерах, время сказать несколько слов о той из них, которая тесно приобщилась к жизни нашего, детского поколения. Это была поступившая осенью 15-го и прожившая у нас три учебных года Ася Афанасьева, одноклассница нашей летней гостьи Насти Ивановой. Мать ее, кажется, Нина Карловна (урожд. Тэннер или Тэрнер), была в военное время главным врачом-администратором длиннейшего санитарного поезда, который мы как раз осенью 16-го с большим интересом посетили, когда он стоял между двумя миссиями на запасных путях Финляндского вокзала.

Перед своим появлением в нашем доме, году на четырнадцатом, Ася свалилась откуда-то, серьезно повредила позвоночник и, чтобы не стать совсем горбатой, была помещена матерью в какой-то санаторий для детей обоего пола, где она провела год или два. Поначалу она носила доходивший до подбородка кожаный корсет, но и освободившись от него, сохранила на всю жизнь физическое увечье. Приобщившись к вольнолюбивым нравам санаторских мальчишек, она пыталась привить их и нам, побуждая на всякие «каверзы», в общем достаточно невинные, чтобы не очень докучать старшим поколениям. Помню, например, как мне был придан вид чорта и я должен был под вечер, когда в гимназии было уже пусто и темно, явиться в этом виде с вилой в руке духовидице Евгении Лазаревне, о которой уже было рассказано в первой главе. Я спустился в обслуживаемый ею четвертый этаж, но там услышал, как она, подметая залу, громко говорила что-то, наверное, заклинала кого-нибудь из навещавших ее «настоящих» чертей. Не то испугавшись сам, не то усовестившись своей шутовской роли, я смысл, не ожидая, чтобы она меня почтила уже слышанным от нее раз пожеланием «чтоб те стиснуло»! Более положительного характера были наши совместные затеи, в которых находили себе применение Асины незаурядные способности к рисованию и всяким художественным мастерствам.

Осень 16-го ознаменовалась как-то мало кому памятным, значительным событием династического порядка: приездом в Петербург японского, наверное, наследного принца крови Канина для помолвки с одной из наших великих княжен. На дни его пребывания в России столица расцвела спаренными, нашими и японскими флагами: трехцветными и белыми с багровым диском «вос-

ходящего солнца». К сожалению, наспех выкроенные красные круги выглядели скорее как квадраты со скругленными углами.

Брачный союз императорских домов России и Японии был принят общественным мнением по-разному. В нашей семье, видевшей в дальневосточном соседе нового, полезного спутника, — положительно, в других, не забывших торжествующего врага 1904 года — отрицательно. К этому примешивалась и свойственная не так интеллигенту, как простолюдину примитивно-расистская ксенофобия, которая проявлялась и у нашей няни, соболезновавшей приносимой в жертву великой княжне. Правда, она же рассказывала с чьих-то слов и с известным удовлетворением, что проезжавший в открытом автомобиле по улицам к Зимнему дворцу японский принц дружелюбно-улыбчиво реагировал на приветственные жесты прохожих, не то что сопровождавший его, сидевший неподвижно важный русский генерал. Думаю, что это был кто-нибудь из великих князей, хорошо сознававший, что не его делом было отвечать на приветствия, обращенные к его соседу.

Помню, что для приезда принца был особенно украшен соединенный со всей российской железнодорожной сетью, включая Великий сибирский путь, так называемый Царский павильон на б.Введенском канале за Царскосельским (ныне Витебским) вокзалом. От него, главным образом, начиналась «царская ветка», которую направляющийся по общей линии в Царское Село или дальше обыватель видел от себя метров за 200-300 направо³⁹. Как будто именно этой осенью нам случилось заметить резво бегущий по царской ветке поездок в один или два вагона, причем, не знаю, по каким соображениям отец решил, что в нем, наверное, едет спешающий с докладом Государю очередной премьер-министр.

В связи с этим встает и другое относящееся к августейшим царскоселам воспоминание. Мы идем по дороге вдоль парка Александровского дворца, приближаясь к стоящему у ее края человеку в коричневом пальто и полуформенной фуражке, держащему на коротком поводке довольно крупного, такого же как и он, внушительного вида дога. Вдруг он протягивает повелительно в нашем направлении руку, приглашая нас этим жестом отстраниться на обочину и приказывая с нерусским акцентом: «Одну минуту»! За чем следует не то реально произнесенное, не то прозвучавшее только в нашем сознании остережение: «или я спущу собаку». Вскоре вслед за этим нас обдают жидкой грязью быстро пролетевшие три одинаковых автомобиля (должно быть, ролль-ройсы), за стеклами которых трудно что-нибудь разглядеть. На наш же робкий вопрос о седах автомобилей следует вежливый ответ, явно царского латыша-телохранителя⁴⁰: «Государь император»...

Также в связи с последним царствованием вспоминается посещение достраивавшегося в Александровском парке белокаменного «Федоровского городка» и его недавно освященного собора, вносящих своеобразную и отнюдь не досадную допетровскую нотку в барочно-классический ансамбль царскосельской архитектуры⁴¹. Признаюсь, что в интерьере собора мое внимание привлекли главным образом стоявшие на правом амвоне крестоны (побольше и поменьше) Государя и наследника, из резного дерева (наверное, мореного дуба) с узорчатыми подушками на сидениях.

В театре мне за целый год побывать не случилось, но храню о нем косвенные, через разговоры старших, воспоминания. В первую очередь о пожавшей большой успех в интеллектуальном мире постановке труппой Гайдебурова на сцене Лиговского Народного дома графини Паниной драмы Бьёрнсона *Свыше наших сил*. В нашем доме дело дошло до того, что бабушкина гимназия откупила у театра целый сеанс исключительно для своих учениц и преподавателей, на которых пьеса произвела глубокое впечатление. Толкуя ее на свой лад (вряд ли в согласии с автором), отец нашел в ней обильную пищу для своего восходящего спиритуализма⁴².

Другим гвоздем репертуара эпохи была сменившая на сцене театрика Миниатюр (на Троицкой у пяти углов) уже достаточно несносную *Прекрасную Елену* Оффенбаха — совсем тошнотворная оперетка *Иванов Павел* некоего Рапопорта. В ней дело шло о своего рода Митрофанушке, который в ответ на увещевания матери: «Павлик, Павлик, занимайся, даром время не теряй» разразился сетованиями: «Надоели мне науки, ничего в них не понять, просидел насквозь все брюки, не в чем выйти погулять». Там же участвовала воплощенная в девочку Шпаргалочка и подсказывала: «вся история мидян, есть сплошной-сплошной туман», а у него выходило «сплошной обман». Тоже шло дело о том, что «царь персидский грозный Кир в битве разорвал мундир» или о том, что «Пифагоровы штаны на все стороны равны». И все это распевалось на голос «Дети, в школу собирайтесь», «Я хочу Вам рассказать», даже «Очей черных» и, наверное, творений того же Оффенбаха. Все выше сказанное привожу со слов школьных товарищей или не очень разборчивых знакомых семьи, которую иванов-павловская эпидемия никак не коснулась.

Больше чести общественному вкусу доставляли украшавшие концертный сезон «вечера ложно-русских песен», хоть многих и смущало не очень удачное определение навеянных «народным стилем» романсов 1820-30-х годов, по большей части на слова барона Дельвига, вроде «Стонет сизый голубочек», «Не осенний мелкий дождичек» и т.п. О них до нашего поколения доходили только

разговоры старших, а прямое, богатое воспоминание остается об одном из слышанных нами выступлений привезенной из глуши нашего Севера на концертную эстраду Тенишевского училища актрисой-фольклористкой Озаровской «сказительницы» Кривополевой. После содержательного рассказа о своих гиперборейских странствиях, собирательница «сырого» словесного и песенного материала, выряженная в подлинно-народный сарафан с кокошником, предоставила слово чинно против нее сидящей старушке лет за семьдесят с повязанной платком головой. Послушав ее, можно было понять, как «звучали» (ясно помню, какими распевами) известные нам сызмала былины, прославлявшие «стольный град Киев», на побережьях не Черного, а Белого моря.

Стоит еще в ушах заключение какого-то сказа: «Говорило-то калико безымяноё, безымяно-то калико перехо-ожеё-ё-у», после чего не покидавший правую руку платок утирал уголки губ вещательницы. Также обрывки юмористической песни, каждый куплет которой повествовал о неправдоподобных явлениях вроде таких, «как поднебесью медведь летит» или «как по синю морю жернова плывут», вслед за чем захваченная заживо публика присоединялась хором к припеву: «Небылица, в лицах небывальщина, да неслыхальщина, да невидальщина».

«Былью» же конца года явилось убийство Распутина 17/30 декабря. О случившемся сразу же пошли всевозможные легендарные слухи. Наша няня с удовлетворением рассказывала, как желавший упредить вмешательство полиции Пуришкевич побежал сам по набережной Мойки к стоящему на своем посту городовому и завязал с ним диалог: «В Бога веришь? — Верю. — Царя чтишь? — Чту. — Радуйся, убит злодей Гришка», — или что-то в этом роде.

Становясь ближе к реальным фактам, вспомню, что на долю нашего доброго знакомого, доктора Добровольского (жена которого учила нас музыке), состоящего в должности главного врача Чесменской «богадельни»⁴³, выпала честь «замораживать» (ясно помню это слово, хоть и не понимаю, зачем это было нужно в декабре месяце) тело оракула царской семьи на его пути к погребению в соседстве с Федоровским собором и городком⁴⁴. И тут вспоминается принесенный молвой рассказ няни об императрице Александре Федоровне, приходившей по утрам поклониться вверенной во избежание осквернения ночному караулу могиле «святого старца» и находившей на ней «малую кучу» нечистот.

Должно быть, в связи со сгущением политической атмосферы после убийства Распутина охрана территории Александровского дворца и парка усилилась. Во всяком случае, помню вереницу с

интервалами метров в десять конных казаков, кружащуюся по периферии запретной зоны. Прибавлю для дополнения картины, что каждый из них вез с собою большой кисет с крупными узорами в стиле до-петровской набойки: явно последний рождественский подарок Государя своим до поры до времени надежным стражам.

За этот приезд в Царское Село мы катались с детьми Фокко и их приятелями на больших, составленных из связанных лыж салазках рядом с террасой Екатерининского парка. Также в Царском навещали бабушку, проводившую каникулы в пансионе Сыропятовой, среди постояльцев которого был недавно сбежавший из австрийского плена генерал Корнилов. Она передавала нам, тогда и после, его рассказы о претерпевавшихся русскими жестокостях от зрителей вражеских лагерей. Тоже отзывалась бабушка о нем как о добродушном, общительном человеке, забавлявшем в рождественский вечер пансионеров гашением зажженных на елке свечей с большого расстояния. Удивительным делом для потенциального военного диктатора было, что он любил и умел рисовать очень уверенными контурами головки сосущих палец младенцев; бабушка хранила одну из них от него на память.

Не расстанусь с шестнадцатым годом, не перенесюсь воспоминанием в рекреационный зал гимназии Шидловской, где мне случалось замечать сидящего на подоконнике и, кажется, державшегося за шпингалет мальчугана лет десяти, в белой матроске, глядящего безучастно и, как мне казалось, тоскливо на веселые игры товарищей и товаров. У меня даже рождалось не переходившее в действие желание войти с ним в общение и как-то в чем-то ему «помочь». Случилось раз и увидеть его не без удивления в зале бабушкиной гимназии, на одной из школьных «вечеринок», должно быть, как родственника какой-то из учениц. О том же, что она оказалась бывшей подругой Володи по приготовительным классам, Мусей Шостакович, а мальчика звали Митей, — для меня выяснилось только в следующем году.

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОД

Отныне встреча Нового года, как подобает в полночь, стала обрядом для всех трех поколений нашей семьи. Не знаю, из-за нашего ли детского участия или в силу трезвеннических, главным образом, отцовских принципов, исключавших из нашего быта употребление вина, напитком для новогодних тостов был натуральный виноградный сок. Тоже не знаю, по установившемуся ли обычаю или в первый раз, когда минутная стрелка стенных часов

большой столовой совсем приблизилась к зениту, бабушка начала высказывать чаяния на наступающий год. Первого из них я не помню, но предметом его только и могло быть заключение мира, по возможности после победного конца войны. Из второго же мне ясно памятно слово «свобода», повторенное раз пять, кажется, до самого боя часов, возвещавшего наступление чреватого событиями семнадцатого года.

Поговорка, применяемая к третьей декаде января и гласящая «Солнце на лето, зима на мороз», оправдалась полностью во всей Европе, особенно жестоко для фронтовиков сражавшихся держав. В Петербурге температура спускалась иногда ниже 22-х градусов по Реомюру (-27°С), отчего школьные занятия прерывались раза два на два-три дня. Но было что-то особенно бодрящее в крепком морозе, сочетавшемся со все более и более лучезарным, хоть и медленно прибывающим дневным светом.

Масляная неделя прошла еще «честь-честью», с кетовой и паюсной икрой к блинам из гречневой или пшеничной муки. Угощались ими в царскосельском пансионе Сыропятовой, где бабушка проводила праздничные дни.

Так же и на домашней кухне, властвовавшая над ней с осени «кухарка за повара» Пелагея Петровна (кажется, Вострова) творила, хоть и реже чем поначалу, шедевры своего кулинарного и декораторского таланта, вроде «розбивов», окруженных цветами, или мороженого наподобие разукрашенных башен. Должно еще прибавить, что с «Петровной» в кухонном мире воцарилась, на всю нашу пору, великодушная, но бранчливая с истерическим оттенком диктатура. От нее однако не менялся романтический дух жизни собиравшегося на обед и ужин в смежной с кухней «людской столовой» служебного персонала. Можно было слышать, как добравшаяся украдкой до телефона гимназическая уборщица Чикова назначала свидание (где-то на нейтральной почве) «писарю Федору», с оговоркой «тогда мы разочаруемся или очаруемся». Или как горничная Гаша рассказывала няне о прислужьем ухажоре «Женьке с чубиком», стремившемся походить на «жасминок», как, по ее пояснению, он называл «джетлеменов». Мне даже раз случилось, зайдя за чем-то на кухню, встретить этого питерского Проспера (как теперь не подумать о герое песенки Мориса Шевалье?), красовавшегося в «людской столовой». Туда же иногда приходил на досуге менее блистательный гимназический служитель, сменивший мобилизованного Луку, увечный воин-поляк с протезированной кистью левой руки, упражнявшийся правой в писании кириллицей своего имени: «Антон Иванович Горский». На одном из его автографов появилась игривая приписка,

должно быть, одной из не совсем к нему равнодушных уборщиц: «кот заморский», под которой он нашелся только поставить реплику «Мария дура».

На этом прерву затянувшуюся кухонную хронику, чтобы перейти к гимназической. Неизвестно, какой конфликт произошел у С.А. Князькова с А.М. Петрункевич, но в связи с ним перед началом нового учебного года Сергей Александрович объявил ко всеобщему удручению о своем уходе из бабушкиной гимназии. Что же до Александры Михайловны, то ее одухотворенно-увлекательное преподавание истории располагало к ней все сильнее и сильнее сердца учениц, в первую голову Аси Афанасьевой, сменившей на нее предыдущий предмет своего обожания, каковым был цесаревич Алексей, от грядущего царствования которого она ожидала водворения благоденствия в России. Другие поклонницы А.М. бегали на Сергиевскую, ныне улицу Чайковского, погладить медную ручку входной двери, за которую она бралась, выходя утром и входя под вечер в особняк ее кузины графини С.В. Паниной, где А.М. тогда жила.

Одной из новостей этой зимы было обрадовавшее просвещенных петербуржцев появление наследия скончавшегося летом Мечникова: простокваши «лактобациллин», очень скоро переименованной в «лактобактерин». Для нее была отделана на солнечной стороне Невского безупречно белая, даже снаружи, лавочка с продавщицами в изящно скроенных, тоже белых фартучках. На потребление его не замедлили абонироваться бабушка и отец, и каждый день рассылный приносил для них белые горшочки благотворной влаги.

Важнее будет отметить на семейном плане, что февраль ознаменовался окончательной покупкой трех земельных участков. На первом из них, приобретенном по инициативе и усилиями общества друзей бабушкиного дела, на Петербургской стороне, в близком соседстве с недавно одевшейся в изразцы мечетью, постройка здания, специально предназначенного для гимназии Стоюниной, с квартирой начальницы во фронтоне, откуда, если не ошибаюсь, должен был открываться вид на панораму Невы. О выработке проекта уже были начаты переговоры, по забавному совпадению с одним из архитекторов мечети, С.С. Кричинским. Никак не пойму, как с этим могло согласоваться без предвидения раскола семьи приобретение родителями участка в проектировавшемся «городе-саду» на Черной речке, рядом с местом дуэли Пушкина. Также в кооперативном порядке была совершена оплата надела в раздробленном поместье Ласпи на крымском побережье Черного моря. И все это кануло в море, но не все ли равно, где пропали семейные

сбережения, в недвижимом ли имуществе или в Государственном банке?

Еще вспоминается из предреволюционных месяцев 17-го года праздник в гимназии Шидловской, участниками которого были ученики первых трех классов. Уже довольно оригинальным новшеством на нем было то, что по инициативе талантливой учительницы русского, Веры Павловны Андреевой, главной руководительницы праздника, первоклассники продекламировали с подмостков эфемерной сцены «Вербочки» еще не вошедшего в школьный обиход Александра Блока: три первых терцины скандированным хором и четвертую, произнесенную естественным, выразительным говором маленькой княжной Оболенской (были среди нас и аристократы). Мы, второклассники, разыграли в лицах, под читку Володи Богдановича, лирико-драматическое стихотворение Никитина «Ясно утро», причем роль жестоко-рассудительного рыбака исполнял я, а грубых мальчишек, странным образом, две девочки. Коронным же номером представления был «Бежин луг» Тургенева в исполнении третьеклассников. Среди мальчиков, освещенных красно-желтым электрическим светом костра различалась стройная фигура Кирилла Кустодиева, а роль Павлуши, ведущего действующего лица рассказа, приходилась на долю (и могло ли быть иначе?) хоть и картавящего и превращавшего «л» в «у» — Олега Керенского. Потому естественно, что в связи с этим, в первом ряду зрителей возле оживленно жестикулировавшей матери Богдановича привлекала к себе внимание уже довольно известная фигура остриженного бобриком сегодняшнего строптивного трибуна и завтрашнего корифея революционной сцены.

Приближение грозы ощущалось в воздухе столицы, и в гимназии Шидловской говорили о начинавшихся на соседнем Литейном заводе стачках. Помнится даже, как на уроке гимнастики в зале появился, неизвестно откуда и как, небольшой красный флаг и стал ходить по рукам к великому негодованию молодого учителя, по всей видимости социалиста, принявшего эту рискованную забаву как поругание святых, каковой являлось для ему подобных революционное знамя.

Вспоминаются и растущие перед дверьми булочных хвосты за выдававшимися по карточкам, уменьшающимися порциями черного и уже исчезающего посеревшего белого хлеба. Проходя на обратном пути из школы мимо булочной на углу Кабинетской и Ивановской, мы с няней не раз наблюдали начинавшиеся бабьи драки за первенство перед распиравшимися от давки косяками двери, подоспевшего для наведения порядка городского с белой дубинкой и слышали истошные выкрики «на войну бы его, чорта»!

Кажется, недаром говорят, что от подобного дошедшего до иступления хвоста потребителей и началась, 8-го марта по новому стилю, Февральская революция.

***

Мои воспоминания о наступлении новой эры русской истории начинаются со сцены, виденной на нашей мирной Кабинетской в самые первые дни уличных беспорядков. Возвращаясь с няней из школы, мы останавливаемся перед подъездом нашего дома, против которого, возле ворот Синодальной типографии, собирается, явно для демонстрации, толпа рабочих и работниц соседней Богдановской фабрики. От нее, однако, скоро начинают опасливо отделяться женщины при виде приближающейся кучки черных городских, возглавляемых полицейским в серой шинели и при сабле. Не помню выражений вряд ли очень вежливого требования разойтись, зато ярко стоит в глазах блеск вметнувшейся над его головой шашки наголо. Испуганные этим зрелищем, мы забились в вестибюль, навстречу расходившимся с последнего урока гимназисткам. Многие из них тоже предпочли укрыться там до конца разгона манифестантов, а позже до нашего этажа дошли их рассказы, не знаю, в какой мере достоверные, о зарубленном на их глазах мальчике⁴⁵.

С этого дня или очень вскоре школы закрылись по меньшей мере на неделю. Первое время наше поколение не выходило на ставшую опасной улицу, и Володя, пользуясь лучше, чем я, вынужденным досугом, употреблял его на обильное чтение в подлиннике романов французских классиков (книги эти в красивых переплетах, согласно поощрительной тактике матери, переходили по прочтении из ее книжного шкафа в его библиотеку) или садился за недавно начатый дневник, красноречиво отображавший свершавшиеся исторические события, скоро после прерванный и куда-то пренебрежительно заброшенный⁴⁶.

Раза два просыпались среди ночи от звука недалеких выстрелов пулемета, наверное того, что полиция установила для обстрела Загородного проспекта на вышке дома у Пяти углов.

О внешних событиях сперва доходили только неясные слухи, но вскоре появились и расхватываемые с бою на улице первые даровые номера новорожденных «Известий». Узнали, между прочим, что стоят в огне Окружной суд⁴⁷ и Литовский замок⁴⁸, а также, что городским головой стал исчезнувший с нашего горизонта отцовский товарищ по первым годам Университета, доктор Вадим Александрович Юревич⁴⁹.

А в нашем доме появился совсем неожиданно-негаданно другой, никогда в нем дотоле не бывавший знакомец отца по философским встречам начала века, Андрей Белый⁵⁰. Вернувшись к осени прошлого года из заграницы в Москву, он недавно приехал в Петербург, пытался основать в нем филиал антропософского общества, и, кажется, в связи с этим собирался возобновить сношения с отцом. Во всяком случае наш адрес был ему известен, и, очутившись вблизи уличной перестрелки в нашем квартале, он прибежал укрыться у нас. Не знаю, где находились в момент его прихода, часа в три, старшие поколения — бабушка и мать наверное в гимназической канцелярии — но открывшая ему дверь горничная ввела его без доклада в служившую бабушке кабинетом гостиную, где он, явно чувствуя себя дурно, растянулся на гамбсовском диване, стоявшим за овальным, под декоративной скатертью столом. Можно себе представить, каков был испуг бабушки, особенно нервно настроенной в эти дни, когда, поднявшись из гимназии и войдя в свой кабинет, она была ошарашена видом внезапно взвившегося пламенем из-за стола неизвестно откуда взявшегося незнакомца, рассыпавшегося в извинениях.

Имя Андрея Белого нам было известно из разговоров родителей, читавших с большим интересом «Петербург», а у меня еще к этому недавно прибавилось, что на уроках пения нашему классу случилось иметь дело с его стихотворением «Тройка»⁵¹, талантливо положенным на музыку, с отзвуком ритмического брэнчания бубенцов, если не ошибаюсь, Н.С. Потоловским (известным более как педагог, нежели композитор), родственником нашей учительницы пения Волковой. Об этом я наверное говорил родителям, что послужило, между прочим, темой для застольной беседы, когда наша семья и ее неожиданный гость сели за чай в большой столовой. Оказалось, что о переложении его поэзии на музыку он услышал впервые от нас. Тут было высказано бабушкой желание услышать стихи, и я, стоя рядом с приблизившим меня к себе автором, продекламировал «Ей помчались! Кони бойко бьют копытом в звонкий лед...» и т.д. Интересно, что тут обнаружились какие-то небольшие расхождения между текстом стихов и их передачей в песне: кажется «веселый» вместо «валдайский бубенец», может быть, даже «Солнце в дымах сизых» вместо «над равниной кроясь».

Отречение Государя от престола, 2/15 марта, было принято в нашей семье как оправданное создавшимся политическим положением, решающее историческое событие положительного порядка, но это без неприязненных высказываний по отношению к личности потерявшего власть монарха. Ими запестрела низменная

уличная пресса, импонировавшая прислуге, а через нее — хоть и в более умеренной степени, нашему младшему поколению. Хочу все же думать, что нашему вкусу не могло не претить появление в книжных витринах подлых памфлетов вроде того, что был озаглавлен «Повесть о царе-дураке, царице-блуднице и Гришке-конокраде».

Определенно симпатизирующим, разумеется, выразилось отношение семьи к республиканскому Временному правительству, лист с овальными портретами членов которого заменил одну из надоевших карт военных действий на стене Большой столовой.

Настала розовая пора революции, о которой, несколько десятилетий спустя, Пастернак написал: «Как было хорошо дышать тобою в марте». И только нехотя вспоминаются эпизоды вроде охоты толпы на укрывавшихся на вышках за пулеметами, иногда даже еще стрелявших из них полицейских, или «фараонов», как их окрестил всплывавший на поверхность блатной жаргон. Помню, например, рассказ проходивших по Загородному мимо пятиглавого Введенского собора Семеновского полка (снесенного в 1932 г.) о стащенном с его угловой колокольни священнике (скорее, скрывавшемся под рясой городовом) — для учинения над ним самосуда.

В ту пору даже набивший к осени оскомину красный цвет раздражал ни на флагах, сшитых из отрезанных от трехцветных нижних полос, ни на плакатах, колыхавшихся над всякого рода манифестациями, поющими «Русскую Марсельезу» или «Смело, товарищи, в ногу», ни даже на поверхности туго обтянутых материей золотых пуговиц с орлами на штатских форменных одеждах. Вдохновляясь ими, и мы с братом попросили няню нашить нам на шапки розетки из плиссированных красных ленточек. Спросили даже у отца, отчего он не нацепит на себя какого-нибудь красного значка, на что он выразил — не помню, какими словами, — мысль, что красный цвет символизирует кровь, проливающуюся, как на хирургических операциях, при больших гражданских переворотах, и что никак не в ней заключается их положительная сторона. Это уже было проявлением по меньшей мере его настороженных чувств к происходившему, о которых достаточно ясно свидетельствуют его Воспоминания⁵². Общее же настроение семейного круга было доверчиво-оптимистичным, не ошибусь даже, сказав, что у бабушки в первую голову. Вспомню однако с чувством благодарности об одном эпизоде, хорошо выявлявшем благородство ее натуры. Как было сказано выше, осенью 1914 г. в главном зале гимназии, впервые за все время ее существования, появились портреты императорской четы. В первые же дни водворе-

ния республики нам с братом показалось уместным послужить демократическим идеалам, сорвав со стены ненавистные изображения сверженных тиранов. О своем революционном доброхотстве мы объявили за столом, за чем последовали строгие слова бабушки: «Это никак не ваше дело». Правда, что не прошло и минуты, как она тихо сказала кому-то, что портреты действительно следует снять.

Как в начале войны, так и теперь, в большей степени, отец считал своей гражданской обязанностью принять за счет своих философских занятий участие на сей раз не в национальной, а в политической жизни России в качестве активного кадета, взяв на себя поглотившие много времени и оказавшиеся тщетными заботы об основании (по примеру социалистических партий) идеологической школы. Им же была опубликована и программная брошюра «Что хочет Партия Народной Свободы?»⁵³

Тут вдруг вспоминается, кстати или некстати, слышанный на улице разговор между дворниками, сгребавшими с мостовой талый снег: «Свобода, свобода, и в чьи ефто мы руки попадем с ефтой свободой?». Такого же рода опасливые разговоры можно было слышать и от отличившихся рассудительностью извозчиков. Или, переходя к репертуару рождавшихся анекдотов, сетования бабы: «Прогнали царя-батюшку и устроили режь-публику», или, наконец, заявление армянина: «Сначала был старый прижим, теперь будет новый прижим!»

В связи с розовым периодом вспомню, как мы, дети, с няней шествовали в какой-то благонамеренной демонстрации с приличными лозунгами на красных плакатах и даже с оркестром, мимо Марсова поля (оно же Царицын луг), кажется, уже принявшего в свое лоно триста с чем-то гробов (черных снизу и красных сверху) жертв уличных боев, и вдоль по набережным, в наше время Французской и Английской, ныне Кутузова и Красного флота. Процессия останавливалась перед французским и английским посольствами с игрой национальных гимнов обеих союзных держав. На балкон первого вышел кто-то из его сотрудников и через посредство страстного переводчика приветствовал от старой республики новую. На балконе же второго появился сам сэр Бьюкенен с качающимся на шнурке моноклем и произнес по-русски «симпатичный привет» России от Великобритании.

Школьные занятия возобновились в бабушкиной гимназии торжественно: общим собранием учениц и учителей в главном зале. Отслужив благодарственный молебен, прогрессивный батюшка Фокко произнес слово, выявляя черты антимонархизма даже в находчиво им избранных текстах Священного писания. Затем

последовали назидательные беседы бабушки о наступившем всеобщем равенстве и в связи с ним необходимости оставить господские замашки по отношению к домашней и школьной прислуге, и А.М. Петрункевич о свободе вообще, достижимой только при соблюдении самоограничения.

Достаточным подтверждением сказанному могло послужить происшедшее во вновь открывшей свои двери гимназии Шидловской, где, по недосмотру персонала, в рекреационном зале остались висеть портреты Александра I и Николая II, что предоставило случай свободолюбивым ученикам поглумиться над ними, сорвав их со стены, а с их рамок золотые коронки. Это отрадное зрелище может быть и стояло в глазах директора, Сергея Ивановича Сазонова, когда, ходя по классам для беседы о создавшемся положении, он сказал, что революционные события могут, между прочим, и способствовать разгулу буйных страстей. Он же счел полезным сказать несколько слов о Ленине, морально отмеченном с юности казнью своего старшего брата.

Произошла небольшая перемена в составе преподавателей, из которого вышел и был заменен священником Раевским законоучитель о. Яболонский, памятный своими монархическими выпадами. Что же до его нелюбимого ученика, Олега Керенского, то его авторитет перешел еще дальше за пределы III-го класса и даже с его младшим братом Глебом мой друг Володя Богданович стал разговаривать не как с малышом-приготовишкой, а спускаясь на равную с ним ногу. Недаром же возведенный в сан министра юстиции Александр Федорович переехал с семьей из «дома с тупиком», что на Загородном против начала Ивановской, в Зимний дворец, куда мать Богдановича уже ходила к нему с визитом и любовалась на контрастировавшие с роскошью стильной мебели сушившиеся у камина Олеговы башмаки.

На уроке пения революционеры-ученики выразили желание обогатить классный репертуар «Русской Марсельезой» и, кажется, даже принесли для этой цели ноты. Прочтя текст ненавистного «гимна», учительница Волкова, вряд ли смея поморщиться, нашла осторожные выражения, чтобы заявить, что такие впечатляющие фразы, как «твоим потом жиреют обжоры, твой последний кусок они рвут», могут быть удачно произносимы в страстных политических речах, но для пения не подходят и, помнится, прибавила, что позаботится о том, чтобы для нас было сочинено подобие гимна, более подходящего мирно настроенному гражданину. Но хорошо уже то, что никаких гимнов нашему классу до конца учебного года петь не довелось. Тем не менее, раз, на экскурсии в Павловск, перед шеренгой нашего класса продефилирова-

ли парами ученики первого класса — того, где учился Митя Шостакович, — с пением наверное этого самого, явно увидевшего свет (на стараниями ли Потоловского?), интеллигентско-маниловского «гимна», из которого в памяти осталось два фрагмента. Начало: «В сиянии...» (чего-то вроде зари) и, в виде заключительного припева: «Привет тебе, народ свободный (от чего-то), народ свободный...» и т.п. Слушая все это с неодобрительным недоумением, шедший со мною в паре Богданович заявил, что ничего подобного на рабочих манифестациях не поют.

Вспомню еще, как в первые дни возобновившегося учения, вместе с кучкой расхोдившихся по домам товарищей и товарок, мы проникли за уцелевший фасад еще дымящейся развалины Окружного суда. От него также уцелело прилежащее здание тюрьмы, называвшейся на тогдашнем жаргоне «Предварилкой». Она уже входила в свою пореволюционную роль, в те дни как место заключения первых арестантов, главным образом, избежавших самосуда «фараонов». У входа в нее уже выстраивался хвост «передатчиков», с каковым через несколько лет довелось познакомиться и мне.

Пока же вернемся на Кабинетскую в пору либерального прекраснотушения. Вспоминаю наполненную теплым светом вечерней зари столовую на исходе обеда, с участием светло настроенной, как и все (если не говорить об отце), преданной секретарши канцелярии Анемаисы Александровны Белозеровой. И вдруг — неожиданное появление в дверях передней рельефной фигуры Сергея Александровича Князькова, с осени 16-го исчезнувшего с нашего горизонта. Насилу реагируя на выражение всеобщего радостного удивления, он сел мрачно за стол и очнулся, только когда Анемаиса Александровна поздравила его с наступлением издавна желанной свободы. За чем последовал его вопрос, глухим голосом с парадоксальным обращением на «ты»: «А французскую революцию знаешь?» — и ее несколько смущенная, также стилизованная реплика: «Знаешь...» — «А Варфоломеевскую ночь знаешь?» — «Знаешь». В моей памяти этот диалог отложился как первое испытание нашей веры, веры интеллигенции, отраженной в вышецитированном стихотворении Пастернака, в то, что русская, «эта изо всех великих революций светлейшая, не станет крови лить». «Меж тем, свинец к вагонным дверцам (сиял апрельский день) — вдали, в чужих краях навешивался вспех ганноверцем, ландверцем. Дышал локомотив», — продолжает Пастернак. — «Почудилось: вдали курьерский неся, пломбы тряслись, и взвод курков мерещился стране». Мерещился несколько парадоксально в форме заманчивого для уставших от лишений и жертв народных масс ло-

зунга «долой войну», провозглашаемого партией «эс-деков». На подмогу ей и несся через Германию с соизволения своего временного августейшего союзника Вильгельма, в запломбированном вагоне, прибывший 4/17 апреля на Финляндский вокзал Ленин⁵⁴. Излишне будет напоминать, как оценили новоявленного лидера-пораженца партии большевиков либеральные кадетско-эсеровские круги, придерживавшиеся лозунга «война до победного конца».

Было новое и в домашнем кругу. Не помню, как бабушка узнала — чуть что не вычитала из газеты — что недавно сформировавшийся союз технического персонала учебных заведений (должно быть, нашей Московской части) организует профессиональный митинг в зале гимназии Стоюниной. Легко себе представить ее раздражение, — не на то, конечно, что образовался такой синдикат, а на то, что он позволяет себе без спроса хозяйничать у нее, как у себя дома. Помню ее телефонный звонок В.А. Юревичу и слова «ведь я же все-таки могу залу дать или не дать», и затем долгое молчание, должно быть, слушание осторожного совета нового градоначальника не противиться создавшемуся порядку коллективного существования. Потом фигуру бабушки, облокотившейся о подоконник открытого окна столовой, смотрящую на сгущающееся небо белой ночи и явно погруженную в волнительные размышления, видимо о том, как разумно принять это первое проявление «диктатуры пролетариата». Так же возмущенные грядущим хамством, прочие члены семьи повели разговор о происходившем. Наше же поколение с Асей Афанасьевой реагировало на него в более боевом, презрительно-издевательском духе. Все это долетело до кухни, где разгорелось «классовое самосознание» и передалось нашей няне, которая выступила как его агрессивная сторонница перед родителями. Вспоминается и ее разговор при нас с Гашей, между прочим о том, что дети проявляют себя такими же господами, как и «генеральша», как иногда величали в среде прислуги бабушку.

Суток полтора спустя произошла своего рода «мирная конференция» между нашей семьей, квартирными и гимназическими служащими, призванными утром в столовую. Началось с обращения к ним бабушки, голосом, выдающим с трудом сдерживаемое волнение. После чего, во исполнение ее предварительной просьбы, отец повел перед непривычной для него аудиторией беседу о сущности республики, равенстве всех классов общества и, между прочим, о необходимости для экономического благосостояния страны не эксплуататорской частной инициативы. Все это было выслушано вполне корректно, с некоторыми, тоже корректными, выступлениями «Нюши Тверской», проявившей даже кое-какие

знания истории, напомнив (не удержалось — в каком контексте) о судьбе «короля Людовика».

Вскоре состоялся и пленарный вечерний митинг, причем выяснилось, что даже набитый до отказа зал не мог вместить всех в нем собравшихся и, по-видимому, среди них многих посторонних лиц. Так, не без юмора одна из наших прислуг рассказывала о взошедшем на ораторскую трибуну человеке, провозгласившем, умиленно подняв руку с наперстком на пальце: «Товарищи, я портной!», на что последовали раздраженные реплики вроде «коли ты портной, так и устраивай свой митинг портных, а здесь и так тесно», — за чем, как говорили, пошла полная бестолочь. А через несколько дней до нас дошли отзвуки негодования участников сходки на бабушку, что в ее школе не оказалось достаточно для них места. И еще лучше: лет шесть спустя, в Праге, кто-то из правых эмигрантов возводил на бабушку обвинение за то, что она работала на революцию, организуя в своей гимназии митинги для школьных уборщиц.

Отраднее будет вспомнить о виденных этой весной в Мариинском театре двух операх Римского-Корсакова: «Царь Салтан» и «Град Китеж» в декорациях Головина или Малютина, с Ершовым в роли Гришки-Кутюрмы и в постановке (во всяком случае первого спектакля) приехавшего на время из Москвы в Петербург известного актера-режиссера Владимира Аполлоновича Лосского⁵⁵. Бабушка еще располагала тогда абонементом на 17-ю ложу I яруса. Венчавшие близкую к ней царскую ложу, теперь вновь появившиеся двуглавый орел, короны и вензеля, скрывались тогда за красивой драпировкой. В самой же ложе, на средних креслах императорской четы, сидела парочка служащих из какого-то новооснованного комиссариата. Обе оперы, к которым мы были подготовлены, как повелось, чтением отцом либретто, произвели на нас сильное, вторая даже навсегда отметившееся впечатление.

Также не забываю, в несколько другом плане, о завязавшемся при этих посещениях театра небезынтересном знакомстве. Причиной ему была прагматическая сметка бабушки. Для более удобной поездки в театр по улицам с еще не совсем установившимся порядком она прибегла (как это ей случалось делать) к идущему об руку с ее авторитетом дипломатическому таланту, снесясь по телефону с редким по тому времени собственником автомобиля, по имени Чоглоков, — отчимом одной из ее учениц. Бабушка просила его предоставить на вечер машину с шофером и предложила со своей стороны место в ложе для одного или двух членов его семьи. Так присоединилась к нам его падчерица, Таня Пассек, ровесница брата Володи, обещавшая на своем четырнадцатом году

стать изрядной красавицей⁵⁶. Мы с ней как-то сразу сошлись, весело расхаживая по фойе, коридорам и лестницам театра, где костюмированные исполнители оперы производили какой-то очередной кружечный сбор.

Также вспоминается виденное по дороге: на больших перекрестках останавливающие автомобиль, держа горизонтально винтовку, заменившие городских «милиционеры», в значительной мере вольноопределяющиеся студенты в отвечающих их гражданскому званию формах. Как-то особенно врезались в память серые или коричневатые фасады сгоревшего в февральские дни Литовского замка с жуткими следами пожара над пустыми оконными проемами и венчающая здание тюрьмы скульптурная группа из двух, кажется, коленопреклоненных ангелов, держащих высокий крест. Вспоминаю еще, что в пору нашего второго выезда фасад Мариинского театра почти скрывался за тремя красными полотнищами с надписями «Да здравствует 1-е мая», «Да здравствует интернационал» и еще что-то крайне-левое, отражающее последовавший прибытию Ленина «апрельский политический кризис». По всей видимости, в связи с ним отец, который собирался идти на представление «Града Китежа», наверное, им уже виденного и полностью отвечающего его возврату к вере, явно удрученный происходившим, остался дома: не для того, конечно, чтобы предаваться праздному унынию, никак не свойственному его дисциплинированному характеру, но, должно быть, из-за тягостных размышлений о том, как при создающемся положении партии Народной свободы доведется оправдывать свое наименование.

Стены улиц продолжали украшать афиши возобновленного Временным правительством военного займа, переименованного в «Заем Свободы». Для них Кустодиев изобразил немолодого бородатого солдата в шинели и, кажется, папахе, держащего в опущенных руках винтовку поперек немного расставленных ног. Афиша, помнится, у публики большого успеха не встретила, о чем, если не ошибаюсь, свидетельствовала пресса. Говорили, например, что в фигуре солдата, не пойму почему, было что-то женское и что художник счел нужным оправдываться в печати, ссылаясь на то, что ему пришлось исполнять слишком торопливо срочный правительственный заказ. Спешу прибавить, что газет сам я не читал и что кроме как о ясно стоящем в зрительной памяти, по-моему, мужественном солдате, пишу все вышесказанное со слов более чем я интересовавшегося общественной жизнью одноклассника Юры Рубеля. Кстати, о высказываниях школьников, — хочется привести два не идущих к тогда общепринятому направлению. Так, возмущавшая меня своими позитивистскими рассуждениями

самостоятельно мыслящая (что не было моим преимуществом) Тася Гурфинкель, вступив в неприязненный разговор о царской семье, заключенной в ограде царскосельского Александровского дворца, удивила всех проявлением сочувствия бывшей всегда непопулярной императрице Александре Федоровне, отягченной заботами о больных дочерях. Еще лучше: в Марусином среднем приготовительном классе, когда на уроке пения детям было предложено спеть что кому захочется и когда все сбилось на ходячие революционные мотивы, Володя Голанд, сын владельца магазина электротоваров на Загородном, заявил: «Хоть я и еврей, хоть нас царь и притеснял, я запою "Боже царя храни"», и только после многих увещаний спел, по счастью не «русскую», а в оригинале — французскую Марсельезу⁵⁷.

В нашей домашней жизни новым явлением было начало занятий английским языком у знакомой родителям мисс Джексон, вступившей наверно на пятый десяток девицы, с косым оскалом неровных зубов, сразу привлекшей нашу симпатию, не без того, чтобы пробудить ревность Мазяси, как в личном, так и в лингвистическом плане. Позабавило ученье наизусть «Nurcery rhymes» («побрехушек для детской») и пения за ней разных песен, — главным образом, пресловутой «Turegany», которая даже вошла в мой фортепьянный репертуар, соперничая с излюбленным вальсом из «Евгения Онегина».

Вспоминаются тоже и появившиеся у нас гости из-за границы. В их числе — переселившийся года полтора назад с семьей в Англию Даниил Данилович Гарднер, рассказывавший с увлечением не только о школьных успехах сына Дани, но и не без порядочной доли тарасконизма, о своих недавних плаваниях на союзных броненосцах и подводных лодках, полетах на военных аэропланах, присутствиях на французском фронте и даже беседах с Клемансо о его довольно грубых в обращении, но так хорошо держащих фронт солдатах.

Принимали также не знаю какой деятельностью связанного с отцом незнакомца-джентльмена мистера Симпсона, на котором обратил на себя внимание только что вошедший в европейский обиход серый непромокаемый (матерчатый, а не резиновый) плащ в форме пальто. Приходил завести с отцом знакомство и его коллега-философ, Томаш-Гарриг Масарик, приехавший в мае из союзных стран в Россию, главным образом, с целью создания Чехословацкого легиона.

Расставаясь с весной 17-го, вернусь к «Займу Свободы» и еще стойкому оптимизму бабушки, которая приобрела для нас троих его акции и с ними, на какой-то благотворительной распродаже,

комплект неупотребленных, расклеивавшихся в первые дни февральских событий афиш, воспроизводивших текст разбрасывавшихся с автомобилями листов новорожденных «Известий». На первой афише бабушка написала: «Милым внукам на память о великих днях Революции».

***

К лету 17-го года условия железнодорожных путешествий ухудшились настолько, что было решено, не помышляя о поллюбившейся всем Тверской губернии, провести каникулы в петербургском дальнем предместьи, на даче, которую нам сдали знакомые, Скородинские, в одной версте от платформы Карташевской, последней станции перед Сиверской, по Варшавской железной дороге. Дачу окружал большой сад с фруктовыми деревьями, парниками, полной розами оранжереей, несколькими ульями и тесной курной баней. Всё это обслуживалось семьей белоруссов Липских: Рафаилом, Мальвиной и их сынишкой Броней, ставшим товарищем наших игр. Первые недели были проведены в сокращенном домашнем составе: трое детей с няней, Аденькой и — в первый раз после лета 13-го — Мазясей, что значило с ежедневными французскими уроками и чтениями вслух. День приезда мы закончили с отцом, который не остался на ночь, ответив с горечью на наши просьбы не уезжать до утра, что ему было необходимо начать следующей день «в сумасшедшем городе».

Для полноты картины прибавлю, что должность уборщицы и временной кухарки исполняла Нюша Тверская и что от нее мы услышали в первый раз квалификацию «буржуи», каковой почувствовали себя униженными и воспрянули духом только когда, не помню чем, заслужили от нее почетное звание «пролетариев».

Чуть позже к нам присоединилась бабушка Лосская. А между четырнадцатым днем рождения Володи и девятым Маруси пришло из Петербурга радостное известие о появлении на свет, 27 мая (9 июня), четвертого члена третьего поколения, Андрея. Вскоре после этого появился на даче и он сам в сопровождении счастливых родителей и бабушки, и был сдан на попечение няне и Аденьке. Затем появилась шумная кухонная диктаторша Петровна и, несколько спустя и на последнее лето, перешедшая в 8-й класс гимназии Настя Иванова.

Дачное существование сложилось иначе, чем в Митине, главным образом, из-за близости Петербурга, откуда раза два приезжала давать уроки музыки Е.В. Добровольская и каждую неделю для уроков английского — мисс Джексон.

Сохранился обычай послеобеденных и вечерних семейных чтений. Это лето прошло под знаком «Войны и мира», которые наше поколение начало «переживать» в первый, а старшие, конечно, не в первый раз. Бабушка даже говорила, что благодаря гениальному душеведству Толстого, герои его шедевра казались ей близкими как родственники. Настолько, что когда роман дошел до досадной авантюры Наташи с Анатолом Курагиным, она перестала на время оставаться на чтениях.

Пострадал из-за малоинтересной, плоской, безводной и безлесной местности обычай ежедневных прогулок с родителями, между пятым и седьмым часами вечера. У нашего поколения они заменились частым сиденьем с няней и иногда с Мазысей на станции, излюбленном месте пребывания многих карташевских обывателей. Время проходило в неустанном ожидании предшествующих шумным сотрясением двойного семафора поездов: влекомых поджарыми как борзые собаки «Сормовскими» локомотивами дачных и дальних пассажирских или менее изысканными, но более мощными паровозами — товарных и, если посчастливится, военных эшелонов. Случилось раз увидеть в одном из них кокетливо смеющихся воительниц новоиспеченного «женского батальона» и раз даже, в окне вагона с надписью мелом «Ленин», физиономию с рыжей бородкой, и потом рассказывать, что-де узрели самого главаря большевиков, едущего «сеять смуту на фронте». Тогда уже начались разговоры об издании листков «Окопной Правды», русско-немецких братаниях в траншеях и журналистах, снимавших с этих трогательных сцен фотографии, полезные для вражеской наступательной стратегии.

Чаще чем в Митине ходили в церковь, деревянную, в двух шагах от нас, с пожилым настоятелем которой, добродушным и довольно «светским» батюшкой, завязались добрососедские отношения. По рассказу Брони, незадолго до нашего приезда он призвал нечаянно на ектенью милость Божию на благоверного Императора и должен был оправдываться перед запротестовавшими прихожанами, ссылаясь на укоренившуюся за десятилетия священнослужительства привычку.

С церковкой связывается воспоминание о двух молебнах. Предметом первого, на котором я в первый раз увидел отца перекрестившимся (после тридцатилетнего перерыва), было освящение новоотлитого колокола, который был вздернут на колокольную усилиями прихожан, нас в их числе, впрягшихся в пропущенный через несколько блоков канат.

Было еще, что 16/29 июня вечером с колокольной понесся набат и сбежавшихся к церкви жителей встретила новость о продви-

жении нашей армии на юго-западном фронте. Кем-то уже был нацелен на шест портрет Керенского (уже ставшего для большинства обывателей «Керенским») и с ним, как с хоругвью, все вошли в храм, где батюшка, отслужив благодарственный молебен, произнес импровизированную проповедь и, указуя на портрет главы государства, провозгласил что-то вроде «вот человек, на которого мы возлагаем всю нашу надежду»! Из церкви все двинулись почти крестным ходом на станцию и даже там пели «Спаси Господи люди твоя», испрашивая новых побед заместившему «благоверного государя» «христоролюбивому воинству».

Но вскоре наступили и четыре дня «июльских событий» (2-5/15-18), своего рода генеральной репетиции «Великого Октября», со стрельбой распропагандированных солдат по мирным пешеходам Невского проспекта⁵⁸. Тут уже сильно пошатнулись в нашей семье демократические чаяния. Во всяком случае помню, что была принята как обещающая улучшение положения весть о взятии на себя Временным правительством «диктаторской власти» после подавления большевистского мятежа.

Новое отношение к революционной действительности проявляло себя во многих разговорах. Вспоминается, например, как приехавшая к нам, должно быть проститься перед отъездом на неопределенно долгое время в родную Сибирь, вчерашняя оптимистка А.А. Белозерова жаловалась на задержку отхода ее дачного поезда из-за наполнивших Варшавский вокзал шумных «товарищей». Или, в более сложном плане, как мисс Джексон рассказывала с торжествующим удовлетворением о том, как на ее глазах в трамвае, обратившись к солдату, грубо оскорбившему пассажирку-даму, оказавшийся там же британский джентльмен заявил: «В Англии тоже ест солдаты, но нэ суинья». Что заставило нас с братом покраснеть — меня чуть не до слез — за дающее иностранцу право на такие слова хамство тогдашнего русского солдата.

Кроме уже названных петербуржцев, к нам приезжала тетя Адя с семилетним кузенком Андрюшей, недавно окончившая Высшие женские курсы кузина Вера Троицкая и, забыл, из какого западного города, годами у нас не бывавшая тетя Маня с забавными комплексами провинциалки, между прочим даже до войны стыдившейся принятой от мужа звучащей по-немецки фамилии Шмидт. Общались также с поселившимся на лето в соседней Сиверской давно нам знакомым семейством Корниловых, с главой которого, историком Александром Александровичем, у отца сблизилась отношения в связи с деятельностью в кадетской партии. К нам раз приезжала его жена, Екатерина Антиповна, с дочкой

Талочкой, Марусиной ровесницей. Ездили и мы к ним в гости, но в их дачу не вошли, узнав от открывшей нам дверь прислуги, что Александра Александровича, должно быть переутомленного политическими заботами, хватил дважды сердечный удар («сначала один, потом другой», — как она сочла нужным пояснить). После чего вся их семья перебралась, как и многие, в менее угрожающую лишениями провинцию.

В связи с этой перспективой вспоминаю застольный разговор с пришедшими в гости новыми знакомыми, владельцами соседней богатой дачи и носителями бессарабской фамилии Бодиско. Между прочим, кто-то из них сказал в шутку, что скоро начнем пить чай как наша прислуга, если не с блюдечка, то с сахаром «в прикуску», а там, может быть, и «в приглядку».

Особенно приятно было обнаружить среди карташевских обитателей семью отцовского университетского коллегии-естествоиспытателя, если не ошибаюсь, ботаника Николая Ивановича Кузнецова. Помню, что его почему-то прозвали «Меджиди» в семье С.И. Метальникова, на которого, кстати, он удивительно походил наружностью, чем привлек к себе симпатии до того еще не знавших его других членов нашей семьи.

Вспоминаю еще об озабочивавших бабушку, с ее чувством моральной ответственности за воспитанниц, успехах Насти Ивановой среди незнакомой нам дачной молодежи и, в особенности, напористых ухаживаниях за ней некоего барона Фредерикса.

Философские занятия отца, как уже было сказано, прервались с марта месяца из-за его активной деятельности для партии Народной Свободы. Только вышел к лету в форме книги его «Мир как органическое целое», уже увидевший свет два года назад на страницах журнала *Вопросы философии и психологии*. Незадолго до конца каникул он ездил на несколько дней в Москву, где заседал какой-то общий кадетский съезд, на котором, наверное, был похоронен проект создания партийной школы. Этим обусловилось и оправдалось давно им желанное полное возвращение к обычной ученой и педагогической деятельности.

***

Возвращение с дачи к концу августа не сулило ничего особенно отрадного, начиная уже с открывшегося при выходе с Варшавского вокзала вида на Обводный канал, вдоль которого поднималась гонимая ветром пыль. Во всем чувствовался ускоряющийся прогресс загрязнений невской столицы.

Из-за появления на свет нового члена нашей семьи бедной Марусе пришлось вернуться, вместе с няней, в белую детскую,

уступив нам с братом преимущество занимать розовую, «девичью» комнату, куда перенесся наш книжный шкаф, на место которого вернулся в детскую сосланный на чердак «пеленальник», полгода спустя к нему присоединился и давно преданный забвению голубой клеенчатый «манеж». Также изменился распорядок принятия идущей на убыль пищи. В полдень, как и раньше, завтрак — в одно время с беднеющим гимназическим. В три часа, после конца классов, обед из двух блюд, очень скоро без сладкого, и часам к семи вечера ужин в виде чая с закуской, какая окажется: поначалу, если не ошибаюсь, со сходящими на нет колбасою и сыром.

Но главным событием первых городских дней было решение старших членов семьи перевести нас с братом из полюбившегося нам слишком удаленного училища Шидловской в бабушкину женскую гимназию, где нам уже случилось учиться в виде исключения в старшем пригготовительном, — Володе четыре, мне два года назад. В моем 3-м классе было приятно встретить знакомых, таких как Ира Троицкая, внучка Римского-Корсакова, отдавшего в свое время в бабушкину гимназию еще и свою дочь (мать Иры), Галя Чубова, впоследствии профессор классической археологии в Академии Художеств. Среди поступивших за годы моего отсутствия назову Лёлю Познер, кузину вышеупомянутых шидловских товарищей Вовы и Жоржа (ныне — Елена Вильга, сотрудница национальной библиотеки Флоренции по русскому отделу), или всесторонне одаренную Анику («Коку»), дочь Виктора Андреевича Канделаки, учителя латыни и директора 13-й, а с 17-го до 20-го года — и бабушкиной гимназии.

Володя возобновил в своем 5-м классе дружбу с бывшей товаркой Мусей Шостакович, с Олей Ширяевой, Ниной Гузарчик, познакомился с известной впоследствии в художественном мире Таней Купервассер, а, самое главное, встретил нашу недавнюю знакомую Таню Пассек. Здесь явно началась новая пора его сердечной настроенности. По моей нехитрой интуиции в том уже не было сомнения, и когда во время моих послешкольных упражнений на рояле в бабушкином кабинете там появлялся и он и, нагнувшись из окна эркера, обращенного в сторону Ивановской и Разъезжей, говорил: «вот расходится мой класс», — мне представлялось ясным, какую из одноклассниц провожал его взгляд. Что же до Маруси, перешедшей в старший пригготовительный класс, то одной из ее близких подруг там была Зоя, младшая сестра Муси и Мити Шостаковичей. Наверное по совету их матери, Софьи Васильевны, когда из-за отъезда в провинцию Добровольских встал вопрос о продолжении моих фортепьянных уроков, родители ре-

шили отдать меня на «Музыкальные курсы И.А. Гляссера», где уже год или два учились старшие дети Шостаковичей.

Стоит сказать несколько слов об этой школе, где начал развиваться талант моего товарища, вошедшего во всеобщую историю музыки. Не о достаточно хорошо излагаемых его биографами методах преподавания Игнатия Альбертовича, а о менее известном помещении школы. Она находилась в глубине двора дома №8 по Владимирскому проспекту, на втором (или третьем, говоря по-русски) этаже. Хорошо помню первые комнаты квартиры супругов Гляссеров, где размещалась школа. Направо от передней — маленькая прихожая, где ученики ждали своей очереди на урок. Налево — большая гостиная, она же класс самого Игнатия Альбертовича, со стоящими рядом роялями фирмы Дидерихс и стенами, тесно завешанными портретами композиторов, главным образом, Бетховена и Рубинштейна. Правая стена сводилась на нет широким проемом с многостворчатой дверью, открывавшейся в дни зачетных концертов на соседнюю комнату (должно быть, столовую), куда ставились фортепьяно. Из этого помещения налево вел коридор, на который выходили жилые комнаты, и «приготовительный класс», который вела супруга И.А., Ольга Федоровна.

Об учении у Гляссера скажу — тоже больше на пользу «шостаковичеведения» — что оно было делом далеко не всегда отрадным при гневливо-нетерпеливом отношении педагога к ученикам. Отношение это, по его собственному утверждению, находилось в прямой пропорции со степенью их музыкальных способностей. Не спрашивая себя, в какой мере это утверждение могло касаться меня, вспоминаю, что первые месяцы хождения после гимназии по вторникам и пятницам на Владимирскую, где мне крепко доставалось за «разгильдяйство», были так тягостны, что я впадал в уныние уже к вечеру понедельников и четвергов, к великому возмущению матери, водившей меня (не доверяя уличному порядку) на уроки импонировавшего старшему поколению маэстро.

Вряд ли ошибусь, если скажу, что к этому времени в интеллигентских кругах стало проявляться ослабление интереса к политической жизни России и доверия к мероприятиям Временного правительства. Стали даже находить горькую забаву в разговорах о недавней женитьбе кого-то из его членов и якобы намерении Керенского бросить семью и сочетаться браком с актрисой Тиме. Кто-то из журналистов разразился, должно быть, на столбцах «Речи», филиппикой, из которой помню приблизительно пассаж: «Горе вам, женихи и молодожены» — с напоминанием им, что следует скорее думать об «отечестве в опасности».

К тому времени, ввиду упразднения банковских рублевых билетов и почтовых марок для еще существовавших копеек (и те и другие — с портретами царей дома Романовых), появились республиканские денежные знаки: двадцати и сорокарублевые бумажки «керенки» с изображением Таврического дворца — Думы под куполом римского Пантеона. Их Александр Блок и увековечил в своих «Двенадцати»: «А Ванька с Катькой в кабаке, у ей керенки есть в чулке...» Там же изображен висящий на протянутом от здания к зданию канате плакат «Вся власть Учредительному собранию» — и это вызывает воспоминания о предвыборной кампании. Кадетский список шел за номером два. Помнится, например, что велеречивый швейцар Антон Матвеевич, прежде чем пустить в ход «подъемную машину» лифта, в который вошел кто-то из взрослых членов семьи, произнеся благонамеренный спич в пользу разумной и человеческой власти, чертил пальцем для его эффектного заключения двойку на внутренней поверхности стенки кабины. Также помнится, что за кадетов собирались голосовать няня и многие другие из прислуги, хотя кое-кого пленял свидетельствующий своим наименованием о благородстве намерений список фракции «эсеров-оборонцев». Вспоминается еще рассказ об одном рассудительном извозчике, державшем перед незнакомцем-седоком обличительную речь против экстремистов и, доверившись по неграмотности его совету о номере самого умеренного списка, голосовавшем за большевиков...

Участились отъезды в южные губернии из стоящего под угрозой голода Петербурга. Так, променяла невскую столицу на Саратов семья Франков, откуда месяца два спустя побаловала нас продовольственной посылкой, главным образом, с черным или даже белым хлебом. Помню тоже позабавившее всех письмо Семена Людвиговича, который пародировал размножившиеся составные слова (вроде «нарком» и т.п.) употреблением кстати подобранных слов, таких как «наркоз» и, кажется, «саркома». И вспоминаю с недоумением, что обсуждался проект переселения на юг и нашей семьи, ввиду чего велась одно время переписка с кем-то, живущим в Ставрополе. Только не могу себе представить, как бы там очутились, покинув университет и гимназию, родители с бабушкой, или, еще страннее, — под чью опеку они бы послали туда одних детей, вплоть до младенца Андрея?

Еще одно, связанное с ранней осенью, воспоминание. Мы, дети, с няней пьем в столовой до прихода туда старших подобие утреннего кофе, а Аннушка Рябухина (следует отметить ее полную неграмотность) заканчивает ее уборку. Разговор как-то заходит на литературную тему и оглянувшаяся на нас Аннушка дает, до-

бродушно, но безоговорочно, свою реплику: «Теперь все ваши Пушкины-Лягушкины к черту полетят». Вдоволь насмеявшись, мы ее спрашиваем, как будет обстоять дело с Львом Толстым, на что ему даруется амнистия за то, что ходил босиком в крестьянской рубахе.

***

Открывшие новую эру в отечественной и мировой истории события 25 октября (7 ноября) на общественной и частной жизни отразились далеко не сразу. Помню только несколько встревожившие, прогремевшие в трех верстах от нас выстрелы «Авроры», как говорили — по Зимнему дворцу. Или, немного после, веселые рассказы учениц о виденных ими сценах грабежа тракторов с еще уцелевшими остатками винных и водочных припасов. Также плач бабушки навзрыд, когда до Петербурга дошли преувеличенные слухи о сильно пострадавших памятниках взятого приступом московского Кремля.

Первый день (12/25 ноября) все же состоявшихся выборов был отмечен в бабушкиной гимназии собранием учениц средних и старших классов с соответствующими историческому событию комментариями и речами учителей. Собрание открылось молебном со словом о Стефана, уподобившего Россию тяжело больному, а Учредительное собрание — последнему врачебному средству, позволяющему надеяться на выздоровление.

Характерным явлением нашего семейного быта последних месяцев года был намечавшийся уже весной обычай домашних спектаклей для развлечения старшего поколения и гостей. Исполнителями были мы, дети, под эгидой проводившей в нашей семье последний учебный год Аси Афанасьевой, подчас с участием несравненно более одаренной для сцены Кати Поляковой. Наш репертуар сводился поначалу почти исключительно к отрывкам из «Орленка» Ростана (в переводе Щепкиной-Куперник), потому что созданный автором Сирано гораздо менее удачный образ сына Наполеона был одним из предметов культа Аси, и она обожала играть главную роль драмы с ее широковещательными монологами. Не слишком увлеченные их слушанием бабушка и родители как-то посоветовали нам обратиться к чему-нибудь русскому. После чего наш репертуар перешел на сцены из «Ревизора», главным образом, на полное второе действие гоголевской комедии, начинающееся с монолога Осипа. Катя играла эту роль с присущим ей талантом, как проявил свои сценические способности и Володя в роли Городничего, более или менее такого, каким мы его видели

в исполнении Давыдова. Я же пребывал под знаком воспоминания об игре Горина-Горяйнова в ставшей моим коренным номером роли Хлестакова. Осталась в памяти благородная фигура сидевшего нога-на-ногу среди нашей «публики» моего крестного отца Сергея Алексеевича Аскольдова-Алексеева⁵⁹. Незадолго до того приходила к нам в гости и его супруга Елизавета Михайловна (рожд. Голдобина). После разговоров на злободневные темы и ее рассказа с выразительными интонацией и мимикой о недавнем шумном выступлении спутницы Ленина Коллонтай — она попросила бабушку поговорить с нею наедине и дать ей исключительно важный совет, обещая ему последовать, каков бы он ни был. Дело оказалось в том, что она, ощутив в себе сильное призвание посвятить себя служению Мельпомене и имея на то какие-то виды в театральном мире Москвы, не знала, как согласовать это со своей ролью матери семейства. Совет бабушки, разумеется, только и мог быть в пользу уже взятого на себя Елизаветой Михайловной долга, что, однако, так и не было исполнено.

Еще вспоминается неожиданное появление обрадовавшего старшее поколение и никак не памятного нашему — корсиканца Мальфитано, как теперь полагаю, — социалиста, побывавшего в России в пору революции 1905 года и двенадцать лет спустя присланного какой-нибудь левой организацией приветствовать воцарившуюся «народную» власть. Родители встретили в нем давно пропавшего друга, жалели только о поредевшей, некогда буйной его шевелюре. Как-то раз Мальфитано привел к нам другого недавно приехавшего в Россию француза, по имени Этьен Авенар, керамиста, желавшего наладить связь с бывшим императорским фарфоровым заводом⁶⁰. В нашем доме он приехал настолько «ко двору», что ему случалось даже ночевать на диване бабушкиного кабинета. Помню, как раз он показывал нам только что купленные им десятка два открыток памятного моему поколению издания «Общины святой Евгении Красного креста» с цветными репродукциями произведений художников Мира Искусства и, заметив, как мы ими любовались, подарил их нам троим. По нашей просьбе он воспроизвел на обороте некоторых из них марку изделий, вышедших из его мастерской в Мартиг, у берега Средиземного моря в Провансе: направо кистеобразный контур стоявшего рядом с мастерской кипариса, налево внизу — волнистая линия поверхности моря и наверху крестик, напоминающий утреннюю звезду, при которой он начинал свою работу. С Авенаром связано воспоминание последних дней рокового года. О рожденственной елке (большой, до потолка, как повелось), было условлено, что нам ее привезет из Карташевской Рафаил, регулярно приезжавший от-

туда со стиранным Мальвиною бельем Скородинских. Но по причинам, о которых здесь будет излишне распространяться, к преддверью праздника выяснилось, что елка нам своевременно доставлена быть не сможет. Эта весть пришла, когда вся наша семья с новым знакомым сидела за ужином. Мы с Володей постарались на нее реагировать с достоинством, но девятилетняя Маруся стала, явно для всех, делать малоуспешные усилия, чтобы не расплакаться. Итак, день Рождества прошел без елки, но к вечеру внезапно в дверях передней появился Авенар с большим обручком ствола и развесистыми, исходящими из него еловыми ветвями: его находка где-то рядом с городскими питомниками после целого дня отчаянных поисков. Тут все сердца присоединились к возгласу Мазяси: «Vous êtes un brave homme», вскоре после чего на должном образом убранном «arbre de Noël» зажглись разноцветные свечи и Рождество было весело отпраздновано. Веселились «старые и малые» и следующими вечерами с играми-песнями вроде «Il court, il court le furet» и сочиняемыми нашим другом шарадами. Он же сопровождал нас — не знаю, с большим ли толком для себя — на заказанное бабушкой труппе Гайдебурова для учениц представление «Женитьбы» Гоголя в Лиговском Народном доме графини Паниной, только что объявленной «врагом народа».

Так прошли памятные «авенаровские», прибавлю с грустью, последние для Маруси рождественские праздники...

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ М.Н. Стоюнина. Воспоминания // Минувшее. Ист. альманах. Т.7. Париж, 1989. В дальнейшем обозначается — *МНС* и номером страницы.

² Н.О. Лосский. Воспоминания — жизнь и философский путь. Мюнхен, 1968. Эта книга, опубликованная с моими комментариями, содержит сведения о происхождении и жизни нашей семьи до 1960 года. Мой рассказ о событиях 1914-22 гг. служит параллельным дополнением, не без некоторых хронологических и фактологических исправлений. В дальнейшем обозначается — *НОЛ* и номер страницы.

³ Не знаю этимологии этой квалификации, применявшейся к выпускницам человеколюбивого учреждения, задавшего целью опекать и воспитывать девочек-сирот, подготавливая их к карьере грамотных и хорошо осведомленных в педиатрии нянь.

⁴ О «бабушке Лосской» см.: *НОЛ*, 11-12, прим.2 и 4.

⁵ О роде Тихменевых см. *МНС*, 376, прим.1.

⁶ Во французской транскрипции Léon Zack (1892-1980). Приходился сводным младшим братом философу С.Л. Франку и проводил с его семьей каникулы в Машуке, имении Петрункевичей в Тверской губернии, как и наша семья, и несколько других интеллигентских семей из Петербурга и Москвы. Летом 1910 написал портрет М.Н. Стоюниной. Там же, в Машуке наметилась деятельность Зака в области сценографии: им были созданы декорации и костюмы китайского покроя для образованнейшей из дачной молодежи любительской труппы, предпринявшей (может быть, по его же инициативе) постановку на подмостках превращенного временно в театр овина переложения для сцены Андерсеновского *Соловья*. Именно со сценографии и началась известность Зака, когда он попал эмигрантом в Берлин. Во всяком случае, во время нашего пребывания в немецкой столице в конце 1922 года там пользовались большим успехом его декорации для «Русского романтического театра». Помню, в частности, расписанный им занавес с плотно сгруппированными человеческими фигурами, не без смущавших нас анатомических деформаций, хотя и было ясно, что их обуславливал графизм композиции. Во второй половине 20-х годов Зак с семьей, как и Бердяевы, Карсавины и многие другие русские, переселился в Париж. В 1934-35, когда Лев Васильевич вместе с женою (рожд. Браудо, выпускница бабушкиной гимназии), юной дочерью Ириной (будущей продолжательницей его искусства) и малолетним сыном Васей жил на той же лестнице в доме на rue Jeanne, где поселилась и семья моего старшего брата, он придерживался классицистического направления, называя его, кажется, «неогуманизмом». Позже ушел в абстракцию и, приняв крещение католического обряда, вступил на путь графического мистицизма, недоступного для рядового церковного обывателя. Таковым, во всяком случае я себя почувствовал, когда в 50-х годах увидел в одном из костелов долины Дордоньи четырнадцать начертанных им (кажется, с участием дочери) герметических изображений Страстей Господних. Последние годы жизни Лев Васильевич провел в парижском пригороде Vanves.

⁷ Монограмму Дюссарта обнаружил на картине, полюбив ее пальцем, директор галереи Эрмитажа А.И. Сомов (отец художника К.А. Сомова), которому в начале века мой отец принес ее показать. Не помню точно, что было известно отцу о ее происхождении кроме того, что она как будто находилась в Зимнем дворце до его пожара в 1837 г. Весьма возможно, что она попала в число многих картин из царских резиденций, довольно опрометчиво распроданных Министерством Двора около 1850 г. (см. каталог изд. 1958, т.1, с.19-20).

⁸ Эта картина была нам только «одолжена» семьей Ярошенко, и мы расстались с ней, когда осенью 1917 г. имущество художника было распродано на аукционе. По наведенным мною недавно справкам, оказывается, что картина, хоть и была занесена в каталог распродажи, поступила в качестве дара в Полтавский музей, но пропала во время последней войны.

⁹ Чтобы проверить степень точности моего воспоминания об этой живописной детали панорамы нашей улицы, я обратился к проживающей после войны в Москве ровеснице-родственнице Ирине Михайловне Шашелевой (рожд. Елачич от матери — урожденной Лосской) с вопросом, на который получил ответ 4.IX.89: «Я тоже хорошо помню все описанные тобою дома на Кабинетской. Пару лошадей иногда гнедых, иногда серых в яблоках (в зависимости от смены годов), я наблюдала из окон почти каждый день. Мне очень нравилась синяя сетка, которая их покрывала, по моему просто для красоты. На них по вечерам, в сани или в коляску, садилась знаменитая артистка Александринки — Мария Гавриловна Савина, скончавшаяся в 1915 г. Ее похорон я уже не видела, училась в Смольном. Она не только была большой актрисой, но и организатором Союза артистов и попечительством о престарелых актерах. Эти учреждения остались до сих пор. Она жила в доме рядом с нашим. У меня почему-то стоит в памяти №5. Но тогда он должен быть слева от наших окон, а я хорошо помню, что он был справа. Против наших окон (с четной стороны) действительно был за решеткой довольно живописный особняк, к которому вечером подъезжало немало колясок. Что это был клуб, я припоминаю, но какой именно, я не помню. Кажется, «Купеческий». Помню, что во время войны, как ты пишешь, там был лазарет». Экипажу Савиной и вообще Кабинетской улице посвящены некоторые пассажи романа Краснова *Опавшие листья*. Также пишет о Кабинетской и проведенный в нашем квартале детские годы мирискусник Добужинский: «Я полюбил мирный и чистенький [Поварской. *Б.Л.*] переулок, где гулко по утрам раздавались крики разносчиков, и эти соседние, новые для меня, чинные и серьезные улицы — Московскую и Кабинетную [sic!]» (*Воспоминания. М., 1987. С. 72*).

¹⁰ *НОЛ*, 151-152.

¹¹ Ср. воспоминания Н.Берберовой *Курсив мой*. Мюнхен, 1972. Князь С.А. Ухтомский, по ее словам, приходился ей дядей. Исполненный им мраморный бюст бабушки стоял с 1915 г. у нас в «маленькой столовой». После же нашего изгнания, году в 24-м, он был взят в «Музейный фонд» и оттуда в какой-то момент поступил (единственно в качестве произведения искусства, без других оснований) в Новгородский исторический и художественный музей. Увидев его там в начале семидесятых годов, я не удержался от радостного восклицания «бабушка!», на что сидевшая рядом сторожиха огрызнулась: «какая это вам бабушка, это Стоюнина». Когда же мне удалось убедить ее, что одно другому не мешает, она рассказала, что бюст уже не раз привлекал к себе внимание приезжих из других городов бывших учениц нашей гимназии, а для других посетителей сходил за изображение Екатерины II.

¹² Станным образом в современных путеводителях Трольхеттан упоминается только как значительный промышленный центр с мощной гидроэлектростанцией. Для вращения ее турбин не была ли загнана в трубы и оставшаяся во всей красе в 1914 г. главная часть водопада, считавшегося по справедливости лучшей достопримечательностью долины Готы?

¹³ Вспоминаются и другие, не удержавшиеся надолго или даже оставшиеся на бумаге переименования: Кронштадт — Венец, Ревель (ныне Таллин) — Колывань, Вейсенштейн — Белокаменный, и др.

¹⁴ Позволю себе придерживаться традиционного наименования родного города и в продолжении моих воспоминаний, каковым бы ни было мое отношение к заведенному в советской прессе обычаю употреблять слово Петроград — для десятилетия 1914-24 гг. и Петербург или Ленинград для предыдущей и позднейшей эпох.

¹⁵ Около семи по шоссе и четырех вниз по реке. Напоминаю метрический эквивалент версты: 1066,8 метров.

¹⁶ О нем мне известны две монографии: М.В. Будылина, О.И. Брайцева, А.М. Харламова. Архитектор Н.А. Львов. М., 1961. (С.28-29); А.Глумов. (Послесловие А.Харламовой). Н.А. Львов. М., 1980 (С.119-120, 200-202). Указанные страницы относятся к Митину, Василёву и Прутне. Ссылки на эти труды будут обозначаться инициалами авторов: *ББХ* и *ГХ*.

¹⁷ Л.Карцели. Тверской край в рисунках Пушкина. М., Московский рабочий. 1976. С.178-183.

О названных обитателях Митина пишу (выражая глубокую благодарность кн. А.А. Куракиной и кн. Д.М. Шаховскому за любезную помощь в розысках генеалогического порядка), основываясь на трудах: В.В. Румель, В.В. Голубцов. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886. Т.1. С.572-578 (Львовы); кн. А.Б. Лобанов-Ростовский. Русские родословные книги. 2-е изд. СПб., 1895. Т.II. С.113-116 (Полторацкие); В.кн. Николай Михайлович. Русский провинциальный некрополь. М., 1914. Т.1. С.500, 502-503 (Львовы), 743-744 (Романовы); биографическом предисловии А.М. Гордина к *Воспоминаниям о Пушкине А.П. Керн*. М., 1987. С.12, 17-18, и на указанном сочинении Карцелли, с.41, 142-143, 170-171, 173, 181-190, где среди иллюстраций даны пять фотографий видов Митина, церковь в Прутне и портрет С.Д. Львова (акварель К.Гампельна, 1830-е годы).

Д.Д. Романов, последний частный владелец Митина, умер в конце 1916, не дожив до революции и национализации своего имения. Году в 20-м Ваня Романов писал мне из Торжка (уже не с Дворянской, а с улицы Пролетариата), что усадебный дом стал, по его выражению, чем-то вроде «пансиона для великовозрастных дев». В настоящее время о нем упоминается как о «санатории», один из моих знакомых описал его неологизмом «психушка»; другой, побывавший в Митине около 1985, — говорил, что это был просто санаторий.

¹⁸ Утверждение, к которому я отношусь с меньшим доверием, ибо из уст Жюля Ромена слышал «Les dieux-z-ont soif».

Из публикации У.Г. Иваска *Частные библиотеки в России*, ч.II // Русский Библиофил, приложение к 1911-му году. С.36. §975, — явствует, что в свое время тверским Романовым принадлежала большая библиотека, часть которой находилась в начале нашего века в Москве, у Николая

Дмитриевича (по всей вероятности, брата Д.Д.), упомянутого автором как «московский купец». Она состояла «из более чем 5 000 томов по истории, генеалогии, истории искусств, истории французской революции, ботанике и пр.»

¹⁹ *ББХ*, 28; *ГХ*, 195.

²⁰ *НОЛ*, 119.

²¹ Там же, 185, 187.

²² Митинскому погребу-пирамиде предшествовала, в меньшем размере, пирамида в Никольском-Черенчицах. Могу дополнить сказанное о их прототипах в архитектуре Франции русскими коллегами (*ББХ*, 16, 28, 29, 67, 85-87; *ГХ*, 118, 120, 192, 201, 202) сообщением о намеренном виденных Львовым во время его путешествия по Европе в 1777 г., в английских парках Мопсеау (Париж), замка Méréville и Désert de Retz.

²³ Мне совершенно определено памятно, что именно это строение в долине ручья считалось хозяевами Митина бывшей кузницей. Узнаю ее на анонимном рисунке московского Исторического музея (иллюстр. *ББХ*, 28) и считаю, что русские коллеги совершили ошибку, помещая так выглядящую на рисунке кузницу в соседстве и на одной высоте с пирамидой на схематическом обмере Митинской усадьбы (*ББХ*, 87). Не исключена возможность, что после исследований 1973-76 гг. Московского Архитектурного института (*ГХ*, 200) ошибка была исправлена, хотя правильной идентификации не видно из текста Глумова: «В дебрях заросших парков сейчас еще существуют гроты и каскады, мосты и плотины, со сводами из огромных валунных глыб» (*ГХ*, 120). Все это без упоминания о бывшей кузнице, названной «гротом».

²⁴ В V томе, посвященном скульптуре, в первом издании *Истории Русского искусства* Игоря Грабаря (М., ок.1912. С.336, прим.1), бар. Н.Врангель не преминул сообщить, хотя и не без искажения наименования Прутни, что Клодтом было исполнено «бронзовое Распятие на могилу Т.П. Львовой в имени Митино (сельцо Трудная подле Торжка)». В тексте нового издания (Т. VIII-2. М., 1964. С.432-442) перечисляются только главные произведения скульптора, потому отсутствие упоминания о прутневском Распятии ничего не значит. Все же можно опасаться, что до нашего времени оно не дошло. Помню, что в 1915 году на памятнике уже недоставало нескольких вырванных из камня хулиганами металлических букв.

²⁵ Не помню, оставалась ли даже какая-нибудь надпись на могиле А.П. Керн. За последние десятилетия ей был придан новый, обогащенный вид: вставленная в поверхность валуна (конечно, без всякого креста) мраморная доска с надписью по новой орфографии, каменное или цементное обрамление клумбы с цветами и вокруг тумбы с железными цепями. *Русский провинциальный некрополь* (см. прим.17) упоминает на прутненском погосте и другие могилы митинских господ. Львовы: Дм.Ив., строитель церкви (ум. 1782, по другим источн. — после 1794) с женой Мар. Фед., рожд. Тыртовой (ум.1822); Ив.Ив. (ум.1793); Серг.Дм. (ум.1857), отдель-

но от жены Тат.Петр.; Ник.Серг. (ум.1886); Дм.Серг. (без дат). Романы: Дм.Ив. (ум.1854) с женой Агрип.Серг., рожд. Львовой (ум.1903) — см. ук.соч., с.500, 502, 503.

²⁶ Мне случилось упомянуть его граненый купол на восьмистороннем барабане, прорезанном полукруглыми окнами (а также купол Таврического дворца Старова), как пример монументального наследия мавзолея Диоклетиана в югославском Сплите (см.: В.Lossky. Les ruines de Spalato, Palladio et le Neoclassicisme. // Сборник Urbanisme et Architecture, Paris, 1954. С.251.).

²⁷ Гимназия Шидловской еще существовала под названием 108-й Советской школы весной 1919 г., но была закрыта в том же году. Ученики ее были влиты в бывшее Тенишевское училище на Моховой улице, а начальница, если доверяться смутным воспоминаниям, проделала не очень длинный стаж тюремного заключения. Во всяком случае, она была на свободе осенью 1922 г., когда мы с братом навестили ее перед нашим отъездом.

²⁸ См. прим.9.

²⁹ О его отношениях с учителем см. *НОЛ*, 118-120, 129-131.

³⁰ Жизнь моей склонной к пессимизму крестной готовила ей не одно «нерадостное» событие: родившийся преждевременно, перед Пасхой 1917, «пятифунтовый» ребенок вскоре умер, наверное до крещения, а в июле 1919 за ним последовал и девятилетний сынишка Андрюша. Около 1925 ее бросил для другой жены Леонид Гаврилович, продвинувшийся в дирекцию Оптического завода и вскоре попавший в категорию «инженеров-вредителей».

³¹ В некоторое оправдание отца могу сказать, что обращение к священникам по имени-отчеству было привычкой многих петербургских интеллигентов. Этот обычай он сам покинул и стал осуждать после того, как назвал в 1924 году Сергеем Николаевичем прибывшего в Прагу в духовном сане дореволюционного коллегу и идеологического соратника Булгакова и услышал от него, что такое наименование он принимает как одно из проявлений Божьей кары за свое позднее обращение к вере.

³² Паркет этот стал снова видимым после 1918, когда царские дворцы стали общедоступными «народными музеями» и из трипов и ковров, покрывавших их полы, были выкроены «тапочки» для водимых стадами посетителей.

³³ Службу при гимназии Ньюша покинула около 1920 и, вернувшись в родную Тверскую губернию, повысила свой культурный уровень в бывшей новоторжской «Учительной семинарии», а затем стала сельской учительницей.

³⁴ *НОЛ*, 163. О Машуке и Петрункевичах — там же, 163-165. О них же см. *МНС*, 392, прим.12.

³⁵ Вл.Ив. Полю (1875-1962) и его чудачествам досужий биограф мог бы посвятить интересную и забавнейшую книгу. О нем, вкратце, см. *НОЛ*, 165. Насколько знаю, в 1918 г. супруги Поли переселились на юг, после эвакуации 1920 г. очутились в Константинополе и, наконец, в Париже, где мы с ними встречались в 1927. Вл.Ив. был довольно долгое время директором русской Консерватории им.Рахманинова. К последним годам его жизни относится необычайно живописный эпизод. Раз, будучи вызван налоговым инспектором для объяснения, как он с женою могут существовать на крайне низкую декларированную им сумму доходов, он ответил, что ее достаточно для их пищевого режима йогов и в доказательство преимуществ оного постоял секунд десять на голове.

³⁶ Ею были опубликованы исследования о Кола ди Риенцо и о Маргарите Ангулемской.

³⁷ Из трудов С.А. Князькова назову *Из прошлого Русской земли* (1907) и *Очерки из истории Петра Великого* (1909), а также *Очерки из истории допетровской Руси* (1917). В 1906 С.А. принял заказ издателя И.Кнебеля на общую редакцию серии таблиц-иллюстраций для преподавания русской истории в средних школах. Для нее он завязал сношения с современными, даже самыми известными художниками. Должно быть, не ошибусь, предполагая, что для этой серии Александр Бенуа написал гуашью в 1907 г. исходя из акварели 1903 (Р.Музей), вторую, гораздо более известную версию «Вахтпарада при Павле I-м», перенеся место действия с Дворцовой площади на площадь Коннетабля перед недостроенным Михайловским замком (там же). Совершенно достоверно и то, что именно для князьковской серии была написана в 1907 небольшая темпера, которую Игорь Грабарь справедливо назвал «вдохновеннейшим из созданий Серова»: его «Петр на постройке Петербурга» (Третьяк. гал.).

³⁸ «Скорее далее: теперь / мелькают мельком, будто тени, / пред ним Валдай, Торжок и Тверь. / Тут у привязчивых крестьянок / Берет три связки он баранок, / здесь покупает туфли...» (1829). По новым изд. сочинений Пушкина цит. Карцелли. — Ук. соч., 57.

³⁹ Построенный в начале текущего века архитектором вокзала Бржозовским, этот павильон служил, по крайней мере в 1919 г., отправным пунктом для части «дачных» поездов на Детское Село и Павловск I. Он сохранился, но «Царская ветка», переделана около 1925 г. на однорельсовый путь для оставшихся лишь в проекте «жиросокопических» поездов.

⁴⁰ По слухам, дошедшим до Метальниковых, латышская бригада телохранителей укатила первая куда-то на царских автомобилях в самом начале Февральской революции. Не часть ли из них пополнила к началу 20-х годов, вместе с китайцами, кадры ЧК и ГПУ?

⁴¹ В Федоровском городке предполагалось разместить царский конвой, офицерский и солдатский лазареты. В революционное время его занял, как и соседнюю, если не ошибаюсь, дворцовую ферму, поставленный на широкую ногу Агрономический институт. Также, если не ошибаюсь, федоровский ансамбль был сильно поврежден за последнюю войну.

⁴² *НОЛ*, 213-214. О двухсотом представлении этой пьесы будет идти речь в главе «1922 год».

⁴³ Точнее, инвалидный дом за Московской заставой, для которого был досадно увеличен в 1830-х годах построенный в 1770-х Фельтеном попутный дворец по дороге в Царское Село. Дворец был построен для Екатерины II. Около 1920 г. в нем помещался, полностью или частью, Агрономический институт (см. прим.41).

⁴⁴ Останки Распутина была откопаны сразу после Февральской революции и, если точно то, что говорилось, сожжены и рассеяны по ветру, как, за три века до того, прах другого Григория: Лжедмитрия. В 1922-м царскоселы показывали нам место бывшей могилы, с широким видом на равнину под пригорком, на котором стоит Федоровский городок.

⁴⁵ Среди расходившихся учениц была, наверное, уже упомянутая выше Муса Шостакович, и у меня есть основания предполагать (статья о Шостаковиче в газ. «Русская Мысль» от 7 и 14 апреля 1989 г.), что рассказанное ею дома о случившемся на Кабинетской превратилось в апокрифических биографиях композитора в виденное им самим на Невском в феврале (или, еще лучше, в июле) 1917 года.

⁴⁶ Замечу, кстати, что по моим наблюдениям, отчуждение от увлечений и переживаний вчерашнего дня было не раз проявлявшейся раньше и позже чертой его характера.

⁴⁷ Походившее на дворец здание, построенное, вероятно, по проекту Баженова в начале 1770-х годов, занимало на Литейном проспекте пространство между Захарьевской и Шпалерной (ныне ул. Каляева и Войнова). Его, как помнится, не слишком пострадавшие благородные фасады стояли еще в конце 1922-го, но десять лет спустя уступили место фасадам одиозного и устрашающего здания ГПУ, ныне КГБ.

⁴⁸ Этот, второй после Михайловского, «замок» был характерным памятником павловского периода. Возведенное в 1798-99 гг. Старовым на Офицерской (ныне ул. Декабристов) для Литовского мушкетерского полка, — курьезное здание казармы с круглыми, похожими на крепостные башнями по углам, было приспособлено в 1823-26 гг. под городскую тюрьму. На месте ее развалины возведены в 1930-х и 1950-х новые постройки.

⁴⁹ Около 1894 г. Юревич, как и мой отец и несколько других выпускников Университета, интересовавшихся вопросами философии, из которых назову его будущих кумовьев, Сергея Алексеевича Аскольдова-Алексеева и Сергея Ивановича Метальникова, образовали кружок, собиравшийся у матери последнего. Его изображает групповая фотография, воспроизведенная в публикации писем Аскольдова (Минувшее, т.9, с.126-127). В 20-х годах, наверное после службы в Добровольческой армии, Юревич состоял врачом при русских эмигрантских организациях в Праге, в 30-е — женился и жил в Париже, а незадолго до войны был принят на службу в одну из французских колоний. Дальнейшая его судьба мне неизвестна.

⁵⁰ Одну из них Андрей Белый ярко живописует в своих воспоминаниях. Сцена происходит в редакции *Вопросов Философии*, где видное место занимает Булгаков. «К нему подбегает с растерянным видом рыжавенький, маленький, лысый, в очках, Н.О. Лосский; Булгаков наставит его ухом на Лосского» — и завязывается оживленный разговор о какой-то гносологической или другой проблеме. «Его дополняет кудрявый, чернявый Бердяев» и т.д. (Начало века. М., 1933. С.451).

⁵¹ Серебряный колодезь. 1904.

⁵² «После опыта революции 1905 года я понял, что революционный переворот, сполна опрокидывающий историческую государственную власть, есть величайшее бедствие в жизни народа. Поэтому февральская революция 1917 года вызвала во мне чувство ужаса. У меня было мистическое восприятие исчезновения государственной организующей силы, социальной пустоты на ее месте» (*НОЛ*, 201).

⁵³ Так, как известно, переименовалась партия кадетов. (*НОЛ*, 201-202).

⁵⁴ Известно, что свою историческую речь с броневика Ленин произнес только близко к полуночи 3 апреля, чего уже достаточно, чтобы усомниться в правдоподобности рассказов псевдо-биографий Шостаковича о присутствии на площади Финляндского вокзала десятилетнего Мити и его школьных товарищей. См. прим.45.

⁵⁵ Желание отца встретиться когда-нибудь с московским однофамильцем, чтобы счастья родством, не перешло за пределы проекта. Родством во всяком случае дальним, как и с принадлежавшим к тому же семейному клану петербургским юристом Константином Владимировичем, переименовавшимся Лоським в бытность свою профессором Украинского университета в Праге, где он умер в 1933 г. Все же через несколько лет после смерти этого активного сепаратиста его вдова и дети захотели познакомиться и сдружиться с моими родителями. Подобным же образом в 1970-х годах вступил со мной в общение сын режиссера, преждевременно скончавшийся Аполлон Владимирович, выросший вместе с сестрою в Париже и бывший в пору нашего знакомства председателем союза транспортных предприятий.

⁵⁶ Татьяна Сергеевна Пассек (1903-1968), известная исследовательница доисторических древностей, в частности Трипольской культуры. В 1930 г. вышла замуж за И.Я. Гремиславского, декоратора Московского Художественного театра. Дворянский род Пассеков происходил из Чехии, где был особенно известен Ян Пашек з Врату, бывший пражским приматором (т.е. старшим бургомистром) в 1520-х годах. Позднее Пассеки переселились в Литву, а затем в Смоленск. Стоит упомянуть прадеда и прабабушку Тани, Вадима Васильевича (тоже археолога, 1807-1842) и его супругу Татьяну Пассек, рожд. Кучину (тетку Герцена и автора воспоминаний *Из давнишних лет*. СПб., 1878-1889). В 20-х годах я слышал от брата Володи рассказ, согласно которому, его крестный Д.Д. Гарднер, вспоминая с отцом в Париже о Петербурге начала века, рассказывал об успехе Тани в

кругу друзей отца, и о своем увлечении ею, на что отец признался, что ему удалось не подпасть под ее обаяние только благодаря продиктованному рассудком большому усилию воли. Тут же Гарднер сообщил, что победителем интеллигентной львицы стал художественный критик Сергей Маковский.

⁵⁷ Владимир Голанд оставался верен, должно быть, всю жизнь, своему консервативному духу. В 1924-25 годах он вместе с другими товарищами по бабушкиной гимназии образовал кружок антисоветских пропагандистов, что стоило нынешнему академику Евг. Порай-Кошицу нескольких лет концлагеря. Сам же Голанд добрался до Франции, где вышел в инженеры и женился на француженке. В студенческие годы был воинствующим и, по собственным словам, не раз «битым» роялистом. Ничего не знаю о его судьбе в пору нацистской оккупации.

⁵⁸ Как не вспомнить со смехом пассаж официозного фильма Эйзенштейна в честь Великого Октября, относящийся к июльским событиям на Невском, где изображены франты и франтихи, бросающие в Фонтанку через решетку набережной бедных солдат?

⁵⁹ О нем см.: Минувшее. Т.9, С.126-127, 352-379; *НОЛ*, 83-85.

⁶⁰ О нем в словарях и справочниках нахожу только следующие сведения: родился в Сэн-Бриё (Бретань) в 1873, умер в Ницце в 1952, участвовал как керамист в парижском Salon d'Automne от 1920 до 1923, работал в Каннах около 1930 и был кавалером ордена Почетного легиона.

В.А. Решикова
ВЫСЫЛКА ИЗ РСФСР

Летом 1922-го года я жила в Оптиной Пустыни, где была второично. И уже туда дошли отзвуки об арестах в Москве, но касающихся не научных, а церковных кругов. Патриарх Тихон был в то время в тюрьме, в Москве среди церковных людей шли разноречивые толки: то ли подsunуто то или иное высказывание патриарха или он это действительно сказал, действительно ли он хочет, чтобы поминали такого-то епископа и не поминали такого-то. Все было очень сложно и туманно. И тогда в Оптину Пустынь пришла телеграмма моей подруге Верочке Сытиной, невесте Серезхи Фуделя, сына настоятеля Николо-Плотниковского прихода, известного священника отца Иосифа Фуделя. Из содержания телеграммы (я уже не помню, как она была составлена) было ясно, что ее жених арестован. Она сразу же уехала в Москву.

В это же время в Оптиной жили Лев Александрович Бруни (с ним я только что познакомилась), его жена Нина Константиновна, рожденная Бальмонт, Надежда Александровна Павлович и

Вера Александровна Решикова (урожд. Угримова, р. 1902). Окончила Фишеровскую классическую гимназию, затем — Музыкальный ритмический институт (ок. 1920). В сент. 1922 выехала из страны вместе с семьей отца, до 1930 жила в Берлине, затем в Париже. В 1947 вернулась в СССР вместе с двумя дочерьми, здесь преподавала иностранные языки в сельских школах Калужской обл. После реабилитации живет в Москве. В 1960-80-е занималась переводом на русский язык богословских трудов В.Н. Лосского. Ее отец, Угримов Александр Иванович (1874-1974) — агроном, профессор. Перед революцией — пред. Российского об-ва сельского хозяйства, в этом качестве (в 1921 г.) член Помгола, за что и был выслан из страны в 1922. После войны принял советское гражданство и «был выслан из Франции в СССР» в 1947. Далее работал агрономом на опытных сельскохозяйственных станциях в Ульяновской и Калужской областях. Реабилитирован за высылку 1922 — в 1957, после чего жил в Москве.

Мария Федоровна Мансурова, рожденная Самарина, жена известного богослова и историка церкви Сергея Павловича Мансурова, скончавшегося в сане священника в Верее. Через некоторое время мы с ней вместе и уехали обратно в Москву. Мансуровы были очень близки с о. Павлом Флоренским, о. Михаилом Шиком; сестра Марии Федоровны была замужем за графом Комаровским; все они жили в Сергиево-Троицком Посаде (Загорске). Это была элита церковной общественности Москвы.

Этим же летом ко мне приехал из Петрограда троюродный брат Юра Харламов. В Москве он был проездом и через несколько дней уезжал домой. И то, о чем я хочу рассказать, случилось в день его отъезда. Наш дом* стоит на углу Никольского переулка и Сивцева Вражка, но парадное на второй этаж там было закрыто, и я, проводив его с подъезда на Сивцев Вражек, заложила, как обычно, бревном вход с первого этажа на второй, часов в одиннадцать вечера собиралась лечь спать.

А как раз накануне утром друзья принесли мне адрес одного священника, которому нужно было спешно передать записку. И когда я стала раздеваться, раздался дикий грохот в заложенную дверь. Грохот был мне достаточно знаком и совершенно очевиден; я кое-как успела, на всякий случай, эту записочку сглотнуть. И вошли ко мне очень элегантный, в кожаной куртке чекист и с ним двое очень сонных солдат.

Надо сказать, что к тому времени наш дом был очень плотно заселен. Чтобы к нам не подселили кого попало, мы поселили у себя многих близких нам друзей. Мы жили наверху, а внизу — физик, профессор Московского университета, академик Юрий Викторович Вульф с семьей; выдающийся пианист, профессор Московской консерватории, Константин Николаевич Игумнов; друг моего отца по Московскому университету, создатель знаменитого словаря, Дмитрий Николаевич Ушаков с семьей; биолог Циолковская и, кроме того, моя бабушка С.М. Гаркави и ее золовка Роза Иосифовна Кенегсберг. Еще у нас уже много лет жили кухарка Маша и горничная Груша.

Я жила в проходной комнате, рядом со спальней родителей, но их тогда в Москве не было. Отец в это время был в Узком, бывшем имении Трубецких, переданном к тому времени КУБу, и в нем был устроен дом отдыха. А мать и брат были в деревне неподалеку от Москвы, где мой отец, агроном, был директором сельхозстанции. И вот меня стали спрашивать:

---

* Это тот дом, который описан у Пастернака в «Докторе Живаго» — дом Громко. [Прим. автора].

— Где отец?

Я сказала, что не знаю.

— Где отец? Вы не можете не знать.

Говорю, что я действительно не знаю.

Расспросив меня еще некоторое время таким образом, чекист пошел в переднюю, где висел телефон, и позвонил куда надо. И я слышу, как он говорит:

— Да, но дочь здесь... Как, взять?

Телефон висел тогда на стене, рядом была полочка и на ней повестка из КУБу, по которой они, конечно, узнали местонахождение Узкого и что отец там.

Надо сказать, что у нас был очень удачный выход в сад, по которому отец много раз уходил от обысков. При одной комнате, на втором этаже, был очень большой балкон с деревянными перилами, с лесенкой в сад, которая очень близко подходила к забору на Сивцев Вражек. А часть деревянных перил балкона представляла собою калитку, выходящую на эту лесенку. Калитка эта была совершенно незаметна... И я решила воспользоваться этим выходом и на сей раз. Попросив отпустить меня по нужде, я успела сказать нашей горничной Маше, чтобы она, пройдя этим выходом, летела сломя голову к моему дяде Борису Ивановичу Угримову в Староконюшенный переулочек и предупредила его о том, что ищут отца. А так как он был в ГОЭЛРО, то в силу его начальствующего положения вместо теперешней легковой машины в его распоряжении была лошадка. Узкое от Москвы было недалеко, и он успел доскакать к отцу и сказать, чтобы он как можно скорее из Узкого уходил.

Всю ночь у нас шел обыск. Они перерыли абсолютно все. Перерыли письменный стол отца: «что это?» и «кто это?». А один из красноармейцев — ему, наверное, всю ночь очень хотелось спать, — улегся с грязными сапогами в столовой, которая была и гостиной, на диван красного дерева и жутко храпел, а со стены на него смотрели портреты всех наших предков. На одном из них был изображен прадедушка Александр Иванович Угримов, в мундире лицеиста, учившийся вместе с Пушкиным на два класса ниже, и прочие дамы и господа. И лишь к утру, часов в шесть, закончив обыск, они уехали. А часа через два — вернулись, в буквальном смысле озверелые оттого, что отца в Узком не обнаружили. Войдя ко мне в комнату, смотрели под кроватью, шарили по шкапам, вообще вели себя глупо и примитивно. Я же была очень довольна, что успели мы с Машей предупредить отца. Вскоре, очень рассерженные, что отца нет дома, они ушли.

Утром я вышла на Арбат и тут же повстречала прислугу Бер-

дьявых, кого-то еще и еще, и оказалось, что в эту ночь у многих друзей были обыски. Тогда же я узнала, что отца моей приятельницы по Ритмическому Институту, ректора Московского университета Михаила Михайловича Новикова, также ночью посетили, и что Вышеславцев, Кизеветтер, Ильин, князь Сергей Евгеньевич Трубецкой в таком же положении.

Я зашла к Льву Александровичу Бруни. Он рисовал иллюстрации к сказке и сказал:

— Кому вы там нужны!

Я дала также знать в деревню матери и брату, чтобы они возвращались в Москву. Каким-то образом удалось им сообщить, что вечером на Пречистенском бульваре мы встретимся на такой-то скамейке, и это же через дядю Борю тоже дано было знать отцу. И вечером было это знаменитое свидание на Пречистенском бульваре, где пришлось убеждать отца, что самое благоразумное в данном случае идти домой, что подобные обыски были у ряда профессоров одновременно. После этого «свидания» мы все вернулись домой.

Через некоторое время отец сам для того, чтобы до конца прояснить свое положение, пошел в ГПУ. Он спросил, какое обвинение выдвигается против него. На что ему сказали, что политически Вас ни в чем не обвиняют, но Вы являетесь «нежелательным элементом» в Советской России и поэтому в отношении Вас определена высылка из РСФСР с семьей в какую угодно страну через месяц, если хотите и на Запад.

Дома известие отца о том, что через месяц мы должны покинуть Россию, было для нас страшным потрясением. Я не спала всю ночь. Должна сказать, что очень многих удивляет, что для большинства из нас это было горем. Теперь и тогда, за границей, многие говорили — радость. Ничему мы не обрадовались, это было большим горем, но мы были уверены, что очень скоро вернемся...

И мы стали ждать дня высылки. Но тут случилось, конечно, Промыслительное Божье чудо. Этим же летом 22-го года в Москве появилась первая западная немецкая торговая миссия. Она находилась в Чистом переулке в том доме, где впоследствии располагалась Патриархия. И оказалось, что во главе этой миссии стоит приятель моего отца по Лейпцигскому университету Виденфельд. И когда он приехал в Москву, то разыскал отца. Мы несколько раз бывали в этой миссии. Это было невероятное событие. Боже мой! После четырех голодных лет в Москве, с одной пшенкой и воблой, невесть как одетые, вдруг приглашены на элегантный вечер в доме миссии. Вопрос, что надеть на ноги, как

вообще одеться? А ужины в саду с клубникой, мороженым и большим количеством шампанского! И впервые фокстрот! Я решила, что я просто падшая женщина, что уже это предел всякого безобразия и что так жить нельзя.

Но когда случилась вся эта история, отец обратился, конечно, к Виденфельду. Он сказал ему, что большая группа профессоров и общественных деятелей из Советской России определена к высылке. И попросил Виденфельда похлопотать перед своим правительством о том, чтобы эту группу приняли. И это, как говорят немцы, «Eshatgehlabt». Получилось. Германское правительство согласилось нас принять. Конечно, у немцев были какие-то сношения с советским правительством, иначе не могло и быть. Но факт тот, что решение о высылке именно в Германию было принято советским правительством на основании просьбы моего отца — Александра Ивановича Угримова, переданной им германскому представителю Виденфельду. Надо сказать, что и в дальнейшем отец был в различных обстоятельствах ходатаем за высылаемую группу, т.к. сами высылаемые выбрали его старостой. А пока этот месяц проходил, пока собирались с мыслями, душой и сердцем, подобралось таких же высылаемых, как и мы, наверное, человек около сотни.

И наступил день отъезда. Дома у нас был последний напутственный молебен, на котором Константин Николаевич Игумнов стоял рядом с нами и горько плакал, и все плакали... Мы оставляли здесь бабушку. И мой отец, посидевши по русскому обычаю несколько минут, встал, перекрестился и начал прощаться:

— Ну, мы через год вернемся.

У нас была полная уверенность, что мы вернемся через год. Настолько вся история с нашей высылкой была несуразна. Причем это случилось уже при НЭПе. Мы уже почувствовали какие-то небольшие изменения, и я помню, как у нас с друзьями даже были споры, хорошо или нет, что стало лучше, может быть, это хуже.

Приехавшие за нами извозчики погрузили те «пожитки», которые нам позволили взять с собой — очень мало, тем более ценных, — и мы тронулись в путь, на Николаевский вокзал. Проезжая мимо любимой Николо-Плотниковской церкви, я горько расплакалась... Вернувшись в 1947-м, мы ее уже не застали — на ее месте теперь диетический магазин.

На Николаевский вокзал собралось провожать нас довольно много народа, что было по тем временам некоторой смелостью. Один из провожавших принес мне на вокзал любимые цветы — душистый горошек, которые я долго хранила потом в Берлине в воспоминание о Москве, рядом с портретами о.Алексея Мечева и

старца Анатолия Оптинского, иконкой и подаренной мне в Оптиной о.Сергием Мечевым книги преподобного отца Амвросия «К моим духовным детям». Помню в вагоне ощущение того, что все эти лица не воспринимались как навсегда удаляющиеся, когда поезд наш тронулся.

Утром приехали в Петроград, куда заранее дали телеграмму нашим близким родственникам, двоюродной сестре мамы, тете Вале и ее мужу, Николаю Петровичу Харламову, бывшему директору Департамента вероисповеданий и духовных культов Министерства внутренних дел, который в 1910-м году был послан правительством на станцию Астапово, когда там умирал Лев Толстой. На Московском вокзале нас встречал их сын, мой троюродный брат Юрий Харламов, выпускник Петербургского Училища Правоведения, типичнейший правовед по стилю своего поведения: «И правовед опять садится в сани, широким жестом запахнув шинель» (О.Мандельштам).

В Петрограде мы провели два дня перед отплытием в Штеттин. Все это время я была окружена дорогами и близкими мне друзьями. В это же время здесь находился Левушка Бруни, с которым я подружилась в Оптиной Пустыни. Он возил меня на острова, к мощам Александра Невского, на могилу преподобного отца Иоанна Кронштадтского.

Но вот пришел день отплытия. Помню, как мы ехали вместе с мамой на извозчике, а мимо нас прошла рота красноармейцев и пела песню. Я не могла бы сказать, что за предшествующие пять лет мы сумели полюбить красноармейские песни. Но тут мы вдруг обе взяли за голову: «Боже мой, ведь это же русские солдаты! русская песня!» — и заплакали...

На пристани были проводы. Мы, высылаемые, стояли со своими вещами. Среди провожавших я помню Николая Онуфриевича Лосского и двух его сыновей, будущих моих друзей, Владимира и Бориса, Л.П. Карсавина, который отпускал свои симпатичные реплики (все они были высланы через месяц и уже тогда знали о предстоящей им высылке); Юру Харламова, Левушку Бруни, Федю Петровского, двоюродного брата М.Ф. Мансуровой, тогда секретаря КУБу, а впоследствии академика-латиниста.

Нам сделали довольно поверхностный обыск, ничего недозволенного не нашли. Отец очень хотел взять с собой ценную фамильную скрипку и надеялся, что, поговорив с капитаном, как-то можно будет ее увезти. Но капитан не согласился. И через Федю Петровского скрипка была передана дяде Боре.

Простилась с друзьями перед трапом — и вот я уже «по ту сторону», на «том берегу» и между нами — двухметровая непре-

одолимая пропасть. Наступили сумерки, а Юрий и Левушка все еще на пристани. Так мы и стояли, пока совсем не стемнело. И Юрочка мне сказал, он заикался: «П-п-прощай, Верочка». И ушел в ночь. В освещенном изнутри окне будки на пристани я вдруг увидела лицо Льва Александровича. И долго мы никак не могли уйти каждый в свою сторону. Незаметно для меня он исчез, и я ушла с палубы.

Пароход уходил из Петрограда рано утром. Я проснулась в каюте, когда он медленно-медленно заворачивал на Кронштадт. В виду Кронштадта к нам подошел катерок, из которого на пароход поднялись пограничники. Они еще раз просмотрели все наши документы и самым трогательным образом, с настоящей доброжелательностью попрощались с нами. И уже с катера долго махали нам фуражками. Утром на пароходе был чисто немецкий завтрак, то, что нам давно уже казалось *plus quam perfect'om*: какие-то яйца, бутерброды с маслом, очень вкусные конфеты. Несмотря на то, что Балтийское море было очень тихое, в этот же день закачало и всех стало подташнивать. И вот из каюты, где расположилась семья Трубецких, раздавался хохот, который сначала был непонятен. Но потом этот смех добрался и до меня. Оказывается, все, что что немножко качалось, начало вызывать тошноту. Глядим, вдруг лампа стала качаться... Так что мы старались ни на что не смотреть.

Иногда я выходила на палубу корабля, чтобы полюбоваться морем. Помню, однажды ко мне подошел Иван Александрович Ильин и сказал:

— Помнишь, Верочка, в церкви в ектеньи: «И сущих в море далече...»

На следующий день мы должны были приехать в Штеттин, и тогда все почему-то вообразили, что представители эмиграции будут нас встречать. И все заволновались и стали думать, как на эту встречу отвечать. Собрались профессора, было довольно длительное совещание с участием Бердяева, Ильина, Франка, Кизеветтера, Вышеславцева и других. И выработали они общий ответ на предполагаемую встречу.

Утром к нам в каюту вбежала моя подруга Елена Новикова и сказала:

— Скорее, скорее, Верочка, к Штеттину подплываем.

Мы побежали в ее каюту, из которой уже был виден город. И здесь Лена заплакала:

— Ехали, ехали и приехали.

Затем мы все вышли на палубу. Уже совсем близко от нас была пристань и... ни души, ни собаки, никого. Стоит Нико-

лай Александрович Бердяев — у него был страшный тик — и говорит:

— Что-то никого не видно...

Таким было первое приветствие:

После того, как мы сошли с парохода, мой отец очень бодро распорядился насчет перевозки вещей на вокзал. Наняли три фуры, запряженные битюгами, и навалили на них весь наш багаж. На одну из них залез мой брат Александр, которому тогда было пятнадцать лет, и его ровесник, сын М.Н. Новикова. Их посадили наверх, чтобы они присматривали за вещами... И фура за фурой поехали по направлению к вокзалу, откуда мы должны были отправиться в Берлин, а за фурами, не по тротуару, а прямо по мостовой, взявши под руки своих жен, шли профессора. Это было целое шествие по Штеттину, напоминавшее чем-то похоронную процессию. А мальчики на фурах умирали от хохота: они увидели, что в Штеттине дворники в белых панталонах швабрами мыли дно реки. После всего пережитого за пять лет в Москве, это действие показалось им невообразимой глупостью. Немцы на нас смотрели как на сумасшедших.

Пока мы ехали по морю и кругом была вода, не было чувства острой разлуки, но когда мы ступили на немецкую землю, стало очевидно: чужбина.

Наконец мы дошли до вокзала. Там тоже никто нас не ждал. Сели за столики и стали ждать берлинский поезд. Когда поезд пришел, мой отец выхлопотал, чтобы несколько вагонов было забронировано для нашей группы. Войдя в свое купе, мы увидели там попавших туда по ошибке наших соотечественников. Отец сказал, что эти вагоны заняты под московских профессоров. И первое, что мы услышали в свой адрес: «Проклятые большевики! И сюда приперлись!»

В одном купе с нами ехал писатель Осоргин. И пока отец объяснял нам с братом правильное агрономическое устройство пропльывавших мимо нас немецких полей и огородов, он сидел и плакал, совсем «раскис», и жена его утешала.

Вечером того же дня мы приехали в Берлин. На вокзале опять какое-то время ждали, не встретят ли нас? Никого. Мы опять сели за столики: что будет дальше? куда деваться? где жить? И тут появился мальчишка с газетами, у него мы купили эмигрантскую газету «Руль», в которой была помещена маленькая заметка о том, что из Совдепии выслано столько-то профессоров с женами и детьми. Были названы некоторые фамилии и больше ничего не сказано. Но вот к нам подошел очень милый немец — представитель немецкого Красного Креста, и он разместил всех нас по пан-

сионам и недорогим гостиницам, где пахло газом, Sauer Krant, а заснула я под ярко-желтой периной.

А на следующий день, прочтя в газетах нашу фамилию, ко мне пришла Сандра Волкова — моя подруга по Фишеровской гимназии. Она была старше меня на несколько классов, но мы очень дружили. Ее семья была тесно связана с придворными кругами. И она мне говорит:

— Сегодня вечером мы все собираемся в чайном салоне на Unter den Linden. Там будет и графиня Белевская (с которой мы видались в Москве). Я за тобой зайду.

Отправляясь на этот вечер, я считала себя безумно элегантно: на мне было переделанное с моей гувернантки пальто, обшитое внизу коричневым мехом, на голове синяя шелковая шапочка, а главное — черные цельные чулки, когда все уже давно носили бежевые. Мечта жизни за пять лет!

Чайный салон мне сразу же не понравился. Это была первая встреча с эмиграцией. Меня начали спрашивать разные глупости:

— А правда, что у вас там все пья-а-аные?

Что на это можно было сказать? Я пыталась что-то объяснить, но очень быстро поняла, что у этих людей абсолютно примитивное отношение к революции и к тому, что делалось в России. Единственный человек, который прислушался ко мне в тот вечер и на следующий день пригласил меня в музей, был евразиец Петр Арапов, в прошлом блестящий кавалергард. Евразийцы многое понимали из того, что происходило в России. Они были обращены лицом к тому, что есть.

На следующий день Петр Арапов пришел к нам в гости вместе с Николаем Арсеньевым, впоследствии известным писателем, историком, богословом. Он был давно знаком с моей матерью по Религиозно-Философскому Обществу, а мы привезли с собой книгу Флоренского «Столп и утверждение истины». И когда они узнали об этом, то попросили разрешения переписать эту книгу от руки!

На другой день после приезда Бердяев сказал моей матери:

— Мои дамы бросились в бе-э-э-здну.

То есть поехали искать квартиру. И моя мать тоже поехала. Думали, что за городом будет подешевле, там и наняли. Мой брат, не успевший закончить в Москве Алферовскую гимназию, поступил в Берлине в русскую гимназию, где проучился два года. А я, конечно, много плакала, много читала и училась танцевать модные танцы.

Так начиналась наша берлинская жизнь.

Образовались религиозно-философские молодежные кружки, под руководством «высланных» профессоров, куда вошло и немало эмигрантов. Были кружки: Бердяевский, Карсавинский, Франковский. Таким образом, православная молодежь из высланных и давно уже из России уехавших — соединилась в общей вере и желании глубже о ней узнать.

В той группе людей, что была выслана из Советской России, были не только профессора и общественные деятели, но и инженеры, люди самых разных профессий и убеждений. Судьбы их сложились по-разному: кто-то сразу уехал из Берлина, кто-то остался. Тогда же в Берлине появилась ИМКА, которая финансировала устройство научного института, где читали Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, Кизеветтер. Институт просуществовал недолго. Скоро началась инфляция, и большинство уехало в Париж. А например, Лосский, Кизеветтер, Новиков уехали в Прагу.

Москва, 1989.

Пока эти воспоминания готовились к печати, в «Литературной газете» опубликовали очерк С.С. Хоружего о «философском пароходе» (номер от 6 июня 1990 г.). За год, наверное, перед тем мы говорили с ним про страшные мучительные времена, рядом стоял магнитофон. События в целом и мой рассказ о том, что я помню, изложены у С.С. Хоружего верно. А вот одна его ассоциация совершенно ошибочна. Ему показалось, что возможна связь между мною, тогдашней, и образом девушки из романа М.Осоргина «Сивцев Вражек». Я убеждена в невозможности этого. Совпадение чисто внешнее. М.А. Осоргин не бывал в нашем московском доме никогда, ни дома, ни меня не знал, — мы принадлежали к разным кругам москвичей, нас ничто не объединяло. И в Париже я слишком редко сталкивалась с ним, чтобы он мог «списать» с меня свою героиню. Наш дом и я, как я себя знаю, — не осоргинские, совсем другие. Да, кстати, и фамилию мою Сергей Сергеевич, давний знакомый, написал в своей статье неправильно: я не Резчикова, я — Рещикова. 16/VIII-1990. [Прим. автора].

***ИЗ НАСЛЕДИЯ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФИЛОСОФИИ***

Л.П. Карсавин
АСКЕТИЗМ И ИЕРАРХИЯ

Идея церкви в полном соответствии точному смыслу греческого слова «ecclesia» была идеею единства собравшегося в Боге и Христе всего народа. Как никогда, вероятно, ни в одной из античных республик не сходились на народное собрание *все до одного* ее граждане, так же нигде и никогда видимо и осязаемо не собирався пред лицом Господа *весь* Его народ. Но невидимо, мистически и метафизически, там, где во имя Христа собиравлось два или три человека, Он сам был посреди них, т.е. в Нем вступали они в метафизическое единство Его тела и становились органом и видимым выражением вселенской церкви. Поэтому каждое собрание верующих, каждая «домашняя церковь», любая христианская община, как бы мала она ни была, могла проявляться, жить и действовать, как всеединство христиан, быть *вселенскою* церковью. В ней веял Дух Божий, сам избирая Себе благовестников, пророков и служителей, сам чрез них управляя *всею* церковью, многообразно распределяя в обилии и различии даров единую Свою благодать. Организация такой церкви могла быть только благодатною или харизматическою, т.е. в ней не могло быть никакой постоянной и неколебимой видимой организации, никакой объективно определяемой власти. В ней только Дух Божий в живом ощущении общины или устами того, кому даровал Он дар различения духов, мог сказать: кто говорит — пророк или лжепророк, от Бога или не от Бога повелевает наставник. И не всегда община была вселенскою церковью: иногда она и обманывалась, поддавалась наваждению, а Дух Святой говорил устами одного, может быть даже отвергаемого ею. Так везде, где были ве-

рующие, проявлялась, как бы вспыхивала неземными светами церковь Божия, вселенская и единая в участенных и drobных своих обнаружениях.

Уже с самых начал существования церкви неопределимость эмпирическими средствами того, истинно ли во Христе живет и действует данная община, вела к жгучей потребности в достоверных эмпирически критериях богодухновенности. Погружаясь в мир, церковь нуждалась в мирском устроении. А оно само собою создавалось в условиях общественного бытия. Естественно усваивали христианские общины формы синагогальной организации, выделяли из своей среды старейшин или старцев — пресвитеров, «вождей»-игумнов, епископов, диаконов. Столь же естественно, под влиянием борьбы с религиозным разнообразием и ересью, управление общиной централизовалось и во втором веке везде привело к созданию монархического епископата. Но в силу мистической природы церкви возникший клир, по идее своей согласный, как «струны кифары», не был простою организацией. Он стал носителем и выразителем харизматической природы церкви, как бы постоянным органом и осуществлением таившихся в церкви потенций. Не на избрании общиной покоилась его харизматическая сила, хотя община его и избирала, а на облагодатствовании его Духом Святым. Но опять-таки, для того, чтобы клир возможен был, как постоянная и прочная организация, необходимы были видимые признаки его благодатной силы. Их нашли в идее преемства благодати от апостолов и Христа, которое закреплялось рукоположением.

По сохраненной ею харизматической своей природе каждая христианская община или церковь, а следовательно — и клир и епископ ее, была выражением вселенской церкви, точно так же, как и все общины вместе и весь епископат представляли собою единство во Христе. Однако в быту и повседневности единая церковь строилась на началах взаимоотношений и общения составляющих ее малых церквей, среди которых выделялись, как наиболее авторитетные, церкви больших и богатых городов и прежде всего церкви, непосредственным преемством связанные с апостолами. На Западе единственной апостольскою церковью была римская, к тому же рано связавшая себя с «князем апостолов» Петром, влиятельная даже на Востоке, как исключительно богатая и столичная община. Высшим органом церкви казался единый епископат. Но мнение его не всегда было единодушным, а даже единодушное мнение его могло быть обязательным для каждой общины только в том случае, если высказано было оно по наитию Духа Святого. Епископат в целом мог ошибаться, а отдельный

епископ вопреки мнению прочих благодатно выразить истину. То же самое следует сказать и о другом органе вселенской церкви — о соборе. Всякий собор был вселенским, и обязательность решений всякого покоилась только на наитии Духа Святого. Разумеется, многолюдность естественно казалась порукою вселенскости, а следовательно и истинности, но сама по себе она от ошибок не обеспечивала. Одним словом — соборная и епископальная теория, практически не дававшие возможности создать постоянную организацию, не давали вместе с тем и видимых признаков благодатности. Вот почему на Западе, острее чувствовавшем потребность в *видимо* единой церкви, соборно-епископальная теория все более и более уступала место другой — папской. Папская идея была сильна как раз своею осязательностью. Петр — первый ученик Христа и князь апостолов, которому передана Христом «власть ключей». Следовательно, по преемству связанный с ним римский епископ подобно ему обладает большею властью и большим авторитетом, чем его епископы. Ему принадлежит первенствующее место в вопросах учения и управления церковью. Папский Рим должен занять в христианском мире такое же положение, какое императорский занимал в мире языческом. Не даром песок Колизея омочен кровью святых мучеников, не даром в Риме прияли мученическую кончину и «первый его епископ» Петр и Павел.

Основным стремлением раннего христианства было чаяние близкого наступления Царства Божьего, которое обесценивало окружающий мир и в религиозном одушевлении делало равнодушным ко всему земному и временному: к богатству, семье, обществу и государству. О преобразении земного бытия, как все равно обреченного на гибель, не думали. И Царство Божье, казалось, уже наступало в ощущении живого общения с оправдавшим избранных Христом, в святом братстве учеников Его. Но именно в силу одностороннего сосредоточения всей душевной жизни на осязаемом и казавшемся близким идеале, недостаточно обращали внимание на обступавшую свет тьму, действительно не преобразали мира и не заботились о нормах жизни, просто забывая о ней. Поэтому христианские общины внешне не строили новых форм жизни, а повторяли в себе старые, обычные. Тем явственнее и сильнее могло проявиться другое течение, порождаемое противоречием идеала с жизнью и естественною борьбою в душе каждого между зовами Бога и зовами мира. Не все могли ощутить себя «сынами», для которых «закон не положен». Для многих мир и земные вожелания были реальною, объективною силой, а жизнь становилась борьбою добра со злом. Для такой борьбы необхо-

дима была длительная и искусная подготовка, систематическое самовоспитание и самоупражнение, аскеза. И в напряженности борьбы забывалась цель, застилаемая этою самою аскезою. А аскеза подставляла новую цель — преодоление мира и естественных влечений к нему, тем более, что так понималось дело склоняющейся к гибели своей античностью. Так в христианстве нарастали отрицательно-аскетические стремления, подготовленные аскетическими моментами иудейства, язычества и эллинской философии. В связи с этим снова ощущалась потребность во внешнем выражении и конкретной формулировке норм земной жизни, в законе. Закон же этот, во-первых, не мог быть одним для всех и естественно приводил к противопоставлению умеренного идеала земной жизни крайнему отрицательно-аскетическому; а, во-вторых, разрушал религиозное единство индивидуальной и общинной жизни, продолжая различать в едином процессе стремления к Богу такие моменты, как греховность и оправданность, грех и смышающее его покаяние, добрые дела. Иначе говоря — христианский идеал стали понимать формально, юридически. И естественно, что более всего и ярче сказалось это в западных церквях, воспитанных четким и формальным духом римского правосознания и даже в сфере культа впитавших в себя ритуализм римской религии.

Психологически описанное сейчас течение родственно процессу расслоения и организации церквей и церкви. С другой стороны, новое понимание религиозной жизни, разрушившее ее единство, естественно вызывало потребность в авторитетных руководителях, которые могли бы толковать устанавливавшийся закон, определять достаточность добрых дел и степень вины. С притоком в церковь мира и (особенно со времени признания христианства государственной религией) мира непреображенного энтузиазм раннего периода исчез, религиозное единство нарушилось и все более утверждался скромный идеал средних людей. Невозможно уже было считать церковь в целом оправданною и святою. Церковь, вобрав в себя мир, как бы сама стала миром и нуждалась внутри себя в благодатной силе, которая на ней, на ее святости обоснована быть не могла, тем более, что уже допускались в нее раскаявшиеся грешники и отступники, прежде навсегда от нее отлучаемые. Церковь, как окончательно выразил это Августин (ум. в 430 г.), стала «*corpus permixtum*»: обладательница благодатных сил и истинного учения, она включала в себя и спасенных и обреченных на гибель. Пребывание в ней само по себе не удостоверяло спасенности пребывающего. Необходимы были новые, видимые критерии единства с Богом, а их могла дать лишь иерархия. Но

если бы благодатность иерархии покоилась на святости ее, видимых критериев истинности и благодатности не было бы. Что значит быть праведным и святым? Как узнать тайного грешника? Выход был только один — признание того, что благодатные силы иерархии покоятся не на праведности ее, а на преемстве их от апостолов. Эта идея и была развита Оптаном и Августином в борьбе с донатистами. А она окончательно конституировала новое понятие иерархической церкви.

Харизматическая и иерархическая тенденции сосуществовали в церкви, многообразно определяя друг друга. Торжество иерархического начала далось не без борьбы. Поднятое во второй половине II в. Монтаном движение из Фригии распространилось и на Востоке и на Западе, увлекши часть даже римской общины и такого апологета христианства, как Тертуллиан (ум. ок. 255 г.). И монтанизм был ничем иным, как стремлением вернуть церковь к ее харизматическому и экстатическому прошлому. Отголоски его прослеживаются до VI, может быть даже до VIII в. Родственное харизматической идее требование праведности клира сказывается и в донатизме, сильном и опасном еще в IV в. Но гораздо существеннее другой харизматический поток, открыто с церковью не порывавший и вобравший в себя более близкие иерархической церкви настроения — омирщение церкви не захватило всех членов ее. Во многих жило неудержимое стремление к осуществлению Царства Божьего еще здесь, на земле. Но полная самоотдача Богу была вместе с тем отказом от мира, а отказ от мира и мирского требовал усилий и упражнения и, чем далее, тем более понимался как борьба с миром и своею плотью. С понятием аскезы неразрывно сплелось вскормленное античностью и развитое гностическими течениями отрицательное отношение ко всему земному и особенно к телу. Поэтому, когда безоглядное энтузиастическое стремление к потустороннему сменилось сосредоточением мысли и воли не на самой цели, а на пути к цели и нормах, эти нормы предстали как совокупность правил воздержания. Аскеза теряла первоначальный смысл упражнения и средства, а становилась самоцелью, и устремление ко благу подменялось борьбою со злом.

В III в. появились на Востоке первые беглецы от мира к райской жизни в пустыне и к борьбе в ней со злом. Одиноким аскетам, анахоретам, подобные аскетам остававшимся в миру, только более последовательные и суровые, быстро стали заселять египетскую Фиваиду и пустыни Малой Азии. «Основатель и царь монашеской жизни» Павел Фивский (ум. в 347 г.) бежал в пустыню от преследований Деция и остался в ней навсегда, прервав всякое сно-

шение с миром. Скоро анахореты рассеялись по пустыням Египта, Синайского полуострова, Сирии и Палестины. Одни находили приют себе в пещере, другие замуровывали себя, третьи, столпники, проводили жизнь на вершине колонны какого-нибудь покинутого храма, четвертые просто бродили с места на место, питались, как звери, кореньями и травами. Около наиболее авторитетных пустынников собирались ученики и создавались колонии эремитов, «лавры», основоположником которых считается Антоний Великий. Рядом с лаврами — случайными соединениями аскетов-одиночек появлялись лавры, являющиеся переходом к киновии, т.е. монашескому общежитию. В 328 г. Пахомий основал монастырь в Табеннизи, вслед за которым создано и 11 других, в том числе два женских. А лавры Пахомия представляли собой уже организованные по строго продуманному их основателем и выраженному в уставе плану общежития, допускавшие известное общение монахов друг с другом, даже взаимообщение всех монастырей. Монастыри Пахомия стали некоторым религиозно-социальным единством, а организованный труд монахов превратил их и в экономическую организацию, сплетенную с общей экономической жизнью страны. Еще резче общежительная сторона выступает в монастырях, связанных с именем Василия Великого (ум. в 379 г.). На монахов наряду с ангельской жизнью возлагается и апостольская деятельность — заботы о бедных и сиротах, воспитание детей. Василианские монастыри становятся временными убежищами для мирян, василианские монахи могут на время покидать стены обители, посещать мир, что облегчается близостью монастырей к населенным центрам.

Монастыри, возникая вне церкви, сами являлись как бы церквями праведников и аскетов, но церквями уже не в харизматическом, хотя и не в иерархическом понимании. К иерархической церкви монашество первоначально относилось сдержанно и подозрительно. Пахомий запрещал монахам принимать духовный сан, чтобы сохранить их независимость, а епископат поднял на него настоящее гонение. В половине IV в. один из соборов отлучает от церкви Евстафия вместе с руководимыми им монахами. Однако примирение двух течений христианства было необходимо и неизбежно. Оно состоялось в том же IV в. главным образом благодаря стараниям Василия Великого и Григория Богослова, и тот же Евстафий сделался епископом Севастийским. С конца IV в. епископат все более пополняется монахами и связавшее себя снова с миром монашество становится мощною и опасною силою внутри церкви. В V в. оно поддерживает монофизитство, определяет решения соборов или делает их невозможными, поды-

мают настоящие мятежи против епископата, низвергает и убивает патриархов. Даже Юстиниан принужден считаться с монашеством, а в VII в., захватив всецело в свои руки епископат, монахи в VII-IX в. начинают по вопросу об иконопочитании борьбу с самим государством. Но, достигши в IX в. исключительного значения, богатства и влияния, восточное монашество в целом уже перестало быть самим собою: в иных формах оно повторило историю омирщившейся церкви. Подлинная природа восточного монашества сохранялась лишь в крайней аскезе и глубоко развитой мистической жизни все время возникавших и неумоимо повторявших ранние стадии его развития обитателей.

Параллельно восточному и под сильным влиянием Востока развивается монашество западное, ставшее в несколько иные отношения и к миру и к иерархии. Предвестниками его также являются аскеты и аскетические кружки в миру, существующие уже в III в. и питаемые приносимыми на Запад рассказами о жизни восточных пустынников. Появляются и сами восточные анахореты, а вместе с ними проповедают новую аскетическую жизнь такие люди, сами ознакомившиеся с ней или пожившие в пустынях и лаврах Востока, как Иероним, Руфин, Сульпиций Север. Переводятся восточные уставы, на почве сочетания и развития их создаются новые, западные. Кассиан пишет наставления для монашеской и мистической жизни. Возникают пустыни, появляются те же типы анахоретства, что и на Востоке. И так же, как на Востоке, аскетическое движение встречается с подозрительным и недоброжелательным отношением клира. Аскетов смешивают с манихеями. А в Иеронима швыряют камнями; Присциллиана осуждают и казнят, как еретика; отец галльского монашества Мартин Турский подвергается преследованиям. В эпоху Иеронима совершается перелом: монашество начинает рассматриваться уже и самую церковь, как высшая форма христианской жизни, епископат пополняется монашеством, хотя и в меньшей степени, чем на Востоке. Признавая и включая в себя монашество, церковь примиряет казавшиеся непримиримыми противоречия. В ней находят себе выражение и осуществление все идеалы христианской жизни от умеренного, мирского до крайнего, аскетического в самых разнообразных его проявлениях. И это совершается параллельно развитию организации церкви и ее иерархии, поддерживающей аскетическое движение, но не подчиняющейся ему.

Раннее западное монашество, во многом повторяя восточное, уже обнаруживает некоторые характерные для всей западной религиозности и церкви черты. В монастырях Галлии расцветает аскетическая жизнь в самых крайних ее проявлениях. Отрекаясь

от мира и себя, монахи стремились к мистической жизни в Боге, к устройению рая на земле. Но вместе с тем они чувствовали потребность в апостольской деятельности — в миссионерстве и распространении аскетизма. Это еще ярче сказалось в отпрыске галльского монашества — в монашестве Ирландии. Здесь среди неизживших еще первобытных форм родового строя монашество стало ирландскою церковью, руководимую его аббатами. Отсюда же монахи пускались на утлых ладьях искать «пустыни в океане», распространять христианство в языческой Германии и проповедовать аскетический идеал в уже существующих франкских церквях. Монахи Ирландии и Британии, проникнутые глубоким уважением к «великому аббату города Рима», явились основателями целой сети монастырей на континенте. Они способствовали религиозному и моральному подъему омирщившейся церкви франков и, поглощенные с VI в. утвердившейся в Британии римскою, организации новой германской церкви. Аскеты вмешивались в политическую жизнь, но как носители религиозно-морального идеала, сливались с церковью, но — признавали ее иерархию. И сама западная церковь была увлечена не догмами, а земным устройением себя и государства. Политическая же жизнь Запада была неустойчива и примитивна, избавляя от тонких соблазнов византийской политики. Однако и помимо этого общение западных монастырей с миром было иным, чем на Востоке. Бесплодных пустыней на Западе не было: западная «пустынь» благодаря самоотверженному труду монахов быстро превращалась в цветущий сад и возвращалась миру. По условиям экономической жизни Запада монастырь, вступая в связь с окружающей его средой, делался важным фактором и органом экономического развития. Его богатства заключались не в торговле и ремесле, а в земледелии и землевладении, организующем труд и излучающем организующие начала. Иначе говоря, с самого начала обнаружилась действенность и полезность западного монашества и в области религиозно-моральной, и в области культурной (поскольку преимущественно в монастырях хранились остатки античной образованности), и в области экономической жизни. Конечно, это влекло за собою омирщение монашества, уравновешиваемое новыми волнами аскетического течения. Но существенным было то, что воздействие западного монашества на мир, хотя бы и ценой его омирщения, выражалось в весьма реальных и связанных с жизненными потребностями церкви и общества формах.

Монашество, уходя от мира в мистическую жизнь, воспринимало в ней апостольскую свою миссию и возвращалось в мир его преобразовать. Церковь иерархическая прямо шла к задаче

земного устройства мира, уподобляясь ему и нуждаясь в монашестве, как в новой связи ее с миром небесным. В эмпирическом бытии своем, все более охватывая мир, церковь в мирских формах старалась выразить предносившийся ей идеал «Града Божьего». В половине II-го века в Риме утвердился монархический епископат, увенчавший римское пресвитерство, поддерживаемый соборами съезжавшихся в Рим епископов и усвоивший традиции проникнутой духом римской дисциплины, ритуализмом и высоким самосознанием церкви Петра. Еще в конце II в. папа Виктор I грозит отлучением малоазийским церквам за несоблюдение обычаев, признанных в Риме. И положение столичной церкви не умалилось, а усилилось вместе с признанием христианства государством. Империя закончила иерархическую организацию церкви в духе соборно-епископальных воззрений, но она признала моральный авторитет кафедры Петра, измеряя верою пап истинность учения, и упорно добивалась от них признания новых догматических толкований. Сосредоточение догматической жизни на Востоке в борьбе и спорах восточных апостольских церквей ставило Рим в положение беспристрастного судьи и хранителя предания; перенесение столицы в Константинополь, а на Западе — в Милан и Равенну давало римской церкви относительную независимость. Под покровительством империи вместе со всею церковью папство приобрело прочное экономическое и социально-политическое положение, расширив свои земельные владения и митрополичьи и патриаршие права в Италии, Сицилии, Сев. Африке, Галлии и Далмации. Вместе с тем епископат, а особенно папство, получил ряд важных политических прав и привилегий. В самом Риме папы становились не только «защитниками народа», но и контролирующей магистратов инстанцией. Темные времена варварских нашествий и варварского, особенно лангобардского, владычества сделали пап политическими вождями сплывавшейся около них Италии. Сами императоры возлагали на них дипломатические переговоры и организацию обороны страны. Неудивительно, что ко времени Григория Великого в общих чертах сложилась папская администрация с легатами, визитогорами, дефенсорам и образованными наподобие императорского «*palatium*». И сам папа Григорий, аскет и автор биографии Бенедикта Нурсийского — искусный организатор хозяйства на папских землях.

Политическая и хозяйственная организация церкви была одною из сторон ее земного устройства и стороною необходимою для того, чтобы церковь могла существовать как видимое единство. Только на этой почве и могла развиваться и окрепнуть церковная иерархия. Итальянский епископат, постановлением Никейско-

го собора подчиненный в значительной своей части митрополической власти пап, спланивался около них, а собираемые в Риме по обычаю раз или два в год соборы расширили юрисдикцию пап над епископами и митрополитами. Сами папы не признают соборных решений, если они не утверждены римским епископом, «мнение которого имеет исключительное значение». Из внеитальянских церквей наиболее видная и независимая — африканская — в V в. гибнет под ударами вандалов, а галльским церквам, как и испанским, папы «разъясняют предание и закон». В 445 г. эдикт Валентиниана III признал обязательную силу папского решения даже без императорской санкции, а папы уже со времени Сириция и Иннокентия I, т.е. с IV-V в., стремятся к подчинению себе Иллирика. Во всем этом процессе папство старается закрепить свои приобретения в определенных формулах и обосновать их ссылками на соборы, предание и божественные установления, ставя свои «декреты» по вопросам культа, дисциплины и догмы наряду с соборными «канонами» и императорскими законами. Папство чувствует себя главою западной, а может быть и вселенской — ведь церковь едина — церкви. «Мы, — пишет Сириций, — несем бремя всех отягощенных, Петр апостол несет его в нас, покровительствуя нам, наследникам своим, во всем его управлении». А упомянутый эдикт Валентиниана III утверждает папский примат на Западе, требуя от епископов послушания Риму.

Навстречу стремлениям папства поднималось ответное движение из недр самой церкви. Вмешательство императоров в догматическую жизнь восточной церкви заставляло гонимое меньшинство обращаться за поддержкою к относительно независимой хранительнице предания — римской кафедре, авторитет которой не оспаривался даже самыми яркими епискополистами. В эпоху арианских споров Рим стал убежищем никейцев, папы — их признанными руководителями, авторами «самодовольных», «дышащих гордынею и надмением», по словам противников, писем. То же самое повторилось во время борьбы с несторианством, евтихианством и иконоборчеством. В 343 г. Сардинский собор предписывает недовольному своими судьями епископу извещать «римского епископа Юлия», чтобы он или утверждал приговор или назначал новый разбор дела и новых судей, и признает апелляцию в Рим. Позже Василий Великий считает папу «единственной надеждой» православия; Кирилл Иерусалимский получает от папы инструкции. Только такое положение, искусно использованное папами и их легатами, не забывшими даже о мелочах этикета, объясняет смелость и решительность папских заявлений в сношениях с Востоком. Оно немало способствовало неодно-

кратным формулировкам папского идеала. Для Иннокентия I (401-416) Рим — «caput institutionum» и папы владеют «тайнами апостольского престола», другим недоступными. Поэтому римский обряд и римское учение — критерии истинности соборных постановлений, а все «важнейшие дела» должны восходить на решение в Рим. Лев Великий (440-461) отменяет 28 канон Халкедонского собора. Папе, утверждает он, принадлежит в церкви высшая догматическая и дисциплинарная власть, и каноны соборов находятся под его контролем и охраною. Только папе «дано возвышаться над прочими епископами», ибо чрез него управляет Петр, а чрез Петра — поручивший ему пасти овец Своих Христос. Пускай фактическое влияние папства на Востоке временно и вызывается случайными обстоятельствами. Пускай заявления пап колеблются и встречают отпор, приводя к длительным перерывам в общении. Важно, что, фактически объединяя Запад, папство выражает свою идею, в конкретных условиях раскрывает природу иерархической церкви.

Уже во II-м веке появилась идея «Града Божьего», как духовного единства во Христе. Она была развита Августином и на почве высказанного им понятия как единство земное. Церковь — «Град Божий» на небесах, должна стать и «Градом Божьим» на земле, т.е. она должна преобразить мир; и если к небесной жизни стремилось монашество, об организации земной думала иерархическая церковь. А это ставило перед иерархией проблему отношения ее к государству, чрезвычайно осложненную переплетением церкви с государством и уподоблением первой второму, которое ведь тоже по существу своему было лишь частью церкви. Жившая в церкви харизматическая идея допускала возглавление церкви, как единства всех верующих, унаследовавшими сан и навыки «pontifices maximi» императоров. Но иерархическая природа церкви естественно ставила клир с его более высокою целью выше государства. Отсюда ряд неизбежных столкновений церкви и, в частности, папства с империей, давление государства и вмешательство его в догматическую жизнь церкви, с одной стороны, подчинение или более, либо менее, энергичная защита независимости иерархии, с другой. По словам Льва, императоры поставлены Провидением для охраны кафолической истины и защиты веры. Они должны помогать матери-церкви, т.е. — цель церкви выше цели государства; а кто же лучше знает цели церкви, как не ее иерархия? Миром, утверждает Геласий I (492-496), правят две власти, соединяемые Мелхиседеком, разъединенные Христом, — царская и священническая. Епископы, подчиняясь императору в светских делах, отвечают за него перед Богом в делах духовных.

Но где различие между духовным и светским, если церковь едина? И еще Феликс II (355-358) указывает императору на необходимость, памятуя о вечности, в делах Божьих подчинять свою волю епископской и грозит ему Божьим судом. А Божье или кесарево дело обложение имуществ церкви государственным налогом, которому позже воспротивился Григорий II (715-721)? Так намечается господствующий над всем средневековым конфликтом между иерархией и светской властью, конфликт, неизбежно вытекающий из идеи «Града Божьего» на земле.

Распадение Западной Империи, варварские нашествия и образование каролингской монархии позволили церкви, собравшейся около папства, в полном объеме поставить эту основную проблему иерархической церкви. Папство единственный центр западного христианского мира в эпоху полного развала государственного и общественного единства, не утратило своего первенствующего значения. Напротив, оно подчинило себе английскую церковь и организованную Бонифацием германскую. Ему удалось сохранить связи с Галлией и Испанией и, увеличив свои материальные богатства и политическое значение в Риме и Италии, в то же самое время морально укрепить себя прочною связью с монашеством, которое благодаря его стараниям подведено было под единый устав Бенедикта Нурсийского. Пипин и Карл Великий, положившие начало (756, 774) средне-итальянскому папскому государству, объединили западную церковь. Но империя Карла является более сознательно и отчетливо, чем государство последних римских императоров, попытку осуществить на земле «Град Божий» с преобладанием в нем светской власти над духовною. Империя каролингов — религиозно-мирское единство, во главе двух иерархий которого: светской и более высокой духовной, стоит помазанник Божий «новый Давид», царь и священник, император. Папа поставлен был в положение патриарха Запада. Но и это было важным шагом вперед, равно и как слияние в империи духовного со светским: «Святая вселенская Божья церковь очевидно, верим мы, — единое тело», — говорит Акт раздела империи в 817 г. Но именно этот раздел, вопреки намерению производивших его, начавший полное разложение единой монархии Карла, отнимал у империи ее религиозное оправдание и переносил самоё идею единства на обновленное и усиленное каролингами папство.

Почерпая силы в самом разложении империи, в искавшем его защиты и покровительства и выдвигавшем его права клире и монашестве, теснимых государями и магнатами местных церквей, папство ярко выразило свое понимание Града Божьего в деятельности и заявлениях Николая I (858-867). — Воля Божья, а не

люди и не соборы, положила краеугольный камень всего социального и политического строя — папство. Власть папы, несущего на знаменах своих заботы обо всей церкви, неограничена и вездесуща. Папа — живой закон; его слова и дела — слова и дела Божьи. Соборы и епископы — его орудия; он — душа единого тела Христова. Но и государи должны быть послушными слугами пап, которые, утверждает не вполне согласно с истиною Николай, передали власть Пипину и империю Карлу. Папы, как хранители веры и жизни, могут низлагать государей и распоряжаться престолами. Они заботятся не только о душе, но и о теле христиан, «уничтожая раздоры, с корнем вырывая вражду, везде распространяя дух примирения и мира». Такова теория. Ей, благодаря благоприятному стечению обстоятельств и силе моральной правды, с защитой которой соединяет всю свою политику Николай, соответствует, по-видимому, и действительность. Соборы склоняются перед волею папы, местные церкви подчиняются велениям его легатов, «столпов апостольской кафедры». Перед папою склоняются и архиепископ Реймский Гинкмар и король Лотарь. Рим на некоторое время становится центром мира, куда отовсюду стекаются посольства, клирики и миряне с жалобами и просьбами о защите или помощи. Римское влияние проникает в Болгарию и терпит неудачу лишь в Константинополе.

Однако эти успехи, купленные дорогою ценой омирщения церкви, временны и непрочны. Вместе с социально-политическим и религиозно-моральным разложением общества разлагается и слившаяся с ним церковь, утрачивая крепость своей организации, истощая все свои силы в борьбе с римскими феодалами. Быстро падает моральный авторитет папства и в Риме, и в Европе. Восстановление церковной организации возможно было только чрез возрождение переплетенного с нею государства, религиозно же моральное обновление иерархии требовало возвращения к истокам религиозной жизни, т.е. к аскетически-мистическим сторонам религиозности. «Священная Римская империя германского народа» выросла в тесном союзе с наименее разложившейся из западных церквей — немецкой, и превратила церковную иерархию в свою бюрократию, инвестировав епископат землями и публичными правами. Последовательно развивая идею «Града Божьего» в понимании каролингов, хотя и с более высокою оценкой церковной иерархии, новая империя подчинила себе папство и восстановила организацию церкви в ее центре. Таким образом из пережитого кризиса церковь вышла экономически и политически усиленной с готовыми силами и средствами для новой борьбы за свои идеалы. Сами же эти идеалы возродились в аскетическом движе-

нии X и XI в., выросшем на почве творческого распада феодалной Франции. Здесь, в Бургундии, дала первые ростки монастырская реформа каролингской эпохи — возник центр суровой монашеской жизни, Ключни, ставший, минуя местный епископат, в непосредственную связь с папством, разросшийся в могучую конгрегацию монастырей под руководством «великого аббата» Ключни и принявший за реформу других монастырей Европы, за проповедь обновления аскетизма в церкви и миру. К основному течению примкнули подобные ему и частью обусловленные им аскетические течения в Лотарингии, Германии и Италии, новые организации по типу Ключни и новые волны анахоретства и эремитства. Подъем религиозного чувства захватил собою и правящие слои церкви и германских императоров и широкие круги населения, преимущественно в городах северной Италии, где он сплелся с социальной и политической борьбой. Но развитие аскетизма вело к осознанию церковью ее иерархической природы, что выразилось в развитии канонического права и идеи папской супрематии. После того, как разъезды папы Льва IX (1048-1054) по Европе и ряд созванных им соборов восстановили павший авторитет папства и положили начало моральному обновлению иерархии, а папская дипломатия нашла себе опору в королевстве обеих Сицилий, возможно стала реформа церкви и попытка установить новое отношение ее к государству.

Обновившись с помощью императоров, папство XI в. организует, подчиняя себе и отделяя ее от мира, церковь. Избрание пап отъежится от вмешательства в него империи и передается в руки коллегии «кардиналов» (1059). В среде клира проводится безбрачие духовенства, вместе с усилением сплоченности церкви и утверждением в ней аскетического идеала, отрывающее ее от слишком тесной связи с обществом. И к этому же примыкает распространение среди клира монашеско-подобных организаций — появление так называемых «уставных каноников», т.е. клириков, приносящих монашеские обеты. Старые каноники по уставу Радеганга Метцкого, существовавшие с IX в., вытесняются новыми, более строгими, живущими по «уставу Августина». Таким образом, в самой церкви появляются организации по самому заданию своему сочетающие аскетическую жизнь с «апостольской» деятельностью, что особенно ясно скажется уже в XII в. у премонстранцев. В сферу политических проблем вовлекает церковь борьба с симонией, т.е. куплей-продажей священного сана, потому что понятие симонии естественно распространяется и на инвеституру, на раздачу епископств и аббатств государями. Борьба за инвеституру является походом на весь строй государства XI в., превраща-

ющего церковь в орган светского управления. Но, отстаивая свою независимость, церковь не желает и не может уступить богатства и права, приобретенные ею от государства. Длительная и тяжелая борьба кончилась компромиссом — Вормским конкордатом 1122 г., но в ней церковь и папство приобрели новые позиции, а империя была ослаблена.

В связи с очень конкретными задачами и очень реальными столкновениями развивается иерархическая идея и во всей широте ставится вопрос о взаимоотношении государства и церкви в *едином* Граде Божьем. «Священство покровительствуемо охраною царства; святость сана святительского питает царство». Так говорит ходячая формула умеренного направления. Однако руководители церкви уже не довольствуются мыслью о ее независимости: в едином теле человечества церковь выше государства. Глава римской церкви, никогда не ошибавшейся в вере, учит Григорий VII (1078-1085) — вселенский епископ. Ему подчинены все остальные, и их он может смещать, назначать и контролировать. Папа, которому принадлежит высшая судебная, законодательная и дисциплинарная власть в церкви, «заслугами бл. Петра, несомненно, становится святым». Папа поставлен выше, чем все цари земные, подчиненные его власти «вязать и разрешать». Он может низложить императора, сам никому, кроме Бога, неподсудный. «Если святая апостольская кафедра данною ей от Бога первенствующею властью различает и судит духовное, почему не судить ей и мирского?» Ведь тело хуже души, и луна заимствует свой свет от солнца. «Да повинуется мне, молит Григорий Петра, народ христианский, тебе порученный!» А к «народу христианскому» принадлежит и император. Его поставляет Бог, поручает ему управлять подобными ему, но — ради высших, религиозных целей, о которых может судить лишь глава церкви. По происхождению своему государство, может быть, даже и не божественно: оно появилось в языческом обществе ради грабежей и стяжаний, его «родила человеческая гордыня». Поэтому государи должны подчиняться папе, извлекая меч лишь на защиту церкви и по ее велению. Не подчиняясь ей, они становятся «тиранами», «телом дьявола». В терминах феодального языка, государи должны быть «вассалами», «ленниками» папы, как ленник Григория король норманский. Христианская империя, христианское государство стоит под покровительством Бога. Но, низлагая данного государя, папа и не посягает на идею государства. Он только разрешает подданных от клятвы ему, т.е. уничтожает договорную связь между государем и подданными, на которой покоится его власть.

После Григория VII папская теория не дает уже ничего прин-

ципиально нового. Иннокентий III (1198-1216) в конце концов лишь резче выражает те же самые мысли. Во главе всех государей должен стоять наместник Христов, которому обязаны беспрекословно повиноваться все государи земные, в случае ослушания являющиеся осквернителями храма и язычниками. «Викарий Христа» папа «поставлен посредине между Богом и человеком, меньший Бога, но высший человека». Точно так же лишь резкость формулировок отличает Бонифация VIII (ум. 1303 г.), считавшего, что папе поручены «забота об управлении вселенскою церковью и престол достоинства». Церкви, а следовательно — папе «Христос доставил и доставит торжество над змеиным отродьем». «Папа может делать все, лишь бы он не шел против веры». Он «занимает место Того, кому Отец сказал: Ты Мой Сын... Дам Тебе в наследие народы земные и во владение Твое пределы земные. Управляй народами лозою железною и разбей их, как сосуд глиняный». Обладая «непосредственной властью» и в мирских делах, папа вправе «за вины и обманы переносить престолы от народа к народу».

Все эти и многие другие попытки выразить папскую идею покоятся на глубоком убеждении в мистическом единстве человечества, в общем законе мира — «устроении к единству». И в этой тяге к религиозному единству сила иерархической церкви, обуславливающая ее, правда, временные, но блестящие успехи. Уже понтификат Григория VII поражает современников мощью папства. Иннокентий III, сюзерен королей Англии, Неаполя, Арагона и Болгарии, навязывает свою волю сильнейшему из государей — Филиппу II Августу и пытается распоряжаться императорской короной. При нем подчиняется папству и восточный патриархат в созданном крестоносцами «Латинском королевстве». Победа над Гогенштауфенами возносит папство на небывалую высоту, и только рост национальных государств ставит пределы папским притязаниям и разрушает планы и мечты Бонифация VIII. Папство же дает первый толчок крестоносному движению: папский легат стоит во главе первого крестового похода. Еще сильнее папство в пределах правящей церкви. Соборы становятся безвольными свидетелями папских решений; папские легаты властно распоряжаются на местах; права и притязания местного клира ограничены папскими диспетациями, привилегиями, подчинены бдительному надзору курии. Под властью Рима церковь еще более иерархизуется и дисциплинируется и централизуется. Наряду с клиром получает новую организацию и монашество, слагающееся в крупные конгрегации, в ордена клюнийцев, цистерцианцев и др. Монашеские ордена по степени строгости своей жизни тоже становятся своего рода иерархией аскетов, а ниже их уже наме-

чаются благочестивые братства и ассоциации мирян, как звено, связывающее клир с миром. Организовав себя, церковь берется за организацию мира, развивая проповедничество и практику исповеди. Даже из среды рыцарства в связи с крестовыми походами вырастают «рыцарствующие ордена» полумонахов-полувоинов. И та же тяга к стройному единству замечается в области права, где развитие заканчивается кодификацией соборных постановлений и папских декреталий, и в области богословия, где после системы Ансельма Кентерберийского в XIII в. появляются смелые попытки сочетать и объединить в одном богословско-философском синтезе всю совокупность человеческого знания.

В XIII-XIV в. папство достигает пределов своего могущества. Ему принадлежит высшая законодательная, судебная и дисциплинарная власть в церкви. Оно заканчивает кодификационную работу изданием «*Congrus juris canonici*». Папы утверждают соборные постановления, раздают привилегии, делают свой суд высшей апелляционной инстанцией, через «*judices delegati*» разрешают судебные дела на местах и создают новые трибуналы, как инквизицию, превращающуюся в могучее орудие борьбы с ересями и воздействия на мир. Управляя церковью, они, источник всякой власти и учения, устанавливают догмы, праздники, канонизируют святых, учреждают и уничтожают ордена, дают привилегии университетам. Утверждая епископов и контролируя их, они вмешиваются в обычный род церковного управления своими привилегиями и диспенсациями. Обладая правом обложения церкви, папы расширяют свои доходы далеко за пределы доходов с расширившегося и захватившего почти всю среднюю Италию папского государства. Плата за назначение, утверждение, посвящение и перемещение епископов и аббатов, доходящая до 1/3 доходов с соответствующего епископства или аббатства, «дары» или «благодарность» персоналу курии, разного рода взносы и платежи, выкупы принесенных обетов, индульгенции, штрафные деньги с клириков и мирян и т.д. приносят папству громадные суммы. Кроме того, Неаполь ежегодно платит 8000 унций золота, Сицилия — 7000, Арагон — 2000 марок стерлингов серебра, Англия — 1000. Стройно организованная армия папских сборщиков, «коллекторов», взимает десятины, аннаты, прокурации, чинши, динарий Петра и т.д. В 1313 г. в руках Климента V находится 1 040 000 золотых флоринов (около 4 1/2 милл. рублей). Доходы за понтификат Иоанна XXII (1316-1334), лучшего финансиста на папском престоле, исчисляются в 4 100 000 зол. фл. (более 18 1/2 милл. рублей). Рим, а с 1309-1378 г. Авиньон, место «вавилонского пленения» папства, превращаются в денежные центры Европы и круп-

нейшие банкирские дома, как Медичи, становятся папскими банкирами. Папа — богатейший государь Европы, окруженный пышным двором.

Политическое значение папства объясняется двумя сторонами его — во-первых, связанностью его с религиозною идеею единства церкви, объемлющей мир и построенной на благодатной иерархии, во-вторых, экономической и социальной мощью церкви. Но социально-экономическое развитие церкви, равно как и политическая ее роль, свидетельствовали о крайнем ее омирщении и подрывали ее религиозно-моральную жизнь и религиозно-моральный авторитет. И еретики, и политические противники громко кричали о продажности курии, а ваганты, веселые школяры и бродяги-клирики, производили само слово «рара» от французского глагола «рауег». При этих условиях церковь и папство могли находить опору лишь в аскетическом движении, для всех воплощавшем христианский идеал морали. Но монашество, связавшее свои судьбы с судьбами церкви, само переживало процесс острого омирщения и было сильно и действенно лишь в тех движениях, которые возникали под влиянием искреннего и непосредственного аскетического порыва. Аскетизм никогда не умирал в церкви, но вместе с развитием религиозности он видоизменял формы своего проявления, а благодаря воздействию церкви на мир и ее проповеди все более увлекал широкие слои мирян.

С IX в. аскетическое движение развивается в исканиях более строгих и суровых форм жизни. Бенедикт Аньянский усиливает строгость бенедиктинского устава. В связи с его реформой возникает Клюни, а одновременно с этим в X и XI в. замечается возвращение к анахоретству и эремитству, порождающее такие ордена, как картузианский, диких аскетов-самоистязателей, как Доминик Веригоносец, или тихих мистиков-мечтателей. Ослабевает строгость жизни в клюнийских монастырях — и возникают Сито и Клерво, как более совершенные в аскетическом смысле обители, а Бернард Клервосский, сочетавший в себе искусного дипломата с нежным мистиком и пламенным аскетом, становится властителем дум XII века и его религиозным вождем. Уходя в аскезу, монахи стремятся соблюсти «советы Господа», достичь совершенства и стать истинными учениками Христа. Они подражают Ему, переживая Его страдания и стремясь воспроизвести Его жизнь. А жизнь Христа и Его учеников заключалась в их преображающей мир деятельности, той самой, потребность в которой чувствовали достигавши ее пределов отречения аскеты, в апостольстве. Уже сочеталась апостольская деятельность с аскетической жизнью в каноникатах, особенно в основанном Нарбертом Ордене

премонстранцев (XII в.). Однако главный поток нового аскетического течения, «апостольского» или «евангельского», шел не из недр иерархической церкви, а из мира. Клир слишком был для этого связан традиционными формами жизни, обычными уставами. Он слишком склонен был «символически» понимать и толковать само подражание Христу и апостолам. Простые миряне подходили к проблеме, поставленной перед ними самою же церковью в борьбе за обновление, проще и непосредственнее. Они стремились к точному до наивности выполнению слов Христа, к полному подражанию Ему и превращению себя в Его учеников.

С середины XII в. появляются более или менее значительные группы или братства «новых апостолов». Они то мало-помалу втягиваются в традиционные формы монашеской жизни, то, стараясь жить по Евангелию, отстраняются от омирщившейся церкви во имя религиозно-морального идеала и обращаются против нее в целях возвращения ее ко временам апостольским, как Арнольд Трешианский и арнольдисты, или с горделивой надеждою хотят противопоставить себя, истинную иерархию, омирщившемуся клиру. Впрочем, второй выход только намечается: слишком глубоко укоренена в самих новых учениках Христовых идея благодатной по преемству иерархии, и вальденсы в период наибольшего развития своего самосознания мечтают лишь о том, чтобы стать рядом с клиром и обосновать свои права легендарною связью с апостолами. Поэтому-то таким значением для всего дальнейшего религиозного развития и обладает Франциск Ассизский. Франциск и его братья, как вальденсы, ведут истинно-апостольскую жизнь. У них нет имущества, нет жилищ: «нагие, они следуют за нами Христом». Питаясь подаянием, бродя по двое с места на место, они проповедуют покаяние и евангельскую жизнь больше примером, чем словом. Но вместе с тем они — верные сыны римской церкви, сознающие, что «посланы в помощь клирика», чтущие священников и склоняющиеся перед их властью. И папа Иннокентий III обнаружил глубокое понимание действительности, благословив юное братство, при его преемнике превратившееся в утвержденный папством орден. Францисканцы сделались новым звеном в иерархии аскетических организаций, связующих земную церковь с церковью небесной. Признав их и другие, возникшие вслед за ними нищенствующие ордена, папство объяло церковною организацией и подчинило себе всю полноту форм аскетической жизни — от жизни апостольской до жизни простого мирянина, входящего, не порывая с миром, в религиозное братство, направлявшее его жизнь. Признание церковью апостольской жизни, как высшей и возможной внутри церкви, вы-

рвало жало у еретических движений, а вместе с тем папство в лице нищенствующих орденов приобрело новое, чрезвычайно удобное благодаря подвижности и моральному авторитету новых монахов орудие воздействия на мир.

Иерархическое и аскетическое течение, казалось, окончательно слились в единстве гармонично расчлененной и организованной церкви, охватившей и включившей в себя мир. Но этим старые противоречия устранены не были. Церковь преображала мир чрез уподобление ему; на вершинах своих подымалась до ангельской жизни, на низах она до неразличимости сrostилась с миром. Внешне вбирая в себя мир, она впитала разлагающий ее тело яд мирского духа и мирского разумения. Ее иерархия по строению своему и по жизни все-таки была мирскою иерархией. Коллегия кардиналов сложилась в олигархию, стремившуюся, и часто с успехом, ограничить власть папы. Земные интересы церкви и политика курии стояли в вопиющем противоречии с идеалами самой церкви и продолжали вызывать протесты со стороны носителей этих идеалов и всех стесняемых давлением или вмешательством иерархии. Централизация церкви встречала отпор со стороны окрепших национальных церквей, сильных поддержкою национальной власти, и вызывала к жизни, казалось бы, побежденную церковью соборную теорию. Господство над миром не могло осуществиться в силу организации этого мира, выразившейся в создании мощных национальных государств. Наконец, и в религиозном сознании зарождались идеи, разрушавшие иерархический идеал.

Антипапское движение соединяет защитников государственной власти с религиозными идеалистами, мирские навыки и мысли — с религиозными критериями. В конце XIII в. говорят о праве христианина сопротивляться папе, если папа упорный еретик, а в XIV в. крайние ревнители францисканского идеала объявляют еретиком Иоанна XXII. Францисканец Вильгельм Оккам (ум. 1349) и Марсилий Падуанский пытаются по-новому построить понятие церкви. По их мнению, государство не только независимо от церкви, но и обладает правом назначать клириков и подчинять церковь своему контролю, так как оно стремится к обеспечению своим гражданам благ земной и вечной жизни. Церковь должна ограничить свою деятельность сферою чисто духовного. Григорий VII указывал на договорное происхождение государства. По Марсилию, церковь не что иное, как сообщество верующих. Это сообщество и передает власть иерархии и папе, который в светских делах подчинен императору. Но что такое само папство? — Оно установлено людьми, и, вне всякого сомнения, сообщест-

во верующих может изменить монархическое управление церковью в аристократическое, на место папы поставить коллегия кардиналов. Папа так же может ошибаться, как и все люди. Поэтому критерий истины не в его словах, даже не в Предании, а в св. Писании. Следовательно, церковь — совокупность основывающих свою веру на Писании и высшее учреждение церкви — вселенский собор, на который должны быть допускаемы даже женщины.

Теперь уже не церковь обособлялась от мира, а мир обособлялся от церкви для своего свободного, мирского развития. Но идеал иерархической церкви разлагался и в сфере религиозности, отравленной тлетворным мирским духом. В поздней средневековой мистике, главным образом в мистике немецкой, возглавляемой Мейстером Экхардтом, религиозность все более ограничивалась сферой отношений между Богом и индивидуальным духом. Непосредственное общение с Божеством, казалось, делало излишними всяких посредников и всякое посредничество: обесценивались таинства, культ, иерархия. А вместе с этим становилась ненужною и иерархическая церковь и, в лучшем случае, возрождался идеал мистического единства во Христе. Так церковь завершила первый круг своего развития — от церкви харизматическо-мистической чрез церковь иерархически-благодатную к мистической и (в конце концов) безблагодатной церкви. Под напором мира иерархической церкви пришлось уйти в себя и сосредоточиться для нового Труда и новых исканий, отказавшись от преобразования мира в том понимании этого преобразования, какое господствовало в Средние века, от подчинения себе мира ценою собственного омирщения. И когда в XVI в. выросли на почве католичества обедневшие его протестантские «церкви», церковь католическая обрела в себе новые силы для возрождения и развития иерархического идеала, крепко утвердившись на скале Петра, с надеждою, что к этой скале бурные волны земной жизни прибьют затерянный в них и тоскующий по утраченному единству мир.

М.О. Гершензон
КРИЗИС СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Человек в своем благоденствии зависит не только от внешней природы [*зачеркнуто*: которая дарит его пищую, теплом и наслаждением, но также грозит ему бесчисленными угрозами]. Он подвластен и духу своему, потому что в самом себе носит вместилище необузданных и неизведанных сил. В его душе — ангелы и дьяволы вместе; из моей собственной души звучат мне райские песни, и из нее же, нежданно для меня, вдруг вырвется страсть, испепеляющая меня, страсть разрушительная, любое исчадие гнева, злости, безумия; и еще темнее для меня дух другого человека, способный в каждую минуту обрушить на меня то волну любви и ласки, то непредвиденную жестокость. И потому человек от первых времен не только силился покорить себе природу, т.е. материальные силы: он искони боялся и своего духа, и во все времена стремился подчинить его закону и мере. В долгие века истории не столько усилий было потрачено им на подчинение природы, сколько на обуздание духа, и в разное время было достигнуто многое.

В незапамятную пору, еще не сознавая дел своих, человек ощупью нашел два пути, два способа обуздывать волю. Ибо этих способов действительно только два. Можно стремиться либо целостно преобразить своеволие духа в закономерность, стихийный хаос — в гармонию, что есть религиозный путь в широком смы-

---

Текст публичной лекции, прочитанной М.О. Гершензоном в Киеве 29 марта 1917 г. Хранится в ОР ГБЛ. Ф.746. К.10. Ед.хр.22. Пользуемся случаем выразить признательность работникам Отдела рукописей Государственной библиотеки им.Ленина, предоставившим нам оригинал работы. — *Ред.*

сле этого слова; либо можно обуздывать волю частично, подметив отдельные ряды ее проявления и вводя каждый отдельный ряд в определенное русло, в границы; это значит обуздывать ее разумом, уставами, законами: путь рациональный. Человечество издревле шло обоими путями, т.е. силилось в своих религиях целостно преображать дух, и в то же время связывало его частично моральными и гражданскими законами. Это были как бы программа-maximum и программа-minimum. Там предносилась мысли отдаленная конечная цель — абсолютная гармония духа, — здесь, в естественном нетерпении, человек силился хоть до некоторой степени упорядочить деятельность воли в ее конкретных, повседневных обнаружениях. И людям во все века была безотчетно ясна нераздельность обоих методов. Как бы далеко мы ни заглядывали назад в темную даль истории, мы не найдем человеческой общины, которая существовала бы без религиозных верований и без твердых правил личного и социального поведения; но на всем этом протяжении конкретные узаконения никогда не утверждали себя чисто утилитарно, рассудочно, но неизменно ставились в подчинение высшим, религиозным заветам. Всякое частное предписание нравственности или права возводилось к некоему целостному иррациональному началу, признавалось либо непосредственным велением божества, либо изволением власти, в божестве почерпающей право свое. Другими словами, человек инстинктивно, мудростью долгого опыта познал, что внешнее, частичное обуздание воли, какое достигается правилами и законами, может быть очень полезным для ежедневных нужд человека и общества, но бессильно перевоспитать дух в корне и навсегда: для того, чтобы превратить духовный хаос в гармонию, необходима не частичная дрессировка, но целостное воспитание духа, так сказать — органическое лечение его в сердцевине, и самые законы, практически нужные на сегодняшний день, могут почерпать свою действенную силу только из общего и целого устремления души к совершенству, подобно тому, как ныне врач, правда, и отдельно лечит наружную сыпь, чтобы устранить мучительный зуд, но существенно подчиняет это внешнее лечение главной заботе своей — коренному лечению самой болезни. Этот правильный метод, только недавно найденный медициной, искони применялся человечеством в его духовных делах, и все, что достигнуто поныне в смысле упорядочения духовной стихии, было достигнуто именно этим двуединым методом, где основной задачей признавалось целостное устройство духа, а рациональной нормировке правил и законов приписывался только прикладной, но не самостоятельный смысл.

16-й век надо считать раздельной линией в истории человечества. Тогда явно наметился перелом, подготовленный, конечно, в предшествовавшие века, и началось то могучее умственное движение, которое, разрастаясь, докатилось до нас и еще держит нас в своей власти. Это новое умозрение последних трех веков, достигшее наивысшего расцвета во второй половине прошлого столетия и ныне господствующее, можно определить как культ научности и основанную на этом культе религию прогресса.

Вокруг человека и в нем самом кишат несметные силы, о которых он вовсе не может быть осведомлен сознательно; эти силы, неуловимые для разума, чрезвычайно энергично действуют в мире, и мы, в нашем бытии и творчестве, ежеминутно сталкиваемся с ними и зависим от них; забывать о них значит впасть в опасную ошибку. Но именно на этот путь вступил культурный мир. Современная культура есть ни что иное, как беспредельная рационализация жизни. Разум признал себя единственным органом верного знания и на этом основании требует себе единовластия во всех сферах человеческой деятельности; всякое другое знание, т.е. не доказуемое рационально, он отвергает в принципе, как ложь, как иллюзию, как субъективность. Как возникло это ослепление? Оно порождено, конечно, громадными открытиями естественных наук и еще более — блестящим подтверждением, которое неизменно дает этим открытиям техника. Если современный человек уже почти бессознательно стремится рационализировать жизнь до конца и бессознательно верит в возможность такой полной рационализации, то эта уверенность есть ни что иное, как незаконное обобщение, выведенное из большого числа односторонних действительно оправдавшихся расчетов разума. И если спросить: почему же люди так легковерно приняли незаконное обобщение, — на это надо ответить так: человек не выносит двоевластия, антиномичности; больше всех материальных благ он дорожит единством сознания, как твердой почвой для деятельности. Подобно пушкинскому Сальери он не может допустить, что в мире царят два разных закона — рациональный и иррациональный, и так как его обуревают жажда творчества, а творчество возможно только на основании предварительного расчета, то он склонен игнорировать все силы, все явления, которые не поддаются предвидению и учету. Этим он безмерно выигрывает в смелости и уверенности для своих повседневных дел. В течение 19-го века научный дух, гордый своими изумительными, но местными завоеваниями, все настойчивее притязал на господство универсальное, которое ему вовсе не подобает и не по силам, и люди, в своем

смелом стремлении к активности, охотно присягали ему на безусловное подданство.

Было признано, что наша цивилизация — прекрасная цивилизация, что все идет как нельзя лучше; еще много несовершенств, много тьмы и страданий, но постепенно зло исчезает и на место неустройства водворяется разумный и справедливый порядок; словом, жизнь безостановочно совершенствуется, история в целом есть прогресс. Так верила еще вчера, верит еще сегодня вся масса образованных людей во всех культурных странах, и верить иначе не разрешается никому под страхом насмешки или презрения. Эта вера носила все признаки настоящей религии; ею определялись оценки, ею вдохновлялась вся идеалистическая деятельность, в ней искали и находили утешение души, чувствительные к неправдам мира. Вера эта была крепка и наивна, и не задевали ее ни великие бури, волновавшие философию на протяжении 19-го века, ни страстные споры новейшей социологии, так ярко обнаружившие неразрешимую противоречивость идеи прогресса. Потому что и возникла эта вера не из отвлеченной мысли, планомерно обобщающей явления, а зародилась одновременно в бесчисленных неискушенных умах, как грубо-эмпирический вывод из наблюдений над успехами только материальной культуры. Не сама научная мысль, но ее вульгарный глашатай — философская публицистика позитивизма — услужливо облекла это наивное обобщение в мнимо-научную формулу и тем закрепила его.

Основанием этой религии являлась, как и естественно, вера в благотворность и могущество научного знания, как единственной силы, способной преобразить хаотическую реальность в разумный, целесообразный и справедливый порядок. Вне знания нет прогресса — таков был первый догмат религии прогресса. Почти накануне этой войны, в октябре 1912 года, на последнем международном конгрессе по социологии де-Роберти уверенно провозглашал: «Внутреннее развитие трех главных отделов знания (т.е. наук физико-химических, наук биологических и наук о духе), а также и внешнее, так сказать, развитие его или распространение, проникновение в умы глубоких человеческих масс, — вот единственный и постоянный источник всякого общественного прогресса. Прогресс этот, в своей материальной или в своей духовной форме, уже осуществился в течении истории, в огромном, не поддающемся никакому статистическому вычислению количестве случаев; и ни в одном из них указанная нами сейчас тесная причинная связь (т.е. между прогрессом и успехами научного знания) не порвалась и даже не ослабла ни на одну минуту».

Такова была общераспространенная философия истории. Рационалистическая культура создала самое себя абсолютным благом, и науку — своим творческим началом. Из этого самосознания вытекали, разумеется, определенные директивы; научность признавалась высшей, самодовлеющей ценностью и добра ждали единственно от подчинения жизни науке. Отсюда с логической последовательностью возник тройственный культ нашего времени: культ чистой науки («накопление знания»), культ научной популяризации («распространение знания») и, наконец, культ научной техники, т.е. фактического преобразования жизни помощью знания, начиная с переработки природных тел, кончая социально-политическим реформизмом. Вне этого тройственного метода нет пути, и этот путь безошибочен: он один может вывести человечество из дебрей на светлый простор, в чаемое царство всеобщего благоденствия.

Религия прогресса окончательно окрепла в середине прошлого века, и с тех пор она царит полновластно, даже деспотически. Ее действительное влияние на человечество было необычайно велико, — она в конце концов и была не чем иным, как религией активности, внешнего целесообразного действия.

Ее категорический императив гласил: действуй, и именно — действуй на основании точного знания. Она упразднила все другие верования, враждебные безоглядному творчеству, освободила человека от раскаяния за грех и от страха перед неведомым, она отбросила все начала и концы, и убедила человека глядеть только на середину, которая ждет его творческого воздействия, чтобы получить жизнь и смысл. С такой верой в душе, так ясно видя впереди заманчивую цель, работалось легко и бодро. Внутри огромного таинственного Божьего мира человечество замкнулось как бы в особый, искусственно-огороженный мирок; религия прогресса создала оранжерейную атмосферу, максимально благоприятствовавшую самочинной активности. И точно, в этой оранжерее человеческая активность расцвела за короткое время так пышно, как никогда, и дала богатый плод: наука и техника достигли во всех областях успехов фантастических, — культура гигантски шагнула вперед.

Как же относилось научное умозрение к духу? Теперь, оглядываясь на этот заверченный период, мы ясно видим его отличительные черты. Прежде всего, из двух задач, от века предстоящих человеческому сознанию, внешняя совершенно заслонила внутреннюю: вся планомерная деятельность воли и колоссальные усилия масс были направлены на подчинение вещественной природы; гармонизации же духа посвящалось сравнительно ничтож-

ное внимание. Это — первый признак эпохи; с ним неразрывно был связан другой, именно полное отождествление духовной стихии со стихией материальной. Как бы молчаливым соглашением было признано, что мир однороден во всех своих частях и весь насквозь подведомствен разуму в его очищенной, научной форме. Признавалось, что наука способна исследовать и упорядочить все сущее, или по крайней мере все то, что входит в круг человеческого бытия. Нет ничего недоступного разуму, есть только еще не познанное им, и оно будет познано, а следовательно и преобразовано на рациональных началах; и в этом смысле дух ничем не отличается от материи; так же как материю, необходимо и его передать в ведение науки: она разложит его, определит в точности его элементы и законы, и на основании этих данных духовная техника уже без труда упорядочит его деятельность. Вот почему 19-й век стал веком научной психологии, веком психологического эксперимента и психологической статистики. И все, что в этой области добывала наука, тотчас технически осуществлялось: школа, право, суд, наказание перестраивались на основании научной психологии. А главное, разум полагал самого себя в своем чистом виде панацеей для духа: стоит только сделать человеку достаточную инъекцию стерилизованной разумности, т.е. научного знания, — и дух его разом обретет гармонию, станет навсегда свободным от диких страстей, от корысти и злобы. Это был один из коренных догматов той религии: что рациональное, войдя в душу, преобразует ее до дна, претворяет ее хаос в гармонический строй. Отсюда громадный расцвет научной популяризации, вообще просветительства, которым отмечена минувшая эпоха.

Таковыми застал нас 20-й век. Культурный мир был похож на колоссальную фабрику, где миллионы людей в необходимом разделении труда работали усердно и ловко, веря, что направление и распорядок их труда основаны на принципах строго-обдуманых, непогрешимых, что следовательно ожидаемый плод их усилий зреет и зреет и несомненно когда-нибудь созреет совсем, — а ведь этим плодом должно было быть не что иное, как всеобщее благоденствие человечества. Эта уверенность была в общем сознании так укоренена, что отдельный рядовой человек из образованной массы уже и не думал о ней вовсе, а исповедовал ее безотчетно.

И вдруг над головами, склоненными в труде, разразилась эта беспримерная война, совершился чудовищный взрыв, и фабрика современной культуры лежит в развалинах. Та инстанция, которой принадлежало верховное руководство делом, т.е. наука, очевидно допустила какую-то серьезную ошибку в своих

выкладках и расчетах. Чего-то очень важного она не предусмотрела.

Эта война сразу приняла такие размеры и такой характер, что ее смысл, как мировой катастрофы, обнаружился с первых дней. Кажется, новый потоп, но уже не водный, а огненный, послан на землю за беззаконие людей. И самое страшное — то, что война пришла не откуда-нибудь извне, как роковая случайность. Эта черная туча, разразившаяся кровавым ливнем над Европой, скоплась в течение многих лет из безвредных и невидимых глазу испарений земли. В нравственном мире, как и в физическом, есть свой закон сцепления, и порою рассеянный каплями в мире грех собирается в грозные тучи, смывающие города и истребляющие целые царства. Нужно дать себе ясный отчет в этой простой истине, и нужно это для того, чтобы не бледнеть лицемерно или наивно пред ужасом войны, не видеть в ней внезапную напасть и не откешиваться от ответственности за нее. Теперь минутами с тоскою вспоминаешь милое прошлое. Как было мирно, как уютно! В памяти воскресает скорбный стих Тютчева: «Былое — было ли когда?» Правда ли, что был уютный быт усадеб и гостиных, что еще совсем недавно, четыре года назад, так волшебным вставал месяц над мирной землей и утром начинался привычный день, а вечером шел спокойный разговор за чайным столом? Но тотчас мысль сжимает сердце: что теперь бушует над нами, скопилось именно в те мирные дни. Проклятие — не им: им благодарность, — но нашей слепоте тех дней, нашей роковой бесчувственности. За нынешний ужас каждый в прошлом виновен, и по делам теперь каждому нести свою часть кары. Для нынешней катастрофы нам уже поздно каяться и поздно учиться, но надо сознать былую ошибку и научить детей.

Будущие историки несомненно станут рассматривать эту войну как экзамен европейской цивилизации, как генеральный подсчет достигнутых ею успехов. Она явилась как бы зеркалом, в котором культурный человек увидел самого себя. И странно: он увидел себя совсем не таким, каким мыслил себя. Оказалось, что он столетие и больше жил в глубоком заблуждении относительно своей души, ее подлинных желаний и сил, ею движущих. Эта война принесла нам потрясающие откровения о человеческом духе. В будни его не измерить, он согнулся над житейской работой и приноравливает свои движения к закономерным движениям вещества; он кажется маленьким и смирным. Теперь он распрявился и движется вольно: смотри и мерь. Мы думали, что культурная выучка уже в корне изменила его природу, что он навсегда стал благонаправленным и сдержанным в движениях, нет! Все тот же неукротимый

размах, одним движением смести цветущий город с лица земли, взлелеять адский умысел, и в миг затем вспыхнуть жертвенной любовью, побеждающей самую смерть! Гуманность, смягчение нравов, которыми хвалился прогресс, — где они? Таких кровопролитий и насилий, таких орудий убийства и мучительства мир не знал и в самые темные века варварства. Что же? оказывается, научный прогресс несколько не облагородил человека? гуманность была только самообманом? И, наоборот, не самообманом ли была также деловая трезвость культурного европейца, его принципиальный эгоизм и практичность? Ведь оказалось, что он вовсе не таков: он романтик, идеалист! Когда началась эта война, мы думали: самая сложность современной культуры поручкою за краткосрочность войны. Продолжительные войны были возможны только в сравнительно примитивных условиях, когда разрушенное войною восстанавливалось легко; но нынешняя культура, этот неопишимо-сложный механизм, весь из тончайших и столь хрупких частей, эта мировая ткань торгово-промышленной организации, грозят такими непоправимыми повреждениями в случае долгой войны, что обе стороны конечно поспешат прекратить разруху. И вот, война длится уже три года. Оказалось, что о наличном достоянии никто не думает, не только мы, но и стяжательный Запад. Цветущая, богатейшая индустрия, великолепно налаженные торговые связи, комфорт и красивость — пусть их гибнут и исчезают, им грош цена! Кто мог бы ждать от европейца такого презрения к благам мира сего? Или он в глубине души вовсе не так дорожил ими до войны, как могло казаться? Этот европеец, по уши погруженный в меркантильность, в сноровку и техничность, не только не испугался за свои дорогостоящие и красивые игрушки, — за свои фабрики, конторы и банки, — но моментально, едва раздался зов мировой трубы, словно очнувшись от гипноза, даже с какою-то готовностью повернулся спиною к быту и пошел, куда звала труба. Человек познает себя больше всего в своих проявлениях: сделав, видишь себя впервые в содеянном тобою, как в зеркале.

И точно так же война показала, что изнеженная культура новых веков не развратила, не обессилила человека, что в европейских обществах, с виду столь суетных и извращенных, не иссякла духовная сила, живы доблесть, бесстрашие, самоотвержение предков. За сто лет ни одна война не была отмечена таким героизмом, как эта. Кто поверил бы еще вчера, что эти лавочники, всецело погрязшие в наживе, что журналисты и адвокаты, опешеленные, казалось, до дна души, профессора философии и оперные актеры, обнаружат сегодня героизм, не уступающий отваге пав-

ших под Марафоном? У Фукидида и Плутарха не много страниц, которые могли бы сравняться по трагической красоте хотя бы только с бельгийским эпизодом этой войны.

Чему же учат нас эти новые наблюдения? Они говорят о неподатливости, о консерватизме человеческого духа; они свидетельствуют о том, как мало повлияла на него культурная выучка и в сторону добра, и в сторону зла. 19-й век был веком науки и техники; в обеих этих сферах, т.е. в исследовании естественных сил и в подчинении их своим нуждам, человечество достигло огромных успехов; благодаря этим успехам трудная жизнь человека на земле стала легче, явилось больше свободы и досуга, — и тем они косвенно содействовали работе духа. Но мы несомненно переоценивали их *прямое* влияние на нравственную жизнь человека [*зачеркнуто*: как в смысле повышения, так и в смысле понижения ее уровня]. Наука и техника хотят и должны быть объективными, не знать добра и зла; положите пред собою рядом маленькую ампулу спасительной вакцины и смертоносную разрывную пулю: они обе с равным тщанием изготовлены наукой и техникой. Наука и техника дают нам в руки острое и бездушное оружие: нужно, чтобы нравственное сознание человечества, развивающееся независимо от них, научилось употреблять это оружие только на благо, а не на зло.

Очевидно, цельного прогресса, который обнимал бы всю природу человека, вовсе не было: совершался только прогресс бесчисленных отдельных рядов, но некоторые важнейшие и опаснейшие силы человеческого духа оставались вне прогресса и даже, может быть, значительно регрессировали. Очевидно, религия научного прогресса была основана на неправильном расчете; она ошибочно признавала, что все бытие исчерпывается явлениями, подведомственными науке, что, следовательно, только об этих явлениях и надо думать, так как по мере их упорядочения будет прогрессивно совершенствоваться вся жизнь целиком. Но оказалось, что и сама наука, и все подчиненное ей управляются иными силами, которые в любую минуту могут послать науку и технику, как рабынь, на самое злое дело, на разрушение всего, что создано прогрессом. То могучие и тайные силы человеческой воли. Наука, привыкшая все исследовать и все дисциплинировать, налагает руку и на человеческий дух; но ей доступна только его периферия, глубинные же его движения ускользают от нее. Их-то не учла религия прогресса и оставила в небрежении.

А там, в недрах духа, шла своя жизнь, совершалась своя невидимая эволюция. Наука умеет искусно определять, как влияют изменения наружной атмосферы на глубоководную жизнь океа-

нов; но что она знает о содроганиях и навыках, какие вызывала в человеческой воле колоссальная внешняя деятельность человека, направленная на «прогресс»? Ясно одно: в слепом увлечении наукой человек позабыл о своей душе; строил и отделывал свой дом, пока забытый порох в подвалах не вспыхнул самовозгоранием и не взорвал здания.

Война вышла оттуда, из недр человеческого духа; кто не предвидел взрыва, тот теперь должен понять, откуда взрыв. Теперь все видят, что наука и техника, и все создаваемое ими — только орудие духа, как топор в руке, что, стало быть, прогресс науки и техники есть ценность только служебная, подчиненная. И многие, быть может — миллионы людей, начнут теперь понимать, что бесконечно важнейшим условием прогресса, т.е. подлинного прогресса, а не того, какой прямым путем привел нас к катастрофе, является упорядочение воли в человеке.

Кризис современной культуры, ставший теперь явным, назревал давно. Почва была уже подготовлена, когда разразилась мировая война. Еще в конце 19-го века, в самый разгар научно-технических побед, среди завоевателей началось какое-то глухое брожение, наиболее чуткими душами овладевала смутная тревога; так, иной человек, жадно стремившийся к богатству, вдруг озирается кругом и сознает суетность своих стяжаний. С начала 20-го века вера в научный прогресс начала колебаться и в обществе, не столько под влиянием философской мысли и поэзии, которые давно, но тщетно звали на иной путь, сколько в силу непосредственного опыта. Шаткость ее сказалась в том, что ослабела тирания позитивного общественного мнения, явилась некоторая терпимость; и, кажется, нигде в Европе этот поворот не обнаружился так ясно, как у нас, где широкие круги в короткий срок фактически отпали от недавней веры, как бы вдруг потеряли интерес к ней и с тайным ожиданием стали прислушиваться к другим голосам, звучавшим раньше в пустыне, — к символической поэзии, к призывам интуитивного и религиозного умозрения. Формально еще все остается по-старому, культ прогресса стоит непоколебимо, но твердокаменная убежденность уже потеряла былое обаяние и старая гвардия рационализма с грустью смотрит, как молодежь проходит мимо нее, идет к другим знаменам, пока еще не отдаваясь, только испытывая все, но уже не боясь анафемы.

Можно по-разному пророчествовать о том, в какие конкретные формы отольется это брожение ближайшим образом, — но общий смысл кризиса ясен. Разум, в своей очищенной, научной форме, захватил единовластие, т.е. узурпировал права целостного духа. Он заботился только о самом себе, упорядочивал только себя, и действительно достиг в теории познания значительного благоустройства. И он один законодательствовал. Дух же оставался во тьме, неустроенным и забытым; он разумеется действовал в мире, но его проявления были хаотичны, подобны взрывам, и эта война — самый большой и самый яростный взрыв его. Кризис начался тогда, когда целостный дух так сказать принципиально, не в бурном действии, восстал против узурпации разума. Это восстание есть только новый этап одного великого дела — вековой тяжбы между сущим и должным, между законом и нормой.

Человеческое сознание искони раздвоено и само в себе единоборствует, недоумевая, чем должно регулироваться человеческое поведение: законом природы, который определяет то, что действительно есть, или нормою, которая указывает, что должно быть, хотя этого долженствующего быть в наличности нет. Между этими двумя началами нет принципиального противоречия. В сознании своего выразителя норма также есть закон природы. Провозглашающий норму заявляет: то, что я рекомендую как должное, есть в действительности сущее, но только скрытое пока, не выявленное, — непреложная тенденция жизни; и он противопоставляет эту норму так называемым законам природы не принципиально, а только как знание, основанное на более чутком, более глубоком постижении действительности, — знанию грубому, чисто эмпирическому. Таким образом, в итоге разногласие сводится к вопросу об орудиях познания. Одни, эмпирики, доверяют только показаниям внешних чувств, разумеется очищенным и удостоверенным наукою, и считают надежным только это, чувственно-научное знание; другие заявляют, что такое знание поверхностно и недостаточно, что под периферией, доступной научному изучению, жизнь бездонно-глубока, что, наряду с внешними чувствами, человек обладает еще другими, несравненно более тонкими органами, и что показания этих тонких органов, зачерпывающие вглубь, правда, не поддаются научной обработке, но от того нисколько не менее достоверны, а потому и должны быть непременно учитываемы. И вот первые чертят план будущего на основании научного, вторые на основании интуитивного опыта; первые узаконяют то, что явно есть, вторые — то, что есть подлинно, хотя и не явно. Но и те и другие опираются в сво-

их построениях на реальность — на «закон природы», каким они его видят. Никому не пришло бы на мысль проповедовать то, чего ему хочется, но всякий проповедник убежден, что его устами вещает свою волю сама природа вещей, подлинная реальность.

«Чего я хочу? — Познать себя в отношении к естественному порядку вещей и подчиниться ему». Эти простые слова Эпикура содержат в себе сложный ряд идей. Каждое создание в мире имеет свой особенный закон существования, подчиненный общему закону вселенной; для человека нет ничего важнее, как узнать свой частный закон в составе целостного бытия, чтобы исполнять свой закон и тем сделать свою жизнь осмысленной. Но в том-то и заключается трудность, как узнать свой закон. Я ощущаю и знаю в себе по опыту разнородные и даже противоположные влечения, и мне надо решить, какие из них входят в закон моего существования, т.е. соответствуют естественному порядку вещей, и какие уклоняются от него. Вот что говорит Эпикур; и его вопрос предстает каждому человеку.

От первых проблесков сознания человечество неустанно искало решить этот вопрос, и будет искать, пока не угаснет его сознание. Нет и не будет у человека потребности более острой, более практически-неотложной, нежели иметь ответ на этот вопрос. Нужда в таком ответе двойная: невыносимо действовать случайно, и оттого ошибаться, и терпеть неудачи, и быть жертвою своих страстей; и невыносима, во-вторых, бессмысленность жизни, особенно страданий. Получить твердые правила поведения, и понять, если не цель, то, по крайней мере, законность своего существования, смысл зла и страдания, — это нужно нам как воздух для легких, как пища.

С первых же поисков человек уразумел, что закон его существования не может быть самочинным, но неизбежно соподчинен общему закону мировой жизни. В каждом дыхании, в каждом действии мы ощущаем единство и круговую связь мироздания; такой факт ни на минуту не мог остаться скрытым от разума, и он действительно был всегда общепризнан. Никогда ни одному человеку не приходило на ум искать свой закон вне мировой связи, как закон совершенно особенный. На низших ступенях развития человек не отделял себя от всего живущего и потому был убежден, что закон его существования тождествен закону всей остальной твари; на высших ступенях, сознав в себе наличность разума, он признал за собою особенное назначение, но подчиненное общему закону, или как бы увидел себя особым concentрическим кругом внутри большого вселенского круга.

Род людской уже тысячелетия знает непреложно, что есть общий закон бытия, что этот общий закон есть единственный правильный путь для каждого отдельного создания, и что всякое уклонение от него карается страданием. Он знает также из незапамятных времен, что есть особенный, соподчиненный закон человеческого существования, и есть *особенная*, специально-человеческая, категория отступлений от закона, а следовательно и особенная категория специально-человеческих страданий. Отсюда понятие греха; грех есть нарушение не общего мирового закона, а той части его, которая специально присуща человеку. И так глубоко сознавалась всегда органическая включенность человеческого закона в мировой, что люди сплошь и рядом смешивали обе сферы, ища в нравственных движениях причину материальных явлений, например, в грехе — причину болезней, мора и т.п. И от века род людской ищет постигнуть общий закон бытия, чтобы узнать и свой особый закон существования. Если бы каким-нибудь чудом во всех газетах мира была напечатана точная формула мирового закона, так, чтобы уже ни у кого не оставалось ни малейшего сомнения в его достоверности, — всякий человек тотчас знал бы, какие из присущих ему влечений соответствуют естественному миропорядку, какие нет; и желая себе благополучия и душевного мира, он мог бы тотчас начать те пускать в действие, а эти обуздывать.

Но формула нам неизвестна: мы только знаем, что есть закон и что он действует в нас. Он здесь, во мне, он действует чрез какие-то влечения из числа присущих мне. Мировая жизнь — как одна большая река; вся тварь земная уверенно плывет по течению, только человек бьется в водоворотах между камнями, тщетно силясь попасть в русло; и он непрерывно взывает со скорбью: «Господи! Знаю, что есть русло Твое и в нем вечное течение; вразуми меня, как найти его, чтобы и мне поплыть мирно!» Ибо болит тело, израненное камнями, и мутится дух в бесцельном кружении.

Вот почему не было и нет народа без религии, и вот почему нет религии без морали. Смысл всякой религии — тот, что она говорит человеку: «вот, я открываю тебе закон бытия и в его составе — частный закон человеческий». Другими словами, всякая религия предлагает мирообъемлющую, мирообъяснительную гипотезу, совершенно так, как ученый высказывает частную гипотезу об ограниченной категории мировых явлений. [*На полях зачеркнуто*: Непреложный или естественный закон бытия — таков во всех религиях смысл слова Бог, все равно, как бы ни формулировался в них этот закон.] Вот сходит Моисей с Синая, и в руках его скрижали откровения. От сего часа верующие знают, как им долж-

но жить и действовать, чтобы их жизнь соответствовала мировому порядку. И Бог Нового Завета, сотворивший внутреннее и внешнее, держащий на учете каждый волос на голове человеческой, — он тоже ни что иное, как образ вечного миропорядка, а воля его — непреложный закон бытия. Основатели религий могут быть названы великими естествоиспытателями, ибо они высказывали, каждый, не свои мечты и пожелания, но свое интуитивное знание реально-сущего. Завет о любви к ближнему есть не повеление или совет, а сообщение; он изъясняет, что любовь — *природный* закон человеческого духа, так что, следуя этому естественному закону, человек живет космически-правильно, а нарушая его, идет вразрез с закономерностью мира. И таковы все религии; их частные заповеди — ни что иное, как прикладные выводы из основного тезиса, который есть высказывание о реальной природе вещей. Паразительная уверенность, с какою творцы религий проповедовали свое учение, основана именно на их сознании, что они проповедуют объективную истину, что они только констатируют подлинно-сущее; каждый же из верующих принимал учение веры потому, что на основании собственного опыта, бесконечно менее богатого, чувствовал правильность предложенного ему истолкования действительности и принимал настолько горячо, насколько чувствовал соответствие истолкования своему опыту. В самом тоне слов учителя есть речительство за достоверность его открытия, потому что тот, кто сам, добросовестно, с открытым вниманием наблюдал факты и убедился, что никакие факты не противоречат его обобщению, — тот выскажет свою мысль словами простыми, властными и особенными, и подделать эту силу изъяснения невозможно.

Итак, человеку дано двойное знание, и оба они равно основаны на опыте, но одно — на опыте только внешних, отдельных чувств, другое — на опыте целостном. Атмосферного электричества никто никогда не видел; уверенность физика в реальном существовании этой природной силы основана на учете ее зримых и осязательных проявлений, потому что сила эта, электричество, именно такова, что она проявляется в зримых и осязательных формах. Но в мире есть могучие силы, существующие незримо и неосязаемо; таковы прежде всего силы самого духа человеческого и его незримые движения; эти силы дух познает не путем науки, а непосредственно.

И вот, это высшее, интуитивное знание наше универсально и целостно, тогда как научное знание ограничено и раздроблено; зато научное знание обладает чувственной и логической доказательностью, которой интуитивное знание совершенно лишено.

И потому, хотя всякий человек располагает запасом интуитивного знания совершенно так же, как и знанием чувственно-рассудочным, и на каждом шагу бессознательно им руководствуется, но в сознательной, в планомерной своей деятельности люди большей частью доверяют только рациональному знанию, как абсолютно надежному, и пренебрегают свидетельствами своей интуиции, опасаясь неизбежного риска. Но несравненно больший риск кроется в исключительном доверии к чувственному опыту, потому что его знания скудны и поверхностны, от него ускользает структура и направление целого, так что расчет, основанный только на доказуемом знании, непременно ошибочен. Они думают, что непосредственное чувство слепо, и не понимают, что оно только кажется слепым, потому что своей стихийной мудростью оно объемлет целое и не выделяет отчетливо ни одной отдельной черты; и они думают, что мысль зорка, тогда как ее зоркость есть только умение ясно видеть одну черту целого при полной слепоте на все остальное. Люди убеждаются в этом на каждом шагу и терпят бесчисленные страдания за свое упрямство, но все-таки не смеют довериться в пустыне мудрому, хотя и немому вожатаю, а идут и идут за речистым проводником, который обследовал самый малый ближайший отрезок дороги и умеет очень точно рассказать о нем.

Этот близорукий бытовой рационализм всегда был более или менее свойствен людям; но только научное умозрение 19-го века прочно закрепило его, сообщив ему мнимую санкцию. Наука достигла такой большой точности, что формулы ее оказываются непогрешимыми, и техника, следуя этим формулам, в самом деле безошибочно, почти чудесно приводит к предположенным целям. Поэтому доверие к научности и к разуму вообще как бы даже помимо сознания приобрело характер панического суеверия, а сообразно с этим все более отходили в забвение те другие могучие факторы, действие которых нельзя точно формулировать и сразу ввести в расчет, потому что мы обладаем о них лишь смутно-уверенным, нераздельным знанием. Эти иррациональные силы разумеется продолжали могущественно действовать, но так как сознание ими не интересовалось и не пыталось их упорядочить, то они действовали слепо, хаотично. Их-то хаотическое действие, обусловленное этим забвением о них, и привело европейскую культуру к катастрофе.

То, о чем я говорю здесь, — не отвлеченность, пригодная только для умозрительных построений. Злободневно не одно вещественное содержание нашего дня — дела войны, продовольствия и пр., — но без сравнения более злободневно, без сравнения

важнее именно практически — совершающееся незримо в глубине нашего духа. Ибо все человеческое создается из духа наружу и все видимое преопределено внутри; заблуждения духовные, ошибки сознания неукоснительно сказываются во внешнем, в формах видимых и осязаемых, — не так, как мыслит наивный ум, не прямой пеней по тарифу грехов, а незаметными уклонами конкретных фактов, скопляющимися в неожиданное бедствие. Люди ошибаются, думая, что конкретное, причинно-обусловленное — нейтрально; нет, в него вплетены невидимые для нас живые нити судеб и на далеком расстоянии они уклоняют материю под углом, который уже всем виден. Европейская культура в своем развитии не хотела нынешней войны, но, сама того не зная, готовила ее, накопляла, как тучу над собою, бесчисленными ошибками формулируемых ею законов человеческой деятельности, или вернее, единой ошибкой своего слепого доверия к законам, не к нормам. Теперь всем видно, как далеко уклонилось развитие от того направления, которое, казалось, дальновидно предначертал культурный разум. Культура обанкротилась, основав свое дело на неправильном расчете, потому что она все время учитывала только один ряд данных, и менее важный, не видя, что данные второго ряда все время на малую величину меняли значимость первых; в результате получилась колоссальная ошибка и внешний крах. А ошибки культуры — это частью ошибки отдельных людей, каждого из нас; мы все виновны тем, что считаем только видимое и осязаемое и на этом счете строим наши решения. За эту близорукость мы не только терпим лично в своей судьбе, но и страдаем каждый через бедствия всенародные.

Для меня нет зрелища более поразительного, нежели связь между всемирно-историческими событиями и переживаниями индивидуальной души. Я твердо знаю, я вижу ясно: эта война вызвана молекулярными движениями в миллионах отдельных сознаний. Каждая минута одинокого раздумья о своих личных нравственных ошибках, которому предается студент в своей комнате, каждое ощущение обиды и несправедливости в душе рабочего — суть слагаемые великого итога, который в урочный час неминуемо подведется — реформой, революцией, войною. От всякой отдельной души идут нити к маховому колесу истории, и только они своим совокупным натяжением двигают его. Здесь нет непризванных и нет праздных: каждый из нас, хочет он или не хочет, неизбежно участвует в коллективном творчестве.

Человек живет отдельно, заботится только о себе да о близких своих, и вовсе не думает, что от его поведения в некоторой степени зависит целое, что он несет ответственность за судьбы

своего народа и за ход истории. И я полагаю, что в общем это правильно. Разве лучше было бы, если бы каждый *сознавал* повседневно свою причастность к общему делу? Такое сознание обязывало бы; оно связывало бы человека и неминуемо приводило бы его на службу определенной идее. Может быть в нормальных условиях для целого выгоднее как раз оставлять личность на свободе, давать полный простор ее самочинной игре. Ведь целому не к спеху, а в личной свободе — огромное напряжение и бездна находчивости. Пусть движение целого и замедляется противоборством индивидуальных стремлений, зато как широко и глубоко они разрабатывают общее русло! Все великое рождается в личности свободной, обращенной на самое себя. Спиноза создал свою философию не затем, чтобы содействовать нравственному совершенствованию человечества, а потому что искал для самого себя определить, как ему прожить свою земную жизнь, и Рафаэль *себе* давал отчет в своем постижении Божества, когда писал Сикстинскую Мадонну, а Толстой, всю жизнь делавший только свою эгоистическую работу, вовсе и не скрывал этого, но так прямо и сказал: «Мне надо самому одному жить, самому одному и умереть». Личная жизнь неизбежно сама собою внесет свою долю в общий итог, но пусть это участие будет ее свободным результатом, а не скудным плодом преднамеренного расчета. В такие органические дела, как сложность целой жизни, не следует вносить расщудочность.

Но сама личность, ради собственного своего устройства, должна учиться у коллективного опыта. Помимо нашего сознания в нашей душе накапливается какое-то большое и важное знание, из которого мы можем осмыслить только крупницы. Всякая жизнь, даже самая однообразная, отлагает в душе некую мудрость; но есть разница между жизнью богатой событиями, и жизнью скудной. Нам грех жаловаться, — биография нашего поколения будет очень ярка; и если мы в такой жизни мало научимся, это будет уже наша вина: значит, мы не сумели раскрыться, значит, мы по лени или робости заперли наши души перед влиянием событий. От истории при известных условиях легко загордиться чем угодно — семейным уютом, своей профессией, каким-нибудь социальным интересом, или даже просто новым романом. Так иной, когда молнии бороздят ночь и гром разрывается грозными раскатами, боязливо запирает двери и окна и, спустив занавески, силится за книгу забыть о грозе. От исторических гроз нельзя прятаться. Я сказал бы каждому в наши грозные дни: смотри каждый широко раскрытыми глазами, не отвращай твоего лица от зрелища мировых судеб, чтобы и ты узнал то, чему оно учит.

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ «ВЕХ»

Публикация В.Проскуриной и В.Аллоя

Предлагаемая читателю подборка писем С.Л. Франка, С.Н. Булгакова, П.Б. Струве, А.С. Изгоева, Н.А. Бердяева — относится к 1908-1910 годам. Все они адресованы М.О. Гершензону — инициатору, составителю и редактору сборника «Вехи», чей выход в свет в марте 1909 года стал крупнейшим событием общественной и интеллектуальной жизни страны. Чтобы представить масштаб этого события, достаточно сказать, что сборнику было посвящено около трехсот статей в повременной прессе¹, пять отдельных книг, полемизирующих с высказанными в нем идеями², восемь широких обсуждений в Москве, Петербурге и за границей (доклад Ю.Мартова в Швейцарии), наконец — специальное турне по России лидера кадетов П.Н. Милюкова с публичными лекциями, направленными против «Вех». Следует отметить, что с течением времени и появлением новых тиражей — а «Вехи» за двенадцать месяцев выдержали пять изданий — волна откликов лишь нарастала, вызывая у самих авторов сборника, ожидавших «скандала», — поначалу радость, а затем и некоторую растерянность. Так, Бердяев 14.05.1909 (в разгар споров вокруг первого издания) пишет Гершензону, что «"Вехи" становятся почти историческим событием», а в августе того же года, когда речь зашла о четвертом издании, отмечает: «Боюсь, что с "Вехами" начинается какая-то пси-

¹ См.: Richard Pipes. *Struve, Liberal on the Right, 1905-1944*. Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts and London, England, 1980. P.109. Н.П. Полторацкий указывает на более чем двести печатных откликов, однако оговаривается, что использованная им библиография повременной периодики неполна. (См.: Н.Полторацкий. «Вехи» и русская интеллигенция. // Мосты. 1963. №10. С.297).

² Сборники «В защиту интеллигенции», «"Вехи" как знамение времени», «Интеллигенция в России», «По Вехам. Сборник статей об интеллигенции и "национальном лице"» и «Из истории новейшей русской литературы» вышли в течение 1909-1910 гг.

хопатия или мода, у нас все ведь так»³. Сам Гершензон в письме к брату от 31.03.1910 признается: «Мы далеко не ожидали такого большого впечатления»⁴. «Шумный скандальный успех» книги отмечал и Франк.

Столь бурная общественная реакция объяснялась тем, что авторы сборника умудрились задеть буквально все болевые точки интеллигентского сознания. При этом, в отличие от предыдущего сборника статей — «Проблемы идеализма», «Вехи» не только выдвигали «необходимость религиозно-метафизических основ мировоззрения», но «в них содержалась резкая, принципиальная критика революционно-максималистских стремлений русской радикальной интеллигенции»⁵. Бердяев показывал слабость ее философской культуры, утилитаризм и политиканство; Булгаков — атеизм и в то же время эсхатологический максимализм интеллигентского мирозерцания; Гершензон — бесилие и патологичность сознания, оторванного от творческой воли; Изгоев обличал отщепенство интеллигентной молодежи, кружковщину, делавшую единственным жизненным критерием — левизну; Кистяковский — презрение к праву и отсюда непонимание самого смысла свободы; Струве — враждебность любому политическому устройству, анархизм, ведущий к разрушению, а не к созиданию государства; Франк — воинствующий нигилизм, отказ от объективных ценностей и абсолютизацию собственной морали. К тому же вся эта «горькая правда» выражалась в резкой и подчас парадоксальной форме, и выражали ее люди, причислявшие себя к той самой интеллигенции, чьи пороки они обличали. Неудивительно, что диагноз был отвергнут, а посягательство на святая святых интеллигентского символа веры вызвало дружный отпор его хранителей, причем всех сразу — от либералов до большевиков.

В результате призыв «Вех» остался не понятым и, уж во всяком случае, не принятым подавляющей массой русской интеллигенции. По словам о. Георгия Флоровского, сборник стал «только симптомом, никак не итогом»⁶.

О значении «Вех» и полемике вокруг них написано множество работ⁷, и подробно останавливаться на ней здесь нет смысла. Цель настоящей публикации — попытаться осветить внутреннюю сторону становления сборника, взглянуть на него и на то, что творилось вокруг «Вех», глазами авторов. Но не мемуаристов, через десятилетия вспоминающих начало века, а живых соучастников в процессе создания книги. Это позволяет

³ См. 2-е и 4-е из Бердяевских писем в настоящей публикации.

⁴ ОР ГБЛ. Ф.746. К.20. Ед.хр.13. Л.19 об.

⁵ С.Франк. Биография П.Б. Струве. Н.-Й., 1956. С.82.

⁶ Прот. Г.Флоровский. Пути русского богословия. Париж, 1937. С.491. Эта характеристика не утратила смысла и сегодня, ибо вопросы, поднятые авторами сборника, остаются актуальными и в нынешней России. Правда, общественный отклик на книгу резко упал, что тоже говорит о состоянии интеллигентского сознания, особенно если сравнить 50000-ный тираж московского издания прошлого года и 14000-ный общий тираж всех пяти изданий «Вех» в 1909-1910 гг.

⁷ См. указание на подробные обзоры этой полемики в прим.17 к письмам С.Л. Франка (с.284-285).

внести коррективы в мемуары, понять, как складывался авторский состав и тематический отбор статей, увидеть реальные контуры согласия и расхождений «веховцев» — и в критической части сборника, и в его «положительной платформе». Наконец, это показывает и первую непосредственную их реакцию на разразившийся общественный скандал и начатую в печати травлю.

Особый интерес предлагаемых писем еще и в том, что они являлись, по крайней мере для петербургских участников сборника, — едва ли не единственной возможностью высказать свое мнение. Условия создания «Вех» были таковы, что почти все редакционные обсуждения велись письменно. Единственное известное собрание авторов — и то всего лишь четырех: Струве, Кистяковского, Булгакова и Гершензона — состоялось в конце октября — начале ноября 1908, т.е. в момент, когда сборник еще только задумывался и ни состав участников, ни содержание его не были окончательно сформулированы. Остальные встречи были спорадическими и случайными — в момент прибытия кого-либо из петербуржцев в Москву, как, например, 15 января 1909 г. на квартире у Гершензонов в составе: Бердяев, Булгаков, Франк и сам Гершензон⁸. Ни разу за все это время авторы «Вех» не собирались в полном составе. Таким образом, редактор-составитель часто устраивал заочный опрос своих соавторов, собирая их мнения по тому или иному поводу.

Это обстоятельство прекрасно иллюстрируется спором о названии сборника, а предлагаемые варианты — великолепно характеризуют особенности мышления и стилистики каждого из участников. Так, Струве предлагает в качестве названия книги «На́ гору», Булгаков — «К русскому обществу», Франк — «На перепутьи», Изгоев — «К русской молодежи», сам Гершензон — «Московские думы», затем — «Вехи и межи». От последнего в конце концов и отпочковалось окончательное название — «Вехи».

***

Публикуемые письма хранятся в Отделе рукописей Государственной библиотеки им. Ленина в Москве, в фонде М.О. Гершензона (Ф.746). В подборке представлены письма всех авторов «Вех», за исключением Б.А. Кистяковского, чьи рукописи остались нам недоступны. Пользуемся случаем выразить признательность сотрудникам Отдела В.Я. Дерягину, В.Ф. Молчанову и З.А. Силаевой за предоставленную возможность ознакомиться с оригинальными текстами.

Письма печатаются по новой орфографии, авторский синтаксис в подавляющем большинстве случаев сохранен. Подчеркнутые в тексте слова выделены курсивом.

---

⁸ См. письмо А.О. Гершензону от 18 января 1909 г. (ОР ГБЛ. Ф.746. К.20. Ед. хр.10. Л.7 об.).

СПб, 19 Октября 1908

Многоуважаемый Михаил Осипович!

Предлагаемый Вами план сборника, посвященного кризису нашей интеллигенции, я горячо одобряю, вполне понимаю, и с большим удовлетворением приму в нем участие¹. Выполнение его потребовало бы, вероятно, личного собеседования между участниками². Пока имею сделать следующие критические замечания по поводу Вашего плана:

1) Вступительную *captatio benevolen fine* я считаю ненужной и даже вредной. Я представлял бы себе, что должно быть общее предисловие всех сотрудников, в котором была бы высказана идея сборника и отмечено, что, критикуя интеллигенцию, мы апеллируем к ее же нравственным и духовным силам и верим в возможность ее возрождения. Это было бы и правдиво, и вполне достаточно. Во всяком случае, такого рода вступительную статью нельзя поручать Иванову-Разумнику, сотрудничество которого я вообще считаю нежелательным — он сам слишком «современный интеллигент» со всеми недостатками этого типа³.

2) Все сотрудники сходятся, очевидно, в отрицательном отношении к современному состоянию интеллигенции, но могут расходиться (в известной мере) по своим положительным идеалам. С этой точки зрения я считаю участие Бердяева желательным и необходимым, т.к. он один из немногих писателей, смело и свободно говоривших против интеллигенции⁴. Нам нужно было бы условиться сосредоточить работу на *критике*, и лишь кратко наметить положительные идеалы, во имя которых она производится.

3) Желая быть вполне откровенным в таком серьезном деле, я — не зная Вашего отношения к Габриловичу — считаю нужным высказаться против его участия. Я его очень ценю, как талантливого и образованного человека, но той глубины и нравственной серьезности, которая нужна в нашей работе, у него нет⁵. Это суждение, конечно, должно остаться между нами. Намеченную для Габриловича тему я бы предложил поручить Изгоеву — вполне подходящему для нее.

4) Мож[ет] быть, 6-ую тему и можно было бы предложить Бердяеву. Я не сомневаюсь, что он может сказать в ней много верного. Можно было бы озаглавить «Духовный тип интеллигента»⁶.

5) Не находите ли Вы нужной еще одну тему — «Интеллиген-

ция и эстетика»? Я считал бы ее необходимой. И кому ее поручить? Айхенвальду? Или, мож[ет] быть, Горнфельду?»⁷

6) Что касается участия П.Б. Струве, то я уже телеграфировал Вам, прося переговорить с ним в Москве. У него есть большая работа (неоконченная) об интеллигенции и он мог бы дать часть ее (о социализме, о государственности и т.д.).

7) Наконец, что касается моего участия, то о *политике* писать я не могу и не буду. Я не могу в настоящую минуту точно определить, как мог бы я озаглавить свою тему, но во всяком случае она касалась бы *нравственного* мирозерцания интеллигенции. Вообще, обдумывая, что я мог бы написать, я пришел к выводу, что вряд ли можно будет строго разграничить *области* между сотрудниками, и в конце концов надо допустить, чтобы каждый с своей точки зрения и налегал *преимущественно* на одну сторону вопроса, высказал бы *общий* взгляд свой на русскую интеллигенцию.

Но все это подробности — а в идее, повторяю, я с радостью примыкаю к задуманному Вами прекрасному делу.

Книги Ив. Разумника у меня нет; если можно, пришлите ее для рецензии.

Сердечно преданный Вам

С. Франк.

2

СПб, 16 Ноября 1908

Многоуважаемый Михаил Осипович,

Прошу Вас простить меня за долгое молчание. Я был болен и рецензию на Разумника еле успел написать к сроку, и остался сам мало удовлетворенным ею⁸. Если бы можно было прислать мне корректуру ее, я бы исправил (и сократил) ее; но вероятно, это желание запоздало, и придется оставить рецензию, как она есть.

Что касается сборника, то я согласен теперь со всем, что Вы сообщаете. Статью «Интеллигенция и нравственное сознание» беру на себя и постараюсь написать ее к Новому Году. Что касается вопроса о «консерватизме» русск[ой] интеллигенции, то эта тема должна, по моим представлениям, распределиться между мной и Изгоевым, т.к. это — вопрос нравственного уклада и быта. С П.Б.⁹ я говорил и буду напоминать ему, чтобы он придерживался темы, намечаемой характером сборника.

Главная *внутренняя* трудность нашего дела лежит, по-моему, в том, что критика плодотворна только в связи с ясным указанием *нового* идеала, а в этом, положительном, отношении у участников сборника нет надежды на единогласие. Надо употребить каждому из нас много старания, чтобы умело обойти эту трудность.

Еще одну мысль я хотел бы высказать, имея в виду специально тему С.Н. Булгакова. У нас в Петербурге, с приездом Мережковского и его компании, теперь на очереди попытка сочетать «новую» религиозность с старым, традиционным радикализмом, утопизмом, стадностью и прочими ходячими добродетелями интеллигенции¹⁰. Было бы очень важно, чтобы Булгаков (который, я знаю, стоит на совсем иной точке зрения) высказался об этом и против этого. Мережковский думает, что стоит только вместо Маркса поставить Христа, и вместо социализма — царство Божие, чтобы реформа интеллигентского мирозерцания и духовного типа была готова, и это ему конечно может даже удался. Но нам, в противовес этому, чрезвычайно важно подчеркнуть необходимость внутреннего, культурно-нравственного и религиозного перевоспитания интеллигенции. Я говорю об этом, п[отому] ч[то], может быть, в Москве не знают об этой новой моде, на которую *необходимо* реагировать, и прошу Вас при случае передать это С.Н. Булгакову.

Искренне уважающий Вас

С. Франк.

3

СПб, 8 Декабря 08.

Многоуважаемый Михаил Осипович!

Благодарю редакцию «Крит[ического] Обзор[ения]» за предложение...

/.../

В каком положении находится сборник «против интеллигенции»? Что до меня, то я вряд ли успею написать статью к назначенному сроку и был бы рад, если бы Вы могли удлинить мне его. Ведь порядок статей не имеет существенного значения.

Искренне преданный Вам

С. Франк.

4

СПб, 9 февраля 09.

Многоуважаемый Михаил Осипович!

Одновременно с письмом посылаю Вам заказной бандеролью статью «Социализм и кантианство» для Крит. Обзор.¹¹ Что касается статьи для сборника, то я усердно работаю над нею, но к сожалению, дело не продвигается так быстро, как нужно и как бы

мне хотелось¹². Другие текущие обязательные работы (в том числе и статья для Крит. Обозр.) отнимают много времени. Но я рассчитываю послать Вам ее не позднее, чем через неделю, пока ведь Вы можете дать набирать другие статьи. П.Б. Струве тоже пишет.

Привет Вашей супруге. Жму Вашу руку.

Преданный Вам

С. Франк.

5

СПб. 19 февраля 1909.

Многоуважаемый Михаил Осипович!

Наконец могу послать при сем мою статью, которою я далеко не удовлетворен, которую Вы наверно (и справедливо) найдете чересчур «литературной», но лучше которой я в настоящую минуту не способен ничего сотворить. Я рассчитываю непременно на корректуру, которой не задержу, и очень прошу прислать мне ее, если возможно, в двух экземплярах, так как она понадобится мне самому.

П.Б. Струве почти написал небольшую статью, которую Вы на днях получите.

Сердечно благодарю за исполнение просьбы о присылке гонорара за статью в «Крит. Обозр.».

Преданный Вам

С. Франк.

6

СПб. 4 Марта 1909.

Уважаемый Михаил Осипович!

Пожалуйста, известите меня, когда мне будет прислана корректура моей статьи и непременно пошлите ее в двух экземплярах; дело в том, что я обещал через неделю прочесть лекцию с благотвор[ительными] целями, и воспользуюсь для этого своей статьей. В каком положении вообще сборник? Много ли листов отпечатано?

Пользуясь Вашим предложением, прошу также прислать мне гонорар (100 р.).

Моя статейка о Гете для Крит. Обозр. вышла чрезмерно длинной и бестолковой¹³. Трудно вдохновляться — к 1-ому марта!

Жму Вашу руку. Преданный Вам

С. Франк.

СПб. 9 Марта 1909.

Многоуважаемый Михаил Осипович!

Благодарю Вас за присылку денег и корректурных оттисков моей статьи и статьи Кистяковского; все получил. Корректуру я Вам отослал еще в субботу 7-го.

Прежде всего у меня к Вам одна просьба: если еще не поздно, т.е. если моя статья не отпечатана, перемените у нее заглавие, именно поставьте «*Этика нигилизма*» (прежнее заглавие точнее выражает мысль, но уж слишком грузно). Подзаголовок остается, конечно, без перемен. — Что касается заглавия сборника, то не назвать ли его просто «*На перепутьи*»? Струве предлагает что-то вроде «на гору», но это звучит плохо, тогда уж лучше по-латыни «*Excelsior!*». — А как обстоит дело с предисловием? Вы не забыли, что обещали нас предварительно ознакомить с ним? — Ваши и Булгаковск[ие] статьи я не читал еще.

Для апрельск[ой] книги Крит. Обзор. у меня нет никакого материала — придите мне на помощь, вышлите что-нибудь или укажите.

Жму Вашу руку. Преданный Вам

С. Франк.

СПб. 11 Марта 1909

Многоуважаемый Михаил Осипович!

Только что телеграфировал Вам назначенный в Вашем письме пароль «согласен», как получил Вашу телеграмму. Телеграфно невозможно сговориться, и потому пишу и опущу открытку на Никол[аевском] вокзале. Мне мало нравятся «Межи и вехи», и мало нравятся и «Московские думы». Почему они — московские, когда из семи участников трое — петербуржцы? Но «к русской молодежи» мне еще меньше нравилось, т.к. это обращало бы размышления в проповедь, адресованную в определенное место. Если я телеграфировал согласие, то потому, что существенного значения вообще не придаю заглавиям, и не хотел задерживать своей критикой выхода книги. Ввиду того, что выдумка заглавия встречается с такими трудностями, я поддерживаю свое предложение назвать сборник «*На перепутьи*», вместе с тем заявляю, что не протестую ни против какого заглавия, одобренного большинством московских участников. — В Вашем предисловии я просил бы — если не

поздно и если Вы не будете категорически настаивать на этом — исключить фразу в конце «Мы не судим прошлого...» etc. до точки¹⁴. Все существующее исторически неизбежно, но разве это мешает судить и оценивать его? Мы именно *судим* прошлое и настоящее! — Рассчитываю получить от Вас письма Эртеля; напишу о них в «Слово»; Вам не потребуется на это лишнего экземпляра, т.к. избавит от необходимости посылать в «Слово»¹⁵.

Уважающий Вас

С. Франк.

[Приписка сверху:]

Подзаголовок вроде «Сборник статей об интеллигенции» мне все же кажется нужным.

9

СПб. 14 Марта 1909.

[Приписка к письму:]

По выходе нашего сборника — который, надеюсь, рано или поздно преодолет препятствие изобретения заглавия — очень прошу Вас выслать мне, по возможности немедленно, следуемый мне остаток гонорара. Прошу об этом по исключительным обстоятельствам: на днях я должен стать отцом.

С. Франк.

10

СПб, 27 Марта 1909.

Многоуважаемый Михаил Осипович! Пользуясь Вашим обещанием, прошу Вас прислать мне «Письма Эртеля» (в «Слове» я не мог их раздобыть). Не найдете ли возможным, чтобы я написал о них для «Крит. Обозр.»? Философов и Минский как-то не могут вдохновить меня¹⁶. — Как Вам нравятся газетные отклики на «Вехи»? Такого фарисейства, такого лицемерного вопля о нарушении благопристойности и благонамеренности я не ожидал. И это исходит совсем не от фанатиков, а от платонических поклонников чужого фанатизма! Можно только надеяться, что сама интеллигенция правдивее и отзывчивее, чем ее газетные светочи¹⁷.

Преданный Вам

С. Франк.

Саратов, д. Восточного Общества
23 июня 1909.

/.../

Против 3-его издания «Вех», конечно, ничего не имею, и в корректуре не нуждаюсь; прошу только Вас озаботиться уменьшением числа опечаток, которых во 2-м издании имеется порядочно. Буду еще раз настаивать перед участниками, чтобы Вам были возмещены расходы и время по 2-ому и 3-ьему изданию¹⁸. — Когда Вы будете в Москве?

/.../

Искренне преданный Вам

С. Франк.

СПб. 13 Окт. 09.

Дорогой Михаил Осипович, сердечно благодарю Вас за любезную присылку Вашей книги и за дружескую надпись. Мое совершенное несогласие с славянофильством не только политическим, но и философским не мешает мне с большим интересом читать Вашу книгу и наслаждаться ее литературными и идейными достоинствами — хотя при ее чтении мне как-то не верится, что Ваша фамилия оканчивается на «-зон», и кажется, что я читаю произведение православного монаха¹⁹. — Книжка Бутру только вчера дошла до меня; я ее, конечно, верну Вам обратно²⁰. — Статья моя, надеюсь, не опоздала. — Что можете Вы мне порекомендовать как тему для статьи в след[ующем] номере?

Сердечно преданный Вам

С. Франк.

СПб. 18 Декабря 1909.

Многоуважаемый Михаил Осипович!

Давно уже собирался написать Вам. Очень скорблю о гибели «Крит. Обзор.», не только как сотрудник, но и как читатель²¹. «Крит. Обзор.» выделялось своею культурностью и оказалось излишним в России; произошло это во всяком случае не от чрезмерности культуры в России. Журнал без беллетристики, журнал на-

учный, кажется, вообще не может существовать — и это в стране с 150 милл. населением и десятком тысяч ежегодно кончающих высшие учебные заведения. Это очень грустно!

Мой приезд в Москву отнюдь не решен. Я получил приглашение от Морозовой прочесть реферат у нее, но у меня, кажется, не найдется ни времени, ни денег для этого²². Не можете ли Вы сообщить мне адреса Бердяева и Булгакова? — Сборник моих статей — в том числе и статьи из Крит. Обзор. — появится в январе²³. — Деньги за «Вехи» я получил, благодарю Вас. Дальнейшее издание «Вех», вероятно, излишне, и даже неудобно теперь, после того как многие из нас перепечатали статьи оттуда²⁴.

Искренне преданный Вам

С. Франк.

14

СПб. 2 Февраля 1910

Многоуважаемый Михаил Осипович!

Безусловно согласен на 3 пункт, т.е. на передачу 200 р. Ремизову²⁵.

Что касается нового издания «Вех», то я сильно сомневаюсь в его надобности и полагаю, что следовало бы обождать, т.к. запас ведь еще не исчерпан. Но если, по имеющимся у Вас данным, новые 6000 экз. действительно уже нужны, то я предпочел бы, чтобы на нем было выставлено «5-е издание»; это нужно ввиду голосов, утверждающих, что «Вехи» имели успех сенсации и затем сразу потеряли всякое значение (ср[авните] напр[имер] Венгеров в «Русск[их] Ведомост[ях] 1-го Янв.»)²⁶. Если новое издание «Вех» действительно нужно, то надо оповестить о нем, в пику благонамеренному либеральному злорадству. Это соображение, в моих глазах, перевешивает неудобство, обусловленное тем, что многие статьи из «Вех» уже перепечатаны. Но, конечно, в обоих этих пунктах — факте издания и его обозначении — подчинюсь мнению большинства.

Одновременно с сим посылаю Вам только что вышедшую мою книгу. На масляной буду в Москве и буду читать доклад у Морозовой.

Сердечно преданный Вам

С. Франк.

1

[Б/д. Первый лист — письмо Гершензона,
на обороте — ответ Булгакова]

Дорогой Сергей Николаевич,

Заходил к Вам и не застал, а теперь мне надо уйти, оттого пишу. Дайте совет: Изгоев пишет, что в предисловии то, что там названо нашей платформой, для него не совсем приемлемо. Поэтому он просит или выпустить всю вторую часть предисловия, где говорится о том, что нас объединяет, или сделать примечание. — Опустить это, разумеется, невозможно, итак, надо сделать примечание. Согласно письму Изг[оева], я формулирую его так:

*Один из нас — А.С. Изгоев — всецело принимая основной тезис, изложенный выше, расходится с остальными участниками в его **мотивировке.

Признание это, конечно, очень неудобно. Как Вы думаете: что лучше — напечатать такое прим[ечание], или действительно выпустить всю «платформу»? Но эта платф[орма] ведь действительно очерчивает самым общим образом пределы нашего согласия, след[овательно] она заранее обеспечивает нас против упреков в полном разногласии (а с таких упреков охотно начнет всякий кристик). Как же ее выпустить? Посоветуйте, как поступить.

Ваш М.Гершензон.

Сейчас говорил по телефону с Б.А. и Н.А.¹; придумали вот что: сделать такое примечание, но не в предисловии, а *к последнему слову статьи Изгоева*. Лучше бы при заглавии, но уже все отпечатано; сейчас велю вынуть из машины последнюю страницу его статьи. Это отличный выход и по-моему. Согласны ли Вы?

***

[Ответ Булгакова]

Дорогой М.О.,

согласен с тем, что лучше спрятать это примечание не в предисловии, но в конце книги, но ведь это может не удовлетворить И[згоев]а. Вы вели с ним переписку и решайте это. Выпускать «платформу» было бы жаль. Если делать примечание к пред[исловию], то я предложил бы добавить два слова, приписанные синим карандашом.

А с заглавием все также ни взад ни вперед. Б.А., как я и ожидал, против «Москов[ских] дум». Верно, придется признать задачу изобрести заглавие, которое всех бы согласило, квадратурой круга и примириться с формальным: К русской интеллигенции или обществу?

Ваш С.Булгаков.

[В предлагаемом Гершензоном примечании рукой Булгакова вписано: * Только, ** *принципиальной.]

2

[Б/д.]

Дорогой Михаил Осипович!

Первые гранки задержались по недоразумению, я думал, что Вы за ними пришлете, и они лежали несколько дней готовыми на столе. Возвращаю последние и соглашаюсь, чтобы корректура в верстке мне не присылалась. Но очень прошу типографию дать мне, если можно, оттиска 4-5 (исключительно pro auctore!), а если нельзя — то хотя один для доклада.

Я довольно безразлично отношусь к порядку размещения статей в сборнике, особенно если о несистематичности его будет упомянуто в общем предисловии. Поэтому отдаю это в Ваше распоряжение как практического редактора и инициатора.

Ваш С.Б.

Жду корректурных оттисков.

3

[Москва, 24.2.09.]

Дорогой Михаил Осипович!

Свою статью в качестве доклада в р[елигиозно]-ф[илософском] обществе читать я не буду, раздумал, и потому корректура в нескольких экз. мне не нужна, достаточно в одном. Если бы я имел возможность взглянуть на корректуру в верстке хотя ненадолго, я был бы очень доволен, но я не настаиваю, если трудно.

Ваш С.Б.

4

[Б/д] Вторник.

Дорогой Михаил Осипович!

Сейчас обменивался мнением с В.А. Кожевниковым² по поводу заглавия сборника и вполне убежден им в том, что заглавие

«К русской молодежи» не соответствует вполне содержанию и идее сборника, обращающегося ко всему обществу, этим мы ослабляем силу удара и подаем повод обвинить нас в стремлении отделить молодежь от старших и несколько даже заискивать перед ней. Обдумав все это, я решительно высказываюсь против придуманного нами вчера заглавия и, если не найдем Schlagwort'a³, то предлагаю заглавие *К русскому обществу*. Это — сильнее, решительнее, подчеркивает, а не суживает задачу сборника.

Ваш С.Булгаков.

5

11.V.09.

Дорогой Михаил Осипович!

Суэта перед отъездом вместе с экзаменами не позволит мне ни подержать корректуру, ни забежать к Вам и проститься перед летом⁴. Делаю это заочно и шлю привет Вам и М.Б.⁵. Корректуру беру с собой и постараюсь продержать завтра дорогой и прислать от Бердяева, хотя не ручаюсь, что это удастся. Если, однако, этим задержится сборник, то уполномочиваю Вас распорядиться относительно того, чтобы корректура была сделана по старому изданию, п[отому] ч[то] менять я ничего там не намерен. Не забудьте, что мне обещано 3 экз. «Вех» и я прошу 10 оттисков.

Сердечно Ваш

С.Б.

Мой летний адрес: Крым, станция Кореиз.

Прилагаю книгу Лосского и записки р[елигиозно]-ф[илософских] собраний⁶.

6

[Почтовые штемпели:

Кореиз. 5.8.09.

Силламяги. 10.8.09]

Милый М.О., только вчера послал Вам записку о постигшем нас горе⁷. В ответ на Вашу открытку добавляю, что отдаю вполне в Ваше распоряжение свой голос о новом изд[ании] «Вех». Вам виднее, а я сейчас еще не в состоянии вникать во все детали. Работа моя, оставлявшаяся все лето, теперь пока совсем оставлена.

Ваш С.Б.

СТРУВЕ — ГЕРШЕНЗОНУ
(ОР ГБЛ. Ф.746. К.41. Ед.хр.67)

1

Многоуважаемый Михаил Осипович!

Статья моя для сборника очерков готова и отчасти уже переписана. Как я предупредил Вас и других участников беседы в квартире Б.А. Кистяковского, я не могу написать статьи на заданную тему¹. Вышли у меня размышления о роли интеллигенции в политическом развитии России, центральной мыслью которых является одно положение, высказанное мною в полемике с Мережковским в «Речи» о «Великой России»².

Я надеюсь в течение наступающей недели доставить Вам всю статью — в корректуре, может быть, буду делать существенные не столько правки, сколько вставки.

Преданный Вам

8.II.909.

П.Струве.

2

Многоуважаемый Михаил Осипович!

Посылаю Вам окончание моей статьи. К сожалению на то, чтобы не читать гранок этого окончания, я не могу согласиться. Но я не задержу корректуры и верну ее по возможности в тот же день поспев специально для этого на Николаевский вокзал.

Мне бы очень хотелось иметь корректуры других статей, которые предполагают послать всем участникам. Слышал я, что Вы хотите дать подзаголовок сборнику «Интеллигенты об интеллигенции». Я этого не советовал бы и этого не хотел бы.

Преданный Вам

2-го Марта 1909 г.

П.Струве.

3

7.III.909 г.

Многоуважаемый Михаил Осипович.

Я послал Вам сегодня вторую порцию гранок и очень прошу Вас проследить возможно тщательно правку, связанную со вставками.

Что касается примечания, то в нем нет никакого противоречия с содержанием. Основа статьи написана тотчас после отпуска

2-ой Думы, т.е. летом 1907 г., а теперь я только развернул некоторые намеки своей записи и ввел упоминание (несущественное) о «провокации»³. Вот и все.

Но вот о чем я Вас прошу: пожалуйста, в том месте в конце статьи, где говорится о кризисе социализма, вставьте примечание: См. мою статью «Facies hippocratica» в «Русской Мысли» ... г., точное указание на год и книгу, в которой помещена эта статья. Я пишу сейчас, не имея ее, потому сам не могу сделать совершенно точное указание⁴.

Что касается заглавия, то я бы всего охотнее предпочел такое, которое выражало бы приглашение — подняться на гору. Пожалуй можно так и сказать: На гору! Это может показаться претенциозным, но это выражает суть дела. Латинская формула: Sursum corda звучит как-то по-«рачински» (от С.А. Рачинского) и высокопарно⁵.

Подзаголовок: «Интеллигенты об интеллигенции» я «окончательно» не одобряю, может быть потому, что я окончательно впал в первобытное «голштинское» состояние и окончательно забыл свое интеллигентское прошлое⁶.

Преданный Вам

П.Струве.

4

Многоуважаемый Михаил Осипович!

Я согласен на Ваш текст и даже на подзаголовок, но прошу внести сделанные мною поправки. Кроме того я полагаю бы, что это заявление должно пойти как коллективное заявление авторов всего сборника, ибо по существу своему оно не есть индивидуальное, т.е. оно должно пойти без подписи, просто с заголовком «От авторов».

Будьте добры, достаньте мне сверстанные листы статей (после Вашей статьи!).

Так как Вы даете только 10 отд[ельных] оттисков, то я бы просил мне кроме того дать 3 экз. всего сборника.

Посылаю это письмо с вокзала и оно завтра уже будет в Ваших руках.

Преданный Вам

П.Струве.

11. III. 909.

[К письму приложен лист верстки с предисловием М.О. Гершензона к сборнику «Вехи» и поправками П.Б. Струве.]

Многоуважаемый Михаил Осипович!

А.С. Изгоев известил меня, что ставится вопрос о 3-м издании «Вех» и что я должен написать Вам, согласен ли я на таковое. Конечно, я против него ничего не имею. Деньги, причитающиеся мне по 1-ому и 2-ому изданиям, прошу мне оставить до востребования.

П.Е. Щеголев очень хвалил Вашу статью о Гоголе в «Русск[ой] Мысли»⁷.

Преданный Вам

П.Струве.

Адрес: гор. Кириллов Новгородск[ой] губ.
имение Золотилова.

Многоуважаемый Михаил Осипович!

Очень прошу извинить меня за промедление. Ваше предложение относительно статьи о Тургеневе конечно для нас вполне приемлемо. Но поместить статью мы вряд ли могли бы раньше лета или даже осени⁸. Пожалуйста пришлите мне статью по моему петербургскому адресу.

Что же касается предложения А.Г. Фомина, то оно меня затрудняет⁹. Только что вышло два сборника против «Вех» — о них «Русская Мысль» должна дать отзывы и может быть даже не два¹⁰. Кроме того в апреле идет статья Франка о сборнике Бердяева и летом пойдет статья Котляревского о сборнике Франка¹¹. Все это вращается вокруг тем «Вех». Давать еще библиографически-критический обзор литературы (на мой взгляд, малоценный) о «Вехах» мне кажется «Русск. Мысли» будет весьма затруднительно. Вот почему я колеблюсь дать Фомину положительный ответ. Тем более что «Анти-Вехи» эсеровские и кадетские очень усложняют задачу.

Преданный Вам

П.Струве.

7.VIII.909
СПб, Лесной, Б.Спаская, д.5.

1

[Б/д]

Многоуважаемый Михаил Осипович!

Извиняюсь, что несколько запоздал ответом. Дело в том, что еще до Вашего письма П.Б. Струве говорил со мной о сборнике, идейной цели которого я, конечно, вполне сочувствую. Думаю, что сборник будет вовремя и приобретет большое значение. Получив Ваше письмо, я не хотел отвечать на него, не переговоривши предварительно со Струве, который живет за городом в Лесном. Из-за этого и вышла задержка. Сегодня я виделся с П.Б.

Как и тогда при первом разговоре, так и теперь я указал ему, что для статьи о «быте» не считаю себя достаточно способным. Для этой статьи необходим был бы человек с художественным дарованием, который дал бы статью из ряда ярких картин. Я не претендую на художественное дарование и потому в интересах дела должен отклонить эту тему. Когда мы говорили с П.Б. о том, что мог бы дать сборнику я, то я указал, что тема «интеллигенция и знание» чересчур обширна и в таком размере охватить ее я не могу¹. Но часть этой темы, бюрократизм интеллигенции, извращение ею знания вследствие борьбы с абсолютизмом и низведение знания на степень не орудия для жизни, а орудия для достижения одной политической цели, мог бы взять на себя.

Если бы Вы нашли возможным поместить в сборнике статью такого содержания (как ее озаглавить, пока не знаю), то я был бы очень рад принять участие в деле, которое считаю полезным и даже необходимым. Пора, действительно, сказать правду. Иначе интеллигенция не выберется из младенческого возраста и скоро станет тормозом для развития России.

Крепко жму Вашу руку

А.С. Изгоев.

СПб. 2-ая Рота Измайл[овского] полка, д.3 кв.6.

2

[Б/д]

Многоуважаемый Михаил Осипович!

Решаюсь подчиниться. Попробую написать о быте. Но предупреждаю: тема очень трудная и справлюсь ли с ней — не знаю. Ос-

новая идея, что русская интеллигенция даже в лучших своих членах весь свой быт приспособляла не для жизни, а для смерти и самоубийства. Отсюда все минусы, в худших представителях превратившиеся в наиболее безобразные формы жизни, украшаемые фразерством, то трезвым, то пьяным.

Жму Вашу руку

А.С. Изгоев.

СПб, 2-я Рота Измайл. п. д.3 кв.6.

3

СПб. 28 Дек. [1908]

Многоуважаемый Михаил Осипович!

Я уезжал на четыре дня и Ваше письмо пришло перед самым отъездом.

Постараюсь сделать, что возможно, но за результат не ручаюсь. С 1-го января начну писать статью, надеюсь к 15 прислать ее Вам.

Жму Вашу руку. Поздравляю с Новым годом.

Уважающий Вас

А.С. Изгоев.

4

СПб. 10 янв.

2-ая Рота Изм.п. д.3 кв.6.

Многоуважаемый Михаил Осипович!

Работа подвигается. Если не к 15, то 18 января наверняка вышлю Вам статью. За достоинства ее ручаться не могу. Тема статьи велика — пришлось походя затронуть множество явлений. Надо бы по-настоящему писать годы и привести сотни цитат, у меня их очень и очень мало. Впрочем, скоро увидите сами.

Как идет вообще доставление материала? По моему мнению книга должна бы выйти до апреля. Недели за две до выхода пришлите мне сведения о составе и заглавии. Я думаю, что *тогда* полезно было бы поместить заметку в «Литературной Летописи», «Речи», да и в других газетах, особенно в «Р[усских] Вед[омостях]» следовало бы это сделать. Каково Ваше мнение?

Корректуру (вторую) я хотел бы держать сам — я делаю это быстро и задержки не будет.

Горячо жму Вашу руку

А.С. Изгоев.

СПб. 14 января
2-ая Рота Измайловского п. д.3 кв.6

Многоуважаемый Михаил Осипович!

Статью кончил, наскоро перепечатал и посылаю Вам. Боюсь, что если начну еще перечитывать, то она мне совсем опротивит. Я ею очень недоволен². Как я и писал Вам, для такой темы нужен художник-публицист, вроде Короленко или хотя бы Елпатьевско-го³. Только они любят врать. Я же писал полную правду, но так как я головной публицист, то вышло у меня плохо. Ярких картин, художественных образов, цитат нет. Есть идея, есть скелет из точных фактов, который я старался обтянуть мясом и кожей.

Но пришлось затронуть множество вопросов. К этой теме на-до было готовиться годы, собирать материалы и четверть года писать, а мне пришлось все сделать в 1 1/2 месяца. И вышло плохо. Тон неровен. Главы после университета сбились в другую плос-кость. Чувствую это сам, — но исправить не могу.

Предоставляю Вам право производить хирургические опера-ции, какие пожелаете. Только пришлите мне вторую корректуру. Еще оговорка: писал я для средней молодежи, не очень искушен-ной в партийной премудрости — надо действовать на нее.

Если найдется время, черкните мне несколько слов. Пишите прямо и открыто — у меня нет ни капли ложного самолюбия и я могу выслушивать в глаза самую жестокую правду.

Искренне уважающий Вас

А.С. Изгоев.

P.S. Как озаглавить? Мое заглавие длинно и неуклюже. Быт ин-теллигенции — звучит как-то тяжело.

СПб. 6 марта.
2-ая Рота Измайловского полка д.3 кв.6

Многоуважаемый Михаил Осипович!

Сегодня в «Нашей Газете» появилась заметка о предстоящем выходе сборника... конечно с кислой гримасой. Жаль, что раньше не появилось в «Речи» более серьезной заметки. Пришлите мне содержание и оглавление.

Вы, вероятно, не забыли, что я просил прислать мне вторую корректуру — я не задержу.

Жму Вашу руку

А.С. Изгоев.

СПб. 8 марта.
2-ая Рота Изм.п. д.3 кв.6.

Многоуважаемый Михаил Осипович!

Возвращаю Вам корректуру. Как увидите, я сильно почеркал статью, много выбросил. За советы благодарю, большинством их я воспользовался, но Вашего заглавия принять не мог — оно не соответствует содержанию, обещает больше, чем дает статья. Я озаглавил: «Об интеллигентной молодежи» и прибавил подзаголовков (заметки об ее быте и настроениях). Думаю, что такое заглавие правильно выражает, что есть в статье. Но оно громоздко и потому, если Вы подзаголовок выкинете — претендовать не буду.

№ Н[ашей] Газеты у меня под руками нет. Там было 5 строк такого приблизительно содержания: «В непродолжительном времени в Москве под редакцией М.О. Гершензона выходит сборник статей Струве, Изгоева, Бердяева, Булгакова и др. Тема — наша интеллигенция, ее недостатки. Как видно, место кающихся дворян занимают кающиеся интеллигенты».

О Чириковском эпизоде не писали потому, что вопрос сам по себе огромной важности, а повод — скверный. Дело было в веселой компании за ужином; Шайкевич, Дымов и Волынский поступили неприлично; приходится вместо идейного спора разбираться, кто говорил правду — Шайкевич или Чириков и т.д. Все это, особенно после того, как инцидентом овладели реакционеры, достаточно противно⁴.

Жму Вашу руку

А.С. Изгоев.

СПб. 11 марта

Многоуважаемый Михаил Осипович!

Ваша телеграмма, полученная одновременно с письмом, меня очень смутила. К какому заглавию она относится: к заглавию ли моей статьи или всей книги? В первом случае я просил бы оставить заглавие «Об интеллигентной молодежи» — за подзаголовков не стою. Можно заглавие переделать: Заметки об интеллигентной молодежи.

Что касается заглавия всей книги, то я считал бы удачным заголовок: «К русской молодежи». Он придает сборнику боевой тон, то, что надо. Слова подзаголовка «Интеллигенты об

интеллигенции» мне менее нравятся. Заглавие «Московские думы» — ничего не выражает, «Вехи и межи» — туманно, немного претенциозно.

Можно бы оставить: К русской молодежи. Теперь о предисловии. До слов «их общей платформой» — я могу подписаться всецело, но дальше начинается область спорного. Боюсь, что ставя так вопрос, Вы возбудите только бесплодный спор на тему, что было раньше: яйцо или курица? Боюсь, что вместо обсуждения сборника по существу наши противники всю свою артиллерию направят на вопрос: учреждения или личности? — и ничего кроме старого шаблонного спора Вы не получите.

Поэтому, если нельзя обойтись без второй половины предисловия, я просил бы меня выделить, отметив, что я согласен с большинством выводов, но не согласен с мотивировкой и обоснованием. Я тоже полагаю, что для интеллигенции вопросы внут[ренней] духовной жизни имеют первенствующее значение, но обосновываю это совсем иначе. Тут, конечно, не место для этого спора⁵.

Теперь о заметке для «Речи». Как я ее дам, когда Вы мне не сообщили ни точного заглавия книги, ни названий входящих в нее статей? Пожалуйста, поскорее доставьте мне эти сведения.

Прислали ли Вы в редак[ацию] «Речи» Письма Эртеля?

Жму Вашу руку

А.С. Изгоев.

P.S. Если бы предисловие закончить словами «в этом общем деле между нами нет разногласий» — было бы прекрасно.

9

[Б/д. На редакционном бланке газ. «Речь»]

Многоуважаемый Михаил Осипович!

Я несколько не огорчен Вашим письмом. Я сам сознавал все то, о чем Вы пишете. Скажу Вам, что я дописывал статью с большим трудом и с большой неохотой. Уже решил было написать Вам письмо с признанием невозможности выполнить взятое на себя дело. Но испугался, что это может расстроить все предприятие, и послал, что вышло, сознавая, что вышло плохо.

Теперь о дальнейшем. Прибавить указанные Вами две главы *абсолютно* не могу. Не имея трех-четырех месяцев на соби́рание материала, считаю невозможным взяться за такую работу. После первого печального опыта, я бы перестал уважать себя, если бы на это согласился. Вместо того предлагаю Вам такую хирургическую операцию:

Я выкину *все* предисловие.

Главу «Половые скороспелки» сокращу и перенесу в «Отцы и дети».

Сильно сокращу и приведу в связь с предыдущим главу об «идеале». Связь эта, по моему мнению, имеется, т[а]к к[а]к существованием этого идеала многие оправдывают свою лень, неспособность, бездельничанье.

Соответственно с этим изменю заключение.

Тогда надо будет придать всему этому какое-нибудь скромное заглавие, вроде «Заметки о жизни интеллигента-средняка» или что-нибудь в этом роде — подумайте.

Если такая операция Вас удовлетворит, пришлите мне рукопись. Если же нет, и без двух добавочных глав Вы не найдете возможным печатать, то я по чистой совести говорю, в обиде на Вас не буду.

Со Струве на днях увижусь. Жму Вашу руку

А.С. Изгоев.

10

[Б/д, на редакционном бланке газ. «Речь»]

Многоуважаемый Михаил Осипович!

Мне, конечно, очень совестно, что я причиняю Вам столько хлопот и даже материального ущерба (быть может, легче было приклеить особый листочек в конце статьи). Но, согласитесь, что часть вины лежит и на Вас и на П.Б[ернгардови]че. Нельзя платформу редактировать в последнюю минуту. Против сделанного Вами примечания не протестую, хотя бы по тому одному, что все равно ведь в примечании ничего обстоятельно не скажешь.

Дай Бог, чтобы не оправдалось предсказание и весь спор по поводу сборника не соскользнул на шаблонные перепевы: личность или учреждения?

Засим успеха! Еще раз простите за беспокойство. Не питайте ко мне дурного чувства. Крепко жму Вашу руку. Жду случая побывать в Москве и пожать ее в действительности.

Уважающий Вас

А.С. Изгоев.

11

СПб. 2-ая Рота д.3 кв.6.
[Штемпель: С.-Пб. 5.4.09.]

Глубокоуважаемый Михаил Осипович!

Не черкнете ли мне пару слов о том, как идут «Вехи».

Провинциальные газеты я собираю. Оригинальная статья была пока только в «Киевских Вестях», да и то писал Мельгунов из Москвы. Остальные газеты перепечатавают статьи из Р[усских] В[едемостей] и из Нашей Газеты Философова⁶.

Ни в редакции «Речи», ни «Слова» не получен экземпляр для отзыва. Никто не позаботился, чтобы книга здесь была выставлена в витринах.

Кстати, Писем Эртеля в «Речи» до сих пор не получили.

Жму Вашу руку

Ваш А.С. Изгоев.

12

СПб. 11/IV

Глубокоуважаемый Михаил Осипович!

Получил и письмо Ваше и книгу. От души благодарю Вас и вместе с тем должен извиниться перед Вами. Сытин прав. На другой день после того, как я написал Вам, ред[акция] «Речи» получила письма и я уже прочел около половины этой прекрасной книги. Только зачем письма, а главное примечания Черткова? Есть такие глупые, особенно в сравнении с письмами Эртеля⁷.

Вы не можете себе представить, как меня радует успех «Вех», хотя в них и есть крупные недостатки. В №32 ярославской газеты «Голос» есть статья кн. Д.И. Шаховского, я свой номер переслал Струве, по его просьбе⁸.

Жму Вашу руку

Ваш А.С. Изгоев.

13

СПб. 2-ая Рота д.3 кв.6. 15 апреля 1909.

Многоуважаемый Михаил Осипович!

Уже дней 5-6, как в витринах «Труда», Н[ового] Вр[емени] и др. *крупных* магазинов появились «Вехи». Хотя и с опозданием, но Вольф, очевидно, выполнил обязательство. Остались только средние и мелкие магазины. Но стоит ли с ними связываться? Давать им книги в кредит значит давать безвозвратно, и после постоянно, но безрезультатно требовать у них возврата книг или денег. Каюсь, я не могу посоветовать Вам сделать это.

Что касается Эртеля, то меня огорчает не помещение писем Черткова, Бакунина, Кор[оленко] — без них иногда письма Э. не были бы понятны — но *примечания* Черткова. Но, повторяю, кни-

га очень интересная и полезная. Вероятно, в воскресенье буду писать о ней. Жму Вашу руку

А.С. Изгоев.

P.S. Посылаю газеты бандеролью. № «Киевских Вестей» со статьей Мельгунова пропал, быть может достанете в Москве.

14

[Штемпель: С.-Пб. 2.5.09.]

Многоуважаемый Михаил Осипович!

Еже писах — писах. По принципу думаю, что изменений в статье моей делать не следует. Быть может, не мешало бы сделать P.S., но думаю, что 2-ое издание надо выпустить возможно скорее без задержек.

Если бы прислали корректуру, было бы хорошо, но должен предупредить, что между 15 мая и 5 июня меня в Петербурге не будет.

Крепко жму Вашу руку

Ваш А.С. Изгоев.

P.S. На днях вышлю еще газеты.

15

СПб. 7 мая.

Многоуважаемый Михаил Осипович!

Посылаю Вам небольшое «дополнение» ко второму изданию, которое и прошу поместить особо «дополнением».

Оно состоит из двух частей: первую прошу поместить обязательно, что касается второй (о клевете), то всецело предоставляю на Ваше усмотрение. Если не поместите, в претензии не буду⁹.

Когда выйдет 2-ое издание? — Надо бы скорее.

Жму Вашу руку.

А.С. Изгоев.

[К письму приложен текст второй части P.S.:]

Как я и ожидал, десятки господ, из тех, что только и живут каждением молодежи, закричали, что моя статья злостная клевета. Я лучшего мнения о русской молодежи, чем эти ее присяжные защитники. На удочку лести молодежь теперь не захватить. Все искренние люди признают, что указанное нами зло существует и что с ним надо бороться, как реформированием строя, так и моральным и общественным перевоспитанием интеллигенции.

Если печатное слово имеет какое-либо значение, то оно должно стать главным орудием такого перевоспитания.

СПб. 13 мая 1909.

Многоуважаемый Михаил Осипович!

Только что отправил Вам с вокзала корректуру. Прошу выслать мне три книжки и 10 оттисков, только предупреждаю, что с 20 мая по 10 июня меня в Петербурге не будет, а поэтому высылать что-либо следует или до или после этого срока.

Получили ли Вы две новых порции газет? Подготавливается еще. Слова, Речи, Н[ового] Вр[емени] — намеренно не посылаю — вероятно, имеется у Вас. Жму Вашу руку

А.С. Изгоев.

СПб. 9 июня 1909.

2-ая Рота Изм.п. д.3 кв.б.

Глубокоуважаемый Михаил Осипович!

Вы и представить себе не можете, как порадовало меня Ваше письмо. Среди злобного шипения, которое меня постоянно окружает, каждое свидетельство об успехе «Вех», о том, что книгу эту читают, и многие с сочувствием и любовью, служит для меня великим утешением. Как неоднократно приходится мне здесь говорить: «Вехи», каковы бы ни были их недостатки, «*нужная книга*», это слово «*надо было*» сказать. И я рад, что русская читающая публика подтверждает мое мнение.

Конечно, надо печатать третье издание — какой об этом может быть разговор — и чем скорее, тем лучше. Число экземпляров, по моему мнению — те же 3000.

П.Б. Струве в Петербурге нет и, возвратясь из поездки, я не застал его, но сегодня же напишу ему (его адрес: г.Кириллов Новгородской губ. имение Городок П.Б. Струве). Едва ли можно сомневаться в его ответе.

На днях пришлю Вам кое-какие газеты, есть интересные статьи, желательно бы их сохранить: образовать что ли альбом, вырезать и наклеить. Вышла целая книга «В защиту интеллигенции», составленная из статей Арсеньева, Биккермана, Иорданского, Левина, Петрова и др. против «Вех», напечатанных в разных изданиях¹⁰.

В «Слове» были статьи не о «Вехах», а о гнуснейшем реферате по поводу них Биккермана в Петербургском Литературном обществе¹¹. Жму Вашу руку

Уважающий Вас А.С. Изгоев.

СПб. 15 июля
2-ая Рота Измайл.п. д.3 кв.6.

Многоуважаемый Михаил Осипович!

Получили ли Вы мое письмо, в котором я сообщал, что «Речи» следует за объявление 15 р., а «Слову» — 12 р. (напечатаны в кредит).

В Петербурге ни у Суворина, ни у Вольфа второго издания уже нет. По какому адресу пересылать Вам новую накопившуюся литературу. Когда Вы напечатаете в Критическом Обзрении список статей о «Вехах», будьте любезны прислать мне этот № Кр[итического] Об[озрения].

Хотел бы также получить три экземпляра 3-го издания.

Крепко жму Вашу руку

А.С. Изгоев.

СПб. 2-ая Рота Изм.п. д.3 кв.6.
29 июня 1909.

Многоуважаемый Михаил Осипович!

Посылаю Вам вторую порцию литературы заказной бандеролью. Получили ли Вы первую посылку? В №5 «Весов» есть хвалебная статья А.Белого, в №23 «Моск[овского] Еженед[ельника]» дружественная статья Е.Н. Трубецкого¹².

Что слышно с третьим изданием? Когда думаете его печатать?

Жму Вашу руку.

Ваш А.С. Изгоев.

31 июля 1909.

Многоуважаемый Михаил Осипович!

Спасибо за добрую весть. Ввиду вполне выяснившегося настроения читателей надо 4-ое издание печатать в 5000 экз. Я стою за приложение библиографии. Струве напишу и о его ответе извещу Вас. Что касается 2 руб., то пусть они остаются у меня. Если будете печатать объявление о 4-м издании, пришлете двумя рублями меньше. В случае чего вычтете их из моей части гонорара — расходов на два рубля у меня не было. Крепко жму Вашу руку.

Ваш А.С. Изгоев.

С.-Петербург, 11 авг. 1909.

Многоуважаемый Михаил Осипович!

Только сегодня я получил письмо от Струве, он путешествовал и теперь в Москве. Он изумляется успеху книги и не может определить потребное количество экземпляров, предоставляя это Вам. Против указателя ничего не имеет.

У меня уже накопилось порядочно газет, но я не знаю, куда Вам их выслать. Напишите, долго ли Вы еще пробудете в Силламягах.

В августовской книжке журнала Министерства нар[одного] просвещения появилась интересная статья о «Вехах» Милорадовича¹³.

Жму Вашу руку. Жду ответа.

А.С. Изгоев.

СПб. 2-ая Рота д.3 кв.6.
19 25/VIII 09.

Многоуважаемый Михаил Осипович!

Перебирая бумаги, я заметил квитанцию в уплате денег за объявления, которую я, оказывается, забыл Вам переслать.

Посылаю ее. Когда выйдет 4-ое издание? В каком числе экземпляров? Что с третьим? За одно уж сообщите, сколько приблизительно денег выйдет на мою долю и можно ли будет часть получить в начале сентября.

У нас начинается горячая избирательная кампания. Каковы дела Критического Обозрения? — я его не вижу, а не худо бы мне его посылать, в нем может найтись хороший материал для дневников.

Жму Вашу руку.

А.С. Изгоев.

СПб. 2-ая Рота д.3 кв.6.
22 октября 1909

Многоуважаемый Михаил Осипович!

Так как к декабрю я для Р[усской] М[ысли] писать не буду, то мог бы к указанному Вами сроку дать статейку в Крит. Обозр. страницы в 4-5. Но беда в том, что книг Обнинского я не видел и

их у меня нет¹⁴. Если бы Вы мне прислали их не позже 26-27 октября, то я бы справился.

Относительно статьи Ковалевского мы удивительно сошлись во мнениях. Глупее, действительно, не напишешь¹⁵. А тон! Совсем как интервью Столыпина в «Волге». Остроумный фельетонист мог бы на этом сравнении прекрасный узор вышить.

Пожалуй, я с Вами соглашусь, что в газеты писем о Библ[иографии] писать не следует, но сделать в следующем издании (которое, надеюсь, будет к февралю) оговорку, что библиография не полна, и просить авторов и издателей дослать пропущенное, было бы полезно. Я вношу кой-какие дополнения и пришлю Вам.

Вашей книги у нас в витринах не видно.

Жму Вашу руку.

А.С. Изгоев.

24

СПб. 10 янв. [1910]

Многоуважаемый Михаил Осипович!

Спасибо за отклик. Конечно, нам согласить наши взгляды трудно. «Превратить Россию во что-нибудь никто не может». А вот теперь в России насаждается в крестьянстве личная собственность и лет через 50 будут справедливо писать: «Россия превратилась в страну мелких собственников», — но теперь-то пока ведь ее превращают и мы все знаем людей, которые это делают. Не забывает ли у Вас историзм всякую действительность, не обрекаете ли Вы людей на полную пассивность? Великих прав историзма и преемственности я не отрицаю, но и человеческим действием поступить не могу...

Впрочем, оставим полемику¹⁶.

Все собираюсь прислать Вам библиографию «Вех» с моими дополнениями и кой-какие вырезки. Но вот какая приключилась беда: все это до 1 января, а в новогодних обзорах в провинциальных газетах хлынул такой поток статей и заметок о Вехах, что у меня руки опустились и я ни одной статьи не собрал. После начались статьи А.Басаргина в «Моск[овских] Вед[омостях]» — я тоже их почему-то не сохранил¹⁷. Теперь — жалею, но поздно, не соберешь. Приблизительно помню, что статьи и заметки были в Киев[ской] Мысли, Киев[ских] Вестях, Сев[еро-]Кавк[азской] Газ[ете], Вятской Речи, Од[есских] Нов[остях], Южн[ых] Вед[омостях] и мног. др.

То обстоятельство, что «Вехи» теперь идут слабо, меня не огорчает и не удивляет. Читающее общество (и при том несомнен-

но верхи его) насыщено: за 10 месяцев четыре издания — это, право же, очень недурно. Но я бы настаивал, чтобы через месяц или полтора *непрерывно* выпустить 5-ое издание. Напечатаем его в половинном количестве экземпляров (1500) — стереотип есть, бумага, печатание, брошюровка будут стоить значительно дешевле, но напечатать надо в силу целого ряда тактических соображений. Я думаю, что имеющихся в запасе денег на такое небольшое издание хватит.

Если хотите, я переговорю об этом со Струве и Франком. Напишите.

Крепко жму Вашу руку

А.С. Изгоев.

25

СПб. 3 февр.

Многоуважаемый Михаил Осипович!

1) К проекту послать Р[емизо]ву 200 р. присоединяюсь от всей души.

2) На издание 1000 экз. согласен.

3) Решительно протестую против надписи «14-ая тысяча» вместо «5-ое издание». Непременно *пятое издание*. Доводов масса: счет на тысячи у нас не принят, раньше мы их не писали, нечего и теперь. К тому же, он не верен, вышло несколько более 13 тыс. Затем, заметка в газетах, что «Вехи» вышли 5-ым изданием произведет сильное психологическое действие, тогда как 14-ая тыс. ничего не говорит. Это необходимо особенно ввиду выхода Антисеитского Сборника¹⁸. 5-ое издание имеет полное право именоваться пятым, т[а]к к[а]к библиография в нем будет значительно дополнена. Смушаться тем, что выходит только 1000 экз. нечего — серьезные книги сплошь и рядом выходят у нас в 1200 экз.

Ввиду всего этого убедительно прошу отпечатать «пятое издание» и уполномочить меня возможно скорее оповестить в Литер[атурной] Летописи о выходе 5-го издания.

Еще раз, Михаил Осипович, настаиваю на этом — я лучше Вас знаю психологию читающей массы, а считаться необходимо и с ней.

Недавно ведь Пешехонов с особым торжеством заявил в К[иевских] Вест[ях], что 4-ое издание «Вехи» «съело»¹⁹ — надо резким актом нарушить это торжество.

Ваш

А.С. Изгоев.

Вырезки посылаю.

1

ст.Люботин Южных дорог, имение Трутевой
28 декабря 1908

Многоуважаемый М.О.!

Написал уже значительную часть статьи для сборника об интеллигенции. Указания Ваши относительно того, какова должна быть статья согласно редакционному плану, будут мною приняты во внимание. Свои положительные взгляды я выскажу в самой минимальной степени, лишь поскольку это необходимо для моей точки зрения на предмет. В статье не будет резкостей и крайностей. Я буду, конечно, иллюстрировать примерами, как искажались в сознании интеллигенции европейские философские знания. Но деталей я не могу никаких приводить, так как не имею под руками никаких материалов. Вот и думаю, что детали не нужны, так как статья в 1-1¹/₂ листа не может быть обстоятельным историческим исследованием. Всего более я останавливаюсь на психологических причинах, которые делали невозможным для интеллигенции объективное отношение к философии и объективный к ней интерес. Эта традиционная психология создала историю, но теперь должна быть реформирована. К 15 января доставлю Вам статью лично, так как к 10 января буду в Москве.

Преданный Вам

Ник. Бердяев.

2

14 мая [1909]
ст.Люботин, Южных дорог, имение Трутевой.

Дорогой Михаил Осипович! Корректуру своей статьи для 2-го изд. «Вех» уже отослал Вам без всяких изменений, вставил только два примечания. Вам же я хотел посоветовать ни в коем случае не выбрасывать той резкой фразы о гневе народном и правительственных штыках, которая вызвала такое негодование против Вас. Если бы эта фраза оказалась во втором издании выпущенной, то это произвело бы впечатление трусости. Самое лучшее было бы если бы Вы сделали к этой прославившейся фразе разъяснительное примечание¹. Как Вам понравилась статья Мережковского о «семи смиренных»? По-моему очень слабая и скверная статья, смесь риторики с демагогией, стиль холодно-истерический². Но «Вехи» становятся почти историческим событием. Особенно сильное на меня произвело впечатление письмо к авторам «Вех» Архи-

епископа Антония³. Это очень сложное событие, в котором есть и положительные и отрицательные стороны. Меня так это волнует, что я решил напечатать открытое письмо Антонию от себя лично и иное, чем письмо Струве⁴, так как позиция моя совсем иная⁵. Вчера заезжал ко мне на один день в деревню Сергей Николаевич по дороге в Крым. Мы много с ним говорили, но он не предполагает отвечать Антонию в печати, так что отвечать буду только я в качестве не только христианина, но и принадлежащего к Церкви. Сознаю, что писать будет нелегко.

Обращаюсь к Вам за советом по следующему поводу. У меня есть целый ряд статей по общественной психологии, напечатанных в течение последних двух лет главным образом в «Русской мысли», «Моск[овском] Еженедельнике» и «Слове», статей по психологии интеллигенции и революции, по вопросам национальному и церковному и по поводу некоторых литературных явлений. Я хотел бы теперь собрать эти статьи и издать книгу листов в 12-15, которая представила бы некоторое единство. Книга эта по темам и по духу очень близка к «Вехам»⁶. Успех «Вех» позволяет думать, что издание подобной книги было бы вполне своевременным. Не посоветуете ли мне какого-нибудь издателя для моей книги? Очень жалею, что не подумал об этом, когда был в Москве. После банкротства Пирожкова у меня нет связей с издателями⁷.

Сообщите также, когда по Вашему мнению я мог бы перепечатать свою статью из «Вех» без ущерба для 2-го издания?

На каких условиях выходит 2-е издание? Получат ли авторы гонорар, какой и когда? Мне хотелось бы это знать, так как по обычаю я нахожусь в очень затруднительном материальном положении.

Булгаков сообщил мне о религиозном разговоре, который имел с Вами и Франком. Разговор этот показался мне очень значительным и интересным. Привет Вашей жене. Моя жена просит Вам кланяться.

Ваш Николай Бердяев.

3

ст.Люботин, Южных дорог, имение Трутовой
23 июня 1909

Дорогой Михаил Осипович! Спешу ответить Вам, что я согласен на 3-е издание «Вех». Думаю только, что лучше ограничиться 3 тысячами экземпляров. Изменений я делать не буду, так что

мне можно не присылать корректуры. Признаюсь, не ожидал я, что так скоро разойдется 2-ое издание, да еще летом. Мне даже начинает приходить в голову мысль, что быть может назрело время для создания нового журнала. Я Вам на днях вышлю книгу Джемса, которую Вы хотели иметь⁸.

Всего лучшего.

Преданный Вам Николай Бердяев.

4

ст. Люботин, Южных дорог, имение Трутевой
4 августа 1909.

Дорогой Михаил Осипович!

Спешу ответить на Ваше письмо. Боюсь, что с «Вехами» начинается какая-то психопатия или мода, у нас все ведь так. Но я все-таки верю в более медленное положительное действие «Вех»⁹. При таком быстром распространении 3-го издания, конечно нужно приступить к 4-ому изданию. Полагал бы ограничиться 3000 экземпляров, скорее даже меньше, чем больше. Библиографию «Вех» было бы полезно поместить в 4-ом издании. Что касается неприлично большого гонорара, то мысль о нем меня скорее утешает, чем огорчает, так как мои материальные дела неприлично плохи. Кажется, я нашел возможность издать сборник своих статей и хотел бы знать Ваше мнение, удобно ли будет поместить в сборнике статью из «Вех», если он выйдет в конце ноября или начале декабря. Для меня важно было бы поместить эту статью, но я хочу считаться с интересами сборника «Вехи». Для 4-го изд. я никаких перемен не буду делать. Вышла книга В.Иванова «По звездам» (сборник стихов¹⁰). Если хотите, то я напишу для «Крит. обзор.» рецензию об этой книге. Сообщите, согласны ли. Эту зиму буду жить в Москве, но приеду, верно, не раньше начала октября. Кроме задуманной мною философ[ской] работы о знании и вере, предполагаю скоро написать статью о Гюисмансе и католической мистике¹¹ (прочту в Религ[иозно]-филос[офском] обществе). Привет Вам и Вашей жене от Лид[ии] Юд[ифовны]¹² и от меня. Сообщите, когда возврат[итесь] в Москву.

Ваш Ник. Бердяев.

В газете «Приазовский край» была напечатана очень сочувственная статья о «Вехах» за подписью М.Шагинян. Номер в июне-июле¹³.

ПРИМЕЧАНИЯ

Письма С.Л. Франка

¹ В начале октября 1908 Гершензон послал ряду философов письма с предложением принять участие в задуманном им сборнике. Уже 6 октября 1908 г., отвечая на упреки родных в краткости ответов на их письма, он — пока глухо — сообщал брату, А.О. Гершензону: «...у меня поневоле большая переписка с литературными знакомыми...» (ОР ГБЛ. Ф.746. К.20. Ед.хр.9. Л.28). Позднее, 15 ноября, Гершензон писал ему же: «Расскажу *под секретом*. Мне пришло в голову, что теперь надо сказать русской интеллигенции горькую правду о ней; я составил план книжки, и недавно, когда Струве приезжал в Москву, мы собрались (с Кистьяковским и Булгаковым), обсудили дело и распределили темы. Будут писать:

Булгаков:	Рус[ская] интелл[игенция] и вопрос религиозный.
Бердяев:	— ” — и философия.
Франк:	— ” — и вопросы нравственности.
Кистьяк[овский]:	— ” — и правосознание.
Изгоев:	— ” — и научное невежество.
Струве:	— ” — и идеи социализма.
Я:	— ” — и литература.

Книжка должна выйти в марте; я редактирую и напишу предисловие. Мы хотим сказать, что рус[ская] интелл[игенция] со своим политиканством, сама того не заметя, зашла в тупик, погрязла в болоте. Будет, конечно, скандал, будут нас ругать на все корки, но это необходимо» (Там же. Л.41). Как и для большинства участников сборника, «Вехи» были закономерным этапом творчества. Для четырех «веховцев» (Булгаков, Бердяев, Струве, Франк) книга 1909 года была «прямым продолжением и углублением идейной линии "Проблем идеализма"» (Франк С.Л. Биография П.Б. Струве. Нью-Йорк, 1956. С.83). Для Гершензона она стала продолжением идей, высказанных им в ранних статьях (о ранних мотивах «веховской» статьи Гершензона см.: Levin A. M. O. Gershenzon and Vekhi. — Canadian Slavic Studies, 1970. Vol.4. N1. Spring), а также в самом характере мировоззренческой позиции, лежащей в основе его исторических штудий (см. об этом: Проскурина В. «Творческое самосознание» Михаила Гершензона. // Литературное обозрение. 1990. №9).

² Это суждение Франка, как и последующие обстоятельства появления «Вех», корректируют ставшее общим местом представление об истории выхода сборника, высказанное тем же Франком впоследствии: «Гершензон — вообще человек чудаковатый и капризный — решил в интересах независимости суждения отдельных участников не знакомит никого из нас до напечатания со статьями остальных сотрудников, так что каждый из нас ознакомился с содержанием "Вех" только после их опубликования, не было и никакого предварительного редакционного сговора и обмена мнениями» (Франк С.Л. Ук. соч. С.82). Видимо, здесь имеет место историческая аберрация: Франк переносит на Гершензона 1908-1909 гг. от-

печаток взаимоотношений, определившихся после 1917 (Гершензон, в отличие от основного ядра «веховцев» не был выслан из России и возвратился в нее осенью 1923 — после 10 месяцев, проведенных для лечения в Германии).

³ Гершензон первоначально планировал привлечь в сборник Иванова-Разумника (наст. фам. Иванов Разумник Васильевич, 1878-1946), критика, публициста, представителя «неонароднической» эстетики. Летом 1908 г., отдыхая на даче близ Петербурга и часто наезжая туда по делам, Гершензон сблизился с Ивановым-Разумником, о чем сообщал брату в письме от 11 июня 1908 г.: «Близко я сошелся эти дни с Ивановым-Разумником» (Там же. Л.5). Франк дважды отзывался о работах этого критика: в первый раз сочувственно, в рецензии на его «Историю русской общественной мысли» (СПб., 1907), затем — негативно, в рецензии на книгу «О смысле жизни» (СПб., 1908). (См.: Критическое обозрение. 1907. №1; там же. 1908. №7). В том же тоне, что и в письме к Гершензону, Франк писал, что новая книга Иванова-Разумника с ее «гедонистической теорией жизни», проповедующей ту же «борьбу за счастье народа» не во имя долга или Бога, а потому что «так хочется», «есть просто *reductio ad absurdum* традиционной нигилистически-оптимистической веры русской интеллигенции» (Критическое обозрение. 1908. №7. С.37-38). Видимо, это выступление на страницах близкого Гершензону журнала окончательно убедило инициатора «Вех» отказаться от привлечения Иванова-Разумника к участию в сборнике.

⁴ См. статьи Н.А. Бердяева 1907-1908 гг. («Русские богоискатели», «Из психологии русской интеллигенции», «К вопросу об интеллигенции и нации»), впоследствии составившие основу его книги «Духовный кризис интеллигенции» (СПб., 1910). Эти работы во многом подготовили «веховское» выступление.

⁵ Речь идет о Леониде Евгеньевиче Габриловиче (псевд. Галич, 1878-1953), публицисте, физике, приват-доценте Петербургского ун-та по кафедре философии, активном сотруднике журнала «Вопросы философии и психологии».

⁶ Речь идет о первоначальном плане сборника, в котором темы статей не совпадали с окончательными.

⁷ Ни Юлий Исаевич Айхенвальд (1872-1928), критик, литературовед, ни Аркадий Георгиевич Горнфельд (1867-1941) — литературовед, библиограф, сотрудник «Русского богатства», — не были привлечены к участию в сборнике ни на одном из этапов его подготовки.

⁸ Имеется в виду рецензия на книгу Иванова-Разумника «О смысле жизни» (см. прим.3).

⁹ П.Б. Струве. Франк, рекомендовавший Александра Соломоновича Изгоева (наст. фам. Ланде, 1872-1935), писал о его идейной близости к Струве (Франк С.Л. Ук. соч. С.82).

¹⁰ Франк продолжает здесь полемику с концепцией «нового религиозного сознания», культивируемой Д.С. Мережковским, Д.В. Философовым и их кругом. Бердяев в 1907 назвал это «политиканствующей религией» («К вопросу об отношении христианства и общечеловечности»). В том же русле пишет и Франк в статье, переданной Гершензону для «Критического обозрения», посвященной книге Мережковского «В тихом омуте». Статья эта во многом параллельна «веховскому» выступлению. Франк замечает: «...когда вся сущность веры усматривается в одной лишь действительности, и притом общественно-политической, то "Бог и дьявол", "Христос и антихрист" становятся простыми кличками для партийных направлений и партийной борьбы» (Критическое обозрение. 1909. Вып.1. С.21).

¹¹ Протестуя против попыток новейшей современной «левой» философской мысли совместить социализм с этическим учением Канта, Франк писал о враждебности друг другу Канта и Маркса, поскольку «марксизм в философском смысле есть нигилизм — отрицание общеобязательных ценностей и открытое провозглашение классового эгоизма единственным практическим мерилom» (Франк С.Л. Социализм и кантианство.// Критическое обозрение. 1909. Вып.2. С.350). Впоследствии статья вошла в книгу «Философия и жизнь» (СПб., 1910).

¹² К середине января было лишь начато составление «Вех». Гершензон сообщал брату 18 января 1909 г.: «Она [книга об интеллигенции. — Публ.] быстро продвигается. Уже готовы статьи у Булгакова и Бердяева; я их еще не читал. Они переписываются. Франк сейчас здесь — и пишет, к 25-му верно кончит. Кистяковский пишет свою в Берлине, и 22-го привезет; я свою хочу писать после всех. Остановка только за Струве, который не отвечает на письма» (Там же. Ед.хр.10. Л.7-7об.). В начале февраля уже шел набор первых статей для сборника. В письме к брату от 11 февраля 1909 г. М.О. Гершензон сообщает: «...эти дни еще писал статью для сборника об интеллигенции. Сборник уже печатается и тоже отнимает у меня время» (Там же. Ед.хр.10. Л.13).

¹³ Речь идет о статье С.Л. Франка «К характеристике Гете» (Критическое обозрение. 1909. Вып.3).

¹⁴ Фраза из предисловия, написанного Гершензоном, исключена не была.

¹⁵ Рецензия Франка на «Письма А.И. Эртеля. Под ред. и с предисловием М.О. Гершензона» (М., 1909) была опубликована в «Слове» (28 мая), а затем вошла в книгу Франка «Философия и жизнь».

¹⁶ В апрельском выпуске «Критического обозрения» (вып.4) Франк поместил рецензию на две книги — Д.В. Философова «Слово и жизнь» и Н.Минского «На общественные темы».

¹⁷ Отклики на «Вехи», составившие обширную библиографию, приложенную к 4-му изданию и дополненную в 5-м издании, анализировались в наиболее полном виде в работах: Полторацкий Н. «Вехи» и русская ин-

теллигенция. // Мосты. 1963. №10; Oberlander G. Die Vechi-Diskussion (1909-1912). Köln, 1965; Levin A. Andrey Bely, M.O. Gershenzon and Vekhi. — Andrey Bely: A critical Review. U. of Kentucky. Lexington, 1978; Read Ch. Religion, Revolution and the Russian Intelligentsia 1900-1912. The Vekhi Debate and its Intellectual Background. London, 1979.

¹⁸ 2-е издание «Вех» увидело свет 27 мая 1909 г. Гершензон писал брату 28 мая: «"Вехи" вышли вчера, и до 2 часов было продано 700 экз.» (Там же. Ед.хр.11. Л.7об.). А 5 июня 1909 г. Гершензон не без удовольствия сообщил родным: «Кончилось печатание "Вех", дома шла укладка, потом, когда "Вехи" вышли, я три дня безвыходно сидел в конторе "Критического] Об[озрения]" и продавал их, принимая квитанции, деньги и пр., так что, бывало, только в 2-3 часа дня в первый раз урву 5 минут, чтобы закутить. В эти первые три дня я продал почти все издание: 2200 экз. из 3 тыс., так что на днях надо уже печатать третье издание» (Там же. Л.8). 20 июля 1909 г. Гершензон пишет брату: «3-е изд. "Вех" вышло 17-го» (Там же. Л.17об.). Хлопоты по изданию «Вех» Гершензону возместились — после 4-го издания, вышедшего в сентябре, он взял себе 400 руб. гонорара. В письме к брату от 4 октября он сообщает: «...я решил взять себе за труд по изданию "Вех" (4 издания — и доход ведь огромный) и взял 400 руб.» (Там же. Ед.хр.12. Л.1об.). 29 октября: «А "Вехи" все идут: за пять недель продано 1700 экз.; опять здесь третьего дня читался доклад о них, и пр. Они дали нам чистого дохода уже 6000 руб., и еще дадут. Я лично получил гонорара 700 руб., да 400 взял себе за редакцию. Даже совестно: хочу предложить участникам остальной доход пожертвовать на что-нибудь» (Там же. Л.8).

¹⁹ Речь идет о книге Гершензона «Исторические записки (о русском обществе)», куда вошли статьи об И.В. Киреевском, Ю.Ф. Самарине. Работы Гершензона в области истории славянофильства вызывали неоднозначные оценки. С одной стороны, раздавались настороженно-льстивые голоса, вроде Розановского. В начале января 1913 г. В.В. Розанов писал Гершензону: «Вы с неизмеримо большим умом и вкусом избрали разработку и историю славянофильства, и не я один, а множество русских и даже вообще, я думаю, русские оглянулись на это с удивлением и, я думаю, с затаенным восхищением. Очень немногие (все-таки есть) — с недоверием как к невозможности (т.е. с недоверием не к личности Вашей, а к трудности и невероятности факта)» (ОР ГБЛ. Ф.746. К.40. Ед.хр.57. Л.22об.). С другой стороны, Струве, например, обвинил Гершензона в славянофильстве (Русская мысль. 1909. №12. С.185). Гершензон вынужден был оправдываться — в своем «Ответе П.Б. Струве (По поводу "Исторических записок")» он не без иронии писал: «Начну с того, что книга моя вовсе не имеет целью воскресить славянофильство. Какой же я славянофил? — я, как вы знаете, еврей» (Русская мысль. 1910. №2. С.175). Наконец, в письме к А.Г. Горнфельду Гершензон дал своего рода исповедь по поводу собственного национального самоощущения: «Последнее время мне не раз приходилось слышать иронию: Герш[ензон] — славянофил. Плоская шутка, но мне надоело. /.../ Вот мое непосредственное чувство:

я чувствую себя евреем и социально, и субъективно-психологически. Наче- счет первого я как раз последнее время (постарел, должно быть) часто мучаюсь: не вижу для себя никаких путей к активному участию в еврей- ских делах. Второе же во мне всегда было очень ясно и теперь только силь- нее, я чувствую свою психику совершенно еврейской и совершенно разде- ляю точку зрения Чуковского, Андрея Белого и пр., т.е. я уверен, что *ин- тимно* понять русских я не в состоянии. Поэтому я тщательно избегаю таких тем (в противоположность Айхенвальду, напр.). Вся моя работа в области рус[ской] литературы имеет предметом вечные темы — обще- человеческие» (ЦГАЛИ. Ф.155. Оп.1. Ед.хр.269. Л.1; письмо от 20 января 1910 года).

²⁰ Речь идет о книге Э.Бутру «Вильям Джеймс и религиозный опыт» (М., 1908; пер. Н.М. Соловьева), на которую Франк вскоре написал ре- цензию (см.: Франк С.Л. Религия и наука.// Критическое обозрение. 1909. Вып.6. Октябрь).

²¹ Журнал «Критическое обозрение», издававшийся приятельницей и покровительницей Гершензона Е.Н. Орловой (Гершензон вел в нем лите- ратурный отдел), прекратил свое существование с 1910 года.

²² Речь идет о докладе Франка «Прагматизм, как философское учение» (см. его публикацию и отчет о его обсуждении: Русская мысль. 1910. №5).

²³ Сборник С.Л. Франка «Философия и жизнь» (СПб., 1910).

²⁴ Помимо Франка и Гершензона («Исторические записки»), «вехов- ские» статьи перепечатали еще двое авторов — Бердяев («Духовный кри- зис интеллигенции». СПб., 1910) и А.С. Изгоев («Русское общество и ре- волюция». М., 1910). Булгаков перепечатал статью из «Вех» во II томе книги «Два града» (М., 1911), а Струве — в книге «Patriotica. Политика, культура, религия, социализм» (СПб., 1911).

²⁵ Гершензон осуществил свой замысел благотворительной акции — собрал деньги для сильно нуждавшегося А.М. Ремизова.

²⁶ Франк упоминает о статье С.А. Венгерова «Литературные настро- ения», где автор писал: «А "Вехи" вспыхнули на минуту, а потом остал- ся от них один чад» (Русские ведомости, 1 января 1910 г. С.14).

Письма С.Н. Булгакова.

¹ Б.А. Кистяковский и Н.А. Бердяев.

² Имеется в виду Владимир Александрович Кожевников (1852-1917), философ, участник религиозно-философского общества им. В.Соловьева в Москве, публикатор сочинений Н.Ф. Федорова.

³ Меткого слова (нем.)

⁴ Булгаков состоял профессором политической экономии Москов- ского института и приват-доцентом Московского ун-та; речь идет об экзаменах в этих учебных заведениях.

⁵ Упомянута Мария Борисовна Гольденвейзер (1873-1940), жена М.О. Гершензона.

⁶ Вероятно, Булгаков послал Гершензону книгу Николая Онуфриевича Лосского (1870-1965) «Обоснование интуитивизма», вышедшую в серии «Записки ист.-фил. факультета императорского С.-Петербургского университета» 2-м изданием в 1908 году (с дополнением — двумя новыми статьями; 1-ое издание — 1906 год). Далее упоминаются «Записки Петербургских религиозно-философских собраний (1902-1903)». СПб., 1906. Лосский был приглашен Булгаковым к участию в «Вехах»: «Когда сборник [«Вехи». — Публ.] был задуман, я получил от С.Н. Булгакова письмо с предложением написать для него статью. В то время, однако, я весь был поглощен занятиями гносеологиею и логикою; отвлекаться в сторону для статьи о проблемах общественной жизни мне было трудно, и я выразил сожаление о том, что не могу принять участия в сборнике. Булгаков написал мне, что я, по-видимому, предпочитаю "splendid isolation"» (Лосский Н.О. Воспоминания. Мюнхен. 1968. С.148).

⁸ 27 августа 1909 года умер маленький сын Булгаковых — Иван (род. 25 декабря 1905 года).

Письма П.Б. Струве.

¹ См. прим.1 к письмам Франка, где указана предварительная тема статьи Струве.

² См. статьи П.Б. Струве «Ответ Д.С. Мережковскому» (Речь, 24 февраля 1908 года) и «Кто из нас максималист?» (Речь, 18 марта 1908 года), в которых концепция «Великой России» возводилась на основе «национально-либерального национализма».

³ Примечание свидетельствовало о том, что Струве написал основную часть «веховской» статьи в 1907 году. Действительно, тогда он задумывал написать книгу, подводящую итоги, — и своего личного пути, и пути, пройденного интеллигенцией, и пути самой революции. Книга должна была называться «Интеллигенция и революция». Глава этой незаконченной работы стала частью «веховской» статьи Струве, добавившего фрагмент о провокации (см.: «В настоящее время с полной ясностью раскрывается, что в этом делании революции играла роль ловко инсценированная провокация...» и т.д.).

⁴ Опубликована в «Русской мысли», 1907. №10. Ч.2. С.220-232.

⁵ «Sursum corda» — Горé имеем сердца (Плач Иеремии, III, 41; Евхаристический канон). Здесь — тонкий укол М.О. Гершензону, употребившему эти слова на первой странице своей монографии «П.Я. Чаадаев. Жизнь и мышление» (СПб., 1908) в качестве своеобразного идейного лейтмотива. Сравнение с Сергеем Александровичем Рачинским (1833-1902), педагогом, писателем религиозно-народнического толка, также носит иронический характер — не случайно Струве будет вскоре после выхода

«Вех» обвинять Гершензона в «народничестве», «народнопочтении», «моралистическом рационализме», — «грехах», в которых обвиняли сочинения Рачинского (Струве П. *Patriotica*. Политика, культура, религия, социализм. СПб., 1911. С.479, 473).

⁶ Шутливый намек Струве на собственное «поправление».

⁷ Струве передает комплимент Павла Елисеевича Щеголева (1877-1931), историка революционного движения в России. Статья Гершензона «Завещание Гоголя» (*Русская мысль*. 1909. №5) была посвящена анализу «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя и знаменитого письма Белинского к Гоголю. Статья чрезвычайно удачно вписывалась в контекст его «веховского» выступления, служила своего рода переводом положений «Вех» на язык историко-литературного исследования. Размышления о Гоголе, чувствовавшего в Христе «только тонкого психолога» и связывавшего идею личного спасения с идеей служения общему благу, государству, не могли не запомниться современникам. Не случайно П.Н. Сакулин в неопубликованной статье «Апология духа (М.О. Гершензон и русская интеллигенция)» сравнил судьбу Гершензона в связи с полемикой вокруг его статьи в «Вехах» с судьбой самого Гоголя после выхода «Выбранных мест...»: «/.../ в его [Гершензона. — *Публ.*] писательской жизни "Вехи" сыграли, пожалуй, ту же роль, что и в жизни Гоголя "Выбранные места из переписки с друзьями". Гоголь не был понят до конца; его сокровенные думы о жизни не были оценены, и в нем увидели только апологета николаевской России. То же случилось с М.О. Попытались обвинить его чуть не в реакционерстве, — с озлоблением говорили, что он, причисляющий себя к русской интеллигенции, протягивает руку властям, насильникам народа и интеллигенции» (ЦГАЛИ. Ф.444. Оп.1. Ед.хр.14. Л.3; статья 1925 года).

⁸ Речь идет о статье Гершензона «Поэмы И.С. Тургенева» (*Русская мысль*. 1910. №9).

⁹ Обзор Александра Григорьевича Фомина (1887-1939), историка литературы, библиографа, — не был напечатан.

¹⁰ Два сборника — «Интеллигенция в России» (кадетский) и «Вехи как знамение времени» (эсеровский), оба помечены 1910-м годом. 3 сентября Гершензон сообщал брату: Теперь печатаются два сборника против "Вех": один в Петерб[урге] — кадеты и мирно-обновленцы, Гредескул, Арсеньев, Овс[янико]-Куликовский и др., другой в Москве — с.-р.: Мякотин с компанией. Это обещает нам много брани и еще 2-3 издания» (ОР ГБЛ. Ф.746. К.20. Ед.хр.11. Л.27).

¹¹ Статья Франка «Философские отклики. Новая книга Бердяева» (рецензия на «Духовный кризис интеллигенции») опубликована в №4 «Русской мысли» за 1910 г. Статья Котляревского не была опубликована, видимо, из-за избытка материалов, связанных с Франком: в №5 был помещен (помимо статьи самого Франка «Прагматизм как философское учение») стенографический отчет о диспуте в московском философском собрании по поводу работы философа.

¹ О первоначальной теме статьи Изгоева см. прим.1 к письмам С.Л. Франка.

² Действительно, статья Изгоева не понравилась большинству авторов сборника. Говоря о ее первоначальном варианте, Гершензон сообщал 18 января 1909 г. брату: «Дня четыре назад прислал свою статью Изгоев ("Быт интеллигенции"). Я ее прочитал — она плоха. Третьего дня собрались у нас Булг[аков], Бердяев и Франк, и мы совместно обсуждали ее, а вчера я написал Изгоеву, какие мы просим его сделать поправки. В конце будущей недели начну печатать» (ОР ГБЛ. Ф.746. К.20. Ед.хр.10. Л.7об.).

³ Сергей Яковлевич Елпатьевский (1854-1933) — писатель, публицист, автор очерков нравов.

⁴ Речь идет о литературном скандале, в котором были замешаны перечисленные Гершензоном лица. Писатель Евгений Николаевич Чириков (1864-1932), сотрудник левой прессы, во время литературного чтения в доме артиста Ходотова резко раскритиковал новую пьесу еврейского писателя Шолома Аша «Белая кость». В результате разгорелся спор о «способностях» той и другой нации «понять быт» друг друга. Полемика, свидетелями которой были Самуил Соломонович Шайкевич, присяжный поверенный, Осип Дымов (наст. фам. Иосиф Исидорович Перельман, 1878-1959), драматург и прозаик, и критик Аким Львович Волинский (наст. фам. Флексер, 1861-1926), — быстро сделалась достоянием правой печати (см., напр. «Новое время» от 5 марта 1909 г.). См. также подробное изложение этого эпизода в кн.: Вл.Жаботинский. Фельетоны. Изд. 3-е, дополненное. Изд-во С.Д. Зальцман. Берлин, 1922.

⁵ См. обмен письмами между Булгаковым и Гершензоном по этому поводу.

⁶ См.: Мельгунов С. Нашли виновника.// Киевские Вести. 25 марта 1909 г.; Игнатов И. Литературные отголоски.// Русские ведомости. 1909. №69; Философов Д. О любви к отечеству и народной гордости.// Наша Газета. 2 марта 1909 г.

⁷ Письма и примечания Владимира Григорьевича Черткова (1854-1936), одного из ближайших друзей и единомышленников Л.Толстого, вызвали негативную реакцию у многих, особенно на фоне блестящих писем самого Эртеля (см., напр., рецензию П.Б. Струве «На разные темы. "Вехи" и "Письма Эртеля"»).// Русская Мысль. 1909. №5).

⁸ Статья кн. Д.Шаховского «Слепые вожди слепых» (Голос. 3 апреля 1909 г.), упрекавшего Струве в ренегатстве, вызвала резкий ответ самого Струве (см.: Русская мысль. 1909. №5).

⁹ Это дополнение «о клевете» во 2-м издании помещено не было.

¹⁰ Сборник «В защиту интеллигенции» (М., 1909) состоял из статей представителей социал-демократического и либерального направлений.

¹¹ И.М. Биккерман 22 мая 1909 г. выступил с докладом в Петербургском литературном обществе.

¹² См.: А.Белый. Правда о русской интеллигенции.// Весы. 1909. №5; Е.Трубецкой. «Вехи» и их критики.// Московский Еженедельник. 1909. №23.

¹³ См.: Милорадович К.М. «Вехи». Сб. статей.// Журнал Министерства народного просвещения. 1909. №8.

¹⁴ А.Изгоев поместил рецензию на кн. В.Обнинского «Новый строй» (2 ч. М., 1909) в «Критическом обозрении» (1909. Вып.8).

¹⁵ Речь идет о статье Максима Максимовича Ковалевского (1851-1916), историка, юриста, социолога, члена партии «демократических реформ». См.: Интеллигенция в России. СПб., 1910 (фактически сборник увидел свет уже в октябре 1909 г.).

¹⁶ Изгоев отвечает на письмо Гершензона, высказавшего свои соображения в связи с выходом книги «Русское общество и революция».

¹⁷ См.: Басаргин А. Течения встречные; Компромиссы (Московские ведомости. 1910. 6 и 12 января).

¹⁸ См. прим.10 к письмам Струве.

¹⁹ См.: Пешехонов А. Свободная кооперация. // Киевские вести, 30 апреля 1909 г.

Письма Н.А. Бердяева.

¹ Речь идет о знаменитой фразе из статьи Гершензона «Творческое самосознание»: *«Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, — бояться его мы должны пуше всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной»*. 1 мая Гершензон сообщал брату: *«"Вехи" меня просто замучили: точно град, сыпятся на меня ежедневно десятки вырезок из газет — статьи, фельетоны и пр.; теперь их у меня уже далеко за 50, а еще многих я наверное не знаю. Слева бранят жестоко, справа одобряют (Нов[ое] вр[емя] и М[осковские] Вед[омости])*. Последние дни весь шум сосредоточился вокруг моей *"погромной"* фразы (последняя на стр.88-ой), действительно неосторожной, а главное — грубо непонятой. После лекции Мережковского даже Струве восстал на меня и написал в *"Слове"* очень грубую статью о моей фразе. Прилетел Кистяк[овский] с этой статьей, настаивал, чтобы я отвечал, но я отказался отвечать, а во 2-м изд. сделаю примечание». (ОР ГБЛ. Ф.746. К.20. Ед. хр.11. Л.2). «Грубая» статья Струве — *«О "Вехах"»* (Слово. 25 апреля 1909 г.). Корректирующее смысл сакраментальной фразы примечание было внесено Гершензоном во 2-е изд. «Вех». В «Исторических записках», куда вошла «веховская» статья, фраза вообще была исключена.

² См.: Мережковский Д. Семь смиренных. // Речь. 26 апреля 1909 г.

³ См.: Архиепископ Антоний. Открытое письмо авторам сборника «Вехи». // Слово. 10 мая 1909 г.

⁴ См.: Струве П.Б. Ответ Архиепископу Антонию. // Слово. 10 мая 1909 г.

⁵ В своем «Открытом письме Архиепископу Антонию» (Московский еженедельник, 15 августа 1909 г.) Бердяев критиковал «дела церкви», говоря о том, что «церковь Христова держится на вере в правду распятую, а не силу распинающую». Здесь же Бердяев подчеркнул, что «веховцы» сознают, что вина за творящееся в России лежит не только на интеллигенции, против которой они выступили, но и на самой власти.

⁶ Имеется в виду сборник «Духовный кризис интеллигенции».

⁷ Михаил Васильевич Пирожков (1867-1926 или 1927) — издатель, выпустивший книги Бердяева «Новое религиозное сознание и общественность» (СПб., 1907) и «Sub specie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные. 1900-1906» (СПб., 1907).

⁸ Речь идет о книге У.Джеймса «The meaning of truth...» N.Y., 1909.

⁹ Позднее, подводя итоги «положительного действия» «Вех», Гершензон писал брату 31 марта 1910 г.: «Попадут "Вехи" в историю — это уже несомненно. Мы далеко не ожидали такого большого впечатления. Под строжайшим секретом скажу вам, что мы собираемся издать осенью еще одну такую книжку, приблизительно в том же составе соучастников, — исключительно теоретически; тема сборника: личное совершенствование и общественные реформы (т.е. что из них важнее и каково взаимное отношение того и другого). Этот вопрос есть фокус "Вех", но его мало заметили; теперь нам надо разъяснить его без всякого отношения к русской интеллигенции, только по существу. Я отказался от редакторства — и "Вехи" мне довольно надоели — но статью напишу». (ОР ГБЛ. Ф.746. К.20. Ед.хр.13. Л.19об.).

¹⁰ См. его статью «О книге Вяч. Иванова "По звездам"» (Московский еженедельник. 1909. №42).

¹¹ Все эти замыслы Бердяев реализовал. См.: «Вера и знание» (Вопросы философии и психологии. 1910. №102); «Утонченная Фиваида (религиозная драма Дюрталь-Гюйсманса)» (Русская мысль. 1910. №9).

¹² Лидия Юдифовна Бердяева (Рапп, 1889-1945) — жена Н.А. Бердяева.

¹³ См.: М.Шагинян. Еще о «Вехах». // Приазовский край. 29 июня 1909 г.

С.А. Аскольдов
ИЗ ПИСЕМ К РОДНЫМ (1927-1941)

Публикация А.Сергеева

Но что мечтать о невозвратном
И взор в прошедшее вперять;
При этом зареве закатном
Мне надо жить и умирать
И, сохранив всю духа силу,
В упорной мысли и труде
Зерном упасть в свою могилу
Храня мечту о красоте.¹

Трудно сказать, насколько были близки С.А. Аскольдову горькие слова В.Б. Струве, писанные им брату по поводу сборника «Вехи»: «Сказавши правду не надо было "конфузиться" и извиняться. Вы не сказали еще одной правды — не знаю умышленно, или неумышленно: что наша интеллигенция воспитана и обучена на медные гроши, посему и цена ей соответственная. /.../ так и чувствуется, что это недосказано. Если бы это осмелились сказать, то "негодованию" не было бы предела»².

В непростых размышлениях Аскольдова о долге и роли интеллигенции, пронизавших всю его жизнь, с особой остротой пульсировала тема справедливости³. Размышляя о сложности осуществления принципа

---

¹ Из стихотворения Аскольдова, посвященного сыну (Архив А.С. Алексеевой). В этих строках, на наш взгляд, верно и емко отражен последний этап жизни мыслителя.

² Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Ф.753. Д.104. Л.6 об.

³ Аскольдов С.А. Идея справедливости в христианстве. // Философский сборник Льву Михайловичу Лопатину к тридцатилетию научно-педагогической деятельности. М., 1912. С.76-96. Эта работа пропущена нами в материалах к биографии С.А. Аскольдова (см.: Минувшее. Исторический альманах. №9. Париж, 1990. С.377-379).

справедливости в отношении общественных классов, наций и государств, полемизируя с толстовским учением об отказе от государственного суда на современном этапе развития общества, Аскольдов считал, что слова Христа «Не судите, да и не судимы будете» обращены в первую очередь не к судьям, а к истцам⁴. Он видел единственное радикальное средство исцеления от общественного зла несправедливости не в немедленном непосредственном и механическом осуществлении справедливости, которая при этом всегда ускользает из рук, а в проникновении возможно большего числа людей христианским сознанием, сущностью которого является любовь к людям. Здесь он развивал идеи своего учителя В.С. Соловьева о единстве человеческого рода. Единство, по Аскольдову, заключается и в том, что потомки несут в себе грехи своих предков, достигнуть единства можно только путем любви⁵. Вопросы, беспокоившие мыслителя 80 лет назад, невольно ассоциируются с событиями дней сегодняшних. Нам представляется весьма полезным прислушаться к ним на фоне все чаще звучащих утверждений о том, что каяться некогда. Мысль о необходимости покаяния, затронутая Аскольдовым, вполне может служить точкой отсчета в анализе нашего более чем семидесятилетнего пути. Осуществление христианских принципов обычно ассоциируется у нас с аскетизмом и особыми героическими затратами, но хвастает же у нас героизма на свержение тиранов и построение царств. Главное препятствие для осуществления принципов любви и справедливости Аскольдов видел в отсутствии или слабости веры, в избытке человеческого самоутверждения и самомнения⁶.

Контрапунктом к этим остро переживаемым идеям была для Аскольдова поэзия, которой он придавал огромное значение на протяжении всей жизни: «Знаете, /.../ стихи очень помогают научиться правильному глазу на все бытие. Свой собственный глаз развивают. Лучше всяких философий и целых библиотек»⁷.

Жизненный путь С.А. Аскольдова был кратко охарактеризован нами в предыдущей публикации, посвященной ему⁸. Сообщим только некоторые уточнения и дополнительные сведения⁹. Формально С.А. Аскольдов не окончил историко-филологический факультет С.-Петербургского университета и имел диплом только по естественному отделению физико-математического факультета. Два последних студенческих года он серьезно интересовался философией и гуманитарными науками. Параллельно с учебой на естественном отделении он слушал университетские курсы общей истории, истории философии и словесности, пиитики Аристотеля, введение в языкознание. Окончив в 1895 г. университет, С.А. Аскольдов

⁴ Идея справедливости в христианстве. С.83-85.

⁵ Там же. С.86-88.

⁶ Там же. С.95.

⁷ Б.Филиппов. Музыкальная шкатулка. Вашингтон. 1963. С.10.

⁸ Минувшее, №9. С.352-379.

⁹ Некоторые биографические данные заимствованы из Curriculum vitae Аскольдова (ЦГАОР. Ф.2995. Оп.1.Д.89. Л.3-5 об.) и его студенческого личного дела (ЦГИАЛ. Ф.14. Оп.3. Д.28148).

поступил на государственную службу в Департамент таможенных сборов, где занимал различные должности по химической и текстильной экспертизе до 1917 г.

С момента учреждения в 1897 г. философского общества при Петербургском университете, Аскольдов стал его членом. В 1910 г. он выдержал магистерские экзамены по философии в Московском университете, причем еще до получения этого формального права на преподавание философских наук, Аскольдов читал лекции на различных частных курсах. В 1914 г. он приступил к преподаванию в Петербургском университете в качестве приват-доцента. В апреле 1918 г. его избрали доцентом кафедры философии, а в начале 1919 г. — профессором той же кафедры. В университете он читал следующие курсы: введение в экспериментальную психологию, историю этики; вел семинары. В 1919 г., по приглашению Московского университета, он выступил с лекциями по религиозной психологии¹⁰. В это же время Аскольдов преподавал педагогику и историю западной педагогики в Педагогическом институте при I Петроградском университете (бывшем историко-филологическом институте), слушателями которого являлись студенты старших курсов университета.

Уместно заметить, что одновременно с Аскольдовым по кафедре философии профессорами были А.И. Введенский и Н.О. Лосский. А.И. Введенский известен как основной представитель неокантианства в России. Практически во всех философских работах Аскольдова содержится критика Канта и его последователей. Философская система Н.О. Лосского, построенная на понятии интуиции, тоже вызывала немало критических замечаний Аскольдова¹¹. Различие философских позиций не мешало этим мыслителям плодотворно сотрудничать на университетской кафедре.

Профессорство Аскольдова в университете длилось недолго. После высылки в 1922 г. из страны его коллег: Н.А. Бердяева, Н.О. Лосского, И.И. Лапшина и др., Аскольдову пришлось уйти с кафедры философии и он вернулся к своей другой специальности: преподавал товароведение и технологию в Политехническом институте.

Спустя 60 лет мы знаем, что и работая только в Политехническом институте, Аскольдов не был гарантирован от репрессий, но в те годы путь этот представлялся, несомненно, куда более спокойным и безопасным. Философы, не проповедовавшие официальную точку зрения, были лишены учеников, возможности публичного обсуждения своих взглядов. Однако, как еще раз показал горький исторический опыт нашей Родины, и движение мысли невозможно утвердить в желаемом «верхах» направлении. В Петрограде 1920-х гг. возникали различные кружки, порой полуправительственные и даже нелегальные. Цели большинства из них были далеки

¹⁰ Содержание лекция изложено в статье Аскольдова «Сознание как целое: Психологическое понятие личности» // Психологическое обозрение. 1917. Т.1. №2. С.209-232; Там же. 1918. Т.1. №3/4. С.421-450. То же Отдельный оттиск. М., 1918.

¹¹ Аскольдов С.А. Новая гносеологическая теория Н.О. Лосского. // Журнал Министерства народного просвещения. 1906. Ч.V. Октябрь. С.413-441. См. также книгу Аскольдова «Мысль и действительность» (М., 1914), гл.VI.

от политики. В ряде таких кружков деятельное участие принял и С.А. Аскольдов.

Вот каким запомнился он современникам в эти годы: «Сегодня первое занятие нашего философского кружка. /.../ Мы попросили Сергея Алексеевича Аскольдова руководить нами. Конечно, занятия секретные /.../ Сергей Алексеевич — высокий, стройный, очень красивый старик. Старик, впрочем, он только для нас, восемнадцати и двадцатилетних. Ему пятьдесят три года. Но длинные, почти до плеч, немного вьющиеся волосы совершенно седые, и серебряная борода красиво подчеркивает характерный пушкинский подбородок. Из университета его уже года два как исключили, и он преподает технологическое товароведение в Политехническом институте, да что-то читает в институте истории искусств. /.../ — Я, друзья мои, хотел бы заняться с вами, по преимуществу метафизикой и философией религии. Прошло время, когда построялись целые гносеологические небоскребы. Постарел я, состарился и мир. /.../ Я последние годы занимаюсь почти исключительно вопросами онтологии и религии. Все мои молодые увлечения вопросами "Мысли и действительности" отошли далеко, далеко...»¹².

Осенью 1927 г. в жизни Аскольдова наступил новый этап: в связи с участием в кружках он был арестован, обвинен в идеалистической пропаганде, антимарксизме, поповщине. После следствия его сослали в Рыбинск, там при новой волне репрессий в 1930 г. вновь арестовали и выслали в Коми АССР. Полностью отбыв срок ссылки, Аскольдов смог поселиться лишь в Новгороде, где жил уроками и помощью семьи, находящейся в Ленинграде.

Этому периоду и посвящены публикуемые письма. Они достаточно полно характеризуют как жизнь, так и творчество мыслителя этого времени. Несмотря на крутые повороты судьбы он оказался не сломлен духовно. Не было уже возможности ни профессионального общения, ни полупегальных кружков, не могло быть и речи о публикации работ. Эпистолярное наследие этого времени представляет собой единственное живое свидетельство, указывающее, что духовная работа не прекращалась и в суровых условиях ссылки, не говоря уже об относительно благополучном новгородском периоде жизни Аскольдова.

Аудиторией, общение с которой столь необходимо философу, оставалась только семья и в письмах к родным его накопившийся философский «потенциал» пытается найти выход: то это глубокий и тонкий психологический анализ при объяснении семейных неурядиц сестры, то — выступление наставником сына в его литературном труде. Творческая энергия Аскольдова настойчиво искала приложения: в Коми-Зырянской ссылке он писал работу по метеорологии. Письма — свидетельство и тому, что во время жестокого подавления всякого инакомыслия в стране Аскольдов ведет философский поиск, далекий от «единственно верного учения»: «Я спешно привожу в порядок, дополняю и переписываю мои очерки по эстетике; хочу их привезти, чем черт не шутит, может какие-нибудь воз-

¹² Б.Филиппов. Музыкальная шкатулка. С.10.

возможности для них откроются, — писал он сыну в пропущенном нами письме от 4 июня 1941 г. — Если бы я мог быть уверен не в очень "генеральском" приеме Тихонова¹³, я бы готов с ним поконсультироваться по этому вопросу. Я о нем слышал много хорошего».

Одна из ключевых тем писем — бездуховность окружающего общества, его ориентированность на материальные и животные интересы. Здесь уместно подчеркнуть, что в построениях Аскольдова поражает сбывающееся пророчество: еще в своих ранних работах он видел одним из симптомов духовного упадка — надвигающийся культ техники, указывал на опасность философских теорий, основанных исключительно на эмпирических данных¹⁴. Сегодня семена аморальности, которые с грустью отмечал Аскольдов в 20-30-е гг., приносят горькие плоды.

Другая существенная тема писем — ностальгия по творчеству, желание быть услышанным, запас достаточного творческого потенциала, которому не суждено реализоваться: «Конечно, у меня десятки тем более близких, выработанных и выношенных за всю мою жизнь в сфере моей прямой специальности, — писал Аскольдов сестре в середине 1930-х гг.¹⁵, — но к ним сейчас и не подступишься, да и вряд ли подступлюсь когда-либо, с этим, вероятно, и умру. Но все же даже и в старости невольно рассчитываешь на будущее, что сделаешь и то и другое. Кажется, в 2-3 года работы сделал бы то, чего прежде и в 10 не сделал. И это не самообман. Старость (не дряхлость) подобна осени, когда плоды всей жизни валяются зрелые, в несколько дней, в изобилии, ибо они уже готовы, их не надо вырывать, как в молодости. Ну все это как Бог даст».

В заключение несколько слов об адресатах писем. Екатерина Алексеевна Букреева (1864?-1944?) — старшая сестра Аскольдова, жена известного профессора-математика Киевского университета Бориса Яковлевича Букреева (1859-1962). Владимир Сергеевич Алексеев (1903-1942) — сын Аскольдова. В 1920-е годы учился в Петроградском ун-те, преподаватель литературы, поэт. Несколько его стихотворений опубликовано в сборнике «Ларь» (Л., 1927). Большое влияние на него оказал Н.С. Гумилев, которого он посещал в молодости и учеником которого считал себя.

Предлагаемые письма хранятся в личном архиве дочери С.А. Аскольдова — Александры Сергеевны Алексеевой (р. 1911), которой мы приносим искреннюю благодарность за сообщенные сведения, использованные при подготовке писем к печати, и за возможность ознакомиться с ее архивом. Письма приводятся с сокращениями, касающимися бытовых подробностей и повторов. При подготовке к публикации они приведены в соответствие с современными правилами орфографии и пунктуации.

¹³ Тихонов Александр Николаевич (1880-1956) — писатель. В 1930-36 возглавлял изд-во Academia.

¹⁴ Аскольдов С.А. Старое и новое в религиозном сознании. С.221. // Вопросы религии. Вып. II. М., 1908. С.193-222.

¹⁵ Начало письма не сохранилось, речь шла, вероятно, о работе по метеорологии, отправленной сестре в Киев.

1. Из Ленинграда в Киев.

8 января 1927 г.

Дорогая Катя!

/.../ Ты пишешь, что тебя огорчает, что Коля¹ совсем отошел от церкви. Особенно этим не печалься. Жить полной церковной жизнью, по-старому, теперь очень трудно, это могут лишь исключительные натуры, у которых дух направлен только в прошлое. Церковь нуждается в обновлении, конечно не в том обновлении, которое теперь возглавляется «живым» и «обновлеческим» синодом, ибо это [мерзавцы] и Иуды. Но они все же правильно понимают, что обновление нужно. Судя по тому, что он 2-4 года тому назад мне писал, он находился в чрезмерно повышенном церковном настроении неоеретика, за этим всегда почти следует реакция. Будет время, когда он вернется к этому в более [соответственных] формах. Вообще связь с Церковью мало прочна, если не пройдены все этапы сомнений и отрицания, а чтобы их пройти, их надо сначала нащупать, а потом и так или иначе решить. По нынешним временам это очень трудная работа.

/.../ Я с годами стал гораздо чувствительнее, чем прежде. И тут кое-чему меня научил мой Вовка. Когда мы жили с ним вдвоем в 1918-1919 годах, он вечно декламировал Блока, Гумилева (его любимый поэт и отчасти учитель), Соловьева и др. И Блока, к которому я раньше был равнодушен, я почувствовал положительно через него. Он прежде недурно читал, теперь стал хуже.

Ну всего лучшего всем Вам и главное доброго здоровья.

Твой. [Подпись.]

¹ Николай Борисович Букреев — племянник Аскольдова, младший сын Екатерины Алексеевны.

2. Из Рыбинска в Киев.

12 ноября 1928 г.

Дорогая Катя!

Сейчас получил твое письмо. Конечно, ты права, что теперешнее мое положение лучше, чем месяц тому назад. Хотя для моих родных эта разница не так чувствительна, как для меня, ибо и тогда и теперь они со мной разлучены. Итак, меня выпустили из узилища на 40-ой день моего там пребывания, 19 октября, а через три дня объявили решение Московской коллегии о высылке на три года «минус шесть», т.е. без права проживать в шести главных го-

родах. Я выбрал Рыбинск, как наиболее близкий город (одна ночь езды) и в то же время сравнительно крупный (здесь 55000 жителей), надеясь здесь найти работу. Мой компаньон Ю.П. Мокиевский, с которым я раньше едва был знаком, сидел по тому же делу (хотя он к делу ровно никакого отношения не имел) и был выпущен одновременно со мной. Он двоюродный племянник Павла Васильевича¹. Мы с ним быстро почувствовали друг к другу симпатию, и он решил выбрать тот же город, что и я. Так мы с ним вместе и выехали (через неделю после объявления приговора), вместе наняли комнату и теперь живем. Он милейший человек, но совершенно больной: у него рана и контузия (он бывший офицер), и порок сердца, и испорченные хлором легкие. И при всем том — человек героического духа и воли, бесконечно самоотверженный, от всего отказывающийся для других. Комнату нам было нелегко найти, ибо все дрянь и дороги. За большую и светлую комнату в два окна на юг мы платим 20 рублей (с отоплением и самым необходимым из мебели /старым/). Освещение электрическое, за наш счет. Сама по себе комната вполне хорошая и чистая, но ход и уборная очень гнусны. Водопровода нет. Теперь вся задача — найти заработок. Если бы я приехал в августе, то сразу получил бы уроки: здесь три техникума и пять школ-девятилеток. Но теперь все уже укомплектовано. Но мне обещали, что все же может удастся найти хоть несколько часов. Дело в том, что моя специальность здесь видимо ценится, т.е. товароведение и химия, но сейчас все часы заняты, хотя и не всегда подходящими людьми. Придется терпеливо поджидать каких-нибудь перераспределений часов с Нового года, а может и с осени. Но я буду делать и другие попытки, куда-нибудь на завод. Но пока это еще рано. На зимние месяцы, если скромно жить, я еще более или менее имею ресурсы. Ну а там видно будет. /.../

Но главное то, что духом я бодр и почерпаю эту бодрость там, где и подобает всем ее почерпать, особенно нам, старикам. Как часто и в тюрьме, и здесь я чувствовал на себе значимость и правду стиха 13-го главы 10-ой послания к Коринфянам², а также некоторых псалмов, все значение которых поймешь только при таких испытаниях. Правда, не только в тюрьме, но и здесь на меня нападает иногда утром тяжелое настроение, но это временно. Я шутя называю это приступом «беса полуденного». Странное дело, при всяких тяжелых положениях мне утром и днем всегда тяжелее, чем вечером и ночью. К вечеру у меня всегда наступает спокойствие и становится на душе легко, то же и ночью, даже и во время бессонницы. Вечером у нас и в комнате становится уютнее. Очень много помогает сопоставление моего положения с тем,

что было с участием других. Скажи Лаврентичу, что наш общий знакомый получил пять лет Соловков. Я с ним часто встречался на прогулке, а раз был в бане. Он держался очень бодро, но страшно, как выдержит его здоровье, ведь он человек в общем хворый. Вообще в том деле, к которому меня припутали, большинство получило жестокие кары.

Ну вот тебе краткое описание всего происшедшего и моего нынешнего положения. Конечно, все это тяжело и не сладко, но какой же крест бывает сладок. А крест мне и моей семье, очевидно, надо было понести, и роптать тут — только Бога гневить. Ну, пока будь бодр и здорова. Надеюсь, что твой внук уже оправился от скарлатины.

Всем кланяйся. [Подпись.]

¹ Мокиевский Павел Васильевич (1858-1927) — доктор медицины, философ. Был близок с отцом Аскольдова. Принимал участие в полемике о символизме 1910 г. (См. его статью Теория познания философов и дьявольский сплав символистов. // Русское богатство. 1910. №11. Отд. II. С.112-120).

² Текст упоминаемого Аскольдовым стиха: «Вас постигло искушение не иное, как человеческое; и верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести».

3. Из Рыбинска в Киев.

16 апреля 1929 г.

Дорогая Катя!

/.../ Живем мы с моим компаньоном в общем хорошо, хотя совсем нет привычки жить с чужими людьми. Но я смотрю так, что это мне уже Богом данный спутник. Он человек, безусловно, очень хороший и с большим благородством душевным, но есть и свои неприятные стороны характера (у кого их нет). Вообще я сказал бы так: он не из тех, кого я люблю, но из тех, кого я очень уважаю. Впрочем, любимых друзей у меня было мало (из них был дядя Ваня), а теперь не осталось и там, в Ленинграде. Все-таки лучше, что я живу с ним, а не один. Хотя чисто внешне это во многом неудобнее. Он очень «непорядчивый» человек, и в комнате с ним порядка нельзя иметь. Но с другой стороны — с ним всегда поговорить можно. Я теперь опять могу много ходить. Есть здесь кое-какие знакомства, места три-четыре. Вообще, я не могу сказать, что я скучал: и дело есть мне, и кое-кого повидать хоть раз в неделю.

/.../ Главный для меня вопрос — вопрос заработка. Пока есть маленькая работенка, но все это случайно и непрочно. Осенью у меня были надежды на преподавание (мне обещали дать уроки в школах). Но думаю, что теперь и с осени это будет невозможно. За зиму все взаимоотношения стали совершенно другие и другие взгляды на возможность службы. Ну, да я на осень еще не загадываю.

/.../ Пока всего лучшего. Будь бодра и здорова и не унывай, ибо все горести и печали преходящи для того, кто хранит в себе главное, т.е. Бога. Иначе: да живет Он во всех Вас, и все будет хорошо.

Твой. [Подпись.]

4. Из Рыбинска в Киев.

23 декабря 1929 г.

Дорогая Катя!

Твое заказное письмо получил я уже дня три назад, а сегодня еще получил твое письмо и почтовое извещение о посылке. Завтра пойду получу. Большое спасибо. У меня сахару осталась одна плитка, да ложки четыре чайных, я их берег на крайний случай. Вообще мне всего труднее обходиться без сахара, потому, что чай без сахара я не пью, а без чая и хлеб не естся, а хлеб это самое дешевое питание, — это единственное, что я получаю по кооперативной цене (1 фунт в день).

Из твоего большого письма я получил несколько иное освещение того, о чем догадывался и предполагал. Я не думал, что дело это идет так издавна (в сущности, когда мы еще жили в Киеве), и что тут грубая сторона дела была на первом плане. Да, впрочем, не в этом пожалуй суть дела, а в том, что убеждения и весь духовный облик были уж очень невысокого уровня, и что вообще главными пружинами были эгоизм, самолюбие и эротика. И, конечно, ты сделала роковой шаг, не разобравшись в этом, связав свою судьбу. Но тут корни глубже и дальше. Я только в старости понял, что в судьбах всех нас троих¹ обнаружился общий закон возмездия и искупления как родовых вин и ошибок, так и наших собственных. Всем нам надлежит полученное от отцов хорошее приумножать и развивать, а худое и кривое — выпрямлять. Отец наш дал очень славное духовное наследие, в котором самым умным было то, что все же его жизнь была заряжена высшими духовными интересами и была свободна от всякой пошлости. И это духовное знамя его, которое выражалось в его философской ра-

боте и убеждениях, нам надо было принять и нести выше. Но как человек, зараженный остатками морального нигилизма (если хочешь, нищезанятия), он, конечно, сам во многом дискредитировал себя в глазах нас, детей, и особенно вас — двух старших². И в вас обеих и произошла наиболее глубокая измена его духовным ценностям. Особенно это резко произошло у Наташи, которая в сущности отвергла все духовное наследие отца и, выйдя замуж за Якова Николаевича, осталась в какой-то идеологической пустоте. И с тобой это отчасти произошло, но не тем, что ты все отвергла, но тем, что все же поклонилась чужеродному, в меньшей мере в Надеждине и в большей мере в Борисе Яковлевиче. Но для тебя спасительным было то, что твое подчинение и подпадение под это чужеродное влияние было временным, и вся твоя последующая жизнь была *протестом* и *неприятием* этого чужеродного. И потому ты своего духовного достояния не потеряла, как Наташа. Я должен однако сказать, что хотя Наташа умерла ни с чем, в смысле знамени духовного, она, так сказать, духовно *проросла*, но уже от себя в новом направлении, для коего, пожалуй, никакого заряда от родителя не получила. Я разумею ее удивительную доброту и активное благожелательство к людям и, особенно, к детям. И этим она прибавила новую ценность к семейному достоянию. Я, пожалуй, полнее вас всех воспринял от отца его духовное наследие и продолжил его линию вперед, но меня же отец в гораздо большей мере наделил своей главной слабостью, а именно — эротизмом. Тебе, вероятно, это странно от меня слышать, но это так. И он сыграл свою роль в юности, отвлекая меня от серьезной работы, и после женитьбы. Я никогда не изменял и пальцем не прикоснулся ни к одной женщине, но Лиза³ постоянно чувствовала, как через воздух, возможность того, чего фактически никогда не было. Она всегда ужасно ошибалась в предметах, но чувствовала меня верно. И, конечно, я этим много перед ней виновен; виновен и перед собой, ибо сколько ушло сил на эти семейные страдания, и ее и мои, которые лишь к старости ослабели. Да, сложное наследие оставил нам наш отец и более ровная дорога предстоит разве лишь нашим детям и внукам.

Быть может, эта сторона заставляет меня более твоего понимать Бориса Яковлевича. То что «предмет» в духовном отношении неинтересен и не блещет красотой, это не доказывает, что это только похоть. Да и едва ли в таком возрасте она выражена. Конечно, если и раньше ничего кроме этого не бывало, то может это и так. Но как бы то ни было, я лично за это никак не могу винить Бориса Яковлевича, и это потому, что эротизм почти всегда есть нечто получаемое нами от рождения, и раз человек им наделен,

его трудно изжить. Да и слово это относится к очень разнообразным оттенкам и качествам чувств. Я скажу, что в нем есть и своя ценность, ибо некоторые его стороны создают особую патетичность души и часто переплавляются в нечто ценное. Это прекрасно понял и отчасти выразил Платон в своем Пире⁴. Я, конечно, плохо представляю, как это у Бориса Яковлевича. Но во всяком случае думаю, что в этом он, быть может, наименее виноват. А уже в его теперешнем возрасте это приходится рассматривать как какое-то наказание. И я думаю, что так оно и есть.

/.../ Твоя характеристика Тани⁵ подсказывает мне такую формулировку: у нее нет эгоизма *активного*, т.е. наступательного, но есть *пассивный*. Я это прекрасно понимаю, потому что я сам таков. В этом отношении вы с Наташей гораздо более были заряжены активностью. И это даже странно, потому что этой активности ни в какой мере не было у мамы и мне кажется, что и у отца не было. Отчего это одним дается, другим — нет, дело сложное. Иногда это не потому слабо, что нет ничего, а потому, что другое мешают, заступает место. Если есть страсть к любимому человеку или к своей семье, то не может быть значительной активной любви к чужим. У меня это очень заострено и потому я хладен к людям вообще; потом у меня чрезмерно развито чувство справедливости, для христианства оно, конечно, имеет мало цены.

/.../ Вообще я здесь по привычке. Но общие условия здесь становятся ужасные, уж не знаю, не везде ли это. Вообще, все несравненно с тем, что было в прошлом году.

Ну пока, будь бодра и здорова. Посылаю тебе мой последний снимок в октябре, который был бы очень хорош, если бы был контрастнее.

[Подпись.]

¹ Аскольдов имеет в виду другую старшую сестру — Наталью Алексеевну Алексееву (1868?-1911?).

² А.А. Козлов, отец С.А. Аскольдова, был убежденным сторонником полигамных браков. Практически реализовать свою «брачную теорию» ему не удалось. См. книгу С.А. Аскольдова «А.А. Козлов» (М., 1912). Ч.1, «Биографическая».

³ Алексеева (урожд. Голдобина) Елизавета Михайловна (1880-1955) — жена С.А. Аскольдова.

⁴ В «Пире» толкуется идея вещи как бесконечный предел ее становления. Платон рассмотрел это вечное стремление вещи к пределу в области любовных отношений: любовь тоже есть вечное стремление и имеет весьма определенную цель, хотя и достигает ее весьма редко и ненадолго. «Зачатие и рождение суть проявления бессмертного начала в существе смерт-

ном» (Платон. Сочинения. Т.2. М., 1970. С.137). «Если любовь, как мы согласились, есть стремление к вечному обладанию благом, то наряду с благом нельзя не желать и бессмертия. А значит, любовь — это стремление к бессмертию» (Там же. С.138). Далее у Платона следующая цепочка рассуждений: от одного прекрасного тела — ко всем прекрасным телам, следовательно, к прекрасным душам, от душ — к наукам и от наук — к пределу наук — идее прекрасного, которая существует вечно и неизменно. (Там же. С.141-143).

⁵ Таня — Букрева (в замуж. Толпыго) Татьяна Борисовна (1889-1970), племянница Аскольдова, дочь Екатерины Алексеевны Букревой.

5. Из Коми АССР в Киев.

19 июля 1930 г.

Дорогая Катя!

Так как все мои письма к тебе пропали, то посылаю тебе заказным. Во-первых, еще раз пишу тебе правильный адрес: область Коми-Зырянская, Визингский район, Кунибский сельсовет, деревня Шарьил, дом Д.А. Старцева, мне. На почте часто спрашивают, какое же почтовое отделение. Надо отвечать: Визингское (это 14 километров от нас). О том, что на меня свалилось, [строка не сохранилась. — А.С.] то это значит так нужно для меня и моей семьи. Я твердо верю, что я (а значит и семья) живем в плане провидения, а не подвержены случаям. Может это нужно и для этой жизни, а может для будущей. Эта уверенность делает для меня не только сносимым, но даже сравнительно легким всякое испытание, кажущееся непосильным. Не знаю, писала ли тебе Лиза, что причины моей высылки — исключительно мое литературное имя. В следственном процессе мне не было указано ни одного факта против меня, я даже не знаю ясно, к какому делу меня пристегнули. Кажется, что все же основой послужило мое знакомство с Золотаревым¹, председателем Рыбинского научного общества, высланным за полгода до моего ареста. Но ведь у него было полгорода знакомых. Миновать его не мог и я, ибо это было центральное лицо рыбинской интеллигенции, человек абсолютно легальный и ценимый Исполкомом. Членом общества я не состоял и ни разу не был на его заседаниях. Вообще следствие обо мне было бессодержательное; ясно — Аскольдова надо было еще подальше угнать за то, что он Аскольдов. Я предполагаю в августе подать заявление о пересмотре моего дела; в нем много и формальных неправильностей. Ну пока надо терпеть эти условия жизни, перед которыми житье в Рыбинске кажется благоприятным. Тут медвежий угол и даже — по сравнению с русской деревней — лишенный

всяких культурных условий. Зыряне народ хороший, но живут донельзя примитивно и неумело. Их избы — верх косолапости, еда — неумелого приготовления. Но главное зло, что мы здесь соединены группами по 8-10 человек на избу. Ведь и в условиях ареста, и высылки главное зло это сожители, а не что-либо иное. Они очень тяготят, даже если люди не злые и в общем порядочные. К счастью, я в очень хорошей и мирной восьмерке, все больше больные старички, один уморительный хохол, словно из комедии (хохлов здесь очень много). Но тупость, глупость и полная некультурность. Главный вопрос здесь питание. Оно очень скупое (паек), а купить что-либо очень трудно. /.../

Где мы, ты можешь найти на карте, если проведешь от Усть-Сысольска (столица Зырян, теперь Сыктывкар) 85 километров почти на юг. Мы на берегу рек Сысола и Визинга. Место красивое, холмистое, тут много деревень. Пока мы в каком-то дурацком положении: селиться самостоятельно, где хочешь, не дают. Вероятно это временно, а зимой будет как-то иначе. Чтения никакого. Вообще, условия жизни очень уж лишенные всяких удобств. Если бы не вера и духовная закалка последних лет, было бы очень тяжело, но я переносу даже легче, чем жизнь в Рыбинске. С удовольствием умер бы, но все, и главное семья, повелевают мне бороться за жизнь и я успешно это делаю. За лето почти поправился до нормы. Зимой будет потруднее, но надеюсь, что я не буду лишен помощи ни от людей, ни сверху. А уж сколько раз я был в критическом положении и помощь всегда поспевала вовремя. Уверен, что только бы перезимовать, а летом верю в свое возвращение. А как перезимуем, это пока не видно. Вероятно осенью нас куда-нибудь передвинут, быть может в бараки, здесь строятся очень удобные, в восьми верстах.

/.../ Мое настроение еще тем поддерживается, что за зиму я хорошо перебрал свою жизнь и много понял в ней подлежащего искуплению. Главное не был достаточно любовен к маме (мой главный грех тот, что когда она умирала, я был в гостях). Все это надо искупить и очистить хоть в конце жизни, чтобы предстать хоть немного очищенным испытаниями, да еще верю, что и за своих семейных искуплю многое, стало быть, чего же горевать-то, если все это ведет к лучшему «там», и уже к прочному, окончательному соединению; дело лишь в том, чтобы сравнительно недолго потерпеть здесь. Верю, что свыше сил крест нести не придется, а когда изнемогу — помогут, как и бывало зимой и весной. Итак, горевать нам, старикам, не о чем, ибо близка пристань, а может и в этой жизни еще поотдохну; я это считаю более вероятным, ибо в здоровье никаких новых брешей нет. В июне была бо-

льшая слабость, я думал от сердца, но, видимо, от десятидневного плавания в барже и от недоедания. Попытался и покупался и силы восстановились. А зиму Бог поможет. Помоги, сколько можешь, и ты, конечно, в меру возможности. Раз настроился жить, надо как-то карабкаться, хотя легче было бы зажмурить глаза и покатиться без борьбы к смерти.

Ну за меня не горюй, пиши. Быть может еще здесь увидимся, а уж там-то наверное. Будь бодра и здорова. Сейчас очень беспокоюсь за Лизу, она поехала в Рыбинск добывать мои вещи, оттуда к Маше².

Твой [Подпись.]

¹ Золотарев Алексей Алексеевич (1879-1950) — писатель, общественный деятель, краевед. См. о нем, С.А. Аскольдов. Письма к А.А. Золотареву. (Минувшее. Т.9. С.352-377).

² Фельснер (урожд. Алексеева) Мария Сергеевна (1907-1973) — старшая дочь С.А. Аскольдова.

6. Из Коми АССР в Киев.

29 августа 1930 г.

Дорогая Катя!

/.../ Что написать о себе? Я только первый месяц по приезде был в настроении малых надежд и иногда подумывал бросить борьбу за жизнь и желать смерти (я так сильно ослаб от этапа, особенно десять дней на барже в условиях трудно представимых). Но уже в конце июня, а особенно за июль я сильно окреп и все как-то образовалось к лучшему, пришла помощь от Лизы посылками и деньгами, и я убедился, что можно дальше не опускать поводья, а бороться за жизнь, быть активным в добычании и готовке пищи, бороться со вшами, чинить одежду и проч. И в этой активности я пребываю и преуспеваю. Все теплое к зиме мною отремонтировано — и шуба, и валенки, и, главное, одяло старое мне так искусно починили, что я просто не ожидал; купил себе овчинную куртку и готов встретить зиму. Все лето купался и от вшей почти избавился (в [дилуаках] я ими не страдал, их там энергично уничтожали; я ими обзавелся на барже, в тесноте). Лето было жаркое и сейчас тепло. Теперь опять нужны продукты и деньги (весь август их не было) для продолжения борьбы за жизнь; поэтому я прошу тебя: что можно пришли, ибо надо использовать сентябрь (а там неведомо что будет). Пока я питаюсь главным образом хлебом, картошкой, ячневой крупой (засыпаю суп), имел летом соленую

рыбу, сейчас грибы собираю. Молоко летом одно время было, а сейчас его почти нельзя достать; яйца изредка — очень уж дороги: 3,50 десяток. Вообще жить можно. Все же главная беда — полная некультурность условий жизни, из-за этого большая возня с готовкой пищи и пока необходимость жить совместно с чужими и тягостными людьми. Последнее, думаю, к осени изменится и мне удастся переменить квартиру и сожителей.

Тебя ужасают мои испытания. Надеюсь, что наиболее тяжелые в прошлом. Но имей в виду, что материальная сторона испытаний сравнительно маловажна и легко переносится, если духовно бодр и не унываешь. До сих пор я эту внутреннюю силу сопротивления имел, надеюсь уже не потеряю, ибо ее основа в мыслях и вере. Моя судьба имеет свою внутреннюю логику. Я ведь с юности жил идеологически, т.е. жил идеями (в юности романтического, а потом религиозного характера). С таким духовным настроением жить в спокойном жизненном кресле было бы каким-то несоответствием, — смотреть на жизненные трагедии других из удобного партера, говорить «так надо», «так неизбежно», вообще идеологически понимать и оправдывать страдания только других было бы не совсем достойно того высокого образа мыслей, которым я всегда жил, особенно в последнее время. Мне и дана судьба оправдать этот образ мыслей на терпеливом, духовно бодром и даже, по возможности, духовно радостном перенесении своих духовных испытаний. Я всегда легко смотрел на чужие страдания и могло казаться, что это от холодного эгоизма (и мне это казалось) и что самое философствование над человеческими трагедиями есть признак черствости. Что же, я до известной степени оправдываюсь от этого упрека, поскольку я теперь философствую над своей судьбой, тоже говорю, уже себе, «так надо» и, так сказать, холоден и к самому себе, не проливаю слезы над собой; значит сила мысли и идеи себя оправдала. И вы все надо мной слез не проливайте, ибо несколькими годами я зарабатываю себе вечность, и, верно, не только для себя, а и для своей семьи; быть может и для отца с матерью моя судьба имеет большее значение, ибо страдания имеют искупительную и заместительную силу. Я иногда сам себе удивляюсь: по натуре я был (ребенком и юношей) робок, жизненно боязлив; а помнишь, как я был-трусоват, прислушиваясь к сердцебиениям (их тем создавая). Значит философия и вера переработали мой характер, ибо старики вообще становятся трусливее, а у меня вышло наоборот: я теперь почти ничего не боюсь и даже сверхъестественного: ночевал в отдаленных от жилья пустых домах (в Елизаветине в 1919 г.); на сеновалах и т.п. Ну что же: да здравствует мысль и вера, я их на себе все же до из-

вестной степени оправдал, не посрамил; стало быть моя жизнь и судьба имеет свою логику и законченный смысл и оплакивать ее не надо ни мне, ни моим близким, даже если совершится самое тяжелое, т.е. что я здесь окончу дни свои. Тут тяжесть не в смерти, а в мысли, как они (свои) это воспримут. Странно: я не верю, чтобы это могло быть, но и возвращение домой представляется мне чуть ли не чудом. Ну как Бог даст, так значит и нужно.

Будь бодра и здорова и меня не оплакивай.

Твой [Подпись.]

7. Из Коми АССР в Киев.

22 ноября 1930 г.

Дорогая Катя!

/.../ Поразительно, у меня к старости проявилась привязанность к вещам, именно своим, старым, словно к живым существам. Мне, например, очень важно было бы вернуться в свою старую квартиру. Совсем по стиху Соловьева: «Нитью непонятною сердце все привязано К образам незначащим к плачущим теням»¹. Эта «непонятная нить» есть удостоверение в том, что смерть вовсе не отнимет у нас прошлое, ибо разорвать все прошлое от будущей жизни, это значило бы потерять самого себя, ибо все наше «Я» связано с прошлым, с любимым, привычным — кровной, неразрывной связью. Конечно, гнилое, греховное должно отпасть, но привязанности, как таковые, к этому не относятся. Обещается воскресение тела, — так неужели мой нос, мои уши будут мне возвращены, а самое дорогое будет отнято. Это был бы абсурд бессмертия. Конечно, бессмертием предполагается возврат всего дорогого, если только оно не должно быть отсечено, как противоречащее всем условиям той жизни. Я глубоко убежден, что после смерти мы погрузимся в прошлое в наивысшей мере. Все эпохи истории будут перед нами развертываться по желанию, как звучащие кинематографические ленты, и мы узнаем загадки истории вроде того, кто убил царевича Дмитрия и т.п., все родные, знакомые, друзья. Все это будет окружать нас. Это мне не просто верится (да и вера почти ничего об этом не говорит), а это просто вытекает из разумности бытия вообще, ибо была бы величайшая бессмыслица, если бы все прошлое погибало. Нет, прошлое вернется гораздо более живым, чем в воспоминании и «вечная память» простирается не только на покойников, но и на все, что с ними было связано доброкачественного. Вот мое утешение к смерти, которая, как таковая, меня вовсе уже не страшит, хотя уме-

реть здесь я очень не хотел бы, а так вернуться и хоть годок пожить со своими и довольно. Ну да я верю, что уж в будущем-то году я вернусь, только бы пережить зиму. Конечно, это во многом легче, чем в прошлую зиму, но гораздо скучнее. Там я сколько людей перевидал. В Иванове две недели спал рядышком с одним рыбинским приятелем и вообще очень много хороших людей прошло мимо меня (но всякой сволочи, конечно, гораздо больше), а здесь и в шахматы не с кем поиграть, вообще ужасное безлюдье, и если бы мысли не получили уже известную власть над настроением, то можно было бы впасть в уныние. Но этого, надеюсь, никогда уже со мной не будет. Ну, кончаю.

Пиши почаще (я уже недели три не имею от тебя писем). Как живет Таня и все твои? Ну, будь бодра и здорова.

Твой [Подпись.]

¹ Из стихотворения В.С. Соловьева «Les Revenants» (Призраки) (16 января 1900 г.).

8. Из Чухломы в Киев.

10 декабря 1930 г.

Дорогая Катя!

Из твоего последнего письма вижу, что все у вас там складывается благополучно. Судьбу Б.Н.¹ я не беру в счет: во-первых, потому, что я все же понимаю так, что он собственно не относится к составу семьи вашей и, во-вторых, потому, что для человека молодого его участь не так уж тяжела. Все зависит от условий, в которые он попадет. Ты знаешь, большинство тех, что вокруг меня, ведь люди из Конц. лагеря (нас, просто выселенных, не более 10 на 400, да и то нас случайно затесали), и вот, многие говорят, что им в Конц. лагере было лучше, чем у нас, ибо питание несравненно лучше, казенная одежда, врачебная помощь, вообще во всем порядок; правда, они были под стражей, но иногда им давалась большая свобода передвижений. Но все это в разных местах по-разному. А о сроке не приходится говорить: сроки меняются. /.../

Верю, что будет какой-то выход, может и не без душевной боли. И для себя я надеюсь просто на будущий год. Но если эти надежды и вера будут обмануты, существование тогда станет очень тяжелым. В сущности в этих условиях только и можно жить надеждой и верой, настолько они тяжелы. Тут две тяготы: одиночество, но одиночество не буквальное, а одиночество на людях,

и это второе и есть самое тяжелое. Если бы я жил вроде какого-нибудь подвижника, действительно одного в келье, в пещере и т.п., мне было бы легче, а то живешь в *человеческой сутолоке чужой и глубоко чуждой жизни* народа, хотя и неплохой, но уж очень некультурного. Конечно, я мог бы поселиться не с хозяевами, а с нашим же братом, вчетвером или впятером. Но это иногда еще хуже. Тут хоть я знаю, что народ честный, своих вещей не надо сторожить, а то ведь и это зло у нас распространено кое-где. Вообще-то, что мы живем среди инородцев, обычаи которых нам чужды, а язык непонятен, очень ухудшает наше положение. В среде же наших высланных не более десяти человек интеллигентных, но мне лично они чужды и по интересам и по всему; так, по обычайски, поговорить можно и я кое с кем из них вижусь. Да, в общем тяжелое испытание. И нужно постоянно отрезвлять себя мыслью и пониманием всего с высшей точки зрения, чтобы не впасть в уныние. Последнее время душевное равновесие еще нарушается ожиданием отпуска домой. Об этом не только говорят, но фактически едут из других районов; до нашего района еще не дошла, говорят, очередь. Вот эти надежды и ожидания сильно будоражат воображение, — то и дело размечаешься, а действительность-то остается та же. Но если и отпустят, предстоит нелегкая задача достигнуть железной дороги. До станции Мураши 250 верст по почтовому тракту. Вот тут трудность достать лошадь и потом доехать. Это надо суток 5-6 ехать. /.../

[Подпись.]

¹ Борис Николаевич Толпыго — юрист, с конца 1920-х в заключении. Муж Т.Б. Букреевой.

9. Из Коми АССР в Киев.

21 января 1931 г.

Дорогая Катя!

Недавно я тебе послал открытку, а теперь хочу описать тебе замечательный сон, который снился мне под годовщину моих злоключений, т.е. под 18 января, как бы в ответ на мои думы последнего времени. Ты в нем играешь большую роль (и вообще мне последнее время часто снилась). Сон замечателен не по сюжету собственно, а по необычайной живости и яркости впечатления и чувств. Начинается с того, что я в кондитерской лавке покупаю прекрасный плиточный шоколад по нормальной цене и думаю: вот послать бы нашим высланным; тут же в лавке ты, я хочу рас-

плачиваться, но у меня одна мелочь, я прошу у тебя дать мне денег, ты даешь мне кошелек, в котором большие серебряные монеты, я даю две и хочу попробовать шоколад, но уже сон переносит меня домой, но не в теперешнюю семью, а в квартиру, где мама, отец и ты. Будто я мамы не вижу, но знаю, что она тут. Я вхожу в комнату отца, он только что откуда-то вернулся, встает с постели в том виде, как он был больным в старости, но вполне бодрый и без посторонней помощи. Он протягивает мне руки в радостных слезах, у меня мелькает мысль, как же я не дождался его возвращения и отправился в лавки. Я его обнимаю и тоже расстроившись плачу, потом меня занимает забота о деньгах, ибо у меня ничего нет, а ты будто говоришь, что сможешь мне достать несколько рублей, и тут только я вспоминаю, что не бросил по дороге домой (в Москве) заготовленную Маше открыточку, и соображаю, что она из-за этого на сутки придет позже, и тут просыпаюсь от чрезвычайно радостных чувств освобождения и возврата домой.

В этом сне замечательно полное забвение о моей теперешней семье, только Машу в конце вспоминаю. Мне вообще почти никогда мои не снятся. Я проснулся очень потрясенный, полежал с полчаса и опять вижу продолжение того же сна, но тут уже мама на первом плане. Она на дворе покупает бочонок сельдей и я набираю себе сельдей и спешу домой, чтобы поесть и спешить в департамент на заседание. Дома опять соображаю, что я же совсем без денег, и вижу, что мама достает несколько выигрышных билетов на несколько сотен, и я прошу, не может ли она мне дать один пока на расходы, она мне с легкостью дает рублей в 200. И так славно богатея, я опять просыпаюсь. Первое мое впечатление было, что не предвещает ли мне этот сон скорое, как у нас говорят, «полное освобождение», т.е. смерть и свидание «там» с отцом и с матерью. Но, думаю теперь, это может и не так: покойники вовсе не предвещают смерти. Вообще сон предвещает не в точной, а в приближенной форме. Может мои же старики мне его и навяли, зная уже близкое будущее, и приснились, как участники сна (да и вообще-то они правильно ожидают скорого свидания). Этот сон мне показался еще ответом на основную для меня религиозную проблему о связях семейных: разрываются ли они или нет? Это единственный пункт, где у меня был некоторый бунт против христианства, пока я не решил его по-своему, в некотором разногласии с обычными пониманиями Евангельских текстов. Но мне все же мерещилось и то его решение, по которому семейные связи безжалостно разрываются смертью и излечиваются полным забвением. Но такое забвение (как Зигфрид в Гибели

Богов¹ забывает свою жену Брунгильду от волшебного напитка), казалось мне, было бы жесточайшим обманом и в сущности умерщвлением важнейшей части души: и рай, купленный такой ценой, я не хотел бы принять. Сон, показав мне радость при полном забвении своей семьи, как будто давал мне решение вопроса в этом направлении, и я, проснувшись, огорчился. Но поразмыслив, я все же отбросил такое его толкование. Сон ведь вообще ненормальное состояние души (некий психоз), — в нем честный человек крадет, а любящий забывает любимое, думает о рублях, а не о самом важном и т.п. И если он знаменателен и важен, то все же представляет важное в искаженной форме усеченных и обедненных душевных способностей и переживаний, так что придавать ему значение во всех его особенностях нельзя. Далее, если взять мой сон со всеми надлежащими выводами, то он отвечает на мои постоянные думы о сохранении семейных связей в положительном смысле, ибо в нем ожили забытые связи с моей прежней семьей. Значит придет черед, оживут связи и с моими детьми, с которыми смерть, конечно, временно разлучит. Таким образом, в итоге я его принял как многозначительный и обещающий мне в текущем году освобождение и радость, и вовсе не обязательно через смерть (а нужно, так я и ее без страха приму).

У меня пока никаких перемен нет. Возможно, что я так и останусь на этой квартире, ибо пока январь протекает очень тепло. Сегодня хотел идти на почту, но воздержался из-за сильного ветра, а главное, похоже на то, что дождь пойдет — так потеплело, а я пуще всего боюсь испортить валенки, здесь без валенок, как без ног. Мне на этой квартире очень хорошо, хоть и не все мои сожители одинаково симпатичны, но все же они не грубые, ко мне относятся хорошо. Самый симпатичный — это кабардинец, магометанин, бывший офицер; он всегда протестует, когда я хочу что-нибудь делать по самообслуживанию, и говорит, что у них на родине старики по обычаю просто приказывают молодым сделать то или другое, так чтобы и я ему «приказывал»; он же и наиболее интеллигентный. Вообще надо сознаться, что иноверцы во многом лучше наших единоверцев, а уж священники и монахи (их здесь много) наиболее несимпатичны. Я прежде возмущался, когда их называли попами, но тут я почувствовал, что очень многих язык не поворачивается назвать священником, а именно надо назвать попом, до того они религиозность понимают формально, до того материальны и чужды всяким духовным интересам. Здесь мне еще тем хорошо, что у многих сожителей есть лампы и керосин, и тут я могу вечером часов до 9-10 посидеть, а там я ложился в 6-7 часов. Можно вечером и пописать и почитать, кое-что из книг иногда

удается достать. Да, кстати, о книгах. Если будешь посылать мне метеорологию, то не в бандероли (ибо пропадет), а в посылке, и не сможешь ли достать от Коли какой-нибудь ненужный ему курсик по общей химии или хотя бы по неогранической или органической (главное поновее и поподробнее). Я химию люблю и не хочу ее позабыть, а при отсутствии преподавательской практики сильно забывается; это хорошо еще тем, что читается медленно, а историческую или беллетристику прочтешь в три дня. Если что сможешь прибавить съестного, то главное, в чем я нуждаюсь — это сладкое и жиры, и сейчас это у меня на исходе. /.../

Ну, будь бодра и здорова.

Твой [Подпись.]

¹ «Гибель Богов» — опера (1874) Рихарда Вагнера.

10. Из Сыктывкара в Киев.

22 мая 1931 г.

Дорогая Катя!

Получил твое письмо от 1 мая. Что у тебя настроение скверное, это, конечно, в порядке вещей. А все же особенно-то унывать нечего: все вы вместе, устроены и душа не раздирается за отсутствующих; а что материально жестко — это дело совсем второстепенное, когда вместе. Конечно, сама старость есть бремя, но пока какая-нибудь болезнь не сделала беспомощной, это еще ничего, да и вообще сейчас старость приходится рассматривать как близость желанного ухода «туда». /.../

Ты ничего не пишешь о Б.Н., как он устроился; там ведь разные условия бывают и особенно в смысле материальном говорят теперь хорошо. Можешь ли ты теперь читать и в смысле глаз и психологически? Это все же великое утешение в нашем стариковском положении. Хотя здесь и куца библиотека, но я, благодаря ей, имею большое облегчение в жизни в чтении. Все же нахожу еще и нужные и интересные книги. Для меня большое наслаждение погружаться в живую жизнь прошлого восстановлением перед собой любимых писателей, например, Гоголя, Достоевского, по всяким мемуарам, запискам, воспоминаниям. А потом я дополняю знакомство с некоторыми писателями, которых раньше или недооценивал или просто не было времени ими интересоваться. Так я плохо знал Чехова и был к нему равнодушен. Сейчас я перечитал у него все важнейшее и не могу не признать в нем большого и тонкого художника с умением одной-двумя чертами подать всего

человека, но, к сожалению, беспомощного в смысле идеологическом. Сейчас я много занимаюсь Герценом, которого я не любил и плохо знал. Он мне и теперь в основном чужд, но все же это та же культура духа, которую захватили и мы и которую теперь не найдешь. Да и он сам, и все его окружение (особенно первая жена) очень интересны. И вся его семейная драма (в которой, конечно, он сам больше всего виноват) очень поучительна. У отца было много общего с ним во взглядах (но не в характерах: Герцен был ужасно честолюбив и самолюбив, отец — нисколько). В наше время еще потому следует погрузиться в это прошлое, что только теперь все можно правильно понять и оценить. Вообще я теперь получил возможность в гораздо большей мере жить мыслью, чем прошлое лето, когда и книг не было и обстановка уж очень мешала. Тут я большую часть дня один и жильё поудобнее. Но тут, конечно, гораздо голоднее, чем было зимой и прошлым летом. /.../

Ты в своем письме вспоминала из Снегурочки «в сердцах людей заметил я остуду». Какая там «остуда», это еще полгоря было бы. Пусть остуда, но хоть бы мысль была, что-нибудь красивое. А у вас Римского еще что-нибудь дают кроме Снегурочки? Он для меня стал любимым композитором. Конечно, выше всего Китеж; там есть темы прямо с неба взятые; вообще это нечто сверхъестественное по гениальным прозрениям и вдобавок либретто Бельского¹ — это не либретто, а выдающееся произведение литературы. Да и Садко и Царь Салтан превосходны. Вот отчасти и этим живешь — вспоминаешь любимые темы. Давали ли у вас в Киеве Китеж? А еще знаешь ли ты романсы Грига (Сон, Осень, Лебедь), может их поет дочь Агеева? Это счастье, что твой внук хорошо играет и именно на рояле (как я жалею, что меня учили на скрипке, а не на рояле, я в сущности и не любил скрипки), на нем все можно воспроизвести. Что он играет? Играет ли Грига?

Ты значит хорошо знакома со Срезневским². Может это бесспорно, что я его затруднил чтением моей работы, которая, как я теперь вижу, кое-что здесь почитав, совсем отстала от современных методов трактовок этих тем; но все-таки кое-что из моих тезисов я считаю верным, и, главное, невозможность долгосрочных предсказаний. А все же интересно, что он скажет. /.../

Твой [Подпись.]

¹ Бельский Владимир Иванович (1866-1946) — либреттист, с 1894 — постоянный сотрудник Н.А. Римского-Корсакова.

² Срезневский Борис Измайлович (1857-1934) — метеоролог, академик АН УССР (с 1920 г.).

24 июля 1931 г.

Дорогая Катя!

/.../ Сейчас у меня в центре моя служба. Как я тебе уже кратко сообщал, меня приняли в Геологоразведочную базу в качестве химика-лаборанта, но фактически мне приходится организовывать лабораторию и быть ответственным лицом, пока предназначенная в заведующие зырянка-химичка еще должна застрять в Ленинграде на полгода. Хотя и я оформлен, и уже получил за полмесяца жалованье (моя ставка 150 рублей в месяц), но я не имею никакой уверенности в моей службе. /.../

Ты, вероятно, судишь о Достоевском по впечатлениям молодых лет. Достоевский (как, например, и Бальзак) не для молодых. Нельзя его психологию называть больной, в ней гораздо более здоровья, чем болезни. Перечитай, попробуй его «Бесы». Я могу их раз пять перечитывать, какие чудные образы Хромоножки, Лизы, да и самого Ставрогина я люблю, более красивого характера нет в литературе. Только достань предварительно мои статьи о Достоевском в I и II сборниках «Достоевский» 1922 и 1924 гг.¹ (кажется) под редакцией Долинина² (там же имеется его роман с Суловой и неизданные главы «Бесов»³). А читала ли ты Белого «Петербург»⁴. В этой вещи он равен Достоевскому. Ну теперь я ничего не читаю кроме книг по химии, к сожалению, самого нужного пока достать не могу. Сегодня у меня выходной день и вот взялся за письмо. О получении этого письма с карточкой сообщу. Маша меня опять беспокоит: ошибка ее брак, ошибка, только не представляю степени этой ошибки.

Ну будь бодра и здорова. Пиши чаще.

[Подпись.]

¹ Религиозно-этическое значение Достоевского. // Достоевский. Статьи и материалы. Под редакцией А.С. Долинина. Сборник I. Пг., 1922. С.1-32; Психология характеров у Достоевского. // Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы. Под редакцией А.С. Долинина. Сборник II. М.-Л., 1924. С.5-27. Аскольдову принадлежит еще одна статья о творчестве Достоевского: Достоевский как учитель жизни. // Артельное дело. 1921. №17/20. С.7-15; то же. // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881-1931 годов. Сборник статей. М., 1990.

² Долинин (Искоз) Аркадий Семенович (1880-1968) — литературовед.

³ А.Долинин. Достоевский и Сулова. // Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы. Сборник II. С.153-283; [Ред.] А.Долинин. Страницы из «Бесов». // Там же. С.544-556.

Аполлинурия Прокофьевна Сулова (1840 — после 1916) — прообраз многих героинь Достоевского, в том числе Полины из «Игрока» и Настасьи Филипповны из «Идиота». В упомянутой статье Долинина содержится критика на книгу Л. Гроссмана «Путь Достоевского» (Л., 1924).

⁴ А. Белый. Петербург. Пг., 1916. Переработанное изд.: Берлин, 1922.

В статье «Творчество Андрея Белого» (Литературная мысль. Альманах. Пг., 1922. №1. С. 73-90) Аскольдов указывал, что в «Петербурге» открыты «новые горизонты сюжетности» (с. 87); здесь «Белый научает по-новому чувствовать историю. Его "эпопея я" есть на наш взгляд скорее деградация его более ранних произведений и в смысле философских и религиозных истолкований» (с. 90). Вначале дана очень высокая оценка Белого-художника и отрицательный отзыв о проповеднической роли Белого, на которую тот, по мнению автора, претендует (с. 73-74).

12. Из Сыктывкара в Киев.

[Лето 1931.]

/.../¹ Ну, еще мне интересно поскорее в город, ибо там могло возникнуть много новых обстоятельств. Во-первых, я ничего не знаю, была ли ожидавшаяся юбилейная амнистия или нет (здесь газет не достанешь)². Далее, не получили ли там помещение под лабораторию, — тогда весь характер и оплата моей службы изменится. Вообще я все же в городе в известном смысле «дома». Это как в Рыбинске, у меня в это время два года тому назад было три «дома», когда привозили на двое-трое суток в камеры ГПУ из Домзака: первый дом в Домзаке, где устроились довольно удобно, второй в Заволжье, куда временно попал, и третий дом, о котором уже не мечтал, в Ленинграде. Не могу не сознаться, что тянет в город и к своим оставленным вещам. У меня в старости появилось то, чего и тени не было в молодости: привязанность к своим вещам, особенно к старым, «заслуженным», или присланным от семьи; свой столовый «семейный» нож, вилка, стакан с подаренным бисерным чехлом и т. п. Все это словно начинает входить в состав тела, к ним привязываешься как к чему-то живому; белье, присланное Лизой, это совсем не то белье, которое я мог бы здесь купить: к тому какая-то нежность. Быть может это старческие причуды, а может в молодости был грубее и ко всему поверхностно относился, думаю последнее вернее.

Пиши мне по-прежнему: Сыктывкар, почтовый ящик №1.

Будь бодра и здорова. [Подпись.]

¹ Начало письма не сохранилось.

² Вероятно, Аскольдов находился в командировке в пределах Коми АССР, что ему приходилось делать по службе.

30 апреля 1932 г.

Дорогая Катя!

/.../ Как это там у вас мои сверстники быстро поумирали: [Катинский] и братья Беренштамы¹. Я, конечно, их отлично знал в детстве, вместе бывали у Панченков, но у меня с ними дружбы не было, и к друг другу мы не ходили. А когда были в университете (они кончили в Петербурге), то и совсем чужды стали друг другу, а во время их адвокатуры я даже никогда не видел их. Помню, смутно, что у них была сестра, которую они звали кажется Муттой. Это, вероятно, и есть твоя знакомая Мария Вильямовна. Ее мужа, философствующего юриста², я как-то раз видел у нас в Философском обществе. Он на меня произвел пренебрежительное впечатление, ибо принадлежал к типу «Шугаевых» и «Поспеловых»³, которых некогда верно изобразил отец и к которым я от него унаследовал непреодолимую неприязнь. Да и литературно мы обменялись нелестными замечаниями друг о друге, хотя, кажется, не зная того, я отозвался уже о покойнике. А как человек он, быть может, был хороший. Но, как и все Кистяковские⁴, делал ученую карьеру (впрочем, мой одноклассник Юрий кажется ничем не проявился, а может и умер). Мы даже с ним в одном сборнике участвовали, в «Проблемах идеализма»⁵, хотя он был неокантианец (для меня всегда направление наиболее враждебное; это именно была Шугаевщина, характеристика ее дана мною коротко в моей книжке об отце). А вот дед у них (у Беренштамов), Орест Новицкий⁶, был человек, которого я оценил уже недавно. Им написана была (в 60-х годах, кажется) книга по истории философской мысли в связи с религиозными верованиями, не только для своего времени замечательная, но и теперь очень ценная. Но ее проглядели; и сравнительно недавно люди понимающие оценили.

/.../ В моей жизни здесь перемен нет. Один заработок, на который я надеялся (в техникуме), сорвался; имеется еще надежда, но через месяц. С наступлением весны стало легче ходить и вообще все легче, кроме продовольствия; сейчас мое питание это хлеб и картошка, еще брюквы достал. Отчасти я здесь гораздо более одинок, ибо кроме хозяйки и сожителя никого не знаю, но знакомства в Чухломе ведь были чисто внешние. Но зато у меня здесь живейшее общение с покойниками; я разумею не некроманию, конечно, а чтение разных писателей (и о них), которое мне пока удастся успешно осуществлять. Со многими русскими, а особенно иностранными писателями, я здесь впервые основательно ознакомился или во всяком случае дополнил знакомство (Чаадаев, Гер-

цен, Теофиль Готье⁷). Я лишь недавно здесь прочел несколько лучших вещей Чехова, о которых не подозревал (я к Чехову всегда был очень холоден) и оценил его гораздо выше, чем раньше. Много узнал о Гоголе и представляю его как живого. Да, Гоголя только теперь и можно понять как следует и понять всю вздорность мысли о его душевной болезни; когда он сжег свою вторую часть «Мертвых душ» — он был мудрее, чем когда-либо. С месяца назад я послал тебе мою работу по метеорологии, но это так, на всякий случай, почти невероятно, что ее можно было напечатать. А все же мне интересно, если о ней даст отзыв ваш специалист. Сейчас я работаю в другой области, где я «у себя дома», а именно: пишу три очерка по эстетике. Тут возможно было бы и напечатать, но и это сомнительно, хотя по причинам совсем другим. Вообще этот месяц удавалось так отвлечься мыслью в прошлое и вообще в царство мысли, что совсем забывалась и действительность. Когда помрем, то главным образом окунемся в прошлое (и с Гоголем увидимся). Но пока попытаемся еще пожить. Для этого главное не надо унывать и быть бодрым, чего и тебе желаю.

Пиши. Твой [Подпись.]

¹ Беренштам Владимир Вильямович (1870-?) — юрист, писатель, публицист. Беренштам Михаил Вильямович — юрист.

² Кистяковский Богдан Александрович (1869-1920) — юрист, философ. В философии держался позиции трансцендентального идеализма.

³ Отец Аскольдова издавал с 1888 в Петербурге философско-литературный ежегодник «Свое слово», в котором излагал свои воззрения, защищал метафизику от нападок позитивизма. Основное содержание этих книг — диалоги — «Беседы с петербургским Сократом». Шугаев в диалогах один из представителей позитивной философии. Сущность Шугаева в «идейной пустоте», по существу своему чуждый философии, он тешит в ней свое самолюбие и тщеславие. В книге «А.А. Козлов» (М., 1912) Аскольдов писал: «Современные "Шугаевы", побывавшие обыкновенно года два в германских университетах, с наибольшим эмфазом произносят имена Когена и Риккерта в твердой уверенности, что одно лишь лицемерие этих философов вознесло их в самые недостижимые вершины философского глубокомыслия» (с.90). Пospelов другой персонаж диалогов. «Пospelов — это в сущности тот же Шугаев, но только в виде официально-представителя философии. Если Шугаев сердится и возмущается метафизическими бреднями Сократа, то Пospelов, как человек не только читавший сочинения по научной философии, а прямо-таки осуществивший эту научную философию в психологических лабораториях, беседовавший с самим Гельмгольцем и другими светилами научной философии, не нисходит даже до возмущения Сократом. Он поучает Сократа последними научными теориями о пространстве. Но и в этих поучениях слышится

более самодовольства своей ученостью и передовитостью, чем действительная любовь к философской истине» (там же, с.91).

⁴ Семья Кистяковских дала несколько видных деятелей науки и культуры: Александр Федорович Кистяковский (1833-1885) — украинский историк права; его сын — Владимир Александрович (1865-1952) — химик, академик АН СССР (с 1929).

⁵ Кистяковский Б.А. Русская социологическая школа и категория возможности при решении социально-этических проблем. // Проблемы идеализма. М., 1902. С.295-391. Аскольдов участвовал с Кистяковским и в сборнике, посвященном Л.М. Лопатину, где опубликована статья Кистяковского «Рациональное и иррациональное в праве» (с.230-244).

⁶ Новицкий Орест Маркович (1806-1884) — православный философ, профессор университета Святого Владимира. Далее в настоящем письме Аскольдов упоминает книгу О.Новицкого «Постепенное развитие древних философских учений в связи с развитием языческих верований» (ч.1-3. Киев, 1860-1861). Новицкий — автор еще одной книги по истории философии: «Духоборцы, их история и вероучение» (Киев, 1882).

⁷ Чаадаев Петр Яковлевич (1794-1856) — философ, декабрист. Готье Теофиль (1811-1872) — французский писатель.

14. Из Новгорода в Киев.

7 июля 1934 г.

Дорогая Катя!

/.../ У нее [жены сына. — А.С.] есть очень, очень большое поэтическое дарование. Я давно знал, что она пишет недурные стихи. Но только этой осенью она прочла два стихотворения, которые достойны были бы пера одного из русских больших поэтов, к сожалению, умершего рано, подобно Лермонтову. Тут дело не в одном таланте — талантов много, а у нее есть большой поэтический размах души, вообще большая душа в воробьином теле. Нет, я очень ее ценю и чувствую ее почти как дочь. Мне страшно горестно, что поэтическое дарование ее и Вовы (почти равное) пропадают без возможности выявления. Тут дело вовсе не в таланте писать стихи очень совершенные по форме. Таких талантов много и *стихотворцев* много, но *поэтов* мало. Это большая разница. Например, Бунин был очень искусный стихотворец (все же недаром академиком сделали), но все его стихи не стоят двух стихотворений Соловьева или Тютчева, которые были поэты. Поэзия есть не что иное как *музыка души*¹, которую поэт или сам создает, или она ему дается извне, мистически, как сновидения (так было у Блока), или, наконец, он ее подслушивает в окружающем мире,

там, где мы ничего не слышим. Но чаще всего здесь и то, и другое, и третье. Мне поэзия поэтому и заменяет музыку, что в основном это одно и то же. Эта тема для меня больная тем, что мне необычайно горестно за те великие поэтические дары, которые раскрылись в области русской поэзии за первую четверть текущего столетия. Русская поэзия достигла величайшей напряженной значимости*. Тут открылись высоты, равные высотам Пушкинской поэзии, а идеологически и более значительные. И никогда русское общество не было таким глухим. Есть величайшие произведения, которые почти никто и не заметил и одно такое произведение принадлежит Вячеславу Иванову², которого ты когда-то знала. Вообще Вячеслав Иванов и Андрей Белый — это два единственных гениальных писателя после Достоевского. Но Белый вполне раскрылся, а Вячеслав Иванов мало раскрыл свою гениальность, она больше чувствовалась в личных беседах с ним. И вот все эти дарования и их зрелые плоды или замечены были немногими или совсем почти не замечены. Лермонтов когда-то сказал про «жар души растраченный в пустыне». А тут уже не жар души, а дары Духа были растрачены в пустыне полного невнимания и глухоты русского общества. Это, конечно, упрек прошлому. Сейчас уже в этом никого винить не приходится. Ну вот наскочил на больные места и разболтался. /.../

Ну будь бодр и здорова. [Подпись.]

---

* За границей ничего подобного не было. [Прим. Аскольдова].

¹ Ср. у А.Ахматовой: «Подумаешь, тоже работа, — / Беспечное это житье: / Подслушать у музыки что-то / И выдать шутя за свое». (Из «Тайн ремесла. Поэт»).

² Аскольдов был дружен с В.И. Ивановым.

15. Из Новгорода в Киев.

15 августа 1935 г.

Дорогая Катя!

/.../ И неудачный брак можно ввести в границы сносной жизни, если женщина умеет и имеет силу отстоять свой престиж, как женщины, т.е. не допустить ни тени порабощения, этого многовекового и даже тысячелетнего зла, основанного и на физических преимуществах мужчины и на некоторых религиозных предрассудках и искажениях. Да, основная обязанность родителей научить

своих дочерей оценивать всех мужчин и претендентов с точки зрения того, что может быть обозначено как рыцарское отношение к женщине, которое, во всяком случае, абсолютно исключает всякую грубость и все оттенки деспотичности и хамства. Это то, что воспитывается и поддерживается в мужчинах традициями определенных общественных слоев, а также художественной литературой. Поэтому плохой признак уже тот, если мужчина не имеет достаточного литературного образования. И вот Фельснер¹ в этом отношении круглый невежда. По моим впечатлениям и у Б.Я. никогда не было никаких литературных вкусов и интересов. Теперь я, как отец, расплачиваюсь за небрежение в развитии в дочерях основной требовательности, Маша тоже — что не посоветовалась вовремя, а объявила уже *post factum*. И вот и ты, — что просмотрела, что в Б.Я. не хватает главного стержня духовной культуры и что взгляды его на жизнь в достаточной мере мещанские, т.е. что все дело в способности зарабатывать, что в этом право на господство и авторитет. И как это он, доживя до 70 лет, не рассмотрел в жизни ничего более важного чем хлебный вопрос и запросы самолюбия, которые тоже в нем заявляли наибольшие права. Теперь, конечно, поздно поправлять дело. Хотя мне кажется, ты могла бы апеллировать к детям, которые ведь достаточно взрослые и могли бы поговорить с отцом. Если бы я мог иметь с ними живое общение, я бы несомненно выдвинул эту тему. Но что здесь можно поделать на расстоянии, не зная всех конкретных причин и поводов ваших ссор. Когда здесь была Таня, я не имел и повода к такому разговору, ибо ты тогда не писала на этот счет, а мне казалось, что твои отношения с Б.Я. смягчились. Ну чтобы закончить эту тему скажу тебе вот что еще важное, не для того, конечно, чтобы тебя упрекать, а чтобы вызвать в тебе нечто очень важное в нашем возрасте, а именно сознание своих жизненных вин и ошибок; и не только то, что ты вышла замуж без особой любви, без особой нужды и без должной оценки человека, вообще как-то без достаточных оснований. И даже выйдя, ты должна была бы и могла бы отстоять более высокий духовный горизонт, который всем нам дал наш отец. А вместо этого ты поддалась и восприняла весьма средний обывательский духовный уровень Б.Я., который в отношении всего отцовского отделялся весьма дешевым посмеиванием и зубоскальством. Я помню, что я тоже отчасти заражался этим, особенно, когда все это проделывалось в период вашей дружбы с Новиковым, который ведь тоже был так себе «купчик-голубчик». И меня потом угрызала совесть за это. За небрежение отцовским духовным наследием Наташа тоже жизненно пострадала, но в ином роде. И ты, конечно, тоже за это,

ибо и потом как-то утратила духовные интересы, зарядку, которые мы получили от отца. Правда, вы обе с Наташей были в жизни всегда очень добры и отзывчивы к людям, но это не то, что требовалось. Ты пойми, зачем я тебе это пишу. Легче делается, когда поймешь, что несешь горести не зря, а осмысленно. Это я на опыте испытал. А мои горести ведь тоже не зря, а отчасти по заслугам, а отчасти по другим основаниям. /.../

Ну будь бодра и здорова. [Подпись.]

¹ Фельснер Павел Иванович — муж М.С. Алексеевой. Инженер.

16. Из Новгорода в Киев.

[Лето 1935]

/.../¹ Что твой сын не интересуется философией — это не важно. Мы вступили в такую историческую эпоху, когда философия, как история мысли и как система потеряли свое значение. Вообще заниматься ею вплотную специально никому не рекомендую. Но общее образование и интерес к основным вопросам и умение их решать самостоятельно — это для иных необходимо, а иным этого и не нужно. Задача жизни и жизненной мысли может решаться иным путем и не хуже, чем философски. Гораздо важнее интересуется ли он кроме техники и математики *искусством* в ширину и глубину (главное литература, вообще поэзия и музыка). Что он сам играет, это еще не самое главное. Самое главное — восторгаться и упиваться музыкой. Любит ли он оперы и какие, чувствует ли, что весь Вагнер и Римский-Корсаков божественно хороши? Между прочим играет ли Грига (Сон, Осень, Лебедь), знает ли Глинку кроме Руслана, играет ли второй концерт Шопена (я его люблю по воспоминаниям)? Знает ли и чувствует ли лучших поэтов после Пушкина (Блок, Белый, Ахматова, Гумилев, Вл.Соловьев, Тютчев, Фет, Ходасевич)?

Ну, кончаю, пора спать. [Подпись.]

¹ Начало письма не сохранилось.

17. Из Новгорода в Киев.

26 февраля 1939.

Дорогая Катя!

/.../ Неужели же Таня так-таки и ездила к Аральскому морю, ведь это же, я думаю, дней 10 скачи, не доскачешь. Вернулась ли

она и в каких настроениях? Сообразив все обстоятельства, я не думаю, чтобы она лично душевно отдохнула, скорее обратное. Ты все досадуешь на ее роман. Я, конечно, тебя понимаю, если он таков, каким ты его изображаешь. Но ты тут можешь делать ошибку вот в чем. Человек во внешних отношениях со знакомыми никогда не раскрывается «вполне», т.е. многое и *скверное*, и *хорошее* остается невыявленным для людей посторонних; и лишь тот, кто к нему стоит *близко*, а особенно брачно, знает его вполне. И, возможно, что есть у него какой-то душевный «шарм», которого ты не видишь, хотя должен сказать, что по его портрету это трудно предположить. Но тут уж ничего не поделаешь. Это одна из самых больших, скажу сильнее, трагических сторон жизни, что любовь не спрашивает хорош или худ человек, достоин или не достоин. Любовь это *магия*, перед которой разлетаются в пух и прах все аргументы, соображения и доказательства. Это всюду подтверждает и жизнь и литература. И никто, никто не умел это так показать и заразительно изобразить, как Достоевский. Возьми в «Подростке» отношение Версилова к Ахмаковой; и как он четко говорит, что это его «фатум». В «Бесах» — Лиза к Ставрогину. В «Игроке» — игрок к Полине, а Полина — к ничтожному французишке. В любви есть прямо какая-то неразгаданная мистика, лежащая в основе удач и неудач. И этому «все возрасты покорны». А читала ли ты как следует в свое время «Подросток», «Бесы», «Игрок» — для молодых людей в сущности мало понятные, только в зрелом возрасте и в старости поймешь как следует эти вещи. Вообще Достоевского надо в жизни читать раза три. Я его могу и пять и шесть раз читать с огромным наслаждением, так он мне духовно близок. Есть ли он у вас?

Я теперь, побывавши, гораздо лучше представляю всю вашу жизнь и взаимоотношения, с необычайной четкостью вас всех представляю и внешне и психологически, даже столь мало мною известных Женю¹ и Колю. Мое воображение в старости обострилось и усилилось до крайности, не знаю, у всех ли это так.

Ну, будь здорова. [Подпись.]

¹ Букреев Евгений Борисович — сын Е.А. Букреевой, врач.

18. Из Новгорода в Ленинград.

22 марта 1939 г.

Дорогой Вова!

/.../ В прошлом письме я сделал поклев на собак и усомнился

в нежности их чувств, эти дни я получил наглядное опровержение. Под нами, у Латышевых, живет собака-красавица — Найда — рослая дама, с крупную легавую. А на улице Конюшенной живет рыженький карапетик «Тузик» по величине раз в шесть ее менее. Так раза два в год в нее влюбляется. И это бывает именно тогда, когда ее выпускают на двор не иначе, как на [цепуре] (как он узнает про эти сроки — мне непонятно, вероятно, через почту). И вот тогда неизменно Тузик переселяется на наше крыльцо и на нем днюет и ночует, свернувшись в комочек. Все это, конечно, безнадежно, ибо она аристократка, а он просто жалкий маленький Тузик, но он дежит и не отходит прочь от двери, ежась по утрам от холода, и едва ли когда ее видел. Ну чем не романтик на четырех лапах? Я понимаю, что этот вопрос обоюдоострый и что психологи вроде Фрейда и Вайнингера обернут дело в противоположную сторону, т.е. романтизм, и даже Пушкинского «рыцаря бедного» поставят на четыре лапы. Но конечно ошибочно выводить одно из другого, как ошибочно ставить вопрос: курица произошла от яйца или яйцо от курицы. Как все цвета радуги вышли из одного белого цвета, так и все цвета любви вышли из любви космической, которая образует одну мировую Ипостась. И как все цвета радуги могут заиграть в ничтожной капельке воды, так, вероятно, и любовь бесконечно разнообразно играет в природе, а потому не будем презрительно относиться к Тузику, ибо и он есть какая-то капелька души. Частично это входит в тему моего большого стихотворного замысла, который я на 1/3 осуществил. Потому ли, что это весна, потому ли, что я немножко влюбился, но стихи из меня полились как из ведра (ну не всегда же ведро стоит с помоями). Та тема, которую я сейчас затронул, удивительно, прямо непостижимо по глубине и силе, представлена и музыкально разрешена в опере Римского «Снегурочка» и эта опера в моем стихотворном замысле играет весьма существенную роль. Кажется, ты ее видел и, конечно, знаешь по Островскому. Но сюжет Островского это 1/10 сюжета Бельского¹, а сюжет Бельского это 1/10 музыкальных *откровений* (не в переносном, а в самом точном смысле) Римского. Музыка Римского почти везде, а особенно в «Снегурочке» и в «Китеже», есть не музыка, а религия и философия вместе, вмещающая в себя и язычество и христианство как два родственных потока. /.../

[Подпись.]

¹ См. прим.1 на с.313.

23 декабря 1939 г.

Дорогой Вова!

Приехать я, если смогу, то вероятно не раньше четвертого-пятого января. У нас 30-го рабочий день (вместо 1-го января). Надеюсь, что числа пятого приеду дня на три, если директор не запротестует¹ и проезд будет свободный. Не смог ли бы ты на эти дни заранее ангажировать Раковского; его мне интересно было бы повидать. Поэт Минский гораздо крупнее, чем я предполагал. Мирра Лохвицкая тоже величина. А вот к Анненскому я все же равнодушен, он удивительно искусен и изобретателен, но и удивительно искусственен². А все же твой «учитель» и Ходасевич единственные стоящие рядом с Блоком и Белым. Стихи — единственное, что я за эту осень и зиму почитывал, да и то обычно лишь после 11 часов вечера. С этого я лишь и начинаю немного жить духовной жизнью. Вот и сейчас около 11 и я воспламенился: по радио, после дневного барабанного боя, стали вдруг передавать нечто прекрасное: отрывки из забытой оперы Моцарта Дон-Жуан, но это еще что, это не удивительно; но я совсем уже был поражен, когда в пояснение этих отрывков услышал длинные цитаты из «Крейслерианы» Гофмана — это впечатление и объяснение к опере Моцарта на другой день после прослушания ее в театре. Понимания Гофмана удивительно глубоки и проникновенны и они меня воспламенили более чем музыка, которая мне хорошо известна с детских лет (когда я был гимназистом, эту оперу часто давали). Как Гофман был умен, мудр и духовно культурен, да и образован. Как я обожал его в детстве (9 лет просто зачитывался им), так и теперь он один из любимейших. Весь мой душевный строй и даже философия сложилась под его косвенным влиянием. И удивительно, что все вы, мои дети, и мой внук к нему равнодушны; хорошо что он хоть есть у вас, а у мамы надеюсь цело и то драгоценное издание, которое я купил на первые заработанные мною студентом третьего курса деньги... И вот я воспламенился и... вместо творчества мысли, стихов, вместо особого настроения передавать свои пламень мысли и настроения, способные воспламениться, надо ложиться спать и готовиться к трудному дню, хотя и выходному, полному прозы, забот, возни и работы. И никого-то я не вижу, эту осень и зиму, с кем бы можно бы говорить не о сене и не об овсе.

[Подпись.]

¹ В описываемое время Аскольдов работал учителем математики в средней школе.

² Раковский Леонтий Иосифович (1896-1979) — писатель. Минский (Виленкин) Николай Максимович (1855-1937) — поэт-символист. Лохвицкая Мирра Александровна (1869-1905) — поэт. Анненский Иннокентий Федорович (1856-1909) — поэт.

20. Из Новгорода в Ленинград.

7 июля 1940 г.

Дорогой Вова!

/.../ У моих хозяев словно постоянный двор, особенно в выходные дни; тут и родственники и знакомые из деревни и сыновья, и при гостях почти непрерывное угощение музыкой самой что ни на есть пошлой и разухабистой (как шедевр музыкальной пошлости рекомендую твоему вниманию — пластинку «Саратовская частушка», «Страданье», исполняемую М-ме Руслановой¹, которая рисуется мне толстой, отцветшей, развратной бабой, пошлой во всех отношениях). Вообще главный ужас жизни не в злодействах, которые все же кратковременны, а в пошлости беспроглядной, которая длительна и засасывает, как тина. «Восстает мой тихий ад в строгости первоначальной». Раковский преувеличил: я его роман² не ругал и не отрицал его достоинства, как историк, но со стороны художественной и вообще жизненного интереса он не оправдывает своего появления, не дает почти ничего. Я определенно не советовал бы его переиздавать (разве что ради заработка), а тем более переделывать; по-моему, в самом существенном он уже не поправим. Кстати, неужели он с тобой так и не расплылся.

Что ты мне мало прочитал из твоего литературного замысла, об этом я не сетую. Достаточно и этого, чтобы сказать, что тебе это по силам, что работать в этом направлении стоит, тем более что тема новая очень и очень удачная, и я удивляюсь, как ее еще никто не предвосхитил (вроде Тынянова³). С этой точки зрения я рекомендую тебе держать ее в тайне (напрасно и Раковскому сообщил), чтобы кто-нибудь, [знающий] все ходы и выходы, не определил бы тебя. Тем более, что даже если ты напишешь удачно и вещь вообще будет хороша, едва ли в наше конкурентное время тебя подпустят к печатному станку. Ты, конечно, не можешь этого не хотеть, но я, признаюсь, отчасти опасаясь, если бы тебе это удалось. Лучше если ты к этому придешь попозже, а пока, как хранимое в подвале вино, улучшайся в своих качествах и усиливайся в своих скрытых потенциях. /.../

[Подпись.]

- ¹ Русланова Лидия Андреевна (1900-1973) — эстрадная певица.
- ² Вероятно, роман Раковского «Изумленный капитан» (1936).
- ³ Тынянов Юрий Николаевич (1894-1943) — писатель, литературовед.

21. Из Новгорода в Ленинград.

31 октября 1940 г.

Дорогой Вова!

Письмо твое получил. Очень рад, что мои опасения в отношении тебя оказались ложными и на некоторый срок ты видимо более или менее гарантирован от зачисления в какие-нибудь военные кадры. Но, конечно, это все не так уже надежно при нынешних сугубо военных временах и столь неожиданных поворотах мировой истории. Не было еще эпохи, когда весь мир перестраивался бы с такой быстротой, с такой катастрофической беспощадностью, сокрушая все привычные устои и человеческое спокойствие. В такие времена человеку взрослому духом (возраст духа совсем не совпадает с возрастом тела) надо жить во всегдашней готовности перестроиться на катастрофический режим, т.е. быть в духовной готовности встретить его «весело и сердито»; надо держать в мыслях одно из замечательных и мудрейших стихотворений Тютчева «Цицерон». Но цицероновская эпоха по сравнению с нашей это буря в стакане воды. Теперь о проказах бесовских в отношении меня. Во-первых, они не случайны, а находятся в несомненной связи со всей мировой свистопляской. Везде, везде «власть тьмы». Но пока что я напавших на меня бесов победил и духовно и телесно. Духовно то я для них вообще вероятно уже неодолим, ибо одолеть они могли бы лишь на одном фронте — эротическом; но этот фронт для меня последнее время совсем закрылся. Ну а на материальном фронте все пришло пока к норме. /.../

Я не сравнил бы моих хозяев с бесами. Они в общем люди добпорядочные, и даже их молодые парни. Но все же это окружение не из приятных и, если бы я не был такой обстрелянный жизнью человек (жизнью у зырян), оно могло бы меня угнетать. У нас просто какой-то постоянный двор; надо учесть, что почти каждого постояльца угощают патефоном («Машенька», «Саратовские частушки» и т.п.), от чего иногда духовно тошнит. Но тошнит вообще от всего этого животное-довольного окружения, от того, как они (парни) иногда рыгочут подобно хрюканью вседовольных свиней. Да, человек, потерявший всякие следы духовности, становится ниже животного, даже если он ведет себя легально и привычно.

/.../ [Подпись.]

22. Из Новгорода в Киев.

15 ноября 1940 г.

Дорогая Катя!

/.../ Не могу не написать о твоём настроении. Оно мне просто непонятно. Ведь будь ты моложе, я бы понял; но ведь ты сама уже приблизилась к ликвидации всех земных отношений, и разлука со всеми земными привязанностями неизбежна: годом раньше, годом позже. Но для меня лично смерть вовсе не есть непременно разрыв земных связей, а вернее укрепление их в иных формах бытия. Мне кажется, я не ошибусь, если скажу, что если бы у меня умерла Маша, которую я люблю, вероятно, не меньше чем ты Колю, у меня, вероятно, неизбежно лились бы иногда слезы, но я не только не был бы безутешен, а несомненно в моей груди о ней сквозила бы радость, что она уже избавилась от ужасов жизни вообще и особенно тех, которые, вероятно, обрушатся на нас через год-два¹. Как ты не понимаешь, что жизнь гораздо ужаснее смерти, если только человек не имеет на своей совести непрощаемых преступлений, вообще не был в жизни подлецом (а подлецы не избегают кары). Но ведь жизнь Коли ничем непростительным не была запятнана. Вся беда в том, что у тебя, видимо, нет твердых мыслей на этот счет. Тут тебе и Таня могла бы помочь. Вот в отношении Гоги² дело стоит, конечно, грустно. Но ведь уже не за горами его освобождение. Я ему на днях напишу.

Ну, будь добра и здорова.

[Подпись.]

¹ Николай Борисович Букреев погиб в горах.

² Кирилл Борисович Толпыго — внук Е.А. Букреевой. В описываемый период находился на военной службе.

23. Из Новгорода в Ленинград.

23 марта 1941 г.

Дорогой Вова!

Твое письмо получил. Ты почему-то думаешь, что я впал в пессимизм. Из того, что я, перевалив через 70 лет, подумываю о смерти, не следует, что у меня настроение пессимистическое. Мысль о смерти меня ни в какой мере не удручает. А что касается того, когда о ней надо уже подумывать, я полагаю, что всегда, всю жизнь надо о ней не забывать и, конечно, чем ближе к старости — тем чаще подумывать. Смерть неприятная гостья именно

тогда, когда о ней совсем забывают. Но вообще, когда поймешь, что я сам и мое тело вовсе не одно и то же, а лишь две частично совпадающие реальности (все равно как два круга, частично совпадающие O), то мысль об этой гостье уже не страшит. А если тело становится бременем или жизнь становится тяжким прессом — то и радостна. /.../

[Подпись.]

24. Из Новгорода в Ленинград.

10 июня 1941 г.

Дорогой Вова!

Письмо твое получил. Да я и сам почти не имею надежды на устройство моих очерков по эстетике. Насчет Тихонова ты видимо прав — к нему и соваться нечего. Насчет же Эйхенбаума¹ я и сам сознавал, что это более правильный путь, но я на него прямо не вступлю. Мы с ним едва знакомы, и я думаю, что я ему так же мало по душе, как и он мне. К тому же тут возможна и даже неизбежна *jealousie de métier*² (переведи-ка), поскольку ведь это тема его специальности, по которой, насколько я знаю, он ничего ровно не сделал. Что касается Долинина и Комаровича³, то они, я думаю, для меня сделали бы что могли, но могут они вероятно очень, очень мало. Но возможно, что я повидаю того и другого. А то, что у меня сейчас выходит при переработке и переписке (переписывая, я очень сильно изменяю и дополняю), меня удовлетворяет и как наследие я уверен, что оно найдет свое время и место. Ведь это труднейшие темы, которые в такой общей постановке редко не только что из наших, но и из заграничной литературы кто касался. Особенно трудна проблема «смешного». Но мне как раз и предстоит ее за эти дни переработать (хочу привести).

[Подпись.]

¹ Эйхенбаум Борис Михайлович (1886-1959) — историк литературы.

² Профессиональная ревность (фр.).

³ Комарович Василий Леонидович (1894-1942) — литературовед, в 1917 окончил Петроградский университет, в 1924-28 — преподавал в Ленинградском институте истории искусств, где работал в те же годы и Аскольдов.

25. Из Новгорода в Киев.

12 июня 1941 г.

Дорогая Катя!

Из Таниного письма я вижу, что ты уже поправляешься. Но, конечно, в наши годы всякое поправление идет медленно. Надо думать, что Женя уже разрешил тебе вставать и по комнате ходить. Он, видимо, исключительно осторожный доктор и его основной принцип есть *quiescent optimum remedium*¹. И с этим принципом он доведет своих родителей до столетнего возраста. А вот из Таниного письма я вижу, что уж очень ты, наподобие мамы, легко впадаешь в тревоги и ужасы, хотя ты в общем психологически на нее вовсе не похожа. Но тут дело, конечно, не в наследственности, а в чем-то другом. У Лизы ведь нет маминой наследственности, а ведь она теперь вечно в тревогах, страхах и всякого рода мнительных предположениях. Это уже жизнь создает такой психологический «синдром». А вы, как и большинство, в течение жизни не выработали себе внутренних противоядий, а не выработали потому, что то, что в строе мыслей должно было быть на первом месте, было на последнем месте. Надо понять то, что боязнь ужасов жизни ужаснее самих ужасов. В этом мире особых ужасов и быть не может, поскольку все текуче, изменчиво. Физические мучения, если они не сильны, — терпимы, а если они очень уж мучительны — кратковременны, а за ними смертный удел всех, то к неизбежности чего мы ведь все привыкли и что по существу есть избавление от зол, если человек не очень послужил в жизни злу. Хуже войны и еще кое-чего нет ничего на земле, но и к этому привыкает человек. И все же «блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые». У меня перемен нет. Завтра собираюсь поехать к своим дней на десять. Тебе нужно чем-нибудь отвлекать свои мысли от тревог. Можешь ли ты читать? Мне очень много дает для души музыка, передаваемая по радио. Ведь у вас есть?

Поправляйся и бодрись. [Подпись.]

¹ Покой — лучшее лекарство (лат.).

26. Из Новгорода в Ленинград.

[Июнь 1941 г.]

Дорогой Вова!

Твое письмо получил. Ты мне напомнил о Кукольнике¹ то, что мне было известно, но только я забыл, что именно он автор

той пьесы. Но красной патриотизм и вся его общественная позиция ничего не говорят о нем, как о поэте. Он меня заинтересовал как автор текста двух лучших романсов Глинки. Текст одного романа «Уймись волнения страсти» — я знаю и он неплох. А вот «Пароход» знаю только частично. В слиянии с музыкой он звучит необычайно задушевно и лирично. А Кукольник не имеется разве в твоей библиотеке русских писателей в маленьких книжечках? Да, пожалуй, тебе теперь и не стоит спешить с перепиской Лермонтова. Все равно горячее время упущено. А для будущих времен можно и не спеша переписать в течение года. Ты ничего не пишешь: идет ли по-прежнему твоя лекционная работа на убыль или стоит на месте. Увы, общие ситуации таковы, что можно ждать, что и совсем на нет сойдет этот заработок. Ну что же, наша эпоха потрясательная. Мир охвачен духовными землетрясениями. И почти невероятно, чтобы мы в них не вовлекались. Возможно, что вам всем придется карабкаться. Надо уметь переключаться на катастрофические положения. Это можно делать по-разному и разными случайными душевными установками и мыслями («Цицерон» Тютчева, «Пир во время чумы» Пушкина). /.../

Всю последнюю неделю я ввязался в чтение Толстого. Перечитывал Анну Каренину и еще кое-что его. И еще какого-то современного английского автора (забыл) очень талантливого. Мои проекты насчет очерков по эстетике я, по зрелом обсуждении, признал фантастическими, но я все же приведу их в порядок.

Мне случайно попались в руки наброски Лермонтовских стихотворений (опубликованные после его гибели) в [Русской беседе] (в 1841 г.)², т.е. я имею самые листки журнала. Они не попали в собрание сочинений и понятно почему: это незаконченные и в общем неудачные наброски. По содержанию они мало добавляют к известному содержанию (религиозного). Если тебе это важно, я могу тебе переписать.

Сейчас Качалов³ читает Пушкина «Вахханалистическую песню» и речь Председателя из «Пира во время чумы». Не нравится мне его читка. Смысловые интонации перевешивают музыкальный пафос и ритм стиха. Такие стихи не надо читать слишком осмысленно. Но вообще по вечерам я нередко наслаждаюсь музыкой после 8 часов. В этом году я больше одиночествую по вечерам. И.М.⁴ бывает очень редко. Он безумно загружен работой. Вообще его состояние внушает мне большие опасения: страшная взвинченность и возбудимость, нервы натянуты как струны. Боюсь, что это плохо кончится. Тут не одна утомленность работой. Для меня ясно: второй брак и семья создали ему огромную психологическую нагрузку. Эти вторые браки всегда дорого обходят-

ся. Он очень скрытен и ничего не говорит, но я чувю в нем разложение личности.

Сейчас передают мой любимый романс Рахманинова «Не пой красавица при мне», а вообще я к Рахманинову равнодушен.

[Подпись.]

¹ Кукольник Нестор Васильевич (1809-1868) — поэт, драматург, прозаик. Аскольдов имеет в виду его пьесу «Рука всевышнего отечество спасла» (1834).

² Вероятно, Аскольдов пишет о стихотворениях Лермонтова «Из альбома С.Н. Карамзиной» и «Графине Ростопчиной» (Русская беседа. 1841. Т.2. С.93, 94).

³ Качалов (Шверубович) Василий Иванович (1875-1948) — актер.

⁴ Андреевский Иван Михайлович (1894-1976) — психиатр, историк, философ. В Новгороде работал врачом. Вероятно, первый арест Аскольдова в Ленинграде связан с деятельностью кружка интеллигенции, собиравшегося у Андреевского. Позднее судьба вновь свела Аскольдова и Андреевского в предместьях Берлина.

27. Открытка из Новгорода в Киев.

24 июня 1941 г.

Дорогая Катя!

Твою открытку получил. Очень рад, что ты, хоть постепенно, приходишь в норму. Правда теперь, с возникновением войны, все перевернулось вверх тормашками. Ну что же, эту чашу нам надлежало выпить рано или поздно. Не надо унывать и оплакивать события, которые еще не совершились. Конечно, у тебя основная тревога о Гоге. Но ведь как все обернется для него, неизвестно. У меня не меньше тревоги о всех своих. Я был у них всего три дня, в которые Машу так и не удалось повидать. Она была со своим детским садом на даче. Я надеялся ее увидеть, но уехал неожиданно быстро. О ней больше всего беспокоюсь. Она устала, ей нужен отдых, а отпуск теперь едва ли будет возможен. Вова сидит совсем без заработка. Словом, для тревог десятки оснований, конечно не о себе. Но я укрощаю их сознанием всего того, что выражено в 90-м псалме (перечти). Пиши почаще открытки. У меня в здорье перемен нет.

Поправляйся и бодрись. [Подпись.]

***ИЗ ИСТОРИИ
ЛИТЕРАТУРНОЙ
ЖИЗНИ***

ПИСЬМА М.И. ЦВЕТАЕВОЙ К П.И. ЮРКЕВИЧУ

Публикация, подготовка текста и примечания
Е.И. Лубянской и Л.А. Мнухина

Эпистолярная проза Марины Ивановны Цветаевой (1892-1941) за последние годы неоднократно пополнялась новыми именами корреспондентов. Достаточно указать наиболее значимые из этих публикаций: «Письма Марины Цветаевой к Р.Н. Ломоносовой (1928-1931 гг.)». Публикация Ричарда Дэвиса. — Минувшее. Вып.8. Париж, «Atheneum», 1989, и книгу «Письма Марины Цветаевой к Ариадне Берг. 1934-1939». Подготовка текста, переводы и комментарий Никиты Струве. — Париж. YMCA-Press, 1990.

В настоящей публикации также представлен адресат ее писем, чье имя еще мало известно. Подборку составляют четыре письма, три первых из них являются едва ли не самыми ранними из всего эпистолярного наследия М.И. Цветаевой. Корреспондент юной Цветаевой, Петр Иванович Юркевич, родился в 1889 году. Его отец, Иван Викентьевич, преподаватель географии, один из организаторов Географического общества в России (умер в 1920 г.). Окончив медицинский факультет Московского университета, П.И. Юркевич в 1913-1914 гг. совершил в качестве корабельного врача длительное путешествие по маршруту Севастополь — Колыма. Во время первой мировой войны он специализировался в области военной терапии и остался верен своему призванию до конца жизни. П.И. Юркевич умер в Москве в 1968 году.

Познакомила Юркевича с Цветаевой, по всей вероятности, его сестра, Софья, которая училась с Цветаевой в одной гимназии. Знакомство перешло в непродолжительную дружбу. В семье Юркевичей Цветаеву называли «первой любовью» Петра. Затем их встречи стали реже, а вскоре и вовсе прекратились. Одна из таких редких встреч состоялась в феврале 1912 года, во время нее П.И. Юркевич получил от юного поэта сборник стихов «Волшебный фонарь», выпущенный Цветаевой в 1912 году в домашнем книгоиздательстве «Оле-Лукойе»; с дарственной надписью: «Дорогому Понтику¹ — другу моих 15-ти лет. *Марина Цветаева. Москва, 27 фе-*

¹ Семейное прозвище П.И. Юркевича.

враля 1912 г.» (Книга находится в архиве Л.А. Мнухина). В 1916 году П.И. Юркевич, после долгого перерыва, предпринял попытку возобновить отношения и написал Цветаевой письмо. Она откликнулась, но судя по ответу («А то, что Вы называете любовью /.../, берегите для других, для другой², — мне этого не нужно»), это письмо должно было стать последним.

После возвращения на родину состоялась еще одна их встреча. В 1940 году Цветаева с сыном была у Юркевичей в гостях. Воспоминаний об этой встрече, за исключением нескольких обрывочных фраз, запомнившихся дочери П.И. Юркевича, не осталось.

***

Письма печатаются по оригиналам, хранящимся в архиве Л.А. Мнухина. Они были туда любезно переданы в 1977 году вдовой (ныне покойной) и дочерью адресата. В полном виде печатаются впервые. Письмо 1916 года публиковалось с сокращениями в журнале «Таллин», 1986, №2 (публикация Е.И. Лубянниковой и Л.А. Мнухина) и в книге: Марина Цветаева. Сочинения в двух томах. Т.2. Москва, «Художественная литература», 1988 (составитель А.А. Саакянц). Фрагмент из письма от 13 июля 1908 года был приведен в сборнике: Марина Цветаева об искусстве. Москва, «Искусство», 1991 (составители Л.А. Мнухин и Л.А. Озеров). Ответные письма, по-видимому, не сохранились.

В публикации старая орфография заменена новой. Для раскрытия сокращенных слов, как и для текста публикаторов — использованы квадратные скобки.

Список сокращений

- АИЦЗ — Анастасия Цветаева. Воспоминания. М., «Советский писатель», 1983.
Бес. АЦ — записи бесед с А.И. Цветаевой (архив публикаторов).
ВА — М.Цветаева. Вечерний альбом. М., 1910.
В1 — М.Цветаева. Версты. I. М., ГИЗ, 1922.
Мосты — Мосты, Мюнхен, 1960, №5; 1961, №6.
НП — М.Цветаева. Незданные письма. Париж, YMCA-Press, 1972.
ПТ — М.Цветаева. Письма к А.Тесковой. Прага, Academia, 1969.
РЛА — Русский литературный архив. Нью-Йорк, 1956.
Соч.2 — М.Цветаева. Сочинения в двух томах. Т.2. М., «Художественная литература», 1988.
ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив, Москва.
ЮС — М.Цветаева. Юношеские стихи. Впервые в ее кн.: Незданное. Париж, YMCA-Press, 1976.

² Выделено публикаторами.

[Таруса, 22.06.1908]¹

Хочу Вам писать откровенно и не знаю, что из этого получится, — по всей вероятности ерунда.

Я к Вам приручилась за эти несколько дней и чувствую к Вам доверие, не знаю почему.

Когда вчера тронулся поезд и я страшно удивилась — мне до последней минуты казалось, что это все «т[а]к», и вдруг к моему ужасу колеса двигаются и я одна. Вы наверно назовете это сентиментальностью, — зовите к[ак] хотите.

Я почти всю ночь простояла у окна. Звезды, темнота, кое-где чуть мерцающие огоньки деревень, — мне стало т[а]к грустно.

Где-то недалеко играли на балалайках, и эта игра, смягченная расстоянием, еще более усиливала мою тоску.

Вы вот вчера удивились, что и у меня бывает тоска. Мне в первую минуту захотелось все обратиться в шутку — не люблю я, когда рожется в моей душе. А теперь скажу: да, бывает, всегда есть². От нее я бегу к людям, к книгам, даже к выпивке³, из-за нее завожу новые знакомства.

Но когда тоска «от перемены мест не меняется»⁴ (мне это напоминает алгебру «от перемены мест множителей произведение не меняется»)⁵ — дело дрянь, т[а]к к[а]к выходит, что тоска зависит от себя, не от окружающего.

Иногда, очень часто даже, совсем хочется уйти из жизни⁶ — ведь всё то же самое. Единственно ради чего стоит жить — революция⁷. Именно возможность близкой революции удерживает меня от самоубийства.

Подумайте: флаги, Похоронный марш⁸, толпа, смелые лица — какая великолепная картина.

Если б знать, что революции не будет — не трудно было бы уйти из жизни.

Поглядите на окружающих, Понтик, обещающий со временем сделаться хорошим пойнтером⁹, ну скажите, неужели это люди?

Проповедь маленьких дел у одних¹⁰, — саниновщина у других¹¹.

Где же красота, геройство, подвиг? Куда девались герои?

Почему люди вошли в свои скорлупы и трусливо следят за каждым своим словом, за каждым жестом.

Всего боятся, — поговорят откровенно и уж им стыдно, что «проговорились»¹². Выходит, что только на маскараде можно говорить друг другу правду. А жизнь не маскарад! Или маскарад без откровенной дерзости настоящих маскарадов.

От пребывания моего в Орловке у меня осталось самое хорошее впечатление. Сижу перед раскрытым окном, — всё лес¹³. Рядом со мной химия, за к[отор]ую я впрочем еще не принималась¹⁴, т[а]к к[а]к голова трещит.

Сейчас 9^{1/2} ч[асов] утра. Верно вы с Соней¹⁵ собираетесь провозжать Симу¹⁶. К[а]к бы я хотела сидеть теперь в милом тарантасе, вместо того, чтобы слышать к[а]к шагает Андрей¹⁷ в столовой, ругаясь с Мильтоном¹⁸.

Папа¹⁹ еще не приехал.

Вчера в поезде очень хотелось выть, но не стоит давать себе волю. Вы согласны?

Нашли ли Вы мою «пакость», к[отор]ую можете уничтожить в 2 секунды и уничтожили ли?²⁰

После Вашей семьи мне дома кажется все странным²¹. К[а]к мало у нас смеха, только Ася²² вносит оживление своими отчаянными выходками. У Вас прямо можно отдохнуть.

Милый Вы черный понтик (бывают ли черные, не знаете?) я наверное без Вас буду скучать. Здесь решительно не с кем иметь дело, кроме одной моей знакомой — г[оспо]жи химии, но она до того скучна, что пропадает всякая охота иметь с ней дело²³.

Видите, понемногу впадаю в свой обычный тон, до того не привыкла по-настоящему говорить с людьми²⁴.

К[а]к странно все, что делается: сталкиваются люди случайно, обмениваются на ходу мыслями, иногда самыми заветными настроениями и расходятся все-таки чужие и далекие.

Просмотрите в одном из толстых журналов, к[отор]ые имеются у Вас дома, небольшую вещичку (она кажется называется «Осень» или «Осенние картинки»). Там есть чудные стихи, к[отор]ые кончаются т[а]к

... «И все одиноки»...²⁵

Вам они нравятся? Слушайте, удобно ли вам писать на Вас? М[ожет] б[ыть] лучше на Сонино имя? Для меня то безразлично, а вот к[а]к Вам?²⁶

Приходите ко мне в Москву*, если хотите с Соней (по-моему лучше без). Адр[ес] она знает²⁷. М[ожет] б[ыть] мы с Вами т[а]к же быстро поссоримся, к[а]к с Сергеем²⁸, но это не важно.

Вы вчера меня спросили о чем писать мне. Пишите обо всем, что придет в голову. Право, только такие письма и можно ценить²⁹. Впрочем, если не охота писать откровенно — лучше не пишите.

* Так в оригинале письма.

Удивляюсь к[ак] Вы меня не пристукнули, когда я рассказывала Соне в смешном виде Андреевскую Марсельезу³⁰.

Что у Вас дома? Горячий привет всем, включая туда Нору, Буяна, и Утеху³¹.

Ах, Петя, найти бы только дорогу!

Если бы война! К[а]к встрепенулась бы жизнь, к[а]к засверкала бы!³²

Тогда можно жить, тогда можно умереть! Почему люди спешат всегда надеть ярлыки?

И Понтик скоро будет с ярлыком врача или учителя³³, будет довольным и счастливым «мужем и отцом», заведет себе всяких Ев и тому подобных прелестей.

Сценка из Вайшей будущей жизни³⁴.

— «Петя, а Петь!» —

— «Что?» —

— «Иди скорей, Тася без тебя не ложится спать, капризничает!» —

— «Да я сочинения поправляю!» —

— «Всё равно, брось, наставь им троек, больше не надо, ну а хорошим ученикам четверки. Seriously же, иди, Тася совсем от рук отбилась». —

— «Неловко, душенька, перед гимназистами...»

— «Ах, какой ты, Петя, несносный. Всё свои глупые студенческие идеи разводишь, а тем временем Тася бог знает что выделывает!» —

— «Хорошо, милочка, иду...»

Через несколько минут раздаётся «чье-то» пенье.

«Приди котик ночевать,

Мою Тасеньку качать»...

— «Папа, а что это ты разводишь, мама говорила?» —

— «Идеи, голубчик, студенты всегда разводят идеи». —

— «А-а... Много?» —

— «Много. Что тебе еще спеть?» —

— «К[а]к бог царя хоронил³⁵, это всё мама поет». —

— «Хорошо, детка, только засыпай скорей!» —

Раздаются звуки национального гимна³⁶

Ad infinitum

Пока прощайте, не сердитесь, крепко жму Вам обе лапы

МЦ

Адр[ес] Таруса. Калуж[ская] губ[ерния]. Мне.

Передайте Соне эту открытку от Аси.

Пишите скорей, а то химия, Андрей, алгебра... Повеситься можно!

Таруса, 13-го июля 1908.

К[а]к часто люди расходятся из-за мелочей. Я рада, что мы с Вами снова в мире, мне не хотелось расходиться с Вами окончательно, потому что Вы — славный. Только и мне трудно будет относиться к Вам доверчиво и откровенно, к[а]к раньше. О многом буду молчать, не желая Вас обидеть, о многом — не желая быть обиженной.

Я все-таки себе удивляюсь, что первая подошла к Вам. Я очень злопамятная и никогда никому не прощала обиды (не говоря уже об извинении перед лицом меня обидевшим)¹.

Впрочем, все это Вам должно быть надоело, — давайте говорить о другом.

Погода у нас серая, ветер пахнет осенью. Хорошо теперь бродить по лесу одной. Немножко грустно, чего-то жаль.

Учу немного свою химию, много — алгебру, читаю. Прочла «Подросток» Достоевского². Читали ли Вы эту вещь? Напишите — тогда можно будет поговорить о ней. Вещь по-моему глубокая, продуманная.

Приведу Вам несколько выдержек³.

«В нашем обществе совсем не ясно, господа. Ведь Вы* Бога отрицаете, подвиг отрицаете, какая же косность, глухая, слепая, тупая может заставить меня действовать т[а]к, если мне выгоднее иначе. Скажите, что я отвечу чистокровному подлецу на вопрос его, почему он непременно должен быть благородным.

Что мне за дело до того, что будет через тысячу лет с человечеством, если мне за это, по Вашему» (опять, точно я Вам это говорю, хотя и я могла бы сказать нечто подобное, особенно насчет подвига), ни «любви, ни будущей жизни, ни признания за мной подвига не будет? Да черт с ним, с человечеством, и с будущим, я один только раз на свете живу!» —

«У многих сильных людей есть, кажется, натуральная потребность найти кого-нибудь или что-нибудь, чтобы преклониться.

Многие из очень гордых людей любят верить в Бога, особенно несколько презирающие людей. Сильному человеку иногда очень трудно перенести свою силу.

Эти люди выбирают Бога, чтоб не преклоняться перед людь-

---

* Я вдруг вообразила что это я говорю с Вами и поэтому употр[ебляю] большую букву В. [Сноска М.Цветаевой].

ми: преклоняться перед Богом не т[а]к обидно. Из них выходят чрезвычайно горячо верующие, — вернее сказать — горячо желающие верить, но желания они принимают за самую веру. Из этих особенно часто выходят разочаровывающиеся».

«Самое простое понимается всегда лишь под конец, когда уже перепробовано все, что мудреней и глупей». —

«На свете силы многообразны, силы воли и хотения в особенности. Есть t° кипения воды и есть t° каления красного железа». — (И здесь химия. О, Господи!)

«Мне вдруг захотелось выкрасть минутку из будущего и попытаться, к[а]к это я буду ходить и действовать». —

Вам понятно такое ощущение?

«Вообще д[о] с[их] п[ор] во всю жизнь, во всех мечтах моих о том, к[а]к я буду обращаться с людьми — у меня всегда выходит очень умно, чуть же на деле — очень глупо!

Я мигом отвечал откровенному откровенностью и тотчас же начинал любить его. Но все они тотчас меня надували и с насмешкой от меня закрывались». —

Не находите ли Вы, что последнее часто верно? Я без всяких намеков, Вы не думайте. Но и Вы, очень Вас прошу, обходитесь без них. Теперь я невольно над каждым словом думаю — не ехидство ли какое.

Теперь, чтобы закончить письмо мо к[а]к следует спишу Вам одни стихи Евгения Тарасова⁴, к[отор]ые должны Вам напомнить одно настроение в Вашей жизни⁵.

— Они лежали здесь, в углу,
В грязи зловонного участка,
Их кровь, густая, словно краска
Застыла лужей на полу.
Их подбирали, не считая,
Их приносили — без числа,
На неподвижные тела

Еще не конченных кидая,
Здесь были руки — без голов,
Здесь были руки — словно плети,
Лежали скомканные дети,
Лежали трупы стариков.
У этих — лица были строги,
У тех — провалы вместо лиц,
Смотрели вверх, глядели ниц,
И были босы чьи-то ноги.
И чья-то грудь была жива,
И чьи-то пальцы шевелились,
И губы гаснувших кривились
Шепча невнятные слова...
Декабрьский день светил им скупю,
Никто не шел, чтоб им помочь...
И вот, когда настала ночь —
Живых не стало, были трупы.
И вот лежали там, в углу,
Лежали тесными рядами,
Все — с искаженными чертами
И кровь их стыла на полу.

Да, это посерьезнее будет, чем «намекы» и «упреки».
Пишите, я всегда рада Вашим письмам. Всего лучшего.

МЦ.

[приписки]

Завидую Вашим частым поездкам, часто вспоминаю об Орловке. Спасибо за пожелание «спокойных дней», мне они не нужны, уж лучше какие ни на есть бурные, чем спокойные. Я шучу⁶.

Числа до 18-го пишите в Тарусу⁷, впрочем, когда я уеду — напишу и дам моск[овский] адр[ес].

Как же Вы решили насчет университета?⁸

Вы с Сережей чудаки! Сами ложатся спать, а др[угим] желают спокойной ночи. Я получила письмо среди белого дня и спать совсем не хочу.

Письмо даже на ощупь шершавое, попробуйте. А все-таки Вы славный! (Логикы в посл[еднем] восклицании нет, ну да!..)

Что милая Норка, Буян, моя симпатия, Утеха и пр[очие]. Мне в настоящую минуту хочется погладить Вас по шерстке, т[о] е[сть] против.

Написала одни стихи, — настроение и мысли в вагоне 21-го июля*, когда я уехала из Орловки. Прислать? — ⁹

А «больные» вопросы, Вы правы, теперь не следует затрагивать, лучше когда-нибудь потом. К[а]к хорошо, что Вы всё т[а]к чутко понимаете. Я Вас очень за это ценю.

Что Соня? Хандрит ли? Какие известия от Сережи?¹⁰ План относительно Евг. Ив. я не оставила, дело за согл[асием] Собко¹¹.

3

4-го VIII 08.

Извиняюсь за последнее письмо. Сознаюсь, что оно было плохо, дрянно и мелко.

Приму во внимание Ваш совет насчет «очарований» и «разочарований». Соглашаюсь с Вами, что слишком люблю красивые слова¹. Мне было страшно тяжело эти последние дни. Учиться я совсем не могла. Сначала была обида на Вас, а потом возмущение собой. Правда всегда останется правдой, независимо от того, приятна она или нет. Спасибо Вам за неприятную правду последнего письма. Таких резких «правд» я еще никогда ни от кого не слыхала, но, мирясь с резкостью формы, я почти совсем согласна с содержанием.

Только зачем было писать т[а]к презрительно? Я сознаю, что попала в глупое и очень некрасивое положение: сама натворила бог знает что и теперь лезу с извинениями. М[ожет] б[ыть] Вы будете надо мной смеяться, — но я не могу иначе, жить с сознанием совершенной дрянности слишком тяжело. Всё же и с Вашей стороны было несколько ошибок. 1) Вы могли предоставить моей деликатности решение вопроса о «рассчитывании на Вас в Москве», уверяю Вас, что я и без Вашего замечания не стала бы злоупотреблять Вашим терпением. 2) Вы должны были повнимательнее прочесть моё письмо и понять из него, что мое мнение о Вас к[а]к о «charmant jeune homme» и дамск[ом] кав[алере] было до знаком-

---

* Здесь, вероятно, описка Цветаевой; исходя из датировки письма, следует читать: 21-го июня. Однако, если допустить описку не в дате отъезда, а в дате письма, то хронологическая последовательность писем 1908 г. становится иной: 1 — 22.07.08, 2 — 4.08.08, 3 — 13.08.08, что, на наш взгляд, отвечает большей внутренней логике переписки. К тому же выводу можно придти, если допустить наряду с упомянутой опиской в дате отъезда Цветаевой из Орловки ошибочную датировку 3-го письма; тогда хронологический ряд будет следующим: 1 — 22.06.08, 2 — 4.07.08, 3 — 13.07.08. Впрочем, все эти хронологические (и вместе с ними логические) противоречия указывают, как уже отмечалось, на возможную неполноту сохранившейся корреспонденции Цветаевой к Юркевичу.

комства, а другое после, т[а]к что моя логика оказалась вовсе не такой скверной.

Впрочем мои промахи бесконечно больше Ваших, т[а]к что не мне Вас упрекать.

Отношусь к Вам к[а]к к славному, хорошему товарищу, и к[а]к товарища прошу прощения за всё. Прежде чем написать это я пережила много скверных минут и долго боролась со своим чертовским самолюбием, к[оторо]му никто д[о] с[их] п[ор] не наносил таких чувствительных ударов к[а]к Вы.

Ваше дело — простить мне или нет.

Не знаю к[а]к выразить Вам все мое раскаяние, что обидела такого милого, сердечного человека, к[а]к Вы, и притом т[а]к дрянно, с намеками, чисто по-женски.

К[а]к товарищу протягиваю Вам руку для примирения.

Если ее не примете — не обижусь.

Ваша МЦ

P.S. Если будете писать — пишите по прежнему адр[есу]² прямо мне. Насчет химии и алгебры я ведь шутила, неужели Вы приняли за серьезное? —

4

Москва, 21-го июля 1916 г.

Милый Петя,

Я очень рада, что Вы меня вспомнили. Человеческая беседа одно из самых глубоких и тонких наслаждений в жизни, отдаешь самое лучшее — душу, берешь то же взамен, и все это легко, без трудности и требовательности любви.

Долго, долго — с самого моего детства, с тех пор, как я себя помню — мне казалось, что я хочу, чтобы меня любили¹.

Теперь я знаю и говорю каждому: мне не нужно любви, мне нужно понимание. Для меня это — любовь. А то, что вы называете любовью (жертвы, верность, ревность), берегите для других, для другой, — мне этого не нужно. Я могу любить только человека, который в весенний день предпочтет мне березу. — Это моя формула.

Никогда не забуду, в какую ярость меня однажды этой весной привел один человек — поэт², прелестное существо, я очень его любила! — проходивший со мной по Кремлю и, не глядя на Москву-реку и соборы, безостановочно говоривший со мной обо мне же. Я сказала: «Неужели Вы не понимаете, что небо — поднимите голову и посмотрите! — в тысячу раз больше меня, неужели Вы

думаете, что я в такой день могу думать о Вашей любви, о чьей бы то ни было. Я даже о себе не думаю, а, кажется, себя люблю!»

Есть у меня еще другие горести с собеседниками. Я так стремительно вхожу в жизнь каждого встречного, который мне чем-нибудь мил³, так хочу ему помочь, «пожалеть»⁴, что он пугается — или того, что я его люблю, или того, что он меня полюбит и что расстроится его семейная жизнь.

Этого не говорят, но мне всегда хочется сказать, крикнуть: «Господи Боже мой! Да я ничего от Вас не хочу. Вы можете уйти и вновь прийти, уйти и никогда не вернуться — мне все равно, я сильна, мне ничего не нужно, кроме своей души!»⁵

Люди ко мне влекутся: одним кажется, что я еще не умею любить, другим — что великолепно и что непременно их полюблю, третьим нравятся мои короткие волосы, четвертым, что я их для них отпущу, всем что-то мерещится, все чего-то требуют — непременно другого — забывая, что все-то началось с меня же, и не подойди я к ним близко, им бы и в голову ничего не пришло, глядя на мою молодость.

А я хочу легкости, свободы, понимания, — никого не держать и чтобы никто не держал!⁶ Вся моя жизнь — роман с собственной душой, с городом, где живу, с деревом на краю дороги, — с воздухом. И я бесконечно счастлива⁷.

Стихов у меня очень много, после войны издам сразу две книги⁸. Вот стихи из последней⁹:

Настанет день — печальный, говорят:
Отцарствуют, отплачут, отгорят
— Остужены чужими пятаками —
Мои глаза, подвижные, как пламя.
И — двойника нащупавший двойник —
Сквозь легкое лицо проступит — лик.

О, наконец, тебя я удостоюсь,
Благообразия прекрасный пояс!

А издали — завижу ли и вас? —
Потянется, растерянно крестясь,
Паломничество по дорожке черной
К моей руке, которой не отдерну,
К моей руке, с которой снят запрет,
К моей руке, которой больше нет.

На ваши поцелуи, о живые,
Я ничего не возражу — впервые:
Меня окутал с головы до пят
Благообразия прекрасный плат.

Ничто уже меня не вгонит в краску,
Святая у меня сегодня Пасха.

По улицам оставленной Москвы
Поеду — я и побредете — вы.
И не один дорогою отстанет,
И первый ком о крышку гроба грянет, —
И наконец-то будет разрешен
Себялюбивый, одинокий сон!

— Прости, Господь, погибшей от гордыни
Новопреставленной боярине* Марине!

Это лето вышло раздробленное. Сначала Сережа¹⁰ был в Коктебеле¹¹, я у Аси¹² (у нее теперь новый мальчик — Алексей¹³), теперь мы съехались. Он все ждет назначения, вышла какая-то пуганица. Я рада в Москве, хожу с Алей¹⁴ в Кремль, она чудный ходок и товарищ¹⁵. Смотрим на соборы, на башни, на царей в галерее Александра II¹⁶, на французские пушки¹⁷. Недавно Аля сказала, что непременно познакомится с царем¹⁸. — «Что же ты ему скажешь?» — «Я ему сделаю вот какое лицо!» (И сдвинула брови.) — Живу, совсем не зная, где буду через неделю, — если Сережу куда-нибудь ушлют, поеду за ним¹⁹. Но в общем все хорошо.

Буду рада, если еще напишете, милый Петя, я иногда с умилением вспоминаю нашу с Вами полудетскую встречу: верховую езду²⁰ и сушеную клубнику в мезонине Вашей бабушки²¹, и поездку за холстинами, и чудную звездную ночь.

Как мне тогда было грустно! Трагическое отрочество и блаженная юность.

Я уже наверное никуда не уеду, пишите в Москву²². И если у Вас сейчас курчавые волосы, наклоните голову и я Вас поцелую.

МЭ

ПРИМЕЧАНИЯ

Письмо 1

¹ Письмо датируется следующим днем по отъезде Цветаевой из Орловки 21 июня 1908 г. (см. письмо 2).

² О доминанте этого настроения у М.Цветаевой в те годы пишет и А.И. Цветаева, связывая его с воспоминаниями о матери (см. АИЦЗ. 270),

---

* Так в оригинале письма и в первой публикации.

что было, на наш взгляд не просто тоской по умершей (как и весь ранний опыт утрат от Н.Иловайской до П.Эфрона — лишь частичное объяснение цветаевской тоски), но и унаследованным качеством материнской души. Ср.: «Видно грусть оставила в наследство / Ты, о мама, девочкам своим!» («Маме», *ВА*). Ср. также отзыв о матери в письме к В.В. Розанову от 8 апреля 1914 г.: «У каждого [из родителей] своя рана в сердце. У мамы — музыка, стихи, тоска /.../ Ее измученная душа живет в нас /.../» (*Соч.2. 455*). Тему тоски продолжает лирика *ЮС*, где она достигает наибольшей эмоциональной напряженности и выразительности. Ср.: «Сколько темной и грозной тоски / В голове моей светловолосой» («Вы, идущие мимо меня...», 1913) и «За то, что мне так часто слишком грустно / И только двадцать лет» («Уж сколько их упало в эту бездну...», 1913). Позднее это состояние души М.И. Цветаева считала неизменным свойством поэта; так, в программной статье «Искусство при свете совести» (1932) она писала: «.../ зерно зерна поэта /.../ — *сила тоски*» (*Соч.2. 396*).

³ Данное признание, думается, по-отрочески преувеличено. Никакой особенной тяги к вину у М.Цветаевой, по свидетельству ее сестры, никогда не было (*Бес. АЦ*). О позднем враждебном отношении Цветаевой к «напиткам» и прочим наркотикам — см. ее жестокую отповедь в письме к А.С. Штейгеру 1936 г. (*Новый мир. 1969. №4. С.210*).

⁴ Ср.: «Все наше же лицо встречает нас в пространстве / Оазис ужаса в песчаности тоски» (перевод с франц. поэмы Ш.Бодлера «Плавание», 1940).

⁵ Неоднократно возникающие в письмах ассоциации с алгеброй и химией объясняются, по всей видимости, озабоченностью Цветаевой предстоящими экзаменами по этим предметам (см. прим.14).

⁶ Это заявление 15-летней Цветаевой вполне соответствует духу того времени. Пореволюционные годы, принесшие с собой разочарование и пессимизм, были отмечены значительным ростом числа самоубийств, особенно среди молодежи. Эпидемия самоубийств, как писал К.И. Чуковский, свирепствовала не только в жизни, но и в современных книгах. Анализу психологических и социальных причин этого явления были посвящены публикации: Самоубийство: Сборник статей / Статьи В.В. Розанова, Р.В. Иванова-Разумника, Ю.И. Айхенвальда, Н.Я. Абрамовича и др. М.: Заря, 1911; Чуковский К. Самоубийцы // Речь. 1912. №352. 23 дек. С.3; №353. 24 дек. С.2 и др.

Влияние времени нельзя не учитывать, принимая во внимание признаки Цветаевой. Однако, для мыслей о самоубийстве у нее могли быть и сугубо внутренние причины. Уже в те годы, как нам думается, сложилось ее личное отношение к этой проблеме. И если рассматривать заявление Цветаевой в жизненной перспективе, то его внутренняя мотивация приобретает безусловный вес.

Стремление к добровольному уходу проявилось у Цветаевой достаточно рано. О первой ее попытке, точнее намерении уйти из жизни пишет А.И. Цветаева в юношеской книге «Дым, дым и дым» (М., 1916): «/.../ она шла топиться в Obere Alb (оттого, что я ее "не понимала") (ей было

12 лет)» (С.155). Гимназическая подруга М.Цветаевой, С.И. Липеровская (Юркевич), вспоминает о ее культе ранней смерти: «Прожить короткую, но яркую жизнь было девизом Марины», — и о предчувствии ею трагического конца: «/.../ она показывала жестом, что надевает на шею петлю» (Липеровская С. Юные годы Марины Цветаевой; копия из архива публикаторов). Тему добровольного ухода из жизни, впервые зазвучавшую в письме к Юркевичу, продолжает стихотворение «Молитва» (1909), которым М.Цветаева отметила свое 17-летие, и хотя в нем не говорится прямо о самоубийстве, оно логически подразумевается в финальном призыве героини (ср. иной оттенок подобного призыва в стихотворении «В тяжелой мантии торжественных обрядов...», 1913). В воспоминаниях А.И. Цветаевой упоминается о прощальном письме М.Цветаевой 1909-1910 гг. и о ее попытке самоубийства зимой 1910 г. на спектакле «Орленок» (драма Э.Ростана) с участием С.Бернар (см. АИЦЗ. 322-327, 716-717). Мы не разделяем мнений по этому поводу В.Швейцер и В.Лосской, сводящихся к тому, что попытки самоубийства скорее всего не было (см.: Швейцер В. Быт и бытие Марины Цветаевой. Fontenay-aux-Roses: Синтаксис, 1988. С.84-85; Лосская В. Марина Цветаева в жизни: Неизданные воспоминания современников. Тераfly: Эрмитаж, 1989. С.36-38). Нет сколько-нибудь серьезного противоречия в несовпадении указанного в письме и реализованного в действительности способов покушения: письмо могло быть приготовлено заранее, а конкретный способ выбран в соответствии с часом и местом действия. Психологическая сторона рассказа А.И. Цветаевой не вызывает у нас сомнения. Что же касается датировки упомянутого события, то оно, как нам кажется, ошибочно отнесено ею к масленичной неделе 1910 г. (времени ее поездки в Тарусу), тогда как речь по-видимому должна идти о рождественских каникулах 1908-1909 гг., поскольку труппа С.Бернар в последний раз гастролировала в Москве в декабре 1908 (спектакли «Орленка» были сыграны 14 и 22 декабря на сцене Интернационального театра). Или же М.Цветаева совершила свой поступок на другом спектакле и без участия прославленной французской актрисы (в зимне-весеннем репертуаре московских театров за 1909 и 1910 гг. «Орленок» не значится). В основе этого шага М.Цветаевой, как и прочих ее импульсов к смерти (включая творческие), лежит совокупность внутренних факторов: гнетущее одиночество, в котором она признается Юркевичу, юношеский максимализм и романтическое отношение к миру, наконец — жадное желание жизни, о чем свидетельствует ее «Молитва».

В дальнейшем тема добровольного отказа от жизни преобразуется в шемящий мотив ранней смерти (уже нежеланной и насильственной) и мимолетности земного существования в ЮС (см., например, «Идешь, на меня похожий...», 1913, «Посвящаю эти строки...», 1913, «Стать тем, что никому не мило...», 1913, «Уж сколько их упало в эту бездну...». 1913, «С большою нежностью — потому...», 1915, и др.) и в мотив преждевременного ухода из жизни как неизбежного возмездия грешнице и беззаконнице в В1 (см.: «Настанет день — печальный, говорят...», «Говорила мне бабка лютая...», «Веселись, душа, пей и ешь!...» и др.). Добровольный исход в смерть станет одним из лейтмотивов зрелой лирики Цветаевой.

⁷ Об увлечении Цветаевой революцией в детские и отроческие годы подробно рассказано младшей ее сестрой (см. *АИЦЗ*). О «революционности» и «бунтарстве» Цветаевой-гимназистки вспоминают также ее бывшие гимназические подруги по пансиону им. В.П. фон Дервиз — С.И. Липеровская (Юркевич), В.К. Перегудова (Генерозова), И.Н. Ляхова (фрагменты их воспоминаний приведены в *АИЦЗ*. 236-237). М.И. Цветаева во всех автобиографических документах отмечала свое революционное прошлое как важный жизненный этап. См., например, ее «Ответ на анкету» (1926): «Первая встреча с Революцией — в 1902-03 г. (эмигранты), вторая в 1905-06 г. (Ялта, эсеры). Третьей не было» (*Соч.* 2. 7). Рубежной для Цветаевой стала осень 1908 г. Спустя несколько лет она писала В.В. Розанову: «С 14-ти до 16-ти лет я бредила революцией, шестнадцати безумно полюбила Наполеона I, и Наполеона II, целый год жила без людей, одна в своей маленькой комнатке, в своем огромном мире» (там же, 455). О «разрыве с идейностью» в 16-летнем возрасте Цветаева писала и в упомянутом «Ответе на анкету» (там же, 7). Однако, как показывает ее неизданное (гимназическое) письмо к В.Генерозовой, «революционные» настроения продержались в ней по крайней мере до начала 1910 г. Ср. с такой фразой из письма: «А я пойду одна на борьбу, пойду, нерадостная» (копия из архива публикаторов).

«Встречи с Революцией» вызвали к жизни революционные стихи Цветаевой. Впервые она их пишет в Нерви, в возрасте 10-ти лет, старшие друзья печатают их в Женеве (см. неизданную автобиографию М.И. Цветаевой 1940 г. и *Бес. АЦ*). Источники этих публикаций пока не обнаружены. Один из более поздних примеров поэтического «свободоумия» сестры приводит по памяти А.И. Цветаева (*АИЦЗ*. 203-204). Судя по анонсам (см. Последние новости. 1932. №4297. 27 дек. С.4; №4299. 29 дек. С.3), М.И. Цветаева читала свои детские революционные стихи на вечере «Детских и юношеских стихов» 29 декабря 1932 г. в Доме Мютюалите в Париже (24, рю Сен-Виктор). Какие именно стихи были прочитаны, неизвестно. Одно из революционных стихотворений — «Жертвам школьных сумерек» (о жертвах революции 1905-1907 гг.) вошло в первую поэтическую книгу Цветаевой «Вечерний альбом» (М., 1910). Пафосом подвига и борьбы проникнуто и стихотворение «Месяц высокий над городом лег...» (1908), обращенное к П.Юркевичу (см. Приложение к настоящей публикации).

⁸ Имеется в виду популярная революционная песня неизвестного автора «Вы жертвою пали в борьбе роковой...», исполнявшаяся как самостоятельная, а также входившая в «Похоронный марш» в контаминации с песней А.Архангельского (А.А. Амосова) «В дороге» («Идет он усталый, и цепи звенят...»). Оба текста датируются концом 70-х — началом 80-х годов XIX в. В революционной песенной традиции «Похоронный марш» бытовал во множестве редакций с многочисленными вариантами. Он был неперемнным атрибутом рабочих и студенческих демонстраций, исполнялся на похоронах революционеров. Траурный гимн фигурирует во многих известных произведениях русских писателей, в частности, к 1908 г. дважды увидел свет одноименный рассказ А.С. Серафимовича (см.: Серафимович А. Похоронный марш // Сборник товарищества «Знание» за

1906 год. СПб., 1906. Кн.9. С.251-261; Серафимович А. Рассказы. Т.2. Изд. т-ва «Знание». СПб., 1907. С.87-93). Ср. описание рабочей демонстрации у Серафимовича с описанием революционной толпы в письме Цветаевой. «Похоронный марш», по воспоминаниям сестры Цветаевой, был неизменным спутником их ялтинской жизни 1905-1906 гг. (см. АИЦЗ. 205). О присутствии траурного гимна в жизни сестер свидетельствует также раннее воспоминание А.И. Цветаевой из книги «Дым, дым и дым» (М., 1916. С.156) о пении ею «Похоронного марша» в Пачевской долине летом 1907 г. В 1936 г. М.И. Цветаева перевела четырехстрочную редакцию «Похоронного марша» («Вы жертвою пали в борьбе роковой...») на французский язык. Автограф перевода хранится в ЦГАЛИ.

⁹ На языке сестер Цветаевых, страстно любивших собак, сравнение с ними человека означало высшую для него похвалу или свидетельствовало об особом расположении к нему. Эта традиция сохранена А.И. Цветаевой до сегодняшних дней. Ср. с внешним обликом П.Юркевича, запомнившимся сестре поэта: «Кудрявая голова, темные глаза, застенчивый барашек» (Бес. АЦ).

¹⁰ Культ «мелких дел» возник в период кризиса народничества, идейно восходил к «малых дел теории» (1880-е) либерального народника Я.В. Абрамова (последующие 20 лет получили название эпохи «малых дел»).

¹¹ Правильнее: «санинщина» или «санинизм» — по имени главного героя романа Н.П. Арцыбашева «Санин». Роман впервые увидел свет в 1907 г. (Современный мир. №1-9); в 1908 вышел двумя изданиями (Арцыбашев М. [Сочинения.] Т.3. Санин. СПб., 1908; 2-е изд. СПб.: Жизнь, 1908). Был сразу же переведен на многие языки и вызвал ряд судебных процессов над автором в России и за границей. Увлечение Саниным и его проповедью аморализма было, по мнению М.Горького, «неоспоримым признаком интеллектуального банкротства» современной жизни (Горький М. Собр. соч.: В 30 томах. М.: ГИХЛ, 1953. Т.24. С.48).

Спустя годы М.И. Цветаева помянула арцыбашевского героя в статье «Искусство при свете совести» (1932): «Россия, к ее чести, вернее к чести ее совести и не к чести ее художественности (вещи друг в друге не нуждающиеся), всегда подходила к писателям, вернее: всегда ходила к писателям — как мужик к царю — за правдой, и хорошо, когда этим царем оказывался Лев Толстой, а не Арцыбашев. Россия ведь и у арцыбашевского Санина училась жить!» (Соч.2. 391).

¹² Ср. восприятие современности А.А. Блоком: «Реакция, которую нам выпало на долю пережить, закрыла от нас лицо проснувшейся было жизни. Перед глазами нашими — несколько поколений, отчаявшихся в своих лучших надеждах. Редко, даже среди молодых, можно встретить человека, который не тоскует смертельно, прикрывая лицо свое до тошноты надоевшей гримасой изнеженности, утонченности, исключительно себялюбия. Иначе говоря, почти не видишь вокруг себя настоящих людей, хотя и веришь, что в каждом встречном есть запуганная душа, которая могла бы, если бы того хотела, стать очевидной для всех» (Блок А. Собр. соч.: В 6 томах. Л.: Художественная литература, 1982. Т.4. С.44).

¹³ Цветаева дает описание тарусской дачи в очерке «Рождение музея» (1933): «Город Таруса, Калужской губернии. Дача "Песочная". (Старый барский дом исчезнувшего имения, пошедший под "дачу"). Дача Песочная в двух верстах от Тарусы, совсем одна, в лесу, на высоком берегу Оки, — такими березами...» (Цветаева М. Сочинения: В 2 томах. М.: Художественная литература. 1984. Т.2. С.7). Семья Цветаевых снимала эту дачу у гор. Тарусы по долгосрочной аренде в 1892-1910 гг.

¹⁴ Судя по всему, Цветаевой предстояла сдача экзаменов при поступлении в 6-й класс гимназии М.Г. Брюхоненко. О необходимости на ближайшей неделе «везти дочь на экзамен» в Москву говорится в тарусском письме И.В. Цветаева к архитектору Р.И. Клейну от 10 августа 1908 г. (см.: *История создания музея*. С.261). Без сомнения, речь в письме идет о М.Цветаевой, поскольку в гимназии В.В. Потоцкой, где училась в то время А.Цветаева, экзаменов не было (см. *АИЦЗ*. 272, а также неизданное письмо И.В. Цветаева к А.А. Иловойской от 9 мая 1908 г.: «Ася в Тарусе, т[ак] к[ак] в младших классах нет экзаменов. Андрюша и Марина очень зубрят» — ЦГИА СССР. Ф.1636. Оп.1. Ед.хр.257. Л.67 об.).

¹⁵ Юркевич (в замужестве Липеровская) Софья Ивановна (1892-1973) — младшая сестра П.И. Юркевича, педагог, писательница, автор воспоминаний о М.И. Цветаевой (в печати).

В 1908 г. окончила с золотой медалью гимназию им. В.П. фон Дервиз, а затем и ее восьмой педагогический класс. Получив от родителей приданое, летом 1910 г. поехала в Париж, где посещала курсы в Alliance Française (М.Цветаева училась там годом раньше). В 1909-1917 С.И. была слушательницей Московских высших женских курсов В.И. Герье, в 1924-1926 прошла переподготовку учителей на Высших научно-педагогических курсах при педагогическом факультете 2-го МГУ; в 1917-1954 преподавала литературу в средней школе, на рабфаке МГУ и в Московском авиационном техникуме. Одновременно с педагогической вела методическую и исследовательскую работу. Автор книг: *Жизнь и творчество А.Н. Островского: Материалы для выставки в школе и детской библиотеке*. М.: Детгиз, 1956; *На родине И.С. Тургенева*. М.: Детгиз, 1958; 2-е изд. М.: Детгиз, 1961; *За волшебным словом: Жизнь М.М. Пришвина*.: Детгиз, 1964. С 1961 г. — член профессионального комитета литераторов.

¹⁶ Речь идет о Симе Мусатовой, соученице М.Цветаевой по гимназии А.С. Алферовой в 1907-1908 гг. (*Бес. АЦ*).

¹⁷ Цветаев Андрей Иванович (1890-1933) — сводный брат М.И. Цветаевой. Учился в 7-й Московской гимназии (в 1908 перешел в восьмой выпускной класс), затем на юридическом факультете Московского ун-та; впоследствии оставил юриспруденцию, работал в Госторге экспертом по картинам.

¹⁸ Имеется в виду собака Цветаевых (черный сеттер-гордон с рыжими подпалинами), которую Андрей привозил с собой в Тарусу (*Бес.-АЦ*). Об увлечении брата в ту пору охотничьими собаками и о строгом их воспитании, вызывавшем возмущение младших сестер, см.: Цветаева А.

О брате моем Андрее Ивановиче Цветаеве // Наука и жизнь. 1987. №3. С.112. Ср.: «У брата Андрея наверху [в доме в Трехпрудном пер. — Публ.] обычно было тихо, если только он не играл на мандолине и не бранил собаку» (АИЦЗ. 303).

¹⁹ Цветаев Иван Владимирович (1847-1913) — отец М.И. Цветаевой, известный филолог и историк искусств; заслуженный профессор Московского ун-та, директор Румянцевского музея, основатель и первый директор (с 1911 г.) Музея изящных искусств в Москве. Еще летом 1907 г. И.В. писал архитектору Р.И. Клейну о своем намерении ликвидировать дачу в Тарусе: «Я собираюсь оставить Тарусу навсегда, — частые отъезды в Москву уже стали тяжелы. Переберусь в Московский дачный район. Что делать! Подходит старость с ее недугами. Да с будущего лета надо крепко держаться расстановки предметов» (*История создания музея*. С.237). Однако дача просуществовала еще три года, пока не была упущена (зимой 1910-1911 гг.) на городских торгах сыном Андреем. Летом 1908 г. И.В. Цветаев бывал в Тарусе наездами, когда ему позволяли служебные дела, но и оттуда письменными указаниями он продолжал руководить работами по созданию будущего Музея изящных искусств. Судя по его переписке, он отдыхал в Тарусе несколько недель в августе, а в середине месяца (как уже упоминалось) должен был везти на экзамен в Москву свою дочь Марину.

²⁰ Возможно, речь идет о какой-то цветаевской шутке; о ее склонности в те годы к розыгрышам, эпатажу и т.п. пишут все без исключения мемуаристы; Т.Н. Астапова, в частности, отмечает: «/.../ Цветаева была далеко не прочь напракзать, и шутки ее были такими, какие мне никогда не пришли бы в голову» (Юность. 1984. №8. С.97).

²¹ Несходству семей Цветаевых и Юркевичей уделено немало внимания в воспоминаниях С.И. Липеровской (Юркевич). Вот одно из наблюдений мемуаристки: «Весь уклад жизни семьи Марины был для меня необычен: разобщенность членов семьи, своеволие каждого, разница характеров, взглядов, поведения, нежелание считаться с другими и какая-то потаенность, нервозность, — все противоречило отношениям в моей семье» (копия из архива публикаторов). Об атмосфере цветаевского дома тех лет см. также воспоминания сестер поэта — А.И. и В.И. Цветаевых; наиболее ярко эта тема выражена в раннем стихотворении М.И. Цветаевой «Столовая» (ВА).

²² Цветаева (в замужестве Трухачева) Анастасия Ивановна (р. 1894) — младшая сестра М.И. Цветаевой, в то время училась в гимназии В.В. Поттокой (в 1908 г. перешла в 4-й класс); впоследствии — писатель, автор книги «Воспоминания» (М.: Советский писатель, 1971, 1974, 1983) и др.

²³ Ср. отзыв Цветаевой об изучавшихся в гимназии предметах естествознания, приведенный в воспоминаниях Т.Н. Астаповой: «/.../ по-моему, они скучны. Вот химия мне еще нравится, пожалуй: во время опытов в пробирках получают такие красивые цвета!» (Юность. 1984. №8. С.96). Та же мемуаристка пишет, что совсем не помнит Цветаеву на уроках естествознания: возможно, что многие из них она просто не посещала.

²⁴ Ср. начало письма 4: «Человеческая беседа...» и т.д.

²⁵ Цветаева имеет в виду рассказ немецкого писателя Г.Гессе «Осенью, пешком», опубликованный в «Русской мысли» (1908. №4. С.15-40) в переводе А.Ф. Даманской. В последней главке рассказа — «Туман» приведено стихотворение «В раздумье брожу сквозь туман по земле...», оканчивающееся строкой «И все одиноки»; оно также принадлежит перу Гессе — см. немецкий оригинал: «Im Nebel» («Seltsam, im Nebel zu wandern!...»). Письмо созвучно рассказу настроением одиночества и безысходности и отдельными мыслями. Ср., например, рассуждение Цветаевой о «сталкивании» и «расхождении» людей с аналогичным у Гессе: «Что-то сказочное есть в этом, далекое и скрытое, и мгновеньями вы с жуткой ясностью постигаете во всем этом символ... Что одна вещь другой, и один человек другому, кто бы он ни был, в сущности неумолимо чужд, и что пути наши скрещиваются лишь на несколько шагов, на несколько мгновений, и получают быстро-преходящую видимость близости, соседства и дружбы...» (С.39). Вполне возможно, что и в последующем описании «сцены» из будущей жизни П.Юркевича Цветаева отталкивается от рассказа Гессе.

²⁶ Такая забота о корреспонденте, принятая в данном случае адресатом, вероятно, за «намеком» (см. письмо 3), была свойственна и взрослой Цветаевой. См., например, ее письмо к А.С. Штейгеру от 15 августа 1936: «Если неудобно, чтобы я писала ежедневно — напишите *непрерменно*: хотя бы два слова» (Опыты. 1955. №5. С.56).

²⁷ Имеется в виду дом Цветаевых в Трехпрудном пер., №8, где, очевидно, еще не бывал П.Юркевич. Дом этот был дан в приданое В.Д. Иловой-Ской, первой жене И.В. Цветаева; после ее смерти он официально принадлежал отцу поэта (а не В.И. и А.И. Цветаевым, как ошибочно указывает Р.Дэвис, — см. Минувшее. 1989. №8. С.230).

²⁸ Юркевич Сергей Иванович (ок.1888-1919) — брат П.И. Юркевича, средний сын в семье, любимец матери; в то время был студентом медицинского факультета Московского ун-та (который окончил в начале 1910-х по специальности врача-терапевта). В 1913 женился на дочери писателя и революционера Г.А. Мачтета, автора песни «Замучен тяжелой неволей...» (Одно время С.И., как гласит семейная легенда, увлекался дочерью С.И. Мамонтова, но потом заявил, что никогда не женится на женщине богаче его.) В 1914 он был призван на фронт в качестве хирурга. В 1918 получил направление в Солотчу под Рязань, где бушевал сыпной тиф. Умер в Рязани от этой болезни в марте 1919 г.

О какой размолвке с С.Юркевичем идет речь в письме М.Цветаевой, неясно. Из воспоминаний А.И. Цветаевой известно, что он был «первым взрослым гостем» сестер в Трехпрудном переулке. О его первом посещении их дома зимой 1907-1908 она, в частности, пишет: «Он сидел на маленьком нашем красном диванчике и говорил о чем-то с Мариной, "наверное, о революционном", — думала я, не очень слушая, любуясь Сережей. Так же неуверенно, то вспыхивая, то преодолевая застенчивость, мгновенно переходившую в гордость, взглядывала на него Марина» (АИЦЗ. 255). В неизданной части воспоминания А.И. Цветаевой упоми-

нается о ее нежной юношеской дружбе с С.Юркевичем и о том, как он навестил ее весной 1915, приехав с фронта.

²⁹ Цветаева придерживалась того же мнения и впоследствии. Ср. ее письма к А.В. Бахраху от 30 июня 1923 г.: «...Продолжайте писать ко мне и помните одно: я ничего не присваиваю. Все "сорвавшееся" — мое, от первого Адама до последнего, отсюда невозможность *хранить*. В Вашем письме я вижу не Вас ко мне, а Вас — к себе. Я случайный слушатель, не скрою, что благодарный. Будемте так: продолжайте думать вслух, я хорошие уши, но этими ушами не смущайтесь и с ними не считайтесь» (*Мосты*. С.307). Ср. также ее письмо от 8 апреля 1914 г. к В.В. Розанову: «Сев за стол, я сразу взялась за ручку и вот еще не знаю, о чем буду писать» (*Соч.* 2. 453).

³⁰ Рассказ Л.Н. Андреева «Марсельеза» (1903) впервые увидел свет в «Нижегородском сборнике» (Изд. т-ва «Знание». СПб., 1905. С.30-32); вошел в 3-й том его собрания сочинений — «Мелкие рассказы» (Изд. т-ва «Знание». СПб., 1906. С.237-240). В дальнейшем многократно переиздавался.

³¹ Норка, Буян и Утеха — собаки в Орловке. Нравянодушие Цветаевой к собакам наглядно демонстрирует ее очерк «Живое о живом» (1932). Ср. коктейльское письмо С.Я. Эфрона к его сестре от 19 мая 1916 г.: «Марина окружает себя собаками всех цветов радуги...» (Саакянц А. Марина Цветаева: Страницы жизни и творчества. М.: Советский писатель, 1986. С.98).

³² Впоследствии Цветаевой никогда не будет свойственна идеализация войны, в то время как романтическая идеализация ее героев, воспевание жертвенного героизма и обреченности станет одним из лейтмотивов ее послереволюционного творчества. Отношение Цветаевой к войне уже в *ЮС* носит сначала отстраненный («Но дела нету мне до царских счетов / Народных ссор»; «Война, война! — каждаенья у киотов...», 1914), а затем и протестующий характер (см. стихотворения «Германии», 1914, и «Я знаю правду! Все прежние правды — прочь!...», 1915). В 1916 г. она создает стихотворение «Белое солнце и низкие, низкие тучи...», о котором спустя несколько дней после смерти автора в 1941 г. одна из современниц писала: «/.../ неужели поэт, *прорывавший* эти слова, не прописал себя на веки веков в великой русской литературе, а значит, и в любой точке российской земли?» (Чуковская Л. Предсмертие // *Время и мы*. 1982. №66. С.211). В этот ряд антивоенной цветаевской лирики следует поставить и одно из лучших стихотворений «Лебединого стана» — «Ох, грибок ты мой, грибочек, белый груздь!..» (1921). И, наконец, взрыв антивоенной темы — в лирическом цикле «Стихи к Чехии» (1938-1939).

³³ В то лето решался вопрос о будущей профессии П.Юркевича, который выбирал между филологией и медициной. Осенью 1908 г. он поступил на историко-филологический факультет Московского ун-та, однако, под влиянием брата, студента-медика, вскоре перешел на медицинское отделение того же ун-та.

³⁴ В этой воображаемой сцене «жена» и «дочь» П.Юркевича — также плод цветаевского вымысла.

³⁵ Намек на русский гимн «Боже, Царя храни» (музыка А.Ф. Львова, слова В.А. Жуковского).

³⁶ В 1908 г. торжественно отмечалось 75-летие русского национального гимна (см. предыдущее прим.). Официально он был введен в России в конце 1833 г. вместо употреблявшегося в 1816-1833 английского гимна «God save the King» композитора и поэта Г.Кэри (H. Carey).

Письмо 2

¹ Позднее Цветаева нередко отыгрывалась на своих обидчиках «творчески». Например, выставила их в смешном и неприглядном виде, как А.К. Виноградова в рассказе «Жених» (1933) и А.Г. Вишняка в эпистолярной новелле «Флорентийские ночи» (1932), или обрекала их на вечную анонимность в перспективе «бессмертной песни», как героя поэмы «Автобус» (1934-1936): «Неким цветно-капустным пойдешь анонимом / По устам: за цветущее дерево мшу».

² По-видимому, это первое знакомство Цветаевой с творчеством Ф.М. Достоевского. Серьезного увлечения им в те годы у нее, судя по всему, не было. Это обстоятельство несколько проясняют воспоминания ее младшей сестры, открявшей для себя писателя спустя три года: «Я не хотела читать Достоевского потому, что его так превозносили. Мне казалось, что он враждебен тому романтизму, которым нам с Мариной дышалось» (АИЦЗ. 407).

Спустя четверть века Цветаева признавалась в письме к Ю.П. Иваску, что Достоевский ей «в жизни как-то не понадобился» и что «русского страдания» ей «дороже гетевская радость, и русского метания — то уединение» (РЛА. 216). Вместе с тем об определенном присутствии Достоевского в сознании Цветаевой говорят высказывания о нем и реминисценции из его произведений (помимо поэтических), встречающиеся в ее переписке разных лет. Так, например, в одном из писем она называет его «Крезом души и духа» (НП. 104), а в трудные годы эмиграции неизменно сравнивает себя с Катериной Ивановной из «Преступления и наказания» — «с шалью и голыми детьми, на французском диалекте» (РЛА. 216). См. также: НП. 104, 120-121, 165-166; ПТ. 84.

³ Ниже приводятся выдержки из первой части романа, в основном это высказывания и мысли его главного героя, с которым Цветаеву в тот момент сближает мучительный поиск жизненного пути. В ряде случаев книжный текст «отредактирован» корреспонденткой.

⁴ Тарасов Евгений Михайлович (1882-1946) — русский революционный поэт. Дважды подвергался арестам за революционную пропаганду. Принимал участие в декабрьском вооруженном восстании 1905 г. в Москве. Как поэт был очень популярен, печатался главным образом в 1905-

1909 гг. Автор двух поэтических книг — «Стихи. 1903-1905» (СПб.: Новый мир, 1906) и «Земные дали» (СПб.: Шиповник, 1908), оказавших большое влияние на развитие пролетарской поэзии. Впоследствии отошел от революционной и литературной деятельности; в советские годы занимался исследованиями в области экономических наук.

М.Цветаева приводит в письме полный текст стихотворения «Они лежали здесь в углу...» из книги Е.Тарасова «Стихи» (раздел «Город», с.90-91). Стихотворение написано в связи с расправой над участниками декабрьского восстания 1905 г. В сравнении с книжным источником версия текста в письме имеет вариант в строке 23 («настала» вместо «спустилась») и разночтения в знаках препинания. Это позволяет предположить (другие публикации стихотворения тех лет нам неизвестны), что Цветаева либо воспроизвела его по памяти, либо располагала его списком; последнее не менее вероятно, так как в 1907 Петербургская судебная палата наложила арест на книгу Е.Тарасова.

В «Ответе на анкету» (1926) Цветаева поставила стихи Е.Тарасова в ряд «душевных событий» своего отрочества: «13, 14, 15 лет — народо-вольчество, сборники "Знания", Донская речь, Политическая экономия Железнова, стихи Тарасова» (Соч.2. 7).

⁵ Возможно, речь идет о конкретных впечатлениях П.Юркевича от революции 1905-1907 гг., которыми он поделился с М.Цветаевой.

⁶ В действительности, высказанная мысль Цветаевой далеко не шуточна и совпадает с ее тогдашним кредо. Ср. ее стихотворение «Месяц высокий над городом лег...» (1908), помещенное в Приложении к настоящей публикации.

⁷ Судя по последующему письму, срок отъезда изменился.

⁸ См. прим.33 к письму 1.

⁹ Было ли послано упомянутое стихотворение, неизвестно; в архиве адресата оно отсутствует. Нет такого стихотворения и среди дошедших до нас текстов ранней лирики Цветаевой. Вместе с тем, в бумагах П.И. Юркевича имеется другое неизвестное стихотворение Цветаевой (см. Приложение к настоящей публикации), относящееся, по-видимому, к осени 1908 г., когда в Москве продолжилась дружба корреспондентов.

¹⁰ Как студент-медик С.И. Юркевич мог находиться в то время на летней практике.

¹¹ Кто такие «Евг. Ив.» и «Собко», нам неизвестно.

Письмо 3

¹ Ср. с лирикой ЮС: «Я же люблю слова / И перстни» («День угасший...», 1915).

² То есть в Гарусу, где Цветаева намеревалась провести остаток лета (о ее экзаменационной поездке в Москву в середине августа см. прим.14 к письму 1).

¹ Ср. позднейшее высказывание Цветаевой в письме к Богенгардтам от 29 октября 1923 г.: «В детстве я всегда мечтала, чтобы меня *очень* не любили (проще: ненавидели!), чтобы не чувствовать этой вечной растравы умиления. Потому что для *настоящей* благодарности — нет ведь никаких слов!» (копия из архива публикаторов).

² Речь идет о Мандельштаме Осипе Эмильевиче (1891-1938), которому Цветаева зимой-весной 1916 г. «дарила Москву». Об этом эпизоде Цветаева вспоминает спустя семь лет в письме к А.В. Бахраху: «... Для любви я стара, это детское дело. Стара не из-за своих 30 лет, — мне было 20, я то же говорила Вашему любимому поэту Мандельштаму: — "Что Марина — когда Москва?! 'Марина' — когда Весна?! О, Вы меня *действительно* не любите!" Меня это всегда удушало, эта узость. Любите *мир* — во мне, не *меня* — в мире. Чтобы "Марина" значило: мир, а не мир — "Марина"» (*Мосты*. С.313).

³ Ср.: «Я столько людей перевидала, во столько судьбах перегощила /.../» (письмо к С.Я. Эфрону от 12 марта (27 февраля) 1921 г. // *Звезда*. 1987. №8. С.175).

⁴ Ср.: «Пожалеть тебя, у тебя навек / Пересохли губы» («Не сегодня-завтра растает снег...»), 1916, *ВЛ*).

⁵ Ср. с лирикой 1913 г.: «Я одна с моей большой любовью / К собственной моей душе» («Солнцем жилки налиты — не кровью...», *ЮС*).

⁶ 1916 г. отмечен последовательностью «сердечных смут» Цветаевой: к зиме-весне относятся завершение ее романа с С.Я. Парнок (1885-1933), увлечения О.Э. Мандельштамом и Т.В. Чурилиным (1885-1946); в июле вдохновителем ее лиры становится Н.А. Плущер-Сарна (1883-1945). Очевидно, именно этот период подразумевается в таком позднейшем самоотзыве Цветаевой: «Двадцати лет, великолепная и победоносная, я во всеуслышанье заявляла: "раз я люблю душу человека, я люблю и тело. Раз я люблю слово человека, я люблю и губы /.../"» (письмо к А.В. Бахраху от 25 июля 1923 г. // *Мосты*. С.315).

⁷ Ср. формулу, данную Цветаевой в письме к В.В. Розанову от 7 марта 1914 г.: «Я не делаю никакой разницы между книгой и человеком, закатом и картиной. — Все, что люблю, люблю одной любовью» (*Соч.* 2. 452), и аналогичное высказывание в письме к П.Я. Эфрону от 10 июля того же года: «Я вся целиком во всем, что люблю. Люблю одной любовью — всей собой — и березку, и вечер, и музыку, и Сережу, и Вас» (*Соч.* 2. 463-464).

Представляет интерес отзыв о юношеской «самовлюбленности» Цветаевой одной из ее младших современниц: «Себя и свою жизнь она любила наравне с людьми, природой, потому что она и ее жизнь были самым захватывающим материалом для стихов. Она была художником» (Кривошапкина Е. С Мариной Цветаевой в Феодосии // *Дружба*. 1983. №5. С.54).

Ср. также афоризм О.Уайльда, которого Цветаева, по позднейшему признанию (см. *Опыты*. 1955. №5. С.50), «сумела любить» в те годы «во-

преки оскорбительной моде»: «Полюбить самого себя — вот начало романа, который продлится всю жизнь» (Уайльд О. Пол. собр. соч. СПб., 1912. Т.4. Кн.8. С.125).

⁸ Имеются в виду составленные впоследствии поэтические книги «Юношеские стихи» (стихи 1912-1915 гг.) и «Версты» (стихи 1916 г.); при жизни автора увидела свет лишь вторая из книг, вышедшая в Госиздате в 1922.

⁹ Стихотворение датировано 11 апреля 1916 г. Впервые опубликовано в «Северных записках» (1917. №1. С.25) в цикле «Стихи о Москве» (5). Вошло в *VI* (С.41-42) в составе цикла с тем же названием (4) с вариантом в предпоследней строке.

¹⁰ Эфрон Сергей Яковлевич (1893-1941) — муж М.И. Цветаевой, в то время студент Московского ун-та. В мае 1916 г. в связи с призывом прошел военно-врачебную комиссию и, к удивлению близких, был отобран как годный по состоянию здоровья для обучения в военной школе. Однако из-за путаницы с документами (Военный госпиталь на начальном этапе затерял бумаги нескольких студентов, в том числе и Эфрона) С.Я. долгое время находился в «промежуточном» состоянии.

¹¹ В 1916 Эфрон побывал в Коктебеле дважды: он провел там несколько дней во второй половине мая, вместе с женой и дочерью, и уехал туда еще раз на отдых (с 12 июня по 8 июля), так и не дождавшись разрешения вопроса о своей будущей службе.

¹² А.И. Цветаева в то время жила в городке Александрове Владимирской губернии, куда был определен на службу ее второй муж, М.А. Минц. М.И. Цветаева гостила у сестры в Александрове в течение нескольких дней в начале июня (в один из этих дней туда приехал О.Э. Мандельштам); затем — с 20-х чисел июня она жила в александровском доме около трех недель, замещая сестру, уехавшую в Москву перед родами второго ребенка. В александровский период были написаны «Стихи к Ахматовой» (2-11) и др. О своей жизни в бывшей Александровской слободе М.И. Цветаева вспоминает в очерке «История одного посвящения» (1931).

¹³ Алеша Минц-Цветаев родился 25 июня 1916 г., умер летом следующего года в Коктебеле от дизентерии.

¹⁴ Эфрон Ариадна Сергеевна (1912-1975) — дочь М.И. Цветаевой; была необыкновенным ребенком, товарищем и помощником матери, «опорой ее души», особенно в трудные годы революции и разлуки с мужем. Стихотворные посвящения дочери разных лет вошли в книги Цветаевой: *ЮС*, *VI*, «Психея» (Берлин: З.И. Гржебин, 1923) (куда она включила также стихи самой дочери, написанные в возрасте семи лет) и в «Лебединый стан» (при жизни автора не изданный).

¹⁵ Эти походы отражены в стихотворениях «Четвертый год...» и «Облака вокруг...» (вошли в *VI* и «Психею»).

¹⁶ Портретная галерея императора Александра II и его предшественников была построена вокруг его памятника в Кремле (скульптор А.М.

Опекушин) по проекту Н.В. Салтыкова и П.В. Жуковского в конце прошлого века. Композиция была уничтожена в 1918.

¹⁷ Имеются в виду трофейные пушки наполеоновской армии, установленные вдоль фасадов Арсенала.

¹⁸ Подразумевается Николай II (1868-1918), последний российский император.

¹⁹ Согласно приемному формулярному списку Московского городско-го по воинской повинности Присутствия, С.Я. Эфрон, находившийся в службе с 1 июня 1916 г., получил назначение в 1-й подготовительный учебный батальон в Нижний Новгород, «на службу явился и на казенное содержание поступил» 24 января 1917 г. (ЦГВИА. Ф.409. Оп.1. Ед.хр.250-001. Л.3). Оттуда он был «командирован в 1-ю Петергофскую школу прапорщиков для прохождения курса» 11 февраля 1917 г. (Там же. Ед.хр.25-999. Л.1 об.). Намерение Цветаевой поехать за мужем оказалось неисполнимым: в то время она ждала второго ребенка.

²⁰ Одной из привлекательнейших сторон жизни в имении Юркевичей была верховая езда (в их хозяйстве имелись собственные кони). Друг семьи Юркевичей, кадровый военный, А.И. Вертоградский (в годы гражданской войны он был начальником штаба в армии С.М. Буденного) утверждал, что его любовь к лошадям началась с Орловки. Еще один будущий буденновский кавалерист, Е.Шиловский, с которым с юности дружила С.Юркевич, обучался в Орловке под ее руководством искусству верховой езды.

Как будто впоследствии Цветаевой уже не доводилось более ездить верхом, во всяком случае до лета 1916 г., когда она вспоминает об Орловке в письме к Юркевичу, так что появившиеся несколько дней спустя стихотворные строки из цикла «Даниил» — «И наши кони смирные бок о бок» (поздний вариант: «кровные»), «Сопровождаю я тебя верхом», « В полнолуние кони фыркали» — по-видимому, можно считать реминисценцией тех верховых прогулок 1908 г., как впрочем и некоторые другие «конные» сюжеты ее лирики разных лет.

²¹ Иванская Наталья Орестовна (в первом браке Жданова) — бабушка П.И. Юркевича по материнской линии. Получила немалое наследство от первого мужа, смогла выделить каждой из трех своих дочерей по имению. По воспоминаниям одной из племянниц П.И. Юркевича, была «крупная, полная, добрая».

²² С осени 1914 г. Цветаева жила по адресу: Борисоглебский пер., д.6, кв.3 (ныне ул.Писемского).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Публикуемое стихотворение обращено к П.И. Юркевичу; предположительно датируется нами осенью 1908 г. По свидетельству А.И. Цветаевой, фрагментарно воспроизводящей его по памяти в неизданной части

воспоминаний, поводом для его написания послужил реальный случай, когда П.Юркевич «не допроводил» ее сестру до дому. Печатается по автографу, сохранившемуся в архиве адресата. Текст написан на двойном листе белой линованной бумаги, размером 101 × 159 мм, черными чернилами. Судя по сгибу листа, стихотворение, возможно, было отправлено адресату по почте. В настоящее время автограф находится в собрании Л.А. Мнухина.

Месяц высокий над городом лег,
Грезили старые зданья...
Голос Ваш был безучастно-далек
— «Хочется спать. До свиданья».
Были друзья мы иль были враги?
Рук было кратко пожатье,
Сухо звучали по камню шаги
В шорохе длинного платья.
Что-то мелькнуло, — знакомая грусть,
— Старой тоски переливы...
Хочется спать Вам? И спите, и пусть
Сны Ваши будут красивы;
Пусть не мешает анализ больной
Вашей уютной дремоте.
Может быть в жизни Вы тоже покой
Муке пути предпочтете.
Может быть Вас не захватит волна,
Сгубят земные соблазны, —
В этом тумане т[а]к смутно видна
Цель, а дороги т[а]к разны!
Снами отрадно страдания гнать,
Спящим не ведать стремленья,
Только и светлых надежд им не знать,
Им не видать возрожденья,
Им не сложить за мечту головы, —
Бури — герои достойны!
Буду бороться и плакать, а Вы
Спите спокойно!

[1908]

А.И. Тарасов-Родионов
ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА С ЕСЕНИНЫМ

Публикация С.В. Шумихина

Публикуемый текст из фонда С.А. Есенина в ЦГАЛИ до последнего времени оставался неизвестным исследователям, поскольку находился в спецхране. Рукопись представляет собой два двойных листа большого формата и еще половину листа текста, с густой авторской правкой, вложенные в конверт. На конверте надпись, сделанная зелеными чернилами рукой писателя и издательского работника И.В. Евдокимова:

Автограф Тарасова-Родионова. Воспоминания о последней встрече с С.Есениным Тарасов-Родионов подарил мне, взял слово никому никогда не показывать, пока не встретится (через много лет) надобность в этом.

20 янв. 1926 г.

Я прочел сегодня же, 20 янв. 1926. Тарасов никогда не вызывал во мне доверия, но тут есть зерна правды, только зерна.

Автор записи — писатель Александр Игнатьевич Тарасов-Родионов (1885-1938). Широкую литературную известность принесла ему повесть «Шоколад», впервые опубликованная в журнале «Молодая гвардия» в №6-7 за 1922 год. Журнальный вариант этой «фантастической повести», как обозначил в подзаголовке жанр своего произведения Тарасов-Родионов, перепечатан в составе сборника «Трудные повести» (М. : Молодая гвардия, 1990).

В своей повести Тарасову-Родионову удалось предсказать некоторые аспекты психологии будущих жертв «большого террора» («ортодоксов», как их назвал Солженицын), — и наметить совершенно новую для 1922 года проблему жертвенности невиновного «ортодокса», приветствующего собственный расстрел и с нетерпением его ожидающего, ибо казнь должна послужить укреплению партии и устрашению потенциальных и реальных врагов.

В 1937 Тарасов-Родионов был арестован. Дата его смерти в Краткой литературной энциклопедии — 3 сентября 1938 года. Встретил ли он свой расстрел так же, как герой его повести, нам знать не дано. Имя Тарасова-Родионова упомянуто Ф.Ф. Раскольниковым в «Открытом письме Сталину». Несмотря на реабилитацию, состоявшуюся после XX съезда КПСС, в вышедшем в 1972 году 7-м томе КЛЭ вновь повторялся тезис о «серьезных идейных недостатках» произведений автора, в частности, незавершенной трилогии его беллетризованных мемуаров «Тяжелые шаги» («Февраль», 1927 и «Июль», 1930), в которых-де «писатель не сумел раскрыть организаторскую работу партии по подготовке Великого Октября»¹.

***

Это были очень разные люди. Тарасов-Родионов, десятью годами старше Есенина, имел солидный опыт политической борьбы и революционной деятельности (хотя до командарма в гражданскую войну, как сообщает словарь В.Казака «Русская литература с 1917 года», не дослужился)². В 1920-е он входил в литературную группу «Кузница», был одним из организаторов группы «Октябрь» в РАПП. Воинствующий догматизм этих литературных группировок не мог быть близок Есенину, однако в узком литературном кругу тогдашней Москвы он неизбежно встречался с их участниками.

Запись Тарасова-Родионова посвящена его беседе с Есениным во время визита поэта в Госиздат с целью получить гонорар за выходящее в этом издательстве трехтомное «Собрание стихотворений» Есенина. Пришел в ГИЗ Есенин около 11 часов дня 23 декабря 1925 года, визит этот зафиксирован в биографической хронике жизни Есенина и в воспоминаниях современников. Вечером Есенин уезжал в Ленинград. Ему оставалось еще пять дней жизни.

Насколько безопасно доверять записи Тарасова-Родионова, какой оценки заслуживает она в качестве исторического источника? И.Евдокимов, бывший свидетелем их встречи, в приведенной выше надписи на конверте, с одной стороны, сообщает, что «Тарасов никогда не вызывал во мне доверия», с другой — что в записи «есть зерна правды», хотя, опять же — «только зерна».

Анализируя текст, надо отметить, что от разговора с Есениным автора отделяли три недели; в конце записи проставлена дата: 10 января 1926 года. Разумеется, буквально воспроизвести все нюансы и оттенки разговора, передавая слова Есенина как прямую речь, подразумевающую адекватное воспроизведение произнесенного, было бы невозможно. Стилистическая правка на рукописи указывает на то, что Тарасов-Родионов, по профессиональной писательской привычке, литературно «шлифовал» свои записи; таким образом, о протокольной аутентичности текста говорить не приходится.

¹ Статья о Тарасове-Родионове в КЛЭ написана В.Н. Чуваковым.

² См. автобиографию Тарасова-Родионова в «Приложении».

Что касается фактической достоверности, то в той ее части, где запись Тарасова-Родионова возможно проверить другими источниками, она не содержит противоречий и выглядит достаточно надежной. О добросовестности автора косвенно может свидетельствовать и то, что запись не предназначалась для опубликования и вообще для посторонних глаз: ведь смысл фальсификации или мистификации как раз в обратном, то есть во внедрении ложных сведений в литературный, научный и т.п. обиход.

Наиболее важными для биографии Есенина в записи Тарасова-Родионова представляются не только и не столько оценки поэтом современников-литераторов, не отдельные черточки психологического портрета Есенина (насколько можно судить по другим воспоминаниям, переданные Тарасовым-Родионовым достаточно верно — свое жизненное «кредо» об отношении к искусству, поэзии, городу, деревне, женщинам, Есенин излагал собеседникам неоднократно и в уже отработанных «исповедальных» формах), хотя все это, безусловно, должно представлять интерес для т.н. «есениноведов». Самая важная, на наш взгляд, информация к биографии Есенина, содержится в нескольких строчках, тщательно зачеркнутых автором после того, как был написан основной текст³ (вероятно, перед тем, как подарить запись Евдокимову). Поскольку не было возможности применить специальную технологию, при которой зачеркнутые строки, безусловно, будут легко прочитаны, пришлось ограничиться расшифровкой при помощи обыкновенной лупы и света яркой лампы. По счастью, ключевые слова, позволяющие восстановить смысл зачеркнутого, оказалось возможным прочитать.

Текст публикуется с исправлением явных описок и орфографических ошибок. Зачеркнутые строчки воспроизводятся в квадратных скобках, части предложения, которые не удалось прочитать, заменены точками. Предположительное чтение дается в косых скобках со знаком вопроса, редакторские конъектуры — в квадратных скобках.

---

³ Зачеркнуты строки черными чернилами, тогда как запись сделана фиолетовыми.

Это было за два дня до праздников. В среду, 23 декабря, стоял серый пасмурный день оттепели. Я сидел, занимаясь своей редакционной работой, в отделе художественной литературы Госиздата. Была половина одиннадцатого, когда из соседней комнаты я услышал хриловатый голос Есенина, разговаривавшего с нашим Евдокимовым о получении из кассы тысячи рублей в счет гонорара за издаваемое Госиздатом полное собрание его сочинений. Этот день у нас был платежный и Есенин уже получил на руки ордер в кассу, но выплаты денег приходилось ему ждать до 1-2 часов дня. Слышно было, как Есенин досадовал на это вынужденное ожидание, упирая на то, что ему надо очень спешить: он едет сегодня в Ленинград. Эта новость меня заинтересовала и я стал прислушиваться внимательней. Да, Есенин давал Евдокимову некоторые указания редакционного характера, в частности относительно печатаемой биографии, и давал это таким тоном, каким говорят обычно люди, спешно и надолго уезжающие. В заключение он стал убедительно просить Евдокимова, чтобы тот обязательно написал ему в Ленинград письмо. Он несколько раз настойчиво повторил ему эту просьбу, как бы не веря в чересчур спокойный басок Евдокимова: «Напишу, Сережа, непременно напишу».

Заинтересованный его отъездом, я вышел и увидел Есенина уже выходящим в коридор. Его шуба была расстегнута, а темная бобровая шапка мягко оттеняла белую и сухую, как бы напудренную слегка худобу его лица. Его розовые, наивно мигающие глаза смотрели по-прежнему, с каким-то хитровато-ласковым изумлением. На шее его был повязан красивый шелковый шарфик, весь кубовый, с белыми крапинами и малиновой подкладкой. Во всяком случае, он выглядел франтовато, но был слегка выпивши. Мы поздоровались очень приветливо и, как обычно, расцеловались и присели на диванчик в коридоре. Есенин сразу же стал жаловаться на вынужденное ожидание денег, тогда как ему надо поскорее спешить на поезд, раз он сегодня же уезжает в Ленинград, после того, как он окончательно разошелся с женой своей, Софьей Андреевной. Я вернулся к Евдокимову и спросил, нельзя ли ускорить выплату денег, но уверившись, что это невозможно, вернулся обратно в коридор и сообщил об этом Есенину¹. Его окружали некоторые из моих сослуживцев по отделу.

— Ну, что ж, придется, стало быть, ждать, — сказал Есенин тоскливо, но примирительно. — Пойдем, кацо, посидим где-нибудь пока, — сказал он, обращаясь ко мне. — Мне так хочется о многом с тобою поговорить.

Уходить со службы в неурочное время было неудобным, и я предложил ему посидеть со мной в той комнате, где я работаю.

— Нет, нет, здесь неудобно, — протянул он, болезненно скривившись и отмахнув рукой, — пойдем, кацо, вниз, на угол, в пивнушку, там и посидим. Это здесь рядом.

Я любил Есенина и он это знал. Его необычная настойчивость, да еще такие новости, как уход от жены и отъезд в Ленинград, пересилили мои колебания и я, предупредив в отделе, что скоро вернусь, пошел за Есениным. Он подождал, пока я оделся, и мы вышли на улицу. Было мокро. Напротив Госиздата ожидал извозчик, которому Есенин велел еще подождать. И, перейдя с угла на угол, мы спустились в полуподвал пивной на углу Софийки и Рождественки, наискось от Госиздата. В пивной было сумрачно и пусто. Возле стен были отделенные друг от друга перегородками и елками ниши со столиками, напоминающие театральные ложи. Крайняя из них справа была занята. На столе стояло полдюжины пивных бутылок, а на стуле справа сидел довольно высокий молодой парень. Еще на улице Есенин сказал мне, что в пивной его ожидает двоюродный брат, и что он его сейчас отошьет, чтобы не было помехи нашим душевным разговорам. Поэтому, подходя к столику, Есенин довольно бесцеремонно велел брату идти в Госиздат и сидеть там, дожидаясь денег.

— Разве уже выдают? — спросил тот.

— Нет, еще не выдают, но ты подождешь и посидишь там, раз я так сказал, — обрезал его Есенин властно. И парень покорно встал и удалился. Я сел на его стул. Есенин велел официанту-кавказцу принести чистый стакан и налил пива мне и себе. Недопитые были две бутылки.

— Пей! — сказал мне Есенин, когда мы остались одни. — Ты хороший парень, кацо, и я тебя люблю. Ты не подумай, что я говорю тебе так, к слову, от нечего делать, или спьяну. Нет, кацо. Еще когда я был у тебя, помнишь, я уже тогда почувствовал, что ты хороший парень, с нутром, что надо. А теперь еще больше в том убедился.

Мне вспомнилось о том, как однажды я затащил к себе домой Есенина с большою компанией и мы, мужчины, спали ту ночь на сеновале. В то время я имел большое влияние на политику ВАПП и, что называется, охаживал Есенина, стараясь свернуть его творчество на отчетливо советские рельсы. Тогда же я купил у него для «Октября» и «Песнь о великом походе»². Правда, помимо рационально-политических соображений, я искренне симпатизировал Есенину, быть может, за большую и вывернутую, но честнейшую сердечную искренность его творчества, что я всегда ставлю выше всего. Но мне казалось, что Есенин тогда не особенно доверял этой эмоциональной стороне моего к нему отношения, будучи

предубежден против «напостовцев». А я, по свойственному мне скверному гордому характеру, никогда не разуверю кого бы то ни было, если он думает обо мне незаслуженно плохо. Поэтому я удивился, почему Есенин именно теперь убедился в моей искренности к нему.

— Не особенно давно, — ответил Есенин, — мы как-то много и долго разговаривали о тебе с одним человеком. Я не скажу только тебе, кто он. Но он всячески ругал тебя. При этом он приводил одно за другим доказательства, по которым я, наоборот, все более и более убеждался, как он гадок и пошл, и какой искренний и хороший парень ты. Знаешь, кацо, я люблю тебя и хочу твоей дружбы. Я серьезно это тебе говорю. Да, я прошу твоей дружбы.

Услышав комплименты я, как обычно, хитро и недоверчиво настораживаюсь. Но ведь Есенина я знал, Есенина я любил, Есенина я ценил и поэтому сказал ему просто и резко:

— Дружба, милый друг, обязывает ко многому. Во-первых, она требует абсолютной взаимной искренности, а во-вторых, полнейшего взаимного уважения. Я рад дружить с тобой, но мне кажется, Сережа, что у тебя есть кое-какие поступки, за которые ты сам себя не уважаешь... и мне хотелось бы выяснить, почему ты их делаешь*.

— Я себя не уважаю?! — весь вспыхнул он и растерянно уставился на меня. — Нет, кацо, — и он ударил себя в грудь кулаком. — Нет, кацо, клянусь тебе: твои упреки — ерунда, этого нет и не было. Говори прямо, на что ты намекаешь.

— Видишь ли, Сережа, я скажу тебе все откровенно. Когда я тебя не знал, или, вернее, знал только издали, я относился к тебе очень недоверчиво. Я считал, на основании характеристики о тебе твоих «друзей», что ты хитрый рязанский мужичонка, во все тяжкие крикливо спекулирующий своим врожденным художественным талантом. И это брезгливо отталкивало меня от тебя. А потом, когда познакомился с тобой и с твоим творчеством, я увидел, что это, конечно, правда, что ты хитрый мужичонка и себе на уме, но ты не спекулянт и есть у тебя душа, огромная и нежная, которую ты сам ломаешь до боли и заставляешь кричать на весь народ. И вот тебе и больно от этого и сладко от этой самой боли, как у Альфреда Мюссе... «Эти горькие мгновенья не дороже ль жизни всей?»

Есенин лукаво ухмыльнулся.

— Да, хитрость у меня есть. Это верно: хитрости у меня хватит! — и Есенин еще раз шаловливо и самодовольно улыбнулся,

---

* На полях против этого абзаца черными чернилами написано: «а цель дружбы».

как улыбаются дети, когда у них кто-либо с покорною завистью обнаруживает какую-нибудь тщательно от всех скрываемую дорожную и любимую игрушку.

— Да, хитрость есть и это не плохо, а насчет сердца это ты тоже верно сказал. Оно у меня очень болит и очень кричит. Только не по Альфреду Мюссе. Я его не терзаю, — и он болезненно замолтал головой. — Оно само терзается. — Он жалобно поник: — Скучно... — и замолчал.

— Но я уважаю себя, кацо, слышишь ты: уважаю, — бросил он, вдруг встrepенувшись. — Почему же ты говоришь мне, что у меня есть поступки, за которые ты меня не уважаешь?

— Ты прости мне, Сережа, я имел в виду твои отношения к некоторым женщинам. В частности, к твоей последней жене, Софье Андреевне, с которой ты, как говоришь, теперь разошелся, а во-вторых, если хочешь, к Дункан. Конечно, сердцу в любви не прикажешь, но я помню, когда ты пришел и сообщил мне о своей женитьбе, то ты сказал тогда этак искренне и восторженно: «Знаешь, я женюсь! Женюсь на Софье Андреевне Сухотиной, внучке Толстого!» Не скажи ты последнего, я бы ничего плохого не подумал бы. А тут я подумал: Есенин продает себя, и за что продает?! А второе — это Дункан.

— Нет, друг, это неверно! — схватился Есенин с болезненной и горячей порывистостью. — Нет, Дункан я любил. И сейчас еще искренне люблю ее. Вот этот шарф, — и он любовно растянул свой красивый шелковый шарфик, — ведь это ее подарок. А как она меня любила! И любит! Ведь стоит мне только поманить ее, и она прилетит ко мне сюда, где бы она ни была, и сделает для меня все, что бы я ни захотел. А Софью Андреевну... Нет, ее я не любил. И сейчас с ней окончательно разошелся. Она жалкая и убогая женщина. Она набитая дура. Она хотела выдвинуться через меня! Подумаешь, внучка! Да и Толстого, кацо, ты знаешь, я никогда не любил и не люблю. А происхождение кружило ее тупую голову. Как же остаться вне литературы? И она охотилась за литераторами. Как-то затащил меня к себе Пильняк, она с ним тогда жила. Тут же я с ней и сошелся. А потом... женился. Опутали они меня. Но она несчастная женщина, глупая и жадная. Ведь у нее ничего не было. Каждую тряпку пришлось ей заводить. Я думал было... но я ошибся и теперь разошелся с ней окончательно. Но я себя не продавал... А Дункан я любил, горячо любил. Только двух женщин любил я в жизни. Это Зинаида Райх и Дункан. А остальные... Ну, что ж, нужно было удовлетворить потребность, и удовлетворял... Ты наверное сидишь и думаешь, если любил, то почему же разошелся с теми, любимыми?..

Я молча кивнул глазами, а он гримасливо склонил голову набок, долил стакан пивом и продолжал:

— В этом-то вся моя трагедия с бабами. Как бы ни клялся я кому-либо в безумной любви, как бы ни уверял в том же сам себя, — все это, по существу, огромнейшая и роковая ошибка. Есть нечто, что я люблю выше всех женщин, выше любой женщины, и что я ни за какие ласки и ни за какую любовь не променяю. Это искусство. Ты, кацо, хорошо понимаешь это. Давай поэтому выпьем.

Желтая прозрачная жидкость жадно ушла в его осипшее белесое горло, увлажнив на мгновение его тонкие, посиневшие губы.

— Да, кацо, искусство для меня дороже всяких друзей, и жен, и любовниц. Но разве женщины это понимают, разве могут они это понять? Если им скажешь это — трагедия. А другая сделает вид, что поймет, а сама норовит по-своему. А ведь искусство-то я ни на что и ни на кого не променяю... Вся моя жизнь, кацо, — это борьба за искусство. И в этой борьбе я швыряюсь всем, что обычно другие, а не мы с тобой, считают за самое ценное в жизни³. Но никто этого не понимает кроме нас, и никто не хочет этого признавать. Все хотят, чтобы мы были прилизанными, причесанными пайньками. Заставили меня написать свою автобиографию⁴. Но разве в ней можно было написать эту правду. Нет, в ней пришлось мне врать, отвратительно врать. К черту эту автобиографию. Давай лучше уничтожим ее. Скажи Евдокимову, чтобы он ее уничтожил. Ведь в ней все ложь, все ложь. Когда я читал твой «Шоколад»...

— А ты-таки в самом деле читал его? Когда же? Теперь?

— Нет, я прочел его еще тогда, как он вышел впервые в журнале.

— Стало быть, в новой редакции и с новой главой в отдельном издании ты не читал? Жаль. Мне бы хотелось услышать твое мнение.

— А разве в новом издании есть дополнения? Я не читал, потому что не знал об этом. Ну, а вот когда прочел тогда, я почувствовал, кацо, что ты настоящий художник. Я почувствовал, что много придется тебе испытать через все это мук. Ну, а что, разве было не так?.. Я ведь все знаю... ты не смотри, что я беспартийный. Я все знаю и все понимаю. И я скажу тебе, не в лесть и не в комплимент: ты дашь русской литературе, ты не пройдешь в ней бесследно, потому что когда ты пишешь, ты водишь по сердцу. А если б ты знал, какая сволочь другие писатели.

Я не любил и не люблю перемывать косточки другим, потому

что люблю людей и умею ценить муки творчества, но Есенин схватил меня за рукав.

— Нет, ты не кривись. Спросил я как-то Пильняка, какого мнения он о твоём «Шоколаде»? — «Разве это литература?» — ответил он брезгливо. И ты понимаешь, кацо, кто это ответил, это ответил Пильняк, халтурщик, каких не видывал свет. И ты думаешь, он искренне это сказал? Ничего подобного. Его злость взяла, как это появляется какой-то там Тарасов-Родионов, о вещи которого спорят, шумят, говорят, перед которым он, Пильняк, уходит в тень. И он тебя возненавидел.

— Ты преувеличиваешь, Сережа. Мы встречаемся с Пильняком и всегда мирно толкуем. И, кроме того, он, во всяком случае, художник...

— Кто художник? Это Пильняк-то?! — и Есенин надвинул шапку на глаза. — Да у него искусство и не ночевало! Он чистойшей воды спекулянт. Ты знаешь, как-то в пьяной компании зашла речь об его творчестве. Это было, когда он еще бряцал славой. И он встал, понимаешь ли ты, в этакую позу, задрал ногу на стул и заявил: искусство у меня вот где, в кулаке зажато. Все дам, что нужно и что угодно. Лишь гоните монеты. Хотите, полфунта Кремля отпущу. Ты понимаешь, кацо, ты вдумайся только: «полфунта Кремля»! Ах, г...о, с...чье, «полфунта Кремля»! — и Есенин с ненавистью ударил о стол дном пивной бутылки.

Я никогда не слышал до этого от Есенина его отзыва о беллетристах и поэтому воспользовался случаем спросить о том, чье творчество мне очень понравилось, особенно в «Барсуках» часть Зарядья. Я спросил о Леонове.

— Компилятор. Талантливый и жадный, но компилятор.

Такой отзыв меня не убедил и мне не понравился.

— Но если так отзываться, то выйдет, — сказал я насмешливо, — что кроме твоего собутыльника вообще нет беллетристов.

— Э, брось, — отмахнулся Есенин невозмутимо и сдвинул шапку на затылок. — Нет, кацо, есть хорошие беллетристы и кроме тебя, большие художники, пишущие с сердцем. Возьми ты Всеволода Иванова.

— Всеволода Иванова? — протянул я с насмешливым изумлением. — Уж вот действительно. Его «Бронепоезд» прекраснейшая вещь, но я был иного мнения о сердечности его других вещей.

— Нет, кацо, ты опять ошибаешься. Иванов искреннейший парень. Уж как его жизнь не мытарил, как не ломала, — он всегда был и остался настоящим художником. Он редкий человек, который понимает и любит искусство. Остальные все сволочь, торгаши Кремлем в розницу и злостные лицемерные подсиживатели.

О, если бы ты понял, как они все мне надоели. Как я рад избавиться от всех них поскорее.

— Милый друг, что ты говоришь? Твои друзья...

— У меня нет друзей. Ты мне должен верить, когда я говорю это тебе, кацо. Этих друзей я ненавижу. Особенно я ненавижу Анну Абрамовну⁵. Набитая дура, подлица и попросту п...а. Конечно, у меня с ней ничего не было и быть ничего не могло. Но, если бы ты знал, сколько зла она мне сделала, потому что она — дура. — И замолчал, очевидно, не желая что-то договаривать.

Я передернул плечами. Я не был поклонником добродетелей А.А., но мне казалось определенно, что А.А. его очень любила, как мать, и самоотверженно всегда нянчилась с его пьяными и хулиганскими причудами. Поэтому мне было неприятно поддерживать этот разговор, полный неблагодарности, но Есенин упрямо повторил по ее адресу циничное ругательство, настойчиво и злобно.

— Да, конечно, — продолжал он, как бы читая мои мысли, — она принесла мне и кое-какую пользу, собственно не она, а ее Вардин⁶. Она-то тут не при чем. Она только кружила меня и путала. А Вардин принес пользу, но он дурак, кацо, набитый дурак, скучный, и мне дольше нечего было с ним делить. Ведь ты понимаешь, он бегал, как обезьяна, за юбкой этой Абрамовны, пока она... — но только дай мне слово, что никому об этом не скажешь. Даешь слово? Дурак В. попал. Она заразила его тр[иппером], которым ее заразил Элиава⁷.

И он снова сочно и цинично выругался по ее адресу. Я налил стаканы пивом и мы выпили. От холодного пива, мрачного подвала и струившейся с улицы изморози по спине продернула дрожь.

— Скучно, кацо, — сказал он уныло и его глаза лениво потускнели, а рот безвольно застыл.

— Скучно? — ухмыльнулся я. — А как же искусство? Значит и оно тебя не удовлетворяет?

— Нет! — рванулся он и мотнул своей прозрачной шеей, как индюшонок. — Не-ет! — прохрипел он с какою-то вымученной злобой. — Не-е-ет. Я работаю и буду работать, и у меня еще хватит сил показать себя. Я много пишу и еще много надо писать. Да, надо много писать, и я умею писать. Я не выдохся. Я еще постою. И это зря орет всякая бездарная шваль, что Есенин — с кулацкими настроениями, что Есенин чуть ли не эмигрант. Это я-то эмигрант, кацо, который швырнул в рожу всем этим белогвардейцам:

Они, как отрубь в решетке,
Средь непонятных им событий...

Кто бросит камень в этот пруд?..

Они в самих себе умрут,

Истлеют падью листопада⁸.

Должно быть, меня считают за пустого дурака, который не осознает своего таланта и не понимает, что только благодаря Советской власти он расцвел. Я за Советскую власть, без Советов я ничего. Ну, скажи на милость, что бы представлял я из себя, если бы не случилось Октябрьской революции? Поэта блядей и сутенеров, бардачного подпевалу? Не усмехайся, кацо, я знаю, что ты думаешь. Но чем же я виноват, что живу в какой-то перепалке? Эх, если бы мне немножко попозже родиться б.

— Сережка. Не тужи этим вопросом. Неужели в тебе нет волевого упрямства осознать все по-новому и дать новые по своему содержанию песни. Как это ни трудно, но ведь ты же — Есенин!

— Ах, кацо! ты не понимаешь!.. должно быть я опоздал родиться⁹. Но только... Только иногда бывает, ты понимаешь, — и он болезненно скривился, — когда нет настроения писать. Напишешь четыре строчки, и вдруг остановишься... Я устал... я сильно устал, — сознался он каким-то упавшим и задушевым голосом. — Я сильно устал. Кругом — одна сволочь. Ты понимаешь — одна сволочь. Вот ты знаешь, друг, ведь у меня никого нет близких. Ты скажешь: сестра Катька. К черту! Ты слышишь: к черту! Плевать я хочу на эту дрянь. Сквалыга, каких свет не рожал. Вышла, понимаешь, сейчас замуж за какого-то там поэта Наседкина и приходит ко мне, так и так де, м-ста, да ты-ста. А я говорю: к черту! Знать тебя не знаю и никаких Наседкиных знать не хочу. Пусть сам пробивает себе дорогу, если поэт, а если дребедень, я ему своим горбом проколачивать дороги не буду. Я прогнал ее с глаз долой и больше и знать о ней не хочу. Такая же она, как и все остальные, такая же, как и мать с отцом. Ты думаешь, они меня любят? Они меня понимают? Ценят мои стихи? О, да, они ценят и жадно ценят, почему мне платят за строчку. Я для них неожиданная радость: дойная коровенка, которая и себя сама кормит, и ухода не требует, и которую можно доить всюю. О, если бы ты знал, какая это жадная и тупая пакость — крестьяне. Вот видишь: поддержки в семье я не встречаю. Друзья — свора завистников, или куча вредного дурачья. Я не могу здесь работать. Меня все раздражает... — сказал он, весь искривившись мучительной гримасой, как будто проглотив что-то кислое и отвратительное. — Нет, кацо, я не могу здесь работать. Вот получу сейчас деньги, тысячу рублей, и уеду в Ленинград навсегда. И там вот начну работать. Ты понимаешь, я хочу работать. Я буду работать, — почти прокричал он с упрямым раздражением.

— Когда ты едешь?

— Сегодня, с вечерним поездом.

— Во-первых, ты не достанешь на сегодня билеты. Сейчас, перед праздниками, билеты на все поезда в Ленинград давно уже проданы. Мне приходилось встречать людей, выезжавших пригородными поездами верст за 50 от Москвы, чтобы оттуда достать сейчас билет на Ленинград. Иначе, говорят они, достать невозможно.

— Не беспокойся, кацо, — и Есенин хитро и самодовольно улыбнулся, — уже все устроено. Билеты уже оставлены в кассе, остается только их взять. Пусть для других это и невозможно, для меня это ровно ничего не стоит. Меня жизнь избаловала и балует: для меня — все легко.

— К кому же ты едешь в Ленинград?

— Ни к кому.

— Где же ты остановишься?

— Сам не знаю. Возьму номер в гостинице и буду жить. Буду жить, ты понимаешь, спокойно, там нет рядом дряг и склок. И буду писать.

— Ну, милый мой, это, конечно, правда, Питер — красивый и тихий город, но город большой. Этой шатии и там сколько угодно. Она облепит тебя и завертит, лишь только узнает о твоём приезде.

— Нет. Я прикажу швейцару никого не пускать.

— Эх, друг, — усмехнулся я, — видно, плохо ты себя знаешь. От себя, милый друг, никуда не убежишь. Я на твоём бы месте и при твоём настроении махнул бы куда-нибудь в глухую деревушку, законопатился бы там в какую-нибудь избушку, как крот, и писал бы.

— В деревню?! О, нет, только не в деревню, — и в глазах его метнулись искорки страха. — В деревне, кацо, мне все бы напоминало то, что мне омерзительно опротивело. О, если бы [ты] только знал, какая это дикая и тупая, чисто звериная гадость, эти крестьяне. Из-за медного семишника они готовы глотки перегрызть друг другу¹⁰. О, как я же ненавижу эти тупые и жадные жестокие морды. Как прав Ленин, когда он всю эту мразь жадную, мужичью, согнул в бараний рог. Как я люблю за это Ленина и преклоняюсь перед ним.

— Ну, братец мой, Ленин не особенно-то был сторонником того, чтобы гнуть крестьян в бараний рог, и вообще, ты зря перегибаешь палку.

— Ну, коль не Ленин, то Троцкий. Я очень люблю Троцкого, хотя он кое-что пишет очень неверно¹¹. Но я его, кацо, уверяю

тебя, очень люблю. [А вот Каменева, понимаешь ты, не люблю. /Полу...?/... вождь. А ты знаешь, когда Михаил отрекся от престола, он ему благодарственную телеграмму /залепил/? за это /самое?/в из ... Ты думаешь, что /если/ я беспартийный, то я ничего не вижу и не знаю. Телеграмма-то эта, где он ...] она, друг милый, у меня.

— А ты мне ее покажешь?

— Зачем? Чтобы ты поднял бучу и впутал меня? Нет, не покажу.

— Нет, бучи я поднимать не буду и тебя не впутаю. Мне хочется только лично прочесть ее, и больше ничего.

— Даешь слово?

— Даю слово.

— Хорошо, тогда я тебе ее дам.

— Но когда же ты мне ее дашь, раз ты сегодня уезжаешь? Она с тобой или в твоих вещах?

— О, нет, я не так глуп, чтобы хранить ее у себя. Она спрятана у одного надежного моего друга и о ней никто не знает, только он да я. А теперь ты вот знаешь. А я возьму у него... Или нет, я скажу ему, и он передаст ее тебе.

— Даешь слово?

— Ну, честное слово, кацо. Я не обманываю тебя.

— Идет, жду¹².

Пиво было выпито и он хотел позвать официанта, чтобы тот подал еще. Но я разубедил его.

— Пить я больше не буду, — сказал я, — потому что надо еще будет работать. А тебе пить совсем не советую. Вообще, губишь ты себя, Сереженька, оттого, что пьешь. Неужели нельзя совсем перестать? Неужели нельзя найти наслаждение жизнью в самом ходе жизненной борьбы? Смотри, до чего себя довел, до лечебницы, до «Черного человека».

— Ерунда, из лечебницы меня выпустили и сказали, что лечить меня не от чего. Так-таки прямо и сказали. А «Черного человека» я давно уже написал. Я после него еще много других вещей написал, и не в этом дело. А пить я не брошу. Почему? — и он опять лукаво улыбнулся с наивной хитрецей. — Скучно, кацо. Ты понимаешь, мне скучно, и я устал. Вон, Воронский, болван, орет, что я исписался. Врет он, ничего он не понимает в искусстве и не понимал никогда¹³. Ты не веришь? А я тебе говорю определенно. Это мы только нарочно тогда допустили, чтобы он разыгрывал из себя советского покровителя литературы. Он делал вид, что он нам покровительствует, подумаешь, покровитель какой.

— Но он же вам помогал, он же содержал всю вашу ораву. Он платил вам хорошие деньги.

— Неправда все это, кацо. Ничего подобного не было. Он всегда платил нам обычные гроши, как и везде. Одно только он делал хорошего для нас, это всегда у него можно было достать денег. Иной раз избегаешься, проживешься, изголодаешься. Новых вещей нет. Придешь к нему: так и так, мол. Он всегда выручит. Всегда даст аванс. Не всем, конечно. Но Иванову, Пильняку, мне, Бабелю и Сейфуллиной — он давал. Ну, разумеется, напишешь вещь, нести в другое место неудобно. К нему несешь, хоть и платит он за нее гроши. И не он нас, а мы его поддерживали. Знаешь ли ты, кто ему «Красную новь» делал, пока там Клычков секретарем сидел? Мы делали. Еще Воронский и не знает ничего, а уж разметку номера я напишу и наутро Клычков несет ее к нему на утверждение. Ну, а когда Клычкова он прогнал и заменил Васькой Казиным, теперь этого нет. Теперь он сам вдвоем с Казиным путаются. Хитрый он человек, этот Воронский, но до упрямства глупый и дурашливый. Тебя он не шибко любит.

— Еще бы любить! Он не может мне простить, что я напечатал свой «Шоколад» не у него, а в «Молодой гвардии», у его конкурента. — И я рассказал Есенину, как я понес сначала свою рукопись к Воронскому, как ее и Клычков и Воронский весьма одобрили, но Воронский предложил мне выкинуть из повести все места, где я давал описания внутренних переживаний тех или иных героев. «Мне этой психологической дostoевщины не надо, — сказал он мне. — Учись описывать только внешнюю сторону явлений, как это делает Всеволод Иванов». Ну, я, конечно, поблагодарил его за совет и дерзко заявил, что совет его считаю безграмотным. Всеволод Иванов не знает нутра людей революции, которых он описывает, и потому вынужден, скрепя сердце, ограничиваться внешностью явлений. Белогвардейцев же своих он прекрасно умеет описывать и со стороны их внутренних переживаний, и делает это неплохо. Ну, Воронский, конечно, рассердился, а я понес повесть в «Молодую гвардию», где ее и приняли. Воронский, узнав об этом, несколько раз пытался через Клычкова вернуть ему рукопись, взяв ее от «Молодой гвардии», но я на это не пошел. А когда повесть появилась в печати, Воронский обрушился на нее с враждебной и сумбурной критикой со стороны идеологии. Этим он показал свое лицо.

— Да, гаденький человечиска, — ответил мне Есенин, но я видел по его лицу, что мысли его были о другом. — Давай лучше выпьем еще.

Но я отказался наотрез и напомнил, что касса, наверное, от-

крылась. Ведь мы просидели около двух часов. Мы встали и вышли. Мне показалось интересным узнать, удастся ли Есенину уйти в отшельническое творчество в Ленинграде, или его вновь захлестнет волна богемных собутыльников. Я вспомнил также, что он усиленно навязывался со своей перепиской Евдокимову.

— А что, Сережа, может быть ты напишешь мне из Ленинграда, когда устроишься?..

— Непременно напишу, обязательно напишу, но с одним условием: дай слово, что ты во что бы то ни стало немедленно же ответишь.

— Даю.

— Идет. А то знаешь: пишешь, пишешь, а они не отвечают... — и он небрежно махнул рукой.

В Госиздате я спустился в гардеробную раздеться, а он пошел прямо к кассе. Больше мы с ним не встречались.

*Тарасов-Родионов. 10/1-26 г.
[ЦГАЛИ, ф.190, оп.2, ед.хр.37]*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ И.В. Евдокимов так вспоминал о приходе Есенина в Госиздат перед отъездом того в Ленинград:

В десять часов утра 23-го декабря я пришел на службу...

Скоро в глубине длинного госиздатского коридора показался Есенин. Пальто было нараспашку, бобровая шапка высоко сдвинута на лоб, на шее густой черного шелка шарф с красными маками на концах, веселые глаза, улыбка, качающаяся грациозная походка...

— Евдокимыч, я вышел из клиники. Еду в Ленинград. Совсем, совсем еду туда. Надоело мне тут. Мешают мне. Я развелся с Соней... с Софьей Андреевной. Поздно, поздно, Евдокимыч! Надо было раньше. А Катька вышла замуж за Наседкина. Ты как смотришь на это?

И Есенин близко наклонился ко мне.

— Что же, — ответил я, — это твое личное дело. Тебе лучше знать. Я не знаю...

— Да, да, — вдруг опять он заговорил, — ты получил письмо?

— Нет.

— Ах! Я же ей, Катьке, дал снести: там стихи в «Собрание». Что же она не несет! Я ей скажу... Она принесет. Евдокимыч, я еду в Ленинград: мне надо денег.

— Деньги выписаны, Сережа, — сказал я...

Попытка оказалась неудачной: в кассе были гроши.

Поэт подождал меня на диванчике и нетерпеливо спросил:

— Ну, что, можно?

Я развел руками и сел рядом.

— Ты мои корректуры вышли в Ленинград, — погрузнев, сказал Есенин. — Ты говорил, стихи в наборе?

— Да. Сдали в ноябре. Уже идет набор: не сегодня-завтра будут гранки. А куда тебе высылать? Ты где там остановишься?

Есенин немного подумал.

— Я тебе напишу. Как устроюсь, так и напишу. Я тебе буду писать часто... Ты мне поскорее высылай корректуры.

(Евдокимов. И. Сергей Александрович Есенин. // Сергей Александрович Есенин. Сборник воспоминаний. М., 1926).

Не совсем ясно, удалось ли Есенину получить в этот день деньги в Госиздате. Уже 25 декабря в Ленинград на адрес В.И. Эрлиха для Есенина было переведено 640 руб., по-видимому, также в счет гонорара за «Собрание стихотворений».

² «Песнь о великом походе» была опубликована первоначально в газ. «Заря Востока» (1924, 14 сентября), затем, почти одновременно, в журн. «Октябрь» (1924, №3) и «Звезда» (1924, №4). Прямолинейно-тенденциозная поэма была расценена некоторыми критиками как «халтура»; «напостовцы», напротив, поднимали ее на щит: «...стоит сравнить это произведение, помещенное в "Октябре", с прежними кабацкими стихами того же Есенина в "Красной нови", чтобы понять тот громадный идеологический сдвиг, который произошел в творчестве Есенина» («Октябрь», 1924, №4). В собраниях сочинений Есенина «Песнь...» до настоящего времени печаталась с заменой точками строк, прославляющих Зиновьева, Троцкого и др.; полный текст воспроизведен: «Литературная Россия», 1989, №3, 20 января. Публикация произведений одновременно в нескольких изданиях была обычной для 1920-х гг. практикой. По воспоминаниям В.Г. Шершеневича, «...Есенин считал личной обидой для себя, если он одно и то же стихотворение печатал меньше, чем в пяти-шести сборниках» (Мой век, мои друзья и подруги. М., 1990. С.574).

³ Сравни в воспоминаниях А. Мариенгофа: «Да, он мог потерять и терять все. И деньги из кармана, и стыд из души, и последнего друга, и любимую женщину, и шапку с головы, и голову в кабаке — только не стихи! Стихи были биением его сердца, его дыханием». (Мой век, мои друзья и подруги. С.244).

⁴ Автобиография Есенина под заглавием «О себе», написанная специально для первого тома готовившегося «Собрания стихотворений», впервые опубликована после смерти поэта, 6.02.1926 в газ. «Вечерняя Москва».

⁵ А.А. Берзинь (1897-1961), писательница, издательский работник.

⁶ И.В. Вардин (псевд. Мгеладзе Иллариона Виссарионовича, 1890-1941) — литературный критик.

⁷ Шалва Зурабович Элиава (1883-1937), партийный и советский деятель, наркомвоенмор Грузии, Наркомвоенмор Закавказья, пред. Совнаркома ЗСФСР. Знакомство с ним Есенина не документировано, но более чем вероятно; оно могло состояться во время поездки Есенина в Закавказье (напр., через Я.Г. Блюмкина, исполнявшего в 1924 какие-то задания ГПУ в Баку и, несомненно, входившего в окружение Элиавы. — См.: Белоусов В.Г. Сергей Есенин. Литературная хроника. Ч.2. М., 1969. С.141).

⁸ Из стихотворения Есенина «Русь уходящая»:

Но есть иные люди.
Те
Еще несчастней и забытей.
Они, как отрубь в решете
Средь непонятных им событий.
Я знаю их
И подсмотрел:
Глаза печальнее коровьих.
Средь человеческих мирных дел,
Как пруд, заплесневела кровь их.
Кто бросит камень в этот пруд?
Не троньте!
Будет запах смрада.
Они в самих себе умрут,
Истлеют падью листопада.

⁹ Так в рукописи; Тарасов-Родионов не замечает противоречия собственной записи в согласовании времен. Выше Есенин говорит, что лучше бы ему «позже родиться».

¹⁰ Ср. у Мариенгофа в «Романе без вранья»:

К отцу, к матери, к сестрам (обретающимся тогда в селе Константинове Рязанской губернии) относился Есенин с отдышкой от самого живота, как от тяжелой кладки.

Денег в деревню посылал мало, скупо и всегда при этом злясь и ворча. Никогда по своему почину, а только — после настойчивых писем, жалоб и уговоров. /.../ Разводил философию по гамсуновскому «Пану» о счастья на природе и с землей /.../. Сам же бесконечно любил и город, и городскую культуру, и городскую панель, исшарканную и заплыванную. За четыре года, которые мы прожили вместе, всего один раз он выбрался в свое Константиново. Собирался прожить там недели полторы, а прискакал через три дня обратно, отплевываясь, отбрыкивая и рассказывая, как на другой же день поутру не знал, куда там себя девать от зеленой тоски.

(«Мой век»... С.313).

¹¹ Ср. в воспоминаниях Наседкина: «Идеальным, законченным типом человека Есенин считал Троцкого» (Наседкин В.Ф. Последний год жизни Есенина. М., 1926. С.35). Высокая оценка Есениным личности Троцкого содержится и в первых абзацах очерка «Железный Миргород» (в собрании сочинений Есенина эти строки опущены).

¹² Здесь запись Тарасова-Родионова требует подробного комментария, который станет возможен лишь после того, как будет восстановлен в лаборатории весь зачеркнутый текст. Пока приходится ограничиться лишь предварительным итинерарием дней начала марта 1917 г. в приложении к биографиям упомянутых лиц. Даты даются по старому стилю.

Момент Февральской революции в биографической хронике Есенина не отражен: известно, что около 23 февраля 1917 г. он, бывший тогда санитаром полевого Царскосельского военно-санитарного поезда императрицы Александры Федоровны, выехал в Могилев в распоряжение командира 2-го батальона сводного охранного полка царской фамилии. (Удостоверение на проезд было ему выдано 22 февраля, «экстренный отзыв» начальнику станции Царское Село датирован 23 февраля). В первые дни марта его видели в Петрограде; затем ненадолго он уезжает в Константиново и возвращается в Петроград (см.: Сергей Есенин. Литературная хроника. Т.1. С.107).

Николай II в 3 часа 2 марта 1917 г. объявил в Пскове о согласии отречься в пользу сына; в 22 часа, когда к нему прибыли представители Временного комитета Государственной Думы В.В. Шульгин и А.И. Гучков, он изменил манифест, отрекаясь и за себя и за наследника Алексея в пользу Михаила Александровича (о юридической незаконности такого акта писал В.Д. Набоков в воспоминаниях «Временное правительство»). В ночь со 2 на 3 марта Гучков и Шульгин выехали с манифестом в Петроград. На Николаевском вокзале утром 3 марта Шульгин провозгласил Михаила II императором, а около 12 часов дня 3 марта состоялось совещание членов Временного комитета и Временного правительства с Михаилом Александровичем, в результате которого последний объявил об отказе принять российский престол до созыва Учредительного собрания и его решения о форме правления в России. Манифест об отречении Михаила Александровича был опубликован 4 марта, одновременно с манифестом об отречении Николая II.

Л.Б. Каменев встретил известие об этих событиях в гор. Ачинске, где находился в ссылке (неподалеку отбывали ссылку Сталин и Муранов). Каменев, Сталин и Муранов немедленно выехали в Петроград, куда прибыли за несколько дней до возвращения из эмиграции Ленина, т.е. в последние числа марта.

Факт подачи Каменевым телеграммы Михаилу Александровичу, разумеется, может быть установлен только тогда, когда эта телеграмма обнаружится. Такая возможность, в принципе, не исключена, хотя и маловероятна. Строить же догадки о том, каким образом телеграмма, если она существовала, могла попасть в руки Есенину, из-за отсутствия пока достоверных данных не представляется возможным.

Обращает на себя внимание то, что Тарасов-Родионов, выслушав сенсационный (иначе его не определишь) для своего времени рассказ Есенина, не сообщает ничего о своей реакции, — не высказывает удивления, не пытается опровергнуть и т.п. В своей автобиографии (см. «Приложение») он писал о том, что в 1917 проверял содержание экс-императора под стражей; об этом же свидетельствует в своих воспоминаниях С.Д. Мстислав-

ский. Отсюда следует, что к сюжетам, связанным с последней российской династией после Февраля 1917, Тарасов-Родионов имел непосредственное отношение и мог судить об услышанном от Есенина с точки зрения человека причастного и заинтересованного.

¹³ А.К. Воронский (1884-1943), литературный критик. Ему посвящена поэма Есенина «Анна Снегина».

ПРИЛОЖЕНИЕ

АВТОБИОГРАФИЯ А.И. ТАРАСОВА-РОДИОНОВА, СОСТАВЛЕННАЯ ДЛЯ СЛОВАРЯ Е.Ф. НИКИТИНОЙ «ПИСАТЕЛИ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ».

Мать родила меня проездом через Астрахань 7 октября (н.с.) 1885 года. Мой отец служил в Казани землемером. Детство свое я провел часть в Казани, а часть в Шостке, Черниговской губернии, где отец одно время года с два служил землемером порохового завода. Неподалеку отсюда жили и родственники моей матери, мелкопоместные дворяне. Вскоре вся семья окончательно переехала в Казань, и здесь в 1894 году я поступил в классическую гимназию. Готовивший меня в гимназию студент Александр Прохорович Прохоров первый натолкнул меня на свободолюбивые идеи и познакомил меня с произведениями Писарева. Когда мне было 13 лет и я оканчивал 3-й класс гимназии, отец мой умер от скоротечной чахотки, оставив семью почти без средств, если не считать дома в слободке Гривке, где мы и жили. Ребят осталось после отца семеро и из них я самый старший. Пришлось теперь думать не только о продлении своего образования, но и о помощи матери для остальной семьи. Уже с четвертого класса я стал репетировать, т.е. давать уроки, для чего вскоре пришлось переехать в город и повести вполне самостоятельную жизнь. Вышагивать по три версты 4 раза в день с Гривки в район гимназии было уже нелегко. Помню, что первым моим учеником был сын купца, второклассник Костя Смоленцев, парень раза в два выше меня ростом. Сейчас он, кажется, профессором химии в Казанском университете. Благодаря своим редким способностям учился я в гимназии хорошо, но, по лености, уроков не учил и был незаменимым коноводом в любом коллективном озорстве.

Окончив гимназию в 1903 году поступил на юридический факультет Казанского университета. 4 ноября 1904 года, во время студенческой политической демонстрации в день университетского акта я был избит полицейской нагайкой и подвергся краткосрочному аресту. Это втянуло меня в политику и через несколько дней после питерского расстрела 9 января 1905 года я вступил в РСДРП, сразу же примкнул к ее большевистскому крылу. Осень 1905 года и в 1906 году я был активным членом большевист-

ской боевой дружины и участвовал в оба раза неудавшихся экспроприациях. Одновременно, под псевдонимом Сергея Жайворонко, я выступал как фельетонист в местной партийной газете. В качестве корреспондента от нее ездил в Первую и Вторую Государственные Думы. В 1907 году уехал за границу и, прожив немного в Париже и Брюсселе, в 1908 году вернулся в Россию оканчивать университетское образование. Однако получив свидетельство об окончании университета, к государственному экзамену допущен не был. Женившись в этом же году, вскоре уехал в Омск, где и жил до 1913 года. Служил агентом [обществ]а сельского хозяйства по организации местной выставки и продаже различных машин. С этой работой в эти годы пришлось объездить почти всю Россию и Сибирь. Вернувшись в 1913 году в Казань, поступил клерком в банк, а весной 1914 года был допущен к государственным экзаменам, которые сдал и получил диплом. Вернувшись в Омск, предполагал заняться адвокатурой. Разразившаяся война заставила поступить кандидатом на судебные должности в Омскую судебную палату. Отсюда весной 1915 года переведен в Барнаульский окружной суд и здесь через месяц был мобилизован, как ратник. Пробыв в Омске рядовым солдатом, стал затем на четыре месяца [курсантом] Казанского военного училища, откуда 1 января 1916 года был выпущен прапорщиком в запасной полк в Уфу. Через год в чине прапорщика был откомандирован на пулеметные курсы в Ораниенбауме, где и был по окончании их оставлен в кадре офицерской стрелковой школы.

В Февральской революции в Петрограде принимал активное участие. Проверял содержание под арестом Николая Романова. За июльские дни был посажен в тюрьму. Активно выступал в Октябрьской революции, арестовал Краснова после Пулковской битвы ездил с т. Крыленко в Двинск, где арестовал генерала Болдырева.

Возвратившись в Петроград, раскрыл и переарестовал ряд контрреволюционных организаций: Пуришкевича, ген. Корнилова («Белый крест»), князя Кекаутова и Савинкова. Арестовал покушавшегося на убийство Ленина корниловца Хризосколео...

Весной 1918 года командирован Лужским районом, обороняя подступы от Пскова к Петрограду. Здесь же выбран предисполкома. Будучи послан от совета в Тюмень, покинул ее в момент чехословацкого восстания. После этого, отчасти в целях военной разведки, возвращался в Сибирь, проникнув в тыл белых вплоть до Омска. Осенью был переброшен в Царицын, где вел военную работу в 10-й армии в непосредственном ведении т. Ворошилова. С начала 1919 года был управделами Наркомвоен Украины в Харькове, а в мае того же года в качестве начальника дивизии оборонял Питер от наступления генерала Родзянко. Летом работал при Реввоенсовете Запфронта у т. Сталина. С августа в качестве комбрига оборонял Псков от белоозстонцев, вел затем фланговое наступление против Юденича от Луги на Нарву, канителился с Булак-Балаховичем под Островом и отступал от Двинска на Себеж от белополяков.

В начале 1920 года работал в штабе 15-й армии и участвовал в первом наступлении на белополяков в качестве начдива 53. С сентября того же года, назначенный наштабмом 2-й Конной, участвовал в ее укомплек-

товании, развертывании и провел с ней все кампании рейда на Врангеля от Никополя до Ушунских ворот за Перекопом. Весной 1921 года принял участие в штурме Кронштадта и затем работал по Гувузу¹. Демобилизованный в 1922 году, год работал следователем по важнейшим делам Верховного трибунала республики. Затем перешел на редакционную работу в Госиздат и вел партработу на заводе «Серп и Молот» (б. Гужон). Писателем выступил с 1922 года.

А. Тарасов-Родионов

[ЦГАЛИ. Ф.341. Оп.2. Ед.хр.4]

---

¹ Вероятно, Главное управление высших учебных заведений. — С.Ш.

ЦЕЛЬ В ЖИЗНИ — МЫСЛИТЬ И СТРАДАТЬ

Публикация Л.И. Володарской

Имя и творчество Бориса Михайловича Эйхенбаума хорошо известны и на родине и за рубежом, тогда как имя Исая Бенедиктовича Мандельштама, несмотря на признанность его творчества (еще в 1980-е гг. переиздавались его переводы из Келлермана, Цвейга, Гейне, Лилиенкрона), мало что говорит сегодня даже специалистам. Но по-разному сложившаяся судьба не помешала этим двум людям всю жизнь сохранять теплую привязанность друг к другу, несмотря на меняющиеся обстоятельства. И хотя в дневнике Б.М. Эйхенбаума, начиная примерно с 1935 года, т.е. с высылки И.Б. Мандельштама, не найти записей о нем, но переписывались они постоянно, и письма И.Б. Мандельштама Борис Михайлович сохранил.

Несомненно, что он сколько мог помогал Мандельштаму в его литературных и, возможно, житейских делах, пока тот подвергался «наказаниям». Исая Бенедиктович, что явствует из его писем, не переставал следить за жизненными перипетиями Эйхенбаума и, если не делом, то советом, утешением, ободрением, старался быть полезным.

Работал И.Б. Мандельштам в любых условиях, но не мог не страдать из-за своей изоляции, из-за отсутствия привычного общения с книгами и людьми своего круга — литераторами, музыкантами. Поэтому письма Эйхенбаума он особенно ценил.

Письма И.Б. Мандельштама Эйхенбауму (и другим корреспондентам, например, известному певцу Мигаю) — документы, свидетельствующие об удивительном мужестве далекого от политики, погруженного в мир слов и звуков человека, российского интеллигента. Это становится особенно очевидным, когда письма соседствуют с биографией И.Б. Мандельштама, написанной его падчерицей Н.Н. Канегиссер, говоря словами Шаламова, «кратко, просто, с отсечением всего, что может быть названо "литературой"».

И последнее, что хотелось бы уточнить. Многие, читавшие «Четвертую прозу» О.Э. Мандельштама, а теперь она достаточно доступна, при отсутствии каких бы то ни было сведений о И.Б. Мандельштаме получают принципиально неверное представление о его личности — человека, в своей нелегкой жизни проявившего максимум твердости и абсолютную порядочность. Один из сюжетов «Четвертой прозы» посвящен так называемому «банковскому делу» (апрель-май 1928 года). По этому «делу» был приговорен к расстрелу родственник И.Б. — Лев Исаевич Гурвич. Приезд И.Б. в Москву, следовательно, был вполне закономерен, но, наведя справки и выяснив, что этим «делом» с одной стороны занимается О.Э. Мандельштам, обратившийся к Н.И. Бухарину, а с другой — профессора Московского университета и тоже его родственники А.Г. Гурвич и Л.И. Мандельштам, обратившиеся за помощью к тогдашнему ректору университета Вышинскому, И.Б., положившись на авторитет и связи своих родственников, возвратился в Ленинград, чем вызвал неудовольствие Осипа Эмильевича, вскоре также уехавшего в Крым, где он и получил от Бухарина известие о замене приговора: ссылка вместо расстрела. (Об участии профессоров МГУ в спасении арестованных сообщено Н.А. Белоусовой, дочерью А.Г. Гурвича).

Несколько справок. Письма И.Б. Мандельштама, сохранившиеся в архиве Б.М. Эйхенбаума, предоставлены нам О.Б. Эйхенбаум. Биографическая статья Н.Н. Канегиссер предоставлена М.Б. Вербловской, дочерью упоминаемого в письмах Б.Д. Левина, которой мы выражаем искреннюю признательность.

**

Исай Бенедиктович Мандельштам, в свое время известный переводчик западно-европейской художественной литературы, родился в Киеве, в 1885 г. Его отец, киевский отоларинголог Бенедикт Емельянович Мандельштам умер, когда И.Б. было 9 лет. Опекуном троих детей (И.Б. был младшим) стал старший брат Б.Е. Мандельштама — Макс Емельянович Мандельштам, выдающийся офтальмолог и видный еврейский общественный деятель, также живший в Киеве. Мать И.Б. — Анна Исаевна (урожденная Гуревич) поселилась с детьми во флигеле дома, принадлежавшего М.Е. Мандельштаму, и детство и юность И.Б. прошли в постоянном и тесном общении с дядюшкой и его семьей.

Десяти лет И.Б. поступил в первый класс (по тогдашнему счету) казенной гимназии. Он с одинаковой легкостью учился гуманитарным и математическим дисциплинам, но особо отличался в латыни и выразительном чтении стихов. В последних классах серьезно увлекался театром, постоянно участвовал в гимназических и любительских спектаклях, мечтал стать комическим актером. Приятель М.Е. Мандельштама — адвокат и театрал Лев Куперник (отец Т.Л. Щепкиной-Куперник) считал И.Б.

очень одаренным и поощрял в стремлении на профессиональную сцену. Но мать и опекун категорически воспротивились актерской карьере, предоставив И.Б. выбор одной из традиционных интеллигентских профессий: врача, юриста, инженера.

В 1903 г. И.Б. окончил гимназию с золотой медалью. В тот год открывался «кораблестроительный отдел» Петербургского Политехнического института. И.Б. очень хотелось в Петербург и он решил стать инженером-кораблестроителем.

После окончания гимназии он с группой товарищей поехал на экскурсию за границу — в Австрию, Германию, Швейцарию, а затем отправился в Петербург. Кораблестроению на первых курсах Политехнического института И.Б. учился без особого увлечения, тратя много времени и усилий на чертежи. Утешение находил в петербургских театрах.

Когда, в связи с революционными выступлениями студентов в 1905 г. Политехнический институт, как и другие высшие учебные заведения, был закрыт на неопределенное время — И.Б. уехал за границу и поступил на Технический факультет Льежского университета. Специальностью он выбрал электротехнику, которая — благодаря большей близости к физике и отсутствию черчения оказалась для него гораздо интереснее, чем кораблестроение.

Живой и веселый нрав, дарование комического актера, доброжелательность и интерес к людям — сделали И.Б. чрезвычайно популярным среди льежских студентов — бельгийцев и русских эмигрантов. Что до самого И.Б., то время, проведенное в Льеже, поездки по Бельгии и Франции — оставили след не только в его памяти, но и в мировоззрении и даже в характере.

В Бельгии он в совершенстве овладел французским, который и раньше знал достаточно для понимания лекций и общения с бельгийцами. (Немецкий И.Б. знал с детства: в доме его дяди, М.Е. Мандельштама, уроженца Прибалтики, учившегося медицине в Германии, говорили по-немецки. И.Б. рассказывал, что в Германии его обычно принимали за прибалтийского немца.)

Из Льежа он вывез увлечение современной французской литературой, в частности А.Франсом, приверженность которому хранил долгие годы.

Окончив технический факультет в 1908 г., И.Б. вернулся в Россию. Свыше года работал инженером в Николаеве, на кораблестроительном заводе, потом переехал в Петербург, где стал инженером «Всеобщей Компании Электричества» — русского отделения немецкой фирмы АЕГ. Льежский диплом не давал правожительства в Петербурге, и И.Б. стал студентом юридического факультета в Петербургском университете.

В 1912 г. он женился на Марии Абрамовне Канегиссер (урожденной Левиной), молодой вдове его двоюродного брата Николая Самойловича Канегиссера, врача-акушера и проф. Женского медицинского института. От брака с Н.С. Канегиссером у М.А. было две маленьких дочери, И.Б. воспитал их не удочеряя. Своих детей у него не было.

Инженерная деятельность, обучение юриспруденции, семья — оставляли мало досуга, не давая достаточного удовлетворения. О профессио-

нальном актерстве И.Б., разумеется, уже не думал, и даже был благодарен родным, удержавшим его от сцены. Частое повторение одной и той же роли, необходимость играть в пьесах, не отвечающих собственному вкусу — были бы для него, по его признанию, просто невыносимы. Но любовь к театру, точнее — к актеру в театре, а позже и в кино — он сохранял всю жизнь. В театр он ходил так часто, как это позволяли деньги и свободное время, часто ходил и на концерты — он был очень музыкален, знал и любил серьезную музыку. Много читал — широко интересуясь философией, социологией, физикой и, разумеется, литературой.

И все-таки пассивная роль зрителя, слушателя, читателя его не удовлетворяла. Выход своей интеллектуальной активности он нашел в литературной работе переводчика.

Переводить на русский немецкие и французские стихи И.Б. начал еще гимназистом. В ту пору он писал и свои лирические, а больше — юмористические стихи и эпigramмы. Оригинальных стихов И.Б. никогда не публиковал и позже рассматривал их как предварительную тренировку в стихосложении. Первые его переводы были напечатаны в одном из киевских журналов.

В 1910 г. в «Вестнике Европы» были опубликованы три стихотворения Детлева фон Лилиенкрона в переводе И.Б. Во втором издании стихов Осипа Мандельштама, выпущенном в Вашингтоне в 1964 г. помещены эти переводы, ошибочно приписанные О.Мандельштаму и снабженные примечанием, что в отличие от более поздних его переводов, например, из Барбье или Петрарки, эти переводы отличаются точностью и близостью к подлиннику. В это же издание включен и «Диспут» Гейне, также в переводе И.Б., опубликованный впервые в «Летописи» в 1917 году, а затем неоднократно переизданный в различных русских изданиях сочинений Гейне.

Сам И.Б. началом своей литературной деятельности считал перевод пьесы Гардта «Шут Тантрис», напечатанный в журнале «Театр и Искусство» в 1910 году. После этой публикации И.Б. вступил в «Общество драматических и музыкальных писателей». В 1914 г. в журнале «Вопросы философии и психологии» была напечатана статья И.Б. — «Новая теория искусства» — единственное непередаваемое произведение когда-либо им опубликованное.

В десять лет (включая и первые годы революции) И.Б. продолжал переводить немецких поэтов конца XIX — начала XX вв.: Детлева фон Лилиенкрона, Густава Фальке, Рихарда Демеля, Отто Бирбаума, Христиана Моргенштерна, переводил и лирику Гейне (переводом Гейне он занимался до самой смерти), пробовал силы и в переводах Бодлера и Верлена. Особой настойчивости в напечатании он не проявлял: самый процесс стихотворного перевода доставлял ему огромное удовольствие и удовлетворение на протяжении всей жизни.

В 1917 г. И.Б. сделал первый перевод в прозе — перевел «Взгляды аббата Жерома Куапьяра» А.Франса, его издала «Универсальная библиотека» (1918 г.).

31 августа 1918 года в Петрограде эсером Леонидом Канегиссером, двадцатилетним студентом, был убит председатель петроградской ЧК М.С. Урицкий. Леонид Канегиссер был сыном инженера Иоакима Самойловича Канегиссера, двоюродного брата И.Б., с которым он был в дружеских отношениях и часто бывал у него. В ночь на 1 сентября, в числе других постоянных посетителей этого дома (описанного М.Цветаевой в очерке «Нездешний вечер») И.Б. был арестован. Следствием была установлена непричастность к террористическому акту как И.Б., так и всех прочих арестованных, и все они через несколько месяцев были выпущены на свободу. В тюрьме (Дерябинские казармы) И.Б. провел четыре месяца. Этот ошибочный арест, не имевший, казалось, последствий непосредственных, сыграл роковую роль в судьбе И.Б. позже, когда соответственные учреждения стали рассматривать свои прошлые ошибки, как повод для новых репрессий.

Выйдя из тюрьмы, И.Б. продолжал работать инженером в бывшей «Всеобщей Компании Электричества», а затем на Свирьстрое. Около 1920 года его деятельность переводчика приобрела более профессиональный характер: он начал работать по договорам, сотрудничая с «Всемирной Литературой». Для этого издательства он перевел «Страдания юного Вертера» (напечатано в 1922) и «Годы странствий Вильгельма Мейстера» (напечатано не было) для предполагавшегося собрания сочинений Гете, а также «Утраченные иллюзии» Бальзака, изданные «Academia» в 1930.

В начале 20-х годов, не оставляя инженерной работы, И.Б. стал профессиональным литератором. Переводы составляли главные его интересы, а гонорары — существенную часть заработка. Он был членом «Дома литераторов» от его основания до ликвидации, частым посетителем диспутов, концертов, разнообразных «вечеров» там происходящих, его постоянное общество состояло почти исключительно из литераторов — А.Г. Горнфельд, М.А. Кузмин, Ю.И. Юркун, П.К. Губер, Б.М. Эйхенбаум, Б.К. Лившиц, М.Е. Лёвберг. Еще через 2-3 года И.Б. оставил инженерство и на некоторое время примкнул к сословию «свободной профессии», как тогда назывались представители различных искусств, не связанные государственной службой.

Эпоха НЭПа сопровождалась бурным расцветом издательского дела. Частные издательства — Атеней, Петроград, Время, Мысль, Книга, Сеятель, Книжный угол, — возникали одно за другим и все до одного печатали переводную художественную литературу в огромном количестве, иногда — почти исключительно. Раздобывать новейшую иностранную литературу было очень непросто (но все же удавалось наиболее предприимчивым издателям и переводчикам), и к тому же она часто не отвечала цензурным требованиям. Поэтому охотно печатали и произведения более старых писателей, забытые русским читателем или вовсе неизвестные ему.

Переводами стали заниматься прозаики и поэты, почему-либо переставшие печатать оригинальные произведения, критики и филологи, наконец — просто «бывшие» светские люди, хорошо знавшие языки. Между

издательствами существовала жесточайшая конкуренция. Нередко два издательства одновременно выпускали одну и ту же книгу (обычно — современную) в двух различных переводах и под различными названиями. Так, И.Б. переводил «Люди доброй воли» Жюлья Ромена наперегонки с О.Э. Мандельштамом, а Ж.Ж. Бруссона — со своим приятелем П.К. Губером. В этих условиях, естественно, скорость работы переводчика приобретала первостепенную важность.

С одинаковой свободой и точностью И.Б. переводил как с немецкого, так и с французского, литературным русским языком владел безупречно. Работал он увлеченно, даже азартно и отличался огромной работоспособностью — переводил до 1/2 печатного листа в день. Почерк у него был четкий и рукописи, особенно при спешке, шли прямо в набор; сроки сдачи рукописи и корректур И.Б. выдерживал идеально, внося в свободную профессию литератора навыки инженера-проектировщика. В подыскании для перевода мало известных или забытых книг проявлял большую изобретательность. Так, он перевел «Доменика» Э.Фромантена, «Сцены из жизни богемы» А.Мюрже, не переведившиеся с 1892 г., «Манон Леско» А.Ф. Прево, новеллы Шницлера, романы А.Перутца, малоизвестные повести Бальзака, «Мой дядя Бенжамен» Клода Тилье и т.п. С 1922 по 1930 включительно в его переводах вышло более 50 книг (не считая переизданий) и в это время он стал одним из признанных мастеров перевода. В начале 30-х годов при секции переводчиков Ленинградского отделения СП был организован учебный семинар. Руководил семинаром А.А. Смирнов — знаток романских и английского языков и литератур, позже профессор ЛГУ. Сам он вел занятия в группе переводчиков с французского и испанского, а заниматься с переводчиками немецкой литературы пригласил И.Б.

Несмотря на высокие профессиональные качества И.Б., отношения его с издательствами часто омрачались, а иногда доходили до прямого разрыва. Причиной этого было то сопротивление, какое И.Б. оказывал любой попытке издателя нарушить договор или авторское право при расчетах. Независимо от размеров причиняемого убытка И.Б. чувствовал себя при этом «жертвой эксплуатации», обусловленной зависимостью переводчика от издателя. Уверенность издателей в безнаказанности таких нарушений — приводила И.Б. в ярость, и если издатель не отступал — И.Б. обращался в суд. В расприх с издательствами неизменным советчиком И.Б., а если дело доходило до судебного разбирательства — то и представителем, — был его многолетний друг Иосиф Яковлевич Рабинович, позже ставший юрисконсультom Лен. отд. ССП. Все иски, ими предъявленные, были судом удовлетворены.

Избыток переводчиков, постепенное свертывание частной инициативы в книжном деле, финансовая неустойчивость частных издательств, безбожно задерживавших платежи, — порождали хроническое безденежье. Поэтому И.Б. наряду с художественной литературой начал переводить и редактировать технические книги, а затем стал штатным редактором технического издательства КУБУЧ, что придавало его материальному положению некоторый минимум прочности.

В 1931 г. старшая падчерица И.Б. (Евгения Николаевна Канегиссер) вышла замуж за молодого физика-теоретика Рудольфа Пейерлса, немца по происхождению, работавшего в Цюрихе у знаменитого Паули. Через полгода после регистрации брака ей разрешили выход из советского гражданства и вместе с мужем она уехала в Швейцарию. Это, казалось бы, узко семейное и вполне радостное событие позже обернулось для И.Б. трагедией.

Летом 1935 г. Пейерлсы приехали в Ленинград показать годовалую внучку. В то время они уже прочно обосновались в Англии.

В конце 1934 года И.Б. получил заказ на перевод «Вильгельма Телля» и «Дон Карлоса» для однотомного издания избранных произведений Шиллера, предпринятого Лен. отд. ГИХЛ. Он взялся за эту работу с большой радостью, так как перед этим довольно долгое время занимался почти исключительно техническими переводами, а в стихах — за исключением пьесы Шницлера «Казанова в Спа», не переводил очень давно.

В марте 1935 года он был арестован и провел в тюрьме около 10 дней. Никакого обвинения ему предъявлено не было, на допросе речь шла о его родстве с эсером Канегиссером и о замужестве его падчерицы. В соответствии с принятым в тот момент («Кировские дни») порядком, он без суда, административно был выслан из Ленинграда. Местом высылки была определена Уфа, срок установлен в 5 лет. Вместе с ним и на тот же срок были высланы М.А. Мандельштам и жившая с ними ее младшая дочь Н.Н. Канегиссер.

Из Ленинграда они выехали специальным эшеленом — таких эшеленов на восток страны отправлялось в то время по несколько в день.

Уфа была уже переполнена высланными из Ленинграда. Мандельштамы с трудом нашли комнату (14 метров) в деревенском домике на окраине города. Несмотря на тесноту и крайние бытовые неудобства, И.Б. немедленно приступил к работе над переводом Шиллера. Работа была для него единственным средством отвлечения от невзгод. Высылка не сопровождалась поражением в правах, заключенные с издательствами договоры сохраняли силу, но на новые заказы рассчитывать было трудно: редакции ленились или остерегались по собственной инициативе сотрудничать с местами столь отдаленными, а проявлять изобретательность из Уфы было сложно.

Еще в 1934 г. у И.Б. появились сильные спорадические боли в ногах, временами затруднявшие ходьбу. Это было началом эндоартериита, не сразу распознанного. Приступы болей постепенно учащались, а по приезде в Уфу стали очень продолжительными и бывало, что И.Б. по несколько дней не мог выйти из дому. Уже этой причины было достаточно, чтобы отказаться от мысли о какой-нибудь регулярной «службе». А кроме того, несмотря на недостаток в Уфе специалистов, высланных — особенно первое время — допускали почти исключительно к физическому труду. (Только музыкантам разрешалось оплачиваемое участие в самодеятельности, главным образом в качестве аккомпаниаторов, концерт- и хормейстеров).

Свою библиотеку, так же как и всю мебель, И.Б. оставил в Ленинграде, раскидав по разным знакомым, теоретически наименее уязвимым в отношении высылки. В Уфу был привезен один сундук с книгами, отобранными наспех, так как ликвидировать имущество, накопившееся у целой семьи за 25 лет жизни в Ленинграде, надлежало за пять дней.

Среди привезенных книг был английский Шекспир. Английский язык И.Б. знал хуже, чем французский или немецкий, учил его самостоятельно, по книгам, в частности читая Шекспира параллельно по-английски и в немецком переводе Тика, знаменитом своей точностью. Тиковский перевод был также привезен в Уфу.

Попробовать свои силы в переводе Шекспира И.Б. хотелось уже давно. В Уфе, покле окончания перевода Шиллера, в отсутствии другой договорной работы, у него было достаточно свободного времени для такой попытки. Он начал переводить Ричарда II — хронику менее известную и реже переводившуюся, чем Ричард III, немного более короткую, чем остальные хроники и с очень напряженным действием.

Работал он с огромным увлечением. Концентрированный стих Шекспира при обилии односложных слов в английском языке требовал новой для него техники для достижения хотя бы приблизительной эквилинеарности. Поиски и развитие этой техники доставляли ему чисто творческое удовольствие. Ему были необходимы читатели на уровне критиков, и, как ни удивительно, — они нашлись.

Среди высланных в Уфу ленинградцев оказались брат и сестра Левенсоны, немного знакомые Н.Н. Канегиссер по Ленинграду. Это были необычайно оригинальные, — чтобы не сказать чудачковатые, — и не менее того одаренные молодые люди. Евгений Максимилианович Левенсон был талантливым и известным математиком. Наталья Максимилиановна — археологом (кажется), и оба они были страстными любителями сравнительного языкознания, филологии и блестящими знатоками английского языка и литературы. В Уфу они привезли и специальные английские шекспировские словари.

В короткое время они стали самыми близкими друзьями И.Б., приносили свои словари, приходили очень часто. И.Б. читал им перевод Шекспира по мере его продвижения, сцену за сценой. Они слушали, следя по английскому тексту, придирчиво и обстоятельно обсуждали русский текст. Позже И.Б. говорил, что их воодушевленному и детально обоснованному одобрению перевода Ричарда II он обязан первой своей уверенностью, что он действительно может переводить Шекспира на высоком литературном уровне, несмотря на далеко не совершенное знание английского языка. (Н.М. и Е.М. Левенсоны погибли во время войны, вероятно, при оккупации немцами Пушкина, где они жили после возвращения из Уфы).

Перевод Ричарда II был послан для ознакомления К.И. Чуковскому, который его одобрил. Вот что написал Чуковский в 1948 году, когда снова зашла речь о напечатании этого перевода. «Перевод, исполненный И.Б. Мандельштамом, превосходно звучит: это певучие, широкие стихи, в которых передано главное — поэзия. Чувствуется, что переводчик сво-

боден от формалистических забот об эквилинеарности и других жупелов переводческого педантизма. Помню, я не соглашался с некоторыми мелочами в переводе отдельных стихов, но это дело редакторское, а в основном, повторяю, перевод представляется мне высоко ценным произведением искусства».

С этим переводом Ричарда II Чуковский ознакомил А.А. Смирнова, подготовившего тогда трехтомное издание избранных трагедий Шекспира для Детгиздата, Смирнову перевод также понравился, он включил его в план трехтомника и предложил И.Б. перевести для того же издания «Венецианского купца» и «Юлия Цезаря», а для полного собрания сочинений Шекспира (Гослитиздат) — хронику «Король Генрих VIII». (Смирнов был один из редакторов полного собрания сочинений Шекспира).

Однако позже, по недостатку места — Ричард II был из плана трехтомного издания Детгиздата исключен и остался ненапечатанным.

Через полгода после приезда в Уфу И.Б. с семьей перебрался в отдельную квартиру из двух комнат и кухни, выкроенных перегородками из одной большой комнаты в частном доме, стоявшем на крутом берегу над Белой (ул. Салавата). Отдаленность Уфы — поездка из Москвы занимала около 40 часов — не помешала некоторым друзьям и родным Мандельштама приехать к ним в гости в первое же лето. Навещали их и в следующие годы, и многие гости пользовались экскурсионными пароходами по Волге, Каме, Белой. Дважды из Харькова приезжала к И.Б. мать, уже 80-летняя, вместе с его сестрой.

Несмотря на хороший климат, относительно сносные бытовые условия и психологический тонус, который придавала работа над Шекспиром, физическое состояние его в Уфе было скверное: боли в ногах сделали его малоподвижным да и некуда было ходить, кроме как в комендатуру «на отметку» и в библиотеку, он располнел, у него появилась одышка.

Лозунг «дети не отвечают за родителей», внезапно брошенный Сталиным в начале 1936 года, сразу освободил всех молодых людей, высланных из Ленинграда в качестве «членов семей», в том числе и Н.Н. Канегиссер, которая в конце апреля вернулась в Ленинград.

Летом 1936 г. к Мандельштамам в Уфу приехала и поселилась с ними Анастасия Михайловна Харитоновна, с 1919 бывшая их домработницей и давно ставшая ближайшим и вернейшим членом семьи.

Осенью 1937 г. в Уфе начались аресты среди ленинградских ссыльных. В марте 1938 г. был арестован И.Б. В Уфимской тюрьме он провел 8 месяцев, в переполненной камере и в невообразимой теперь психологической атмосфере тех лет, среди уже истерзанных пыткой и еще ожидавших этой участи заключенных. Лежа на полу под двухъярусными нарами, занятыми ранее прибывшими, в такой тесноте, что когда поворачивался один — вынуждены были повернуться и все остальные, И.Б. по памяти переводил Пушкина на немецкий язык. Там перевел он «Гимн чуме», монолог Скупого рыцаря, монолог Сальери, «Пророка», «Три ключа», «На холмах Грузии» и некоторые другие стихи. Так же по памяти переводил он и лирику Гейне.

Допросили его два раза, снова об убийстве Урицкого, событии 20-летней давности, и о мифической «шпионской деятельности» мужа старшей падчерицы И.Б. — Рудольфа Пайерлса, в то время ученого с мировым именем. При ведении следствия физических мер воздействий к И.Б. никогда не применяли, ограничиваясь угрозами, криком, матерщиной.

Без суда, постановлением особого совещания И.Б. был направлен в лагерь — Соликамскбумстрой — сроком на три года. Весь лагерный срок он работал инженером. В лагере он записал переводы, сделанные в тюрьме. Соликамскбумстрой не был лагерем «особого режима», один-два раза в месяц разрешались посылки, а изредка и свидания. Летом 1939 года у И.Б. была Н.Н. Канегиссер, весной 1940, по истечении срока уфимской высылки, к нему ездила М.А. Мандельштам и осенью того же года они приехали вдвоем.

Окончив срок Уфимской высылки М.А. Мандельштам вернуться в Ленинград, в силу паспортных ограничений, не могла и прописалась в Малой Вишере. В марте 1941 года вышел из лагеря И.Б. Когда уже «с вещами на выход» он был в кабинете у начальника, оформлявшего паспорта уходившим из лагеря, ему предложили выбрать постоянное место жительства, исключив столичные города, промышленные центры, железнодорожные узлы, курортные, приморские и пограничные зоны и т.п. В кабинете специально на эти случаи висела карта. И.Б. подошел к ней, осмотрел участок между Ленинградом и Москвой, окрестности Бологого и увидел Осташков. Он вспомнил, что этот городок — излюбленная дачная местность ленинградской артистической элиты, решил, что «элита плохо не выберет» и назвал Осташков.

Для устройства литературных и семейных дел НКВД разрешил И.Б. провести неделю в Ленинграде. С издательством ЖЗЛ он предварительно договорился о книге «Бомарше», который давно занимал его необычностью характера и биографией. В начале апреля И.Б. и М.А. уехали в Осташков. Больше И.Б. уже никогда в Ленинград не возвращался. В июне началась война.

Пока И.Б. находился в лагере, печатать переводы под его именем было невозможно. Огромную услугу И.Б. оказал А.А. Смирнов, не отказавшись от издания его переводов Шекспира, а выпустив «Венецианского купца» и «Юлия Цезаря» под именем Б.Д. Левина, а «Короля Генриха VIII» — вообще без указания переводчика, под редакцией А.А. Смирнова*. (Борис Данилович Левин, востоковед и юрист, изредка занимавшийся переводами, был племянником М.А. Мандельштам. Он погиб во время блокады Ленинграда).

Наступление немцев в направлении Торопец-Осташков было стремительным. В конце июля счастливая случайность помогла И.Б., М.А. и не покидавшей их А.М. Харитоновой выбраться из Осташкова и привела их в Мелекес, городок Куйбышевской (позже — Ульяновской обл.), куда были эвакуированы фонды Ленинградской Публичной библиотеки. Тогда

* В.Шекспир. Избранные сочинения в 4-х тт. М.-Л.: Детиздат, 1940. Т.3.

это был захолустный районный центр, с населением, не достигавшим 15000. Впрочем, прилив эвакуированных быстро довел число жителей до 50000.

В лагере в 1940 г. И.Б. перенес тяжелую пневмонию, закончившуюся вспышкой туберкулеза легких; усилился и эндоартерит. В свои 56 лет он выглядел стариком и фактически был полуинвалидом. Все же он пытался работать — какое-то время преподавал немецкий язык в школе, потом занимался немецким же с аспирантами-заочниками, преподавателями учительского института. М.А. вернулась — после огромного перерыва — к своей юношеской профессии фельдшерицы и работала в городской больнице. В начале сентября в Мелекесе появилась и Н.Н. Канегиссер, административно высланная из Ленинграда. Она тоже немедленно начала работать и быт семьи более или менее отвечал стандарту военного времени.

Свой вынужденный и тягостный досуг И.Б. употреблял на переводы в стихах. За годы эвакуации он перевел «Макбета», «Отелло», «Короля Лира», «Ричарда II», вторую часть «Генриха IV» Шекспира, Тассо, «Рейнеке-Лиса и Германа» и «Доротею» Гете; закончил начатые в Уфимской тюрьме переводы на немецкий «Скупого Рыцаря», «Пира во время чумы», «Моцарта и Сальери», перевел «Сцены из рыцарских времен» и «Каменного гостя», а также отдельные стихотворения Пушкина. Перевел также цикл стихов Гюго «Страшный год» — этот перевод, по его словам, он посвятил мысленно осажденному Ленинграду, и продолжал переводить лирику Гейне и стихи Гете. Почти все эти переводы остались ненапечатанными.

Он много читал. Перефразируя реплику Расплюева, И.Б. говорил: «Книги есть в каждом доме, надо только уметь их взять», и действительно, находил чтение и в районной библиотеке, и в библиотеке учительского института; получал французские книги XVIII-XIX вв. из Ульяновской публичной библиотеки, состоявшей по иностранному фонду из реквизированных библиотек симбирских помещиков. Общество И.Б. в Мелекесе составляли хранители фондов Ленинградской Публичной библиотеки.

Ранней весной 1945 года у И.Б. было бурное обострение туберкулеза легких, едва не стоившее ему жизни. Однако он оправился и через год после окончания войны решил поселиться поближе к Москве. Паспортные ограничения оставались в силе, он не мог приблизиться к Москве ближе чем на 100 км, и по совету друзей выбрал для жительства Мало-Ярославец. Тяга к Москве была у И.Б. обусловлена неугасавшей надеждой на сотрудничество с издательствами, желанием хоть иногда побывать в большом городе («я — урбанист», говорил он), и кроме того, после войны в Москве оказался и самый близкий его друг (и двоюродный брат) проф. А.Г. Гурвич, до войны живший в Ленинграде.

В какой-то мере надежды И.Б. на оплачиваемую литературную работу с переездом под Москву оправдались. Он получил заказ на перевод нескольких книг по технике, на перевод «Перикла» Шекспира (Ленгосиздат, т.7, 1949). Были приняты к переизданию переводы «Венецианского купца» и «Юлия Цезаря» — теперь уже под его именем был напечатан и

немецкий перевод «Пира во время чумы» (в книге «Pouskin Ausgewählte Werke». В 4-х томах, 1949, Изд. лит. на иностранных языках).

По предложению Б.Х. Черняка — одного из редакторов подготовлявшегося переиздания Мольера — И.Б. перевел в Мало-Ярославце «Гартюфа» и «Школу для мужей». Но после внезапной смерти Б.Х. Черняка издание Мольера очень затянулось и эти переводы в него не вошли. «Гартюф» был напечатан «Отделом распространения» и шел в провинциальных театрах.

В Москве И.Б. бывал не часто. Приезды эти были по существу нелегальными, так как по тогдашним правилам паспортные ограничения не допускали ночевки в Москве, а дорога от Мало-Ярославца до Москвы продолжалась 4 часа и обернуться в один день было просто невозможно. Все же он приезжал, изредка ходил в театр, на концерты, встречался с наибольшим числом друзей.

Посещение издательств в поисках работы было ему очень тягостно — за 10-15 лет после высылки его из Ленинграда всюду появились совершенно новые люди, которым имя И.Б. уже мало что говорило, а его Мало-Ярославский адрес — говорил очень много.

В ту пору Мало-Ярославец наполовину был заселен людьми с паспортными ограничениями, т.е. уже отбывшими сроки наказания. В 1949 году среди этой категории малоярославских жителей начались аресты. Число их все возрастало и в марте 1951 г. был арестован И.Б. Ему было уже 66 лет. Тюрьмы в Мало-Ярославце не было, и его отправили в Калугу. Снова он провел в тюрьме восемь месяцев, был допрошен один раз и снова без суда осужден на ссылку сроком на 10 лет. Местом ссылки была определена Джамбулская обл. Казахстана.

В Джамбул И.Б. привезли этапом. Дорога продолжалась больше 3-х недель. Областное Управление НКВД не сочло возможным оставить его в областном городе и отправило в село Михайловку, центр Свердловского района в 16 км от Джамбула. В Михайловку из Мало-Ярославца немедленно приехала и М.А. Мандельштам. 1952 год они встречали уже вместе.

Михайловка — степное безлесное село. Улицы засажены тополями и карагачами. Домики одноэтажные, саманные, при каждом — виноградник, огород, низкорослые фруктовые деревья. Вдоль улиц — арыки. Село огибает река Таласа, за рекой — степь и в отдалении — горы. Зимы там снежные, но без больших морозов и недолгие, летом — сильная жара. Население, по тогдашним нормам Казахстана, было большое — 3-4 тысячи жителей. Коренное население состояло из потомков семиреченских казаков, оставшихся там после покорения Туркестана, и казахов. Но в начале 30-х годов туда переселилось много украинцев, бежавших от коллективизации, а в конце 40-х — и множество перемещенных по национальному признаку: чечен, ингушей, карачаевцев, греков из черноморских областей, были и немцы Поволжья.

Здоровье И.Б. было совершенно расстроено тюрьмой и этапом, и все же никогда не виданная им ранее Азия — природа, быт, «смесь одежд и лиц» — первое время очень занимала его. Но от культурной жизни на

этот раз он был отрезан полностью. В Михайловке не было даже постоянного электрического освещения — маленькая гидростанция на Таласе работала от случая к случаю и в селе не было даже и кино — изредка приезжала кинопередвижка. Среди жителей Михайловки не было ни одного «интеллигента», а только люди интеллигентских профессий — несколько врачей и учителей, из них чуть не половина казахи. Собеседников у И.Б. не было.

Он завел приемник (батарейный). Через жалкую районную библиотеку организовал выписку книг из Ленинской (!). Заказы осуществлялись медленно, но в конце концов книги приходили и библиотечарша, нарушая правила, выдавала их на дом. Систематически посылали книги московские друзья, из Ленинграда сразу прислали чуть ли не целый шкаф книг по истории французской культуры XVI-XVIII вв.

Во время пребывания в Мало-Ярославце И.Б. познакомился с жившим в Москве переводчиком стихов и поэтом-сатириком Арго. Они мало встречались, но переписывались. Тогда же И.Б. встретил в Москве своего старого приятеля — «короля оперетки» Е.Ю. Геркена.

После отъезда И.Б. в Казахстан оба они проявляли к нему самое теплое участие, выражавшееся не только в переписке — что уже само по себе являлось в какой-то мере актом гражданского мужества, но и в постоянных попытках отыскания для него литературной работы. Оба сотрудничали с ним — с Арго И.Б. перевел «Театр Клары Гасуль» Мери-ме (напечатанный позже в Гослитиздате), с Геркеном — «Дело о Кренкбиле» А.Франса и еще какие-то пьесы. Денег эти переводы давали немного, печатали их преимущественно в «Отделе распространения», и если пьесы шли в провинциальных театрах — за них получали перспективные, но это была работа, которая давала иллюзию продолжения профессиональной жизни и отвлекала от раздумий.

В 1953 году срок ссылки И.Б. был сокращен до 5 лет — он должен был освободиться в марте 1956 года.

В конце ноября 1953 г. внезапно скончалась М.А. Мандельштам. Еще пять месяцев И.Б. прожил в Михайловке один. Хозяйство его вела соседка, жена ссыльного грека, помогавшая хозяйничать еще и М.А.

И.Б. заставлял себя читать и продолжать перевод пьесы Кальдерона «Громкая тайна». В начале мая было, наконец, получено разрешение НКВД на переезд в Алма-Ату, куда с момента ссылки И.Б. в Казахстан перебралась Н.Н. Канегиссер. Он сразу же уехал туда.

29 июня 1954 года И.Б. умер в Алма-Ате.

В 1962 году он был посмертно реабилитирован.

***

7 мая 1935 года

Дорогой Борис Михайлович, от Вас непосредственно я писем не получаю, но как бы получаю, оттого что каждое письмо от Александра Гавриловича¹ отчасти исходит и от Вас. Сегодня он мне пишет (текстуально): «Я должен сказать, что тронут внимательностью и всем отношением Б.М.² Лучшего доверенного ты не мог найти». Вы поймете, что, прочитав это, я не могу не сказать Вам еще раз то, что Вам и без того ясно: я Вам отчаянно благодарен, и тронут во всяком случае не меньше Александра Гавриловича. — Но вот о чем позвольте просить Вас: имейте, пожалуйста, в виду, что А.Г. знает только очень поверхностно мои литературные дела и совсем не знает издательских работников; его сообщения, поэтому, носят довольно расплывчатый, мало определенный характер даже в тех случаях, когда Вы, вероятно, сообщаете ему вполне определенные данные; поэтому хорошо было бы, если бы Вы ему в некоторых случаях передавали, так сказать, телефонограммы для меня, то есть весь текст того, что хотели бы мне сообщить. Вот, например, телеграмма, которую он мне дал 28 апреля, содержит совершенно неправдоподобное, слишком хорошее известие: «Литературная работа будет продолжаться *без перерыва*». Что бы это могло означать? Слишком ясно, что Вам никто не обещал заваливать меня работой. Но вместе с тем какое-то обещание, по-видимому, было дано и легло в основу этой фантазии. Какое? Кем? А о том, как обстоят некоторые вполне конкретные дела [неразб.] у Скворцова³, Старик Горнио в Молодой Гвардии⁴, — ни в телеграмме, ни в письмах ни слова. Да и Дон-Карлос⁵ в них не упоминается, так что я только косвенно мог заключить из телеграммы, что он принят, и не знаю ряда мелочей, его касающихся, например: получили ли Вы уже его конец (я послал Вам его уже недели две тому назад)? Когда надо его сдать редакторам (независимо от времени заключения договора), и не нужно ли его теперь же переписать для этого, и возьмется ли за переписку Рая Борисовна?⁶ И т.д. и т.д.

Ваши ответы на эти вопросы (и им подобные), если не Александр Гаврилович сам (он для этого слишком нервен), то кто-нибудь из его молодежи мог бы записывать у телефона с карандашом в руках, а затем переписывать в письма ко мне. Да и многое другое, не меня, а Вас касающееся, но меня интересующее, Вы могли бы мне передавать этим путем, чтобы самому не тратить времени на письма ко мне (на Ваше время, повторяю, боже упаси меня посягать). Как, например, здоровье Раи Борисовны? От

нее мы ни строчки не имели, и ее сердце, если не ее, то нас беспокоит. Была ли она у Ланга?⁷ — Куда вы собираетесь летом? Не проехаться ли Вам по Белой, Каме и Волге, от Уфы до Астрахани, от меня до Пети?⁸ Идея? Нет? Ну, ничего не поделаешь, как это ни грустно.

Обнимаю Вас и семейство
Ваш

P.S. Вчера мне стукнуло пятьдесят лет, или вернее — беззвучно наступило. А будь мы в Ленинграде, стучали бы у нас рюмки в квартире, Яков Мироныч⁹ и Петя поднялись бы на Цицероновы вершины, а мы бы с Вами хохотали. Жаль, жаль...

¹ Гурвич Александр Гаврилович (1874-1954) — биолог. Учился в Мюнхенском ун-те на медицинском ф-те. Профессионально занимался живописью. Хорошо знал музыку, музицировал. До революции не мог преподавать в государственных учреждениях как иудей, поэтому преподавал на Высших женских курсах. Был женат на дочери православного священника. После революции некоторое время работал в Симферополе, потом в МГУ. Профессор А.Г. Гурвич был выдвинут кандидатом в члены АН СССР, но избрание не состоялось, так как на него наложила вето парторганизация ун-та. В своих «Воспоминаниях» А.А. Любищев пишет: «...режим всякой диктатуры был для него абсолютно неприемлем и на вопрос ректора Московского университета Вышинского: — Неужели, профессор, между нами не может перекинуться мост? — Гурвич ответил: — Между нами пропасть». С 1930 (?) работал в Ленинграде в Институте экспериментальной медицины, и основное направление его работы — митогенез, от которого не отступался ни при каких обстоятельствах. Любищев пишет: «Его служебная деятельность закончилась после печальной памяти сессии 1948 года... для него вся атмосфера сессии была настолько возмутительна, что он не явился на заседание, где обсуждалось его положение, и просто подал заявление об отставке. Вместе с ним подала в отставку и его жена, Лидия Дмитриевна, доктор наук, его верная помощница» (А.А. Любищев. Воспоминания об Александре Гавриловиче Гурвиче).

А.Г. Гурвич был близким родственником И.Б. Мандельштама и учителем его падчерицы Н.Н. Канегиссер.

² Эйхенбаум.

³ Об этих работах И.Б. Мандельштама сведений найти не удалось.

⁴ Известные издания «Старика Горио» Оноре де Бальзака, помимо первого, — Рига, Латгосиздат, 1949; М.-Л., Детгиз, 1946 и 1950.

⁵ «Дон Карлос, инфант Испанский» И.Х.Ф. Шиллера, вероятно, 1937 года издания.

⁶ Жена Б.М. Эйхенбаума.

⁷ Вероятно, Ланг Георгий Федорович (1875-1948), терапевт, основатель научной школы, академик АМН (1945), лауреат Гос. премии (1951), присужденной посмертно.

⁸ Губер Петр Константинович (1886-1941) — писатель, литературовед, переводчик. Начал печататься в 1912. Автор романов «Кружение сердца. Семейная драма Герцена» (1928), «Месяц туманов» (1929), «1830» (1930). Ему принадлежат перевод и комментарии к кн. Эразма Роттердамского «Похвальное слово глупости» (1931). В начале 1920-х был членом Правления Союза Писателей вместе с А.Блоком, А.Волынским, Н.Волконским, А.Ганzenом, М.Горьким, В.Шишковым, В.Шкловским, К.Чуковским, Е.Замятыным. Репрессирован, погиб в лагере. Посмертно реабилитирован.

⁹ Магазинер Яков Миронович (1882-1961) — юрист, ученый. Родился в Харькове в бедной мещанской семье. Кончил гимназию, в 1909 — Петербургский ун-т. Был социал-демократом, дважды арестовывался, дважды увольнялся из ун-та. В 1904-1905 написал книгу «Самодержавие народа», тираж был уничтожен; в 1922 — книгу «Общее учение о государстве», за последнюю через год был изгнан из ун-та. В 1938 арестован, в 1939 освобожден и восстановлен в правах. В 1940-1941 защитил докторскую диссертацию. Преподавал в Свердловске, Ленинграде; в 1949-1950 обвинен в космополитизме и буржуазности и уволен. После смерти Сталина работал в НИИ морского флота. С И.Б. Мандельштамом был особенно дружен в первой половине 1920-х. Охлаждение произошло, по воспоминаниям дочери Я.М. Магазинера Нины Яковлевны Дьяконовой, из-за несходства характеров: «папа был человеком эмоциональным и в дружбе искал теплоты, ласковости, сердечности, а И.Б. любил демонстрировать иронию, насмешку над сантиментами и в объяснении с папой сказал ему: "Вы — Руссо, а я — Вольтер"». Папу это отношение не удовлетворяло, и он отделился от И.Б.».

2

3 мая 1941 года

Дорогой Борис Михайлович, я направляю к Вам Нину с одной просьбой, а она меня просит изложить эту просьбу письменно, для памяти и ей, и Вам.

Вот о чем речь, милый.

Обдумав свое безработное положение, я пришел к выводу, что мне надо делать книжки для серии «Жизнь замечательных людей», хотя бы без всяких договоров, на свой риск, но с тем, чтобы этот риск касался только неуверенности в том, что книжка моя понравится редакции, а не в том, что про этого же замечательного человека не пишет уже кто-нибудь другой.

Только что меня постигло разочарование этого последнего рода: я сидел здесь уже над четвертым актом «Уриэля Акосты»¹,

когда Нина привезла мне выпущенный «Искусством» в 1937 году новый перевод этой трагедии, о котором я, естественно, понятия не имел. Оно, конечно, где наше не пропадало, но все-таки досадно.

Словом, голубчик, научите, пожалуйста, Нину справиться: 1) кто такие *wassgebende persónlichkeiten*² в этой редакции и 2) как подъехать к ним с такого рода предложениями, которые у меня могли бы быть вполне конкретными. В первую очередь я думаю, например, о Бомарше. Если же эти справки Вам самому нетрудно навести по телефону или мимоходом, при Ваших встречах со знакомыми людьми, то скажу Вам еще большее спасибо. («Опять спасибо! — плата бедняка», — говорит Шекспир³).

Затем, скажите, пожалуйста, Нине, не выяснили ли Вы в «Искусстве» вопрос о возможности переиздания там «Дон Карлоса» в «Библиотеке мировой драматургии», и вообще расскажите ей, не прояснились ли за это время, за этот месяц, издательские, т.е. бумажные, горизонты.

Про нас Вам все расскажет Нина, и я, поэтому, сейчас кончаю. Пусть только она не забудет Вам сказать, что если бы Вы с Раей Борисовной захотели отдохнуть несколько дней и насладиться весной, то мы могли бы Вас отлично устроить по соседству, и были бы Вам чрезвычайно рады.

Обнимаю Вас. Раю Борисовну тоже, если вы оба позволяете, в чем я, впрочем, не сомневаюсь. И Олю, и Диму⁴. Марья Абрамовна повторяет мои жесты.

Ваш

¹ «Уриэль Акоста» (1847) — трагедия немецкого драматурга и публициста, вождя «Молодой Германии» Карла Гуцкова (1811-1878).

² Значительные личности (нем.).

³ В.Шекспир. «Ричард II» (акт II, сцена III), перевод И.Б. Мандельштама. Не опубликовано.

⁴ Ольга и Дмитрий — дети Б.М. Эйхенбаума. Дмитрий Борисович погиб на фронте.

15 июля 1943 года

Голубчик мой, Борис Михайлович, Вы и не представляете себе, какой эффект произвел у нас конверт Вашего письма, Ваш почерк, Ваш обратный адрес, — не представляете, потому что не знаете вот чего. Какая-то ослица рассказала в Л[енин]гр[аде] Вале

Иоффе-Мигай¹, а та сообщила нам с глубоким прискорбием, будто Вы с Раей Борисовной погибли, excusez du peu!² У меня еще сохранилась эта ее открытка от 7/VIII 42. У Апухтина³ есть рассказ «Метя жизнью и смертью». Помните? Там одному покойнику дано наблюдать, как реагируют на его смерть друзья и знакомые. Так вот, Вам, дорогие наши живые трупы, тоже дано судить об этом по следующей фразе Вали, с которой Вы, помнится, знакомы были очень отдаленно: «Это я узнала на днях и страшно расстроилась. Очевидно, начала приходить в норму, еще весной подобные вести не производили никакого эффекта». Уж если она страшно расстроилась, то Вы понимаете, что сделал с нами этот «сильно преувеличенный» слух. Обычный мой скепсис в то время не действовал, оттого что слух был, мы знали это, более чем правдоподобен. Сами же Вы пишете, что уехали из Л[енин]гр[а]да еле живые. Оправившись несколько от этого удара «по самому кумполу», я излил свою боль в письме к Иосифу Яковлевичу⁴ (он — в Омске), и он, спасибо ему, первый воскресил мой скепсис, написал мне в ответ, что, по его сведениям, Вы — в Саратове, а слух основан, вероятно, на смешении фамилий Эйхенбаумов и Энгельгардтов⁵: эти последние действительно погибли. Хотя обе фамилии роднит только буква Э, но у меня в Льеже, когда я там учился, был товарищ, итальянец Манчинфорте, с которым меня путали все профессора только из-за общего «Ман». Вот подите ж вы! Я стал писать во все концы, кроме Саратова, потому что там, как на беду, не было у меня ни одного знакомого адреса. Ни на один мой запрос не поступало явственного ответа, пока, наконец, радио не сообщило, что в Саратове Гуковский⁶. Остальное Вы знаете. — Итак, мы еще живы, дорогие, и весь вопрос только в том, насколько это целесообразно «nella miseria»⁷. Если позволите, рассмотрим его. Такие общие рассуждения сейчас в письмах, как ни устарел такой стиль, все же более уместны, чем с трудом дающиеся нам обоим lamentации.

Целесообразно! Но, милый Бор. Мих., жизнь Ваша сообразна, прежде всего, с основной целью — узнать судьбу Димочки. Я слишком понимаю всю остроту Вашей тревоги, но боже вас упаси переходить от нее к безнадежности. Если его нет ни в одном списке, то надежда должна поддерживать Вашу жизнь. Чего только не бывает на войне! Сколько я знаю случаев столь же долгого отсутствия вестей, вдруг благополучно разъяснявшихся. От Эрика⁸ мы еще дольше не имеем вестей — с октября 1941 г., а все-таки креста на нем не ставим, не только потому, что он нам не сын, а просто оттого, что совсем не глуп вывод французской народной мудрости: pas de nouvelles — уже хорошо.

Вот уж одна цель перед Вами. Согласны? Затем: Вы не только страдаете, Вы продолжаете еще, слава богу, «мыслить». Вы с увлечением писали статью о проблеме войны у Толстого. Так почему же, скажите пожалуйста, Пушкин не хотел, о други, умирать, и умел видеть цель жизни в том, чтоб мыслить и страдать, а мы с вами в целесообразности такой жизни сомневаемся? Говорю мы с вами, потому, что мне Ваше чувство усталости от жизни, *taedium*'a⁹ к ней слишком знакомо, знакомо гораздо дольше, чем Вам (моя *miseria* ведь девятый год длится) и потому что я совсем не усовещиваю Вас, а действительно ставлю себе тот же вопрос, что и Вам. Ведь я слишком часто малодушествую. Ну, так скажите же мне, пожалуйста: отчего мы с Вами так отлично чувствуем эти стихи Пушкина, так сочувствуем ему в них, а как до дела дойдет, — всю эту философию посылаем к черту?

Знали ли Вы наш адрес? Если знали, то не писали, очевидно, из-за «невозможности и бессмысленности», как Вы выражаетесь, сообщать грустные вещи. И это значит, что поддерживать со мной переписку Вам не захочется. Но почему бы нам не беседовать на темы, отвлеченные и литературные? Это Вас не отвлекало бы от грустных вещей? Вы знаете, как живо меня интересуют всегда Ваши «находки», открытия и идеи. Здесь, в жалчайшей местной библиотеке, случайно нашелся первый том Вашего «Л. Толстого», и я его с удовольствием перечитал. Я Вам не раз говорил, что пленен Вашей мыслью о «подсознательном карьеризме» Толстого (так я эту мысль формулирую, Вы ее выразили осторожнее). Теперь, перечитав вашу книгу, я задался вопросом (и был бы рад услышать от Вас ответ на него), отчего Вы не воспользовались в пользу той же мысли таким великолепным аргументом, как дневниковой записью молодого Толстого о пришедшей ему в голову идее реформировать христианство, — за четверть века до начала его религиозного писательства. Четверть века лежала в подсознании эта карьеристская идея. Запись эта, по-моему, имеет фундаментальное значение для всякого толстовиста, для Вас же, в частности, — сугубое. Отчего Вы ее обошли молчанием? Или я ее у Вас проморгал?

Впрочем, ради бога, не отвечайте мне на этот и вообще на такого рода вопросы, если Вам неохота. Не стесняйтесь со мною. Я очень понимаю, что Вам, может быть, не захочется и на такие темы переписываться. А меня за болтливость простите. Вы в Саратове, может быть, тяготитесь обществом, а я по нем томлюсь. Тут мне разговаривать решительно не с кем.

В заключение кое-что расскажу: про нас, раз Вы об этом просите. Марья Абрамовна работает сестрой в здешней больнице. Ра-

бота огромная, с ночными, а иногда — круглосуточными бдениями и грошовым заработком, равным, приблизительно, 10 литрам молока, то есть десятидневной нашей потребности в нем. Остальные 20 литров зарабатывает Нина* (она, слава богу, с нами). Все остальное давала нам до сих пор продажа на рынке нашего скарба и мои случайные заработки. Получил я как-то, всего лишь несколько месяцев назад, остаток гонорара за напечатанного еще в 41 году Генриха VIII. Четыре месяца (этой зимой) преподавал немецкий язык в старших (8-10) классах средней школы, но застал эти классы в состоянии такого невежества, что отчаялся в возможности поднять их на уровень программ, побоялся, что на экзаменах придется мне порезать две трети учеников, и бросил преподавание. Теперь наклеиваются кое-какие уроки французского языка. Вообще же, впали мы в «мизерию», в какой еще никогда не бывали, особенно — по части туалетов. От нашей Жени имеем за эти два года только несколько телеграмм, но ни одного письма. Впрочем, у них там кажется все в порядке. Настя¹⁰ тоже с нами. Она, бедная, утратила почти всех своих родных, и туберкулез у нее обострился. Живет здесь и Ольга Борисовна с дочуркой — вдова (увы!) Бобы Левина¹¹, умершего в Л[енин]гр[а]де в дек. 1941 г. Гурвичи — в Москве, Леонид Исаакович¹² — в курорте Боровом (с семьей). Скажите, дорогой, не знаете ли, выжил ли бедный дядя Яша?¹³ Спрашивал я о нем Ираклия, не получил ответа. А про Ираклия знаете ли Вы что-нибудь? Ну, на сегодня довольно. Пожалуйста, передайте Гр. Ал.¹⁴ мое большое спасибо за быстрый и любезный ответ. Горячо вас всех обнимаем, дорогие.

Весь ваш ИМ

---

* Нина заведует малярной станцией.

¹ Валентина Абрамовна Иоффе-Мигай — дочь крупнейшего физика А.Ф. Иоффе (1880-1960), жена известного певца С.И. Мигая (1888-1959). Была подругой Н.Н. Канегиссер. В ЦГАЛИ хранится значительное число писем И.Б., адресованных С.И. Мигаю.

² Не взывайте! (франц.)

³ Апухтин А.Н. (1840-1893) — поэт.

⁴ Рабинович Иосиф Яковлевич — юрист, юрисконсульт ленинградского Литфонда.

⁵ Речь идет о литературоведе Б.М. Энгельгардте (1887-1942), авторе работ о А.С. Пушкине, Л.Н. Толстом, Ф.М. Достоевском, А.А. Блоке. Погиб во время блокады Ленинграда.

⁶ Гуковский Григорий Александрович (1902-1950) — литературовед, профессор Саратовского и Ленинградского ун-тов, особенно известный своими работами по литературе XVIII века. Репрессирован в 1949. Реабилитирован посмертно.

⁷ В несчастье (итал.).

⁸ Халфин Эрнест Павлович, физик, родственник М.А. Мандельштам. Погиб на фронте.

⁹ Отвращение (лат.).

¹⁰ Ляпунова Анастасия Сергеевна (по воспоминаниям Н.А. Белоусовой). Харитонов А.М. — см. биографическую статью Н.Н. Канегиссер.

¹¹ Левин Борис Давидович (1896-1941) — юрист, востоковед, переводчик. Племянник М.А. Мандельштам. Его вдова Ольга Борисовна Врасская после войны вернулась в Ленинград, работала в Публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина.

¹² Мандельштам Леонид Исаакович (1879-1944) — физик, один из основателей школы радиофизики в СССР, академик АН СССР (1929). Дядя И.Б. Мандельштама.

¹³ Гуревич Яков Яковлевич (псевдоним: Я.Я. Крюковский), писатель, педагог, преподаватель и директор знаменитой в Петербурге гимназии Гуревича, в которой в 1914-1917 работал Б.М. Эйхенбаум. Дядя И.Л. Андроникова. Погиб в блокадном Ленинграде.

¹⁴ Гуковский Г.А. (см. выше).

4

14 августа 1943 года

Дорогой мой, мне совестно: Вам трудно писать, а Вы написали мне длинно и, может быть, только потому, что постеснялись мне совсем не ответить или ответить коротко, а я ведь Вас просил со мною не стесняться. И если теперь пишу, то совсем не с целью вызвать Вас снова на реплику, — напротив, прошу не реплицировать, если внутренний тормоз этому сколько-нибудь мешает, а не только соображения, касающиеся эпистолярного стиля и ламентационного тона и никакого уважения не заслуживающие. Цель у меня другая. Я ведь всегда чужую беду руками разводил, не умея ум к своей приложить. Я хочу очень настоятельно посоветовать Вам сделать все возможное, чтобы перебраться в Москву; последние силы, если они — последние, именно на то потратить, потому что там несомненно не будет той материально невыносимой обстановки, которая не дает Вам спастись и спастись работой. Я не допускаю, чтобы эта задача так уж была трудна для Вас. Вы, по

скромности своей, совсем забываете часто, какое у Вас имя. Если бы в Московских литературных кругах, которые ведь не совсем «разошлись», стало известно, что Вы не можете работать над четвертым томом из-за отсутствия порядочной библиотеки, недоедания, замерзания и пр., то Вам нашлось бы, я уверен, место в МГУ. Неужели некому в Москве написать? Вот Вам два известных мне прецедента: Кибель¹ и зять Александра Гавриловича, Володя Белоусов². Оба стали теперь профессорами МГУ, а прозябали до сих пор один в Свердловске, другой — в Казани. И оба они по своей части люди во всяком случае не с большим именем, чем Вы — по своей. Я не могу развить эту идею, обсудить с Вами, как и с чего ее провести, какие кнопки нажать, потому что Ваших возможностей и связей совсем не знаю в подробностях, и я уверен, что эта идея не могла и Вам не приходиться в голову. Я просто боюсь, что Вы к ней относитесь слишком вяло потому, что плохо верите в ее осуществимость, а это-то и есть большая Ваша ошибка. Уверяю Вас, что она осуществима, и очень прошу немедленно написать кому следует то, что Вы об условиях Вашей работы написали мне, нисколько не стесняясь жаловаться, ибо речь идет не о личной Вашей судьбе, а о судьбе Вашей книги — достояния общего и общественного. Кроме того, я не понимаю, что «себе думает» Литфонд с его громадными капиталами и кого же он должен выручать, если не таких, как Вы, людей в таких, как Ваши, обстоятельствах? — Трудно быть Кочкаревым³ на расстоянии, а все-таки хочу надеяться, что Вы меня послушаетесь и начнете не откладывая (потому что небо уже дышит осенью) дергать за все веревки, какие только есть в пределах Вашей досягаемости. Мне слишком больно слышать от Вас, что Вы — не тот, и что голова у Вас не та, и что чувство обреченности над Вами отяготело; боязно, в частности, потому, что все это, — я уверен, — явления преходящие, которые, однако, при ослаблении силы воли, могут стать «установившимися». Я Вас считаю человеком гораздо более долгого života, чем Ваши 57 лет. Вы правы, конечно, в том, что этот возраст (он же и мой) — гадкая штука во многих отношениях, но ведь не в отношении кабинетной работы. Ею Вы еще лет 20 будете заниматься, вот увидите. Я хочу Вам напомнить, как я когда-то давно, в годы, когда смерти боялся (у меня был такой период мучительный), жаловался Вам на эту боязнь и спросил, знакома ли она Вам. Вы мне ответили: — Нимало. В смерти я вижу необходимую для каждой пьесы развязку, — или как-то в этом роде. Помните? Почему тогда обреченность не казалась Вам трагической? Если только потому, что пьесе еще было далеко до развязки, то с чего Вы взяли, что теперь уж близко? Чувство, говорите

Вы? А если оно врет? Полноте, голубчик! Воспряньте духом! Это говорит Вам человек, сам не знающий, как им воспрянуть, что не лишено комизма, но и смысла: я по собственному, долгому и воистинно трагическому опыту знаю, что упавшие духом могут его поддерживать друг в друге.

Будьте здоровы все четверо, мои милые. Держитесь надеждой! Чего не бывает! «за благом вслед идут печали, печаль же — радости залог!» — как поет боян в Руслане. Все. Мы крепко Вас обнимаем.

Весь Ваш ИМ

¹ Кибель Илья Афанасьевич (1904-1970) — математик, гидромеханик и метеоролог, член-корреспондент АН СССР (1943).

² Белоусов Владимир Владимирович (род. в 1907) — геолог, член-корреспондент АН СССР (1953). Разработал концепцию развития земной коры, основанного на первичности вертикальных движений.

³ Персонаж из «Женитьбы» Н.В. Гоголя.

5

12 октября 1943 года

Дорогой Борис Михайлович, я все откладывал ответ на Ваше последнее письмо, потому что носился с неоправдавшейся, увы, надеждой поздравить Вас с академическим чином после того, как прочитал в центральных газетах о Вашей кандидатуре. — Чорт знает, что получилось!.. И еще я помалкивал потому, что не хочется мне вызывать Вас на письмописание, раз Вы мне сказали, что оно Вам тягостно теперь. Помните же, что я ничуть не буду в претензии, если Вы мне не ответите. Пишу просто потому, что духовное одиночество в этой дыре донимает меня. Говорить хочется с милым другом.

Никак не могу согласиться с Вами, что мой интерес к Вам трогателен. Моя участливость к родным и друзьям, в сущности, эгоистична, как и вообще мой, а должно быть и вообще человека, интерес к людям. Это такое же отвлечение от собственных забот и самооплакивание, как книги, как искусства и науки. Экстенсивность удобнее и, так сказать, гигиеничнее интенсивности. В себе копать — с ума сойти можно, если не быть самодовольным дураком или гением. Если бы все люди думали и заботились только друг о друге, а не о себе, то результат был бы тот же, что и при обратном положении, а тепла в их жизни было бы неизмеримо боль-

ше. Эгоизм бы не пострадал, а толстовство процвело бы. Если это трюизм, то простите, но я в этом не уверен. Позвольте мне, поэтому, опять поинтересоваться Вашими делами и, может быть опять ломясь в открытую дверь, указать Вам на существование приказа Зам Наркомторга №308. Там упоминаются «выдающиеся» (п.а) и просто (п.б) «мастера искусства и писатели», а затем прибавлено в скобках: «см. приложение». Что сказано в этом приложении — не знаю, потому что оно здесь не получено, но думаю, что это — персональные списки. Вам надо непременно попасть в один из этих списков, ибо тогда Вы освобождаетесь от всех производственных забот, настолько роскошные пайки по этим двум пунктам «а» и «б» установлены. Достаточно сказать, что, *помимо очень обильного количества* продуктов, Вы будете иметь право покупать по твердой цене, либо на 500 руб. (п.а), либо на 300 рублей (п.б) в месяц все, что только захотите. Хочу, впрочем, надеяться, что и без меня Вы все это знаете и, либо уже получаете такой паек, либо уже приняли все меры к тому, чтобы его получить.

Ну, а теперь о себе расскажу в тех только рамках, которые мне поставлены Вашими вопросами.

Над чем я сейчас работаю? — Увы, *мне не на чем* работать. Единственное и непреодолимое препятствие к писательству — отсутствие бумаги — мне не удастся преодолеть. «Пальцы просятся к перу, перо к бумаге», а бумаги-то и нет. Родственники посылают мне ее не в большем количестве, чем сколько требует текущая корреспонденция. Поэтому ни о какой переводной работе и думать не приходится. Будь бумага, я все-таки переводил бы впрок, я бы всю историческую хронику Шекспира перевел (ведь у меня из нее два Ричарда и два Генриха уже готовы¹), и когда-нибудь, пусть не я, а мои наследники, сшили бы себе штаны из нее, а я бы легче перенес в работе это сумасшедшее время. Недавно, впрочем, я целый месяц переводил стихи из «*Année terrible*» Гюго². Это можно было делать на клочках бумаги и в старой, подаренной мне конторской книге, между строками цифр. Стихи эти, в сущности, такие же «военно-полевые цветы», как и те, что растут теперь повсюду, но замечательны как курьез: так и кажется, что Гюго жив и написал их в Париже наших дней. Переводя их, я рассчитывал на «Интернациональную литературу», но оказалось, что она больше не выходит, и я решительно не знаю, куда их послать. Не посоветуете ли? —

Что я читаю? — Эйхенбаума. — Забавно, в самом деле, что как раз в тот день, когда пришло Ваше письмо с этим вопросом, я читал Вашу статью в Лермонтовском томе «Литературного наследства». Прочитал затем, разумеется, и статью Пумпянского³

и, если бы хотел Вас вызывать на ответ, то спросил бы, согласны ли Вы с его теорией двух Лермонтовских стилей, с которой я решительно не согласен. Но Вам не до литературных споров, бог с нею, с этой теорией. Читаю я вообще с утра до вечера, и из самых различных областей знания, — все, что попадает под руку в здешней дрянной библиотеке недрянного. Читаю запоем, и запой мой — с горя. И так как я поневоле страдаю им уже два года, то начитанность моя в невероятной степени увеличилась. Ведь у меня никогда не было времени много читать, всегда я слишком много писал. Но кому на том свете нужна будет моя начитанность, чорт возьми. Зачем мне брать туда с собой, например, все 29 томов истории Соловьева? А придется взять...

Довольно, однако.

Обнимаем Вас всех. Крепко надеемся, что теперь уж совсем недолго осталось ждать свидания. Вот и от Женички нашей была на днях телеграмма, кончающаяся словами: *hope worst is behind and soon all meet again*⁴.

Ваш весь ИМ

¹ Опубликована единственно «Славная история жизни короля Генриха VIII».

² Имеются в виду стихотворения «Прусские подвиги», «При виде мертвых пруссаков, плывших по Сене», «Орудию В.Г.», «Письмо к знакомой», «Как? Ты ли прусского страшишься короля?..», «Протест», «Вылазка», «Капитуляция», «Перед заключением мира» — из цикла «Страшный год» В.Гюго. (455 строк, ЦГАЛИ, ф.1784). Не опубликованы.

³ Пумпянский Лев Васильевич (1894-1940) — литературовед, автор работ о Достоевском, Тютчеве, Тургеневе. В 1930-х преподавал в Ленинградском ун-те и консерватории.

⁴ Верю, худшее позади и скоро мы встретимся (англ.).

6

4 мая 1944 года

Дорогой Борис Михайлович, мы обменялись в последний раз письмами полгода назад. Полгода мы про Вас ничего не знаем. Позвольте же опять спросить Вас, что у Вас делается и что предвидится. Надеюсь, что после такой продолжительной паузы я не покажусь Вам не в меру *fâcheux*¹ с моими расспросами. Право же, чувства наши к Вам слишком теплы для того, чтобы мы могли пребывать в полной неизвестности относительно Ваших об-

стоятельств. Понимаю, что Вам по-прежнему не пишется, раз Вы молчите, но я прошу только об одной открытке. Мне и самому не пишется, настолько наша жизнь тяжела и бесперспективна. Но все-таки мы живы, и пускай скудеет в жилах кровь, но в сердце не скудеет нежность. Обнимаем Вас, голубчик, и всех Ваших.

Ваш весь ИМ.

¹ Несносный, надоедливый (фанц.).

7

27 декабря 1944 года

Дорогой Борис Михайлович, полгода я не имею вестей от Вас или о Вас, не знаю поэтому, застанет ли Вас это письмо расположенным к беседе со мною, но не могу не воспользоваться редкой оказией: в Л[енин]гр[ад] едет наша большая приятельница, Анастасия Сергеевна Ляпунова, мыкавшая с нами здесь горе все эти годы; а через месяц вернется сюда, и сможет, таким образом, и Вам про нас, и нам про Вас рассказать. Я попросил ее поэтому снести Вам это письмо и поговорить с Вами вот о каком моем насущном деле.

Вам ведь хочется нас видеть в Лгрде, в конце концов? А между тем для этого еще решительно ничего не сделано, и нашему здешнему сидению еще конца не видать. Этим летом, когда началась общая реэмиграция (не выношу идиотского слова «резвакуация»), меня тоже так потянуло «в мой город, знакомый до слез», что я сделал попытку нечто в этом направлении предпринять. Мне, однако, совершенно неясно было, и до сих пор неясно, что для этого надо сделать. Еще в 41 году в Лгрде Иосиф Яковлевич говорил мне, что я должен для этого подать заявление в Комиссию по частной амнистии при Президиуме Верховного Совета о снятии с меня судимости, хотя я никогда не судился, а подвергался репрессиям в порядке административном. Вышел я из лагеря «без лишения прав», но с указанием в выданном мне паспорте какой-то статьи неопубликованной инструкции милицейским органам, согласно которой не могу быть прописан ни в одном областном городе. Есть ли еще какой-нибудь способ отмены для меня этого ограничения, не достаточно ли, н[а]пр[имер], простого обращения в местное, т.е. в данном случае Лгр-дское Управление НКВД, я не знаю. Как бы то ни было, заявление в Комиссию по частной амнистии я летом написал и послал его моим Московским родственникам. Но мне хотелось, чтобы мою просьбу поддержали Правление

Союза в лице Н.С. Тихонова¹, так как, во-первых, если бы Союз не подтвердил, что я высоко квалифицированный переводчик и что без постоянного контакта со столичными издательствами, библиотеками и писательскими организациями не могу работать, то эта Комиссия могла бы и не понять, почему я не желаю торчать в захолустье; а во-вторых, без помощи Союза не мог бы быть решен и второй кардинальный вопрос — о получении мною жилплощади в Лгр-де (или в Москве). Я поэтому одновременно с заявлением послал моим родственникам два письма для передачи Тихонову — одно официальное, другое в неофициальной форме объясняющее ему, что со мною было, чтобы он понял, что ходатайство за меня скомпрометировать его не может. И вот, представьте себе, до сих пор никакого движения эти бумаги не получили: ни в Комиссию не подано заявление, ни Тихонову не переданы письма. Произошло это, во-первых, оттого, что бедного Леонида Исааковича все это время душила грудная жаба и задушила-таки месяц назад, как Вы, должно быть, слышали; во-вторых, Александр Гаврилович все искал путей к Тихонову, и все медлил с этим делом под размагничивающим влиянием двух его литературных знакомцев, А.Б. Дермана² и Лидии Чуковской³, которые почему-то держатся того мнения, что Тихонов для меня пальцем о палец не ударит. Я же думаю иначе потому, что он уже несколько раз относился ко мне отзывчиво. Вспомните: в 35 году Вы получили его подпись под ходатайством о разрешении мне, по крайней мере, жить в Харькове. Затем, в 41 году, Вы с ним говорили обо мне, и он выразил готовность содействовать моему возвращению в Лгрдское отделение Союза. Наконец, полтора года назад, из заблокированного Лгр-да, он очень любезно и быстро ответил мне на запрос о Вашем местонахождении. Наконец, попытка не пытка, и лучше пытаться безуспешно, чем, не тратя силы, идти на дно.

По всем этим соображениям я решил теперь спросить Вас, дорогой мой, не согласитесь ли Вы перенять у Александра Гавриловича это дело, то есть получить от него эти три бумаги и переговорить с Тихоновым в один из его приездов в Лгр.

Я уже принял это решение, когда прочитал в газете, что Вы избраны в Правление Лгр. отд-ния. Это вышло для меня очень кстати. Ведь в роли члена Правления Вам еще легче говорить с Тихоновым. Наконец, я надеюсь найти сочувствие и в некоторых других новоизбранных членах Правления — в Ахматовой, О.Форш, а особенно в М.Л. Лозинском, так что, предварительно с ними переговорив, Вы могли бы, может быть, просить об этом Тихонова не только от своего, но и от их лица.

Итак, если Вы принципиально готовы оказать мне снова огромную услугу, то напишите, дорогой, Александру Гавриловичу, чтобы он прислал Вам эти бумаги /.../4.

Когда Вы получите эти бумаги, то повидайтесь, пожалуйста, предварительно с Иосифом Яковлевичем. Видеть Вам его нетрудно: он теперь состоит юрисконсультom Лгрдского Литфонда, а телефон у него, вероятно, и домашний есть /.../5. Пусть он Вам скажет, действительно ли нет пути более простого и приятного, чем через эту Комиссию, и если нет, то большая моя просьба к нему, — проверить, правильно ли написано мое заявление. Если — неправильно, то А.Г. Вам одновременно с этими тремя бумагами пришлет чистые листы бумаги с моей подписью, выше которой пусть Иосиф Яковлевич сам напишет заявление как надо. После этого можно, наконец, говорить с Ник. Семенычем. Впрочем, если окажется, что можно действовать проще, т.е. получить для меня разрешение на прописку в Лгрде в Лгрдском НКВД, то, быть может, и не надо обращаться к Тихонову. Может быть Ваше Правление само сделает нужные шаги. Повторяю, мне отсюда все плохо видно, все неясно, и я всецело доверяюсь Вам, Иосифу Яковлевичу и тем товарищам, которых Вы, может быть, еще привлечете к совещанию, как людей компетентных.

Если Вы, все это прочитав, подумаете: «Не такое нынче время, чтобы наняться с тобой», то я с Вами соглашусь. Но если Вы так же хотите нас видеть, как мы — Вас, то этого не подумаете.

Анастасия Сергеевна, надеюсь, привезет нам о Вас вести: расскажите ей, будьте добры, раз Вам трудно писать, все, что меня интересует о Вашей работе, и все, что нас интересует о Вашей жизни.

Обнимаем Вас всех очень крепко.

Весь Ваш ИМ

P.S. И все-таки — с Новым Годом, дорогие! Что поделаешь!

¹ Тихонов Николай Семенович (1896-1979) — писатель. Руководил Ленинградским отделением СП. Секретарь СП СССР с 1944.

² Дерман Абрам Борисович (1880-1952) — литературовед.

³ Чуковская Лидия Корнеевна — писательница, литературовед, редактор.

⁴ Опушен адрес А.Г. Гурвича.

⁵ Опушен адрес И.Я. Рабиновича.

1 ноября 1946 года¹

Дорогой Борис Михайлович, только два слова. Пришла мне в голову смешная параллель, которую мне захотелось Вас немного потешить, если Вам немного грустно от неожиданного реприманда². Помните у Горбунова³: «...Счас он ему грит: — земля вертится, — а тот ка-ак треснет его в ухо! Рази мы, грит, на вертушке живем?» — Вот что по-моему, тютелька в тютельку, случилось с Вами.

За одно: спасибо, милый, за привет, мне пересланный, и за теплый прием, оказанный моей М.А. Помните свое обещание нас навестить или хоть позвонить, когда в Москве будете. Вашим сердечный привет. — Весь Ваш ИМ.

¹ Письмо отправлено из Малоярославца.

² Вероятно, речь идет о статье Б.Рюрикова в газете «Культура и жизнь», после которой Б.М. Эйхенбаум подал заявление с просьбой освободить его от заведования кафедрой. На самом же деле решение Эйхенбаума, скорее всего, было связано со всеми событиями ленинградской литературной жизни лета-осени 1946.

³ Горбунов Иван Федорович (1831-1895) — прозаик, актер, зачинатель литературно-сценического жанра устного рассказа. Автор сб. «Сцены из городской жизни» (Пб., 1919). Цитата приведена не точно: «Таперича, говорит, земля вертится, а Иван Ильич как свиснет его в ухо!.. Разве мы, говорит, на вертушке живем?..» (Затмение солнца. Сцена из московского захолустья. Ук. сб., с.5).

28 ноября 1946 года

Дорогой Борис Михайлович, Ваши оттиск¹ и письмо прождали меня здесь две недели — я отлучился в Москву. Поэтому благодарю Вас за них с таким опозданием. Статью я прочитал с большим аппетитом, а не пишу Вам о ней длинно потому, что не хочу вызывать Вас на ответ — Вы ведь так перегружены. Надеюсь, что хоть летом с Вами наговорюсь. Да, понимаю, как Вам трудно писать и трудно не писать, и от души Вам сочувствую. На сей раз, впрочем, Вы, надеюсь, гарантированы от заушения, во-первых, потому, что, кажется, *bis in idem*² не полагается — слишком много других дожидаются своей очереди, — а, во-вторых, оттого,

что, как будто, тут это в исправности. Ну, а если все же... то вспомните неологизм наплеvizм. Обнимаю Вас и, как французы говорят, прошу повергнуть меня к ногам Раи Борисовны. Марья Абр. целует Вас всех.

Сердечно Ваш ИМ

¹ Возможно, оттиск доклада «О взглядах Ленина на историческое значение Толстого», прочитанного на научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения В.И. Ленина в Ленинградском ун-те. Первая редакция относится к апрелю 1945.

² Дважды в одно место (лат.).

10

3 декабря 1946 года

Дорогой мой, бедный Вы мой Борис Михайлович,

Как ни пришиблены мы оба этой страшной вестью, как ни подбало бы в такую минуту молчать, — не могу молчать. Слишком сильна боль за Вас, чтобы ее не выразить. Выражу — и замолчу.

Страшно то, что мы себе Вас как-то даже не представляем без Раи Борисовны. Мы едва ли не единственные Ваши друзья, способные *вполне* понять Ваше горе, потому что мы так же неразлучны, и даже, кажется, столько же лет неразлучны, как были Вы.

Три года тому назад Марья Абрамовна умирала от сыпного тифа, и врач сказал мне однажды вечером, что надежды нет, и затем я несколько дней переживал приблизительно то, — ту муку, которая Вас изводит теперь. Я слишком знаю, что это за ужас. И если Вам может быть хоть чуть-чуть легче от сознания, что есть у Вас друзья, которые эту Вашу пытку вполне ощущают, — мне, по крайней мере, в страшные минуты моей жизни от такого сознания чуть-чуть легче бывало, — то пусть это сознание будет у Вас, мой дорогой.

Вы не знаете, сможете ли работать. Но ведь в работе теперь единственное Ваше спасение. Вы должны смочь, потому что иначе не сможете жить, а жить хотя бы для Оли и внучки Вашей Вы ведь еще обязаны. Пусть даже работа опять, как в Саратове, станет для Вас только средством забыться, только алкоголем, — работайте, умоляю Вас.

Обнимаем Вас, плачем с Вами.

Ваш весь ИМ

27 июня 1948 года

Милый друг Борис Михайлович, Ваши lumières¹ мне сейчас очень нужны. Только что я впервые в жизни прочитал «Мир как воля и представление»², и, не имея под рукою никаких книг (не только Вами написанных, но просто никаких) для наведения справок, очень прошу Вас черкнуть мне, в каком году прочитал эту вещь в первый раз Толстой. Мне очень хотелось бы проверить в связи с этим предположение относительно его Werdegang³. — Если Вы заодно расскажете Марье Абрамовне и мне, — в двух словах (о большем их числе не просим, потому что знаем, как Вы заняты), — как Вам дышется и работается, то Ваша ответная открытка доставит мне тем большее удовольствие.

Обнимаю Вас крепко, и Олю, и внучку.

Весь Ваш ИМ

¹ Познание (франц.).

² Главный труд немецкого философа Артура Шопенгауэра (1788-1860).

³ Становление (нем.).

5 декабря 1950 года¹

Дорогой Борис Михайлович, вот выписка из протокола нашего семейного заседания от сего числа:

Слушали:

Постановили:

Догадку Б.М. о Муравейных братьях и зеленой палочке².

Считать догадку на редкость остроумной и тонкой.

Как жаль, что Вы ее в свое время не сообщили самому Льву! Обнимаем Вас при сей okazji и желаем Вам здоровья, здоровья и еще раз здоровья, и еще много таких находок.

Ваши Мандельштамы — один мужчина и две дамы³.

¹ Последнее известное письмо И.Б. Мандельштама к Эйхенбауму.

² Речь идет о статье Б.М. Эйхенбаума «Легенда о зеленой палочке» (Огонек, 1950, №47, с.23-24), в которой автор раскрывает истоки детской фантазии Николеньки (старшего брата Л.Толстого) и связь ее с декабристскими идеями.

³ Аллюзия подарочной надписи, сделанной Б.М. Эйхенбаумом на книге «Маршрут в бессмертие. (Жизнь и подвиги глухонемого дворянина и международного лексикографа Н.П. Макарова)». — М.: Советская литература, 1933: «Милым Мандельштамам (мужчине и двум дамам) дарит автор эту злую оперетту. С любовью и исправлением главных опечаток. Б.Эйхенбаум. 24.2.34».

ДНЕВНИКИ
ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ
МАРГИНАЛИИ

ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ ДАНИИЛА ХАРМСА

Публикация А.Устинова и А.Кобринского.

Ищи то, что выше того, что ты
можешь найти.

Зря слов не пиши.

Даниил Хармс¹

Составляя в 1933 году один из своих многочисленных списков, в данном случае на тему «Что я люблю?», Даниил Хармс включил туда, в частности, два пункта: «Люблю писать», «Люблю записные книжки»². В этой записи он констатировал отношение к собственному творчеству, имевшему принципиальное значение в его биографии, равно как и самый характер творчества, с начала 1930-х годов практически не выходящего за пределы записных книжек и письменного стола. Записные книжки, в свою очередь, оказались совершенно особым видом литературной деятельности Хармса — он вел их на протяжении почти двадцати лет с начала 1920-х до конца 1930-х годов. Они стали основнымместилищем его заметок и впечатлений, не предназначенных для постороннего чтения, в некотором смысле заменяя дневник, который Хармс пытался начать вести несколько раз, но, как кажется, постоянно оставлял эту затею. Более или менее систематически и развернуто Хармс вел свои автобиографические записи, вернувшись из Курской ссылки. Именно эти страницы, вырванные из Гроссбуха, он называл дневником (запись от 22 ноября 1932 года). Остальные отрывки дневникового характера, не представляя собой определенного единства, в отличие, например, от тетради «Случай», сохранились в архиве Хармса в виде отдельных листков, заметок, служебных бланков, на обороте которых писал Хармс. В своей заметке «Д.Хармс и А.Введенский» один из ближайших друзей обоих поэтов философ Я.С. Друскин отмечал одну из особенностей хармсовского архива:

¹ ГПБ. Ф.1232. Ед.хр.368. Л.4об.

² Записная книжка №26 1933 года (частное собрание, г.Ленинград).

Под некоторыми стихотворениями или рассказами Хармса его рукой написано: «хорошо», «плохо», «очень плохо», «отвратительно». Если автор находит свой рассказ не только «очень плохим», но даже «отвратительным», он уничтожает его. Даниил Иванович сохраняет. Почему?

Перебирая бумаги Хармса, я нашел среди них записи расходов, перечни продуктов, которые надо купить. Но если расходы уже сделаны, продукты куплены, зачем сохранять эти записи?

Еще пример: на клочке бумаги рукой Л.Липавского написано: «Сегодня собираемся у Я. (т.е. у меня — Я.Д.). Введенский знает, сообщите Олейникову». Д.И. сохраняет и эту записку. Зачем?

Мне кажется, у Д.И. было, может, неосознанное ощущение ответственности за каждое слово, записанное или сказанное хотя бы мысленно: «За каждое сказанное слово дадите ответ на Суде»³.

Подобная педантичность Хармса в отношении к собственным записям предоставляет возможность реконструкции его автобиографических заметок, оставшихся вне записных книжек, которая предпринята в настоящей публикации.

Дневниковые записи Хармса, как можно условно охарактеризовать эти сохранившиеся материалы — весьма важная часть его наследия и чрезвычайно существенная в том смысле, что в большой мере лишена литературной стилизации, которой Хармс неизменно сопровождал свою эпистолярно, превращая письма в особый вид творчества, подобно Вяческому, внимательно следившему за стилем своих писем и считавшему, что они — лучшее из того, что им написано. Это отнюдь не значит, что дневниковые записи, представая конспектом встреч или рассуждениями о произошедших событиях, лишены художественности, скорее наоборот, но доля автобиографизма в них значительно превосходит художественные особенности жанра дневника. Именно поэтому, наряду со ждущими своей публикации записными книжками, дневниковые записи предстают документальным источником для до сих пор ненаписанной биографии Хармса и фактическим свидетельством для создания истории эпохи 1920-30-х годов, несмотря на собственное ироническое предостережение о невозможности «ловить эпоху»⁴, в которой Хармс, при всей его изолированности, занял особое место.

Появление Хармса на петроградской литературной сцене состоялось в группе Александра Туфанова, в котором Хармс находил воплощение продолжателя идей и дела Велимира Хлебникова. Его собственная ориентация на творчество Хлебникова в ранних опытах⁵ кажется совершенно закономерной для литературной молодежи 1920-х годов, ставшей свидетельницей постановки «Зангези», осуществленной В.Е. Татлиным на сце-

³ ГПБ. Ф.1232. Ед.хр.19.

⁴ Даниил Хармс. Полет в небеса. Стихи. Проза. Драммы. Письма. Л., 1988. С.448.

⁵ См.: Ж.-Ф. Жаккар, А.Устинов. Заумник Даниил Хармс: начало пути // *Wien-er Slavistischer Almanach*. Bd.25. Wien, 1991.

не ГИНХУКа в 1923 году и создавшей культ «Председателя Земного Шара». «Немножко, особенно в профиль, — вспоминал А.И. Пантелеев, — он [Хармс] был похож на Хлебникова, и его это радовало (не могло не радовать): как и все Обериу [sic!], он считал себя — и был — почитателем и последователем великого поэта»⁶. Хармс принял деятельное участие в объединении «левых сил» искусства в это время. Его записи фиксируют попытки консолидации «Ордена заумников DSO», группы Матюшина «Зорвед» и «Воинствующего Ордена Имажинистов». Как отмечает М.Б. Мейлах, у Хармса «сильно был развит организаторский талант», он «много сил отдавал попыткам внешней реализации в формах левого движения, — реализации, становившейся все более затруднительной и, к концу двадцатых годов, сделавшейся полностью невозможной»⁷. Деятельность «Левого Фланга», в сущности, опровергла тезис Г.О. Винокура о том, что авангардная поэзия 1920-х годов не ориентирована на традицию Хлебникова⁸. Объявление ОБЭРИУ — было воплощением этой традиции и выражением апологии Хлебникова, предполагая новый альтернативный путь для уже заторможенной литературы. Выработка программы группы, сплочение художников, близких по творческим установкам, заново провозглашенный синтез искусств — это повторение футуристических идей и выступлений — в конце 1920-х годов приобрело иное значение, поскольку теперь, в ситуации классового подхода к искусству, подобная деятельность была расценена как «реакционное жонглерство» и «контрреволюция». ОБЭРИУ оказалось последним союзом «левого искусства», запрещение которого ознаменовало конец русского авангарда. Как писал Хармс в одном из стихотворений этого времени:

А ныне пять обэриутов,
еще раз повернувшие ключ в арифметиках веры,
должны скитаться меж домами

За нарушение привычных правил рассуждения о смыслах⁹.

Характерно, что упразднение ОБЭРИУ совпало по времени с прекращением официальной издательской деятельности А. Крученых. В то же время попытки некоего литературного самоопределения Хармса в конце 1920-х годов были прерваны незначительным постановлением 1929 г., по которому Хармса, Введенского и других «левых», в том числе и Мандельштама, исключили из Союза Поэтов по причине неуплаты членских взно-

⁶ Возможность ознакомиться с мемуарными записками А.И. Пантелеева была любезно предоставлена нам С.А. Лурье, хранителем архива писателя, и Е.Д. Прицкером, расшифровавшим эти воспоминания. Приносим им нашу благодарность.

⁷ М.Мейлах. Предисловие. // Александр Введенский. Полное собрание сочинений. Т.1. Ann Arbor: Ardis, 1980. С.ХVI.

⁸ «...Мнение, будто Хлебников — исток новой поэзии, так охотно поддерживаемое его поклонниками, — основано на явном преувеличении и несомненно искажает историческую перспективу. Хлебников своей традиции не создал. Традиция русского футуризма есть, конечно, традиция Маяковского, а не Хлебникова» — Г.Винокур. Хлебников. // Русский современник. 1924. №4. С.224. См.: Л.Флейшман. Маргиналии к истории русского авангарда. (Олейников, обэриуты). // Н.М. Олейников. Стихотворения. Bremen: K-Press, 1975.

⁹ Даниил Хармс. Собрание произведений. Кн. 3-я. Bremen: K-Press, 1980. С.36.

сов за месяц до создания единой организации литературных работников¹⁰. Создание Всероссийского Союза советских писателей обозначило окончательный перелом в литературной политике. Наступившее время унификации литературы поставило проблему нравственного выбора в создавшейся культурно-исторической ситуации. Хармс и Введенский избирают репутацию детских писателей, для которых основным остается «потаенное» творчество, известное небольшому кругу друзей.

Хармс обратился к детской литературе, как к возможности заработка, но со свойственной ему последовательностью превратил ее в одну из вариаций своей деятельности и даже пытался как-то разрабатывать ее жанры, о чем свидетельствует заметка следующего содержания:

Веселые, интересные и грустные.

Веселые годящиеся для всех возрастов. Лишенные почти всякого смысла. Болтливые, с ясной схемой или с обрубленным концом. Получается такой звук, похожий на пузырь из слюной, который выдувает маленький мальчик. Выдул да не до конца, как мыльный. Вернее по схеме вещь получилась почти законченной, но нет конца, потому что нет середины.

Сюжет такой вещи должен отличаться отсутствием [именно] тех сцеплений, которые делают сюжет сюжетом¹¹.

Применяя переработанные положения поэтики ОБЭРИУ, Хармс добился значительного признания именно как детский писатель, когда о его «детских» произведениях мало кто подозревал. Однако эта «экологическая ниша», каковой была для многих писателей и художников в 1930-е детская литература, оказалась ненадежной и такой же опасной областью «новой социалистической культуры», не желавшей признавать отклонений от «генеральной линии». Последовавшие за публичным запрещением выступлений группы разыгранное дело Детского сектора Госиздата, арест и высылка Хармса и его соучастников по «контрреволюционной организации в детской литературе»¹² определили невозможность существования неконвенционального творчества вне подполья.

В 1930-е годы, наиболее плодотворное время своей творческой эволюции, Хармс переходит на положение «домочадца от литературы», самоизолируясь от литературной жизни. Он сам выбирает эту позицию, стремясь остаться вне событий. Аполитизм («злостодневная политика ему претила», — отмечал Пантелеев), деятельность в стороне от главных дорог новой жизни — оказываются важными чертами мировоззрения Хармса. «А мы всегда немного в стороне, всегда по ту сторону окна, — записывает он в предисловии к незаконченному рассказу. — Мы не хотим смешиваться с другими. Нам наше положение, по ту сторону окна, — очень нравится¹³. Путь, избранный Крученых, названным Н.И. Харджиевым «отцом

¹⁰ Ж.-Ф. Жаккар, А. Устинов. Указ. соч.

¹¹ ГПБ. Ф.1232. Ед.хр.79.

¹² См.: А.Б. Устинов. Дело Детского сектора Госиздата 1932 года (предварительная справка). // Михаил Кузмин и русская культура XX века. Тезисы и материалы конференции 15-17 мая 1990 г. Л., 1990.

¹³ ГПБ. Ф.1232. Ед.хр.219. Л.24.

русского самиздата», был совершенно закономерным для Хармса и его сотоварищей, непечатавшихся и прежде. Собственно, вся история издательской деятельности Хармса — это история невышедших альманахов: «Радикс», «Ванна Архимеда», «Атом». Его творчество оказывается на правах «литературы для себя», не выходящей в печать прежде по невозможности, а теперь — уже принципиально отрицающей вероятность существования печатной литературы. Хармс не имел, да и не искал возможности публиковаться. Одним из воплощений этой позиции без сомнения явился план издания «домашнего журнала» «Тапир»¹⁴, программа которого явно не соответствовала канонам социалистического реализма.

Именно в 1930-е годы дневниковые записи становятся особой формой творчества, где замечания «бытового характера» неизменно сопровождаются набросками стихотворений, рассказов или драматических сцен. Хаотичные заметки дают сюжеты для историй и «случаев». Поэтика случайного определяет прозу Хармса — любое произведение зависит от случайности — не только какого-то события, но и возможности это событие зафиксировать. Творчество Хармса 1930-х годов сосредоточено в рамках ежедневной деятельности, четкой наблюдательности и анализа происходящего, которое превращается в материал. Он максимально схематизирует свое творчество, создает особую презумпцию «случая», когда действие текста зависит от случайного события, дающего толчок продуманному повествованию. Характерны в этом смысле невоплощенные «темы для рассказов», более всего напоминающие уличные впечатления, с четкой бытовой причиной, но с разработанным следствием, доведением ситуации до окончательного завершения, когда собственно повествование уже не может продолжаться. Ситуация как таковая может быть неизвестной, но ее художественное воплощение ставит все точки над «и».

Литература и жизнь теперь не только взаимообосновывают друг друга, но и предполагают резкий поворот в творчестве, заменяя метафорическую стилистику, пропагандировавшуюся «ОБЭРИУ», собственно «реальным искусством». Нельзя не отметить тщательную разработку Хармсом какой-либо темы, когда он неоднократно возвращается к тому же сюжету и представляет его в разных плоскостях. Таковы размышления Хармса об «идее» в творчестве¹⁵:

Интересно, что [все] почти все великие писатели имели свою идею и считали ее выше своих художественных произведений. Так, например, Blake, Гоголь, Толстой, Хлебников, Введенский.

через несколько страниц в своде миниатюр о Гиммелькумове, Хармс подвскакивает свои размышления иронической проверке:

Гиммелькумов искал внутреннюю идею, чтобы на всю жизнь погрузиться в нее. Приятно быть в одном пункте как бы сумасшедшим. Всюду и во всем видит такой человек свой пункт. Все на его мельницу. Все имеет прямое отношение к любимому пункту.

¹⁴ Объявление о создании журнала опубликовано А.Кобринским: «Битва со смыслами» Даниила Хармса. // Литератор. №13(18). 20 апреля 1990 г.

¹⁵ Записная книжка №26 (май 1933).

еще через несколько страниц он персонифицирует сказанное выше:

25 июня 1933 года.

Ставлю себе на вид, что так бездельничать больше нельзя.

Надо писать каждый день.

Надо уйти в идею и служить ей.

Намеренный автобиографизм становится приемом создания нового стиля и соответственного внесения литературы в быт, которое предполагает остранение и пародирование узаконенных условностей и установленного порядка. Примером подобной пародии и на бытовом, и на литературном уровне можно считать «Автобиографию», где приемы бюрократического письма и сама распространенность в это время жанра писательской автобиографии последовательно доведены до абсурда. Собственно биографические реалии здесь условны и подвержены максимальной художественной трансформации.

Дневниковые записи Хармса заставляют изменить сложившиеся представления о нем, как об экстравагантном дэнди, неизменно таинственном субъекте, мрачном, едва ли не inferнальном, шутнике и в то же время «истинном и радостном чуде», как он был наречен уже не современниками, но писавшими о нем в недавнем прошлом. Эти записи проводят четкую границу между «литературной личностью» Хармса, его авторским поведением, созданной им самим провокационной авторской мифологией и запечатленным в них образом болезненного, ранимого, предельно замкнутого и чрезвычайно внимательного человека, для которого творчество становится необходимостью, избранным путем, возможностью запечатлеть слово. Хармс постоянно ставит себе задачи, типа: «Я хочу писать. Я хочу очень много и очень хорошо писать. Я хочу писать очень много очень хороших стихов»¹⁶ — или вырабатывает «Правила жизни» (запись ноября 1927 г.), которые обращают на себя внимание потому, что оказываются максимально требовательными к самому поэту, касаясь прежде всего литературы и неизменно требуя точности и последовательности в творчестве. «Нужно ли человеку что-либо помимо жизни и искусства? — пишет он К.В. Пугачевой 16 октября 1933 г. — Я думаю, что нет: больше не нужно ничего сюда входит все настоящее»¹⁷.

Как свидетельствуют мемуаристы, в отличие от Введенского, использовавшего любую возможность для чтения своих вещей, Хармс с удивительным упорством отказывался от обнародования своего творчества, особенно в тридцатые годы. А с переездом Введенского в Харьков, Хармс потерял своего главного читателя и слушателя, мнением которого о своих произведениях он, как кажется, дорожил более других. Его творческая самоизоляция, бытовая неприкаянность, личная неустроенность определяют основное содержание его записей второй половины 1930-х годов в той мере, в какой записи предыдущего десятилетия отмечены общественной деятельностью и утверждением Хармсом себя как поэта. Строки дневника четко фиксируют разлад между благими замыслами и тем, что ему

¹⁶ Записная книжка №25 (апрель 1933).

¹⁷ Даниил Хармс. Полет в небеса. С.484.

удается создать («Что делать, чтобы лучше писать?»). В своих записях он постоянно жалуется на собственную неудачливость, потерю надежды, подчас фаталистически уповая на чудо, подобно герою его новеллы «Утро», замечающему: «Я просил Бога о чуде, чтобы я понял, что мне нужно написать»¹⁸.

Из дневника становится очевидна свойственная русской литературе изоморфность творчества и веры. Отношение Хармса к религии — один из наиболее сложных вопросов в его биографии, требующий специального рассмотрения. Хармс относился к поколению 1920-х годов, которое пережило переворот в отношении к вере, когда официальной религией нового общества стал атеизм. Для Хармса, унаследовавшего веру от отца, твердо придерживавшегося православия, творчество не могло не существовать в религиозном измерении, что создавало сложности уже в начале его писательского пути. Среди черновиков Хармса сохранился говорящий сам за себя обрывок письма неизвестного редактора:

.../ [благо]получно. М[ожет] б[ыть] разумнее будет «судьбу» на последней странице (в тексте «бог») заменить *случаем* или чем-нибудь еще более невинным. Если у Вас возникнут какие-либо недоумения, Даниил Иванович, — звоните мне (5-97-33), я все время дома.

Лнгр, 1 окт. 1928 г.

С приветом!

Эм.Т.¹⁹

Характерно, что в это же время (24 декабря 1928 г.) переводчик Давид Выгодский по другому поводу записывает в дневнике:

Сегодня Зоя [Никитина] принесла из Гублита первый том Ахматовой. Выбросили 18 стихотворений. Все, где есть «Бог», «Молитва», «Христос» и т.п.²⁰

Хотя вера Хармса далеко не соответствует канонической, о чем свидетельствует создание им пантеона собственных божеств, именам которых он придает значение начала: Алеф (или Алаф, как прочитывает Хармс) — первая буква еврейского алфавита А, Iти — японский иероглиф, обозначающий единицу, — в своих дневниковых записях он постоянно обращается к Богу. В основном, это просьбы о помощи в личной жизни или в творчестве:

Есть выражение — муки творчества, нет, творчество — благодать, а муки — пока не творишь. .../ Хочу в 1927 году — я не смею хотеть, я прошу, молю, пошли мне 1927 год творческим и свежим. Сделай, чтобы я за этот наступающий год написал бы раз в 5 больше и раз в 1000 лучше, нежели за 1926. Д.Х.²¹

Хармс создает особый жанр «литературных молитв» («Господи накорми меня телом твоим...») — вписана в дневник), где, обращаясь к Богу, он уповает в безвыходной ситуации 1937 года, когда его перестают печатать: «Да будет воля Божья во всем».

¹⁸ Op. cit. С.442.

¹⁹ ГПБ. Ф.1232. Ед.хр.368. Л.7.

²⁰ Р.Д. Тименчик. Предисловие. // Анна Ахматова. Requiem. М., 1989. С.11.

²¹ Записная книжка №8. Запись от 8 декабря 1926 г.

Дневниковые записи Хармса представляют исключительную возможность ощутить абсолютную безысходность художника, не отвечающего стандартам творчества в конце 1930-х годов. Запись 1937 года: «Полная импотенция во всех смыслах» — имеет прежде всего культурную коннотацию. Невозможность печататься, выступать, выставлять картины породила осознание полного бессилия перед эпохой «непросвещенного абсолютизма», по меткому замечанию А.Б. Мариенгофа. Это бессилие повествователя «Старухи», который, даже чувствуя вдохновение, не может написать больше одного предложения. Изъяны «великого перелома» исподволь проникают в творчество Хармса уже в конце 1920-х годов²². В дневниковых записях литературное движение и общественная ситуация отходят на второй план, заслоненные перипетиями личной жизни Хармса. Но и при этом мимоходные упоминания Хармсом трагических событий этого времени, например, паспортизации 1933 г., позволяют предстать их сокрушительность для человеческой жизни. Так, запись случайно услышанной радиопередачи с похорон Кирова вызывает в памяти «Кировский поток» 1935, когда в числе петербургских дворянских семей из Ленинграда были высланы родители Юрия Владимировича. Более частное упоминание вечера у Русаковых с участием Виктора Сержа заставляет обратиться к трагической судьбе Эстер Русаковой и Бенедикта Лившица²³. Тема «борьбы с голодным временем», по выражению Манделштама, становится основной в записях, совпадающих с разгоном Маршаконской редакции Детгиза²⁴, когда, избежав ареста, Хармс лишился возможности печататься и хотя бы как-то поддерживать свое существование. Фантазмагория «тюрем и ссылок», жестокости и безжалостности воплотится в его последнем из известных рассказов «Реабилитация», наполненном патологическим ужасом перед «великой эпохой».

Дневники Хармса — это не записки великого человека, в отличие от дневников Достоевского или Блока, определявших культурное движение своего времени, по которым пишется история. Это автобиографические заметки интеллигента «поколения на повороте», по определению Л.Я. Гинзбург, которые ценны как одно из частных свидетельств, имеющих чрезвычайно личный характер и представляющих прежде всего самого автора в повседневной жизни, так же, как его произведения представля-

²² См.: Лазарь Флейшман. Об одном загадочном стихотворении Даниила Хармса. // *Stanford Slavic Studies*. Vol. I. Stanford, 1987.

²³ Во время подготовки публикации нам стали известны, в частности, сведения, что возможной причиной ареста семьи Русаковых осенью 1937 г. были открытки, которые посылал Виктор Серж после изгнания из России. Во время конференции «Михаил Кузмин и русская культура XX века», состоявшейся в мае 1990 г., М.В. Толмачев сообщил нам, что ему известна подобная версия ареста Лившица, взятого в то же время и расстрелянного, согласно справке УКГБ по Ленинграду и Ленинградской области, — 21 сентября 1938 г. одновременно с В.А. Зоргенфреем, В.О. Стеничем и Ю.И. Юркуном.

²⁴ См. ценнейшие мемуарные свидетельства: Лидия Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. 1952-1962. Paris: YMCA-Press, 1980; А.Любарская. Хуже, чем ничего. // *Нева*. 1989. №1. С.206-208; А.Любарская. Как это было. // *Нева*. 1990. №10. С.206-207.

ют его как художника. Сам Хармс совершенно четко разграничил свою деятельность на «записи» и «вещи». Если первые были констатацией его ежедневной жизни, со всеми бытовыми и личными бедствиями, то проза, стихотворения, драматические сцены являлись художественным отображением происходящего в Ленинграде 1930-х годов, именно в Ленинграде, жестко определенной новой географической точке, с которой Хармс имел мало общего. Он жил в Петербурге, как он неизменно называл улицы, площади, каналы города, от которого вряд ли теперь может быть отторгнут и которому он остался верен до конца своих дней. Вряд ли возможно интерпретировать «вещи» Хармса вне «Петербургского текста русской литературы».

Его положение по отношению к городу-мифу оказалось двойственным. С одной стороны, он, подобно Ахматовой и Кузмину, несмотря на значительную разницу в творческих установках, стал одним из последних хранителей петербургской культуры. Тема Петербурга проникает уже в ранние стихи Хармса со всеми особенностями, имплицитными характеристиками и колоритом «Петербургского текста». Дневник дает иное измерение его отношения с городом, открывая, прежде всего, блестящее знание Хармсом города, его особой жизни. Бесконечные прогулки по «Пескам», пешеходные путешествия на Петербургскую сторону на собрания «чинарей», поездки в Новую деревню в Буддийский храм — все это отражено в дневниковых записях. Петербургский колорит проникает и в наиболее сокровенные тексты Хармса — записанные в дневник молитвы, где он обращается к петербургской Святой Ксении Блаженной. Воплощением пафоса сохранения петербургской культуры стал и своеобразный список «Естественные [sic!] Мудрецы»:

- 1) Александр Алексеевич Башилов.
- 2) Алексей Петрович Эйснер.
- 3) Лев Константинович Лисенко.
- 4) Константин Дмитриевич Травкунов.
- [5] Евгений Эдуардович Сно.]
- [6] Алексей Александрович Пастухов.]
- [7]] 5) Александр[р] Васильевич Туфанов.
- 6) Константин Константинович Олимпов.
- 7) Петр Николаевич Матвеев (философ Нонэсма).
- 8) Рыболов (из общины)²⁵.

Подобно пыляевскому собранию замечательных чудаков и оригиналов, это коллекция петербургских чудаков, выразителей особого духа города. «Хармс был сыном (человеком) города, а еще точнее: города Санкт-Петербурга и его окрестностей, — писал в своих воспоминаниях А.И. Пантелеев. — /.../ Хармс выезжал из Ленинграда (из Санкт-Петербурга) единственный, по-моему, раз — в 1932 году. И не по своей воле».

С другой стороны, Хармс, как и Вагинов, видимо, должен рассматриваться, по определению В.Н. Топорова, «как закрыватель темы Петербу-

²⁵ Копия этого списка была любезно предоставлена нам Вл.Эрлем.

рга, "гробовых дел мастер"²⁶. Одновременно с автором «Козлиной песни», произнесшим в Предисловии: «Теперь нет Петербурга. Есть Ленинград; но Ленинград нас не касается — автор по профессии гробовщик, а не колыбельных дел мастер»²⁷, Хармс в «Комедии города Петербурга» создал Летербург, констатировав погребение «бледного Петербурга», на месте которого возникает «неземной сквозняк», а повестью «Старуха» поставил последнюю точку в «Петербургском тексте русской литературы», написав эсхатологическую притчу об умершем Городе и обратив его в обитель мертвых и некрополь воспоминаний.

При том что эти записи чрезвычайно интересны для историка культуры этого времени и в смысле ее особого положения — обреченной не на развитие, а на выживание и самосохранение, и в смысле упоминаемых Хармсом исторических персонажей, нельзя не отметить, что в основном по страницам его записей проходят не фигуры первого плана, а представители узкого круга его друзей и знакомых. Описания встреч с ними и «разговоров», в терминологии Л. Липавского, создают совершенно необходимое для понимания времени «житейское измерение» дневниковых записей. Для многих из названных здесь имен строки дневника останутся едва ли не основным источником их упоминания. Большинство страниц автор посвящает именно тем, кого он считал самыми близкими людьми и на кого прежде всего полагался: Э.А. Русаковой, Т.А. и Л.С. Липавским, А.И. Введенскому, Я.С. Друскину, М.В. Малич. Кто не оставил, в отличие от С.Я. Маршака, К.И. Чуковского, Е.Л. Шварца, заметных следов в истории 1930-х годов, но кто остался верен ему даже после его смерти. Именно Малич и Друскин пришли на Надеждинскую после ареста Хармса и, подобно О.Н. Гильдебрандт-Арбениной, прятавшей уцелевшие бумаги М.А. Кузмина и Ю.И. Юркуна²⁸, спасли его архив. Другая история, подтверждающая эту дружбу, которой мы позволим себе закончить эти заметки, была рассказана нам во время подготовки публикации Викторией Александровной Каменской.

3 января 1942 года ее мать, Валентина Ефимовна Гольдина, в квартире которой на Большом проспекте «чинари» собирались не менее часто, чем у Липавских, отправилась через два моста на Шпалерную в ДПЗ с новогодне-рождественской передачей к Хармсу. Какой была эта блокадная зима, известно из воспоминаний Л.Я. Гинзбург. Передачу ей вернули, сообщив, что заключенный Хармс скончался. Преодолев обратный путь через те же два моста, потрясенная Валентина Ефимовна обвела дату 3 января в карманном календаре на 1942 год и написала на полях: «Умер

²⁶ В.Н. Топоров. Петербург и Петербургский текст русской литературы. (Введение в тему). // Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам XVIII. Тарту, 1984. С.15.

²⁷ Конст. Вагинов. Козлиная песнь. Труды и дни Свистонова. Бамбочада. Составление А.И. Вагиновой. Подготовка текста, вступительная статья Т.Л. Никольской. М., 1989. С.20.

²⁸ См. публикацию Г.А. Морева «письма на тот свет» (13.02.1946) О.Н. Гильдебрандт-Арбениной Ю.И. Юркуну. / Михаил Кузмин и русская культура XX века. Тезисы и материалы конференции 15-17 мая 1990 г. Л., 1990.

Д.Х.» Соврали ли тюремщики, не желая возиться с передачей и искать заключенного Хармса, который, возможно, был перевезен тогда в «Кресты» или в Тихвинскую тюремную больницу, или сказали правду — неизвестно, обстоятельства его смерти остаются невыясненными до сих пор²⁹. Валентина Ефимовна сохранила этот календарь, фотографии Хармса, Введенского, Друскина, Липавских, другие мелочи из того времени, эти мгновения искренней дружбы и преданности, как свидетельство памяти о Данииле Хармсе, в надежде на то, что, как писал современник Обзриутов Андрей Николев:

найдется потом, кто их опишет,
эти ахи и охи, вздохи
занимательнейшей, увы, эпохи³⁰

***

Записные книжки составляют значительную и неразработанную часть наследия Хармса. несмотря на обращение к ним исследователей как к важному корпусу фактов и текстов уже в первых статьях об ОБЭРИУ³¹, они до сих пор известны более в форме цитат в работах М.Б. Мейлаха и Вл.Эрля³². При том, что записные книжки в большей своей части уцелели и в практически полном составе находятся теперь в частном собрании (г. Ленинград), публикаторам, по независящим от нас причинам, они остались фактически недоступны. Подготовка их к печати и публикация как единого целого — дело будущего. В настоящей работе, имеющей сугубо предварительный характер, мы в основном ограничились материалами, хранящимися в фонде Я.С. Друскина в Отделе рукописей ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (Ф.1232), попытавшись реконструировать дневнико-

---

²⁹ Характерна в этом смысле запись А.И. Пантелеева: «В начале июля (или в конце июня) 1942 года я был реабилитирован. Эта операция происходила в Большом доме и продолжалась свыше шести часов. /.../ Меня спрашивали о близких мне людях. Среди прочих я назвал Д.Хармса и сказал, что он погиб ни за что...

— Как погиб?

— Он умер.

— Что мы его арестовали, мы знаем, а то, что он умер, нам неизвестно, — отвечал мне один из двух следователей.

О смерти Д.И. мне сказала, если не ошибаюсь, Наталия Леонидовна Дилаторская. Вероятно, это было летом 1942 года».

³⁰ Десять стихотворения Андрея Николаева. Вступительная заметка и публикация Глеба Морева. // Равноденствие (Москва). 1989. №2.

³¹ Собственно большинство положений ранних статей А.А. Александрова основано на материалах записных книжек.

³² Прежде всего, это вступительная статья, комментарии и приложения в двухтомнике А.И. Введенского: Александр Введенский. Полное собрание сочинений. Ann Arbor: Ardis, 1980; 1984; и комментарии к вышедшим четырем книгам издания: Даниил Хармс. Собрание произведений. Bremen: K-Press, 1978-1988; а также статья М.Мейлаха «О "Елизавете Бам" Даниила Хармса (предыстория, история постановки, пьеса, текст)» — Stanford Slavic Studies. Vol.I. Stanford, 1987) и публикация Вл.Эрля в «Митинем журнале» и «Транспонансе» (см. комментарии).

вые записи Хармса, рассеянные по всему фонду (ед.хр.219, 368 и др.), и в основном собранные в единицах хранения 74 и 76. Рукописи, представленные в этих единицах хранения, стали материалом для первой публикации дневниковых записей, осуществленной Ж.-Ф. Жаккаром³³ и последовавшей за ней более объемной, но в основном повторяющей первую — публикации В.Глоцера³⁴.

Когда настоящая работа была уже завершена, нам удалось, благодаря любезности Вл.Эрля, ознакомиться с копией практически полного корпуса записных книжек. Пользуясь предоставленным разрешением Владимира Ивановича, мы сочли возможным ввести в предлагаемую публикацию отдельные выдержки из них, соответствующие времени, не отраженному, в дневниковых записях. Материалы записных книжек, имеющие, на наш взгляд принципиальный характер, — использованы в комментариях.

***

[не позднее 8 ноября 1924 г.]

Читай сидя за столом и имей при себе карандаш и бумагу. Записывай мысли из книги, а также и свои, мелькнувшие из-за чтения или по другой какой причине.

(Папа)¹

Часто женщина отказывает в том, что сама страстно желает.

(Куприн)

Френология
физиогномия
хиромантия
монтеристика (по пальцам)
херософия (по ногтям)
графология²

Глупый не может выделить существенное от случайного.

³³ Жан-Филипп Жаккар. «Да, я поэт, забытый небом...» К выходу в свет четвертого тома Собрания произведений Даниила Хармса. // Русская мысль. №3730, 24 июня 1988. Литературное приложение № 6. С.11-12.

³⁴ Дневник Даниила Хармса. Из дневника 1933-1938 гг. Публикация Владимира Глоцера. // Книжное обозрение. №3, 19 января 1990. С.8-9.

Хвастовство глупого человека искренно; хвастовство умного — носит злой, несимпатичный характер.

Прелюды

- 1) Миниатюр[ная]
- 2) Прелюда смерти
- 3) Из «Колокола»
- 4) Огненный снег
- 5) Восточную
- 6) Фуга
- 7) Военная
- 8) Новая

[1925]

16 марта. Продал Виктору велосипед и куртку за 25 руб. 6 руб.
— долой.

Вторник 8 ч. у Туфанова. D.S.O.³

Пятница 7 ч. Химия.

9 ч. Дом искусства⁴.

В четверг, 19 марта, в 8 вечера, быть у Марселя⁵. Он сыграет танго.

Вампир. Вален. Крученых⁶.

Сегодня 18 марта 1925 г.

Баба-Яга.

Сломанная лилия.

Дрянь!

Ни слова о Багдадском Воре.

Ша.

Но по дороге я (не знаю как ты) все время думал о нем и мне было смешно. Чорт тебя дери из-за твоей образины и Риты, мне пришлось убивать время за этим идиотским письмом. Варшавского, ясно, куда-то унесло, и, чтоб тебе лопнуть, я обречен на писание.

Положение безвыходно! Я как честный человек и друг в целях чести минета, без примеси других извращений не иду в залу за своим пальто, а сижу на твоем ложе и хвалю себя за свою честность.

Оказывается ты меня зовешь, но я вошел уже в азарт и мне охота писать все дальше и дальше. Какой-то жесткий картон сгибается в гиме и теме, даже Плюкерики назонят стрехи. Такамбы глвеуются стинерий позвойные клюши. Гирейся сиверий старай-ный каранда, суплися сдвигоной минется Шерсти, Глазофиоли, Здвойнись разворотом зовись на секунду наивным чуродом. Гранись иззостенный пламенькой в нестенах огрошно и скушно.

[июнь — июль 1925 г.]

Книги из «Библиотеки новых книг»⁷:

Аристофан. — Об искусстве поэзии⁸; Баррэт У. — Загадочные явления человеческой психики; Баумгартен Ф. — Психотехника, ч.1-ая; А.Бергсон, т.V.

1) Введение в метафизику

2) Психофизический параллелизм и позитивная метафизика

3) Смех

т.IV:

— Вопросы философии и психологии.

— Время и свобода воли.

— Длительность и одновременность.

А.Бергсон:

Материя и память. Исследования об отношении тела к духу. Непосредственные данные сознания, т.II. Творческая эволюция.

Бергсон. Смех в жизни и на сцене⁹.

Бернштейн А. Клинические приемы психологического исследования душевно-больных.

Бехтерев В.М.

— Коллективная рефлексология.

— Объективное изучение личностей. Вып.I¹⁰.

— О гипнотизме.

— Основы учения о функциях мозга. Вып. III.

V *Сексуальный вопрос*:

Бард и Фоквель. — Половая слабость как вид неврастении; И.Блох. — Половая жизнь нашего времени¹¹; Василевский Л. — К здоровому половому быту; [Василевский Л.М. Половое извращение]¹²; [Вейнингер О. — О Генр. Ибсене и его произведениях]; Вейнингер Отто. — Пол и характер; Вейн[ингер] О. — Последние слова;

Афанасьев. Заветные сказки. «Стыдливая барыня»¹³.

Гегар А. Половое влечение; Проф. Герцegi. Женщина в физиолог., патолог. и нравст. отнош.; Левенфельд Л. Сексуальные проблемы; [Ленц А.К. — Стыд и его знач. для полового чувства];

Мейер А. Гигиена бездетного брака; [Freud Z. — Теория полового влечения]; [Ковалевский. — Половая психология]¹⁴; Havelock Ellis. — Geschlechtstrieb und Schamgefühl.

Чехов. «Без заглавия»¹⁵.

Полетик. Алексеев. Над. Рославлева.

5 Jun[e]. 1925.¹⁶

Скоро кони мочатся —
значит им так хочется.

/Арабия/

1

На шестерни похожие
Идут, идут прохожие
И чешет их эхо
И ступью скрежет ступь

2

Отбив трубы и ропота
Набив копыты топотом
за домом
галопом
о лбы булыжин б'ют

Дорогие мои ... дорогие ... хорошие

И вся та наша жизнь есть борьба! — а —¹⁷

3

А ты меня не поняла
и я твоя Япония
И вся — та наша жизнь
есть борьба.

4

Разлейся ночь прекрасная,
а я под знамя красное
и шагом
и флагом
и ослепью глаза.

В дыривом мешке молоко хорошо держится.

Mann Thomas. Herr und Hund. 1919. Berlin.

Hegeler Wilh. Der verschüttete Mensch. 1924. Berlin.

Инбер В. Цель и путь.¹⁸

Мариенгоф А. Иманижисты, 1925.¹⁹

Звенья²⁰

Ушкуйники. Альманах.²¹

Милый друг,
вот вам мой почерк. Напишите что-нибудь веселенькое о том,
что творится за «кулисами души» у Вашего покорнейшего слуги.
Носи штаны тише.

Морда сорпинка
в ухват побрелок
наклянул гахнул
фигурой конька
как спаржа и стужа
подвязку одень
картонная ветка
у Дома сирень

Семен Анатольевич Полоцкий. П.С., Большой проспект, д.74, кв.8.

Собачий поезд²³

Заумь. Крученных и Хлебников

Фраза «будем друзьями».

Разница?

Сходство в обученности.

Другой раз ссора, а тут вежливость. Нет спора. Не уважаешь ни одной черты талантливости в ней, а она в тебе. Помешан на мысли сделать ее товарищем. Занят о том, как она подойдет.

В самое первое время можешь быть с другими женщинами. Физически нуль. Утопичный брак.

Не товарищ, ибо ты к ней не как советник, а как учитель.

Влюблен не в Маро, а в описание ее нам. Не [любовь] влюб[лен], потому с первого дня стал хвастаться. Все сводилось не к Маро, а к тебе, как ты хорошо знаешь жизнь и как хорошо нашел. Долг и должник. Призреваемость. Мелочные ошибки фехтования.

Любишь афоризмы и видишь в них слишком большие мысли, и хочешь сл[ишком] б[ольшую] жизнь уложить в афоризм.

[На меня пали несколько обвинений, за что я должен оставить техникум. Насколько мне известно, обвинения эти такого рода:

1) Слабая посещаемость.]

2) Неактивность в общественных работах.

3) Я не подхожу к классу физиологически.

В ответ на эти обвинения *могу сказать* следующее. Техникум должен выработать электротехников. Уж, кажется, ясно. Для этого должны быть люди-слушатели — хорошие работники, чтобы не засорять путь другим.

О работоспособности людей судят или непосредственно из

их работы, или путем психологического анализа. Намекну вам на второе. [Сомневаюсь...]»²⁴

Компл[имент] Лермонтову. Обрыв в виде характеристики Демона.

Разговор о худож[ественности]. О гиперболизме — будто бы он увел[ичивает] художественность.

Психологическое значение Демона.

О герое Н.В.²⁵ Ничего. Было и раньше. Пс[и]хол[оги]з[м].

О Лермонтове и Пушкине.

Зачем-то в коротком докладе об обществе. Конец ближе к моей теме.

Последние строки.

Слишком много содержания, когда можно бы было удовлетв[ориться] построением.

Гефдинг Г. Очерки психологии, основанной на опыте.

Грузенберг С. Психология творчества.

Данилевский В. Гипнотизм.

Глазами взвила ввысь стрелу. Улыбку убери твою. А сердце рвется к выстрелу. А горло бредит бритвою.²⁶

Дюбуа П. Самовоспитание.

Бонч-Томашевский. Книга о танго.²⁷

К.Бюхер. Работа и ритм.

Волков-Давыдов С. Краткое руководство по мелодекламации.

Всеволодский-Гернграсс В. Искусство декламации. Теория русс[кой] разговорной интонации.²⁸

Gastex А. Гигиена голоса.

Стихотворения наизустные мною:

Каменский: Моейко сердко. Персия. Ю. Морская. Колыбайка. Жонглер. Прибой в Сухуме. Солнцень-Ярцень. Времена года. 9

Северянин: Ингрид. Передсмерт[ная] красота. Позза отказа. Промельк. Пятицвет II. Позза о Харькове. Твое Утро. Кэнзели.

Это было у моря. Весенний день. Лесофея. Виктория Регия. Хабанера III. Шампанск. Полонез. Мои похоронные. Тринадцатая. Русская. 19

А.Блок: Двенадцать. Незнакомка. Ты проходишь. Сусальный ангел. Потемнели, поблекли. В ресторане. В голубой далекой спальне. 6

Имбер: Сороконожки. Рома[n]с I. 2

Гумилев: Картон[ажный] мастер. Слононок. Трамвай. Детская песенка. Странник. Три жены мандарина. 6

Сологуб: Колыб[ельная] песня I. Колыб[ельная] песня II. Все было беспокоино и стр[ойно]. Простая песенка. 4

Белый: Веселье на Руси. Поповна. 2

Ахматова: Цветов и неживых вещей. Двадцать первое ... 2

Маяковский: Левый марш. Наш марш. Облако в штанах. Из улицы в улицу. Порт. В авто. Еще Петербург. Ничего не понимают. А вы могли бы. Старик с кошками. Военно-морск[ая] любовь. Уличное. О бабе Врангеле. 19

Асеев: Траурный марш. Собачий поезд. День. 3

Есенин: Да, теперь решено. 1-ая ария Пугачева. 2

Хлебников: Уструг Разина (отрыв.). Ор. 13. 2

Туфанов: Весна. Нень. 2²⁹

*Вигилянский*³⁰: Поэма о лошадях. В лунный полдень. Менуэт. Васильки. Заклятье. Танго. 6

*Март*³¹: Черный дом. Бал в черном доме. Белый Дьявол. 3 танки. 4

*Марков*³²: Марш. Романс. 2

Пушкин. 500 новых острот и каламбуров. Собрал А.Крученых³³.

Радин Е.П. Футуризм и безумие³⁴.

Сборники по теории поэтического языка.³⁵

«Литерат. эциклопед.»

Львов-Рогачевский. Новейшая русская литература.

Томашевский. Русское стихосложение. Метрика.

Тынянов Ю. Проблемы стихотворного языка.

Шкловский В. Развертывание сюжета.

А.М. Пешковский. Русс. синтаксис в научном освещении.

Виктор Эйхенбаум. Мелодика стиха³⁶.

И.Блох. Половая жизнь нашего времени.

Г.Эллис. Мужчина и женщина.

По поводу наименования:

Должен опросить, какое происходит всплывание при названии известных улиц. Грязная д.2, кв.15.

Новая ритмика — невозможна скандовка.

Новые словообразования. Имажинистические образы.

Почему ты сегодня с маленьких лет так циничен.

Галлицизмы. Палетик Андрей Петрович³⁷. Все характеристики в два прилагательных (маленькая, озлобленная).

Прием выхода на улицу.

Про прием: лирический.

Размашка большой повести:

Между тем Арганька шкет — повествование мелких рассказов Куприна.

Импрессионисты. Гамсун. Макс. Горький. III гл. чуть не *Гончаров* (начало). А уж потом Гоголь про поросенка.

«Описанным мною способом пропели девять»

Уездком — чорт знает что!

Всякий очень вежлив, причем предупрежден.

Начало IV главы длинные тени, спящие дома и разное там.

Секретарь уездкома.

Конец юмористичен, как у Чехова «Свадьба в Пятисобачьем пер.»

(Описания и поучения в театре).

Легко для артикуляции.

Две завязки и, по всей вероятности, параллелизм.

Описание вроде восхода солнца. Большая связь письма и правильности фраз.

Капельмейстерская муз[ыка]. Деланный юмор.

Перечень суш[ествительных]. Больше предложений. Все в неск[олько] строч[ек].

Туфанова видел 15 июля 1925 г. Приехал. Видел в трамвае 12 в 11³⁰ дня. Уг. Литейной.

Р.П.

Сентиментален логически. Откровенен. Есть самолюбие, но, не такое, как кажется со стороны, не показное и тайное. Ни в чем не будете новатором. Предполагал, что, по убеждению, все, пока

коммунист большевик получил образование, м.б. и высшее, но как-то или не систематическое или наоборот.

а нос ананас³⁸

Август — сентябрь 1925 г.

Расписание на 19 авг.

Встать в 10 ч. В 10³⁰ готовым. В 10³⁰ — 12 читать записную книжку Чехова. 12 — чай. Позв. Введенскому. 1 — выйти к Феде. От Феде, если достану деньги, в Библиотеку новых книг. Если не достану, то к Сем. Полоцкому. Если буду в библиотеке, зайти к Туфанову, а потом к Полоцкому. В 5 ч. быть дома. Обед. После обеда с 6³⁰ 7 читать или принесенное из библиотеки, или Кропоткина. В 10 чай. После чая почитать немецкую книгу. В 2 ч. спать.

---

572 Хармс. Номер Библиотеки Новых Книг.

Четвертый Михаил — глупый. Вошел в комнату пошаркивая ногами и раскачиваясь: «выплывают расписные», говорит слушает боком и тарашит мускулы вокруг глаз. В молчаливых моментах долго думает и затем обращается к кому-нибудь с официальным вопросом — ему не нужным. Разговаривает с человеком, у которого умирает мать под щелк пишущей машинки³⁹.

По приезде в Лнгд просмотреть следующие книги:

[Проф. А.И. Введенский. Психология без всякой метафизики. 1917.]

Попов. Популярные таблицы по истории философии ч. I и II.
Проф. Н.О. Лосский. «— — —»⁴⁰

Брентано. Brentano. 1874.

Психология Уильяма Джемса. Перевод И.И. Лапшина. 1911.

Аристотель. Исследование о душе. Перевод Снегирева. 1885.⁴¹

Грот. Психология чувствований. 1880.⁴²

Проф. Козлов. Критический этюд по поводу книги Г.Грота «Психол[огия] чувствования». 1881.

Виндельбанд. Прелюдии. Система категорий.

Фалькенберг. История Новой Философии. Перевод Викторова. 1910.

Шпет. Явление и смысл. 1914.⁴³

Не ищи глупого — сам найдется, ищи мудрого — нигде не найдешь.

(Папа).

Глупый ищет мудрого среди глупых, а мудрый находит его.

(Я).

Бреслав И.С. Человек как фабрика. Гомель, 1925. Стр.136.

Человек сидящий на кресле у стола феноменально глуп.

Колгота — колготиться — суетиться — беспокоиться.

Эпиграмма Папе

Ответ буравочной властине

Ершастым упырем гостинной

За бороду скося усы

Папаша и папашин сын

Лета такая же катушка

За пуговку меня послушай

Смешно в двухтысячном году

[Кричать на ветер] — Стрелять и думать попаду

№2

Мои стихи тебе папаша

Напоминают просто кашель.

Твой стих не спорю много выше

Но для меня он шишел вышел.

В Ленинграде:

Звонить к Введенскому, к Александр. Васильев. и к Вигилянскому. Сказать Туфанову, что сегодня у него не буду.

II спиритический сеанс

31 августа (24) (0⁰⁰)

Левая рука

Двигалось. Впечатление, будто бы с моей помощью вообще
очень беспорядочно, были указаны сл. буквы: прашещипаршыя.
Потом: До свидание. 0³⁰.⁴⁴

Он говорит на шести известных и шести неизвестных языках.

Павел Андреевич Мансуров⁴⁵.

Непрерывно рядом с землей — дальше Мелкий бес.
Ваше тело здорово
Пахнет сильно боровом
Вставлено ради того, что понравилось

Засыпая стал памятником чугунным
достойно старых писателей
I часть по многообразию «Зангези» Велимира
О солнце сконце
О слунцо стунко

Маяков[ский]   Ура ГИПП

Банзай

Асеев   Соловей

росиньоль нахтигаль⁴⁶

снаряды смерти

мельница (с кибитками смерти) — мельница огня
символизм

Пора стаканы смерти сбросить

II часть символическая

Слова разговорного лексикона поставлены в таком построении,
что не теряется их рус[с]ко-национальная красота.

жесто^{В?}
к

эй вали по дороге пустой

челкимвек

Рецензия

I действие легче нежели II-ое

Общий славянизм

О конце. Уничтожается ли валет кароль. Любовник по мнению
Запатонова [?] несерьезно.

О абстрактной зауми
Если от незаумной вещи можно требовать национальность,
то от зауми тем более.

Свою теорию о красоте национального слова⁴⁷

Кика и Кока⁴⁸
Снимаюсь 4 сентября 1925 г.

Купил сапоги «Джим» 26 сентября 1925 г. в Гостином Дворе,
Невская сторона, магазин №28.

На 30 сентября 1925 г.

Я задумал — если я в этот день поссорюсь с Esther, то нам суждено будет расстаться.

Ужас — так и случилось. Поссорился — мы расстанемся. Это можно было ждать. Господи /.../ тут смерть любви. Господи, будь с нами, не забывай нас. Моя милая девчурка Эстер пропала для меня, теперь я это знаю. Это вне сомнения. Она зовет меня, но я знаю, что это не надолго. Что ж поделаешь, верно, я сам таков. Она не причем, женщина как женщина, а я так, какой-то выродок. Господи, Твоя воля. /.../ я хочу или сегодня же или все кончено Эстер навсегда.⁴⁹

Рифмы

теченью
вечерней

Д.С.

Сельскохозяйств[енный]

Институт

здание б.

Хлебопекарни

Е.П. Бальнис⁵⁰

Александр Иванович Введенский

Съезжинская 37, кв.14

Поволоцкая-Введенская.⁵¹

Евгений Иванович Вигилянский

6 линия (В.о.), д.41, кв.9.

Из Ленинграда:

Зангези

Чулки

2 рубашки дневн.

1 и 4 ночн.

Табак и папир.

Стихи Введенского.

Записную книжку с адресами.

Честертон Г. Человек, который был четвергом.

Белый Андр.

«Звезда»

«Королевна и рыцарь»

«Пепел»

«Первое свидание» поэма

«После разлуки»

Урна⁵²

Уэллс Г.

Армагеддон

Рассказы о времени и пространстве

Остров доктора Моро

Страшная дружба

Утро жизни.

Русаков Ал[ександр] Ив[анович]⁵³ ул. Желябова 19/8 213-58

[1926 год]

По всей вероятности, вся моя жизнь пройдет в страшной бедности и хорошо жить я буду только пока я дома, да потом, может быть, если доживу лет до 35-40.

Заседание С.Т.Р.

Левого фланга

5-го января 1926

Порядок выступл[ений]

1) Введенский, Хармс, Джемла Черный, Туфанов, Марков, Соловьев.⁵⁴

2) Соловьев, Марков, Туфанов, Черный Джемла, Хармс, Введенский.

О Богаевском.⁵⁵ Мы строим свободную организацию и сами упираемся на старую.

Карташева.⁵⁶

Это не верно —
— мы *рухнем* лениво.

[Вполне основательное лошадиное недоверие.]

ЗА	Прот.	Воз.
Богаев[ский] — 0		
Введен[с]к[ий] — 2	2	4
Джемла — 4		
Марков — 3		
Соловьев — 0		
Туфанов — 2	2	1
Харм[с] — 0		

ЗА	Прот.	Возд.
Введ[енский] 2	3	1
Джемла 4	—	2
Марков 2	2	2
Соловьев —	—	6
Туфанов 2	2	2
Хармс 1	2	3

Тулф[анов]. Марко[в]. Виги[лянский]

25 мая

[Я очень неудачлив.]

[В очередях становишься за красивыми женщинами.]

[В ресторане клуба писателей интересная кассирша. Не очень интересная, но с ней интересно переглядываться.]

[Ужасно, когда женщина занимает так много места в жизни.]

/.../

[Ах какая милая кассирша в ресторане клуба. Зовут ее Шуручка. Мне бы завладеть ее вниманием и ее возбуждением, и ее вождением. Но я опоздал. Как она мила.]

Туберовскому⁵⁷:

1) Рассказать проэкт вечера (вступительную часть).

2) Разработать с ним проэкт выступления поэтов.

Достать жонглера и акробата⁵⁸.

Два гренадера

(два венгерца по-новому)

муз. Шумана

Князь Игорь. Муз. Бородина

Куплеты Мефистофеля

Балабина (балерина)⁵⁹

Ксилофоны — дрянь
«Чардаш»

из балета «Дон Кихот»

Косторский
Песнь варяжского гостя из «Садко».

Введенский	Вышеславцева ⁶⁰
Бахтерев ⁶¹	
Туфанов	
Вигилянский	
Заболоцкий	
Вагинов ⁶²	
Хармс	

[ноябрь]

Написать «Золотого осла».

Начало вроде Апулея, а дальше, после превращения осел теряет мысль, все больше и больше переходя в абстракцию.

Написать стихотворение: муж выбрасывает любовника своей жены из окна шестого этажа. Тот летит, произнося монолог. Потом, упав, лежит. Лежит опять. Потом произносит проклятия и снова лежит. Диалог с прохожими. Потом снова лежит.

Что дальше — не знаю, но умирать он не должен, но не должен и встать и уйти. Этого он тоже делать не должен. У читателя же должно сохраниться яркое впечатление того, что он жив. Это очередная работа.

Что мне делать! Что мне делать! Как писать? В меня прет смысл. Я ощущаю его потребность. Но нужен ли он? Бог помощи. И вам того же.

9 ноября

Два человека Введенский и Заболоцкий, мнения которых мне дороги. Но кто прав — не знаю. Возможно, что стихотворение одобренное тем и другим есть наиболее правильное. Такое суть пока «Комедия Города Петербурга»⁶³. Я же лично за «Казачью Смерть». Если оно оправдается целиком, я буду рад.

Вещи пророческие не имеют автора.

Сделать сборничек 1926 года, в который войдут четыре творения:

«Комедия Города Петербурга»

«Ваньки встаньки»⁶⁴

«Конец героя»

«Казачья смерть»⁶⁵

Сделал и подарил Наташе.⁶⁶

---

8 дек[абря]. Есть выражение — муки творчества. Нет, творчество — благодать, а муки, пока не творишь. Б[оже] К[рест] М[а-рия] К.М. К.М. Хочу в 1927 год — я не смею хотеть, я прошу, молю, пошли мне 1927 года творческим и свежим. Сделай, чтобы я за этот наступающий год написал бы раз в 5 больше и раз в 1000 лучше, нежели за 1926 год. ДХ.

Гага⁶⁷ сказал, что лоб у меня, как Скеттинг-Ринг.

Нужно очень и очень торопиться написать следующую вещь. Как это ускорить?

---

10 янв[аря].

Теперь я понял, я явление из ряда вон выходящее.

16 янв. 1927 г.

На 2-е февраля 1927 г.

1) Сесть в кресло-качалку и углубит[ь]ся до полного забвения, представляя себе кусок бумажки с нарисованной на ней фигурой⁶⁸.

2) Переписать «Песнь о предмете роскоши» Н.Асеева⁶⁹.

3) Закурить только после ужина.

Тогда ты на 2 февраля свободен.

«Академия Левых Классиков»

так назывались мы с пятницы 25 марта 1927 г. Название пришло почти одновременно Гаге, Игорю и мне. Пришло оно у Кацманых, мы [все] были там, чтобы писать декларацию и вот нас осенило название. Все согласны. Кроме Шурки. Этот скептик проплеванный ни на какое названия, кроме Чинаря, не гожд.

Долгожданное решение этой задачи, наконец, пришло. Надо полагать, решение блестящее.

Наши ближайшие задачи:

1. Создать твердую Академию Левых Классиков.
2. Для этого собрать конференцию и составить манифест.
3. Войти в Дом Печати как Секция Левых работников искусства.
4. Добиться вечера с танцами, для получения суммы около 600 руб. на издание своего сборника.

[апрель]

Утверждающий МАНИФЕСТ

Даниила Ивановича Хармса

члена «основателей "Академии Левых Классиков"»
и чинаря

1. Я поэт, находящийся среди мне подобных, но отличающийся от них:

во-первых: по оценке элементов, создающих искусство

во-вторых: по создании новой схемы искусства

и в-третьих: по своему местонахождению в этой схеме искусства

2. Если до сих пор считалось, что искусство состоит из удачного соединения формы и содержания, то я утверждаю, что этого для искусства мало, и это не есть главное; а главное есть местонахождение данного соединения.

3. Схема моего искусства или рождение художественной вещи такова:

1. Рожденье человека
2. Жизнь
3. Рожденье поэта
4. Утвержденье поэта в жизни
5. Понятие мира
6. Утвержденье поэта в мире
7. Разбитие жизни на три плана
  - a. жизнь в поэте
  - b. жизнь в мире
  - c. жизнь за миром

8. Перенесение поэта во второй план, в жизнь мира
  9. Перенесение поэта в третий план, в жизнь за миром
  10. Рождение вещи
  11. Перенесение вещи во второй план
  12. Перенесение вещи в первый план
4. Только мы поэты «Академии Левых Классиков» рождаем свои вещи в третьем плане. Такая вещь может жить во всех планах, и в первом, и во втором, и в третьем.

Даниил Хармс

Написано неясно и неточно

Д.Х.

Ноябрь

Правила жизни

1. Каждый день делай что-нибудь полезное.
  2. Изучай и пользуй хатху и карму йогу.
  3. Ложись не позднее 2 час. ночи и вставай не позднее 12 час. дня, кроме экстренных случаев.
  4. Каждое утро и каждый вечер делай гимнастику и обтирания.
  5. п-р.
  6. Проснувшись, сразу вставай, не поддаваясь утренним размышлениям и желанию покурить.
  7. Оставшись один, занимайся определенным делом,
  8. Сократи число ночлежников и сам ночуй преимущественно дома.
  9. Задумывай только возможное, но раз задуманное — исполняй.
  10. Дорожи временем.
- К[reutz] u[nd] M[arie], К. и. М., К. и М.Н[иколай] Ч[удотворец] п[омоги] м[не].

Заседание 23 ноября.

[Заседание Обэриутов 8 ч.веч. Дом Печати]

Повестка дня: доклад о текущих делах

- 1) Выработка принципов, объединяющих поэтов и художников.
- 2) Выработка методов внутренней работы.
- 3) Выработка методов внешней работы.
- 4) *Проект вечера «Три левых часа».*
- 5) Составление сметы на вечер.
- 6) Составление календарика в Д[ом] П[ечати]⁷⁰.

Доложить о собрании с критиками. О приглашении 1) Степанова, 2) Гофмана, 3) Гинзбург, 4) Коварского. Приглашение Каверина и причины этого⁷¹.

О моем месте. «Нат[уральная] школа».

Кино-артистка — Лиа-де-Пути.
«Варьэтэ», «Египетская гробница»⁷².

---

28 ноября

Мы (Коля З[аболоцкий] и я) были у Маршака. Он читал нам замечательную прозу М.Гудима.

Мы решили собираться по понедельникам.

[декабрь]

Олейников и Житков организовали ассоциацию «Писатели детской литературы». Мы (Введенский, Заболоцкий и я) приглашаемся.

Клюев приглашает Введенского и меня читать стихи у каких-то студентов, но не в пример прочим, довольно культурных⁷³. В четверг, 8 декабря, утром, надо позвонить Ключеву⁷⁴.

Во вторник, вечером, ко мне придет Левин⁷⁵.

На каждый день.

Расписание.

Невзирая на денежные удачи и неудачи, ежедневно проделывать следующее:

- 1). Писать не менее 10 строк стихов.
  - 2). Писать не менее одной тетрадной страницы прозы.
  - 3). Читать что-нибудь о религии или Боге, или путях достижения не менее 3 страниц. О прочитанном размышлять.
  - 4). Проделывать положенную гимнастику.
  - 5). Вечером писать письма Ити (Iti).
-

26 июля. Я весь какой-то особенный неудачник. Надо мной за последнее время повис непонятный закон неосуществления. Что бы я ни пожелал, как раз этого и не выйдет. Все происходит обратно моим предположениям. Поистине: человек предполагает, а Бог располагает. Мне страшно нужны деньги, и я их никогда не получу, я это знаю! Я знаю, что в ближайшее же время меня ждут очень крупные неприятности, которые всю мою жизнь сделают значительно хуже, чем она была до сих пор. День ото дня дела идут все хуже и хуже. Я больше не знаю, что мне делать. Раба Божия Ксения⁷⁶, помоги мне, спаси и сохрани всю мою семью!

Кто бы мог мне посоветовать, что мне делать? Эстер несет с собой несчастье. Я погибаю с ней вместе. Что же, должен я развестись или нести свой крест? Мне было дано избежать этого, но я остался недоволен и просил соединить меня с Эстер. Еще раз сказали мне: не соединяйся! — Я все-таки стоял на своем и потом, хоть и испугался, но все-таки связал себя с Эстер на всю жизнь. Я был сам виноват, или, вернее, я сам это сделал. Куда делось ОБЭРИУ? Все пропало, как только Эстер вошла в меня. С тех пор я перестал как следует писать и ловил только со всех сторон несчастья. Но могу ли я быть зависим от женщины, какой бы то ни было? — или Эстер такова, что принесла конец моему делу? — я не знаю. Если Эстер несет горе за собой, то как же могу я пустить ее от себя. А вместе с тем, как я могу подвергать свое дело, ОБЭРИУ, полному развалу. По моим просьбам судьба связала меня с Эстер. Теперь я вторично хочу ломать судьбу. Есть ли это только урок или конец поэта? Если я поэт, то судьба сжалится надо мной и приведет опять к большим событиям, сделав меня свободным человеком. Но может быть, мною вызванный крест должен всю жизнь висеть на мне? И вправе ли я, даже как поэт, снимать его? Где найти мне совет и разрешение? Эстер чужда мне как рациональный ум. Этим она мешает мне во всем и раздражает меня. Но я люблю ее и хочу ей только хорошего. Ей, безусловно, лучше разойтись со мной, во мне нет ценности для рационалистического ума. Неужели же ей будет плохо без меня? Она может еще раз выйти замуж и, может быть, удачнее, чем со мной. Хоть бы разлюбила она меня для того, чтобы легче перенести расставание! Но что мне делать? Как добиться мне развода? Господи, помоги! Раба Божия Ксения, помоги! Сделай, чтоб в течение той недели Эстер ушла от меня и жила бы счастливо. А я чтобы опять при-

нялся писать, будучи свободен, как прежде! Раба Божия Ксения, помоги нам!

Даниил Хармс
1928 года 27 июля

Ни сегодня, ни завтра я перевода из Москвы не получу.
4-5 час. дня. Четверг, 18 октября 1928 года.

Сегодня я денег из Москвы, должно быть, тоже не получу, это я знаю. Часов в 5 дня я смогу сказать себе, — так я и знал!

Даниил Хармс.
Пятница, 19 октября 1928 г. Петербург, 1-2 дня.

Б.Левин. «Улица у реки»⁷⁷

[ноябрь]

Мысль, выходящая из дверей, как человек, все же бесплотна, ибо о нее ножа не наточишь.

---

22 мая 1929 года

Я сидел на крыше Госиздата и наблюдал, все ли в порядке, потому что едва чего не досмотришь, как чего-нибудь да случится. Нельзя город оставлять без призора. А кто за городом смотреть будет, как не я? Если где беспорядок какой, как сейчас же мы его и прекратим.

Сустав дозорных на крыше Госиздата

Первое правило: Дозорным может быть мужчина обэриутского вероисповедания, обладающий нижеследующими приметами:

- 1) Роста умеренного.
- 2) Смел
- 3) Дальнозорок
- 4) Голос зычный и властный
- 5) Могуч и без обиняков
- 6) Уметь улавливать ухом всякие звуки и не тяготиться скукой.
- 7) Курящий или, в крайнем случае, некурящий.

Второе правило (что он должен делать):

1) Дозорный должен сидеть на самой верхней точке крыши и, не жалея сил, усердно смотреть по сторонам, для чего предпри-

сывается не переставая вращать голову слева направо и наоборот, доводя ее в обе стороны до отказа позвонков.

2) Дозорный должен следить за порядком в городе, как-то:

а) Чтобы люди ходили не как попало, а так, как им предписано самим Господом Богом.

в) Чтобы люди ездили только на таких экипажах, которые для этого специально приспособлены.

с) Чтобы люди не ходили по крышам, карнизам, фронтонам и другим возвышенностям.

Примечание: Плотникам, малярам и другим дворникам дозволяется.

Третье правило (что дозорный не должен делать):

1) Ездить по крыше верхом.

2) Заигрывать с дамами.

3) Вставлять свои слова в разговоры прохожих.

4) Гоняться за воробьями или перенимать их привычки.

5) Обзывать милиционеров «фараонами».

6) ... [плевать в глаза.] [Выкидывать свой флаг.]

7) Скорбеть.

Четвертое правило (право Дозорного):

Дозорный имеет право

1) Петь.

2) Стрелять в кого попало

3) Выдумывать и сочинять, а также записывать и негромко читать, или запоминать наизусть.

4) Осматривать панораму.

5) Уподоблять жизнь внизу муравейнику.

6) Рассуждать о книгопечатании.

7) Приносить с собой постель.

Пятое правило: Дозорный обязан к пожарным относиться с почтением.

Всё

22 мая 1929 года.

Члены-учредители: *Даниил Хармс*

Борис Левин

(Подписи)

Помогал:

Владимиров

(подпись)⁷⁸

[21 июля 1929 г.]

До чего я дошел. Я боюсь жизни. Человек не должен бояться своей жизни.

Учителями своими считаю Введенского, Хлебникова и Маршака.

Сон в большинстве случаев значит просто обратное. Но легко понять, что смех предвещает слезы, печаль — радость, скука — веселие и т.д. Однако не всякому явлению легко найти обратное значение. Например, вы видите: колодец, вы стоите на рельсине над колодцем, вместо головы у вас петух, а вместо ног и рук — зубной порошок. Что это значит? Какое явление обратно? Возможно, что обратное явление будет: ехать в поезде и есть просто-квашу с золотыми пуговицами. Чтобы толковать сны, надо уметь находить обратные явления⁷⁹.

Стихи надо писать так, что если бросить стихотворением в окно, то стекло разобьется.

Даниил Хармс.

Приход Нового года.

Мы (два тождественных человека):

Приход Нового года
мы ждем с нетерпением
мы запасли вино
и пикули
и свежие котлеты.
Садитесь к столу.
Без четверти двенадцать
поднимем тост
и выпьем, братцы,
за старый год.
И рухнет мост
и к прошлым девам
нам путь отрезан.
И светлых бездн
наш перед.

Зритель:

Смотрите, он весело берет
и люлькой в комнате летает
предметы вокруг следят полет
от быстрых точек рассветает.
В Неве тоскливый тает лёд,
в ладоши бьет земля и люди,

и в небо смотрит мудрый скот,
но тут наступает 0 часов и начинается Новый год.
вторн[ик]
31 дек[абря] 1929 г.
23 часа 45 мин.

***

1930

А интересно, что в это время Эстер делала.
Ночь с 21 — 22 февраля 1930 года.

24 декабря

Был с Заболоцким в костеле⁸⁰. Ночью чувствую себя простуженным и неважно. Волнуюсь за свое здоровье.

28 декабря

Чувствую себя неважно. Кружится голова. Измерил температуру, оказалось 37. Волнуюсь за свое здоровье.

29 декабря

Волнуюсь за свое здоровье.

[1930-1931]

Ищи то, что выше того, что ты можешь найти.

Зря слов не пиши.

Золотые глаза

он с юностью своей

он как и все был утомлен

Вагинов «Звукоподобие»⁸¹

1931

1 января 1931 года. Четверг.

Я веду неправильный образ жизни. Эти дни я стал чувствовать себя неважно. Очень волнуюсь за свое здоровье.

1 ~ + @ ~ с1 @ ~ λ ~ 11 λУС 0 ≠ κ1 3б ~ ~ ~ 3# λ.⁸²

2 часа дня — 36,4.

7 часов дня — начался легкий озноб, а может быть, это просто холодно в комнате.

7¹⁵ — 36,8.

12 часов — 36,9.

[1931-1933 гг.]

Прежде чем притти к тебе, я постучу в твоё окно. Ты увидишь меня в окне. Потом я войду в дверь, и ты увидишь меня в дверях. Потом я войду в твой дом, и ты узнаешь меня. И я войду в тебя, и никто, кроме тебя, не увидит и не узнает меня.

Ты увидишь меня в окне.

Ты увидишь меня в дверях.

Вода внизу отразила все то, что наверху.

Вход закрыт. Только тому, кто вышел из воды и чист, откроется вход.

Путник идет по зеленому саду. Деревья, трава и цветы делают свое дело.

И во всем натура.

Вот огромный камень кубической формы. А на камне сидит и повелевает натурой.

Кто знает больше, чем этот человек?

Можно ли до луны докинуть камнем.

Сказка о том, как один ястреб залетел на луну.

О том, как один старый грек уверял, что если с луны бросить камень, то на землю он будет падать девять с половиной дней.

О том, как луна отлетала от земли все дальше и дальше.

О том, как на луну стреляли из пушки.

Кто живет на луне, люди или кошки.

На луне живут только мухи.

Неправда, никто не живет на луне.

Есть ли на луне горы и реки.

Земля стоит на трех китах. Киты стоят на черепахе. Черепаха плавает в море. Так ли это? Нет не так. Земля просто имеет форму чашки, перевернутой кверху дном, и сама плавает в море. А над

землей колпак небесного свода. По своду движется солнце, Луна и подвижные звезды — планеты. Неподвижные звезды прикреплены к своду и вращаются вместе со сводом⁸³.

[Апрель]

У Тихо Браге был *искусственный нос*.

Сейчас еще не устоялся наш быт. Еще нет бытового героя. А если он есть, то его еще не замечает глаз. А если его и замечает глаз, то не узнают его другие.

[Апрель — май]

Либо *вечно*, либо *невечно*. *Почти вечно* не существует, оно есть простое невечно. Но явление почти невечно возможно, хотя мы отнесем его к вечному. В наших устах оно прозвучит как только могущее совершиться, т[о] е[сть] вечное, но могущее стать не-вечным. Как только оно совершится, оно станет нашим уже не-вечным. Но существует ли несовершенство? Я думаю, в вечном — да⁸⁴.

6 мая 1931 года

Приступить хочу к вещи, состоящей из 11 самостоятельных глав. 11 раз жил Христос, 11 раз падает на Землю брошенное тело, 11 раз отрекаюсь я от логического течения мысли.

Название второй главы должно быть: *перекладина*. Это перекладина, снятая с четырехконечного креста⁸⁵.

[Май]

Сила, заложенная в словах, должна быть освобождена. Есть такие сочетания из слов, при которых становится заметней действие силы. Нехорошо думать, что эта сила заставит двигаться предметы. Я уверен, что сила слов может сделать и это. Но самое ценное действие силы почти неопределимо. Грубое представление этой силы мы получаем из ритмов метрических стихов. Те сложные пути, как помощь метрических стихов при движении каким-либо членом тела, тоже не должны считаться вымыслом. Эти грубейшие действия этой силы вряд ли доступны нашему рассудительному пониманию. Если можно думать о методе исследования этих сил, то этот метод должен быть совершенно иным, чем методы, применяемые до сих пор в науке. Тут раньше всего доказательством не может служить факт либо опыт. Я же затрудняюсь сказать, чем придется доказывать и проверять сказанное. Пока известно мне четыре вида словесных машин: стихи, молитвы, песни и заговоры. Эти машины построены не путем вычисления или рассуждения, а иным путем, название которого АЛФАВИТ⁸⁶.

понедельник	д
вторник	в
среда	с
четверг	ч
пятница	п
суббота	сб
воскресенье	вс ⁸⁷

сентябрь

- 11 Приехал Шурка и ТАМ⁸⁸
 12 Законч[ил] Вавич[а]. Рожд[ение] Житк[ова]⁸⁹.
 14 Сидел дома
 16 Веч[ером] у Лип[авского]. Т.А.М.
 18 Сидел дома
 21 Дочитал Вавича
 23 Осеннее равноденствие у Житкова
 26 Затмение **Д** в 8 ч 45 м

октябрь

- 4 † Юра⁹⁰
 7 Звон[ок] от Гора⁹¹
 10 Женя Вигилянский женился на Истоминой
 24 Рождение Бобы
-

[Лето 1932. Курск]

Я один. Каждый вечер Александр Иванович куда-нибудь уходит и я остаюсь один. Хозяйка ложится рано спать и запирает свою комнату. Соседи спят за четырьмя дверями, и только я один сижу в своей маленькой комнатке и жгу керосиновую лампу.

Я ничего не делаю: собачий страх находит на меня. Эти дни я сижу дома, потому что я простудился и получил грипп. Вот уже неделю держится небольшая температура и болит поясница.

Но почему болит поясница, почему неделю держится температура, чем я болен, и что мне надо делать? Я думаю об этом, прислушиваюсь к своему телу и начинаю пугаться. От страха сердце начинает дрожать, ноги холодеют и страх хватает меня за затылок. Я только теперь понял, что это значит. Затылок сдавливает снизу, и кажется: еще немножко и [тогда] сдавят всю голову свер-

ху, тогда утерается способность отмечать свои состояния и ты сойдешь с ума. Во всем теле начинается слабость, и начинается она с ног. И вдруг мелькает мысль: а что, если это не от страха, а страх от этого. Тогда становится еще страшнее. Мне даже не удастся отвлечь мысли в сторону. Я пробую читать. Но то, что я читаю, становится вдруг прозрачным, и я опять вижу свой страх. Хоть бы Александр Иванович пришел скорее! Но раньше, чем через два часа, его ждать нечего. Сейчас он гуляет с Еленой Петровной и объясняет ей свои взгляды на любовь.

Числа не связаны порядком. Каждое число не предполагает себя в окружении других чисел. Мы разделяем арифметическое и природное взаимодействие чисел. Арифметическая сумма чисел дает новое число, природное соединение чисел не даст нового числа. В природе нет равенства. Есть тождество, соответствие, изображение, различие и противопоставление. Природа не приравнивает одно к другому. Два дерева не могут быть равны друг другу. Они могут быть равны по своей длине, по своей толщине, вообще по своим свойствам. Но два дерева в своей природной целостности равны друг другу быть не могут. Многие думают, что числа — это количественные понятия, вынутые из природы. Мы же думаем, что числа — это реальная природа. Мы думаем, что числа вроде деревьев или вроде травы. Но если деревья подвержены действию времени, то числа во все времена неизменны. Время и пространство не влияют на числа. Это постоянство чисел позволяет им быть законами других вещей.

Говоря два, Мы не хотим сказать этим, что это один и еще один. Когда Мы выше сказали «два дерева», то Мы использовали одно из свойств «два» и закрыли глаза на все другие свойства. «Два дерева» значило, что разговор идет об одном дереве и еще об одном дереве. В этом случае два выражало только количество и стояло в числовом ряду, или, как Мы думаем, в числовом колесе, между единицей и тремя.

Числовое колесо имеет ход своего образования. Оно образуется из прямолинейной фигуры, именуемой к р е с т.⁹²

[конец 1932 г.]

Мы жили в двух комнатах. Мой приятель занимал комнату поменьше, я же занимал довольно большую комнату, в три окна. Целые дни моего приятеля не было дома, и он возвращался в свою комнату, только чтобы переночевать. Я же почти все время сидел в своей комнате, и, если выходил, то либо на почту, либо купить

себе что-нибудь к обеду. Вдобавок я получил сухой плеврит, и это еще больше удерживало меня на месте.

Я люблю быть один. Но вот прошел месяц, и мне мое одиночество надоело. Книга не развлекала меня, а, садясь за стол, я часто просиживал подолгу, не написав ни строчки. Я опять брался за книгу, а бумага оставалась чистой. Да еще это болезненное состояние! Одним словом, я начал скучать.

Город, в котором я жил в это время, мне совершенно не нравился. Он стоял на горе, и всюду открывались открыточные виды. Эти виды мне так опротивели, что я даже рад был сидеть дома. Да, собственно, кроме почты, рынка и магазина, мне и ходить-то было некуда.

Итак, я сидел дома, как затворник.

Были дни, когда я ничего не ел. Тогда я старался создать себе радостное настроение. Я ложился на кровать и начинал улыбаться. Я улыбался по двадцати минут зараз, но потом улыбка переходила в зевоту. Это было очень неприятно. Я приоткрывал рот настолько, чтобы только улыбнуться, а он открывался шире, и я зевал. Я начинал мечтать.

Я видел перед собой глиняный кувшин с молоком и куски свежего хлеба. А сам я сижу за столом и быстро пишу. На столе, на стульях и на кровати лежат листы исписанной бумаги. А я пишу дальше, подмигиваю и улыбаюсь своим мыслям. И как приятно, что рядом хлеб и молоко, и ореховая шкатулочка с табаком!

Я открыл окно и смотрел в сад. У самого дома росли желтые и лиловые цветы. Дальше рос табак и стоял большой военный каштан. А там начинался фруктовый сад.

Было очень тихо, и только под горой пели поезда.

Сегодня я ничего не мог делать. Я ходил по комнате, потом садился за стол, но вскоре вставал и пересаживался на кресло-качалку. Я брал книгу, но тотчас отбрасывал ее и принимался опять ходить по комнате.

Мне вдруг казалось, что я забыл что-то, какой-то случай или важное слово.

Я мучительно вспоминал это слово, и мне даже начинало казаться, что это слово начиналось на букву М. Ах, нет! совсем не на М, а на Р.

Разум? Радость? Рама? Ремень? Или: Мысль? Мўка? Материя?

Нет, конечно, на букву Р., если только это слово!

Я варил себе кофе и пер слова на букву Р. О, сколько слов сочинил я на эту букву! Может быть, среди них было и то, но я не

узнал его, я принял его за такое же, как и все другие. А может быть, того слова и не было⁹³.

Вторник 22 ноября 1932 года.

О ч. 10 минут по астрономическому времени⁹⁴

В субботу произошло следующее: я утром отправил письмо в Москву, как посоветовал мне Коган⁹⁵. Я заходил в Горком писателей восстановиться в Союзе, но меня просили зайти 21-го. Я ходил два раза к скрипачу Loewenberg'у, ибо Борис Степанович Житков ищет скромного скрипача для музыкального времяпрепровождения. Но я оба раза не застал Loewenberg'a дома. Это время я без денег, а потому столуюсь у сестры. И вот, пообедав у сестры, я пошел к К.И. Чуковскому, он переиздает свою книжку «О маленьких детях» и хочет процитировать мои стихи, но не те, что были в первом издании⁹⁶. Корней Иванович принял меня с радостным криком и лег на пол возле камина. Он был болен гриппом, и до сей поры нездоров. На полу лежит просто для красоты, и это, действительно, очень красиво. Смотрел «Чукоккалу», но ничего туда не вписал⁹⁷.

От Чуковского я зашел в Преображенский собор. Там служил епископ Сергей⁹⁸. Когда епископ надевает фиолетовую мантию с дивными полосами, то превращается просто в мага. От восхищения я с трудом удержался, чтобы не заплакать. Я простоял в соборе вечерню и пошел домой⁹⁹.

Я побрился, надел чистый воротничок и поехал к Порет¹⁰⁰. Там я познакомился с Frau Renè (Рене Рудольфовна О'Коннель-Михайловская), очень милой дамой. Ей лет 35, у нее дочь 13 лет и сын 6¹/₂ лет. Но она изумительно стройна, нежна и приветлива. У нее очень ласковый и, вместе с тем, немного лукавый голос¹⁰¹. Мы пили чай из хороших чашек.

Ничего не буду писать о Порет, но если бы и стал писать, то написал бы только самое лучшее. Тут же, как всегда, присутствовала и Глебова¹⁰². Был еще некий Орест Львович, знакомый Авербаха, но он скоро ушел.

Я провожал Frau Renè на В.О. Она живет в отдельной квартире из двух комнат. Я видел ее детей, которые спали в своих кроватках. Было два часа ночи, я зашел к Frau Renè за папиросами, ибо у меня кончился табак. Она предлагала мне остаться пить чай, но я боялся, чтобы она не подумала, что я имею на нее какие-нибудь виды, ибо я такие виды на нее имел. И потому, немного стесняясь, я ушел. Я шел домой пешком, курил, любовался Ленинградом и думал о Frau Renè.¹⁰³

В воскресенье я был утром с Введенским на выставке всех художников¹⁰⁴. Я там уже второй раз, и по-прежнему нравится мне только Малевич¹⁰⁵. И так отвратительны круговцы!¹⁰⁶ Даже Бродский приятен чем-то¹⁰⁷. На выставке встретили Гершова. Я пошел к нему и смотрел его картины. Он пишет хорошие картины¹⁰⁸.

После обеда ко мне зашел Левин, и мы хотели поехать к Раисе Ильинишне Поляковской¹⁰⁹. Но как-то не попали на трамвай и не поехали. Тогда я с Л[евинным] и В[веденским] пошел на вечеринку к Евгении Давыдовне Барт¹¹⁰. Там же была Паперная и пела негритянские хоралы¹¹¹. Домой я вернулся в 4 часа по гражданскому времени (в 3 часа по астрономическому).

В понедельник я проснулся в 12 часов. Мне позвонила Frau Renè и сказала, что идет на выставку, так, в 2¹/₂ часа. Я сказал, что приду тоже. Но ко мне пришел Борис Петрович Котельников, с которым я познакомился в тюремном лазарете¹¹², а потом пришел еще Никичук, которого я не виде[л] уже 5 лет. Таким образом, на выставку я попал только в 3 часа. Там я встретил Frau Renè. Мы видели там Евгению Ивановну, мать Введенского, у которой Frau Renè лечится. Мы ходили по выставке. Я был, по-моему, мало интересен. Я проводил ее до трамвая и пошел домой. На Невском встретил Малевича, потом встретил Кельсона¹¹³.

Я пообедал и поехал к Житкову, где был Олейников и Заболоцкий, и какой-то агроном Иван Васильевич из Одессы. Олейников стал теперь прекрасным поэтом, а Заболоцкий печатает свою книжку стихов¹¹⁴.

Обратно шел с Олейниковым пешком, как обыкновенно; и домой пришел в час. /.../

•

Уже вторник, 22 ноября, 1 ч. 20 мин. по астрономическому [вре]мени и 2 часа 20 минут по гражданскому.

Я только что записал все это в дневник, к[ак] вдруг потухло электричество, что за последнее [в]ремя бывает очень часто. И уже эти строки я [д]описываю при свече. Пора спать. Я неправильно живу. Я ничего не делаю и очень поздно ложусь спать. Немного скучно, что порвал с Esther, я все-таки, как она ни противоположна мне по характеру и воспитанию своему, люблю Esther.

Сегодня я очень поздно встал. Я встал в половина четвертого. Лежа в кровати, я звонил по телефону своим разным знакомым. Борис Степанович обещал мне достать пуделя. И вот, по этому поводу, я звонил в Институт мозга, где этот пудель якобы находится. Но так ничего и не вышло. Дело откладывается на завтра.

Мне позвонил Маршак и просил прийти сегодня, а я обещал уже быть у Пантелеева¹¹⁵. А Маршаку нельзя отказать, потом его долго не застанешь. Придется съездить к Алексею Ивановичу днем.

Я звонил Алисе Ивановне. Завтра концерт этого органиста. Я обещал достать билет Frau Renè. Но что делать, у меня нет денег, а как достать билет через Ивана Ивановича?¹¹⁶ После Курска я еще не видал его.

Думал я также и об Esther. Даже чуть сам не позвонил ей. Но когда стал человеку противен, то с этим ничего не поделаешь. Теперь-то уж мы с Esther разошлись навеки. Хотя что-то в душе подсказывает мне, что мы еще сойдемся как следует.

Под вечер я поехал к Пантелееву. Там пил много вина. Был там и Боба, и Белых¹¹⁷ с братом, и еще какие-то молодые люди. А к Маршаку я так и не пошел. Боба ночевал у меня. Мы легли поздно спать, был уже шестой час ночи.

---

23 ноября 1932 года. Среда. Во сне видел, будто у меня Эстер. И вот мы раздеваемся, ложимся в постель, а тут приходит Введенский и тоже раздевается, и ложится с нами, и лежит между нами. А я злюсь на его бестактность и от злости просыпаюсь. И Боба видел во сне Введенского с какой-то женщиной.

Боба ушел домой, а я сидел на кровати и думал о Эстер. Я решил позвонить ей по телефону и уже позвонил, но тут телефон испортился. Значит, так нужно.

Звонил Маршак. Очень неловко, что я не был у него вчера. Сейчас пошел на кухню, и Лиза напомнила мне, ч[то] сегодня рождение Эстер. О, как захотел я ее увидеть!

Надо послать ей телеграмму. Этот день мы хотели провести вместе у меня, но вот как все получилось.

Непонятно, почему я так люблю Эстер. Все, что она говорит, неприятно, глупо и плохого тона. Но ведь вот люблю ее, несмотря ни на что!

Сколько раз она изменяла мне и уходила от меня, но любовь моя к ней только окрепла от этого.

Пошел на почту и в 4 часа отправил телеграмму: «Поздравляю. Хармс». Зашел к Loewenberg'у. Застал его дома. Мы сговорились ехать завтра к Житкову.

Ко мне пришел Б.П. Котельников, без телефона. Я его почти выгнал. Надо раньше звонить и узнавать, можно ли прийти.

Чтобы не встречаться с Маршаком впервые в четверг или пятницу, я решил забежать к нему сегодня. И забежал на 5 минут. Он прочел свое новое, очень хорошее произведение «Мистер Блистер»¹¹⁸.

От Маршака пошел в Филармонию. В вестибюле встретил очень много знакомых и Порет, и Глебову, и Кондратьева¹¹⁹.

Иван Иванович узнал меня и говорил со мной сразу на «ты», но билетов достать не мог. У Глебовой тоже нет билета. У меня только три рубля. Мы решили купить входные билеты. У Глебовой 4 рубля, больше ни у кого денег нет. Я встал в очередь к кассе. Входные билеты все распроданы, и самые дешевые за 5 р. 75 к. Но пока мы думали, пропали и эти. Я стою у окошечка и пропускаю 5 раз свою очередь. Наконец, я покупаю Глебовой билет за 6 р. 50 к. И больше денег не остается. В это время приходит Frau Renè. А народ толпится и толкается у кассы. Frau Renè одалживает мне деньги. Она протягивает бумажку, это все, что у нее есть. Мне кажется, что это 20 рублей. А тут еще какой-то военный просит меня купить ему билет и дает мне деньги. Я не считаю, сколько всего денег, мне кажется, что там 26 руб. 50 коп., все это протягиваю в кассу и прошу 3 билета по 6 руб. 50 коп. Деньги военного кассирша мне возвращает и говорит, что это лишние, и дает мне три билета по 6 р. 50 к. Я получаю сдачи рубль, беру билеты и рассчитываюсь раньше всего с военным. Я чуть не обсчитал его. Он, оказывается, дал мне не 6 рублей, а 5 + 3, т.е. 8. Наконец, мы с ним в расчете, и я несу сдачу Frau Renè. Я протягиваю ей 7 рублей. Она говорит: «Как, это вся сдача?» «Да», — говорю я. «Что вы, там было 50 рублей», — говорит она. Я иду к кассе и кричу кассирше, что вышло недоразумение. А вокруг толкается народ, тянется к окошку и мешает переговорить мне с кассиршей. Кассирша говорит, что она сдала сдачу с 50 рублей, и кто-то ее взял. Я для чего-то протягиваю ей оставшиеся 7 рублей, она мне возвращает только 5, и я еще теряю 2 рубля. В общем, завтра я должен отдать Frau Renè 50 рублей, сейчас же даю ей только пять. Больше у меня ничего нет.

Вся надежда на Житкова. А у Житкова я рассчитывал занять 70 руб. на пальто, которое отдал с Наташей на переделку к порт-

ному за 120 рублей. 50 рублей дает Наташа, а 70 рублей должен достать я. Теперь же если я займу у Житкова 50 рублей, то не смогу занять 70.

Вот что получилось.

На концерте мы сидели во второй боковой ложе вчетвером: Кондратьев, Глебова, Frau Renè и я. Алиса Ивановна со Снабковым¹²⁰ сидела в партере.

Я сидел рядом с Frau Renè, на виду у всех. И вдруг я вижу, что у меня напоказ совершенно драные и изъеденные молью гетры, не очень чистые ногти, мятый пиджак и, что самое страшное, расстегнута прорешка.

Я сел в самую неестественную позу, чтобы скрыть все эти недостатки, и так сидел всю первую часть концерта. Я чувствовал себя в очень глупом положении. К тому же концерт мне вовсе не нравился. Оркестр был под управлением Фрида¹²¹, а за органом немецкий органист Рамен. Исполняли бетховенского «Кориолана», органный концерт Генделя d-moll и Малера 5-ую симфонию. Малер был вторая часть концерта. На второй части я сидел удобнее и чувствовал себя лучше, но зато Малер мне уж вовсе не понравился¹²².

После концерта я провожал Frau Renè домой и пил у нее чай до 2-х часов ночи. На обратном пути случайно попал на запоздавший трамвай.

Я стоял на пустой площадке и пел, прославляя Бога и Эстер.

Вдруг я увидел, что на площадке за мной стоит еще человек и слушает. Я смутился и запел по-немецки, а потом по-английски, а потом перешел на фокстротные мотивы. Но когда человек слез, я запел опять о Боге и о Эстер. До самых ворот дома я пел: «Весь мир — окно — Эстер».

---

24 ноября. Четверг.

Утром спал до часа. Потом звонил и поехал к Житкову занять 50 рублей. Занял. Отвез Frau Renè. Пообедал и отдохнул дома и, зайдя к Loewenberg'у, поехал с ним к Житкову. Домой вернулся в 12²⁰.

Вечером опять стал скучать об Эстер. Вчера, засыпая, я молился и плакал. Ах, как я люблю мою Эстер!

---

25 ноября. Пятница.

Проснулся и долго лежал в постели. Сегодня вечером я хотел пойти с Алисой Ивановной к Ермолаевой¹²³. Но звонил Маршак и приглашал к себе. Надо пойти к нему. Поэтому когда позвонила Алиса Ивановна, то я сказал, что идти к Ермолаевой сегодня не смогу. Я лежал в постели до тех пор, пока не пришел Гершов. Он едет в Борисоглебск. Вещи уже на вокзале. Поезд отходит в 5 часов. Мне очень жалко, что он уезжает. Он очень милый человек и хороший художник¹²⁴.

Я проводил его до площади и пошел к Бобе. С Бобой мы ходили к трубочному мастеру Диментьеву. У Бобы сломалась трубка. Мастер закрыл свою мастерскую и работает на заводе. Но у нас как у старых клиентов он взялся за три рубля починить трубку.

Боба зашел ко мне. Потом я пошел к Маршаку. Маршак был усталый, я ленивый, и стихи читались вяло. В 10 часов я уже вернулся домой.

С давних времен я люблю помечтать: рисовать себе квартиры и обставлять их. Я рисую другой раз особняки на 80 комнат, а в другой раз мне нравятся квартиры в 2 комнаты. Сегодня мне хочется иметь такую квартиру [два рисунка планов квартиры зачеркнуты. — *Публ.*]

Это время я ничего не пишу и не читаю. Калоши у меня сносились. Сапоги почти тоже. Денег нет. Сегодня приезжала Машенька, привезла мне рыбьего жира и 25 руб. денег¹²⁵. Я ложусь поздно спать. Сейчас уже без четверти два.

Суббота, 26 ноября

Повесил у себя в комнате икону Иверской Божьей Матери.

Сегодня решил сидеть дома и никуда не выходить. Позвонил Эстер. [О]на сказала, что я хорошо сделал. Но надежд не подает.

Пришел ко мне Вейсенберг¹²⁶. Потом пришли Боба и Игорь. Вечером звонила Эстер и спрашивала телефон Юдиной¹²⁷. Звонила сестра Эрбштейна¹²⁸, ей нужно повидать Александра Ивановича. Звонила Татьяна Николаевна и спрашивала телефон Ивана Ивановича. Игорь и Боба сидели у меня до часу ночи. Я на ночь читал «Капитана Трафальгара»¹²⁹.

Воскресенье, 27 ноября.

С утра позвонил Алисе Ивановне. Вечером она собирается на концерт в Филармонию, будет моцартовский Реквием¹³⁰. Я хочу

тоже пойти. Звонил мне Ираклий¹³¹. Позвонила и Эстер. Она всю ночь была на вечеринке. Со мной говорила как по обязанности. Ей неинтересно встречаться со мной. О встрече она ни слова. Я тоже молчал.

Звонила Татьяна Николаевна, и я сговорился с ней, что буду в Филармонии в 8^{1/2} часов. Я разгладил свой поношенный костюмчик, надел стоячий крахмальный воротничок и вообще оделся как мог лучше. Хорошо не получилось, но все же до некоторой степени прилично. Сапоги, правда, чересчур плохи, да к тому же и шнурки рваные и связанные узелочками. Одним словом, оделся как мог и пошел в Филармонию.

В вестибюле встретил Порет с Кондратьевым и Глебову. У Ивана Ивановича просить билет у меня все равно духу не хватит, и я встал к кассе. Надо купить билет не только себе, но и Глебовой. Самые дешевые оказались за восемь рублей, и я их купил.

Я очень застенчив. И благодаря плохому костюму, и все-таки непривычке бывать в обществе, я чувствовал себя очень стесненным. Уж не знаю, как я выглядел со стороны. Во всяком случае, старался держаться как можно лучше. Мы ходили по фойе и рассматривали фотографии. Я старался говорить самые простые и легкие мысли, самым простым тоном, чтобы не казалось, что я острою. Но мысли получались либо скучные, либо просто глупые и даже, мне казалось, неуместные и, порой, грубоватые. Как я ни старался, но некоторые вещи я произносил с чересчур многозначительным лицом. Я был собой недоволен. А в зеркале я увидел, как под затылком оттопырился у меня пиджак. Я был рад поскорее сесть на места.

Я сидел рядом с Глебовой, а Порет с Кондратьевым сидели в другом месте.

Я хотел сесть в светскую, непринужденную позу, но, по моему, из этого тоже ничего не вышло. Мне казалось, что я похож на солдата, который сидит перед уличным фотографом.

Концерт мне не понравился. Т.е. выше и лучше «Реквиема» я ничего не знаю, и Климовская капелла всегда была поразительна, но на сей раз хор был явно мал. И «Реквием» не звучал, как нужно.

В антракте видел Житкова с супругой, видел Frau Renè, разговаривал с Иваном Ивановичем, но говорил не находчиво и не умно. Какой я стал неловкий.

После концерта подошел к нам Исай Александрович Браудо¹³². На этом основании я не поехал провожать Глебову.

Я поехал к Липавскому, где должен был быть Введенский и Олейников. Но Олейникова не было, а Введенский был с Анной Семеновной¹³³.

Вот за столом у Липавского я чувствовал себя вполне свободным и непринужденным. Но, по-моему, я и тут пересолил и чересчур размахался. Впрочем, не знаю.

Я напросился ночевать у Липавского. Тамара Александровна перешла спать в столовую и целую ночь не спала.

Понедельник, 28 ноября

Сегодня Александр Иванович едет в Борисоглебск. От Липавского я пошел прямо к Александру Ивановичу. Я был с ним на рынке, где он покупал себе почки. Придя к Александру Ивановичу с рынка, я обнаружил, что пропала моя старая трубка. Кто поймет, что значит потерять трубку! По счастью, оказалось, что она у Тамары Александровны. Я провожал Александра Ивановича. На вокзал с нами поехали обе Евгении Ивановны¹³⁴. Туда же должна была прийти Анна Семеновна и сестра Эрбштейна. За полчаса до отхода поезда Евгении Ивановны ушли. Мы остались с Александром Ивановичем вдвоем. И вот его Нюрочка не пришла. Я видел, как его это опечалило. Он уехал очень расстроенный. Потом Нюрочка звонила мне и спрашивала, как уехал Александр Иванович. Нюрочка похожа своим поведением на Эстер.

Я лежал и читал «Der gute Ton». Было уже почти 9 часов. Вдруг позвонила Эстер. Эти дни она очень весело проводила время: все ходила по гостям. А сегодня гости у них, ибо 35-летие свадьбы Ольги Григорьевны и Александра Ивановича¹³⁵. Эстер просит меня приехать. Что я ни говорю, она все-таки настаивает на своем. И я еду.

В столовой сидит много народа. Тут и Кибальчич¹³⁶, и Яхонтов¹³⁷, и Марсель, и какие-то дамы, и какие-то еще люди. Эстер налила мне рюмку ликера. Я сидел совершенно красный, и у меня горели уши. У Эстер очень истасканый и развязный вид. Она говорит, взвизгивает, хочет или вдруг слушает с раскрытым ртом, и тогда она становится похожей на старую еврейку. Этого раньше не было. Но я люблю ее. Несколько раз Эстер взглядывает на меня и каждый раз все менее и менее приветливо. Яхонтов встает и читает стихи. Он читает Державина. Читает очень плохо, но декламаторски и культурно. Потом читает Пушкина. Всем очень нравится¹³⁸.

Эстер хлопает в ладоши и говорит: «Ах, какая прелесть!» Потом Яхонтов уходит.

Когда Wiktor'a Кибальчича спрашивают, как понравился ему

Яхонтов, он говорит, что у Яхонтова своя манера читки, и ему [хо]телось бы послушать его целый вечер. Эстер говорит: [«Я в него влюблена». Wiktor говорит: «О, это очень просто, [для] этого не надо читать Пушкина».

Тогда Эстер говорит: «Я влюблена не в него, а в его [чи]тку. Я влюблена в Пушкина».

Тогда Wiktor говорит: «О! Я был в Москве и видел Пушкина. Трудно, чтобы он ответил на любовь». (Wiktor говорит о памятнике). Так Wiktor острит целый вечер и именно так, как я больше всего боялся сделать вчера, в фойе Филармонии.

Я сидел красный и неуклюжий и почти ничего не мог сказать. Все, что я говорил, было поразительно неинтересно. Я видел, как Эстер презирала меня.

Я сказал Эстер: «Эстерочка, я потерял свою трубку».

Она переспросила: «Что? Трубку?» — и потом заговорила о чем-то другом с Наталией Александровной¹³⁹.

Наконец, гости собрались уходить. Я нарочно переждал всех. Марсель сыграл мне что-то на рояле. Я простился и пошел. Эстер проводила меня до двери. У нее было очень неприятное лицо: чем-то озабоченное, не касающимся меня, а по отношению ко мне — недовольное. Я ничего не сказал ей. Она тоже. Мы только сказали: до свидания. Я поцеловал ей руку. Она захлопнула дверь.

«Боже! — сказал я тогда. — Какая у нее блядская рожа!» Я сказал так про себя и побежал по лестнице вниз. Я сказал очень очень грубо. Но я люблю ее.

Я зашел на 10 минут к Жуковскому¹⁴⁰ и пошел пешком, по Невскому, домой. Придя домой, я записал все это.

3 часа 10 минут ночи.

Вторник, 29 ноября

Утром ходил с Бобой в горком, но ничего не добился. Видел Пантелеева и Заболоцкого.

Потом вернулся домой. Звонила Порет. Я должен был идти к ним, но потом все переменялось. Я пригласил Порет к себе. Лежал на кушетке и читал «Капитана Трафальгара». Половину двенадцатого пришла Алиса Ивановна. У меня была кетовая икра и севрюга. Это было очень кстати. Пили чай. Алиса Ивановна была у меня до 2-х часов ночи. Потом я провожал ее домой. У кинематографа «Две маски» мы остановились и решили завтра идти на фильм «Зеленый переулочек»¹⁴¹. Домой пришел часа в 4. /.../

Среда, 30 ноября.

Проснулся поздно, так в час. Позвонил Алисе Ивановне, решили идти в кинематограф. Она должна была позвонить мне в 4. Зашел ко мне Гейне¹⁴² и скоро ушел. В 4 звонила Алиса Ивановна. Решили идти на 6-часовой сеанс. Я предложил приехать раньше и привезти оставшуюся рыбу. Алиса Ивановна просила приехать сразу. Я сразу и приехал. У нее и обедал. Потом Алиса Ивановна рисовала, а я сидел и ничего не делал. Мы пропустили несколько сеансов, ибо решили идти с Петром Павловичем Снабковым, и ждали, когда он освободится. Пошли на сеанс 10⁴⁰ и купили 3 билета. До начала осталось больше часа. И мы решили ехать ко мне, и, что найдем, поесть. Так и сделали. Потом звонили Снабкову, но там никто не подходил. Алиса Ивановна позвонила домой и предложила Татьяне Николаевне пойти с нами. И мы пошли в кинематограф. Я сидел рядом с Алисой Ивановной. Потом еще пошли к ним пить чай. Некоторое время я был наедине с Татьяной Николаевной, смотрел ее картины. Потом пили чай. Ушел от них в 1^{1/2} ночи. На трамвай все же попал у Царскосельского вокзала.

Сегодня звонила Наташа и сказала, что шуба готова. После завтра должен ехать за ней. Надо доставать деньги (70 рублей). Наташа страшно устает. Как помочь Наташе? Ее служба слишком тяжела. Надо ей переехать в Ленинград.

Четверг, 1 декабря

С утра начал искать денег. Но кому ни звонил, ничего не вышло. Я пошел к Шварцу. Дома была одна Екатерина Ивановна¹⁴³, она жаловалась на полное безденежье.

Нигде денег достать не мог. Звонил об этом Алисе Ивановне. Она посочувствовала мне. На прощанье сказала: «До свидания, милый Даниил Иванович». Кажется, она сказала «милый». Вечером я был у Липавского. Там денег тоже нет. Липавский читал мне свою сказку «Менике». Сказка плохая, и я ее поругал¹⁴⁴. Тамару Александровну¹⁴⁵ и Валентину Ефимовну¹⁴⁶ таскал за волосы. Вообще, перебиваясь и, кажется, произвел плохое впечатление. Домой ехал на втором номере до Невского.

Пятница, 2 декабря.

Встал в 10 часов. Побрился. Позвонил Алисе Ивановне. Решили ехать сегодня в Царское. Занял у Или¹⁴⁷ 5 рублей. Приехал к Алисе Ивановне, а там уже Павел Михайлович Кондратьев.

Кондратьев уже шесть лет влюблен в Алису Ивановну. Он лю-

бит ее по-настоящему. Но он, с ее стороны, не видит ничего хорошего. Хорошо ему было только пока он был болен, и Алиса Ивановна каждый день приходила к нему. Теперь он мучается и рвет дни и ночи напролет¹⁴⁸.

Я с Алисой Ивановной пришел на вокзал. До отхода поезда у нас 1 час 40 минут. Мы пошли погулять в садик. В поезде Алиса Ивановна читала мои стихи.

В Царском пришли к моей тете. Наташи не было дома. Алиса Ивановна вела себя робко. Я чувствовал некоторую власть над ней. Мы оба хотели есть. Выпили стакан молока. Потом мы гуляли в парке. Ели в столовой. Видели Фирузека и поехали домой.

В поезде стояли на площадке. В Петербурге решили, что Алиса Ивановна зайдет ко мне поесть. Но потом она попросилась зайти к себе домой. А дома ей сказали, что Снабков уже на дороге к ним. [Алиса] Ивановна осталась, а я пошел домой. Дома было [нече]го есть. Хорошо, что Алиса Ивановна не поехала со мной.

[Я] немного спал. Звонила Эстер, но я не обрадовался ее [з]вонку. Зато когда позвонила Алиса Ивановна, я был очень рад. Возились с радио. Владимир Иосифович¹⁴⁹ и я, до 3 часов ночи. Потом, в кровати, я писал мысли об Алисе Ивановне в записную книжку. Долго не спал, думая об Алисе Ивановне. Это нехорошо. Хорошо, чтобы она думала обо мне.

Суббота, 3 декабря

Утром встал и звонил Алисе Ивановне. Она через Илю хочет продать каракулевое манто. Принял ванну. Днем пришел ко мне Липавский, потом Олейников и Заболоцкий. Я трещал, что женился на Алисе Ивановне. Как я бестактен! Потом Олейников звонил Алисе Ивановне и спрашивал обо мне. Алиса Ивановна прекратила с ним разговор. Когда все ушли, я позвонил Алисе Ивановне. Она назвала меня провокатором и, видно, изменила обо мне мнение. Вчерашние наши отношения исчезли. Я мучался этим. Пришел Вейсенберг. Сидел довольно долго. Потом я пошел к Бобе. От Бобы не вытерпел и в 11 часов позвонил Алисе Ивановне. Говорил ерунду. У нее был голос не очень приветливый. Поделом мне! У Бобы сидел до 3¹/₂ часов ночи.

Лиза и Иля собрали мне 75 рублей.

Вчерашние ночные мысли об Алисе Ивановне кажутся мне сегодня позорными. Надо не звонить Алисе Ивановне. Не буду звонить ей.

Воскресенье, 4 декабря

Утром пришел ко мне Башилов¹⁵⁰. До обеда я проводил к себе в комнату громкоговоритель от ЭЗС'а. После обеда поехал в Царское к Наташе. Получил у портного пальто. Некоторое время посидел у Наташи. Была Машенька. Ел чудный, огромный лук, жареного гуся и пил молоко. Домой вернулся к 12-ти часам.

Понедельник, 5 декабря.

Утром был у Олейникова. Подарил ему исполинскую луковичку. Пришел домой. Приехала Машенька. Я постригся под горшок. Вечером в крахмальных манжетах, в крахмальном воротничке и белом жилете поехал к Алисе Ивановне. Там собралось следующее общество: Алиса Ивановна, Татьяна Николаевна, Frau Renè, Снабков, Браудо, Струве¹⁵¹, Олейников и я. Было довольно скучно. С Алисой Ивановной я почти поссорился. Обрато шел с Олейниковым пешком. Он не верит, что я считаю его хорошим поэтом.

Вторник, 6 декабря.

В 11 часов утра позвонила мне Эстер. Она сказала, что не может сказать мне [по-]русски и скажет по-французски. Я ничего не понял, что она сказала, но в этом мне было стыдно признаться. Я задавал ей глупые вопросы, невпопад. И, наконец, она рассердилась и повесила трубку.

Звонила Алиса Ивановна, она говорила, что вчера ей были все противны. И звонит она, чтобы я не ссорился. Но вышло, что мы поссорились еще больше.

Заходил днем Эрнест Эрнестович.

Вечером был у Житкова. Были Олейников, Матвеев¹⁵² и Бианки. Потом пришла Татьяна Кирилловна Груздева¹⁵³. Пили водку. Житков напился. Обрато шли пешком Олейников, Матвеев и я.

Среда, 7 декабря

Хотел сегодня начать работать. Но целый день ничего не делал. До 4 часов совершенно ничего не делал. В 4 пришел Тювелев¹⁵⁴, он занимается математикой и немецким языком. Когда Тювелев ушел, я с Владимиром Иосифичем возился с радиоприемником. Вечером был у Порет и Глебовой.

1933

8 февраля 1933 года.

Я не могу удержать себя и не увидеть сегодня Алисы Ивановны. Ехать к ней сейчас — почти наверняка испортить все. Я знаю, как это глупо, но я не могу удержать себя. Я еду к ней и, может быть, при помощи Ксении, все будет очень хорошо.

Даниил.

Сейчас я сижу в комнате у Алисы Ивановны. Очень неприятное чувство. Я не вижу, чтобы Алиса Ивановна относилась ко мне хорошо. Она изменилась ко мне. Было бы разумно просто уйти. Но страшно потерять ее таким образом навсегда.

Она опять начала разговор о моем злодействе. Не знаю, что она под этим подразумевает, но во всяком случае, ничего хорошего в этом нет.

Я прошу Бога сделать так, чтобы Алиса Ивановна стала моей женой. Но видно, Бог не находит это нужным. Да будет Воля Божья во всем.

Я хочу любить Алису Ивановну, но это так не удастся. Как жалко! Села!¹⁵⁵

Если бы Алиса Ивановна любила меня и Бог хотел бы этого, я был бы так рад!

Я прошу Тебя, Боже, устрой все так, как находишь нужным и хорошим. Да будет Воля Божья!

В Твои руки, Боже, передаю судьбу свою, делай все так, как хочешь Ты.

Милая Алиса Ивановна, думалось мне, должна стать моей женой. Но теперь я ничего не знаю. Села!

Я вижу, как Алиса Ивановна ускользает от меня.

О, Боже, Боже, да будет Твоя Воля во всем.

Аминь.

13 февраля 1933 года. Даниил Хармс.

Суббота, 18 февраля 1933 года.

Новый год встречал с Глебовой. А потом приехали ко мне Алиса Ивановна и Снабков. Они целовались, и мне было это мучительно видеть. Потом на несколько дней я поссорился с Алисой Ивановной. Это случилось после 4-го, когда я ехал с ней на извозчике и чуть-чуть не поцеловал ее. Расстались мы очень нежно. А на другой день она не захотела меня видеть. И больше недели мы не виделись. Потом лишь с трудом помирились. А за это вре-

мя чего я только не надумался. Я ревновал к Введенскому. Но в 20-х числах января мы снова подружились. В конце января наступило тревожное время в связи с паспортизацией¹⁵⁶. С Алисой Ивановной мы виделись буквально каждый день. Я все больше и больше влюблялся в нее, и 1-го февраля сказал ей об этом. Мы назвали это дружбой и продолжали встречаться.

[11 ф]евраля Alice уехала во Всеволожское. 12 февр. звонила оттуда мне по телефону. Я днем ездил в Царское, а вечером пришел к Alice, которая уже вернулась в город. Были Чернецов¹⁵⁷ и Кондратьев. Alice была довольно холодна.

13 февр. Alice не дала себя поцеловать. Я долго и глупо говорил.

14 февр. Alice была у меня. Мы целовались. Я поцеловал ее ногу. Alice была очень мила.

15 февр. Утром проводил Alice из Госиздата домой. А вечером опять был у нее.

/.../

16 февраля говорили по телефону довольно нежно. Alice завтра едет во Всеволожское до 20-го. Обещала 18-го звонить и написать мне письмо.

16 же вечером был у Липавских. Там был Яков Друскин¹⁵⁸. Домой вернулся в 11 часов.

17 целый день писал Alice письмо. И вечером послал /.../ 18-го Alice не звонила. Был днем Гейне. Вечером я пошел к Эстер. Она лежит больна. /.../

Воскресенье, 19 февраля

Ночью были страшные мысли о

Во сне видел Кепку¹⁵⁹, но будто она белая. Утром, пока я еще спал, пришел Введенский. Жаловался ему на бессилие. Ходил в горком. Б[р]ауна и Калныня не видел¹⁶⁰. Анкету не заверил. Встретил Шварца. Заходил к нему и пил чай. Потом долго гулял с ним по улице. Вечером был опять у Эстер. Она все еще больна. Сегодня у нее была температура 38,9. Я не трогал ее по трем причинам: во-первых, из-за ее температуры, во-вторых, из-за ее бессилия и в-третьих, потому что люблю Алису Ивановну.

Домой вернулся в 11^{1/2} часов и пил чай с Лизой и Владимиром Иосифовичем.

20 февраля говорил с Алисой по телефону. Она приехала, но в этот де[нь] мы не увиделись. Я пошел к Эстер. Эстер не позволила к себе прикоснуться. Хорошо. Я ушел к Липавским.

---

1 марта. Наташу сократили. Вечером был у Лизы ужин по случаю рождения Кирилла¹⁶¹. Была Алиса Ивановна, и познакомилась она с Лизой. Потом Алиса Ивановна сидела у меня до 3 часов. Мы опять много говорили. Я люблю Алису Ивановну, а она любит Петра Павловича. Тут еще примешан Кондратьев. А я бессилен. А извне угрозы. А я так сильно люблю Алису Ивановну! Вот какое вртово!

2 марта был у Житкова. Бианки, Бармин¹⁶², Житков и я обсуждали серию энциклопедических книг.

3 марта. Был утром у Алисы Ивановны. Она рисовала охотников. Смотрели Гойю. Вечером у нее должен быть Петр Павлович. Я этого не мог вынести и ушел раньше, чем следовало. Обедал в комклубитовской столовой. Придя домой, не вытерпел и позвонил Алисе Ивановне. Это был напрасный звонок. Вечером чувствовал себя ужасно. С одной стороны так люблю Алису, а с другой — так бессилен. Сейчас собираюсь пить зеленый чай, подарок милой Алисы Ивановны.

Пятница, 3 марта. В конце февраля Алиса была как-то у меня. Мы долго говорили. Выяснилось, что она любит Петра Павловича и живет с ним.

[Апрель — май]

Комната Малевича,
Комната Шварца.

[Далее — подчеркнутый Хармсом рисунок комнат. — *Публ.*]

[апрель 1933]

Я хочу писать. Я хочу очень много и хорошо писать. Я хочу писать очень много очень хороших стихов.

Солнечный день. Марсово поле.

Что меня интересует

Стихи.

Укладывать мысли в стихи.

Вытягивать мысли из стихов.

Опять укладывать мысли в стихи.

Проза.

Озарение, вдохновение, просветление, све[р]хсознание
Пути достижения.
Нахождение своей системы достижения.
Различные знания неизвестные науке.
Общие законы различных явлений.
Нуль и НОЛЬ.
Числа.
Знаки.
Буквы.
Шрифты и почерка.
Все логически бессмысленное и нелепое.
Все вызывающее смех.
Глупость.
Юмор.
Естественные мыслители.
Приметы.
Индивидуальные суеверия.
Чудеса.
Окусы ручные, но не иллюзьюны с аппаратами.
Человеческие взаимоотношения, частные.
Хороший тон.
Человеческие лица.
Красота женщин.
Половая физиология женщин.
Запахи.
Ликвидация брезгливости.
Умывание, купание и ванна.
Чистота и грязь.
Пища.
Приготовление некоторых блюд.
Подавание блюд к столу.
Курение трубки и сигарь.
Устройство дома, квартиры и комнаты.
[Платье] Одежда мужск[ое]ая и женск[ое]ая.

Меня интересует: что интересует других?
Что делают люди наедине с собой.
Сны.
Записные книжки.
Писание по бумаге чернилами или карандашом.

Ежедневная запись событий.
Маленькие гладкошерстные собаки.
Женщины, но только моего любимого типа.
Муравейники.
Палки-трости.
вода
колесо
Метеорология.

Меня интересуют добрые старушки из хорошего дома.
Фазы луны.
Запись погоды
Запись событий.
Кабалла
Пифагор.

Что я люблю:

Люблю писать. Люблю наблюдать приятных мне людей. Люблю наблюдать красивых женщин. Люблю есть. Люблю курить трубку. Люблю петь. Люблю голым лежать в жаркий день на солнце возле воды, но чтобы вокруг меня было много приятных людей, в том числе много интересных женщин. Люблю маленьких, гладкошерст[н]ых собак. Люблю [смех] хороший юмор. Люблю нелепое. Люблю часы, особенно толстые, карманные. Люблю записные книжки, чернила, бумагу и карандаши. Люблю гулять пешком [в] Петербурге, а именно: по Невскому, по Марсову полю, по Летнему саду, по Троицкому мосту. Люблю гулять в Екатерининском парке Царского Села. Люблю гулять возле моря, на Лахте, в Ольгино, в Сестрорецке и на Курорте. Люблю гулять один. Люблю находиться среди деликатных людей. [Люблю женщин, но только моего типа.]

[Мое] Что меня интересует:

Писать стихи и узнавать из них разные вещи.
Жирные цветы.

Чистота достигнута в стихах из «Гвидона»

Монах:
В калитку входит буква ять.
Принять ее?

Настоятель:
Да да, принять.

Монах и настоятель — загрязняют.

Надо пройти путь очищения (Perservatio, Katarsis). Надо начать с буквально с азбуки, т.е. с букв.

Летний Сад.

Грязь уют благополучие сон чувства.

Чистота близка к пустоте.

Не смешивай чистоту с пустотой.

Комната Малевича,
Комната Шварца.

Реестрик

24 апреля. Выступал в Доме Ученых¹⁶³. Получил 100 руб., вечером был у Шварца.

25 апреля выступал с Олейниковым, Шварцем¹⁶⁴ и Заболоцким в клубе строителей, получил 50 руб., вечером был у Михайлова¹⁶⁵ и заболел.

26 апреля приехала Наташа.

Меня лечит д-р Шапо¹⁶⁶.

2 мая был д-р Бичунский¹⁶⁷ и определил паратиф.

4 мая Шапо обнаружил на теле розеулы.

---

6 мая. Сегодня у меня были: Боба Левин, Шапо, Елизавета Петровна Пец¹⁶⁸ с таксами, д-р Фридланд¹⁶⁹ и Маршак. Читаю «Две Дианы» Дюма.

7 мая у меня с утра Саша Разумовский¹⁷⁰. Потом был Шапо. Вечером были Гага Кацман, Гриц¹⁷¹ и Фиалка¹⁷². Пили белое кислое вино.

8 мая утром пришел Боба, потом Михайлов, потом Шапо, потом Липавский¹⁷³. Звонили Пугачева¹⁷⁴ и Верховская¹⁷⁵. Пью вино Салхино. Лиза¹⁷⁶ уехала на дачу.

Четыре дворника¹⁷⁷ танцуют венгерку.

---

41) Прогулка в лес.

42) Новый талантливый писатель.

43) О доброй и общественнополезной деятельности¹⁷⁸.

Кн. Одоевский. «Русские ночи». Себастиан Бах. Изд. Пис. «Старинные повести» Марлинского.

Маршак уехал с Сперанским¹⁷⁹ 10 мая.

[Написать заявление. Завиться Марине¹⁸⁰. Съездить к Султановой¹⁸¹. Написать доверенность. Узнать адрес Всероскодрама¹⁸². Подать заявление прокурору, достать билеты, флакон Ларисе. Написать адреса. Памятную записку. Адрес Всероскодрама.]

Катаньян¹⁸³. Большая Дмитровка, 15.

[Книги, прочитанные мною]

Стивенсон «Остров сокровищ» — 13 мая.

Стивенсон и Осберн «Потерпевший крушение» — 18 мая.

Фрейд «Психопатология обиденной жизни» — 24 мая.

Тынянов «Малолетний Витушишников» — 28 мая.

Толстой. III-ий том, рассказы. (А.Н. Толстой) — 1 июня.

Песнь грузчиков (хорошо).

Гурийская народная песня (очень хорошо).

Габриэлов — Восточная мелодия (оркестр) — очень хорошо.
(Состоит из отдельных тем).

Курд шах Наз (хуже) — Восточная мелодия (надоедливо. Ко-
нец хорошо).

Наглидан хамлун гарибо — грузинская народн. песня.

Choir — запевы разной длины.

Гогонэ да гогонэ. Груз. плясовая.

Тихон Васильевич Чурилин. К-1-55-56. Новинский бульвар,
21, кв. 8.¹⁸⁴

Разузнать об Р.Стивенсоне. Посмотреть в энциклопедию.

Узнать об Осберне, сотруднике Стивенсона¹⁸⁵.

О Бахе, для «Ежа»¹⁸⁶.

---

1. Бородачи.

2. Яйца.

3. Красный домик на полосах.

4. Лицо с крестом (фон розовый).

5. Дама в зеленой юбке.

6. Яйцевидный человек, в лимоновой рубаше.

7. Квадрат. Черный квадрат.

8. Пять домиков. (Силосные башни).

9. Черный крест. Пересечение плоскостей.

10. Группа в три человека. Особо чистая. 1914.

11. Бородачи на синем фоне. 3 бородача. В белой, зеленой и бе-
лой рубаше.

12. Автопортрет в пестром костюме¹⁸⁷.

[Июнь]

В предисловии к книге описать какой-то сюжет, а потом ска-
зать, что автор для своей книги выбрал совершенно другой сюжет.

На вид ему было лет 36, а на самом деле, без малого 38.

Один человек с малых лет до глубокой старости спал всегда
на спине со скрещенными руками. В конце концов он и умер. По-
сему — спи на боку.

Интересно, что почти все великие писатели имели свою идею и считали ее выше своих художественных произведений. Так например, Blake, Гоголь, Толстой, Хлебников, Введенский.

Величина творца определяется не качеством его творений, а либо количеством (вещей, силы или различных элементов), либо чистотой. Достоевский огромным количеством наблюдений, положений, нервной силы и чувств достиг известной чистоты. А этим достиг и величия.

Н.М. [Олейников. — *Публ.*] считает, что Ш[урка] и я почти то же самое.

---

25 июня 1933 год.

Ставлю себе на вид, что так бездельничать больше нельзя. Надо писать каждый день. Надо уйти в идею и служить ей.

[июль]

Надо сочинить закон или таблицу, по которой числа росли бы необъяснимыми непериодическими интервалами¹⁸⁸.

Надо ввести в русский язык опять усеченные прилагательные.

Ел сегодня английский ванильный мусс и остался им доволен.

Рассматривал электрическую лампочку и остался ею доволен.

Купался в Екатерининском пруду и остался этим доволен.
(10 июля).

Нет нисколько погружения ни во что. За что приняться? Неприятные денежные перспективы меня отчасти мучают. Дергаю глазами и головой.

31 августа.

[сентябрь]

Опасно думать о чем попало.

Есть звуки даже довольно громкие, но мало отличающиеся от тишины. Так, например, я заметил, что я не просыпаюсь от нашего дверного звонка. Когда я лежу в кровати, то звук звонка мало отличается от тишины. Происходит это потому, что он похож на ту вытянутую, колбасную форму, которую имеет свернувшийся конец одеяла, располагающийся возле моего уха. Все вещи располагаются вокруг меня некими формами. Но некоторые формы отсутствуют. Так, например, отсутствуют формы тех звуков, которые издают своим криком или игрой дети. Поэтому я не люблю детей¹⁸⁹.

Когда два человека играют в шахматы, мне всегда кажется, что один другого околпачивает. И я до некоторой степени прав, потому что тот, кто проиграл, может считаться околпаченным. Особенно если они играли на деньги.

Вообще мне противна всякая игра на деньги. Я запрещаю играть в своем присутствии.

Когда я вхожу куда-нибудь, где в тот момент ведется игра, все моментально ступшевываются.

Все-таки я фигура удивительная, хотя я и не люблю очень часто говорить об этом¹⁹⁰.

Воскресенье 10 сентября.

Как часто мы заблуждаемся! Я был влюблен в Алису Ивановну, пока не получил от нее всего, что требует от женщины мужчины. Тогда я разлюбил Алису. Не потому, что пресытился, удовлетворил свою страсть и что-либо тому подобное. Нет, просто потому, что узнав Алису как женщину, я узнал, что она женщина неинтересная, по крайней мере, на мой вкус. А потом я увидел в ней и другие недостатки. И скоро я совсем разлюбил ее, как раз тогда, когда она полюбила меня. Я буквально удрал, объяснив ей, что ухожу, ибо она любит Петра Павловича. Недавно я узнал, что Алиса вышла замуж за Петра Павловича. О как я был рад!

А с Эстер я все продолжал встречаться. Уже нет той любви, что была когда-то, но, во всяком случае, Эстер как женщина нравится мне, а это, хоть, может быть и кажется печальным, — но важно очень. Да, очень важно!

Вторник, 19 сентября 1933 года

Лучше удаются художественные произведения, изображающие отрицательные стороны человеческой природы. Также лучше удаются произведения, начатые с безразличного или даже плохого слова.

Числа в своем происхождении не оканчиваются нулем. Но система отрицательных количеств — вымышленная система. Я предполагал создать числа меньше нуля — *Cisfinitum*. Но это тоже было неверно. Ноль заключает в себе самом эти неизвестные нам числа. Может быть, правильно было бы считать эти числа как некие нулевые категории. Таким образом, нисходящий ряд чисел принял бы такой вид:

- ...3 — категория III
- 2 — категория II
- 1 — категория I
- 0 — категория 0
- категория двух 0-ей
- категория трех нулей
- категория четырех нулей

...и т.д.

Пре[д]лагаю ноль, образующий некие категории, называть ноль и изображать не в виде удлинённой окружности 0, а точным кружком 0¹⁹¹.

---

21 сентября

Интересно что: немец, француз, англичанин, американец, японец, индус, еврей, даже самоед, — все это определенные существительные, как старое *россиянин*. Для нового времени нет существительного для русского человека. Есть слово «русский», существительное, образованное из прилагательного, да и звучит только как прилагательное. Неопределенен русский человек! Но еще менее определенен «советский житель». Как чутки слова!

---

25 сентября

Читаю Байрона «Преображенный урод».

Начало с проклятием матери замечательно. Но дальше бесчисленное появление древних героев делается лишним. Байрон слишком увлекается описанием их.

Очень хорош первый разговор Арнольда с неизвестным, до заклинания. Потом идет появление героев.

Как бездарен рисунок к «Преображ. уроду»! «Появление тени Ахилла» — рис. Мадокс Броун¹⁹².

Арнольд, вместо уродливого горбуна, которого даже «... человек, избегая, со страхом кругом обойдет», — просто крадущийся юноша, готовый поймать бабочку, сидящую на низеньком цветке, а потому согнувший колени и корпус и держащий наготове руки.

Незнакомец — просто высокий человек с усами, для таинственности завернутый в плащ.

Ахилл, который должен быть гигантом в двенадцать локтей ростом, — не выше горбуна. На голове у него каска с куском шестерни, какую изображают на значках. Ос[о]жавиахима. С лицом хорошенькой гувернантки, стоит он в скромной позе провинциального балетного танцора. Мадокс Броун хотел изобразить Ахилла, стоящего в водопаде, но жиденькие ахилловы ноги стоят на воде, а не в воде. И вообще, водопад соломенный. В руках Ахилл держит два копья, длиной с тросточку, но с большими и широкими наконечниками; впечатление, что он держит в руках вафельницу. Позор, а не рисунок!

Пьеса делается дальше интересной. Особенно когда дело происходит в самом Риме. Интересно появление Бенвенуто Челлини. Дальше замечательно говорит Цезарь (Мефистофель), очень тонкий отрывок из III части, где граф Герман ревнует Олимпию.

О СМЕХЕ

1. Совет артистам-юмористам

Я заметил, что очень важно найти смехотворную точку. Если хочешь, чтобы аудитория смеялась, выйди на эстраду и стой молча, пока кто-нибудь не рассмеется. Тогда подожди еще немного, пока не засмеется еще кто-нибудь, но так, чтобы все слышали. Только этот смех должен быть искренним, и клакеры в этом случае не годятся. Когда все это случилось, то знай, что смехотворная точка найдена. После этого можешь приступать к своей юмористической программе, и, будь спокоен, успех тебе обеспечен.

2. Есть несколько сортов смеха. Есть средний сорт смеха, когда смеется весь зал, но не в полную силу. Есть сильный сорт смеха, когда смеется только та или иная часть залы, но уже в полную силу, а другая часть залы молчит, до нее смех, в этом случае, совсем не доходит. Первый сорт смеха требует эстрадная комиссия от эстрадного актера, но второй сорт смеха лучше. Скоты не должны смеяться.

---

25 Sep.

Стихи надо писать так, чтобы каждая отдельная мысль стихотворения, высказанная прозой, была бы так же чиста, как и стихотворная строчка, выражающая ее.

Стихотворные строчки:

«...гибнут реки наших знаний
в нашем черепе великом...»

выглядят хорошо. Но сказать прозой:

«...я видел, как реки наших великих знаний постепен-
но гибнут и в нашем великом черепе...»

звучит плохо. Надо сказать:

«...я видел, как гибнут наши знания и в нашем боль-
шом черепе...»

Конечно, в стихах свой закон, но было бы еще лучше, если бы стихи звучали хорошо, сохраняя в то же время и закон прозы¹⁹³.

---

25 Sep.

Курение служит блестящим доказательством того, как курящий человек набирает дым в рот, пропускает его через легкие и потом выпускает его на воздух.

---

4 Okt.

Надо бросить курить, чтобы хвастаться своей силой воли.

Приятно, не покурив неделю и уверившись в себе, что сумеешь воздержаться от курения, придти в общество Липавского, Олейникова и Заболоцкого, чтобы они сами обратили внимание на то, что ты целый вечер не куришь.

И на вопрос их: почему ты не куришь? — ответить, скрывая в себе страшное хвастовство: я бросил курить!

Хорошо и практично, чтобы избавиться от порока курения, использовать порок хвастовства.

Любодеяние, винолюбие и чревоугодие — меньшие пороки, нежели курение.

Вариант:

Винолюбие, чревоугодие и хвастовство — меньшие пороки, нежели курение.

Курящий господин подобен пуговице, а курящая дама подобна петле. А потому бросимте, господа, курить.

Вариант:

Курящий господин недостоин быть даже пуговицей, а курящая дама недостойна быть даже петлей. А потому бросимте, господа, курить.

Вариант:

Курящий господин подобен курице, а курящая дама подобна навозной куче. А потому бросимте, господа, курить.

Вариант:

Курящий господин подобен пуговице, зарытой в навозную кучу, а курящая дама вечно раздражает всех своей папироской. А потому бросимте, господа, курить.

Вариант:

Курящий господин никогда не находится на высоте своего положения, а курящая дама способна положительно на всё. А потому бросимте, господа, курить.

Не надо путать плодовитость с производительностью. Первое не всегда хорошо; второе хорошо всегда.

О ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ

Мои творения, сыновья и дочери мои.

Лучше родить трех сыновей сильных, чем сорок, да слабых.

Не путай производительность и плодливость.

Производительность — это способность оставлять сильное и долговечное потомство, а плодливость — это только способность оставлять многочисленное потомство, которое может долго жить, но однако, может и быстро вымереть.

Человек, обладающий производительной силой, обыкновенно бывает в то же время и плодовит.

20 окт[ября] 1933.

О ГЕНИЯХ

Если отбросить древних, о которых я не могу судить, то истинных гениев наберется только пять, и двое из них русские. Вот эти пять гениев-поэтов: Данте, Шекспир, Гете, Пушкин и Гоголь.

Лучше плохое назвать хорошим, чем хорошее плохим, а потому я говорю, что Шестакович, должно быть, гений.

---

20 окт[ября].

Прослушав два первых действия оперы «Леди Макбет», склонен полагать, что Шестакович не гений.

Не знаю, почему все думают, что я гений; а по-моему я не гений. Вчера я говорю им: Послушайте! [Я вовсе не гений!] Какой же я гений? А они мне говорят: Такой! А я им говорю: Ну какой же такой? А они не говорят какой, а только и говорят, что [такой] гений и гений. А по-моему я все же не гений.

Куда ни покажусь, сейчас же все начинают шептаться и на меня пальцами показывают. «Ну что же это в самом деле!» — говорю я. А они мне и слова не дают сказать, того и гляди схватят и понесут на руках.

Жан-Батист Покелин Мольер.

Я рассматривал одну из трех сохранившихся подписей Мольера, относящуюся к 1668 году.

Это прекрасная, четкая подпись, ни одна буква не написана без внимания. Вся подпись выглядит примерно так:

J. B. Poquelin (Moliere).

[Воспроизведена роспись Мольера. — Публ.]

Я долго изучал женщин и теперь могу сказать, что знаю их на пять с плюсом. Прежде всего женщина любит, чтобы ее замечали. Пусть она стоит перед тобой или станет, а ты делай вид, что ничего не слышишь и не видишь, и веди себя так, будто и нет никого в комнате. Это страшно разжигает женское любопытство. А любопытная женщина способна на все.

Я другой раз нарочно полез в карман с таинственным видом, а женщина так и уставится глазами, мол, дескать, что это такое? А я возьму и выну из кармана нарочно какой-нибудь подстаканник. Женщина так и вздрогнет от любопытства. Ну, значит и попалась рыбка в сеть!

1934

О великом центре величины

С одной стороны космологические величины, с другой атомические. Где же тот в[е]ликий центр, где все не большое не маленькое? Есть ли абсолютно такой центр? И есть ли границы сторон?

2 августа.

Дандан.

[август]

Совершенно невозможное ощущение, что все время на тебя кто-то смотрит.

Я хотел записать это, но подумал, что кто-то может увидеть, что я собираюсь записывать что-то и подумать, что вот мол он записывает что-то плохое.

Надо все время рисоваться.

Некоторые музыкальные произведения можно спеть так, а можно иначе, например, ария индийского гостя из «Садко». Отдельные части арии путаются, и, не зная арии твердо, ее можно спеть иначе и не заметить этого. У Моцарта не изменишь ни одного звука, — сразу будет заметно.

Слушал Шаляпина. Поет «Соловья» Чайковского. Плохо поет, и вещь плохая. Но вещь подходит к концу.

Нет нисколько погружения во что-то. За что приняться? Неприятные денежные перспективы меня отчасти мучают. Дергаю глазами и головой.

31 августа.

[сентябрь]

Творение — действие — исчезновение.

Воспоминание о рае.

Деля *единую* пустоту на [три] две части, мы получаем троицу существования.

	Бог Отец РАЙ	Бог Сын МИР	Бог Дух Святой РАЙ
1	пустота	существование	пустота
2	прошлое	настоящее	будущее
3	покой	движение	покой
4	творение	действие	разрушение
5	религия	материализм	уничтожение
6	безгрешность	грех	искусство
7	рождение	жизнь	безгрешность
8	выход из рая	[мир] опускание в землю	смерть
			Возвращение в рай

Дворник — Альфонс Львович.

Конституция
ОБЯЗАННОСТИ

МУЖА

- 1). Писать.
- 2). Сочинять.
- 3). Читать.
- 4). Изучать.
- [5]. Петь.]
- [6]. Играть в шахматы.]
- [7] 5). Добывать деньги.
- [8] 6). Заводить часы.
- [9] 7). Доставать книги.
- 8) Вино.
- 9). Табак.

ЖЕНЫ

- 1). Следить за чистотой.
- 2). Заботиться о еде [и чае].
- 3). Убирать и расстилать постели
- 4). Заботиться о карточках.
- 5). [Читать] Ставить чайник.
- 6). [Изучать.]
- 7).

Мне надоело быть женатым. О как я хочу быть вновь холостым, но чтобы все обошлось красиво, мирно и без скандала.

16 октября.

Нет пророка без порока.

Всякая нежить бессловесна.
Ключи на столе — к ссоре.

Девка с полными ведрами, жид, волк, медведь — добрая встреча.

Наблюдаю в парикмахерской страшных баб. Рожи, нелепые, кривляются, хихикают. Ужасные бабы!

Мария Константиновна — мастерица, и маникюрша Вера Константиновна.

Интересно называть стихи количеством строк.

Goethe «Schneider — Courage», «Catechisation».

[Ноябрь]

Ободранные американцы с мужицким акцентом стоят в очереди за билетами. «Чиво эт?» — фальцетом.

Наверно первая птица летала не выше четырех метров.

---

4 Dec 8 ч. англ. яз.

7 Dec 3 ч. Гоухберг, позвонить в Радио.

Еврей Зюс[с]¹⁹⁴

[7 декабря]

по радио

Енукидзе, Молотов от интернацион[ала]?
от Лен[инградской орган[изации] Чудов, Каганович, Шпашникова, от Украины — Петровский, от Баку — Багиров.

Несут на красной подушечке ордена.

Маленькая процессия¹⁹⁵.

Спросить у Т.А.М. перчатку Марине.

Слава Богу — я жив и здоров.

Лизок мой лизок

1935

[январь]

Я не знаю [что] как заработать денег. Мне уже трудно встречаться с друзьями, ибо я слишком беден.

С 1 января 1935 года устанавливается в моей жизни следующее:

1) Ежедневно писать не менее 10 строк стихов и одного водевиля.

2) Вставать отнюдь не позднее полдня. Ложиться отнюдь не позднее 2 ч. ночи (гасить свет).

3) Читать газеты.

4) Отмечать каждый день количество зря проведенных часов.

Вот я постепенно сваливаюсь в помойную яму.

Ко мне растет презрение.

Вот она гибель.

Не вижу как подняться.

Боже как тяжело видеть всюду равнодушие.

Бедная бедная моя жена!

Боже, что мне уготовлено в будущем.

---

6 мая 1935 года
Смотрел картину «Частная жизнь Петра Виноградова»¹⁹⁶.
Сначала ругался, говоря, что это пошлятина. Но потом даже понравилось. Я люблю сюжет на тему: человек напряженным трудом добивается больших дел.

Мендельсон — «На крыльях пения» плохо.

Брамс — «Двойной концерт», III ч.

«Цирк»
Репетиция. Стоп.
Все остались на сво-
их местах.

Парашют.
Всякие
летания

Движение предметов¹⁹⁷.

---

8 мая 1935 года

[Хорошая погода:

9 — встать
10^{1/2} - 5 — пляж
6 - 7 — обед
7 - 9 — писать

Пляж:

10^{1/2} - 12 — читать
12 - 12^{1/2} — наблюдать
12^{1/2} - 2 — сочинять
2 - 3 — наблюдать
3 - 4 — читать
4 - 5 сочинять

Плохая погода:

10^{1/2} — встать
11^{1/2} - 1 — читать
1 - 3 — писать
3 - 4 — читать
4 - 5 — писать
5 - 6 — обед
6 - 8 — писать

хорошая погода:

10^{1/2} — встать
12 - 3 — пляж
3^{1/2} - 4^{1/2} — обед
5 - 8 — писать]

---

13 мая

Господи, накорми меня телом Твоим
Чтобы проснулась во мне жажда движения Твоего.
Господи, напои меня кровью Твоею
Чтобы воскресла во мне сила стихосложения Моего¹⁹⁸.

Союз композиторов. Конец мая. Секретарь Союза *Конст.*
Мих. Аренков.

Комп[о]з. Затеplitский сыграл 10 пьес.

Страшный импрессионизм. Мне больше других понравились
— конец «Весенней мелодии» и «Во сне», исключая марш. Но и
это неощуще.

Комп[о]з. Морозов исполнил отрывки из двух сюит. Неинте-
ресно.

Варвич играл на сонаре.

Вот уже второй день нет от Марины писем. Я страшно волнуясь.

25 мая.

Май 1935 г.

Нельзя представлять себе семь сфер как раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь сфер. Семь обозначает только некоторое количественное свойство.

Июнь 1935 г.

Читая французов, я всегда чувствую некоторое раздражение и возмущение. Глупая раса!

Вот рядом, на соседней скамейке, сидит дура в коверкоте и читает «Теорию литературы», демонстративно подчеркивая на страницах карандашом. Дура!

Шардам поклонялся к

Шардам наблюдал букашек.

Шардам ощущал великую радость на Садовой.

Шардам боролся с

Шардам

27 июня 1935

Шардам

[Июль]

Вот что плохо:

Современный культурный вкус.

Тихон Чурилин.

Пастернак¹⁹⁹.

Худ. Лебедев²⁰⁰.

Худ. Акимов²⁰¹.

Палеховские мастера.
изд. «Academia».
Косые карманы.
Широкие лацканы на мужск[их] пиджаках.
Мода на худощавых женщин.
Танго.
Кино.
Тон девиц: Отстаньте!
Оркестр Рейнобль.
Патефон, джаз.
Сокращение слова из «метрополитен» в «метро»²⁰².

Одно из основных начал расхождения человеческих путей является пристрастие к худым или полным женщинам.

Хорошо бы в общественных садах отвести аллейки для тихого гуляния, с двухместными скамейками стоящими на расстоянии 2 метров друг от друга, причем между скамеечками насадить густые кусты, чтобы сидящий на одной скамеечке не видел, что делается на другой. На этих тихих аллеиках установить следующие правила:

1) На аллейки запрещен вход детям, как одним, так и с родителями. 2) Запрещен всякий шум и громкий разговор. 3) К мужчине на скамейке имеет право сесть только одна женщина, а к женщине только один мужчина. 4) Если сидящий на скамейке кладет рядом на свободное сидение руку или какой-нибудь предмет, то подсесть нельзя.

Отвести также аллейки для одиночного гуляния, с креслами на одно лицо. Между кресел кусты. Воспрещен вход детям, шум и громкий разговор.

Хорошенькие женщины в садах не гуляют.

Гриб. шляпа

Стоять страшнее чем лететь

Я мелкая пташка, залетевшая в клетку к большим неприятным птицам. (У Попова в Детском селе 3 июля 1935 года).

У Капитошки слишком плоская спина.

Сковородку
Перевезти вещи.

Марине платье.

Груз. народные частушки (очень здорово).
Ардзейрбаджанский танец — отвратит[ельно]. Вот чему подражают европейцы.

Осетинская лезгинка. Очень хорошо.

Вост. оркестр. Им. Ком[м]уны. Хор грузчиков грузинских.
Руков. Шаболидзе.

Ваш доктор похож на головы с очками, выставленные в оптических магазинах.

J.S. Bach
Johanis Passion

Взять у Якова Семеновича
Дон Кихота
Скарлатти.

Речитатив I.

Matheus Passion мне значительно больше нравятся. Тут в J.P. (Johanis Passion) однообразная смена речитативов и хоралов.

Ария — тенор.

После ариозо после крика «помилуй Варраву» — гениально.
Речитатив — Голгофа — Лобное место.

[1935 - 1936 гг.]

Хотим предложить разделить все произведения искусства на два лагеря:

1). Огненный и 2). Водяной.

Поясняем примерами: 1) если пройти по Эрмитажу, то от галлерей, где висят Кранах и Гольбейн и где выставлено золоченое серебро и деревянная церковная резьба, остается ощущение водяное.

2) От зала испанского — огненное, хотя там есть образцы чисто водяного явления (монахи с лентами изо рта)²⁰³.

3) Пушкин — водяной.

4) Гоголь в «Вечерах на хуторе» — огненный. Потом Гоголь делается все более и более водяным.

5) Гамсун — явление водяное.

6) Моцарт — водяной.

7) Бах и огненный, и водяной.

Табличка.

Чисто водяные	Огненно-водяные	Ч. огненные
Пушкин	Гоголь	Шиллер
Моцарт	Бах	Ван-Дейк
Гамсун	[Леонардо да Винчи]	Рембрандт
Гольбейн		Веласкес
Кранах		
Рафаэль		
Леонардо да Винчи		

Русскую литературу.

1. Апокрифы
2. Иоан Дамаскин
3. Ио[а]н Златоуст

4. Былины
5. Слово о полку Игореве
6. Феофана Прокоповича
7. Домострой
8. Тредьяковского
9. Кантемир
10. Ломоносов
11. Державин
12. Карамзина
13. Пушкин
14. Баратынский
15. Гоголь
16. Достоевский
17. Толстой (избр.)
18. Лесков
19. Некрасова
20. Тютчев
21. Сологуб (избр.)
22. Брюсов (Огнен. Ангел)
23. Белый (избр.)
24. [Блок] Чехов
25. Дав. Бурлюка
26. Хлебникова
27. Ремизов
28. Розанов
29. Прутков
30. Ершов

Всемирная литература.

1. Шекспир
2. Бен-Джонсон (избр.)
3. Изб[ранные] драмат[ургии] эпохи Шекспира
4. Блэйк
5. Диккенс
6. Марк Твэн
7. Эдгар По (избр.)
8. [Браунинг]
9. Лонгфелло (избр.).
10. Эдвард Лир
11. Люис Кароль
12. Мильн
13. Киплинг (избр.)
14. Баллады
15. Мильтона
16. Стэрна
17. Ричардсон
18. Конан Дойль (избр.)
19. Раблэ
20. Скарон
21. Корнель (избр.)
22. Бальзак (избр.)
23. Метерлинк (избр.)
24. Марсель Пруст
25. Данте
26. Свифт (избр.)
27. Сервантес (Дон Кихот)
28. Леонардо да Винчи
29. Кальдерон (избр.)
30. Красинский (избр.)

31. Сенковский
32. Полежаев

31. Шелем Алейхем (избр.)
32. Перуц (избр.)²⁰⁴
33. Менделе Мойхер Сфорем
(избр.).

34. Гете
35. Шиллер
36. Гейне
37. Новалис
38. Гофман
39. Мейринк
40. Гамсун
41. Калевала
42. Мюнхгаузен²⁰⁵
43. Джером²⁰⁶

1936

23 декабря 1936 года

Алаф! Сегодня я ничего не успел рассказать тебе. Весь день мне хотелось есть и спать. Я хожу очень вялый и ничем не интересуюсь.

Когда человек привык очень поздно ложиться спать, то ему очень трудно отучиться от этого. Чтобы ложиться рано, существует единственный правильный метод: перескочить сутки, т.е. ложиться все позднее и позднее, сначала поздно ночью, потом рано утром, потом днем и, наконец, вечером. Так можно добраться до нормального часа.

В грязном падении человеку остается только одно: не оглядываясь, падать. Важно только делать это с интересом и энергично.

Я знал одного сторожа, который интересовался только пороками. Потом интерес его сузился и он стал интересоваться одним только пороком. И вот когда в этом пороке он открыл свою специальность, он почувствовал себя вновь человеком. Появилась уверенность в себе, потребовалась иррудиция, пришлось заглянуть в соседние области, и человек начал расти.

Этот сторож стал гением.

Я сегодня не выполнил своих 3-4 страниц. Почерк у меня сейчас такой, потому что я пишу, лежа в кровати.

Даниил Хармс.

Ты должен скромно и трудолюбиво делать дело свое. Не рассеиваться по сторонам, а сосредоточиться на деле своем и, постоянно видя цель свою, идти к ней, заглядывая, но не заходя в боковые двери.

Вчера папа сказал мне, что пока я буду Хармс, меня будут преследовать нужды.

Даниил Хармс.

Ввиду позднего часа, я не приступаю сегодня к повествованию, но завтра, Алаф, выслушай меня, и ты Ити, помоги мне.

24 дек[абря] 1936 года

Хармс

Я был наиболее счастлив, когда у меня отняли перо и бумагу и запретили что-либо делать. У меня не было тревоги, что я не делаю чего-то по своей вине. Совесть была спокойна, и я был счастлив. Это было, когда я сидел в тюрьме. Но если бы меня спросили, не хочу ли я опять туда или в положение, подобное тюрьме, я сказал бы: нет, *не хочу*²⁰⁷. Человек видит в своем деле спасение, и потому он должен постоянно заниматься своим делом, чтобы быть счастливым. Только вера в успешность своего дела приносит счастье. Сейчас должен быть счастлив Заболоцкий.

«Великий мудрец поселился в плохом доме». Такое положение возможно. «Великий дух поселился в плохом человеке». Такое положение тоже должно быть возможно.

1937 год

21 января.

— Н-да-а! — сказал я еще раз дрожащим голосом. Крыса наклонила голову в другую сторону и все так же продолжала смотреть на меня.

— Ну, что тебе нужно? — спросил я в отчаянии.

— Ничего! — сказала вдруг крыса громко и отчетливо.

Это было так неожиданно, что у меня прошел даже всякий страх.

А крыса отошла в сторону и села на пол у самой печки.

— Я люблю тепло, — сказала крыса, — а у нас в подвале ужасно холодно.

Это писано уже сравнительно давно и, надо сознаться, очень плохо.

Так писать нельзя.

Теперь, мне кажется, я знаю, как надо писать, но у меня нет к этому энергии и страсти. Я гибну. Я гибну материально и гибну как творец.

Эта запись сделана в тяжелое для меня время. Такого тяжелого времени я не упомяну. Особенно тяжело потому, что у меня совершенно нет светлых перспектив.

Чармс.

[Из «Голубой тетради»]

4 апреля

23. Обладать только умом и талантом слишком мало. Надо иметь еще энергию, реальный интерес, чистоту мысли и чувство долга.

---

24. Вписываю сюда события сегодняшнего дня, ибо они поразительны. Вернее: особенно поразительно одно событие, я его подчеркну.

1). Мы вчера ничего не ели²⁰⁸. 2). Утром я взял в сберкассе 10 руб., оставив на книжке 5, чтобы не закрыть счета. 3). Зашел к Житкову и занял у него 60 руб. 4). Пошел домой, закупая по дороге продукты. 5). Погода прекрасная, весенняя. 6). Поехал с Мариной к Буддийской пагоде²⁰⁹, взяв с собой сумку с бутербродами и фляжку с красным вином, разбавленным водой. 7). На обратном пути зашли в комиссионный магазин и увидели там фисгармонию Шидмейера, двухмануальную, копию с филармонической. Цена 900 руб. только! Но полчаса тому назад ее купили! 7а). У Alexandr'a видел замечательную трубку. 85 рублей. 8). Пошли к Житкову. 9). С Житковым узнали, кто купил фисгармонию, и поехали по адресу: Песочная 31, кв.46, Левинский. 10). Перекупить не удалось. 11). Вечер провели у Житкова.

11 апреля 1937 года.

Довольно праздности и безделья! Каждый день раскрывай эту тетрадку и вписывай сюда не менее полстраницы. Если нечего записать, то запиши хотя бы, по совету Гоголя, что сегодня ничего

не пишется. Пиши всегда с интересом и смотри на писание как на праздник.

Апрель 1937

Никаких мыслей за эти дни в голову не приходило, а потому ни сюда, ни в голубую тетрадь я ничего не записывал. Очень дергают меня зайчики. Вяло работал над Радловским альбомом «Рассказы в картинках»²¹⁰. /.../ По утрам сидел голый. Лишен приятных сил. Досадно, ибо А.

12 мая

Боже! Что делается! Я погрязою в нищете и в разврате. Я погубил Марину. Боже, спаси ее! Боже, спаси мою несчастную, дорогую Марину.

Марина поехала в Детское, к Наташе. Она решила развестись со мной. Боже, помоги сделать все безбольно и спокойно. Если Марина уедет от меня, то пошли ей, Боже, лучшую жизнь, чем она вела со мной.

1 июня 1937 года. 2 ч. 40 мин.

Пришло время еще более ужасное для меня. В Детиздате придрались к каким-то моим стихам и начали меня травить²¹¹. Меня прекратили печатать²¹². Мне не выплачивают деньги, мотивируя какими-то случайными задержками. Я чувствую, что там происходит что-то тайное, злое. Нам нечего есть. Мы страшно голодаем.

Я знаю, что мне пришел конец. Сейчас иду в Детиздат, чтобы получить отказ в деньгах.

1 июня 1937 года

Сейчас в Детиздате мне откажут в деньгах.

Мы погибли.

18 июня 1937 года. В комнате Или.

Я совершенно отупел. Это страшно. Полная импотенция во всех смыслах. Расхлябанность видна даже в почерке.

Но какое сумасшедшее упорство есть во мне в направлении к пороку. Я высидиваю часами изо дня в день, чтобы добиться своего, и не добиваюсь, но все же высидиваю. Вот что значит искренний интерес!

Довольно кривляний: у меня ни к чему нет интереса, только к этому.

Вдохновение и интерес — это то же самое.

Уклониться от истинного вдохновения столь же трудно, как и от порока.

При истинном вдохновении исчезает все и остается только оно одно.

Поэтому порок есть тоже своего рода вдохновение.

В основе порока и вдохновения лежит то же самое. В их основе лежит подлинный интерес.

Подлинный интерес — это главное в нашей жизни.

Человек, лишенный интереса к чему бы то ни было, быстро гибнет.

Слишком односторонний и сильный интерес чрезмерно увеличивает напряжение человеческой жизни; еще один толчок, и человек сходит с ума.

Человек не в силах выполнить своего долга, если у него нет к этому истинного Интереса.

Если истинный Интерес человека совпадает с направлением его долга, то такой человек становится великим.

5 июля 1937

Подойдешь к Марине с нежной душой, а отойдешь с раздражением. И виной тому, должно быть, я сам.

Не знаю, что и написать, так я растерян и смущен сам. Страшно пусто во мне. Ничем похвастаться не могу. Во всем сплошные недостатки.

Если государство уподобить человеческому организму, то, в случае войны, я хотел бы жить в пятке²¹³.

[Июль — август 1937 года.]

Надо быть хладнокровным, т.е. уметь молчать и не менять постоянного выражения лица.

Когда человек, говорящий с тобою, рассуждает неразумно, — говори с ним ласково и соглашайся.

Когда человек говорит: «мне скучно», — в этом всегда скрывается половой вопрос.

/.../

Говорят, тут ходит один инкуб²¹⁴. Он давит клопов.
Инкуб-Атор.

Создай себе позу и имей характер выдержать ее. Когда-то у меня была поза индейца, потом Шерлока Холмса, потом йога, а теперь раздражительного неврастеника. Последнюю позу я бы не хотел удерживать за собой. Надо выдумать новую позу.

---

*Компендий*²¹⁵:

«Когда мне прежде приходила охота понять кого-нибудь, то я принимал во внимание не поступки, в которых все условно, а желанья. Скажи мне, чего ты хочешь, и я скажу, кто ты».

Чехов. «Скучная история»²¹⁶.

... В наш век авиации и беспроводного электричества...
/.../

Попробуй сохранить равнодушие, когда кончаются деньги.
17 июля.

Вот интересное чувство на пляже: рядом пустое место. Кто ляжет? Ждешь, но обыкновенно сосед оказывается ничем не интересен.

21 июля. Петропавловский пляж²¹⁷.

Я достиг огромного падения.

Я потерял трудоспособность совершенно.

Я живой труп. Отче Савва, я пал. Помоги мне подняться.

7 августа 1937 года.

Жизнь это море, судьба это ветер, а человек это корабль. И как хороший рулевой может использовать противный ветер и даже идти против ветра, не меняя курса, так и умный человек может использовать удары судьбы, и с каждым ударом приближаться к своей цели.

Пример: Человек хотел стать оратором, а судьба отрезала ему язык, и человек онемел. Но он не сдался, а научился показывать дощечки с фразами, написанными большими буквами, и при этом, где нужно, рычать, а где нужно, подвывать, и этим воздействовать на слушателей еще более, чем это можно было сделать обыкновенной речью.

Вот уже 7 августа. Я ничего не сделал до сих пор. Сейчас я в Детском (с 1 августа). Состояние мое только хуже. Неврастения,

рассеянность, в душе нет радости, полное отсутствие трудоспособности, мысли ленивые.

7 августа 1937 года. Детское Село.

Время от времени я записываю сюда о своем состоянии. Сейчас я пал, как никогда. Я ни о чем не могу думать. Совершенно задерган зайчиками. Ощущение полного развала. Тело дряблое, живот торчит. Желудок расстроен, голос хриплый. Страшная рассеянность и неврастения. Ничего меня не интересует, мыслей никаких нет, либо если и промелькнет какая-нибудь мысль, то вялая, грязная или трусливая. Нужно работать, а я ничего не делаю, совершенно ничего. И не могу ничего делать. Иногда только читаю какую-нибудь легкую беллетристику. Я весь в долгах. У меня около 10 тысяч неминуемого долга. А денег нет ни копейки, и при моем падении нет никаких денежных перспектив. Я вижу, как я гибну. И нет энергии бороться с этим. Боже, прошу Твоей помощи.

7 августа.

Я могу точно предсказать, что у меня не будет никаких улучшений, и в ближайшее время мне грозит и произойдет полный крах²¹⁸.

[Август 1937 г.]

Сижу опять на веранде, смотрю на деревья, но уже нет в душе той радости, которая была несколько лет тому назад. Моя душа слишком загрязнена, лень и вялость наполнили душу мою. Не хочу даже больше писать об этом...²¹⁹

28 сентября 1937 года.

Я все не прихожу в отчаянье. Должно быть, я на что-то надеюсь, и мне кажется, что мое положение лучшее, чем оно есть на самом деле. Железные руки тянут меня в яму.

Но сказано: «Не всегда забыт будет нищий, и надежда бедных не до конца погибнет». (Пс. IX, 19)²²⁰.

3 октября 1937 года.

Поели вкусно (сосиски с макаронами) в последний раз. Потому что завтра никаких денег не предвидится, и не может их быть. Продать тоже нечего. Третьего дня я продал чужую партитуру «Руслана» за 50 руб. Я растратил чужие деньги. Одним словом, сделано последнее. И теперь уже больше никаких надежд. Я говорю Марине, что получу завтра 100 рублей, но это враки. Я никаких денег ниоткуда не получу.

Спасибо Тебе, Боже, что по сие время кормил нас. А уж дальше да будет Воля Твоя.

Благодарю Тя, Христе Боже наш, яко насытил еси земных Твоих благ. Не лиши нас и Небесного Твоего Царствия.

4 октября 1938 года.

Сегодня мы будем голодать²²¹.

9 октября, суббота. 10 ч. 40 м. утра. 1937 год

Даю обязательство до субботы, 30 октября 1937 года, не мечтать о деньгах, квартире и славе.

Даниил Хармс.

23 октября 1937 года. 6 ч. 40 м. вечера.

Боже, теперь у меня одна единственная просьба к Тебе: уничтожь меня, разбей меня окончательно, ввергни в ад, не останавливай меня на полпути, но лиши меня надежды и быстро уничтожь меня во веки веков.

Даниил.

31 октября 1937 года

Меня интересует только «чушь»; только то, что не имеет никакого практического смысла. Меня интересует жизнь только в своем нелепом проявлении.

Геройство, пафос, удаль, мораль, гигиеничность, нравственность, умиление и азарт — ненавистные для меня слова и чувства.

Но я вполне понимаю и уважаю: восторг и восхищение, вдохновение и отчаяние, страсть и сдержанность, распутство и целомудрие, печаль и горе, радость и смех.

13 ноября 1937 года

Иду на заседание секции детских писателей. Я уверен, что мне откажут в помощи и выкинут меня из Союза²²².

14 ноября 1937 года

Вот мои любимые писатели:

	человечеству: моему сердцу:	
1). Гоголь	69	69
2). Прутков	42	69
3). Мейринк	42	69
4). Гамсун	55	62
5). Едвард Лир	42	59
6). Люис Кэрроль ²²³	45	59

Сейчас моему сердцу особенно мил Густав Мейринк²²⁴.

16 ноября 1937 года.

Я больше не хочу жить. Мне больше ничего не надо. Надежд у меня никаких. Ничего не надо просить у Бога, что пошлет

Он мне, то пусть и будет: смерть, так смерть, жизнь, так жизнь, — все, что пошлет мне Бог. В руке Твои, Господи, Иисусе Христе, предаю дух мой. Ты мя сохрани, Ты мя помилуй и живот вечный даруй мне. Аминь.²²⁵

Я ничего не могу делать. Я не хочу жить.

22 ноября 1937 года

Элэс²²⁶ утверждает, что мы из материала, предназначенного для гениев.

На что ропщу я? Мне дано все, чтобы жить возвышенной жизнью. А я гибну в лени, разврате и мечтании.

Человек не «верит» или «не верит», а «хочет верить» или «хочет не верить».

Есть люди, которые не *верят*, и не *не верят*, потому что они не хотят верить и не хотят *не верить*. Так, я *не верю* в себя, потому что у меня нет хотения *верить* или *не верить*²²⁷.

Я хочу быть в жизни тем же, чем Лобачевский был в геометрии.

Ошибочно думать, что вера есть нечто неподвижное и самоприходящее. Вера требует интенсивного усилия и энергии, может быть, больше, чем все остальное²²⁸.

Сомнение — это уже частица веры.

Есть ли чудо? Вот вопрос, на который я хотел бы услышать ответ.

На замечание: «Вы написали с ошибкой», ответствуй: «Так всегда выглядит в моем написании».

---

23 ноября 1937 года

Марина, голая, в одной ночной рубашке, выбегала на лестницу и разговаривала с газетчицей. Думаю, что она простудилась. Я страшно обозлился. /.../

30 ноября 1937 года

Боже, какая ужасная жизнь, и какое ужасное у меня состояние. Ничего делать не могу. Все время хочется спать, как Обломову. Никаких надежд нет. Сегодня обедали в последний раз, Марина больна, у нее постоянно температура от 37 — 37,5°. У меня нет энергии.

[1937-1938 гг.]

[История началась с того, что Михаил Иванович приклеил к стене бумажку и четыре раза плюнул на нее.]

[На улице встретились две дамы, поклонились друг другу и разошлись. А потом встретились два гражданина и, посмотрев друг на друга из-под опущенных козырьков, разошлись, пристукивая ногами по панели.]

[Три бабы лучше, чем одна, так же, как восемь рублей лучше, чем один рубль.]

Я не люблю детей, стариков, старух и благоразумных пожилых.

[Если сказать про какого-нибудь человека, что он на букву Х, то все поймут, что это значит. А я этого не желаю понимать принципиально.]

Травить детей — это жестоко. Но что-нибудь ведь надо же с ними делать!

Я уважаю только молодых, здоровых и пышных женщин. К остальным представителям человечества я отношусь подозрительно.

Старух, которые носят в себе благоразумные мысли, хорошо бы ловить арканом.

Всякая морда благоразумного фасона вызывает во мне неприятное ощущение.

Что такое цветы? У женщин между ног пахнет значительно лучше. То и то природа, а потому никто не смеет возмущаться моим словам.

Ненавижу людей, которые способны проговорить более 7 минут подряд.

Нет ничего скучнее на свете, чем если кто-нибудь рассказывает свой сон, или о том, как он был на войне, или о том, как он ездил на юг.

Многословие — мать бездарности!

Он был так грязен, что однажды, рассматривая свои ноги, он нашел между пальцев засохшего клопа, которого, видно, носил в сапоге уже несколько дней.

Соловей пел в саду. И барышня Катя мечтательно смотрела в окно. Какая-то букашка заползла к барышне Кате на шею, но ей было лень пошевелиться и согнать букашку рукой.

Говорят, скоро всем бабам отрежут задницы и пустят их гулять по Володарской.

Это неверно! Бабам задниц резать не будут.

12 января 1938 года

Удивляюсь человеческим силам. Вот уже 12 января 1938 года. Наше положение стало еще много хуже, но все еще тянем. Боже, пошли нам поскорее смерть.

Так низко, как я упал, — мало кто падает. Одно несомненно: я упал так низко, что мне уже теперь никогда не подняться.

Я очень люблю мою Мариночку. Сейчас 9¹/₂ часов утра. Я только что вернулся с Петроградской стороны. Сначала был у Валентины Ефимовны. Там были Михайлов и Анна Семеновна. В 1¹/₂ Анна Семеновна пошла домой; я проводил ее и пошел к Липавским. Туда же пришли Михайлов и Валентина Ефимовна. 2 ч. У Липавских в гостях Слонимские. Много водки и пива. Около 4-х часов все разошлись. У меня дома ночует Марина Ржевутская²²⁹. Я знаю, что она легла спать на мой диван. Я не хочу приходить домой среди ночи и всех будить. Поэтому я остался ночевать у Липавских. В 7¹/₂ часов я проснулся, т.к. закусили меня клопы. Спать я не мог, зажигать света нельзя, чтобы не будить хозяев, и курить надо мало. Я просидел в темноте до 9 часов, выкурил две трубки и потихоньку удрал домой.

Дома обе Марины спят. Я сел на пуфик.

Я очень люблю мою Марину.

Раннее утро 24 января 1938 года.

Гармониус²³⁰.

1938. 8 марта. Задумано 5 марта

Когда сон бежит от человека, и человек лежит на кровати, глупо вытянув ноги, а рядом на столике тикают часы, и сон бежит от часов, тогда человеку кажется, что перед ним распаивается огромное черное окно, и в это окно должна вылететь его тонкая серенькая, человеческая душа, а безжизненное тело останется лежать на кровати, глупо вытянув ноги, и часы прозвенят своим тихим звоном: «вот еще один человек уснул», и в этот миг захлопнется огромное и совершенно черное окно.

Человек, по фамилии Окнов, лежал на кровати, глупо вытянув ноги, и старался заснуть. Но сон бежал от Окнова. Окнов лежал с открытыми глазами, и страшные мысли стучали в его одревеневшей голове.

---

11 марта 1938 года продал за 200 рублей часы «Павла Буре», подаренные мне мамой²³¹.

---

20 марта 1938 года

Подошел голым к окну. Напротив в доме, видно, кто-то возмутился, думаю, что морячка. Ко мне ввалился милиционер, двор-

ник и еще кто-то. Заявили, что я уже три года возмущаю жильцов в доме напротив. Я повесил занавески.

Что приятнее взору: старуха в одной рубашке или молодой человек, совершенно голый? И кому в своем виде непозволительнее показаться перед людьми?

25 марта 1938 года

Наши дела стали еще хуже. Не знаю, что мы будем сегодня есть. А уже дальше что будем есть — совсем не знаю.

Мы голодаем.

9 апреля 1938 года

Пришли дни моей гибели. Говорил вчера с Андреевым²³². Разговор был очень плохой. Надежд нет. Мы голодаем, Марина слабеет, а у меня к тому же еще дико болит зуб.

Мы гибнем — Боже, помоги!

25 мая (1938 года).

Вчера и сегодня был на пляже «Золотом бережке»²³³. Вчера — первый раз в этом году. Сегодня (25) приехала Ольга²³⁴. Я был в бане. Виктор Эдуардович уехал в Туапсе. Поссорился с Мариной, потому что чувствовал, что она внутренне не пускает меня уйти. Вечером я все же со скандалом ушел.

26 мая (1938 года).

Марина лежит в жутком настроении. Я очень люблю ее, но как ужасно быть женатым.

Меня мучает «пол». Я неделями, а иногда месяцами не знаю женщины.

---

1. Цель всякой человеческой жизни одна: бессмертие.

1-а. Цель всякой человеческой жизни одна: достижение бессмертия.

2. Один стремится к бессмертию продолжением своего рода, другой делает большие земные дела, чтобы обессмертить свое имя. И только третий ведет праведную и святую жизнь, чтобы достигнуть бессмертия как жизнь вечную.

3. У человека есть только два интереса:

земной — пища, питье, тепло, женщина и отдых —
и небесный — бессмертие.

4. Все земное свидетельствует о смерти.

5. Есть одна прямая линия, на которой лежит все земное. И только то, что не лежит на этой линии, может свидетельствовать о бессмертии.

6. И потому человек ищет отклонение от этой земной линии и называет его прекрасным или гениальным²³⁵.

---

9 июня 1938 года Маришенька уехала от меня и поселилась пока у Варвары Сергеевны²³⁶.

[1938]

Ах, иметь бы лакея, который в шею бы выставлял непрошенных гостей!

1939 год.

С 16-го апреля 1939 года живет у нас Юра Фирганг²³⁷.

С 8-го по 19 апреля сидел дома, был грипп, болел зуб и был без сапог.

9 была пасха, т.ч. 8-го были я и Ник. Вас. на пасхальной заутрени.

Петух построил себе дом. Жили-были три лягушки. Одна была желтая, вторая была синяя, а третья была зеленая.

Переводы разных книг меня смущают, в них разные дела описаны и подчас, даже, очень интересно. Иногда об интересных людях пишется, иногда о событиях, иногда же просто о каком-нибудь незначительном происшествии. Но бывает так, что иногда прочтешь и не поймешь о чем прочитал. Так тоже бывает. А то такие переводы попадают, что и прочитать их невозможно. Какие-то буквы странные: некоторые ничего, а другие такие, что не поймешь чего они значат. Однажды я видел перевод в котором ни одной буквы не было знакомой. Какие-то крючки. Я долго вертел в руках этот перевод. Очень странный перевод!

Сейчас в мировых событиях проходит и осуществляется всегда самый скучный и неинтересный вариант.

1939 год.

Интересно только чудо, как нарушение физической структуры мира.

1940 год

11 марта

В псалмах Давида есть много утешений на разные случаи, но человек, обнаруживший в себе полное отсутствие таланта, утешений не найдет, даже в псалмах Давида.

О пошлятине

Пошлятина не есть недостаток возвышенного, или недостаток вкуса, или вообще недостаток чего-то, — это пошлятина есть нечто само по себе независимое, это вполне определенная величина.

О коллекционерстве

Есть два принципа коллекционерства:

1) Приобретать вещи по своему вкусу и желанию, независимо от их объективной ценности, редкости и качества.

Этот принцип мне понятен.

2) Приобретать вещи по принципу не объективной ценности, редкости и качества, не сообразуясь со своим вкусом и желанием.

Этот принцип мне непонятен.

Но первый принцип собственно и не является коллекционерством.

12 апреля † 1940 года.

Бога ради, не обращай ни на кого внимания и иди себе спокойно своим путем.

Полное отсутствие советов — вот тебе твой девиз.

Всем не угодишь. Угоди себе, и ты угодишь всем.

О пошлятине

Пошлятина может иметь свои собственные теории и законы. Тут могут быть свои градации и ступени.

(В музыке пример высокой градации пошлятины — Дунаевский).

---

18 апр. 4 1940 года.

В тупой формулировке всегда скрыта некоторая неприятность.

Умно ли, [не старат] произнеся тупую формулировку, представить потом действовать неприятности как необходимому следствию, не стараясь даже ее исправить и погасить?

§ 14 п. 40²³⁸

Однажды я вышел из дома и пошел в Эрмитаж. Моя голова была полна мыслей об искусстве. Я шел по улицам, стараясь не глядеть на непривлекательную действительность.

Моя рука невольно рвется схватить перо и

***

КОММЕНТАРИИ

В комментариях мы стремились как можно полнее отразить биографический и творческий контекст дневниковых записей Даниила Хармса. Поскольку о многих лицах, упоминаемых в них, сведения практически отсутствуют, мы пытались представить максимальное количество материалов, которые могут быть в дальнейшем введены в научный оборот. Вместе с тем, некоторые факты, приводимые в комментариях, по различным причинам пока не поддаются проверке, предоставляя таким образом поле для дальнейших поисков и исследований. Но и при этом значительная доля материалов осталась бы вне нашего внимания, если бы не искреннее и заинтересованное участие тех, кто оказал нам всемерную помощь в подготовке комментариев. Мы считаем приятным долгом выразить признательность сестре Даниила Хармса Елизавете Ивановне Грицыной, Игорю Владимировичу Бахтереву, сестре Т.А. Липавской Софии Александровне Мейер, сестре Я.С. Друскина Лидии Семеновне Друскиной, жене А.И. Введенского Анне Семеновне Ивантер, дочери В.Е. Гольдиной Виктории Александровне Каменской и ее мужу Олегу Михайловичу Малевичу, дочери В.Н. Петрова Марине Владимировне Петровой. Пользуемся случаем отдельно поблагодарить Вл.Эрля, без всесторонней помощи которого и материалами и фактами данные комментарии были бы чисто формальными, В.Н. Сажина — за неустанное архивное содействие в исследовании, А.И. Добкина, предоставившего нам исторические материалы и проявившего активный интерес к этой работе. Приносим также глубокую признательность коллегам, оказавшим нам поддержку своими советами и замечаниями: В.Я. Мордерер, Г.А. Левинтону, М.Б. Мейлаху, Г.А. Мореву, М.Г. Ратгаузу, М.Б. Ямпольскому, С.И. Андреевой, М.В. Безродному, Ж.-Ф. Жаккару, Р.Д. Тименчику.

Все ссылки на стихотворные тексты Хармса даются по изданию: *Даниил Хармс. Собрание произведений. Под редакцией Михаила Мейлаха и Владимира Эрля. Книга первая — четвертая. Bremen: K-Press, 1978-1988.* После цитаты в скобках указывается номер книги и арабскими цифрами — страница. Все ссылки на произведения Введенского даются по изданию: *Александр Введенский. Полное собрание сочинений. Вступительная статья, подготовка текста и примечания Михаила Мейлаха. Ann Arbor: Ardis, 1980; 1984.* После цитаты в скобках указывается «Введенский», номер тома и арабскими цифрами — страница.

Помимо стандартных аббревиатур для обозначения центральных архивов приняты следующие сокращения:

ЦГАЛИЛ — Центральный Государственный архив литературы и искусства г. Ленинграда.

ГИИИ — Государственный институт истории искусств (б.Зубовский).

ГИНХУК — Государственный институт художественной культуры.

ГИЗ — Государственное издательство.

ЛО ВССП — Ленинградское отделение Всесоюзного Союза советских писателей.

Неавторский текст — предположительные датировки и раскрытые сокращения даются в квадратных скобках. В них же дается и зачеркнутый автором текст.

¹ Иван Павлович Ювачев (1860-1940) оказал важное влияние на духовное формирование Хармса. По воспоминаниям Е.И. Грицыной, сестры поэта, отец был прежде всего его учителем, но отношения между ними оставались достаточно сложными: «Народовольческое прошлое Ивана Павловича несколько шокировало его сына, — свидетельствует в своих воспоминаниях В.Н. Петров. — Но какое-то сходство в стиле мышления у них, должно быть, все-таки было. Через много лет один из наших общих друзей рассказывал мне, как однажды, в его присутствии, Иван Павлович попросил у сына какую-нибудь книжку. Тот предложил ему "Аврору или зарю в утреннем восхождении" Якова Беме. Вскоре старик вернул ему книгу, сказав, что не понял в ней ни Бе, ни Ме. Так сострить мог бы и сам Хармс. Впрочем, у Даниила Ивановича была, как мне кажется, совершенно особенная и отдельная жизнь, и он держался несколько в стороне от своих родственников» (Петров В.Н. Д.И. Хармс // Частное собрание, г. Ленинград). Религиозность Хармса, хотя и не была ограничена строгими конфессиональными рамками, но — на наш взгляд, — связана была с последовательными православными воззрениями И.П. Ювачева, опубликовавшего ряд трудов: «Между миром и монастырем» (1903), «Паломничество в Палестину к гробу Господню», «Тайны царства небесного» (1910), «Война и Вера» (1917) и др.

² Графолог становится одним из «говорящих» персонажей в рассказе «Власть» (1940). Ср. неопубликованный набросок: [«Один графолог, чрезвычайно любящий водку, сидел в саду на скамейке и думал о том, как было бы хорошо притти сейчас в большую просторную квартиру, в которой жила бы большая, милая семья с молоденькими дочерьми, играю-

щими на рояле. Графолога бы встретили очень ласково, провели бы в столовую, посадили бы в кресло около камина и поставили бы перед ним маленький столик. А на столике бы стоял графин с водкой и тарелка с горячими мясными пирожками. Графолог бы сидел, и пил бы водку, закусывал ее горячими пирожками, а хорошенькие хозяйские дочери играли бы в соседней комнате на рояле и пели бы красивые арии из итальянских опер» (ГПБ. Ф.1232, ед. хр. 219, л.28 об.). По рассказу И.В. Бахтерева, среди знакомых Хармса был графолог по прозвищу Нонэзма. Другим знакомым графологом Хармса был известный в Ленинграде в 1920-30-е гг. специалист по почеркам Константин Константинович Владимиров (1879?-1933?), арестован как активный деятель Теософского об-ва, видимо, умер в лагере. Его архив поступил в ГПБ из НКВД в 1935 г. В нем хранится «проба пера» Эстер Русаковой (ГПБ. Ф.150, ед.хр.428; см. прим. 49). Ср. также в романе К.К. Вагинова «Труды и дни Свистонова»: «По вечерам Психачев подрабатывал в трактире в качестве графолога» (Вагинов К. Козлая песнь. Труды и дни Свистонова. Бамбочада. М., 1989. С.330).

³ Александр Васильевич Туфанов (1877 — не ранее 1941), поэт, «Председатель Земного Шара Зауми». Сын крестьянина Архангельской губернии. «Родился в эпоху расцвета Великого Новгорода в XV столетии во время разбойных походов невольников на ушкуях и во время переселения их в Заволочье на р.Сев. Двину», — писал он в автобиографии 1925 г. (ИРЛИ. Ф.172, ед.хр.348; ЦГАЛИ. Ф.341, оп.1, ед.хр.290, л.21). В 1900 закончил Учительский институт. С 1905 занимался журналистикой, печатал театральные обзоры и судебную хронику в газете «Сын отечества». В 1913-1917 был редактором журнала «Обновление школы». В 1915 руководил литературной частью журнала «Северный гуслияр», где печатал статьи и стихи. О судьбе журнала Туфанов писал 15 сентября 1915 г. В.Я. Брюсову: «С сентября 1914 г. по янв[арь] 1915 г. в Петрогр[аде] издавался студенч[еский] журн[ал] "Северный Гуслияр". В янв[аре] 1915 г. я вступил в состав его редакции, и мне удалось преобразовать его в журнал, который З.Гиппиус и др. сотрудники "Голоса Жизни" окрестили органом анарх[истов]-индивидуалистов. После падения Ковны и наступления белого настроения у Петрогр[адской] публики, издат[ели]-студенты эволюционировали в сторону Керенского и Максима Горького и решили издавать (вместо "Сев[ерного] Гуслияра") новый журнал. В новом журнале будет большой отдел социально-политич[еский] с петроградскими "именами". Несмотря на отрицательное отношение М.Горького к Вам и Бальмонту и вообще к эстетическому символизму, я, по-видимому, останусь в этом журнале заведующим отделом "Стихи, музыка и театр", и очень желал бы заручиться Вашим согласием на сотрудничество (адреса Бальмонта я не знаю)» (ГБЛ. Ф.368, к.105, ед.хр.35, л.1-2). Печатался также под псевдонимами «Silentium» и «А.В. Беломорский» в журналах «Вершины», «Природа и люди», «Жизнь для всех», «Рудин», газетах «Современное слово», «Вечерняя копеечная газета», «Таганрогский вестник», «Сочинский листок». В 1917 на собственные средства выпустил 1-й сборник стихотворений «Эолова арфа», в предисловии к которому провозгласил творческую независимость: «Да я — никто, а потому не должен. Моя ду-

ша — нигде, а потому я не должен». Стихи этой книги, проникнутые влиянием Бальмонта, Северянина и Малларме, вместе с тем явились важным этапом в создании Туфановым собственной теории творчества. Их музыкальность — как одна из необходимых черт поэзии («нам нужна музыкальная теория стиха») — была проявлением «текучести стиха» — важнейшей характеристики теории Туфанова. Развивая «научно-символически» идею Хлебникова, он вырабатывает свою систему семантизации фонем, когда фонемы становятся «материалом искусства». Об этом Туфанов, в частности, писал 11 ноября 1922 г. заведующему книгоиздательством Московской Ассоциации Футуристов: «В течение последних 3 лет я пришел к установлению имманентного телеологизма фонем, придав некоторую стройность и завершение теоретическим началам заумия в трудах В.Хлебникова. Читателям открывается возможность научиться по моей "Азбуке" восприятию стихов Гуро, Крученых, Хлебникова и др.» (ЦГАЛИ. Ф.1334, оп.1, ед.хр.285, л.1). Манифестом его теоретических воззрений стала выпущенная им книга «К зауми» (Л., 1924), в предисловии к которой он сформулировал основные положения своей школы.

Видимо, именно в это время Хармс знакомится с Туфановым. Причиной знакомства и сближения, с одной стороны, могло быть преклонение перед Хлебниковым (см. написанный Туфановым некролог Хлебникова: А.В. Т-в. Памяти Велимира Хлебникова // Новости, 1922, 17 июня; и объявление о создании «Кружка памяти поэта Хлебникова» (Новости, 1922, 24 июня), а, с другой, — безусловно, важнейшая для Хармса идея консолидации «левых сил» в искусстве. К сожалению, встречи Хармса и Туфанова практически недокументированы (нам неизвестно содержание «неразобранного» фонда Туфанова в ИРЛИ). Без сомнения, они встречались на чтениях в Союзе Поэтов, возможно, в ГИИИ. В марте 1925 Туфанов создает «Орден Заумников DSO». Впервые название DSO Туфанов употребляет в своей автобиографии 1922 г.: «Вернулся я в Петроград 28 сент[ября] 1921 г. За эти три года я сделал 20000 верст /.../ По дороге, дорогой читатель, со мной случилось страшное несчастье! Погибло мое 2-ое поэтическое я, причисленное к ордену рыцарей ("DSO"), поэтому моя лирика последних лет стала воспеванием возмущения, разрушения, смелости, храбрости, неустрашимости; в моей лирике — разрушение вселенной и даже смерти (см. поэму "Казнь Смерти"), мира идей и эмоций, в ней — уход к недумающей природе. Я не приемлю будущего, а от прошлого отвернулся, иду к безобразной, звуковой поэзии» (ЦГАЛИ. Ф.1068, оп.1, ед.хр.164, л.4).

«"Орден заумников" в Ленинграде возник после моего выступления в Ленингр[адском] Отделении Союза поэтов в марте 1925 г., — писал он в письме к неизвестному собирателю материалов о литературных группировках 20-х годов. — /.../ DSO — значение заумное: при ослаблении вещественных преград (D) лучевое устремление (S) в века при расширенном восприятии пространства и времени (O). В ядро группы входят трое: я, Хармс и Вигилянский: Хармс и Вигилянский — ученики, постоянно работающие в моей студии. Есть еще 6 человек, имеющих уклон к Зауми и занимающихся предварительной подготовкой. Затем в Ленинграде есть

еще Терентьев, ученик Крученых, сейчас отошедший от нашей работы, работающий в театре и имеющий ученика Введенского (на подготовительной стадии). Терентьев считает меня "единственным теоретиком в Зауми", таким образом, в Ленинграде заумников — 11 человек, и мои сообщения можно считать исчерпывающими» (Частное собрание, г. Ленинград: подготовлено к печати Т.Л. Никольской и Ж.-Ф. Жаккаром в составе тома А.В. Туфанова «Ушкуйники» — в печати). В этом же письме Туфанов писал о «соприкосновениях» «Ордена заумников DSO» с группой «Зорвед» (Зоркое ведание), возглавлявшейся М.В. Матюшиным через художника Бориса Эндера, и «Орденом ленинградских Имажинистов», во главе которого стоял Г.Б. Шмерельсон, через поэта Ивана Афанасьева-Соловьёва (см. прим.54). О своих связях с имажинистами Туфанов упоминает в письмах к М.М. Шапской. В одном из них он раскрывает идею своего союза с группой «Зорвед»: «На днях разыщу художника Эндера: посмотреть, что у них в группе "Зорвед" делается. Он с Матюшиным, как и я, от беспредметности идет неизбежно к обратности, только неощутимой при старых способах восприятия, насыщенной элементами Зауми» (ЦГАЛИ. Ф.2182, оп.1, ед.хр.501, л.5). Теоретические положения декларации «Ордена заумников DSO» были опубликованы и прокомментированы Т.Л. Никольской (Никольская Т.Л. Орден Заумников // Russian Literature. Vol.XXII (1987), №1. С.85-96. В журнале статья неверно атрибутирована Сергею Сигову). 17 октября 1925 г. в Союзе поэтов прошел Вечер ленинградских заумников, где был оглашен «Манифест», в котором была определена методология теории Туфанова — «расширенное восприятие мира и непространственное восприятие времени», а заумники (и экспрессионисты) были названы единственно революционными в поэзии (см. Введенский II, 238-239). В декабре 1926 г. по предложению Хармса и Введенского, который вошел в «Орден Заумников DSO» летом 1925, название группы было заменено на «Фланг Левых», в январе 1927 г. принявшее окончательную форму «Левый фланг». Вскоре, однако, как будто после ссоры между Введенским и Туфановым, он покидает «левый фланг», сохранив за собой название и вернувшись к положению «Кружок — я сам», как он писал в 1924 в анкете Союза Поэтов (ИРЛИ. Ф.491). В 1927 он выпускает третью и последнюю книгу «Ушкуйники (фрагменты поэмы)» и продолжает свои теоретические штудии. В декабре 1931 г. Туфанова арестовывают под одному делу с Хармсом и весной 1932 ссылают в Новгород, который он, видимо, выбирает сам как место ссылки. Там он заведует Историческим кабинетом в Педагогическом ин-те. В ноябре 1941 Туфанов исчез, дальнейшая судьба его неизвестна. По сведениям, дошедшим до И.В. Бахтерева сразу же после войны, «Туфанов умер от голода на ступеньках столовой в захолустном сибирском городке, куда был эвакуирован» (См.: Бахтерев И. «Я расскажу о себе и моих друзьях...» // Родник (Рига). 1987. №12. С.54).

⁴ Второй «Дом искусств» был открыт в 1925 г. на проспекте 25 Октября (Невском), д.86.

⁵ Поль Александрович Марсель (наст. фам. Русаков. 1908-1973) — композитор, дирижер. Родился в Марселе в семье политического эмигранта

нта А.И. Русакова (Иоселевича). В 1919 вместе с семьей приехал в Петроград. В 1929-1932 учился на композиторском отделении Ленинградской консерватории. Первые самостоятельные музыкальные произведения относятся к 1924: вскоре ставшие очень популярными «Танго — Тампа» и «Бюстлинг». Писал песни и романсы на стихи С.А. Есенина («Отговорила роща золотая»), А.А. Блока («Гармоника»), Б.Л. Пастернака («До свидания»), Н.Я. Агнiewiczа («Винтик Шпунтик»), М.А. Светлова («Гренада») и др. под псевдонимом Поль Марсель. Особую популярность получили его танго: «Игра любви», «Тайная любовь», «Танго» (из фильма «Петер») и др. Писал музыку к спектаклям, первая постановка — спектакль студентов мастерской С.Э. Радлова III курса Государственного Института и Техникума Сценических Искусств «Копилка» по пьесе Л.Лябина, где главные роли исполняли Борис Чирков и Николай Черкасов. В доме Русаковых «на Конюшенной» (ул.Желябова д.19/8, кв.4) устраивались вечера музыки и поэзии. Отчасти из-за знакомства с Марселем, в поэзии Хармса возникает образ Музыканта:

Взяли фризовую шинель,
Прострочили кант,
Положили на панель,
Вот и вышел музыкант. (II, 139)

В 1928-1929 семья Русаковых подверглась репрессиям со стороны ГПУ (см.: Флейшман Лазарь. Об одном загадочном стихотворении Даниила Хармса // Stanford Slavic Studies. Vol.1. Stanford, 1987. С.256-257). В 1932-1934 Марсель был музыкальным руководителем Театра Особой Дальневосточной Армии. 28 августа 1937 был арестован, а 29 ноября приговорен «тройкой» как «член семьи врага народа» к 10 годам лагеря. Вместе с ним были осуждены мать, брат Жозеф и сестры Амина и Эстер. Мать и сестра Эстер погибли в лагере. Марселя отправили в Вятлаг, где его как музыканта и дирижера привлекли к работе в «образцовом» Музыкально-Драматическом театре Вятлага НКВД, художественным руководителем которого был Л.Лео, а директором — Б.Розин. Первая премьера П.Марселя — инсценировка в 6-ти картинах с апофеозом «Василий Теркин» (1943), потом: «Программа "Марица"» (инструментовка Марселя) (1943), после которой он был приказом нач. лагеря назначен дирижером, затем были поставлены «Запорожец за Дунаем» (20 августа 1944 г.), «Цыганский барон» (29 октября 1944 г.); он же был художественным руководителем постановок «Свадьба в Малиновке» (7 ноября 1944 г.), «Где-то в Москве» В.Масса и М.Червинского (27 августа 1945 г.), «Травиаты» (ноябрь 1945). Освобожден с «минусом» в 1947, работал дирижером в цирках Ижевска, Саратова, Днепропетровска, Куйбышева, Омска, Воронежа и Иванова. В октябре 1956 после окончательной реабилитации вернулся в Ленинград. 21 октября 1956 г. Д.Д. Шостакович писал председателю Ленгорисполкома Н.И. Смирнову:

Уважаемый Николай Иванович!

Предъявитель сего композитор Русаков П.А. решением Ленинградского Городского Суда полностью реабилитирован и возвращается к месту своего постоянного жительства в г.Ленинград.

Убедительно прошу Вас оказать ему всемерное содействие в получении жилплощади, учитывая, что до ареста он все время проживал в Ленинграде и в настоящее время назначается главным дирижером в Ленинградском цирке.

С глубоким уважением

Д. Шостакович.

(ЦГАЛИ Ленинграда. Ф.211, ед.хр.72, л.2). Аналогичные письма были написаны Н.И. Черкасовым и Ю.В. Толубеевым. Главным дирижером цирка Марсель был с 1956 по 1963 гг. В 1964-1970 работал дирижером ансамбля «Цирк на сцене». Его архив хранится в ЦГАЛИЛ (Ф.211).

⁶ Внимание Хармса к творчеству Крученых характерно для периода «Взирь-зауми». Особо важным и для Хармса в это время и, прежде всего, для Туфанова был тезис Крученых: «Новая словесная форма создает новое содержание» (Декларация слова как такового. СПб., 1913). В преломлении идей Туфанова, как справедливо пишет Ж.-Ф. Жаккар, это означает, «что, изменяя фонетическую структуру слова, поэт (наконец!) подчиняет себе означаемое и получает возможность творить по-настоящему /.../ Общим для Туфанова и его предшественников [Крученых, отчасти Хлебников. — *Публ.*] остается желание непосредственного перехода от звука к смыслу, без вмешательства ума, т.е. "за-умно"» (Жаккар Ж.-Ф. Александр Туфанов: от эолоарфизма к зауми // Туфанов А.В. Ушкуйники — в печати). Отметим также, что для Хармса в период «поиска языка», т.е. адекватных средств выражения происходящего, заумь является одним из них. Характерной в этом смысле представляется запись Хармса от 18 марта 1925 г., переходящая в конце концов в заумь. В начале текста можно выделить аллюзии на некоторые концептуальные фрагменты теоретических высказываний Крученых, так слово «лилия» является одним из определяющих в «Декларации слова как такового» (ср.: «Лилия прекрасна, но безобразно слово лилия захватанное и "изнасилованное". Поэтому я называю лилию еуы — первоначальная чистота восстановлена»). А употребление Хармсом слова «дрьянь» можно сравнить с известным «Разговором о Малахолии в капоте» А.Крученых и И.Терентьева: «Т[ерентьев]: /.../ все неприятное русский язык выражает звуком "ря": дрянь, северянин, неряха, Дурьян, рябой...» (Крученых А. Ожирение роз. О стихах Терентьева и др. Тифлис, 1918. Цит. по: Терентьев Игорь. Собрание сочинений. Сост. М.Марцадури и Т.Никольская. Bologna, 1988. С.417).

В 1930 творения Крученых, Хармса и Введенского должны были печататься в московском альманахе «Атом», который был задуман в связи с планировавшимся Л.Арагоном французско-советским сборником сюрреалистов. Сохранился «Проект альманаха "Атом"» в собрании одного из его участников Н.И. Харджиева. «Проект» был напечатан Вл.Эрлем в подборке «Даниил Хармс в трех неосуществленных изданиях» (Транспонанс. 1986, №28), здесь перепечатывается нами с любезного разрешения первоиздателя:

Проект альманаха «Атом»

1. Предисловие.

2. Объявления.
3. Уголовная хроника.
4. Наши предшественники.
5. Летопись мировых открытий в искусстве.
6. Стихи
  - а) Влаколай Трехар. Попыты атомистической поэзии.
  - б) Эраст Дезидератов. Меланхолические экспромты.
  - в) Образцы мировой поэзии обэриутов: Хармс, Введенский
  - г) Крученных и окрестности.
7. Образцы атомистической прозы.
8. Мартиролог великого прозрения.
9. Научный отдел (теоретические заметки и полемика)
  - а) Биография поэта Антона Лотова.
  - б) Жизнеописание одного старого прохвоста.
  - в) О пространстве в синтаксисе.
  - г) Поэзия и не поэзия.
  - д) Основы разложения слова (атомизм).
  - е) Афоризмы (атомистическая мораль, атомистическая философия и вообще).

10. Похвала лингвистам-атомистам — Роману Алягрову и Евгению Поливанову.

Коллективная декларация «Наши предшественники» напечатана там же: Транспонанс. 1984, №24.

⁷ «Библиотека новых книг» была открыта Антониной Яковлевной Головиной в 1925 г. на пр. 25 Октября, д.40/42 (с 1928 совладельцем библиотеки стал Дмитрий Андреевич Колачевский).

⁸ Описка Хармса. Имеется в виду кн.: Аристотель. Об искусстве поэзии./ Греческий текст с переводом и объяснениями Владимира Аппельерта, преподавателя Московской 5-й гимназии. М., 1893.

⁹ Собрание сочинений Анри Бергсона в 5 томах было издано в СПб в 1914. Работа «Материя и память» составляла III том, а «Творческая эволюция» — I-й. «Исследования об отношении тела к духу» были изданы в СПб в 1911; «Смех в жизни и на сцене» — в СПб в 1913.

¹⁰ Имеется в виду кн. В.М. Бехтерева «Объективное изучение личности. Вып. I». Пб.-Берлин-М., 1923.

¹¹ Полное название кн. И.Блоха: «Половая жизнь нашего времени и ее отношение к современной культуре» (СПб., 1910).

¹² Имеется в виду кн. Л.М. Василевского «Половые извращения». М., 1924, пользовавшаяся большой популярностью в середине 1920-х гг.

¹³ XXXVI-я сказка А.Н. Афанасьева. См.: Русские заветные сказки. Валаам. Тинарским художеством монашествующей братии. Год мракобесия. С.75-77.

¹⁴ Вероятно, имеется в виду кн.: Ковалевский П.И. Психология пола: Половое бессилие и другие половые извращения и их лечение. СПб., 1907.

¹⁵ См.: Чехов А.П. Собрание сочинений в 12-ти тт. Т.6. М., 1962. С.5-9. Анализу некоторых типологических параллелей в творчестве Чехова и Хармса посвящена работа: Chances E. Сехov and Xarms: Story / Anti-Story // Russian Language Journal. XXXVI. Nos 123-124 (1982). Pp.181-192. В качестве примера чеховских аллюзий у Хармса исследовательница приводит фразу из песни Мамаши в «Елизавете Бам»: «над озером быстрая чайка летит» (Полет в небеса. С.181).

¹⁶ Здесь же запись рукой А.И. Шварца: «*Антон Шварц* читал стихи. Тютчев».

Антон Исаакович Шварц (1896-1954) — известный чтец, мастер слова, двоюродный брат Е.Л. Шварца. В записях Хармса он и его жена Наталья Борисовна Шанько фигурируют как «Шварцы Невские», а Е.Л. Шварц и Екатерина Ивановна Шварц как «Шварцы Литейные» (в конце 1920-х они жили в д.16 по Литейному проспекту). А.И. Шварц и Н.Б. Шанько были близкими друзьями Хармса и его второй жены М.В. Малич. В архиве А.И. Шварца в ЦГАЛИ (Ф.2982) сохранились автографы рассказов и драматических миниатюр Хармса, а также письма М.В. Малич, написанные после ареста Хармса.

Юрий Павлович Полетика (1896-1965), поэт, одна из примечательных фигур в ленинградских литературных кругах 1920-х гг. Работал в редакциях журнала «Красный студент» и «Красной газеты», где постоянно печатал стихи молодых ленинградских поэтов и заметки о их творчестве (ср. в письме В.В. Смиренского к Л.И. Аверьяновой от 10 августа 1925 г.: «/.../ Заметку о Вас я дал, но Полетика из зависти не печатает» — ИРЛИ. Ф.355, ед.хр.54. Л.4). Оставаясь приверженцем неоклассической тенденции в поэзии, он определял свое литературное кредо строками из стихотворения «Маятник»: «Уже нас нет, уже мы вне/Пространств, имен, объемов, чисел/Скользим, качаемся во сне/По сгорбившейся биссектрисе» (ИРЛИ, Ф.355, ед.хр.84. Л.1об; здесь же хранятся два других стихотворения, посланные поэтом Л.И. Аверьяновой для невышедшего альманаха неоклассиков. См. также его письма Д.А. Лутохину — ИРЛИ. Ф.592, ед.хр.214). Арестован в 1938 по «писательскому делу», получил 8 лет Колымы. После возвращения с минусом жил до конца своих дней на родине — в Конотопе. См. о нем воспоминания брата: Полетика Н.П. Виденное и пережитое. Из воспоминаний. Израиль. 1982; а также интерпретацию его «петербургских» стихов в работе: Тименчик Р.Д. «Поэтика Санкт-Петербурга» эпохи символизма/постсимволизма // Ученые записки ТГУ. Вып. 664: Труды по знаковым системам XVIII. Тарту, 1984. С.119.

Владимир Сергеевич Алексеев (1903-1942) — поэт, сын философа С.А. Алексеева-Аскольдова (1871-1945). Учился в гимназии им. Л.Д.Лентовской вместе с А.И. Введенским и Л.С. Липавским. Вместе с ними отправил свои первые стихи на отзыв А.А. Блоку. Посещал лекции Н.С. Гумилева, приверженцем поэзии которого был. В семейном архиве Алексеевых (Ленинград) сохранились воспоминания В.С. об одном посещении им Гумилева, написанные в 1922. К этому же времени относится и пространная статья Алексеева о творчестве Гумилева, представляющая интерес как попытка неопыта в поэзии проследить литературную эволюцию

своего кумира, «разобрать те произведения, которые дала нам его жизнь, оставляя личность автора в стороне». Стихотворения Алексеева отмечены влиянием и Гумилева, и Блока, хотя в своей статье Алексеев противопоставил их поэзию: «/.../ беспредметность Блока сменяется ясной до грубости предметностью Гумилева. От тем о Ней, имя которой пишется с большой буквы, о Ней, символизирующей жизнь небесную, мы видим переход к жизни земной со всеми ее неприглядностями, достаточно взять наугад по несколько строк из того и другого автора, чтобы понять, что они представляют полную противоположность и что их интересуют два совершенно различных мира. /.../ Если мы кинем беглый взгляд назад на поэзию последнего десятилетия, то фигура его еще резче выделится среди других: Блок, Ивановы Георгий и Вячеслав, Мандельштам и др. Певцы прекрасного в форме неземной женской красоты, античности, красивейших московских соборов, Петрополя и т.д. и певец нашей непроглядной жизни, толстобрюхого африканского колдуна, пьяного матроса и старого шулера. Певец размаха стихии и бунта, певец, которому тесно на земле» (Архив А.С. Алексеевой, Ленинград; наша искренняя признательность А.И. Добкину и А.А. Сергееву, предоставившим нам тексты Алексеева). В 1924 В.С. вступил в Союз Поэтов, вошел в группу «Мастерская слова» (Н.Л. Браун, А.Л. Браун, Н.П. Вагнер, М.И. Комиссарова), но вскоре ее покинул. Стал членом «Ассоциации неоклассиков» (В.В. Смиренский, М.В. Борисоглебский, Л.И. Аверьянова, А.Н. Рашковская, Н.Я. Рославлева, Е.Я. Данько, А.В. Пумпянская, почетными членами были избраны А.А. Ахматова, М.А. Кузмин, М.В. Ватсон, Ф.К. Сологуб) и стал постоянным посетителем литературных чтений у Сологуба. Ср. в письме В.В. Смиренского к Л.И. Аверьяновой от 4 января 1925 г.: «Лидочка, приходите обязательно (через неделю) 11го января, в 7 часов вечера (не опаздывая) к Федору Кузьмичу Сологубу. /.../ У Сологуба будет Е.Я. Данько, М.В. Борисоглебский, В.С. Алексеев и я. Стихи захватите непременно» (ИРЛИ. Ф.355, ед.хр.54. Л.1). Печтал стихи в журн. «Красный студент», в «Красной газете», газете «Смена». Участвовал в альманахах Ленинградского Союза Поэтов «Собрание стихотворений» (Л., 1926) и «Костер» (Л., 1927). Подвергался репрессиям после ареста отца: вызывался на допросы в НКВД, арестовывался (ср. в письме В.В. Смиренского к М.В. Борисоглебскому: «Из новостей могу сообщить тебе одну невеселую: на днях арестован Вл. Алексеев, у которого, между прочим, при обыске отобраны и мои рукописи. Так что я ожидаю к себе ночных гостей» (ГПБ. Ф.92. Оп.1, ед.хр.282. Л.45-45об.)). Погиб в блокаду Ленинграда.

Надежда Яковлевна Рославлева (1902-1942?) — поэтесса, актриса. Училась в Петроградском Институте сценических искусств, играла в любительских спектаклях и на профессиональной сцене. В феврале 1925 вступила в Союз Поэтов. Печтала стихи с 1924 г. в журн. «Красный студент», «Красный журнал для всех», «Ленинград», «Звезда» и др. В 1926 стала членом «Ассоциации неоклассиков». Ср. в письме В.В. Смиренского к Л.И. Аверьяновой от 19 января 1926 г.: «/.../ о Рославлевой я говорил потому, что ей уже давно предложено было вступить в группу» (ИРЛИ).

Ф.355, ед.хр.54. Л.10). Была одним из основателей литературной группы «Содружество» (М.В. Борисоглебский, Н.Л. Браун, М.Э. Козаков, М.И. Комиссарова, П.Н. Медведев, Н.И. Катков, И.А. Оксенов, В.А. Рождественский, А.Л. Свентицкий, М.А. Фроман, А.П. Чапыгин, Д.Б. Четвериков, Н.В. Баршев). По некоторым сведениям, погибла в блокаду.

В середине 1925 Хармс вошел в литературную среду Ленинграда. 9 октября он подал в Союз Поэтов заявление о приеме и две тетради своих стихов, характеризуя себя как «Председателя Взорь-Зауми». О восприятии произведений Хармса в поэтических кругах свидетельствуют письма В.В. Смиренского к Л.И. Аверьяновой, в которых даже с известной поправкой на сарказм Смиренского и его неоклассическую ориентацию нетрудно увидеть закономерное неприятие «левого искусства», непонимание его задач (см. подробнее: Жаккар Ж.-Ф., Устинов А. Заумник Даниил Хармс: Начало пути. // Wiener Slawistischer Almanach. 1990. Bd.25). 4 февраля Смиренский пишет: «Что же касается Сологуба — так я его очень люблю и считаю большим и прекрасным поэтом. Несомненно для меня, что повертеться около него "мелким бесом" — дело стоящее. А за стихи Ваши Вам от него влетит, потому что пропускать в стихах сказуемое можно только одному Хармсу, да и то потому, что в его стихах вообще все пропущено: и смысл — и тема. А стихи Аверьяновой совсем иные» (ИРЛИ. Ф.355, ед.хр.54. Л.21. Эти письма нам указал Р.Д. Тименчик, которому приносим искреннюю признательность за помощь в работе.).

Неоднократно упоминаемая здесь Лидия Ивановна Аверьянова (1905-1942?) — поэтесса, музыкант, актриса. Училась в Петроградской консерватории, после окончания которой давала частные уроки музыки и преподавала в Консерватории. В 1921 вступила в Союз Поэтов. После первой публикации своих стихотворений в «Записках Передвижного Театра» (1923, 22 окт.), печаталась в журн. «Ленинград», «Красная молодежь», «Красный журнал для всех», газете «Смена» и др. Ее знакомство с Хармсом можно предположительно датировать осенью 1925. Его поэтические опыты периода «Взорь-Зауми» имели в лице Аверьяновой заинтересованного читателя и слушателя. В ее архиве сохранилось датированное ноябрем 1925 г. стихотворение Хармса «О том как Иван Иванович попросил и что из этого вышло» (ИРЛИ. Ф.355, ед.хр.95), публикуемое Ж.-Ф. Жаккаром и нами среди ранних стихотворений поэта. 15 января 1926 г. Смиренский писал Аверьяновой: «...советую Вам прекратить Ваше беззащитное ухаживание за безумником Хармсом, иначе я все открою Вашему бедному обманутому мужу, который ничего не подозревает о Ваших интригах и кознях. Мемуары почтенного Казановы, видимо, Вам впрок не пошли /.../ Мне очень понравилось, как написал Введенский: "Крадется хитрый сыр". Представьте себе лунную ночь — и по снегу — осторожно крадется сыр. Очень забавно» (ИРЛИ. Ф.355, ед.хр.54. Л.7-8). Аверьянова была вторично принята в Союз Поэтов одновременно с Хармсом 26 марта 1926 г. Владея немецким, французским, английским, итальянским, испанским языками, много занималась переводами из современной западной поэзии. Две подготовленные ею книги стихотворений «Vox Humana» и «Вторая Москва» остались в рукописи. В 1927 Л.И. познакомил-

лась с А.А. Ахматовой. «Очень хорошо, что ты побывала у Ахматовой, — писал ей Смиренский 21 марта 1927 г. — Это большой и хороший человек» (ИРЛИ. Ф.355, ед.хр.54. Л.47об.). См. подробнее о Л.И. Аверьяновой публикацию Р.Д. Тименчика в кн.: Пятые Тыняновские Чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1990.

¹⁷ Стихотворение пародирует известный «Марш Буденного» С.К. Минина. Предпоследняя строка — возможная реминисценция монолога Пугачева: «Дорогие мои... Хор-рошие.../Что случилось? Что случилось? Что случилось?» из поэмы Есенина.

¹⁸ Здесь же Хармс переписал стихотворения В.М. Инбер «Сороконожки» (ГПБ. Ф.1232, ед.хр.73. Л.131-132об.), «Поцелуй же напоследок...» (л.137-137об) и «Сеттер Джек» (л.147-149).

¹⁹ Вероятно, Хармс имел в виду кн.: Мариенгоф Анатолий. Буян-Остров. Имажинизм. М., 1920. В 1925 была издана пьеса А.Б. Мариенгофа «Двуногие».

²⁰ В Альманахе литературного кружка коммунистического университета им.Зиновьева «Звенья» (Пг., 1923) были напечатаны стихи и проза Ф.Левина, Поли Своей, А.Дорофеева, А.Кириллова, С.Шпынаря, А.Павловского, Д.Лаврухин-Георгиевского. В предисловии поэт-пролеткультовец А.П. Крайский представлял участников как надежду молодой пролетарской литературы.

²¹ Альманах «Ушкуйники» был выпущен в Петрограде в 1922 Н.К. Чуковским (об истории альманаха см.: Чуковский Николай. Литературные воспоминания. М., 1989. С.155-162). Здесь были напечатаны стихотворения Нины Берберовой, Николая Тихонова, Иды и Фредерики Наппельбаум, Анатолия Столярова, Николая Дмитриева, Константина Вагинова, Петра Волкова, самого Чуковского под псевдонимом Н.Радишев. Название этого альманаха, вероятно, восходит к балладе «Ушкуйники» А.К. Толстого. «Ушкуйники (фрагменты поэмы)» (Л., 1927) назвал свою третью книгу А.В. Туфанов. Здесь название связано прежде всего с тематикой Новгорода Великого (на титуле было обозначено: «Левый фланг Л.О.В.С.П. Новгород 1471»). Ср. также инскрипт: «Дорогому Василию Викторовичу Улитину от песнопевца Великого Града и ротника книга в поминок. А.Туфанов. 16/1 27 г.» — ГПБ, шифр 89/156а), и, видимо, со сверхповестью Велимира Хлебникова «Дети выдры» (Хлебников Велимир. Творения. М., 1987. С.433-436).

²² Запись рукой С.А. Полоцкого. Семен Анатольевич Полоцкий (1905-1952) — поэт, драматург, детский писатель. Участник казанской группы имажинистов «Витрина поэтов», выпустившей два сборника: «Гараном слов: Ланэ, Меркушев, Полоцкий» (Казань, 1921) и «Заповедь зорь. [С. Полоцкий и М.Березин]» (Казань, 1922). Член «Воинствующего Ордена Имажинистов» со дня основания в конце 1922, куда входили Г.Б. Шмерельсон, И.И. Афанасьев-Соловьев, Владимир Ричиотти (Л.О. Турутович), Н.Григорьев, А.Золотницкий, Л.Рогинский. Участвовал в вышедших в издательстве «Ордена» сборнике «В кибитке вдохновения» (Пг.,

1923) и втором сборнике «Ровесники. И.Афанасьев-Соловьев, Семен Полоцкий, Владимир Ричиотти, Леонид Рогинский. Имажинисты» (Л., 1925), на последней странице которого была напечатана декларация Полоцкого: «Мы питаем надежду, что в ближайшее время русская литература сможет развиваться без нашего суфлирования, но для вящего спокойствия читателя берем на себя ответственность за судьбы русской поэзии на десятилетие вперед». Здесь же было напечатано объявление, свидетельствующее о том, что Полоцкий привлек Хармса и Введенского к участию в невышедшем сборнике имажинистов: «"Положа руку на сердце!" значительнейшая книга 1926 г. выйдет в январе "Необычайные свидания друзей" открывает хорошую эпоху. Участвуют прекрасные: А.Авраамов, И.Афанасьев-Соловьев, М.Березин, А.Введенский, Э.Криммер, С.Полоцкий, В.Ричиотти, Л.Рогинский, К.Сотонин, С.Спасский, Д.Хармс, Е.Хигер, Г.Шмерельсон, В.Эрлих». Автор 15 книг для детей: «Женька-пионер» (М.-Л., 1926), «Игрушки» (Л., 1927), «Каквас» (с рис. Т.Н. Глебовой. — М., 1928) и др. Автор романа «Черт в Совете непорочных» (М.-Л., 1928), пьес «Аппарат» (Л.-М., 1930), «Вечная молодость» (М., 1935) и др. «Неразобранный» архив С.А. Полоцкого в ИРЛИ для исследователей закрыт (См. Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1971 год. Л., 1973. С.117-118).

²³ Название стихотворения Н.И. Асеева. См. прим.29.

²⁴ Хармс поступил в Ленинградский электротехникум осенью 1924 и учился там, видимо, до конца 1925. 9 октября 1925 г. в анкете Союза Поэтов в графе «образование» он пишет: «Скоро будет высшее» (ИРЛИ. Ф.491. Д.5. Л.1). В записной книжке 1925 г. (ГПБ. Ф.1232. №73) есть касающиеся учебы в техникуме записи на немецком языке с большим количеством ошибок. Приводим фрагменты: «Я чувствовал себя плохо. Но, Боже, помоги мне. Ты можешь мне помочь. Пусть все будет хорошо с техникумом. Боже, помоги мне сегодня выдержать экзамен. Пошли мне также здоровья» (л.127). «9 июля. Г[осподи], п[омоги] м[не] остаться в Техникуме. Господи, сделай так, чтобы я продолжал дальше здесь учиться. Надежда. Крест и Мария. Крест и Мария. Крест и Мария.

Даниил Хармс 1925. Помоги» (л.134об.).

²⁵ Имеется в виду «Герой нашего времени». Возможно, эта запись — впечатление от доклада, прочитанного на одном из семинаров гуманитарного факультета ГИИИ, которые Хармс посещал. Осенью 1926 Хармс становится постоянным слушателем ГИИИ. Ср. запись от 25 октября 1926 г.: «С этого дня регулярно хожу в И.И.И.» (ЗК №7). Здесь он собирался закончить краткосрочные курсы (ср. запись от 26 ноября 1926 г. «Посещать краткосрочников можно в среду и в [субботу] воскр. от [12-2] и от 6^{1/2} — 8,9» (там же), но не осуществил этого.

²⁶ Строки из поэмы В.В. Маяковского «Человек». См.: Маяковский В. Полное собрание сочинений. Т1. 1912-1917. М., 1955. С.255.

²⁷ Полное название кн. М.М. Бонч-Томашевского: «Книга о танго. Искусство и сексуальность» (М., 1914).

²⁸ Книга В.Н. Всеволодского-Гернгросса «Искусство декламации» (Л., 1925) была издана как «научно-популярное руководство для актеров, слушателей театральных учебных заведений, педагогов, членов художественных кружков и учащихся единой трудовой школы». Хармс серьезно занимался мелодекламацией и выступал с чтением стихов (см. список «Стихи наизустные мною») в ГИИИ, Тургеневской библиотеке, Госпароходстве и т.д. Весной 1925 он делает на немецком языке запись накануне выступления с чтением стихов: «М[ой] Б[оже]. Это вполне логично пригласить меня почитать стихи. Боже, сделай так, чтобы там были люди, которые любят литературу, чтобы им было интересно слушать. И пусть Наташа будет повежливей к моим стихам. Г[осподи], сделай то, о чем я тебя прошу. Сделай это мой Б[оже]» (Ф.1232, ед.хр.71. Л.73). Вторая книга, которую упоминает Хармс: Всеволодский-Гернгросс В.Н. Теория русской речевой интонации. Пб., 1922.

²⁹ Из вышеперечисленных стихотворений мы считаем необходимым прокомментировать лишь некоторые, поскольку, в основном, эти тексты широко известны.

Моейко сердко — стихотворение В.Каменского «Сердко» взято из сб. «Девушки босиком» (Тифлис, 1917), так же, как и все остальные стихотворения, кроме «*Жонглер*» («Згара-амба») и «*Прибой в Сухуме*», напечатанных в «ЛЕФе» (1923, №1. С.45-47). «*Времена года*» — цикл «*Четыре Времени*».

Все перечисленные стихотворения Игоря Северянина — из сб. «Громко кипящий кубок» (М., 1913) («*Весенний, день, Кэнзель, Это было у моря, Лесофя, Виктория Регия, Хабанера III, Мои похороны, Тринадцатая, Русская*»), «Ананасы в шампанском» (М., 1915) («*Промельк, Пятицвет II, Шампанский полонез*»), «Тост безответный» (М., 1916) («*Сказание о Ингрид, Красота передсмертная, Позза отказа, Позза о Харькове*»).

Стихотворения В.М. Инбер «*Сороконожки*» и «*Романс I*» («Поцелуй же напоследок руки и уста...») вошли в ее кн. «Цель и путь. Четвертая книга стихов» (М., 1925).

Стихотворения Н.С. Гумилева — из сб. «Фарфоровый павильон. Китайские стихи» (Пб., 1918) («*Детская песенка, Странник, Три жены мандарина*»), «Огненный столп» (Пб., 1921) («*Слоненок, Зablудившийся трамвай*»), «К синей звезде» (Пг., 1923) («*Отвечай мне, картонажный мастер*»).

Первые два стихотворения Ф.К. Сологуба называются «*Лунная колыбельная*» и «*Тихая колыбельная*».

Оба стихотворения Андрея Белого взяты из сб. «Пепел» (СПб., 1909) «*Старик с кошками*» В. Маяковского, видимо, первый монолог этого персонажа трагедии «Владимир Маяковский».

«*Собачий поезд*» Н.Асеева напечатан в его кн. «*Стальной соловей*» (М., 1922), «*День*» — там же, как вторая часть стихотворения «*Башня радио*», отдельно — в кн. «*Избрань*» (М.-Пб., 1923).

1-ая ария Пугачева — вероятно, монолог «*Ох, как устал и как болит нога!..*», которым открывается поэма С.А. Есенина.

Как *Op. 13* в «Пощечине общественному вкусу» было напечатано стихотворение «*Кузничик*» Велимира Хлебникова.

Оба стихотворения А.В. Туфанова «Нинь» и «Весна» взяты из книги «К зауми». «Весна» — одно из программных стихотворений поэта, построенное на основе английских морфем; в книге оно было напечатано трижды, в том числе в фонетической транскрипции (с.13). Оба стихотворения были напечатаны в разделе «Срывы». Заумное стихотворение Хармса «Полька затылки» имеет подзаголовок «Срыв» (см.: Жаккар Ж.-Ф., Устинов А. Указ. соч.).

³⁰ Евгений Иванович Вигилянский (1903-1942?) — поэт, «администратор» обэриу. Учился на театральном отделении Высших курсов искусствования при ГИИИ в 1926-1927. Его квартира на Васильевском острове (6 линия д.41 кв.9) была одним из мест встреч участников «Ордена Заумников DSO» и «Левого Фланга». На поэтическом вечере у Вигилянского осенью 1925 Хармс познакомился с Введенским. При подготовке к постановке «Елизаветы Бам» Вигилянскому была сначала дана роль Петра Николаевича, которая вскоре была заменена на роль Папаши, роль же Петра Николаевича сыграл И.С. Варшавский (см.: О «Елизавете Бам»). Вигилянский же должен был вести объявленный на «12 Деркаребаря 1928 года по новому стилю», но несостоявшийся вечер «Василий Обэриутов» (см. его программу: О «Елизавете Бам». С.192-193). С этого времени Хармс практически, кроме списка «С кем я на ты», не упоминает Вигилянского в своих записях. По некоторым сведениям Вигилянский погиб в блокаде. Поэтика Вигилянского, судя по дошедшим до нас текстам — сугубо традиционна. Так же как и в стихах Л.С. Липавского, в его произведениях заметно влияние акмеизма. Ни одно из упоминаемых Хармсом стихотворений нам неизвестно. В его архиве сохранились следующие: «Из поэмы "О любви"», «Рукопись драмы», «Из поэмы "Сергей Езерский"», «Зимнее», «Решетчатые диалоги» (ГПБ. Ф.1232, ед.хр.414). Из них наиболее примечательно последнее, связанное с петербургской тематикой.

³¹ Венедикт Николаевич Март (наст. фам. Матвеев, 1896-1937) — поэт. До 1917 жил в Петербурге. Во время Первой мировой войны недолгое время был в военном лагере Вильманstrand в Финляндии. В 1917 уехал на Дальний Восток — в Читу, потом во Владивосток, где в типографии отца — известного краеведа Н.П. Матвеева-Амурского выпустил под маркой издательства «Хайшин-вей» книги стихотворений «Черный Дом» и «Песенцы». В 1918 путешествовал по Японии, откуда послал свои «танка и хокку» С.П. Боброву с просьбой напечатать их «в альманахе, в отдельной книге, в журнале — все равно...» (ЦГАЛИ. Ф.2554. Оп.1, ед.хр.47). В 1919 вышла третья книга «Файн» (совм. с Гавриилом Эльфом — псевдоним брата поэта: Гавриила Николаевича Матвеева). В 1921 Давид Бурлюк в «заметках и характеристиках очевидца» «Литература и искусство в Сибири и на Дальнем Востоке (1919-22 гг.)» писал: «Особое положение занимает "дикий" поэт Венедикт Март — его творчество соединяет в себе черты грубого "протеста во имя протеста", следы патологичности, но, должно быть, отмечено неустанностью борения против провинциального покоя» (Новая русская книга. 1922, №2. С.47). Во время своего дальневосточного турне Бурлюк исполнил портрет Марта (см. его ре-

продукцию: ГПБ. Ф.552, ед.хр.2. Л.31). Несколько лет Март прожил в Харбине, где выпустил книги стихов: «Три солнца. Поэма» (1921), «Украденная смерть» (1921), «Причуды» (1922), «Россия без "Ъ"», «Синий благовест» (1922), «Благословенный город» (1922), «Луна» (1922) и новеллюминатию «На любовных перекрестках причуды». После возвращения в СССР в 1923 издал книги прозы «Сборник рассказов» (М.-Л., 1928), «Логово рыжих дьяволов (О Шанхае)» (М., 1928), «Речные люди. Повесть для детей из быта "Современного Китая"» (Л., 1930), «ДЭРЭ — водяная свадьба. Рассказ» (Киев, 1932), «Ударники финансового фронта» (М., 1933). Хармс познакомился с Мартом, вероятно, после приезда того в Ленинград. Проявляя интерес к «левой поэзии», Хармс, кроме того, возможно, стремился привлечь Марта к участию в вечерах левого искусства, не исключено, что к этому же стремился и Туфанов. Ср. запись об одном из таких вечеров между 14 и 16 января 1927 г.: «Сижу и слушаю. Туфанов читает. Март. 175. Логовище» (ЗК №8). Март вписан в список «С кем я на ты» (ЗК №26). Хармс был знаком также с братом Марта Г.Н. Матвеевым (отметим также, что И.П. Ювачев был крестным отцом обоих братьев) — в 1925 Хармс записал Г.Н. среди предполагаемых членов будущего «Фланга Левых» (Введенский, II, 241). Март стал прототипом поэта Сентяева в «Козлиной песни» К.Вагинова (см.: Вагинов Конст. Козлиная песнь: Романы. М., 1990. В печати. Прим. Т.Л. Никольской и В.И. Эрля). В 1928 Март был арестован, сослан на три года в Саратов. Об обстоятельствах своей ссылки и ареста Март писал П.В. Митуричу 13 апреля 1929 г.:

Дорогой, дорогой Петр Васильевич!

Увы, Ваша открытка застала меня в психиатрической клинике: с 1/2 месяца я провалялся на больничной койке, приведенный туда благами нашей жизни: измучился морально, изнервничался. Спасибо за сочувствие моим огорчениям. На вопрос о подробностях по поводу высылки моей, — увы, не могу ответить, так как мне фактически не было предъявлено даже обвинение и сам толком до сих пор не знаю своего «преступления». Вызвали вдруг повесткой в ГПУ, сделали единственный допрос, из которого я (по вопросам) выяснил, что где-то когда-то я назвал в невменяемом виде кого-то неудобным с точки зрения национ[альной] политики словом, еще какие-то пустяки... Мытарили меня по камерам ГПУ, потом в Бутырках, в Бутырской психиатрической больнице, потом этапом в арестантском вагоне отправили в Саратовский изолятор и только тут я увидел, наконец, волю. Но самое страшное из всего этого: полнейший разгром моей семьи. Во время моего ареста, когда я не мог дать о себе весточку, какая-то человеческая сволочь сообщила моей жене анонимным письмом о моей смерти. Мысль о убийстве меня — убила разум моей жены, и она до сих пор лежит на Канатчиковой даче в сумасшедшем доме — совершенно без сознания /.../ Сын мой Зайчик где-то, у кого-то из родственников жены, на положении «полубеспризорника» в Ленинграде. Все мои рукописи — плод 17 лет творческого труда — забиты в Томилино в пустой даче. И м.б. вытоплены в холодный зимний день — добросердечными соседями» (ЦГАЛИ. Ф.527. Оп.1, ед.хр.337, л.2).

Март пытался вернуться после ссылки в Ленинград. В 1934 поселился в Киеве. В 1937 был арестован вторично. Расстрелян. О встречах Марта с Хармсом писал в автобиографической поэме «Память» (1979) его сын поэт Иван Елагин (1918-1987) (см.: Елагин Иван. В зале вселенной. Апп Агвог, 1982. С.202 и др.). Стихотворения *Черный дом* и *Бал в черном доме* выбраны Хармсом из сб. «Черный Дом». В сб. «Песенцы» были включены «*Жуткие танки. 1. Март. 2. Воспоминания. 3. Сердца. 4. Похороны*» и перевод с японского «*Танки Микадо Мацухито*», вошедший в цикл «Бисер». Стихотворение «*Белый Дьявол*» нам неизвестно, возможно, это стихотворение *Бледный*, составляющее с двумя первыми триптих в сб. «Черный Дом».

³² Единственная известная нам информация о поэте Маркове есть в воспоминаниях И.В. Бахтерева «Когда мы были молодыми»: «Входили в нее [группу А.В. Туфанова. — Публ.] преподаватель Вигилянский, инженер Игорь Марков, называвший себя «речевоком», приехавший из Сибири бухгалтер Матвеев», и далее: «Шесть человек, входивших в "Левый фланг", устроили несколько совместных выступлений в Домах культуры, заводских и студенческих клубах. Группа просуществовала немногим дольше года. Объявил о конце искусства, о наступлении эры техники и науки "речевок" Марков. Отныне он не напишет ни единой стихотворной строчки, займется нужным для людей делом, созданием новых станков. "Речевока" поддержал Вигилянский: долой бесполезные виды человеческой деятельности! Но почему-то стихи писать не перестал. Разочаровался в словесных экзерсисах поэт-бухгалтер, и след его потерялся в сибирских даялах» (Воспоминания о Н.Заболоцком. М., 1984. С.66-67).

³³ Эта книга А.Крученых (М., 1924) выделялась обэриутами в ряду его работ по «сдвигологии русского стиха», сама идея «звукового сдвига, образующего слово, не бывшее в тексте», стала актуальна для их поэтики. В контексте штудий Крученых «О львах» (Указ. соч. С.31, 40) интересно отметить, что в строке Введенского «то знали ль вы не знали вы» из монолога Грекова («Минин и Пожарский» — Введенский, I, 8) при публикации в сб. «Костер» (Л., 1926) была допущена ошибка и звуковой сдвиг оказался эксплицированным: то — знали львы — не знали львы» (ср. также основной пример Крученых из «Евгения Онегина» — «со сна садится в ванну со льдом» — с.7, 53, и ремарку Хармса в «Лапе» — «Мария Ивановна со сна» — II, 99).

³⁴ Полное название книги д-ра Е.П. Радиной: «Футуризм и безумие. Параллели творчества и аналогии нового языка кубо-футуристов» (СПб., 1914).

³⁵ Имеются в виду сборники ОПОЯЗа: Вып. первый (Пг., 1916), Вып. второй (Пг., 1917), Вып. третий. Поэтика (Пг., 1919).

³⁶ Контаминация имени Виктора Шкловского и фамилии Бориса Эйхенбаума. Книга Б.М. Эйхенбаума «Мелодика стиха» была издана в Петрограде в 1922. Хармс посещал семинары Эйхенбаума в ГИИИ и был знаком с ним и со Шкловским. Безусловно, теоретические работы опоя-

зовцев привлекают его внимание в период формирования собственной поэтики. Связь с формалистами и их учениками актуализируется во время подготовки первого сборника «Радикса», где в теоретическом отделе должны были быть напечатаны исследования Шкловского «О Хлебникове», Б.Бухштаба «Константин Вагинов», а также Л.Я. Гинзбург, В.В. Гофмана и Н.Л. Степанова (см.: Введенский, II, 236). Тесные отношения с младоформалистами поддерживал Н.А. Заболоцкий. М.Б. Мейлах на основании записных книжек Хармса 1928 г. сообщает, что пригласительные билеты на вечер «Три левых часа» были посланы также приглашенным участвовать в диспуте Степанову и Эйхенбауму (О «Елизавете Бам». С.188-189). Неосуществленным остался замысел совместного с формалистами сборника обэриутов «Ванна Архимеда» (весна 1929 г.), где в отделе прозы должны были участвовать, как писал в мае 1929 В.А. Каверин в письме к Л.Я. Гинзбург: «Добычин, Хлебников, Хармс и предположительно Тынянов. В отделе критики лица Вам отлично известные [Н.Степанов, В.Гофман, Б.Бухштаб]. Они (вместе с Вами) думают написать "Обозрение российской словесности за 1929 год". Кроме того, будут участвовать Бор[ис] Мих[айлович] Эйхенбаум, Юр[ий] Ник[олаевич] Тынянов и Виктор Борисович [Шкловский], к которому за этим делом просим Вас обратиться» (Гинзбург Л.Я. Заболоцкий двадцатых годов // Воспоминания о Заболоцком. С.146). Этому сборнику посвящены следующие строчки Хармса из стихотворения «Ванна Архимеда»:

Как-то я среди обеда
прочитал в календаре —
выйдет «Ванна Архимеда»
в декабре иль в январе, —
Архимед сказал угрюмо
И бородку в косы вил.
Да, Махмет, не фунт изюму,
вдруг он при со во купил.
Да, Махмет не фунт гороху
в посрамленьи умереть,
я в науке сделал кроху
а теперь загажен ведь.
Я загажен именами
знаменитейших особ,
и скажу тебе меж нами —
формалистами в особь.
Но и проза подкачала,
да, Махмет, Махмет, Махмет.
Эй, Махмет, гони мочало!
басом крикнул Архимед. (II, 4).

Машинопись сборника хранилась у Н.Л. Степанова и исчезла после его смерти. Отметим также, что сб. «Ванна Архимеда» позднее планировался как поэтический. Оглавление сборника было занесено Хармсом в записную книжку в конце декабря 1929 — начале 1930. Впервые напечатано Вл.Эрлем: Даниил Хармс в трех неосуществленных изданиях // Транспо-

нанс. 1986. №28; с любезного разрешения публикатора мы приводим этот текст:

Сборник
«Ванна Архимеда»

- Заболоцкий. — II беседа.
«Ночь гремела в бочке в бочке...»
Падение Петровой.
Бессмертие.
- Хармс. — Троекратное опис[ание] свет[ила].
Елизавета Бам.
Полет в небеса.
Искушение.
Скупость.
Тюльпанов среди хореев.
- Введенский. — Ответ Богов.
Безумные звери.
Две птички, горе, лев и ночь.
Стариковская ночь.
- Олейников. — Карась.
«Ты устал от любовных утех...»
- Звенигородский. — «Один развратник...»
««У одно[го] прекр[асного] портрета...»
Бегство.

Звенигородский — псевдоним Е.Л. Шварца. Первая басня, записанная Хармсом по памяти в той же книжке, была написана в 1924, опубликована в «Чукоккале» (М., 1979. С.362). Второе стихотворение было опубликовано как стихотворение Н.М. Олейникова в составе цикла «В картинной галерее (Мысли об искусстве)» (Вопросы литературы. 1970. №7. С.241.). Как отмечал Вл.Эрль: «Заключающее цикл четверостишие "У одного портрета" записано Хармсом в виде басни *Звенигородского* /.../ и, таким образом, принадлежит Шварцу; кроме того, стихотворения названного цикла сильно отличаются от всех остальных стихотворений Олейникова...» (Вокруг Хармса. Публикация, предисловие и примечания Владимира Эрля. // Транспонанс. 1984. №21. С.112).

Свидетельством интереса Хармса к формалистам, по крайней мере, к Эйхенбауму, могут служить следующие записи, сопровождавшие, очевидно, диспут после выступления ОБЭРИУ 25 ноября 1928 г. и связанные с приездом в Ленинград лидера Литературного центра конструктивистов Ильи Сельвинского (1899-1968): «Эйхенбауму понравился Заболоцкий, может быть, Введенский, но я никак [это] я ему не понравился.
Это истина.

Такое имя как Бухарин никого шокировать не будет.

То, что говорит Сельвинский, я начисто не приемлю! Все, что он говорит, обратно моим убеждениям.

Сельвинский, крепкий, дубинистый человек, на совершенно чужом пути. Если Эйхенбаум и компания молодых формалистов объединится с Сельвинским, я с ними не желаю иметь никакого дела.

Я думаю, что Эйхенбаум наиболее близок мне» (ЗК №16).

³⁷ Возможно, «небольшая погрешность» Хармса, вместо *Юрий Павлович Полетика* (см. прим.16).

³⁸ Один из немногочисленных одностроков Хармса. Два известных однострока опубликованы в: Хармс Даниил. Собрание произведений. Кн. первая. Времен, 1977: «Плачь мясорубка вскачь» (С.57) и «за дам по задам задам» (С.179). Известен еще один однострок, записанный примерно тогда же: «Наконец дева съедет на конец».

³⁹ Авторская ремарка к «IV Михаилу», видимо, не написанному для программной поэмы Хармса «Михаилы» периода «Взирь-Зауми». «Примечания к Михаилам» предпосланы самой поэме, возможно, для того, чтобы придать ей особое ритмическое качество: об этом свидетельствуют тонические ударения в поэме и сами примечания: «Поэма I Михаил читается скандовочно — нараспев.

Второй Михаил выкрикивается.

Третий Михаил сильно распадается на слоги, но, напева меньше, чем в первом» (ИРЛИ. Ф.491. О значении ритмики в ранних поэтических опытах Хармса см.: Жаккар Ж.-Ф., Устинов А. Указ. соч.). Хармс читал «Михаилов» на вечере Заумников (прим.3).

⁴⁰ Учениками Н.О. Лосского в университете были Л.С. Липавский и Я.С. Друскин, с которыми в это время через Введенского познакомился Хармс. По окончании философского ф-та Липавскому и Друскину было предложено остаться при университете при условии, что они публично отречутся от их учителя, высланного в 1922 из России. Оба отказались от этого предложения.

⁴¹ Имеется в виду кн.: Психологические сочинения Аристотеля [Вып.1]. Казань, 1885. — Исследование о душе. Перевод с греческого В.Снегирева.

⁴² Имеется в виду кн.: Грот Н.Я. Психология чувствований в ее истории и главных основах. СПб., 1879-1880.

⁴³ Имеются в виду следующие кн.: Виндельбанд Вильгельм. Прелюдии. Философские статьи и речи. Пер. с немецкого С.Франка. СПб., 1904; Фалькенберг Рихард Фридрих. История новой философии от Николая Кузанского до нашего времени. Пер. Д.В. Викторова. М., 1910 (1-е изд.: СПб., 1894); Шпет Г.Г. Явление и смысл. Феноменология как основная наука и ее проблемы. М., 1914.

⁴⁴ Медиумом на спиритических сеансах, которые обычно устраивались у Введенского на Съезжинской (д.37, кв.14) была его первая жена Т.А.Мейер (см. прим.145).

⁴⁵ Павел Андреевич Мансуров (1896-1983) — художник, заведовал в ГИНХУКе экспериментальным отделом. С юношеских лет был знаком с Есениным, и близок к нему в 1920-е гг., был с Есениным в его последнюю ночь (см. письмо Мансурова к О.И. Синьорелли от 10 августа 1972 г. // Минувшее. Исторический альманах. Кн.8. Paris, 1989. С.171-174). Вероятно, от Мансурова Хармс знал о трагических обстоятельствах самоубийства Есенина, нашедших свое отражение в одном из лучших его ранних стихотворений «Вьюшка Смерть. Сергею Есенину», написанном песенным стихом с ритмизованным проставлением тонических ударений. Приведем две заключительные строфы из него:

пожурила де́вица
неве́ста сику́рая
А Сережа дере́вцем
на груди не кла́няется
на груди не кла́няется
не бу́кой не ве́чером
посыпаёт о́коло
сперва́ чем то ду́дочным (ИРЛИ. Ф.491).

На последней выставке ГИНХУКа в июне 1926 Мансуров «расклеил по стенам массу фотографий, крестьянский костюм, кусочки коры, несколько раскрашенных досок» (Серый Г. Монастырь на госснабжении // Ленинградская правда. 1926. 10 июня), сопровождавших его декларациями «Мирское письмо к городу» и «Вместо объяснения работ», первая из них проникнута идеей противопоставления деревни городу, апологией народного искусства: «Наше народное искусство самое величественное, вечно не стареющее и истинное. Наши братья художники, попавшие в ваш городской рай, умирают с голоду или вешаются от тоски» (ЦГАЛИЛ. Ф.244, ед.хр.66. Л.27). Второй манифест был направлен против попыток художника «популяризовать свои взгляды», выступал за независимость и самоценность творчества в условиях применения к искусству идей «администраторов, политиков и коммерсантов /.../ Результатом господствующей политической философии явилось физическое вымирание художника, как равно и вполне разрушенная художественная школа» (Там же. Л.72). См. также в кн.: Авангард, остановленный на бегу. Л., 1990.

Чтивший память о Хармсе искусствовед В.Н. Петров, описывая интерьер его комнаты, вспоминал «отличный портрет Хармса, написанный Мансуровым, старинную литографию, изображавшую усатого полковника времен Николая I, и беспредметную картину в духе Малевича, черную с красным, про которую Хармс говорил, что она выражает суть жизни. Эта картина была написана тоже Мансуровым». 21 августа 1928 г. Мансуров уехал в Париж, взяв с собой не только доску с портретом Хармса, но и посланный с ним сборник обэриутов. Ср. записи Хармса августа 1928 г.:

«Мансурову. О том, что мы будем посылать стихи в письмах, таким образом, что их можно оторвать и переписать. О гоноре» (ЗК №12);

«Вещи отправляемые в ...»

Б.Левин. — Улица у реки.

Козел. 1 лист.

Третий рассказ.

И.Бахтерев. — Пастух.

Путь в Нарым.

Танец Ертышкина (организовать).

Ночное искушение 1/2 листа.

Д.Хармс. — Елизавета Бам — 2 листа.

Казачья смерть.

Искушение.

Авиация превращений.

Скупость. 1/2 листа.

Фокусы.

Мария.

А.Введенский. — 1 лист.

Вагинов и Забол[оцкий] ? 1 лист». (ЗК №12).

«[воскресенье 19 августа]

Послано с Мансуровым.

Хармс. — Предметы и Фигуры, Казачья смерть, Фокусы, Серенада, Падение с моста, Скупость, Елизавета Бам.

Бахтерев. — Пастух, Путь в Нарым, описание Ертышкина.

Левин. — 4 рассказа.

Вагинов. — 2 стихотворения.

(на берегу, Токсово).

Введенский. —

Мансуров Пав[ел] Андр[еевич]

уехал во вторник

21 августа 1928 года

в 10 часов утра»

(ЗК №13).

⁴⁶ Цитата из II части стихотворения Н.Асеева «Об обыкновенных» из сб. «Стальной соловей»: «Соловей! Россиньоль! Нахтигаль! / Выше, выше! О, выше! О, выше! / Улетай, догоняй, настигаи / Ту, которой душа твоя дышит».

⁴⁷ В этой «рецензии» на поэму А.В. Туфанова «Домой в Заволочье» Хармс полемизирует с главой «Ордена заумников DSO», избравшим в качестве «Материала для своего искусства» «произносительно-слуховые единицы языка, фонемы» («К зауми». С.8-9), для него важно не слово, а «звуковой жест», и, следовательно, вывод — понимать, «что делают заумные стихи, а не что изображено в них» (Туфанов А. Освобождение жизни и искусства от литературы // Красный студент. 1923. №7/8. С.7-12). В соответствии с этим не имеет значения, какой язык выбирается в качестве исходного для фонемного анализа. В статье «Заумие», открывающей кн. «К зауми», Туфанов исследует английские и китайские морфемы, звуковые жесты японского языка, фонемы семитских языков и русские частушки. В контексте этих теоретических положений и возникают выска-

звания Хармса о сохранении «национальности зауми», ее русско-национальной красоты. Его высказывания вполне совпадают с идеями Хлебникова о создании «грядущего мирового языка» на основе русского. Национальная принадлежность зауми для Хармса чрезвычайно важна в рамках идеи, что язык — это собрание звуков, организованное определенным образом и, когда «слово идет на службу разуму, звук перестает быть всевеликим и самодержавным, звук становится "именем" и покорно исполняет приказы разума» (Хлебников Велимир. О современной поэзии // Творения. М., 1985. С.632). Это движение от звука к смыслу принципиально прежде всего для самой хлебниковской вещи Хармса «Лапа» (II, 87-108). Характерно, что в «рецензии» упоминается сверхповесть «Зангези».

⁴⁸ Это стихотворение было подано Хармсом среди других в приемную комиссию Союза Поэтов. См.: Жаккар Ж.-Ф., Устинов А. Указ. соч.

⁴⁹ Эстер Александровна Русакова (1906-1938) — первая жена Хармса. Сестра Поля Марселя. Их знакомство с Хармсом приходится, очевидно, на 1923-1924 гг. Ей посвящена вещь «Гвидон» и множество стихотворений, написанных Хармсом с 1925 по 1932 — год их окончательного разрыва. С именем Эстер связан важнейший мотив лирики Хармса — мотив окна: «Вы не забыли значки на стенах в моей комнате, — писал он 2 ноября 1931 г. Р.И. Поляковской. — Очень часто попадаете такой значок: , я называю его "окно" /.../ до Вас я любил по-настоящему один раз. Это была Эстер (в переводе на русский — звезда). Я любил ее семь лет. Она была для меня не только женщиной, которую я люблю, но и еще чем-то другим, что входило во все мои мысли и дела. Я разговаривал с Эстер не по-русски и ее имя писал латинскими буквами: ESTHER.

Потом я сделал из них монограмму, и получилось

Я назвал ее окном, сквозь которое я смотрю на небо и вижу звезды. А звезду я называл раем, но очень далеким. И вот однажды я увидел, что значок и есть изображение окна.

Потом мы с Эстер расстались. Я не разлюбил ее, и она меня не разлюбила, но я первым пожелал расстаться с ней.

Почему — это мне трудно объяснить. Но я почувствовал, что довольно смотреть "в окно на далекую звезду"» (Хармс Даниил. Полет в небеса. С.459-460). Характерна в этом смысле запись Хармса: «Весь мир — окно — Эстер». Довольно сложные отношения между ними переосмысляются Хармсом в стихах и рассказах этого времени. Последнее стихотворение, обращенное к окну-Эстер, относится к концу июня 1931 г.:

На сиянии дня месяца июня
говорил Даниил с окном
слышанное сохранил
и таким образом увидеть думая свет
говорил солнцу: солнце посети в меня
проткни меня солнце семь раз
ибо девятью драми жив я
следу злости и зависти выход низ

пище хлебу и воде рот мой
страсти физике язык мой
ве и дханию ноздрями путь
два уха для слушания
и свету окно глаза мои.

(III, 45)

Необходимо отметить, что именно в годы близости Хармса с Эстер в его произведениях входит биографический личный подтекст, который становится определяющим для поэзии Хармса второй половины 1930-х годов. Трагическое событие 1929 г., когда семья А.И. Русакова стала жертвой провокации ГПУ, проникает в «Лапу», имеющую посвящение , что, несомненно, обращено к Эстер: «УТЮГОВ — ну да да да, — это он и есть! Ах, зачем вы его не задержали? Ему прямая дорога в Г.П.У.» (II, 105) и в стихотворении «В небесари ликомин», где фигурирует фамилия следователя, который вел «дело Русаковых», а в 1932 допрашивал самого Хармса:

В этой комнате Коган
под столём держал наган.

(II, 37)

В 1937 Эстер была арестована по обвинению в троцкизме и шпионаже в пользу Германии. Погибла в лагере.

³⁰ Ср. в письме Т.А. и Л.С. Липавским от 28 июня 1932 г.: «...Вчера ко мне пришел мой приятель Бальнис. Он хотел остаться у меня ночевать. Я прочел ему Ваше письмо шесть раз. Он очень сильно улыбался, видно, что письмо ему понравилось, но подробного мнения он высказать не успел, ибо ушел, не оставшись ночевать...» и далее (Хармс Д. Полет в небеса. С.466).

³¹ Евгения Ивановна Половощкая-Введенская (1872-1935) мать А.И. Введенского. Известный в 1920-1930-е гг. в Ленинграде врач-гинеколог.

³² Восприятие Хармсом творчества Белого ждет своего пристального исследователя. В архиве Хармса сохранилась заметка 1927 г., в которой он обращается к петербургской тематике, очевидно, во время работы над «Комедией города Петербурга»:

«Прием А.Белого, встречающийся в его прозе — долгождан. Я говорю о том приеме, который не врывается как сквозняк, не треплет скрытый в душе волос милого читателя. О приеме говорю я таком же естественном, как. Достаточно. Уразумение наступит в тот именно момент, когда не ждет того читатель. До тех пор он правильно догадывается, но трусит. Он трусит. Об авторе думает он. Автор мог предвидеть все — как? За этим следует слово, одно (много два) — и читатель говорит в пыль забившись, скучных метафор, длинных периодов, тупых времен — пыль. Тут говорит он себе, так же просто как до начала чтения, — мысль его прояснилась. Ура скажет читатель. Потом наступает уразумение. То далеко залетает каждый звук, то останавливается прямо в укор — неожиданно. Можно вздрогнуть. Вышел А.Белый из-под тумана, прояснился и тут же отжил.

накрахмален

Выражение всего мира — перекошенной.

С ухам вместо рта. Гы над щетиной всхохрилось.

Жизнь пошла. И в один миг пропало недоверие. Появился тот же Невский, каким знали мы его 25 лет. Дама прошла по Невскому опять-таки знакомая вся до корней своих. Поверили мы и трах ... Нет города. Мысль одна вверх, другая под ноги, крест на крест. Пустоты да шары, еще трапедия видна. Жизни нет, все.

18 июля 1927 года
Царское Село
Даниил Хармс»
(ГПБ. Ф.1232, ед.хр.370).

⁵³ Александр Иванович Русаков (Иоселевич) (1875?-1935?) — отец Эстер и Поля Марселя. Подробные сведения о Русакове привел в своем отчете «L'affaire Roussakov ou l'URSS d'aujourd'hui» // Nouvelle Revue Française, tome XXXIII, Octobre 1929 Панаит Истрати. Приводим их в изложении А.Ф. Даманской:

«По профессии красильщик, родом из Ростова, Иоселевич в 1905-м году пошел с дубиной на черносотенцев, громивших еврейский квартал, затем бежал с семьей во Францию, 12 лет жил в Марселе, честно чинил и красил солдатские шинели и матросские куртки, и при этом распевал песенки. Кто-то обратил внимание, что песенки такого содержания, каким не полагается быть в репертуаре еврейского портного и красильщика. Как "нежелательный элемент" он в дни войны попал в концентрационный лагерь и в 1922 г. обменен был вместе с другими арестованными на французских офицеров, задержанных большевиками в качестве заложников. И вот с таким блестящим прошлым — страдальца при одном режиме, мученика в "капиталистическо-буржуазной Франции" и приехал Иоселевич в Петербург, как полагается еврею, с оравой детей, снял квартиру на бывшей Большой Конюшенной, теперь улица Желябова, открыл усовершенствованную прачешную, основал два "детских дома", и поступил на Самойловскую фабрику /.../

В одно утро, в феврале 1928 года, в номер московской гостиницы вбежал к Истрати его друг Кибальчич [см. прим. 136 — Публ.] с номером "Ленинградской правды" и крикнул: "Вот, теперь очередь за нами. Теперь и мы будем уничтожены".

"Петроградская правда" в статье, озаглавленной "Калгановская порода", описывала расправу контр-революционера, бывшего шапочного фабриканта во Франции Русакова с коммунисткой Сверцевой, желавшей вселиться в его квартиру. Калганов, убивший председателя жилищного комитета Караваева, расстрелян был не только как убийца, но и за то, что он был сыном бывшего домовладельца, и еще за то, что был беспартийный, "тайно мысливший иначе". Русаков в одной рубрике с Калгановым — это значило, что Русакова ждала такая же неприятность, какая постигла сына бывшего домовладельца. Т.е. расстрел. И, действительно, "Петроградская правда" требовала применения высшей меры наказания. Кибальчич с Панаит Истрати летят в Петроград и там узнают, что Русаков уже выброшен с фабрики, что он исключен уже из "синдиката красных рабочих", что мастерская его под бойкотом, что он арестован и что ему

грозит смертная казнь. Загорелся же сыр бор оттого, что коммунистка Сверцева, пожелавшая силой вселиться в квартиру Русаковых, избила до крови жену Кибальчича [дочь Русакова — Людмила. — *Публ.*], самого Русакова, а добрые ее друзья на первом допросе показали еще, что в квартире Русакова все углы увешаны иконами, и что от одного этого у испуганной коммунистки помутилось в глазах и она действовала кулаками не только самозащиты ради от нападавших на нее Русаковых, но и в силу законного протеста против зрелища икон...

Последний пункт обвинения, впрочем, исключен был из обвинительного акта после заявления Панаит Истрати о том, что Русаков-Иоселевич еврей, и что он ни одной иконы в квартире его, где бывал много раз, не видел. Делу, однако, дан был ход, и Панаит Истрати стал бивать пороги всех учреждений, где он рассчитывал добиться справедливости и спасения Русакова /.../

Русаков и несколько членов его семьи, в том числе — жена Кибальчича, присуждены были к тюремному заключению на разные сроки. В дни своих шатаний по разным инстанциям, тюрьмам, заводам Панаит Истрати убедился, что вся Россия под кнутом "коммунистического фашизма", что все тюрьмы полны безвинно-осужденными, как Русаковым, и что никто, даже как будто неприкосновенные, иноземные товарищи-социалисты, не гарантированы от беспощадной расправы, если своим инакомыслием обманут расчеты, какие возлагались на них московской диктатурой. Советские тюрьмы, в одну из которых заключены Русаковы — юдоль скорби, скопище пороков, грязи, где царит бесправие и бесчеловечность, где люди сходят с ума или умирают...

Вот лик "пролетарской родины", вот ее справедливость» (Даманская А. Лик «пролетарской родины» // Последние новости. 1929. 5 октября. №3118. С.2).

Вторично Русаков арестовывался как тесть В.Кибальчича. Вскоре после этого умер.

⁵⁴ Иван Иванович Афанасьев-Соловьев (1899-1938?) — поэт, член «Воинствующего Ордена Имажинистов». Выпустил за свой счет три поэтические книги: «Северная поэма» (Пг., 1923; была уничтожена автором 13 января 1924 г. См.: Книги и рукописи в собрании М.С. Лесмана. М., 1989. С.30); «Завоевание Петрограда» (Л., 1924); «Элегии» (Л., 1925). Участник имажинистских сборников «В кибитке вдохновения» и «Ровесники». Арестован по «писательскому делу» в 1938. Вероятно, расстрелян.

⁵⁵ Возможно, Георгий Леонидович Богаевский, инженер, поэт-дилетант.

⁵⁶ Лидия Павловна Карташева, актриса Готедра (Государственного Театра Драмы). «Левый фланг» после успешного Вечера Ленинградских заумников 17 октября 1925 г. собирался устраивать театрализованные выступления. Заседание 5 января было связано с готовившимся выступлением Левого Фланга в «Кружке друзей камерной музыки» (Проспект 25 Октября, д.52). Сохранились наброски стихотворной рекламы вечера:

Не ходите января
Скажем девять говоря
выступает Левый Фланг
— это просто не хорошо —
и панг [это тетя и паланг]

(ГПБ. Ф.1232. №219. Л.30, 60).

Одно из выступлений «Левого Фланга» состоялось в «Кружке» осенью 1927 (см.: Жизнь искусства, 1927, 1 ноября). Активная творческая деятельность «Левого Фланга» находит свое отражение в записях Хармса: [«октябрь 1926»] Пятница 12. Наше выступление в Союзе Поэтов /.../ Среда 24. Вечер наш в Пищевкусе /.../ [декабрь] Договор с Домом Искусств об устройстве вечеров Левого Фланга, а потом поочередно всего Союза /.../ [январь 1927] Выступление Левого Фланга Поэтов в кружке друзей камерной музыки 9го января 1927 года. Собой я недоволен /.../ Читал прошлую пятницу, т.е. 18 марта в Доме Печати на собрании Лапп'а. Прочел мило. Там же встретил Ваньку Приблудного. Он уже давно не пишет стихов. Занялся спортом. Читает он теперь значительно хуже: утерять свою певучесть /.../ 26 марта в И.И.И. вечер Левого Фланга (Цимбал). 28 марта — в Лит. Ассоциации И.И.И. вечер Л[евого] Ф[ланга] (Бородина)» (ЗК №7, №8). С 25 марта 1927 г. «Левый Фланг» стал называться «Академией Левых классиков».

⁵⁷ Михаил Дмитриевич Туберовский (1899-1977) — очеркист, драматург, детский писатель. Организатор несостоявшегося вечера «Левого Фланга», который готовился на сцене театральной студии Туберовского. С 1928 режиссер Радиоцентра. См. в дневниках Е.Л. Шварца: «...в один прекрасный день нас [Н.М. Олейникова и Е.Л. Шварца. — *Публ.*] заменил Туберовский, который повел дело солидно, пришел с целой группой пионеров, заменивших наших стариков актеров (Шварц Е. Живу беспокойно... Из дневников. Сост. К.Н. Кириленко. Л., 1990. С.557).

⁵⁸ Установка на синкретизм различных видов искусств была одной из принципиальных в театре «Радикс», идея театрализации поэтических вечеров становится актуальной и для «спектаклей ОБЭРИУ». В записи Хармса от 5/6 сентября 1928 г., когда он планирует «вечер ОБЭРИУ» среди выступающих жонглером назван поэт Николай Кропачев, в вечере «Василий Обэриутов» должны были принять участие акробатическая группа «три-Бовальди-три» и фокусник Алексей Пастухов (О «Елизавете Бам». С.191-193).

⁵⁹ По словам Г.Н. Кацмана пьесу «Моя мама вся в часах» открывала «"танцовщица-каучук"» Зина Бородина: выходил актер с марлевым узелком, который все присутствующие на сцене пинали, за который все зацеплялись, пока он не развязывался и из него не появлялась Зина, исполнявшая серию каучуковых номеров-трюков» (Введенский, II, 233). В списке «Главные роли в "Моя мама вся в часах"» Хармс записывает балерину Инну Солнцеву. В вечере «Три левых часа» принимала участие балерина Милица Попова, сопровождавшая импровизированным танцем чтение К.Вагинова» (Введенский, II, 236, 357).

⁶⁰ София Григорьевна Вышеславцева — актриса.

⁶¹ Игорь Владимирович Бахтерев (р.1908) — поэт, драматург, прозаик, художник. Будучи студентом театрального отделения Высших курсов искусствоведения при ГИИИ, стал одним из организаторов театра «Радикс». Оформлял спектакль «Моя мама вся в часах», репетиции которого проходили в его квартире. Вместе с Дойвбером Левиным был автором четвертой главы декларации «ОБЭРИУ» — «Театр ОБЭРИУ», основным теоретическим положением которой была идея о создании композиции спектакля из «отдельных моментов» театрального действия, когда на смену драматургическому сюжету «приходит сюжет сценический, стихийно возникающий из всех элементов /.../ спектакля». В контексте установок ОБЭРИУ на расширение и углубление смысла предмета, слова и действия была определена задача театра ОБЭРИУ — «дать мир конкретных предметов на сцене в их взаимоотношениях и столкновениях» (ОБЭРИУ // Афиша Дома Печати. 1928. №2. С.13).

Идея «театра ОБЭРИУ» воплотилась в композиции спектакля «Елизавета Бам», авторами которой были объявлены Хармс, Левин и Бахтерев. Последний делал также «декорацию» и костюмы для актеров. Вместе с Хармсом Бахтерев должен был писать «бессмысленный доклад» для предполагавшегося вечера в ноябре 1928 г. Они были соавторами и в создании «театрального действия "Зимняя прогулка"», поставленного на сцене «Дома печати» 25 ноября 1928 г. и ставшего последним театральным выступлением ОБЭРИУ. Хармс высоко ценил стихи Бахтерева.

Н.А. Заболоцкий подчеркивал предметность его лирики: «но лирика здесь не самоцельна, она не более как средство сдвинуть предмет в поле нового художественного восприятия» (Афиши Дома печати. С.12). Его стихотворение «Два разговора» можно назвать «программным» для поэтики ОБЭРИУ

Утренний разговор:

Я спросила:

— Сколько время?

Он ответил:

— Белый стол.

И вечерний разговор:

— Ты бог на девяти ногах

Утробу с числами раскрой

И покажи предсмертный час

Деревянной головой.

Ответ:

— Я не стану говорить

Потому что я сильнее

Потому что я милее

Потому что я фонарь

Потому что я кунарь

Потому что потому что потому что по...

Постепенно разговор заканчивается.

(Собрание автора. Неточный текст был опубликован К.К. Кузьминским в

кн.: Антология новейшей русской поэзии у Голубой Лагуны в 5 томах. Т.4А. Ньютонвилл. 1983. С.24). Как отмечает С.Сигов: «С именем Бахтерева связана самая лучшая особенность поэтики обэриутов — ее *вневременность*, ибо Бахтерев продолжает писать сегодня вещи начатые еще в двадцатые годы» (Транспонанс. 1983. №17. В этом журнале, выходящем тиражом в пять экземпляров, регулярно печатаются тексты Бахтерева. См. также: Родник. 1987. №12. С.39, 52-54; Искусство Ленинграда. 1990. №2. С.86-91).

⁶² Константин Константинович Вагинов (1899-1934) — поэт, прозаик. Его знакомство с Хармсом приходится, по всей видимости, на 1926 г. В этом году Хармс записывает адрес Вагинова (Канал Грибоедова 105, кв.15 «вход с переулка против Консерватории») в записную книжку (ЗК №6). Их поэтическое творчество сближал И.Оксенов, писавший, что Хармс после отречения от зауми начал писать стихи «по фактуре приближающиеся к Вагинову» (Оксенов И. Ленинградские поэты // Красная газета, вечерний выпуск. 1926. 21 ноября). Отказ от зауми, попытка осознания Хармсом окружающего мира во всей его конкретности и реальности, приводит его к опредмечиванию поэзии и попыткам передать не столько смысл предмета, сколько его ощущение. Воззрения Хармса на поэзию в это время соотносимы с вагиновской идеей «вещной организации мира вокруг себя», ощущением себя «вне времени и вне пространства» (Ср. Морев Г. Опыты времени и пространства // Равноденствие (Москва). 1989. №3). Заболоцкий отмечал, что вагиновская фантазмагория мира «проходит перед глазами как бы облеченная в туман и дрожание. Однако через этот туман вы чувствуете близость предмета и его теплоту, вы чувствуете наплывание толп и качание деревьев, которые живут и дышат по-своему, по-вагиновски, ибо художник вылепил их своими руками и согрел их своим теплом» (Афиши Дома печати. С.12). Вероятно, именно с трактовкой Вагинова образа Иисуса Христа, предстающего в стихах книги «Путешествие в хаос» (Л., 1921) «в ипостаси паяца в колпаке с бубенцами» («С тихими бубенцами Его колпак» и др.) связано возникновение в стихах Хармса мифологемы колпака («Эй душа колпак стихов», «вижу я стихов колпак» и др.). Мотив колпака пародийно переосмыслиется Вагиновым в его романе «Козлиная песнь» (см.: Вагинов К. Козлиная песнь. Труды и дни Свистоновы. Бамбочада. Сост. А.И. Вагиновой. Подг. текста Т.Л. Никольской. М., 1989. С.109 — отмечено М.Б. Мейлахом и В.И. Эрлем: II, 194, 145). См. о Вагинове: К.К.Вагинов (Жанва биографии и творчества) // Четвертые Тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1988. С.67-82. Библиография: С.83-88; Напельбаум И.М. Памятка о поэте // Там же. С.89-95; Блюм А., Мартынов И. Петроградские библиофилы. По страницам сатирических романов К.Вагинова // Альманах библиофила. Вып.4. М., 1977. С.217-235; Чертков Л. Поэзия Константина Вагинова // Константин Вагинов. Собрание стихотворений. München, 1982. С.213-230.

⁶³ Ср. «"Комедию города Петербурга" Николай назвал вершиной среди того, что создано Хармсом» (Бахтерев И. Когда мы были молодыми... С.79).

⁶⁴ Стихотворение «Ваньки встаньки» в двух вариантах было подано Хармсом среди других произведений в приемную комиссию Союза Поэтов. Публикуется нами вместе с другими ранними стихами (см.: Жаккар Ж.-Ф., Устинов А. Указ соч.).

⁶⁵ Идея создания сборника не оставляет Хармса на протяжении всей жизни. В 1927 он пишет предисловие к собственному сборнику

Управление вещей. Стихи малодоступные:

Читателю.

Читатель, боюсь, ты не поймешь моих стихов. Ты бы их понял, если бы ознакомился с ними постепенно, хотя бы различными журналами. Но у тебя не было такой возможности, и я с болью на сердце издаю свой первый сборник стихов.

Рецензенту.

Во-первых, прежде чем сказать что-либо о формальных недочетах в моих стихах, прочти «Управление вещей» от корки до корки. Во-вторых, прежде чем отнести меня к футуристам прошлого десятилетия, прочти их, а потом меня вторично.

(Александров А. ОБЭРИУ. Предварительные заметки // *Ceskoslovenska Rusistika*. 1968. №3. С.298.)

Сборник, видимо, не был составлен, были отобраны лишь некоторые стихи. Условно к сборникам можно отнести две тетради — «Голубую тетрадь» и «Гармониус», где собраны «творения» разных жанров и, без сомнения, «Случаи».

⁶⁶ Наталия Ивановна Колюбакина (1868-1942?) — сестра матери Хармса Надежды Ивановны Колюбакиной (1876-1928), преподаватель словесности, директор 11 Детскосельской советской единой трудовой школы (б. Мариинской женской гимназии), где Хармс учился в 1922-24 гг. На протяжении всей жизни Хармса была не только его учителем, но одним из самых близких для него людей. Сохранилось три письма Хармса Н.И. Колюбакиной.

⁶⁷ Георгий Николаевич Кацман (р.1908) — режиссер, теоретик театра. В 1926 главный режиссер театра «Радикс», ориентированного, по его словам, «не столько на конечный результат и на зрителя, сколько на переживание самими актерами чисто театрального действия... "Радикс" был конгломератом искусств — театрального действия, музыки, танца, литературы и живописи» (Введенский, II, 233-235). Хармс общается с Кацманом в основном во время работы над спектаклем «Моя мама вся в часах», 10 ноября 1926 г. он отмечает в записной книжке: «Радикс рухнул. Даниил Хармс, Георгий Кацман» (там же). См. также: Бахтерев И. Когда мы были молодыми // Воспоминания о Заболоцком. С.67-79, 83-84 и дополнения к воспоминаниям: Введенский, II, 232. В апреле 1927 Кацман был арестован (ср. записи Хармса: «Суббота. 16 апр. В два часа дня арест Гаги К.» — ЗК №8). В лагерях заведовал самодеятельностью. После конца срока остался вольнонаемным. Иногда приезжал в Ленинград и навещал Хармса. В 1950-х гг. — главный режиссер Магаданского театра драмы.

⁶⁸ Вероятно, под влиянием теоретических работ К.С. Малевича Хармс создает (8 августа 1927 г.) трактат «Предметы и фигуры, открытые Даниилом Ивановичем Хармсом» (впервые опубликован Ильей Левиным в: Soviet Union / Union Soviétique. Pittsburgh. 1978. N5, pt.2. Pp.299-300. См. здесь же статью: Levin I. The Fifth Meaning of the Motor-car: Malevich and the Oberiuty. Pp.287-300), основным положением которого является идея «ПЯТОГО сущего значения» предмета: «2. /.../ Пятое значение определяется самим фактом существования предмета. Оно вне связи предмета с человеком и служит самому предмету. Пятое сущее значение предмета в конкретной системе и в системе понятий различно. В первом случае оно — свободная воля предмета, а во втором — свободная воля слова (или мысли, не выраженной словом, но мы будем говорить лишь о выраженных в слове понятиях)». Хармс дает философское обоснование поэтике ОБЭРИУ с установкой на реальность искусства, на конкретное ощущение предмета, которое, пользуясь терминологией трактата, можно рассматривать как «пятое сущее»: «11. Любой ряд предметов, нарушающий связь их рабочих значений, сохраняет связь значений сущих и по счету пятых. Такого рода ряд есть ряд нечеловеческий и есть *мысль предметного мира*. Рассматривая такой ряд как целую величину и как вновь образовавшийся синтетический предмет, мы можем ему приписать новые значения счетом три: 1) начертательное, 2) эстетическое и 3) сущее. 12. Переведа этот ряд в другую систему, мы получим словесный ряд, человечески БЕССМЫСЛЕННЫЙ». Здесь же появляется и важнейший для обэриутской эстетики «предмет» — шкаф (ср. лозунг «Искусство — это шкаф»): «6. Пятое значение шкафа есть шкаф /.../ 9. Предмет в сознании человека имеет четыре рабочих значения и значение как слово (шкаф). Слово "шкаф" и шкаф — конкретный предмет существуют в системе конкретного мира наравне с другими предметами, камнями и светилами. Слово — шкаф существует в системе понятий наравне со словами: человек, бесплодность, пустота, переправа и т.д.» Дальнейшее развитие теоретические положения трактата получили в работе «Одиннадцать утверждений Даниила Ивановича Хармса» (18 марта 1930 г., опубликована А.А. Кобринским: Литератур. Ленинград, 1990, 20 апреля. №13/18. С.7).

⁶⁹ Стихотворение «Песнь о предмете роскоши» было напечатано в журнале «Новый мир» (1926. №12. С.102-104).

⁷⁰ Сцену «Дома Печати» обэриутам предоставил его директор, журналист Николай Павлович Баскаков, который покровительствовал «левому искусству». Именно он принял под крышу «Дома Печати» И.Г. Терентьева и его театр, а в мае 1927 г. устроил выставку работ П.Н. Филонова. Он же был инициатором представления пьесы «Зимняя прогулка» в Марининском дворце, куда переехал Дом Печати в ноябре 1928 г. Арестован в 1932 по обвинению в троцкизме. Некоторое время работал лагерным фотографом. Вероятно, погиб в лагере. (См. о нем: Serge V. Mémoires d'un révolutionnaire. 1901-1941. Paris, 1951. P.228).

⁷¹ Запись сделана рукой неизвестного лица. Предполагавшееся собрание, видимо, один из «методов внутренней работы». Все названные здесь

филологи позже должны были принимать участие в сборнике «Ванна Архимеда». Ср. также записи Хармса, по всей видимости, во время одного из диспутов:

«За речами
Каверин
О-л-лала
«Прямой расчет»
Каверин упадочник
    чистый
    чистый
Соулис [?]
    Прямоугольная мать

Гофман
«Параграфы»
Неумно и
плохо и неверно и
непонятно.

Бухштаб.
«О социальном заказе».
Мелок и может быть даже неправ. Грешным делом не пойму
толком.
Суконным языком написано.
Нужно чтобы вещи читались легко и трудно» (ЗК №19).

В.А. Каверин рассказал о своих отношениях с Хармсом в воспоминаниях «В старом доме» (Звезда. 1971. №10. С.138-186). По остроумному предположению А.Б. Блюмбаума, Хармс стал прототипом Визеля в романе В.А. Каверина «Художник неизвестен» (ср. эпизод «с носом, выступающим на стене» в воспоминаниях «В старом доме»). В ТУМ (Театр учащейся молодежи, как назван ТЮЗ в 1-ой редакции) Визель приносил как реквизит трехколесный велосипед. Велосипед фигурировал в подробном списке реквизита, составленном Хармсом к предстоящему вечеру «Три левых часа», и предназначался для конференсье С.Л. Цимбала, который, как было объявлено в афише, должен был «ездить на трехколесном велосипеде по невероятным линиям и фигурам», чего однако не делал, потому что вообще не вел вечера (О Елизавете Бам. С.183). По воспоминаниям А.И. Пантелеева, на велосипеде катался сам Хармс, читая при этом свои стихи. (Ср. также в романе К.К. Вагинова «Труды и дни Свистонова» // Вагинов К. Указ. соч. С.225). У Каверина в романе фигурирует «советский Дон-Кихот» Архимедов, в образе которого по признанию самого автора, можно различить черты Хлебникова и Заболоцкого (Каверин В. Чувство пути // Вопросы литературы. 1982. №11. С.96). Во 2-й редакции романа Архимедов общается с Медным всадником (в 1-ой — памятник Лассалю), что является отсылкой не только к литературной традиции, но и к «Комедии города Петербурга» Д.Хармса (I, 85-86, 105-106 и др.) и «Трудам и дням Свистонова» (Вагинов К. Указ. соч. С.328).

⁷² Актриса и танцовщица Лиа де Путти (1901-1931) сыграла одну из главных ролей в фильме Э.А. Дюпона «Варьете» (Variété, 1925). «Египетская гробница» — видимо, фильм Дж.Май «Индийская гробница» (Das Indische Grabmal, 1921).

⁷³ После выступления «Академии левых классиков» 28 марта 1927 г. на собрании литературного кружка Высших курсов искусствоведения при ГИИСе в газете «Смена» была напечатана разгромная статья «Дела литературные (о "чинарях")», авторами которой были участники кружка Н.Иоффе и Л.Железнов. Тогда же последний организовал коллективное доносительское письмо в правление Союза поэтов. В архиве ЛОСП (ИРЛИ. Ф.491) сохранилось объяснительное заявление Хармса и Введенского следующего содержания:

Заявление в Ленинградский Союз поэтов от Академии Левых
Классиков.

Причина описываемого скандала и его значение не таково, как об этом трактует «Смена». Мы еще до начала вечера слышали предупреждение о том, что собравшаяся публика настроена в достаточной степени хулигански. В зале раздавались свистки, крики и спор. Выскакивали ораторы, которых никто не слушал. Это длилось минут 5-7, пока чинарь Д.И. Хармс не вышел и не сказал своей роковой фразы: «Товарищи, имейте в виду, я ни в конюшнях, ни в бараках не выступаю», после чего покинул собрание. Шум длился еще некоторое время и кончился дракой в публике, вне нашего участия.

После всего вышеизложенного мы, Академия Левых Классиков, считаем свое поведение вполне соответствующим оказанному нам приему и резкое сравнение Д.И. Хармса, относящееся к имевшему быть собранию, а не к вузу вообще, по трактовке гг. Иоффе и Железнова, считаем также весьма метким. Чинарь А.Введенский, Чинарь Д.Хармс» (Цит. по: Хармс Д. Полет в небеса. С.543).

Отношения ОБЭРИУ с пролетарским студенчеством «не сложились» — выступления группы были прекращены после вечера в общежитии студентов ЛГУ (1930).

⁷⁴ Вероятно, знакомству Хармса и Введенского с Н.А. Клюевым способствовал Мансуров. О визитах к Клюеву вспоминал Г.Н. Матвеев: «Даниил заходил к Клюеву, нравились ему чудачества Клюева: чуть не средневековая обстановка, голос и язык ангельский, вид — воды не замутит, но сильно любил посквернословить» (Хармс Д. Полет в небеса. С.540; см. также колоритное описание посещения Клюева в воспоминаниях И.Бахтерева: Воспоминания о Н.Заболоцком. С.81-82). Клюев устраивал у себя (ул. Герцена 45, кв.7) литературные вечера, куда приглашал молодых поэтов (см. описание его комнаты в воспоминаниях: Менский Р. Н.А. Клюев // Новый журнал. 1953. №32. С.150). В альбоме Хармса Клюев оставляет в 1925 г. следующую запись: «Верю, люблю, мужеству. Николай Клюев». Его имя постоянно встречается в записях Хармса середины 1920-х гг.: «[октябрь 1926] Пятница. 29. Был у Клюева /.../. Суббота. 30. К Клюеву /.../ Воскресенье 31. Снести Клюеву судака /.../. На

4 января [1927 г.] 1) Повесить плакат на Невском 2) Быть к часу в ИНХУКе 3) После ИНХУКа зайти в Камерный 4) Зайти к Ключеву» (ЗК №7,8). И для Хармса и для Введенского Ключев был признанным авторитетом в поэзии. Видимо, не без его влияния Хармс пишет ориентированные на народный стих поэму «Михайлы», стихотворения «Половинки» и «Вьюшка смерть».

⁷⁵ Дойвбер Левин (Боба; Борис Михайлович Левин: 1904-1941) — детский писатель прозаик. Родился в местечке Ляды, переехал в Петроград в 1921 г. Учился в университете (1921-22), на театральном отделении ГИИИ (1924-28). По словам Бахтерева, познакомился с Хармсом на одном из вечеров у П.Марселя и был одним из самых близких его друзей. Левин принимал участие во многих обэриутских вечерах. Именно его слова с целью разоблачения «левого искусства» приводит Л.Нильвич:

«Левин заявил, что их "пока" (!) не понимают, но что они единственные представители (!) действительно нового искусства, которые строят большое здание.

— Для кого строите? — спросили его.

— Для всей России, — последовал классический ответ».

(Нильвич Л. Реакционное жонглерство.// Смена. 1930. 9 апр.)

В этой же статье в негативном контексте говорится и о прозе Левина. К сожалению это — все, что известно о его недетских произведениях, погибших в блокаду. По свидетельству И.В. Бахтерева, рассказы Левина оказали влияние на прозу и драматургию Хармса. Автор книг для детей: Полет герр Думкофа (М.-Л., 1930), Девять вагонов (М.-Л., 1931), Выборжцы рапортуют (М.-Л., 1931, 2-е изд. 1933), Вольные штаты Славичи (М.-Л., 1932), Улица сапожников (М.-Л., 1932, 2-е изд. 1935, 3-е изд. 1936), Лихово (М., 1934), Федька (М.-Л., 1939), Амур-река (Л.-М., 1939). См. также «Выборжцы рапортуют»: Литературная газета, 1934, №24; Детская и юношеская литература. 1933. №5. С.78; Детская литература. 1935. №11. С.30-32.

Погиб у с.Погостье недалеко от Ленинграда.

⁷⁶ Ксения Петербургская (1719 или 1730 — около 1830). Причислена к лику святых для всероссийского церковного почитания в июне 1988 г. как почитавшаяся «еще при жизни и на протяжении всего XIX и XX веков скорой помощницей и чудотворицей». Канонизация святых: Поместный собор Русской православной церкви, посвященный юбилею 1000-летия крещения Руси: Троице-Сергиева лавра, 6-9 июня 1988 г. М., 1988. С.165. Булгаковский Д. Раба Божия Ксения. СПб., 1901; Рахманин Е. Раба Божия Ксения. СПб., 1909. Первое чествование Ксении Петербургской состоялось 6 февраля 1989 г.

⁷⁷ Несохранившийся рассказ. Предназначался для отправки с П.А. Мансуровым.

⁷⁸ Юрий Дмитриевич Владимиров (1909-1931) — поэт, прозаик, автор книг для детей. Из петербургской дворянской семьи. Сын Лидии Павловны Брюлловой (1886-1954) — поэтессы, секретаря редакции журн. «Апол-

лон». Его первая книга «Ниночкины покупки» была издана в 1928. При жизни опубликовал еще шесть книг для детей: Оркестр (Л., 1929), Евсей (М., 1930), На яхте (М.-Л., 1930), Синяя точка (М.-Д., 1930), Чудаки (М., 1930), Мотобот «Профинтерн» (М.-Л., 1931), Самолет (М., 1931). Стихи (М., 1940) и Кошкин дом (М., 1941) — изданы посмертно. Судьба недетских произведений Владимирова неизвестна. После его смерти Хармс, Левин и Бахтерев собрали его рукописи в папку, которая была изъята при обыске у Л.П. и Д.П. Владимировых 12 марта 1935 г. (см. об их аресте и высылке: Л.В. Яковлева-Шапорина. Ленинград в марте 1935 года // Ахматова А. Requiem. М., 1989. С.110-114). Сохранился лишь один рассказ — «Физкультурник» (машинопись с авторской правкой), который может рассматриваться исследователями как образец обэриутской прозы (опубликован И.Левиным // Slavica Hierosolimitana. 1981. Vol.4. Pp.357-359). Включение «сустава дозорных...» в корпус автобиографических записей Хармса позволяет утверждать, что Владимиров вошел в ОБЭРИУ, по крайней мере, в апреле-мае 1929 г., а не в конце 1929 — начале 1930 г., как считает Левин, ссылаясь на воспоминания И.Бахтерева (Бахтерев И. Дом напротив сквера (Воспоминания о Ю.Владимирове)/ Частное собрание, г.Ленинград). О Владимирове см. также: Биневич Е. Вдохновенный мальчишка // О литературе для детей. Вып.16. Л., 1972. С.140-153 (неправильные даты жизни — 1908-1931); Разумовский А. Юрий Владимиров и Черубина де Габриак // ГПБ. Ф.1254. Ед.хр.21.

⁷⁹ Как отмечает Вл.Эрль, впервые опубликовавший эту запись (Даниил Хармс. Из неопубликованного // Митин журнал. Ленинград. 1985, №1), «возможно, запись вызвана беседами с Конст. Вагиновым, собиравшим, как известно, различные сны (некоторые из них он включил позднее в свой роман "Гарпагогиада", 1933-1934). Предположение кажется тем более вероятным, что наиболее частые встречи Вагинова и Д.Х. приходятся на 1928-1929 годы».

⁸⁰ Ленинградский костел в Ковенском переулке (д.6) был виден из окна комнаты Хармса. «Д.И. бывал там, — писал А.Пантелеев. — Он рассказывал мне, что ксендз — молодой француз — дал обет прослужить пять, кажется, лет в Советской России».

⁸¹ «Золотые глаза» — первая строка стихотворения Конст. Вагинова из книги «Звукоподобие» (Вагинов К. Собрание стихотворений: München. 1982. С.184); «Он с юностью своей как должно распрощался...» (С.188), «Он как и все был утомлен разлукой...» — строчка из стихотворения «Всю ночь дома дышали светом...» (С.185). У Вагинова эти стихотворения шли именно в такой последовательности. Хармс был или знаком с книгой, или присутствовал на чтении Вагиновым стихов из нее. Во втором случае, вероятнее, это «Звукоподобие» — зачин «Баллады» под таким заголовком в «Звезде», 1933, №1, — было напечатано стихотворение «Звукоподобие проснулось...», в рукописи заглавие отсутствует). Пользуемся случаем исправить ошибку: эта запись Хармса опубликована в (Введенский II, 206) разделе фрагменты (№57). Приносим свою признательность Вл.Эрлю за помощь в атрибуции этих строк.

⁸² Согласно А.Т. Никитаеву (см.: Даугава. 1989. №8. С.97) запись дешифруется: «Господи, помоги мне быть здоровым». По причине чрезвычайной мнительности Хармс составляет в это же время свои температурные графики.

⁸³ Возможно, недописанное письмо к Эстер. Размышления о луне, в которых Хармс отдает дань литературной традиции, в том числе в русской поэзии (ср., например, «Приглашение на луну» О.Мандельштама), небезынтересны, поскольку здесь так же, как и в предыдущей записи, Хармс пытается представить свою космогоническую модель, что он осуществит еще раз в тексте «Мыр» (30 мая 1930 г.). Его рассуждения о преодолении тяготения, в его творчестве связанные с мотивом полета, во многом перекликаются с идеями К.Малевича в «Бог не скинут» (Витебск, 1922). Мотив полета возникает уже в ранних стихотворениях Хармса («Авиация превращений», «Жизнь человека на ветру», «Полет в небеса»), как явление, до сих пор непознанное, на которое немногие могут решиться. Он достигает своего апогея в «Лапе» — где полет — это единственная форма существования главного героя Хлебникова. В прозе Хармса «полет» означает особое состояние противостояния внутреннему опустошению как персонажей рассказов, так и окружающего мелочного мира. Характерно, что последнее известное стихотворение Хармса, датированное 15 марта 1939 года, подводит своеобразный итог его произведениям на тему полета:

Я долго думал об орлах
И понял многое:
Орлы летают в облаках,
Летают никого не трогая.
Я понял, что живут орлы на скалах и в горах
И дружат с водяными духами.
Я долго думал об орлах,
Но спутал, кажется, их с мухами. (IV, 65).

Ср. также наброски:

Можно ли до Луны докинуть камнем.

[Из пещеры вылезли дв[а]е [человека] обезьяны]

Была страшно темная ночь. Звезды правда сияли да не светили. Ничего нельзя было разглядеть. Может быть, тут рядом дерево стоит, а, может быть, лев, а, может быть, слон, а, может быть, и ничего нет. Но вот взошла луна и стало светло. [Оказалось, вблизи ничего нет, а вот немного подалее стоит скала.] Тогда стало возможным разглядеть скалу, а в скале пещеру, а [еще дальше] налево поле, а [потом] направо речку, а [потом] за речкой лес.

Из пещеры вылезли на четверинках две обезьяны, [Когда они] потом поднялись, встали на задние ноги и пошли валкой походкой, размахивая руками.

СОЛНЦЕ.

1) Думали, что солнце бог.

2) Что больше земля или Солн[ц]е?

3) Сказка о том, как один старый грек уверял, что если бы на солнце были камни и если бы один камень сорвался бы с солнца, то на землю он падал бы девять с половиной дней.

4) Куда прячется Солнце?

(ГПБ. Ф.1232. Ед.хр.219. Л.59-59 об.)

⁸⁴ В это время Хармс работает над собственной системой «цисфинитной логики». Его логико-философские размышления 1930-х гг. — «Третья Цисфинитная логика бесконечного небытия», «Нéтеперь», «Вечерняя Песнь к имением моим существующей», «То то скажу тебе брат...» и философский цикл «Изменение вещей» восходят прежде всего к эзотерической философии Я.С. Друскина; см.: Друскин Я.С. Вблизи вестников. Washington, 1988; Жаккар Ж.-Ф. Несколько слов о забытом философском направлении (в печати).

⁸⁵ О какой вещи идет речь, неизвестно. Из 11 самостоятельных глав состоял манифест «Одиннадцать утверждений Даниила Ивановича Хармса», датированный 18 марта 1930 г., где он также отрекается от логического течения мысли:

VIII утверждение.

И человек и слово и число подчинены одному закону.

IX утверждение.

Новая человеческая мысль двинулась и потекла. Она стала текучей. Старая человеческая мысль говорит про новую, что она «тронулась». Вот почему для кого-то большевики сумасшедшие.

X утверждение.

Один человек думает логически; много людей думают *текуче*.

XI утверждение.

Я хоть и один, а думаю *текуче*.

все.

(ГПБ. Ф.1232. Ед.хр.371).

⁸⁶ Ср. высказывание В.Хлебникова: «Словотворчество учит, что все разнообразие слова исходит от основных звуков азбуки, заменяющих семена слова. Из этих исходных точек строится слово, и новый сеятель языков может просто наполнить ладонь 28 звуками азбуки, зернами языка» («Наша основа» // Хлебников В. Творения. С.624).

⁸⁷ Хармс пользовался этими значками при проставлении дня недели под своими произведениями.

⁸⁸ Введенский и Тамара Александровна Мейер-Липавская.

⁸⁹ Роман Бориса Степановича Житкова (1882-1938) «Виктор Вавич» был издан лишь посмертно в 1941 (первая часть). В одном из писем к Житкову (3 октября 1936 г.), определяя свое отношение к нему, Хармс писал: «За девять лет, что я знаю Вас, изменились все. Вы же как были, таким точно и остались, несмотря на то, что как никто из моих знакомых изменили свою внешнюю жизнь /.../ Ваш переезд в Москву, дорогой Борис Сте-

панович, мне бесконечно печален. Среди моих знакомых в Ленинграде не осталось ни одного настоящего мужчины и живого человека /.../ Очень-очень недостает мне Вас, дорогой Борис Степанович...» (Хармс Д. Полет в небеса. С.496). См. также: Шварц Е. Живу беспокойно... С.244-248.

⁹⁰ Владимиров умер от туберкулеза двадцати двух лет. «На панихиду [по Ю.Владимирову. — Публ.] Хармс не пришел, — вспоминал А.И.Пантелеев. — Меня это страшно удивило. И, помню, при встрече я спросил у него (помню, что был этот разговор на Николаевском мосту), почему он не пришел. И, помню, он ответил: — Я никогда никого не провожаю».

⁹¹ Геннадий (Гдалий) Самойлович Гор (1907-1981) — писатель, эссеист. В 1923 приехал в Петроград. Начиная как поэт. Посещал открытые вечера Союза Поэтов. В 1927 познакомился с Хармсом. Весной 1929 переписал в свой блокнот цикл стихотворений Хармса, отчасти восходящий к сборнику стихов 1927 г. «Чинарь Даниил Иванович Хармс. Управление вещей. Стихи малодоступные». Стихотворения (автографы большинства из них не сохранились) были опубликованы по этому списку в Кн.1 Собрания произведений, однако их специфическая последовательность была нарушена публикаторами в пользу хронологии. Приводим названия стихотворений в порядке их расположения в блокноте Гора и соответствующий номер в Собрании произведений: «Искушение» (22), «Разбойники» (13), «По вторникам над мостовой» (39), «Авиация превращения» (21), «Скупость» (14), «Виктору Владимировичу Хлебникову» (15), «Казачья смерть» (8), «Серенада» (Выходит Мария, отвесив поклон) (28), «Фокусы» (26), «Падение с моста» (35), «Жизнь человека на ветру» (29), «Полет в небеса» (40), «Прогулка» (18) (Частное собрание, г. Ленинград).

⁹² Ср. также «размышление» «О Кресте»: «13. Крест есть символ ипостаси, т.е. первого закона об основе существования /.../ 22. Повторяю: крест есть символический знак закона существования и жизни» (опубликован Ж.-Ф. Жаккардом в приложении к статье: Jaccard J.-Ph. De la réalité au texte. L'absurde chez Daniil Harms // Cahiers du Monde Russe et Soviétique. 1985. XXVI (3-4). Pp.306-307). Колесо как мифопоэтический символ бытия предстает в стихотворении «То то скажу тебе брат от колеса не отойти тебе...» (III, 107; републиковано нами: Искусство Ленинграда. 1990. №2. С.84), здесь же ошибочно указание «публикуется впервые»), а также в незаконченном отрывке 1931 (?) г.: «1. Не маши колесом, не стругай колесо, не смотри в воду, не грызи камни. 2. Колесом не бей, не крути колесо, не ложись в воду, не дрой камни. 3. Не дружи с колесом, не дразни колесо, опусти его в воду, привяжи к нему камень» (Ф.1232. Ед.хр. 219. Л.20 об.).

⁹³ Хармс с Введенским приехали в Курск 13 июля 1932 г. для отбытия полугодовой ссылки и поселились в доме 16 на Первышевской улице. 1 октября Введенский с художницей Е.В. Сафоновой выехали из Курска в Вологду. Хармс пробыл в Курске до начала ноября, в десятых числах вернулся в Ленинград. Этот рассказ был написан, видимо, вскоре после приезда в ссылку. По настроению он во многом совпадает с письмами Хар-

мса из Курска к А.И. Пантелееву (см. публикацию Е.Д. Прицкера в «Литературном приложении» №10 к газ. «Русская мысль» за 1990 г.). Рассказ «Я один...» так же, как и следующий за ним рассказ-воспоминание «Мы жили в двух комнатах...» были впервые опубликованы Ж.-Ф. Жаккаром: Русская мысль. №3730. Литературное приложение №6. 1988. 24 июня. Ср. также письмо Хармса неизвестному в Курске:

Дорогой Доктор,

я был очень, очень рад, получив Ваше письмо. Те несколько бесед, очень отрывочных и потому неверных, которые были у нас с Вами, я помню очень хорошо и это единственное приятное воспоминание из Курска. Что хотите, дорогой Доктор, но Вам необходимо выбраться из этого огорода. Помните, в Библии, Бог шадит целый город из-за одного праведника. И благодаря Вам, я не могу насладиться поношением Курска. Я до сих пор называю Вас «Доктор», но в этом уже нет ничего медицинского: это скорее в смысле «Доктор Фауст». В Вас еще много осталось хорошего германского, не немецкого (немец-перец-колбаса и т.д.), а настоящего германского Geist'a, похожего на орган. Русский дух поет на клиросе хором, или гнусавый дьячок — русский дух. Это всегда или Божественно, или смешно. А германский Geist — орган. Вы можете сказать о природе: «Я люблю природу. Вот этот кедр, он так красив. Под этим деревом может стоять рыцарь, а по этой горе может гулять монах». Такие ощущения закрыты для меня. Для меня, что стол, что шкаф, что дом, что луг, что роща, что бабочка, что кузнечик, — все едино.

(ГПБ. Ф.1232. Ед.хр.398).

Подробнее об аресте Хармса, Введенского, Бахтерева и др. и курской ссылке см.: Мейлах М. Даниил Хармс: Anecdota posthuma // Русская мысль. №3781. Литературное приложение №8. 1989. 23 июня; Устинов А. Дело Детского сектора Госиздата 1932 г. Предварительная справка // Михаил Кузмин и русская культура XX века. Тезисы и материалы конференции 15-17 мая 1990 г. Л., 1990.

⁹⁴ Хармс противопоставляет астрономическое время и декретное (или «московское») время. Декретированный перевод часовой стрелки в России вслед за Великобританией был введен Временным правительством — 27 июня 1917 г. было принято постановление о переводе часовой стрелки на час вперед с 30 июня. Совнарком декретом от 22 декабря 1917 г. восстанавливает астрономическое время, но в дальнейшем постоянно отдает распоряжения о переводе часовой стрелки на разное число часов и на разные сроки. В последний раз часы были повсеместно в СССР переведены на час вперед 16 июня 1930 г. Для Хармса время — одна из важнейших категорий бытия (см. его трактат «О времени, о пространстве, о существовании»), вероятно, поэтому он в дневниках обозначает «чистое» астрономическое время.

⁹⁵ Лазарь Коган — следователь секретно-политического отдела ГПУ, который вел все «культурные» дела в Ленинграде 1929-1932 гг., стал известен Хармсу задолго до собственного ареста — в 1929 г. он допрашивал

членов семьи А.И. Русакова (см. уже цитировавшиеся в прим.50 строчки). По свидетельству И.В. Бахтерева, Коган был сторонником «интеллигентных (и интеллектуальных) допросов», пытаясь вести дознание от глобальных философских вопросов к частностям дела. Характерны и его формулировки: «литературная литургия» для стихов Введенского или «идеологически вредная история» для рассказа Хармса «Как Колька Панкин летел в Бразилию, а Петька Ершов ничему не верил». В 1938 Коган был арестован и расстрелян.

⁹⁶ В 1-м изд. книги «Маленькие дети» (Л., 1928) К.И. Чуковский ничего не писал о поэзии для детей. Хармса он упоминает во 2-ом изд. (Л., 1929) (которое Хармс расценил как первое), когда размышляет о словесной игре в детских стихах: «В этой области замечательны опыты молодого поэта Даниила Хармса, который возвел такое словесное озорство в систему, и благодаря ему достигает порою значительных *чисто-литературных* эффектов, к которым дети относятся с беззаветным сочувствием.

Одним из лучших памятников такой словесной игры является его "Иван Иванович Самовар", где всему повествованию придана такая смехотворно-однообразная (и очень детская) форма:

...Вдруг Сережа приходил...

[и далее по тексту стихотворения. — *Публ.*]

Я отнюдь не говорю, что детские писатели непременно должны заниматься таким озорством, забыв о всяких других литературных задачах (это было бы ужасно и привело бы к деградации детской поэзии), я только хотел бы, чтобы педагоги признали наше законное право на подобные словесные игры, очень близкие детской психике» (С.202-203).

В 3-м изд. «Маленьких детей» — «От двух до пяти» (Л., 1933) Чуковский сократил цитаты из «Ивана Ивановича Самовара», но зато включил цитаты из «Миллиона» и «Вруна».

⁹⁷ Раньше, однако, Хармс вписал в «Чукоккалу» (в основе своей альманах был издан — Л., 1979) стихотворения «Врун», «Бог проснулся от пер глаз», «Мы знаем то и это» (не включено составителями в «Собрание произведений») и неполностью «Миллион». При просмотрах «Чукоккалы» Хармс оставил следующие записи:

Самое трудное — писать в альбом.

В этой фомнате с удовольствием смотрел этот хальбом. Но ничего не выдумал.

Пульхирей Д.Х.

Совершенно не знаю, что сюда написать. Это самое трудное дело.

13 августа, среда, 1930 года.

Чукоккала меня укокала.

(См.: Чукоккала. М., 1979. С.386-392).

⁹⁸ Епископ Сергей (в миру Бессонов). В 1938 расстрелян. По словам прот. Н.Гундяева, документация Спасо-Преображенского собора была уничтожена ГПУ.

⁹⁹ Очень важный мотив в творчестве Хармса — сопоставление религии и магии. Ср.:

боги наги
боги маги (II, 146).

¹⁰⁰ Алиса Ивановна Порет (1902-1984) — живописец, график, художник книги, близкий друг Хармса. Ученица П.Н. Филонова, участник коллектива МАИ (Мастера аналитического искусства). Активно сотрудничала в детском секторе Госиздата, а после — Детгизе. Дом Порет в 1930-е гг. был литературно-музыкальным салоном. «Поэты приходили к нам читать новые стихи, а Даниил Хармс считал, что нигде так много не смеются и не веселятся», — вспоминала она (Мария Вениаминовна Юдина. Статьи. Воспоминания. Материалы. М., 1978. С.49). Ее «Воспоминания о Хармсе» (сокращенная редакция) опубликованы в «Панораме искусств. Вып.3» (М., 1980). Об отношении Хармса и А.И. Порет см. публикацию В.Глоцера: Алиса Порет рассказывает и рисует. // Панорама искусств. Вып.12. М., 1990.

¹⁰¹ Рене Рудольфовна О'Коннель-Михайловская (1891-1981) — художник-керамист, график, театральный художник. Училась в школе Общества поощрения художеств, по окончании которой вышла замуж за И.Я. Билибина (1912, разошлись в 1917). После революции, в основном, занималась художественной керамикой, была дружна с учениками П.Н. Филонова — А.Порет, Т.Глебовой, В.Сулимо-Самуйло. Дети ее погибли во время войны.

¹⁰² Татьяна Николаевна Глебова (1900-1985), график, живописец, художник книги, театральный художник. Ученица П.Н. Филонова, участник коллектива МАИ. Сотрудничала в Детгизе, в «Чиже» и «Еже», иллюстрировала стихотворения Д.Хармса, Н.Заболоцкого и А.Введенского. В послевоенные годы Т.Н. вместе с В.В. Стерлиговым разрабатывают оригинальную живописную систему и создают известную «школу Стерлигова». Недавно опубликованы ее замечательный «Блокадный дневник» (Искусство Ленинграда. 1990. №1-3) и «Воспоминания о П.Н. Филонове» (Панорама искусств. Вып.11. М., 1988). См. также: Татьяна Николаевна Глебова. Выставка произведений. Буклет. Л., 1981.

¹⁰³ Ср. с поэтическим фрагментом Хармса:

Уже бледнеет и светает
Над Петропавловской иглой,
И снизу в окна шум влетает,
Шуршанье дворника метлой.
Люблю домой, мечтаний полным
и сонным телом чужд,
спешить по улицам безмолвным
еще сквозь мертвый Ленинград (II, 193).

¹⁰⁴ Юбилейная выставка «Художники РСФСР за XV лет» была торжественно открыта в Русском Музее 13 ноября 1932 г. (см.: Каталог выстав-

ки «Художники РСФСР за XV лет». Л., 1932; Грабарь И. Художники РСФСР за 15 лет (Юбилейная выставка в Ленинграде) // Известия. 1933. 7 февр.). В мае 1933 г. выставка была перевезена в Москву и получила официальную оценку в печати. См., напр.: Щекотов Н. Советские живописцы. Выставка «Художники РСФСР за 15 лет» // Искусство. 1933. №4; Эфрос А. Вчера, сегодня, завтра // Искусство. 1933. №6; Буш М., Замошкин А. Путь советской живописи. 1917-1932. М.-Л., 1933 и др. Через год был издан программный сборник статей «О живописи, плакате и скульптуре за XV лет» (М., 1934), подводивший итоги пятнадцатилетнего развития советского искусства и намечавший программу его дальнейшего совершенствования в период социалистической реконструкции жизни. Тон в сборнике задала статья Н.И. Бухарина «Некоторые мысли о советской живописи», где он, в частности, оценивал «левое искусство»: «Совсем особняком на выставке расположена группа формалистов, беспредметников ("Черный квадрат") и т.д., здесь же фигурирует и широко известный Таглин. Весь ход развития советского художества ясно обнаруживает курс на изживание формализма в искусстве, что и демонстрируется наглядно изолированным положением всей этой группы, несмотря на то, что она имеет ряд достижений (начиная с работ Штеренберга)» (С.33). Эта выставка окончательно обозначила вытеснение «левого» искусства на обочину культурного движения, а официальная критика предложила пути замещения искусства «формалистов» — пролетарским, социалистическим искусством.

¹⁰⁵ Знакомство Хармса с К.С. Малевичем произошло в 1926, когда Малевич предоставил «Радиксу» помещение для репетиций в ГИНХУКЕ. Историю этого альянса рассказал Г.Н. Кацман: «Введенский взялся организовать связь с Инхуком. Тут же на пятисотрублевой николаевской асигнации постановщик [Г.Н. Кацман. — Публ.] написал заявление Малевичу, в котором говорилось, что он собрал труппу и хочет поставить сценический эксперимент с целью установить, что такое театр. Заявление было завязано в «старушечий» узелок, позвонили Малевичу и тотчас же к нему отправились. План Малевичу понравился, он сказал: "Я старый безобразник, вы молодые, — посмотрим, что получится". Заявление понравилось ему еще больше, он тут же написал на нем (и на его "нормальной" копии) резолюцию коменданту, и "Радикс" получил в свое распоряжение Белый зал Инхука и много подсобных помещений». Как справедливо отмечает М.Б. Мейлах, «Хармс, мечтавший о создании союза, который объединил бы все левые силы Ленинграда, не мог недооценивать значение участия Малевича в таком союзе. Вместе со своими товарищами по "Радиксу" он ведет с Малевичем переговоры и в конце декабря 1926 года получает у него, как сказано в его записных книжках, "абсолютное согласие на вступление в нашу организацию"» (Введенский I, XVIII):

Беседа с Малевичем.

- 1) Абсолютное согласие К.С. на вступление в нашу организацию.
- 2) Сколько активных человек дает он I разряда. (4 челов.)
- 3) Сколько II разряда. (мы: 7 челов.)

- 4) Дает ли он нам помещение (для закрытых малых заседаний комнату предоставим).
- 5) Связь с ИНХУК'ом.
- 6) Сколько очков под Зайцем (мы: Граммофон плавает некрасиво)
- 7) О названии (невозможность «Уновиса»).
  - 1) Косая известность.
  - 2) Не оправдаем начального существ[ования]
  - 3) Возрождение недолговечно.
- 8) Какова верховная власть.

(Мы предлаг[аем]:
Малев[ич]
Введенск[ий]
Бахтерев)
- 9) Принцип объединения

(Мы — основной стержень —
даем 4 верховных членов, а может
быть, вообще группа I-го разряда).
- 10) Срок первого собрания
- 11) Сколько человек III разряда (Мы: 20 челов.)
- 12) На каких основаниях входят члены III-го разряда.

(Введенский. II, 241-242).

Эти намерения создать иерархичный союз нового искусства не осуществились — вскоре Малевич уехал в Польшу, а ГИНХУК был закрыт. 18 февраля 1927 г. Хармс написал стихотворение «Искушение» с посвящением Малевичу (I, 39-42). Приблизительно в это же время Малевич подарил Хармсу свою книгу «Бог не скинут» (Витебск, 1922) с надписью: «Идите и останавливайте прогресс. К.Малевич. 16.4(?) .27 г.» (IV, 225). В 1935 Хармс отозвался на смерть Малевича стихотворением «Послание к Казимиру», которое читал на траурной церемонии перед отправлением тела Малевича из Ленинграда в Москву.

¹⁰⁶ Общество «Круг художников» сложилось в 1925, организовано в 1926. Председателем «Круга» был избран В.В. Пакулин. В общество вошли выпускники Вхутеина 1925, ученики А.И. Савинова, А.Е. Карева, А.Т. Матвеева и К.С. Петрова-Водкина: А.С. Ведерников, А.И. Русаков, И.В. Орехов, В.И. Малагис, П.А. Осолодков, А.П. Почтенный, Д.Н. Загоскин, А.Ф. Пахомов, А.Н. Самохвалов и др. В своей декларации вполне в духе социалистического строительства общество определило свои устремления — «на основе коллективного руководства в "противовес индивидуальщине и субъективизму" создать не иначе как стиль эпохи в противовес вкусикам направленчеств, измам и т.д.». Выставки «Круга» состоялись в 1927, 1928 и 1930 гг. В 1929 г. после «раскола» часть художников ушла в АХРР.

¹⁰⁷ Бродский Исаак Израилевич (1884-1939) — советский живописец, коллекционер. До революции член «Союза русских художников» (1909-1917). После революции — видный деятель АХРР (Ассоциация художников революционной России). Автор известных картин «Ударник Днепро-

стройка» (1932), «Демонстрация» (1934) и др. и известных портретов Сталина (1928, 1935), Ленина (1930), «К.Е. Ворошилов на лыжной прогулке» (1937). Его коллекция — одно из богатейших собраний русской живописи XVIII-XX веков.

¹⁰⁸ Соломон Моисеевич Гершов (1906-1989) — живописец, художник-график. Учился в Витебске у М.З. Шагала, учеником которого себя считал, и в Художественно-промышленном техникуме в Ленинграде. Знакомство Гершова с Хармсом можно отнести к 1927-28 гг. Гершов упоминается в следующей записи 1928 г.: «На 14 ноября среда. Заседание ОБЭРИУ. В Ц[ентральном] Д[оме] Р[аботников] П[ечати]. Быть у Гершов[а]. Утром пойду в Клуб Адвокатов, позвонить в Политехнический. Зайти в Армии и Флота Дом, в Смольный, в Гепеу» (ЗК №16). Сотрудничал в Детском секторе Госиздата, в частности, иллюстрировал книги: «Живая пропажа» (М.-Л., 1931) Э.Паперной и «Особенный день» (М.-Л., 1931) Е.Шварца и Г.Дитрих. Арестован в конце 1931. Был выслан в Курск, потом в Борисоглебск в ноябре 1932 г., где вместе с Б.М. Эрбштейном работал художником в Театре музыкальной комедии. По возвращении в Ленинград работал в Художественных мастерских. Персональные выставки С.М. Гершова с успехом прошли за границей, в СССР не проводились. В его архиве в ЦГАЛИЛ (Ф.155) сохранились письма к нему Т.Н. Глебовой, Д.Д. Шостаковича, М.З. Шагала.

¹⁰⁹ Автобиографическое письмо Хармса к ней от 2 ноября 1931 г. опубликовано в кн.: Хармс Д. Полет в небеса. С.459-462, в комментарии на с.534 напечатано и второе письмо. И в тексте книги и в комментарии фамилия адресата напечатана неправильно.

¹¹⁰ Владелица литературно-музыкального салона.

¹¹¹ Эстер Соломоновна Паперная (1901-1987) — переводчик, автор книг для детей. Училась в Харьковской Академии теоретических знаний вместе с А.Г. Розенбергом и А.М. Финкелем, была одним из авторов знаменитой книги пародий «Парнас дыбом» (Харьков, 1925; переиздание — М., 1989). Работала по приезде в Ленинград редактором Детского сектора Госиздата и недолгое время редактором «Чижа». Опубликовала 4 книги для детей: Картинки с текстом (М., 1929), Чьи это игрушки? (М., 1939; совместно с И.Карнауховой, рисунки А.И. Порет), Выставка богов (М.-Л., 1930; рисунки А.И. Порет), Живая пропажа (М.-Л., 1931; рисунки С.М. Гершова). Переводила стихи и прозу с английского, французского, итальянского, польского, еврейского, в том числе известную сказку Э.Блайтон «Знаменитый утенок Тим». Арестована в 1937 по делу Ленинградского отделения Детгиза, провела в лагерях в общей сложности 17 лет, реабилитирована в 1956. А.И. Пантелеев называл ее одним из самых остроумных людей, которых он встречал в жизни. Многие современники писали о необыкновенном музыкальном таланте Э.С., о ее знаменитых домашних концертах. Характерно, что В.Н. Петров, рассказывающий о вечерах у Хармса, в музыкальной части пишет о Э.С. Паперной: «Почти всякий вечер помногу музицировали. Я.С. Друскин играл на фисгармонии Баха и Моцарта. Часто приходила редакторша Детгиза Э.С. Паперная,

знавшая несколько тысяч песен на всех языках мира. Даниил Иванович очень прятным низким голосом и охотно пел, иногда с Паперной, иногда без нее».

¹¹² Со слов Хармса, историю этого человека рассказывает в своих воспоминаниях А.И. Пантелеев:

«Этот интеллигент, не очень молодой, инженер, рассказывал, как он попал в домзак [ДПЗ. — *Публ.*] /.../ Его пригласили куда-то и предложили следить за каким-то своим сослуживцем. Х отказался, сказал, что не умеет, не знает, что и как делать.

— Да ничего делать не надо. Просто выясните, как он относится к Советской власти.

Через неделю вызывают снова.

— Ну как? Выяснили?

— Да, выяснил.

— Что же вы узнали?

— Петров относится к Советской власти очень хорошо.

— Да? Гм. Вы уверены? Как вы это установили?

— Просто сказал ему один на один, что меня просили узнать, как он относится к Советской власти.

Тогда будто бы наивному или хитрому инженеру сказали:

— Пшел вон, дурак!

Но через 1,5 года он оказался в камере в предварилке, на улице Воинова».

¹¹³ Зигфрид Симонович Кельсон (1892-1938?) — поэт, прозаик, переводчик. Окончил Демидовский юридический лицей. В 1914-17 служил присяжным поверенным. С весны по окт. 1917 — чиновник особых поручений при начальнике милиции. В 1919-21 член коллегии правозащитников, в это же время вошел в окололитературные круги, вскоре стал во главе Клуба поэтов при Доме Мурузи, но оказался замешан в финансовых махинациях. В 1924 издал поэтическую книжку «Маргэрот (Песня о боге больной любви)». Публиковался под собственным именем и псевд. НОСЛЕК. В 1925 журнал «Былое» напечатал его воспоминания о Временном правительстве. Автограф других (ненапечатанных) мемуаров: «Воспоминания о событиях 25 октября 1917 г.» сохранился в архиве С.М. Эйзенштейна (ЦГАЛИ. Ф.1923. Оп.1. Ед.хр.231). Писал также музыку. Из музыкальных произведений Кельсона нам известны: прелюдия «Вторая осенняя соната» (11 сентября 1923 г.), отправленная им Кузмину (ЦГАЛИ. Ф.232. Оп.1. Ед. хр.481), а также сохранившаяся в архиве журнала «Красная новь» с приложенным письмом И.И. Ясинскому «"Ex oriente lux"». Симфоническая тетралогия В.И. Ленину» (1923 г.) (ЦГАЛИ. Ф.602. Оп.1. Ед. хр.580). См. также статью Кельсона «Что говорят о нас на Западе» (ЦГАЛИ. Ф.613. Оп.1. Ед.хр.6605).

В апреле 1925 г. З.С. Кельсон обратился с письмом к М.А. Кузмину, где просил дать предисловие для его сборника стихов «Альков» — «Это первые мои стихи и самые слабые, — писал он, — /.../ во всяком случае очень прошу вас не отказать просмотреть книжку и если не затруднит, от-

метить то, что по Вашему совсем никуда не годится» (ЦГАЛИЛ. Ф.347. Ед.хр.54). Неизданными, кроме стихов, остались также пьесы «Соблазн» и «Владыки вселенной», «Рассказы о Чудесном». Напечатал сборник рассказов «Современный немецкий юмор» в своих переводах (Л, 1928). Арестован по «писательскому делу», обвинен в шпионаже в пользу Германии и, видимо, расстрелян.

¹¹⁴ Книга Н.А. Заболоцкого «Стихотворения. 1926-1932» была подготовлена к печати в «Издательстве писателей в Ленинграде» в 1933 г., но после появления резко отрицательных статей о его творчестве в свет не вышла. См. ее описание: Могиланский А.П. Второй сборник Заболоцкого // Русская литература. 1976. №4. С.195-196.

¹¹⁵ Об отношении Хармса и Л.Пантелеева см.: Пантелеев А.И. Воспоминания о Д.Хармсе. Публ. С.А. Лурье и Е.Д. Прицкера (в печати).

¹¹⁶ Иван Иванович Соллертинский (1902-1944) — музыковед и театровед. В 1923-44 работал в Ленинградской филармонии редактором, лектором, зав. репертуарной частью, выступал со вступительным словом перед концертами. См. о нем: Памяти И.И. Соллертинского: Воспоминания, материалы, исследования. Л., 1978; Михеева Л.В. И.И. Соллертинский. Жизнь и наследие. Л., 1988.

¹¹⁷ Григорий Георгиевич Белых (1906-1938) — писатель. В соавторстве с А.И. Пантелеевым написал знаменитую «Республику ШКИД» (Л., 1927). Написал еще две книги прозы: «Холщевые передники» (Л., 1932) и «Дом веселых нищих» (Л., 1933; 2-е изд. — 1935). В начале 1937 арестован. Имеются сведения, что Пантелеев послал телеграмму Сталину с просьбой освободить Белых, который был очень болен. Г.Г. Белых умер в тюремной больнице от туберкулеза.

¹¹⁸ Первоначальное название стихотворения «Мистер Твистер». Ср. любопытный эпизод в воспоминаниях Е.Л. Шварца: «Встретивши Хармса в трамвае, Корней Иванович [Чуковский. — Публ.] спросил: "Вы читали 'Мистера Твистера'?" — "Нет!" — ответил Хармс осторожно. — "Прочтите! Это такое мастерство, при котором и таланта не надо! А есть такие куски, где ни мастерства, ни таланта — 'сверху над вами индус, снизу под вами зулус' — и все-таки замечательно!"» (Шварц Е. Живу беспокойно... С.278-279).

¹¹⁹ Павел Михайлович Кондратьев (1902-1985) — живописец, график, художник книги. Учился во Вхутемасе в Ленинграде (1921-1925) у А.И. Савинова и М.В. Матюшина. Член коллектива «Мастера аналитического искусства», ученик П.Н. Филонова. Оформлял массовые празднества, работал в издательствах. Сотрудничал в детском секторе Госиздата и Детгиза. В частности, автор обложки и рисунков к книге А.В. Разумовского «Бибармейцы» (М.-Л., 1933). Иллюстрировал также стихотворения А.И. Введенского «Пограничники» (Чиж. 1933. №2-3. С.1), «Приезжайте к нам» (Чиж. 1933. №4. С.1) и «Сказку о кривом человеке» Н.А. Заболоцкого (Чиж. 1933. №8. С.10-13). Близкие отношения Хармса с Кондратьевым

позволили ему надеть фамилией художника персонажей своих произведений: «Однажды господин Кондратьев / попал в американский шкаф для платьев» (III, 50). «Вот Кумпельбаков пробегает, / держа на палке мыслей пук / К нему Кондратьев подбегает, / издав губами странный звук» (Знак при помощи глаза — III, 70) и др. См. о нем: Приглашение на встречу с П.М. Кондратьевым. Каталог. Вст. статья С.Ласкина. Л., 1981.

¹²⁰ Петр Павлович Снопков (1900-1942) — живописец, театральный художник. Муж А.И. Порет (1933-1935). Оформлял массовые празднества вместе с В.А. Сулимо-Самуйлло (некоторые эскизы хранятся в Музее истории г.Ленинграда). В 1925 вместе с Б.Б. Малаховским иллюстрировал детскую книжку Н.Асеева «Песни пищика». Работал как декоратор и художник по костюмам в театрах Ленинграда и Москвы. Держался несколько в стороне от художественной и литературной жизни. Тем не менее, Хармс использовал его имя и отчество для «пашквильного» двустишия:
Месяц в окна светом бил.

Петр Палыч водку пил. (IV, 82)

Арестован осенью 1941 г. По словам А.И. Порет, встретился с Хармсом в тюрьме перед смертью. Умер от голода на лесозаготовках.

¹²¹ Оскар Фрид (1871-1941) — немецкий дирижер и композитор. В 1931-32 провел в Москве циклы концертов. С 1934 — постоянно жил в Москве, в 1940 принял советское гражданство.

¹²² Гюнтер Рамин (1898-1956) — немецкий органист, дирижер и композитор. С 1931 — профессор Лейпцигской консерватории по классу органа. Согласно программке концерта, в первом отделении исполнялась увертюра Бетховена к «Кориолану» и десятый органный концерт Генделя D-moll. Во втором отделении 23 ноября исполнялась не пятая симфония Малера, а первая d-Dur, о чем было извещено на концерте, пятая симфония была объявлена в программке. Состоялось всего два концерта О.Фрида в Ленинграде, первый — 22 ноября — был закрытый.

¹²³ Вера Михайловна Ермолаева (1895-1938) — живописец, художник книги, график. Училась в школе живописи, рисования и скульптуры М.Д. Бернштейна и Л.В. Шервуда. Окончила Археологический институт. Участник «Союза молодежи». В 1918 организовала артель художников «Сегодня», выпустившую серию книг с гравюрами. В 1919-23 ректор Витебского художественно-практического института, один из организаторов УНОВИСа. С 1923 работала в ГИНХУКе, где заведовала лабораторией цвета. Одна из ведущих сотрудников детского сектора ГИЗа, иллюстрировала «Чиж» и «Еж», а также книги Заболоцкого «Хорошие сапоги», Хармса «Иван Иваныч Самовар» и др. Арестована в начале 1932, вскоре была освобождена. В декабре 1934 арестована в «Кировском потоке» вместе с М.Б. Казанской, В.В. Стерлиговым, А.Батуриным и О.Карташовым. Получила 5 лет, отправлена в лагерь под Карагандой. По истечении срока получила еще 5 лет. По свидетельству В.В. Стерлигова, ее вместе с партией заключенных посадили на баржу и высадили на песчаном острове в Аральском море. См. о ней: «Авангард, остановленный на бегу». Л.,

1990; Ковтун Е.Ф. Художница книги В.М. Ермолаева // Искусство книги. Вып.8. М., 1975. С.68-79.

¹²⁴ С.М. Гершов был выслан в Борисоглебск, как и Б.М. Эрбштейн и А.И. Введенский.

¹²⁵ Мария Ивановна Колюбакина (1882?-1943?) — младшая сестра Надежды Ивановны и Натальи Ивановны. До революции работала воспитательницей в Царскосельской Женской Мариинской гимназии, после революции — в 11 Детскосельской советской единой трудовой школе (Малая ул., затем ул. Революции, д.27), где директором была Нат. Ив. Колюбакина. По свидетельству Е.И. Грицыной, Мария Ивановна очень помогала семейству Ювачевых по хозяйству после смерти Надежды Ивановны. Погибла при депортации.

¹²⁶ Лев Маркович Вайсенберг (1900-1973) — прозаик, переводчик. Учился на историко-филологическом факультете Бакинского ун-та (1920-23), по окончании служил в НИИ литературы и языка при Ленинградском ун-те им. А.С. Бубнова (1923-25). Печатался с 1924. Переводил Г.Честертон, С.Цвейга, Э.Синклера и др. Автор биографических повестей: Приключения Джека Лондона (М.-Л., 1926), Эптон Синклер (Л., 1927), Джемс Уатт — изобретатель паровой машины (Л., 1930), а также книг: Победитель морей Роберт Фультон (М.-Л., 1929), Повесть о нефти (М., 1931), Моя Англия. Воспоминания (Л., 1931) и др. Имя Вейсенберга стоит в списке Хармса «С кем я на "ты"». Его именем Хармс нарек героя «трагического водевиля в одном действии» «Обезоруженный или Неудавшаяся любовь» (1934):

Лев Маркович (подскакивая к даме) — Разрешите!

Дама (отстраняясь ладонями) — Отстаньте!

Л.М. (наскокивая) — Разрешите!

Дама (пихаясь ногами) — Уйдите!

Л.М. (хватаясь руками) — Дайте разок!

Дама (пихаясь ногами) — Прочь! Прочь!

Л.М. — Один только пистон!

Дама — (Мычит, дескать «нет»)

Л.М. — Пистон! Один пистон!

Дама (закатывает глаза).

Л.М. (суетится, лезет рукой за своим инструментом и вдруг оказывается не может его найти).

Л.М. — Обождите! (Шарит у себя руками). Что за чорт!

Дама (с удивлением смотрит на Льва Марковича)

Л.М. — Вот ведь история!

Дама — Что случилось?

Л.М. — Хм... (смотрит растерянно во все стороны)

ЗАНАВЕС

(ГПБ. Ф.1232. Ед.хр.227. Л.3; ЦГАЛИ. Ф.2982. Ед.хр.38. Л.3). Опубликовано впервые Вл.Эрлем: Митин журнал. 1986. №1(7). С.234.

¹²⁷ Мария Вениаминовна Юдина (1899-1970) — пианистка и педагог. В 1918 — участница философского кружка в Невеле. В 1918-21 посетительница «вторников» религиозно-философского кружка А.А. Мейера (иногда заседания целиком посвящались слушанию игры Юдиной и обсуждению исполнявшейся ею музыки). С 1925 по 1928 в ее доме собирался «кантовский семинар» (Л.В. Пумпянский, М.М. Бахтин, П.Н. Медведев, В.Н. Волошинов, И.И. Канаев, М.И. Тубянский), в работе семинара принимали участие приезжавший из Москвы М.И. Каган, К.К. Вагинов, И.И. Соллертинский, А.Д. Скалдин, В.Л. Комарович, А.Н. Энгельгардт (к концу 1929 г. многие из участников семинара были арестованы, а Бахтин сослан). Одновременно в 1925-27 гг. Юдина была слушательницей богословско-пасторского училища. За религиозные убеждения ее несколько раз увольняли с работы: в 1930 из Ленинградской консерватории (официальная причина — «опоздание на занятия на 1 день»), в 1950 — из Московской («не прошла по конкурсу»), в 1960 — из Института им.Гнесиных («пенсионный возраст»). Юдина была известна своей принципиальной общественной позицией, которую никогда не скрывала так же, как и свои религиозные взгляды. Так, в пору гонений на Пастернака она читала на концертах его стихи, а в 1968 была инициатором «письма 8-ми» и подписала «писательское письмо» по поводу «Процесса четырех» (Ю.Т. Галанкова, А.И. Гинзбург, А.А. Добровольского, В.И. Лашковой. — См. комментарий С.Еленина и Ю.Овчинникова к воспоминаниям Н.П. Анциферова. // Память. Исторический сборник. Вып.4. Москва, 1979 — Париж, 1981. С.117-118; там же, с.249-251). В своем мемуарном очерке «Создание сборника песен Шуберта» Юдина вспоминала строки из стихотворений Хармса и писала: «Фантастика, почти бессмыслица этих Хармсовых виршей, музыкальный напор его prestissimo головкружительные потоки, зубцы, грохот колес, организованный треск пропеллеров, инфантильные наивность и невинность, п е р в о з д а н н о с т ь этой младенческой поэзии имела в пору, увы, кратковременного поэтического бытия Даниила Хармса своих восторженных приверженцев — среди них на некотором отдалении была и я. Узнала я стихи Хармса посредством двух замечательных художниц: Татьяны Николаевны Глебовой (супруги тоже замечательного художника Владимира Васильевича Стерлигова) и Алисы Ивановны Порет /.../ Был еще около них всех и Александр Введенский; поэзия Введенского как-то меня не затронула. Хармс запомнился на всю жизнь» (Мария Вениаминовна Юдина. Статьи. Воспоминания. Материалы. М., 1978. С.269-270).

¹²⁸ Борис Михайлович Эрбштейн (1901-1964) — живописец, график, аттальный художник. Учился во ВХУТЕМАСе в классе К.С. Петрова-Водкина. В 1918-20 занимался у Вс.Э. Мейерхольда на курсах мастерства сценических постановок (КУРМАСЦЕП). В 1920-е оформлял спектакли ленинградских театров. В середине 1920-х познакомился с Хармсом. В 1927 Хармс записывает в записной книжке: «По окончании "Комедии города Петербурга" устроить читку, пригласив Введенского, Заболоцкого, Вагинова, Бахтерева, Липавского, Штейнмана, Терентьева, Дмитриева, Эрбштейна» (Введенский, II, 243). Эрбштейн с Хармсом (так же, как Вве-

денский и Сафонова до 1 октября) отбывали полугодовую ссылку в Курске. После недолгого пребывания в Ленинграде Эрбштейна выслали в Борисоглебск, где он вместе с С.М. Гершовым работал художником в Театре музыкальной комедии, потом его «перевели» в Петрозаводск, Саратов. В 1936 получил разрешение вернуться в Ленинград. В сентябре 1941 арестован вторично по обвинению в шпионаже в пользу Германии. После двух лет работы на спецстройке был «переведен» в живописный цех мебельной фабрики управления МВД заведующим цехом резьбы по дереву, изготовлявшем мебель для кабинетов «ответственных» лиц ВКП(б) и НКВД, позже работал в Красноярске. В декабре 1947 освобожден с минусом, поселился в Сталиногорске, куда приехала его семья. В 1952 с помощью Д.Д. Шостаковича переезжает в Горький, в 1954 — в Куйбышев, художником Театра оперы и балета. В 1958 реабилитирован. 13 июля 1964 г. покончил с собой. См. о перипетиях его судьбы после второго ареста: Эрбштейн Б. Письма оттуда // Искусство Ленинграда. 1989. №6. С.70-81. Предсл., публ. и комм. Л.С. Овас. См. также каталог выставки: Славцева. Эрбштейн. Якунина. Л., 1987 и статью: Лазуко А. У двух наставников // Творчество. 1989. №7. С.15-16. Его сестра Мирра Михайловна Эрбштейн была соуницей по гимназии М.Н. Стоюниной и знакомой А.С. Ивантер (см. о ней ниже), редактор детского отдела Ленинградского радио.

¹²⁹ Роман «Капитан Трафальгар» Андре Лори (наст. имя Паскаль Грусэ, 1884-1909) был издан по-русски в 1887 в Москве без указания имени (псевдонима) автора. Оно не было указано и на переизданиях романа в 1890, 1900 и 1901.

¹³⁰ 27 ноября был объявлен «Requiem» в исполнении симфонического оркестра филармонии и Хора Государственной академической капеллы под управлением профессора М.Г. Климова при участии артистов Госоперы: Г.Горской, О.Ф. Мшанской, М.Ктиторова и О.С. Чишко. В архиве Хармса сохранился фрагмент текста «Requiem» (ГПБ. Ф.1232. Ед.хр.385).

¹³¹ Иракий Луарсабович Андроников (Андроникашвили) (1908-1990) — писатель, литературовед, мастер устного рассказа. С 1928 по 1932 — секретарь редакции «Ежа». Видимо, в это время знакомится с обзорютами (см. воспоминания о нем Е.Л. Шварца: Шварц Е. Живу беспокойно... С.610-612). В конце 1931 был арестован по делу Детского сектора ГИЗа, освобожден после вмешательства отца — известного адвоката по политическим делам.

¹³² Исая Александрович Браудо (1896-1970) — органист, пианист, педагог и музыковед. С 1935 профессор консерватории по классу органа. Ср. в воспоминаниях М.В. Юдиной: «Татьяна Николаевна Глебова ведь музыкант, она играла на скрипке, музыку знала и понимала, обожала орган и дружила с Исаем Александровичем Браудо» (Мария Вениаминовна Юдина... С.271). В его архиве (ЦГАЛИЛ. Ф.186) сохранились интересные письма М.В. Юдиной.

¹³³ Анна Семеновна Ивантер (Нюрочка) — жена А.И. Введенского с 1930 по 1934 гг. По ее рассказу, они познакомились после одного из поэтических вечеров в 1929. Хармс сделал ее героиней рассказа «Судьба жены профессора» (1936), однако в окончательном тексте этот кусок убрал. Ср. в черновике после слов «а в сарае сидит...»:

...Нюрочка* и говорит:

— А у меня под юбкой Даня сидит.

Профессорша говорит:

— Как же так? А где же Толстой?

А Нюрочка отвечает:

— Да Шура в Москву переехал.

Профессорша говорит:

— Нет, не Шура а Толстой где?

А Нюрочка уже не отвечает, и профессорша видит, что это уже не Нюрочка, а скорее, курица...

* Первоначальные варианты тоже характерны: «Анна Семеновна Ивантер», «Не то курочка, не то...», ср. вариант диалога:

Профессорша говорит:

— Ах, это вы?

А Нюрочка отвечает:

— Да, это я. А подо мной Даня сидит.

(ГПБ. Ф.1232. Ед.хр.268).

В архиве А.С. Ивантер сохранилась замечательная фотография Хармса, на обороте которой была дарственная надпись (не сохранилась) и подпись: «Лето 1936 года. Даниил Хармс». Фотография впервые опубликована в III, 119. Некоторые современники называют ее автором Г.З. Левина, другие — А.И. Пантелеева.

¹³⁴ Т.е. мать и сестра Введенского.

¹³⁵ Родители Эстер и Поля Марселя.

¹³⁶ Виктор-Наполеон Львович (Леонидович) Кибальчич, более известный как Виктор Серж (1890-1947) — революционер, писатель, публицист. Родился в Брюсселе. В 1917 приехал в Петроград. Посылал корреспонденции в левый французский журнал «Clarté», который издавал А.Барбюс, о жизни художников и писателей в России. Вскоре женился на Любви Александровне Русаковой — сестре Эстер и Поля Марселя. После пребывания в Германии и Австрии (1922-26), в 1926 они вернулись в Петроград. Серж становится членом левой ленинградской оппозиции. Арестован в 1928 как член Коминтерна и троцкист. Этот арест дал повод ГПУ для репрессий против семьи Русаковых. В 1932 арестован вторично, сидел в «Крестах», освобожден в 1933, вновь арестован и выслан с женой и сыном в Оренбург. «Дело Сержа» получило международную огласку. В 1935 на Конгрессе в защиту культуры в Париже было принято обращение к Сталину А.Жида, Ж.Дюамеля и др. с просьбой освободить Сержа (см.: Флейшман Л. Борис Пастернак в 30-е годы. Jerusalem, 1984. С.246-252). С этой же просьбой к Сталину, Горькому и Ягоде обратился Р.Роллан, приехав-

ший в это время в Москву (см. Московский дневник Ромена Роллана. Наше путешествие с женой в СССР. Июнь-июль 1935 года. // Вопросы литературы. 1990. №3-5). В апреле 1936 г. Сержа с семьей высылают в Бельгию. В 1939 с приходом немцев он с семьей эмигрирует в Мексику. См. подробнее его воспоминания: Serge V. Mémoires d'un révolutionnaire. 1901-1941. Paris, 1951. По некоторым сведениям, в 1937-38 посылал к праздникам открытки своим ленинградским знакомым, в том числе Б.К. Лившицу и семье Русаковых, что стало поводом для арестов в 1938 и обвинения О.Г. Русаковой и Эстер в «троцкизме». Недавно в СССР был напечатан роман В.Сержа «Дело Тулаева» в переводе Элен Грэй (см. Урал. 1989. №1-3, а также биографическую часть статьи В.Бондаренко «Рукописи не горят» // Урал. 1989. №3. С.129-130; письмо в редакцию О.А. Кибальчица // Урал. 1989. №7. С.189-190).

¹³⁷ Владимир Николаевич Яхонтов (1899-1945) — артист эстрады, чтец, мастер художественного слова. Был хорошо знаком с М.В. Юдиной и К.К. Вагиновым (см. Крымова Н. Владимир Яхонтов. М., 1979. С.96), по некоторым сведениям бывал на литературных вечерах «Левого фланга». Один из первых пропагандистов творчества Хлебникова, о котором писал: «...гениальный Хлебников — поэт, которого эпоха за своими большими делами не заметила, но который заслуживает, чтобы теперь, когда ни одна крупница золота не должна упасть с нашего скудного поэтического блюда, эти богатейшие золотые россыпи были разработаны со всей тщательностью и признательностью к погибшему от голода и нищеты "Председателю Земного Шара"» (Яхонтов В. Война. Композиция. Репертуар театра «Современник». Л., 1929. С.7).

¹³⁸ В 1926 Яхонтов создал композицию «Пушкин» (см.: Крымова Н. Владимир Яхонтов. С.101-126). Многие стихотворения Пушкина, а также редко читавшиеся тогда с эстрады стихи Державина были включены им в композицию «Война» («Водопад», «Фонарь», «Утро», «Гимн лироэпический» и др.).

¹³⁹ Родственница Русаковых.

¹⁴⁰ Инженер Жуковский, по свидетельству И.В. Бахтерева, один из «естественных мыслителей». Среди его замыслов была постройка стены вокруг Ленинграда. Ср. «Тему к рассказу» Хармса (1935):

Некий инженер задался целью выстроить поперек Петербурга огромную кирпичную стену. Он обдумывает, как это совершить, не спит ночами и рассуждает. Постепенно образуется кружок мыслителей-инженеров и вырабатывается план постройки стены. Стену решено строить ночью, да так, чтобы в одну ночь все и построить, чтобы она явилась всем сюрпризом. Созываются рабочие. Идет распределение. Городские власти отводятся в сторону, и, наконец, настает ночь, когда эта стена должна быть построена. О постройке стены известно только четверем человекам. Рабочие и инженеры получают точное распоряжение, где кому встать и что сделать. Благодаря точному расчету, стену удается выстроить в одну ночь. На другой день в Петер-

бурге переполох. И сам изобретатель стены в унынии. На что эту стену применить, он и сам не знал.

(ГПБ. Ф.1232. Ед.хр.368. Л.38).

¹⁴¹ Как следует из программы кино этой недели в кинотеатре «Две маски» (Загородный, 27), в эти дни шел фильм Р.Освальда «Die Rothausgasse», имевший также второе, более точное прокатное название «Переулочек красного фонаря». Приносим искреннюю признательность М.Б. Ямпольскому за помощь в атрибуции фильма.

¹⁴² Эрнест Эрнестович Гейне, фотограф. У Хармса записан также его домашний адрес: Литейный 52, кв.12.

¹⁴³ Екатерина Ивановна Шварц (1903-1963) — вторая жена Е.Л. Шварца.

¹⁴⁴ Возможно, Хармса оттолкнул сюжет этой сказки о юном борце против империализма. Авторизованная машинопись сказки «Менике» сохранилась в частном собрании (г.Ленинград).

¹⁴⁵ Тамара Александровна Липавская (в девичестве Мейер, 1903-1982) училась в гимназии Петровской, которую в 1919 слили с гимназией им. Лентовской и образовали 10-ю трудовую школу, где она училась одновременно с Введенским, В.С. Алексеевым, Я.С. Друскиным, Л.С. Липавским (с ним в одном классе училась ее сестра София Александровна). Близко знакомится с Введенским, который вслед за ней поступил на китайское отделение восточного факультета. Через три года Т.А. отказалась «помогать сведениями» ГПУ и была «вычищена» из университета, вслед за ней забрал документы и Введенский, который в это время стал гражданским мужем Т.А. Некоторое время она работала санитаркой в больнице. Затем, чтобы получить диплом, «доучивалась» в 1-м институте иностранных языков. Через год после «развода» с Введенским вышла замуж за Л.С. Липавского, который «...умел создать вокруг себя как бы магнитное поле /.../ талант его заключался в том, что несмотря на остро словие, он имел мужество всегда понять и оценить иную точку зрения и дар вызывать изумительную духовную откровенность общения /.../ Он умел слушать собеседника, это тоже необыкновенный дар, который очень немногим дарован. Взаимоотношения в нашем кругу строились на взаимодействии, а не на влиянии» (Введенский, I. XXVIII). Их квартира в д.8 по Гатчинской улице была постоянным местом встреч чинарей (Введенский, Хармс, Олейников, Заболоцкий, Михайлов, Липавский, Липавская, Друскин) и «вечеров на подушках», когда велись знаменитые «разговоры», записанные Липавским в 1933-34 гг. В блокаду Т.А. работала диспетчером скорой помощи, санитаркой, фельдшером. После войны преподавала английский язык в ЛЭТИ. Т.А. — адресат стихотворений и знаменитых писем Хармса, четыре из которых вошли в кн. «Полет в небеса». Ей посвящен также иронический рассказ, в котором действуют Липавский, Заболоцкий и жена Олейникова. Вместе с Я.С. Друскиным Т.А. сохранила рукописи Введенского, Липавского и Хармса. Ею составлен «Словарь языка А.И. Введенского» и написаны комментарии к его произведениям.

¹⁴⁶ Валентина Ефимовна Гольдина (в замужестве Каменская, 1902-1968). Приехала в Петроград из Ростова в 1923 с мужем — пианистом А.Каменским. Училась в консерватории, позже — в Художественно-промышленном техникуме. После развода с мужем в 1928 В.Е. работала художником по тканям. Будучи ближайшей подругой Т.А. Липавской, она познакомилась с «чинарями». В ее квартире (Большой пр. Петроградской стороны, д.46, кв.34) часто устраивались вечера «чинарей». Хармс посвятил ей, Т.А. Липавской и мифической Ревекке следующее стихотворение:

Ревекка Валентина и Тамара
Раз два три четыре пять шесть семь,
Совсем совсем три грации совсем

Прекрасны и ленивы
Раз два три четыре пять шесть семь
Совсем совсем три грации совсем

Толстушка, Коротышка и Худышка
Раз два три четыре пять шесть семь
Совсем совсем три грации совсем!

Ах если б обнялись они, то было б
Раз два три четыре пять шесть семь
Совсем совсем три грации совсем

Но если б и не обнялись бы они то даже так
Раз два три четыре пять шесть семь
Совсем совсем три грации совсем.

(ГПБ. Ф.1232. Ед.хр.100. Л.1).

Сохранилось также шуточное стихотворение А.И. Введенского, написанное на день рождение В.Е. в 1933 г.:

Валя, Валя, Валентина,
Ты хотя без палантина,
без жемчужных диадем,
ты прекрасна между тем,
ты красива и юна,
словно ива и луна.

(Текст сообщен В.А. Каменской, которой мы искренне признательны также за биографические сведения). В.Е. — также адресат писем Хармса, которые были переданы ею на хранение Я.С. Друскину. Нынешнее их местонахождение неизвестно.

¹⁴⁷ Иля — домашнее имя Лидии Алексеевны Смирнитской. По свидетельству Е.И. Грицыной, Л.А. помимо ведения хозяйства ухаживала за Н.И. Ювачевой, которая болела туберкулезом. Л.А. умерла в эвакуации в Фергане в 1942.

¹⁴⁸ По словам Е.Ф. Ковтуна, в 1930-е среди учеников Филонова была известна поговорка: «Что будет с Порет, когда ее Кондрашка хватит?»

¹⁴⁹ Владимир Иосифович Грицын — главный инженер завода слаботочной промышленности, первый муж сестры Хармса Елизаветы Ивановны.

¹⁵⁰ Александр Алексеевич Башилов — портной, философ, один из «естественных мыслителей».

«Помню добродушного и большого Александра Алексеевича Башилова. Он неизменно раза два в год попадал в психиатрическую больницу, и выходил оттуда со свидетельством, где, как он уверял, было написано, что "Александр Алексеевич Башилов не сумасшедший, а вокруг него все сумасшедшие"».

Башилов был племянником управдома, и думал почему-то, что дядя покушается на его жизнь. Однажды управдом вместе с дворниками скидывал с крыши снег и попал прямо на стоявшего внизу Александра Алексеевича. Тот, чуть ли не по пояс в снегу, возмущался, кричал и требовал, чтобы это прекратилось — но отойти в сторону не додумался» (Петров В.Н. Даниил Хармс).

«Он отыскал и познакомил меня, С.Я. [Маршака. — *Публ.*] и других своих друзей с Башиловым — молодым горбуном, портным, жившим где-то около Пяти углов, — вспоминал А.И. Пантелеев. — Что он делал этот Башилов, чем поражал, уж не помню. Сочинял афоризмы, придумывал какие-то шизофренические теории». Один из афоризмов А.А. Башилова сохранился в памяти И.В. Бахтерева: «Были бы мы как рощи, жили бы мы проще». Ср. запись от 9 сентября 1934 г. «Башилов написал картину: "В ожидании ненастной погоды"». Какая свобода мысли в этом названии и вместе с тем, какое ничтожное и простое отклонение от обычного» (ЗК №31).

¹⁵¹ Василий Густавович Струве — артист, художник, знакомый А.И. Порет.

¹⁵² Владимир Павлович Матвеев (1897-1935) — журналист и детский писатель, близкий друг Н.М. Олейникова. Участвовал в Гражданской войне. Его повести, написанные на основе собственных впечатлений, — «Комиссар золотого поезда» и «Конец Хлябинского Совнаркома» — после его гибели назывались критикой «явно троцкистскими и клеветническими» (Детская литература. 1937. №14. С.7). Арестован в начале 1935 в «кировском потоке», расстрелян по окончании следствия.

¹⁵³ Жена писателя Ильи Александровича Груздева. У Хармса был записан их адрес и телефон.

¹⁵⁴ Никандр Андреевич Тювелев (1905?-1938?) — поэт, приятель Хармса. Он упоминается в списке «Силы к вечеру обэриутов» в конце 1929. Хармс вписал Тювелева в список «С кем я на ты» (июль 1933). К нему обращено письмо Хармса от «25 сентября и октября 1933 года» (см. точный текст в статье: Jaccard J.-Ph. De la réalité au texte l'absurde chez Daniil Harms // Cahiers du Monde Russe et Soviétique. 1985. XXVI (3-4). Pp.286-287). Из поэтического наследия Н.А. сохранилось стихотворение «Молитва перед торговкой» (июль 1931). Написанное на длинной красной бумаж-

ной ленте, оно долгое время висело в комнате Хармса, а после было подарено Н.И. Харджиеву, который опубликовал его в журнале «Транспонанс» (№17. С.93-94). В этом стихотворении явно слышны отголоски поэзии Хармса. Сохранилось также два черновых фрагмента: «Жалобная книга» и «Вы ходите теперь не те», которые можно датировать 1933 годом. Оба фрагмента впервые опубликованы Вл.Эрлем в указанной подборке «Вокруг Хармса». Это все известное поэтическое наследие Н.А. Тювелева. В 1938 он был арестован по делу «Ленинградского Перевала» и, видимо, расстрелян. См. о нем также: Гор Г. Замедление времени // Звезда. 1968. №4.

¹⁵⁵ Возможно, «селла» — обозначение паузы в псалме. Ср. в «канцоне» О.Э. Мандельштама: «Я скажу «селла» Начальнику евреев / За его малиновую ласку». Указано нам В.Я. Мордерер.

¹⁵⁶ Речь идет о введении паспортной системы в СССР, «когда победа социалистической индустриализации страны и социалистическая перестройка сельского хозяйства потребовали планомерного регулирования передвижения населения из сельских районов в промышленные и обратно» (БСЭ. 1939. Т.44. Стб.322). 27 декабря 1932 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и об обязательной прописке паспортов», было введено «Положение о паспортах» и т.п. См.: Куницын И. «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день...» // Юность. 1989. №4. С.57. По этому законодательству прежде арестованным и отбывавшим наказание ставили соответствующий штамп в паспорте, что грозило высылкой из «коммунистического города высокой культуры», каким к тому времени был признан Ленинград. Ср. свидетельство современника: «Настоящим бичом явилась недавняя "паспортизация", во время которой происходили многочисленные высылки совграждан из крупных правительственных и промышленных центров. Эти высылки сопровождалась часто ужасными драмами. Принуждали уехать из города в десятидневный срок (иногда и скорее), часто происходили ошибки, путали фамилии, людей возвращали обратно и т.д. За бесценок продавались уцелевшие обстановки, бросалась "ценная" жилплощадь для того, чтобы выехать в неизвестность и на голод. Страх перед высылкой толкал людей на доносы и на всевозможные подлости. Самоубийства приняли прямо эпидемический характер. Даже советская власть обратила внимание на беспорядок и "подтянула" состав. Характерно, что в это тяжелое время театры, кино и прочие увеселительные заведения были переполнены» (Иогансон Л. Как «там» живут // Журнал Содружества. Viipurii/Выборг. 1933. №8. С.19).

¹⁵⁷ Владимир Семенович Чернецов (1907-1968) — художник-график, книжный иллюстратор. Знакомый П.М. Кондратьева.

¹⁵⁸ Яков Семенович Друскин (1902-1980) — философ, теолог, музыковед. Учился в университете на философском (окончил в 1923) и математическом (окончил в 1938) факультетах. В 1929 окончил консерваторию по классу фортепиано. Всю жизнь разрабатывал собственную «эзотериче-

скую» философию, создал ряд оригинальных произведений, часть из которых опубликована: «Чинари» и «Стадии понимания» (Wiener Slawistischer Almanach. 1985. Vol.15), в 1988 в Вашингтоне Г. Орловым была издана книга его теологических работ «Вблизи вестников». На протяжении всей жизни писал философский дневник «Перед принадлежностями чего-либо». Вместе с Липавским Друскин составлял «философское крыло» «Чинарей». В его квартире на Пионерской улице устраивались собрания «Чинарей». Сохранилась телефонограмма, посланная Липавским Хармсу 26 июня 1933 г. в 1½ дня: «Яшка приглашает сегодня всех. Ежели Олейников может, позвоните мне, чтобы захватить Заболоцкого, ежели нет, то решите о дне» (ГПБ. Ф.1232. Ед.хр.406). Глубокое понимание поэзии Введенского и Хармса позволило Друскину написать работу «Звезда бессмыслицы», на основании которой построена часть комментариев к собранию сочинений А.И. Введенского, а также множество заметок об отдельных стихотворениях Введенского и о личности и творчестве Хармса. В сентябре 1941 г. Я.С. Друскин вместе с М.В. Малич спас архив Хармса. См. о нем подробнее: Друскина Л. Было такое содружество... // Аврора. 1989. №6. С.100-102 (здесь же публикация «Чинарей» и текстов Введенского, Хармса, Олейникова и отрывки из «Разговоров» Липавского (С.103-131); Вишневецкий И. Я.С. Друскин // Равноденствие. 1989. №1 (май) (здесь же публикация фрагмента из «Разговоров вестников»); Сажин В. «Чинари» — литературное объединение 1920-1930-х годов // Четвертые Тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1988. С.23-24; Жаккар Ж.-Ф. Несколько слов о забытом философском направлении (в печати).

¹⁵⁹ Собака Хармса «Собачонка маленькая, большеухая, мохнатая, лохматая. Почти всегда она сидела в кресле» (А.И. Пантелеев).

¹⁶⁰ Речь идет о ленинградском отделении Всероссийского Союза советских писателей, куда Хармс ходил восстанавливаться после возвращения из ссылки.

Браун Николай Леопольдович (1902-1975) — поэт, переводчик, актер. Редактор «Красной газеты», «Звезды», «Литературного современника». Автор книг «Мир и мастер» (Л., 1926), «Новый круг» (Л., 1928), «Вылазка в будущее» (М.-Л., 1931) и др. Активный деятель ЛО ВССП.

Калнынь Ян Антонович (1902-1937) — прозаик, публицист. С 17 лет работал в органах ВЧК-ГПУ. Был главным редактором детского радиовещания в радиокомитете. Член ЛОКАФ. Автор книг «Звездный сбор» (Л., 1931), «Кипуны. По районам сплошной коллективизации» (М.-Л., 1931). Активный деятель ЛО ВССП. Арестован в 1937, расстрелян.

¹⁶¹ Сын В.И. Грицына от первого брака, которого Е.И. Грицына усыновила. В 1936 Хармс пишет Е.И. «поздравительное» письмо по случаю очередного дня рождения Кирилла:

Дорогая Лиза,
поздравляю Кирилла с днем его рождения, а также поздравляю его родителей, успешно выполняющих предписанный им натурой план воспитания человеческого отпрыска до двухлетнего возраста не уме-

ющего ходить, но затем со временем начинающего крушить все вокруг и, наконец, в достижении младшего дошкольного возраста, избивающего по голове украденным из отцовского письменного стола вольтметром, свою любящую мать, не успевшую увернуться от весьма ловко проведенного нападения своего не совсем еще дозревшего ребенка, замышляющего уже в своем недозрелом затылке, ухлопав родителей, направлять все свое преостроумнейшее внимание на убежденного сединами дедушку и тем самым доказывающего свое не по летам развернувшееся умственное развитие в честь которого, 28 февраля соберутся кое-какие поклонники сего поистине из ряда вон выходящего явления и в числе которых, к великому моему прискорбью, не смогу быть я, находясь в данное время в некотором напряжении, восторгаясь на берегах Финского залива присущим мне с детства умением, схватив стальное перо и окунув его в чернильницу, короткими и четкими фразами выражать свою глубокую и подчас даже некоторым образом весьма возвышенную мысль.

28 февраля 1936 года.

Даниил Хармс.

(ГПБ. Ф.1232. Ед.хр.397)

¹⁶² Александр Гаврилович Бармин (1900-1952) — прозаик. Учился в 1923-27 на литературном факультете Высших курсов ГИИСа. Автор книг: Изобретение Гемфри Поттера (М.-Л., 1931); Сокровища каменного пояса (Свердловск, 1933) и др. См. о нем подробнее: Житомирова Н. Александр Бармин. Л., 1956.

¹⁶³ «Дом Ученых» до сих пор находится на ул.Халтурина, 27, выходит другим фасадом на Дворцовую наб.

¹⁶⁴ Отношения Хармса и Евгения Львовича Шварца (1896-1958) занимали особое положение в иерархии литературных знакомств Хармса. В июле 1933 г., составляя списки «С кем я на ты» и «С кем я на ты», в последний Хармс вписал одну фамилию — Шварц. Хармс довольно отрицательно относился к драматургии Шварца. Последний, описывая постановку пьесы «Ундервуд» в Ленинградском ТЮЗе (премьера 21 сентября 1929 г.), отметил в дневнике: «Хармс довольно заметно с самого начала презирал пьесу» (Шварц Е. Живу беспокойно... С.231). Тем не менее, ср. запись от апреля 1927 г.: «Клад Шварца интересен бывает в тех местах, где кажется, что происходит сверхъестественное. Как замечательно, что это всегда так, когда в меру» (ЗК №25). Хармсу были интересны стихи Шварца, которые, к сожалению, мало известны. А.И. Пантелеев в своих воспоминаниях приводит по памяти строки из стихотворения Хармса, написанного во время поэтического чтения Шварца:

Я был у Шварца
Слышал его стихи!
Он их читал, стесняясь и краснея
О, эти штучки, их видел во сне я
И не считал за полную удачу...

(Пантелеев А.И. Даниил Хармс.

// Частное собрание, г.Ленинград). Ср. III, 120.

В качестве примера поэтического диалога можно сопоставить стихотворение Хармса «Летят по небу шарики» и стихотворение Шварца «Шарики», которые не только лексически, но и тематически очень близки друг другу, несмотря на разницу жанров — стихотворение Шварца написано для детей.

В конце 1931 г. Хармс предсказывает Шварцу «будущее»: «Шварц окончательно одурет 18 ноября 1931 года. Д.Хармс». Шварц записывает под этими словами: «Хармс гаварит чито я адурел кокае безарбазие такли это?». Этот диалог скрепляется подписью Олейникова: «Волхв» (запись напечатана Вл.Эрлем как фрагмент его публикации «Вокруг Хармса» // Транспонанс. 1984. №21. С.106-107).

О близости Шварца обэриутам свидетельствуют его дневники, где он, в частности, дает ценное определение поэтике Обэриу: «/.../ они не искали новой формы, они не могли писать иначе, чем пишут. Хармс говорил: хочу писать так, чтобы было чисто. У них было отвращение ко всему, что стало литературой» (Шварц Е. Живу беспокоино. С.508).

¹⁶⁵ Дмитрий Дмитриевич Михайлов (1892-1942?) — литературовед и писатель. В 1920-е работал завучем в средней школе на месте Реформатского училища. С 1920-21 посетитель «вторников и воскресений» А.А. Мейера. В конце 1928 арестован по «делу кружка "Воскресение"» («дело Мейера») (см.: Анциферов Н.П. Три главы из воспоминаний. Предисловие С. Примечания С.Еленина и Ю.Овчинникова // Память. Исторический сб. Вып.4. Париж, 1981. С.55-132. О Д.Д. Михайлове — С.113, 117). В 1930-е заведовал кафедрой иностранных языков ЛИИЖТа. Затем работал в ЛГУ на кафедре зарубежных литератур. По некоторым сведениям умер во время блокады. Михайлов был другом Липавского и Друскина, участвовал в «разговорах чинарей» (см.: Друскина Л.С. Было такое содружество... // Аврора. 1989. №6, С.100-131). Его краеведческие статьи для детей, написанные в духе книг Н.П. Анциферова, печатались в «Еже». См., например: «Старый Петербург и новый Ленинград» (Еж. 1935. №3. С.1-5), «Как рождаются города» (Еж. 1935. № 5. С.13-20). В архиве издательства «Молодая гвардия» сохранилась рецензия Н.П. Анциферова на невышедшую книгу Михайлова «Рассказы о городах» (ЦГАЛИ. Ф.1580. Оп.2. Ед.хр.15. Л.1-11. Сообщено А.И. Добкиным). Ср. также незаконченный отрывок:

Михайлов ходил по Летнему саду, неся под мышкой гамак. Он долго искал, куда бы гамак повесить. Но всюду толкались неприятные сторожа. Михайлов передумал и сел на скамеечку. На скамейке лежала забытая кем-то газета.

Лежала забытая кем-то газета.

Лежала забытая кем-то газета

Михайлов садился на эту газету

И думать поспешал.

И думать поспешал.

¹⁶⁶ Один из тех знакомых Хармса, кого он называл «естественными мыслителями». «Это была совершенно особая категория его знакомых, по большей части найденных случайно и где придется — в пивной, на ули-

це или в трамвае. Даниил Иванович с поразительной интуицией умел находить и выбирать нужных ему людей.

Их всех отличали высоко ценимые Хармсом черты — независимость мнений, способность к непредвзятым суждениям, свобода от косных традиций, некоторый алогизм в стиле мышления и, иногда, творческая сила, неожиданно пробужденная психической болезнью. Все это были люди с сумасшедшинкой; люди той же категории, из которой выходят самостоятельные художники примитивисты — нередко превосходные — или простонародные философы-мистики — нередко весьма примечательные. В ежедневном общении они обычно бывают трудны и далеко не всегда приятны. Даниил Иванович приводил их к себе и обходился с ними удивительно серьезно и деликатно.

Я думаю, что его привлекал, в первую очередь, их алогизм, или, вернее, особенная, чуть сдвинутая логика, в которой он чувствовал какое-то родство с тайной логикой искусства. Он рассказывал мне, что в двадцатых годах, в пору бури и натиска движения обзриутов, всерьез проектировал "Вечер естественных мыслителей" в Доме печати. Они бы там излагали свои теории.

Впрочем, в те годы, когда я близко знал Даниила Ивановича, его интерес к "естественным мыслителям" стал невелик. Должно быть, он уже взял от них то, что они могли ему дать. Новых "мыслителей" он уже не искал. Но кое-кто из прежних еще появлялся в его доме.

Я помню доктора Шапо, который, пожалуй, был скорее просто милым чудачком, чем "мыслителем"» (Петров В.Н. Д.Хармс). «Вечер естественных мыслителей» планировался Хармсом в марте 1930 г. (О «Елизавете Бам». С.193).

¹⁶⁷ Иосиф Миронович Бичунский — участковый врач.

¹⁶⁸ По свидетельству Е.И. Грицыной — соседка семьи Ювачевых, занимавшаяся разведением такс.

¹⁶⁹ Фридлянд Лев Семенович (1888-1960) врач-венеролог, автор нашумевшей книги «За закрытой дверью», выдержавшей пять изданий в 1927-28. Популяризатор медицины. Большинство его книг о медицине написано для детей. Был близок к литературным кругам Ленинграда (см.: Басалаев И. Записки для себя. Публ. Н.Крайневой и В.Сажина // Литературное обозрение. 1989. №8. С.108).

¹⁷⁰ Александр Владимирович Разумовский (1907-1980) — драматург и прозаик. Учился на Высших курсах искусствоведения при ГИИИ. Познакомился с Хармсом, видимо, при посредстве Бахтерева. Как известно, Разумовский был назначен ответственным за третий час вечера «Три левых часа», открывавший его «вечерним размышлением о кино». После чего был показан их совместный с Климентием Минцем «Фильм №1 "Мясорубка"», колажированный из обрубков кинолент, который «начинался зрелищем очень долго, в течение нескольких минут, идущего на зрителя поезда, импровизационно сопровождавшегося гаммами, которые Бахтерев играл на рояле» (Введенский. I, XXII). «Специальную музыкальную

иллюстрацию к фильму» исполнял Джаз Михаила Курбанова. Разумовский был автором кино-раздела декларации ОБЭРИУ. Затем отошел от «левого искусства». Одну из его книг для детей «Бибармейцы» (М.-Л., 1933) иллюстрировал П.М. Кондратьев (см. о нем прим.128).

В архиве Разумовского в ГПБ (Ф.1265) сохранились наброски писавшихся им в конце 1960-1970-х гг. воспоминаний об обэриутах. См. также: Бахтерев И., Разумовский А. О Николае Олейникове // День поэзии. Л., 1964. С.154-159.

¹⁷¹ Гриц Теодор Соломонович (1905-1959) — писатель, литературовед. Учился в Бакинском ун-те у А.В. Багрия. В 1927 переехал в Москву, был близок к «ЛЕФу». Исследователь творчества Хлебникова, что, видимо, послужило поводом для знакомства с Хармсом. Вместе с Н.И. Харджиевым подготовил том «Неизданных произведений» Хлебникова (М., 1940), автор неопубликованной статьи «Проза В.Хлебникова» (Частное собрание, г.Москва; сообщено А.Е. Парнисом). Среди других составители тома выразили Хармсу особую благодарность (см.: Хлебников В. Неизданные произведения. М., 1940. С.18, прим.1).

¹⁷² По мнению Е.И. Грицыной, одна из многочисленных знакомых Хармса.

¹⁷³ Леонид Савельевич Липавский (1904-1941) — писатель, философ, близкий друг Хармса. Начиная как поэт. Вместе с В.С. Алексеевым и А.И. Введенским посылал стихи А.Блоку. В 1922 (видимо, через Н.А. Оцупа) опубликовал свою «Диалогическую поэму» в третьем альманахе «Цеха поэтов», о которой рецензент «Жизни искусства» писал: «Диалогическая поэма Л.Липовского [sic!] претендует на глубокомысленность, предумышленно-затуманенную. Намеки на какие-то великие откровения, широкие захваты чего-то невесомого, невыясненного /.../ Полная неопределенность впечатления» (Поэт. Поэзия изломов (О творчестве «цеховых поэтов») // Жизнь искусства. 1921. №814. 25 окт. С.4). Вспоминая начало 1920-х в Петрограде, Николай Оцуп в своем обзоре «О поэзии и поэтах в СССР» писал: «Из поэтов, "вскормленных революцией", мы знаем Тихонова. Знали Нельдихена (куда исчез этот интереснейший Уот Уитмен в российском издании, автор "Моей биографии", которого Пяст считал гениальным, а Гумилев, любя, называл апостолом глупости). Знали Вагинова, тогда еще мальчика — декадента с остротой и своеобразием, если и не развившимися с тех пор, то все же, судя по нескольким недавним стихотворениям, и не утраченным. Знали Липавского, одну из "надежд", бесследно пропавших» (Числа. 1933. Кн.7-8. С.236-237). В 1926 Липавский закончил философский факультет университета. Выступал в дальнейшем в печати с историческими и научно-популярными книгами для детей под псевдонимом Л.Савельев. Однако, основное внимание Липавского было сосредоточено на его философских исследованиях, среди которых необходимо выделить лингвистический трактат «Теория слов» и «Исследование ужаса». В 1933-34 он записывал так называемые «Разговоры», представляющие собой беседы «чинарей»: Друскина, Хармса, Введенского, Михайлова, Олейникова, Заболоцкого (фрагменты были опубликованы: Ли-

павская Т. Встречи с Николаем Алексеевичем и его друзьями // Воспоминания о Н.Заболоцком. М., 1984. С.52-55; Друскина Л. Было такое содружество // Аврора. 1989. №6. С.124-130). Погиб Липавский в ноябре 1941 г.

¹⁷⁴ Клавдия Васильевна Пугачева — в то время актриса Ленинградского ТЮЗа. Письма Хармса к ней (сентября 1933 — февраля 1934) опубликованы И.Ф. Петровичевым (Русская мысль. 1985. 3 января. Лит. приложение №1) и В.Глоцером (Новый мир. 1987. №4. С.133-142).

¹⁷⁵ Ольга Николаевна Верховская (1906-1964) — ближайшая подруга и кузина М.В. Малич, в будущем второй жены Хармса. По свидетельству Е.И. Грицыной, именно она познакомила их в 1933. Была дружна с О.Н. Гильдебрандт-Арбениной и Ю.И. Юркуном. В 1950-е — начале 1960-х — жена поэта Владимира Эльснера (1886-1964). Покончила с собой вскоре после его смерти.

¹⁷⁶ Елизавета Ивановна Грицына — сестра Хармса.

¹⁷⁷ Образ дворника в поэзии Хармса претерпевает эволюцию от «волшебного дворника» в стихотворении 1931 «Андор» к inferнальному персонажу «Постоянства веселья и грязи» (1933). Наряду с «милиционером» и «сторожем», как отмечают комментаторы Собрания произведений, это «один из зловещих персонажей Хармсовского мира, шире — быта 30-х годов. Дворники издавна состояли в тесной связи с полицией и обычно присутствовали при обысках и арестах» (III, 167).

¹⁷⁸ Из перечисленных рассказов известен только «Новый талантливый писатель» (30 октября 1938 г.) (См.: Вопросы литературы. 1987. №8. С.266).

¹⁷⁹ Алексей Дмитриевич Сперанский (1888-1961) — медик-патолог, физиолог. Автор популярной в 1930-е гг. книги «Элементы построения теории медицины» (М.-Л., 1935). Близкий друг профессора И.И. Грекова (1867-1934), с которым дружили Е.Л. Шварц, С.Я. Маршак, Н.М. Олейников (см., например, стихотворение «На именини хирурга Грекова» // Олейников Н. Иронические стихи. Нью-Йорк. 1982. С.24). После разгрома «маршакской редакции» в 1937 «Маршак спасся бегством. Он перебрался в Москву. Профессор Сперанский, чтобы уберечь, спрятал его к себе в клинику» (Друскин Л. Спасенная книга. Воспоминания ленинградского поэта. London. 1984. С.65).

¹⁸⁰ Марина Владимировна Малич (Ювачева, Wyshes, p.1909). Некоторое время училась на Курсах сценического мастерства. С 1934 вторая жена Хармса, который придумал ей прозвище *Фефюля* и написал три песни про Фефюлю: «Заумная песенка», «Хорошая песенка про Фефюлю», «Если встретится Мерзавка...» (IV, 44-47). Тогда же он в качестве «упражнений в классических размерах» написал два послания к Марине. После ареста Хармса она переезжала от друзей к друзьям, пока, наконец, не остановилась у своей кузины О.Н. Верховской. После бомбежки дома на Надеждинской вместе с Я.С. Друскиным вынесла большую часть архи-

ва Хармса и передала его на хранение Друскину. Прожила в Ленинграде практически всю блокаду, эвакуировалась в 1942 с последним составом в Пятигорск. После захвата Кавказа немцами была депортирована в лагерь в Потсдам. Сохранилась фотография М.В. в лагерной форме со знаком OST на груди. После мая 1945 отправилась в Париж к матери, где вышла замуж за ее мужа и вместе с ним уехала в Венесуэлу. Долгое время переписывалась с М.Н. Ржевуской (см. прим.229).

¹⁸¹ Екатерина Павловна Султанова (урожд. Леткова, 1856-1937) — писательница, переводчица. Автор мемуаров о Тургеневе («К свету». СПб., 1904), Короленко (В.Г. Короленко. Жизнь и творчество. М., 1926), Достоевском («Звенья», Л., 1932), Г.Успенском («Звенья». Л., 1935); в литературном мире Петрограда 1920-30-х гг. воспринималась молодыми поэтами и писателями как осколок давно ушедшей эпохи.

¹⁸² Всероскомдрам — Всероссийское общество советских драматургов, композиторов, авторов кино и эстрады. Существовало в 1930-33. В 1933 по следам Постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» (Правда. 1932. 24 апреля) было преобразовано в Автономную секцию драматургов при ВССП.

¹⁸³ Катанян Рубен Павлович (1881-1969) — пом. прокурора РСФСР, зав. подотделом надзора за органами следствия и дознания ОГПУ, старший помощник прокурора Верховного Суда. В 1933-1937 — старший помощник прокурора СССР, зав. отделом по спецделам Прокуратуры СССР (см. подробнее: Т-ский Дм. Случай с Катаняном. Примечания М.Григорьева и Ю.Овчинникова // Память. Исторический сборник. Вып.3 М., 1978 — Париж, 1980. С.416-417). Нам неизвестно, с какой целью Хармс намеревался обратиться (или обращался) к Катаняну. Отметим, что причиной могла стать кассационная жалоба — в 1920-е Катанян был членом правления Всероссийского комитета помощи освобожденным заключенным.

¹⁸⁴ Тихон Васильевич Чурилин (1885-1946) — поэт, прозаик. Автор двух книг стихов: «Весна после смерти» (М., 1915), «Вторая книга стихов» (М., 1918) В «Альманахе муз» (Пб., 1916) опубликовал поэму «Кроткий катарсис». Был близок московским футуристам, дружил с С.М. Вермелем, участвовал в его альманахе «Московские мастера» (М., 1916). Его языковые поиски и особая ритмическая форма стихотворений оказали влияние на молодую М.И. Цветаеву, которая посвятила Т.В. четыре стихотворения в «Верстах»: «Не сегодня — завтра растает снег...», «Голуби реют серебряные...», «Еще и еще песни...», «Не ветром ветренным — до осени...» (см. также: Karlinsky S. Marina Cvetaeva. Her Life and Art. Berkeley & L.A. 1966. P.40). Особый интерес представляет его ритмическая проза с элементами зауми и словотворчества: «Из детства далечайшего» (М., 1916), «Конец Кикапу» (М., 1918), «Агатовый Ага» (М., 1922). В 1930-е отходит от экспериментаторства со словом и работает в жанре народной песни (см. его «песни»: Литературная газета. 1932. 29 марта; см. также невышедший сборник «Жар-птица» — ЦГАЛИ). Его романы «Тяпконтань. Российская комедия» и «Гражданин вселенной» остались неопубликован-

ными (ЦГАЛИ). См. также: Karlinsky S. Surrealism in Twentieth-Century Russian Poetry: Churilin, Zabolotskii, Poplavskii // Slavic Review. 1967. №4. Хармс приводит московский адрес Чурилина.

¹⁸⁵ Имеется в виду Ллойд Осборн (1868-1935), вместе с которым Стивенсон написал роман «The Wrecker» («Потерпевшие кораблекрушение») и повесть «The Ebb-Tide» («Отлив»). См.: Мир приключений. М., 1971. С.489-600. На русский язык переведен также роман Л.Осборна «Жена актера» (См.: Библиотека театра и искусства. 1910. Кн. IX-XII).

¹⁸⁶ Вероятно, этот замысел не осуществился.

¹⁸⁷ Хармс перечисляет следующие картины К.С. Малевича (в скобках мы указываем номер репродукции картины, если она есть по изданию: «Казимир Малевич: 1878-1935» [М.-Л. — Амстердам, 1988]: «Две мужские фигуры» (87), «Две головы» (см. фотографию на с.85), «Красный дом» (94), «Супрематизм», «Супрематизм. Женская фигура» (84), «Сложное предчувствие (Торс в желтой рубашке)» (85), «Черный квадрат» (67), «Пейзаж с пятью домами» (92), «Черный крест» (70), возможно, «Купальщицы» (17), «Крестьяне» (90), «Автопортрет» (101). Чистота, «которая пронизывает все искусства», — важнейшая категория для Хармса. Определяя основу своего творчества, он писал К.В. Пугачевой 16 октября 1933: «Когда я пишу стихи, то самым главным кажется мне не идея, не содержание и не форма, и не туманное понятие "качество", а нечто еще более туманное и непонятное рационалистическому уму, но понятное мне и, надеюсь, Вам, милая Клавдия Васильевна. Это — чистота порядка. Эта чистота одна и та же в солнце, траве, человеке и стихах. Истинное искусство стоит в ряду первой реальности, оно создает мир и является его первым отражением. Оно обязательно реально» (Хармс Д. Полет в небеса... С.483; ср. также цитировавшиеся слова Е.Л. Шварца).

¹⁸⁸ Ср. «математические» работы Хармса, определяемые им как «деятельность малограмотного ученого», например «Cisfinitum. Письмо к Леониду Савельевичу Липавскому. Падение ствола» (опубл. Г. Урманом: Neue Russische Literatur. Almanach 2-3. Salzburg, 1979/80. Ss.139-141).

¹⁸⁹ Тема «нелюбви к детям» пронизывает многие произведения Хармса: «Отец и мать родили сына...», «Сонет», «Я поднял пыль...», «Меня называют капуцином». Ср. в квази-биографическом рассказе «Я решил растрепать одну компанию...»: «О них говорят, что они [дети. — Публ.] невинны: А я считаю, что они, может быть и невинны, да только уж больно омерзительны, в особенности, когда пляшут. Я всегда ухожу оттуда, где есть дети» (Полет в небеса. С.450). Ср. в воспоминаниях Е.Л. Шварца: «Хармс терпеть не мог детей и гордился этим. Да это и шло ему. Определяло какую-то сторону его существа. Он, конечно, был последний в роде. Дальше потомство пошло бы совсем уж страшное. Вот отчего даже чужие дети пугали его» (Шварц Е. Живу спокойно... С.511).

¹⁹⁰ Этот отрывок в измененном виде вошел в «Я решил растрепать одну компанию...» (Полет в небеса. С.449-450).

¹⁹¹ См. опубликованные Г.Урманом работы Хармса «Нуль и ноль» (1931) и «О круге» (1931): Neue Russische Literatur. Almanach 2-3. Salzburg, 1979/80. Ss.141-142. Ср.: «5) Символ нуля — 0. А символ ноля О. Иными словами будем считать символом ноля круг /.../ 8) Постарайтесь увидеть в поле весь числовой круг. Я уверен, что это со временем удастся. И потому пусть символом ноля останется круг О.» («Нуль и ноль»). Ср. в стихотворении «О водяных кругах»: «Ноль плавал по воде. / Мы говорили: это круг / должно быть, кто-то бросил в воду камень. /.../ Бросайте, дети, в воду камни. / Рождает камень круг, / а круг рождает мысль. / А мысль, вызванная кругом, / зовет из мрака к свету ноль» (19 сентября 1933) (IV, 9).

¹⁹² См., например: Библиотека великих писателей под ред. С.А. Венгерова. Байрон. Т.III. СПб., 1905. С.125.

¹⁹³ См. комментарии М.Мейлаха и Вл.Эрля к «Гвидону» (II).

¹⁹⁴ Роман Л.Фейхтвангера (1925).

¹⁹⁵ Радиопередача о похоронах С.М. Кирова — одно из немногих проникновений реальности в записи открытым текстом.

¹⁹⁶ Комедия А.Мачерета (1934), в главной роли снялся Борис Ливанов. Отклики см.: Советское кино. 1934. №1/2, 3/4; Литературная газета. 1934. 6 февраля; 1935. 15 июня; Искусство кино. 1938. №10 и др.

¹⁹⁷ Ср. с рассказом Хармса «Цирк» (ГПБ. Ф.1232. №328).

¹⁹⁸ Приводим здесь другие молитвы Хармса.

(1)

Молитва перед сном
28 марта 1931 года в 7 часов вечера
Господи, среди бела дня
Накатила на меня лень.
Разреши мне лечь и заснуть Господи,
И пока я сплю накачай меня Господи
Силою твоей.
Многое знать хочу,
Но не книги и не люди скажут мне это.
Только ты просвети меня Господи
Путем стихов моих.
Разбуди меня сильного к битве со смыслами,
быстрого к управлению слов
и прилежного к восхвалению имени Бога
во веки веков

(2)

Господи пробуди в душе моей пламень Твой.
Освети меня Господи солнцем Твоим.
Золотистый песок разбросай у ног моих,

чтобы чистым путем шел я к Дому Твоему.
Награди меня Господи словом Твоим,
чтобы гремело оно, восхваляя Черты Твои.
Поверни Господи колею живота моего,
чтобы двинулся паровоз могущества моего
Отпусти Господи тормоза вдохновения моего.
Успокой меня Господи
и напои сердце мое источников дивных слов

Твоих

Марсово Поле
13 мая 1935 года
Даниил Шардам.

¹⁹⁹ В апреле 1926 г. Хармс и Введенский (равно как и Туфанов) обращаются с письмом к Б.Л. Пастернаку, поводом для которого послужило создание в Москве кооперативного издательства «Узел» (С.Я. Парнок, М.А. Зенкевич, А.И. Ромм, А.М. Эфрос, В.А. Звягинцева, П.Г. Антокольский, Б.К. Лившиц, А.В. Чичерин, Б.Л. Пастернак):

Уважаемый Борис Леонидович,
мы слышали от М.А. Кузмина о существовании в Москве издательства «Узел».

Мы оба являемся единственными левыми поэтами Петрограда, причем не имеем возможности здесь печататься.

Прилагаем к письму стихи, как образцы нашего творчества, и просим Вас сообщить нам о возможности напечатания наших вещей в альманахе «Узла» или же отдельной книжкой. В последнем случае мы можем выслать дополнительный материал (стихи и проза).

Даниил Хармс
Александр Введенский
3 апр. 1926.
Петербург

(ИМЛИ. Ф.120. Оп.1. Ед.хр.33;
впервые опубликовано: Введенский. II, 227).

Письмо, видимо, осталось без ответа, однако сам факт этого обращения весьма показателен. «После выхода "Сестры моей жизни" и смерти Хлебникова, — пишет Л.С. Флейшман, — именно Пастернак объявляется преемником эстафеты поэтического экспериментирования; позднее к нему присоединяют Мандельштама и прокламируется [см.: Эйхенбаум Б. Конспект речи о Мандельштаме // Эйхенбаум Б. О литературе. М., 1987. С.447. — Публ.] смена периода "эксперимента в области метра и ритма" периодом "новаторства семантического и синтаксического" /.../ В противовес туфановскому курсу на "фонетическую" заумь, обэриуты пошли к смысловому высказыванию, сталкивающему смыслы внутри синтаксических единиц и в плане монтажа текста» (Флейшман Л. Маргиналии к истории русского авангарда (Олейников, обэриуты) // Олейников Н. Стихотворения. Время, 1975. С.3-4, 6). При стойком внимании Хармса и Введенского к творчеству Крученых они не могли пропустить статьи Пас-

тернака «Крученных» (в сб. «Жив Крученных». М., 1925) и «Взамен предисловия» (в кн. А. Крученных «Календарь». М., 1926), обнаружившие «теоретический интерес Пастернака к зауми /.../ приведший его — вслед за Крученных — к признанию зауми неотъемлемой частью литературного творчества» (Флейшман Л. С.7). В конце 1926 — начале 1927 Хармс переписывает в записную книжку 1-ю «Метель» («В посаде, куда ни одна нога...») (ЗК №8).

Восстанавливая контекст письма Пастернаку, нельзя не обратить внимания на то, что Хармса и Введенского с Пастернаком «связывает» М.А. Кузмин. Несмотря на различие творческих взглядов — характерна в этом смысле запись Хармса во время чтения Введенским своих стихотворений в январе 1927 г. дома у Кузмина и Ю.И. Юркуна: «Странно, что со мной делается. По-моему Кузмин и Юркун ничего не понимают. Их похвала Введенс[кому]» (ЗК №8), — Хармс и Введенский в середине 1920-х завсегда таи в доме Кузмина (сопоставлению творчества обэриутов и Кузмина посвящена работа: Cheron George. Mixail Kuzmin ant the Oberiuty: an Overview // Wiener Slawistischer Almanach. 1983. Bd.12. Pp.87-101). Кузмин сообщил обэриутам об основании издательства «Узел» и посоветовал обратиться к Пастернаку, возможно, после получения в подарок от него книги «Избранные стихи», вышедшей в «Узле» в марте 1926 и надписанной Пастернаком Кузмину (хранится в собрании А.Д. Левинсона, г. Ленинград; инскрипт опубликован дважды: Cheron G.V. Pasternak and M.Kuzmin (An Inscription) // Wiener Slawistischer Almanach. 1980. Bd.5. Pp.67-69; здесь же воспроизведен факсимильно с фотокопии; Письмо Б.Пастернака Ю.Юркуну. Публ. Н.Богомолова // Вопросы литературы. 1981. №7. С.227). Можно предположить, что Кузмин охарактеризовал Хармсу и Введенскому Пастернака как «левого» поэта, в стихах которого «отдана обильная дань формальному модничанью» («Говорящие» // Кузмин М. Условности. Статьи об искусстве. Пг., 1923. С.159). Изменение литературного положения Пастернака в начале 1930-х и его известность уже совсем иного рода воспринимаются Хармсом как явление массовой культуры, как одно из проявлений деятельности его врагов из Союза Писателей. Не желая прощать Пастернаку «измены» левому искусству, сразу же после I-го Съезда советских писателей Хармс пишет анекдот о Пастернаке:

ЭКСПРОМТ

Как известно у полупоэта Бориса Пастернака была собака по имени Балаган. И вот однажды, купаясь в озере, Борис Пастернак сказал столпившемуся на берегу народу:

— Вон смотрите, под осиной
Роез землю Балаган!

С тех пор этот экспромт известного полупоэта сделался поговоркой.

Даниил Хармс.

(ЦГАЛИ. Ф.2982. Оп.1. Ед.хр.38. Л.12)

²⁰⁰ Владимир Васильевич Лебедев (1891-1967) — живописец, график. Работал в плакатном отделе ПетроРОСТА (1920-22). Был художественным редактором Детского сектора ГИЗа (1922-33). См. о нем: Петров В. В. Лебедев. Л., 1972; Шварц Е. Живу беспокойно... Л., 1990.

²⁰¹ Николай Павлович Акимов (1901-1968) — художник театра и кино, график. С 1935 — художник Ленинградского театра комедии. См. о нем: Эткинд М.Г. Н.П. Акимов — художник. Л., 1960.

²⁰² Ср. миниатюру Хармса, написанную для А.И. Шварца:

Метро

В Москве построили метро. Вот что сказал по этому поводу известный писатель Н.Н. Никитин:

— Садись и поезжай! —

Даниил Хармс

(ЦГАЛИ. Ф.2982. Оп.1. Ед.хр.38. Л.10).

²⁰³ Ср. с рассказом Хармса «Новая Анатомия» (1935):

У одной маленькой девочки на носу выросли две голубые ленты. Случай особенно редкий ибо на одной ленте было написано «Марс», а на другой — «Юпитер».

(ГПБ. Ф.1232. Ед.хр.226. Л.15).

²⁰⁴ Описки, правильно: Перец. Ицхок Лейбуш Перец (1851-1915) — классик еврейской литературы. В русском переводе вышли его «Рассказы и сказки» (СПб., 1909) и «Собрание сочинений» в 4-х томах (М., 1911-14). Вряд ли в этом контексте имеется в виду Лео Перуц (1884-1957).

²⁰⁵ Любопытно, что Хармс называет не одного из авторов книги «Удивительные путешествия на суше и на море, военные походы и веселые приключения барона фон Мюнхгаузена, о которых он обычно рассказывает в кругу друзей» — Рудольфа Эриха Распе или Готфрида-Августа Бюргера, а их вымышленного героя в ряду классиков литературы.

²⁰⁶ Данная заметка по предположению Вл.Эрля предназначалась для задуманного Хармсом журнала «Тапир» (см.: Даниил Хармс в трех неосуществленных изданиях // Транспонанс. 1985. №28; републиковано А.А. Кобринским // Литератор. 1990. №13. С.7). Эрль пишет в примечании к публикации: «Одновременно с *Проспектом* (первоначальное название: *Передовица*) Хармсом для журнала "Тапир" были написаны "Статья" (на том же листе) [«Прав был император Александр Вильбердат...» — опубликована А.А. Кобринским в указанной подборке. — *Публ.*], заметка без заглавия "Хотим предложить разделить все произведения искусства на два лагеря...", неоконченная заметка эпиграмматического характера "О наших гостях" [опубликована впервые А.Г. Герасимовой: Даниил Хармс. "Знак при помощи глаза" // Памир. 1988. №2. С.147. — *Публ.*] и ее предварительный набросок "Возражение Тапира...". Мы печатаем этот текст по машинописи, любезно предоставленной Вл.Эрлем:

Возражение Тапира посетителям музыкальных копунов на то что:

Е.Э.С. — перепивается и спит либо, если не заснет, то всех перепивает и никому не дает досказать свою мысль.

Я.С.Д. — перепивается и ведет себя шумно, нахально и неприлично.

О.Н.В. — Говорит об искусствах с подозрительным восторгом

по* фальшивой и заезженной, так называемой «культурной» дорожке.

В.Э.Г. — С племянницы чулки тянет.

М.В.М.(Х.) — Ханжа.

* мысли и вкусы высказывает расположенные на.

Действующие лица: Евгений Эдуардович Сно — революционер, общественный деятель, Хармс относил его в категорию «естественных мыслителей», но часто бывал у него в гостях и любил слушать, как Сно играет на цитре; Яков Семенович Друскин, Ольга Николаевна Верховская, Валентина Ефимовна Гольдина, Марина Владимировна Малич (Хармс). Тапир был «изображен Хармсом в правом нижнем поле герба Ордена равенесия с небольшой погрешностью (ок. 1940). Ср. также знаменитые строки Введенского: "Как жуир спешит тапир // на земли последний пир". ("Мир")». (Транспонанс. 1985.№28).

²⁰⁷ О «тюремных» мотивах в творчестве Хармса см.: Устинов А. Дело детского сектора Госиздата 1932 г. // М.А. Кузмин и русская культура XX в. Тезисы конференции. Л., 1990.

²⁰⁸ Ср. написанное в это время стихотворение:

Погибли мы в житейском поле.

Нет никакой надежды боле.

О счастья кончилась мечта.

Осталась только нищета.

3 апр[еля] 1937 года. (IV, 95)

²⁰⁹ К Буддийской пагоде направляется и герой «Старухи». Ср. в воспоминаниях А.И. Пантелеева: «Д.И. ездил (и звал меня) в буддийский храм, что и до сих пор стоит в Новой деревне, тускло поблескивая золоченой крышей. В те годы он был открыт, там жили несколько (буддийских) монахов /.../ Вспоминается, как очень давно, в начале, вероятно, 30-х годов или в 1931 — Д.И. водил меня к своему приятелю Калашникову. Кто был этот Калашников — не знаю. Это был русский интеллигент, пожилой, как нам казалось (лет за 40, вероятно) /.../ В комнате же у него горели многоцветные лампы, под статуэткой Будды стояла фисгармония и Калашников на ней играл /.../ Очень скоро Калашникова арестовали». И.С. Калашников проходил по Делу 1932 г., хотя не имел никакого отношения к детской литературе (ср. также его упоминание Хармсом среди друзей в письме Т.А. Липавской от 5 декабря 1930 г.).

²¹⁰ «Николай Радлов. Рассказы в картинках. Л., 1937. Составители Н.Гернет и Р.Жуковская. Текст: Д.Хармс, Н.Гернет и Н.Дилакторская». В качестве рассказа «нарисовано» стихотворение «Как Володя на салазках быстро под гору летел». Во 2-м изд. (Л., 1940) авторы текста, поскольку Н.И. Дилакторская была в лагерях, не указаны. Хармсом написаны тексты «Добрая утка», «Упрямые козлы», «Умная рыба», «Если я не упаду», «Где же дети?», «Не качались бы в пруду, / не попали бы в беду». Два текста — «Где клубок?» и «Как кошка сама себя стукнула» — были написаны совместно с Н.В. Гернет.

В минуту по два, по три раза
он сводит судорогой мое сознание.
Я ничего тепер не делаю
и только мучаюсь душой.

Вот грянул дождь,
остановилось время,
часы беспомощно стучат.
Расти трава, тебе не надо время.
Дух Божий говори, Тебе не надо слов.

Цветок папируса, твое спокойствие прекрасно.
И я хочу спокойным быть, но всё напрасно.

12 августа 1937 года

Детское Село (IV, 56)

²¹⁹ Ср. стихотворение «Я долго смотрел на зеленые деревья...» (IV, 312)

²²⁰ В каноническом тексте: «Не *навсегда* забыт будет нищий, и надежда бедных не до конца погибнет».

²²¹ Этим же днем датировано стихотворение:

Так начинается голод:
с утра просыпаешься бодрым,
потом начинается слабость,
потом начинается скука;

потом наступает потеря
быстрого разума силы, —
потом наступает спокойствие.

А потом начинается ужас. (IV, 58).

²²² В 1929 Хармс записал в книжке: «SOS. SOS. SOS. Я более позорной публики не знаю, чем Союз Писателей. Вот кого я действительно не выношу». (ЗК №16). Ненависть Хармса к официальной литературе находит свое отражение в его произведениях. См. «Месть», где Фауст издевается над писателями (II, 56, 63-64), ироническое стихотворение «Фадеев, Калдеев и Пепермалдеев» (II, 75), в апреле 1933 Хармс пишет двестише:

Нет уважения ко мне писателей

Нет между ними подлинных искателей. III, 130).

Своего апогея писательская тема достигает в серии анекдотов, написанных Хармсом вслед за I-м съездом советских писателей:

Как известно, у Безыменского очень тупое рыло.

Вот однажды Безыменский стукнулся своим рылом о табурет.

После этого рыло поэта Безыменского пришло в полную негодность.

[30? августа 1934]

(Опубликован впервые Вл.Эрлем:
Даниил Хармс. Из неопубликованного.
// Митин журнал. 1985. №1. С.244).

Ольга Форш подошла к Алексею Толстому и что-то сделала. Алексей Толстой тоже что-то сделал.

Тут Константин Федин и Валентин Стенич выскочили на двор и принялись разыскивать подходящий камень. Камня они не нашли, но нашли лопату. Этой лопатой Константин Федин съездил Ольгу Форш по морде.

Тогда Алексей Толстой разделся голым и, выйдя на Фонтанку, стал ржать по-лошадиному. Все говорили: «Вот ржет крупный современный писатель». И никто Алексея Толстого не тронул.

(опубликован впервые И.Левиным
// Soviet Union/Union Soviétique.
1980. Vol.7 Pp.1-2).

Кажется уместным воспроизвести выписки из протоколов заседаний Ленинградского отделения Литфонда (ЦГАЛИ г.Ленинграда. Ф.372. Оп.1. Д.1), свидетельствующие о бедственном положении Хармса (предоставлены нам Вл.Эрлем):

«[от 22 мая 1937 г.] П.6. О просроченных ссудах. /.../ Предложить Д.И. Хармсу внести долг в течение 5 дней» (л.146).

«[от 9 июня 1937 г.] Слушали: Заявление Д.И. Хармса об отсрочке по ссуде до 30 июня 1937 г. Постановили: Удовлетворить» (л.150).

«[от 13 августа 1937 г.] Передать долг Д.И. Хармса в 175 руб. юрисконсульту для взыскания» (л.170).

«[от 1 ноября 1937 г.] Слушали: Заявление Д.И. Хармса о выдаче 400 руб. сроком на шесть месяцев для покрытия долга Ленгосэстрады. Постановили: Отказать за отсутствием средств и ввиду непогашения старой ссуды» (л.223).

²²³ Хармс выписывает в тетрадь для стихотворений «DANIEL SHAR-DAM» стихи Л.Кэрлла из «Alice's Adventures in Wonderland»: «1. How doth the little crocodile; 2. Father William; 3. Speak roughly to your little boy; 4. Twinkle, twinkle little bat; 5. Will you walk a little faster» (ГПБ. Ф.1232. Ед. хр.77) и пытается перевести четвертое стихотворение:

Зачем ты блистаешь
Летучая мышь
Зачем ты блистаешь
в вечернюю тишь
Зачем ты летаешь
как круглый поднос
Зачем ты сверкаешь... (II, 136)

Ср. также строчку: «выбежит заяц и над озером пролетит поднос» в черновиках стихотворения «Короткая молния пролетела над кучей снега» (III, 214-215).

²²⁴ Имя Г.Мейринка появляется на страницах записной книжки Хармса в ноябре 1926 г.: «Густав Мейринк (австриец) родился в Вене в 1868 г. Впервые выступил в печати в 1902 году. *Голем 1915 г.* Я — Атанасиус Пернат. Ляпондер с лицом Будды. Гнига "Ibbur" — чреватость души. Архивариус Шейлийн Гиллель. Игральные карты — Пагад. 78 штук. На-

стоящий двойник — дыхание костей...» (ЗК №8). Хармс называет Густава Мейринка и Козьму Пруткува среди главных и почетных покойников — сотрудников своего журнала «Тапир» (см. прим.206). Вероятно, в это же время Хармс пишет рассказ под тем же названием, что и знаменитый роман Мейринка.

Der Golem

Von Gustav Meyrink

Камень как кусок сала.

Атанасиус идет по руслу высохшей реки и собирает гладкие камушки.

Атанасиус — резчик по камням.

Golem — оживший автомат.

Голем живет в комнате, не имеющей входа.

Кто хочет заглянуть в окно этой комнаты, сорвется с веревки.

Мозг Атанасиуса — запертая комната.

Если бы он хотел заглянуть в свою память, он сошел бы с ума.

(ГПБ. Ф.1232. Ед.хр.282).

В связи с этим любопытно и письмо Хармса к А.И. Порет:

Алиса Ивановна,

извините, что обращаюсь к Вам, но я проделал все чтобы избежать этого, а именно в течение года почти ежедневно обходил многих букинистов [но совершенно безрезультатно]. Отсюда вы сами поймете как мне необходима книга Meyrink «Der Golem» которую я когда-то дал Вашему брату.

Если эта книга еще цела, то очень прошу Вас найти способ передать ее мне. Предлагаю сделать это при помощи почты. Еще раз извините обстоятельства, которые заставили меня обратиться к Вам.

Мой адрес:

ул. Маяковского 11 кв.8.

Даниил Иванович

Хармс

(ГПБ. Ф.1232. Ед.хр.394)

²²⁵ Ср. написанное приблизительно в это же время стихотворение:

Как страшно тают наши силы,
как страшно тают наши силы,
но Боже слышит наши просьбы,
но Боже слышит наши просьбы,
и вдруг нисходит Боже,
и вдруг нисходит Боже к нам.

Как страшно тают наши силы,
как страшно!
как страшно!
как страшно тают наши силы,
но Боже слышит наши просьбы,
но Боже слышит наши просьбы,
и вдруг нисходит Боже,
и вдруг нисходит Боже к нам.

(IV, 60)

²²⁷ Ср. в романе «Бесы» Ф.М. Достоевского фразу Кириллова: «— Нет, я сам угадал: Ставрогин если верует, то не верует, что не верует. Если же не верует, но не верует, что он не верует». (Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 10 тт. Т.7. М., 1957. С.640). Ср. также в повести «Старуха» (Полет в небеса. С.415).

²²⁸ Ср. в воспоминаниях А.И. Пантелеева: «В какого Бога вы верите? — спросил он меня однажды. — В такого, как на голубом небе под куполом — с бородой, старенького?

— Нет, не в такого.

— А я — в такого. Именно в такого. Седого, доброго, бородатого (старичка)

/.../ Кажется, я не записал самое главное, что меня притягивало к Даниилу Ивановичу. Его православная религиозность /.../ Мы с ним обменялись молитвенниками. Молитвословами. Видел его молящимся на коленях, на паперти Вознесенской церкви. Читал его стихи "Молитва на сон грядущий"».

²²⁹ Марина Николаевна Ржевуская (1915-1982) — близкая подруга М.В. Малич. Училась на рабфаке университета, в 1939 закончила Кораблестроительный институт. После войны стала женой В.Н. Петрова. Переписывалась с М.В. Малич до конца 1970-х гг.

²³⁰ Псевдоним Хармса. Так же озаглавлена тетрадь марта 1937 — февраля 1938 гг. со стихами, рассказами, сценками и исследованиями Хармса.

²³¹ Эти часы висели на гвоздике на стене в комнате Хармса «с приклеенной под ними надписью: "Эти часы имеют особое сверхлогическое значение"» (В.Н. Петров).

²³² Новый зав. Детгиздатом, сменил на этом посту Л.Б. Желдина. Прежде — зав. Ленпищепромиздатом.

²³³ Пляж на Песчаной косе.

²³⁴ О.Н. Верховская (см. прим.175).

²³⁵ Ср. в «Трактате более или менее по конспекту Эмерсона» от 14 февраля 1939 г.:

4. О приближении к бессмертию.

Всякому человеку свойственно стремиться к наслаждению, которое есть всегда либо половое удовлетворение, либо насыщение, либо приобретение. Но только то, что не лежит на пути к наслаждению, ведет к бессмертию. Все системы, ведущие к бессмертию, в конце концов сводятся к одному правилу: *постоянно делай то, чего тебе не хочется*, потому что всякому человеку постоянно хочется либо есть, либо удовлетворять свои половые чувства, либо что-то приобретать, либо все более или менее зараз. Интересно, что бессмертие всегда свя-

зано со смертью и трактуется разными религиозными системами либо как вечное наслаждение, либо как вечное страдание, либо как вечное отсутствие наслаждения и страдания.

5. О бессмертии.

Прав тот, кому Бог подарил жизнь как совершенный подарок.

(Опубликован Ж.-Ф. Жаккаротом:
Cahiers du Monde Russe et Soviétique. С.312).

²³⁶ Варвара Сергеевна Колюбакина — бабушка Хармса.

²³⁷ Юрий Сергеевич Фирганг — московский знакомый Хармса, в книге записан и его адрес.

²³⁸ 14 августа 1940 г. В эти же дни Хармс пишет серию миниатюр, передающих «непривлекательную действительность». К среде 14 августа относятся две из них:

Один человек гнался за другим, тогда как тот, который убежал, в свою очередь, гнался за третьим, который, не чувствуя за собой погони, просто шел быстрым шагом по мостовой.

***

Перечин сел на кнопку, и с этого момента его жизнь резко переменялась. Из задумчивого, тихого человека Перечин стал форменным негодяем. Он отпустил себе усы и в дальнейшем подстригал их чрезвычайно неаккуратно, таким образом, один его ус был всегда длиннее другого. Да и росли у него усы как-то косо. Смотреть на Перечина стало невозможно. К тому же он еще отвратительно подмигивал глазом и дергал щекой. Некоторое время Перечин ограничивался мелкими подлостями: сплетничал, доносил, обсчитывал трамвайных кондукторов, платя им за проезд самой мелкой медной монетой и всякий раз недодавая двух, а то и трех копеек.

14 авг.40.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Абрамов Я.В. 350
Абрамович Н.Я. 347
бл. Августин 215, 221, 224
Авенар Э. 188, 189, 198
Авербах Л.Л. 457
Аверьянова Л.И. 517-520
Авраамов А. 521
Агеев, свящ. 313
Агнивцев Н.Я. 514
Адлерберг, граф 92
Адрианов А.В. 62, 112
Айхенвальд Ю.И. 252, 283, 286, 347
Акимов Н.П. 489, 576
Аксакова Т.А. 6
Александр I, имп. 174
Александр II, имп. 104, 158, 348, 358
Александр III, имп. 27, 39, 46, 124, 127, 155
Александр Невский, кн. 204
Александра Федоровна, имп. 165, 179, 378
Александров А.А. 427, 538
Алексеев В.С. 295-297, 318, 322-331, 431, 517, 561, 569
Алексеева А.С. 292, 296, 518
Алексеева (ур. Голдобина) Е.М. 188, 301-303, 305, 315, 329
Алексеева М.С. 314, 320, 321, 327, 331
Алексеева Н.А. 300-302, 320, 321
Алексей, царевич 168, 378
о.Алексей (Мечев) 203
Аллой В. 249-291
Алтухов В.М. 153, 154
Алтухов М.И. 154, 159
Алтухова (ур. Лосская) В.О. 148, 153, 159
Алтухова Л.Л. 159
Алтуховы, семья 126, 153
Алферова А.С. 351
Альберт, король Бельгии 137
Альтшуллер, врач 64, 65
Алягров Р. 516
Амосов (*Архангельский) А.А. 349
Андерсон О. 129
Андреев, зав. изд. 506
Андреев Л.Н. 339, 354
Андреева В.П. 169
Андреева С.И. 509
Андреевский И.М. 330, 331
Андроников И.Л. 401, 402, 463, 558
Анненков П.В. 56, 109, 110
Анненский И.Ф. 324, 325
Анненский Н.Ф. 47, 51, 55, 56, 106
Ансельм Кентерберрийский 227
Антокольский П.Г. 574
Антоний, архиеп. 279, 280, 291
Антоний Великий 216
Антоний Оптинский 204
Антонов М.Т. 71, 78
Анциферов Н.П. 111, 557, 567
Апельрот В. 516
Апухтин А.Н. 399, 401
Арагон Л. 515
Арапов П. 207
Аргиропуло П. 103
Арго, сатирик 394
Арениус С. 132

* Курсивом выделены номера страниц, где соответствующее лицо выступает как автор или публикатор. Звездочкой (*) отмечены псевдонимы или криптонимы.

- Аренков К.М. 488
 Аристотель 436, 516, 528
 Аркавина В. 6
 Арнольд Трешинский 229
 Арсеньев К.К. 207, 274, 288
 Арцыбашев Н.П. 350
 Асеев Н.И. 434, 438, 443, 521, 522, 530, 555
 *Аскольдов (Алексеев) С.А. 188, 196, 198, 292-296, 297-331, 517, 518
 Астапова Т.Н. 352
 Астырев Н.М. 23, 31, 43, 99, 101
 Афанасьев А.Н. 430, 516
 Афанасьева А. 162, 168, 176, 187
 Афанасьева Н.К. 162
 Афанасьев-Соловьев И.И. 513, 520, 521, 534
 *Ахматова (Горенко) А.А. 319, 321, 358, 408, 423-425, 434, 518, 520, 543
 Аш Ш. 289

 Бабель И.Э. 374
 Бабенышев (*Максудов) А. 5
 Бабина Б.А. 6
 Багиров М.Д.А. 486
 Багрия А.В. 569
 Баженов В.И. 196
 Байрон Д.Н.Г. 479, 573
 Бакунин А.А. 80, 115
 Бакунин М.А. 9, 70, 80, 113, 115
 Бакунин П.А. 79, 80, 113
 Бакунина (ур. Корсакова) Н.С. 79, 80, 115
 Бакунины, семья 79, 80
 Балмашев С.В. 117
 Бальзак О. де 314, 386, 387, 396, 493
 Бальмонт К.Д. 511, 512
 Бальнис Е.П. 439
 Баратынский Е.А. 493
 Барбье О. 385
 Барбюс А. 559
 Бард, врач 430
 Бармин А.Г. 471, 566
 Баррэт У. 430

 Барт Е.Д. 458
 Бартенева В.В. 42, 104
 Баршев Н.В. 519
 Басалаев И. 568
 Басаргин А. 277, 290
 Басаргин Н.В. 116
 Баскаков Н.П. 539
 Батурина А. 555
 Баумгартен Ф. 430
 Бах И.С. 475, 476, 492, 493, 552
 Бахрах А.В. 354, 357
 Бахтерев И.В. 442, 444, 462, 509, 511, 513, 525, 530, 536-538, 541-543, 547, 548, 551, 557, 560, 563, 568, 569
 Бахтин М.М. 557
 Бацер Д.М. (*Прудович П., Мее-ров Я.) 6
 Башилов А.А. 425, 468, 563
 Безкаравайный, советник 63
 Безобразов Д.В. 18, 19, 54
 Безродный М.В. 509
 Безыменский А.И. 579
 Бейлис М.М.В. 112
 Белевская, графиня 207
 Белинский В.Г. 288
 Белоголовый В.А. 35, 68, 69
 Белоголовый Н.А. 35, 101
 Белозерова А.А. 35, 129, 175, 182
 Белоусов В.В. 403, 404
 Белоусов В.Г. 377
 Белоусова Н.А. 383, 402
 Бельский В.И. 313, 323
 *Белый А. (Бугаев Б.Н.) 171, 197, 275, 285, 286, 290, 314, 315, 319, 321, 324, 434, 440, 493, 522, 532
 Белых Г.Г. 459, 554
 Бёме Я. 510
 Беневский, генерал 53
 Бенедикт Аньянский 228
 Бенедикт Нурсийский 219, 222
 Бенуа А.Н. 195
 Берберова Н.Н. 191, 520
 Берг А. 335
 Бергсон А. 430, 516
 Бердяев Н.А. 197, 205-208, 249-252, 259, 260, 262, 265, 269, 279-

- 281, 282-284, 286, 288-291, 294
Бердяева Л.Ю. 280, 281, 291
Бердяевы, семья 190, 201, 202
Березин М. 520, 521
Беренс П. 127
Беренштам В.В. 316, 317
Беренштам М.В. 316, 317
Берзинь А.А. 370, 376
Бернард Клервосский 228
Бернштейн А. 430
Бернштейн М.Д. 555
Бетховен Л. ван 185, 555
Бехтерев В.М. 430, 516
Бианки В.В. 468, 471
Биккерман И.М. 274, 290
Биневич Е. 543
Бирбаум О. 385
Бичунский И.М. 474, 568
Блайтон Э. 552
Блок А.А. 169, 186, 297, 318, 321,
324, 350, 397, 401, 424, 434, 493,
514, 518, 569
Блох И. 430, 434, 516
Блюм А. 537
Блюмбаум А.Б. 540
Блюмкин Я.Г. 377
Бобров С.П. 523
Богаевский Г.Л. 440, 441, 534
Богданович В. 151, 169, 174, 175
Богенгардты, семья 357
Боголюбская А.С. 101
Боголюбский Н.С. 36, 101
Богомолов Н.А. 575
Богомягков Н.И. (*Сибиряков.
Н.С.) 5
Бодлер Ш. 347, 385
Болдырев, генерал 380
Болдырев В.К. 126
Болдырев Д.В. 126, 148
Бологовские, род 10
Бомарше П.О. 398
Бондаренко В. 560
Бонифаций 222
Бонифаций VIII 226
Бонч-Томашевский М.М. 433, 521
Борисоглебский М.В. 518, 519
Бородин А.П. 442
Бородина З. 535
Боткин С.П. 101
Брайцева О.И. 192
Брамс И. 487
Браудо И.А. 463, 468, 558
Браун А.Л. 518
Браун Н.Л. 470, 518, 519, 565
Браунинг Р. 493
Брентано (Brentano) К. 436
Бреслав И.С. 437
Брешко-Брешковская Е.К. 45, 46,
105
Бржозовский, архитектор 195
Бриан М. 152
Бродский И.И. 458, 551, 552
Бронштейн Л.Л. 151
Броун М. 480
Бруни Л.А. 127, 199, 202, 205
Бруни Л.А. 204, 205
Бруни (ур. Бальмонт) Н.К. 199
Бруснев М.И. 104
Бруссон Ж.Ж. 387
Брюллов К.П. 127
Брюсов В.Я. 493, 511
Брюхоненко М.Г. 351
Бубнов А.С. 556
Буденный С.М. 359, 520
Будылина М.В. 192
Букреев Б.Я. 296, 301, 302, 320
Букреев Е.Б. 322, 329
Букреев Н.Б. 297, 312, 326, 331
Букреева (ур. Алексеева) Е.А. 295,
296-322, 327, 329, 331
Букреева Т.Б. 302, 303, 308, 309,
320-322, 326, 329
Булак-Булахович С.Н. 380
Булгаков И.С. 287
Булгаков С.Н. 194, 197, 249-251,
254, 256, 259, 260-262, 269, 280,
282, 284, 286, 287, 289
Булгаковский Д. 542
Бунин И.А. 318
Бурлюк Д.Д. 6, 493, 523
Бурцев В.Л. 117
Бутру Э. 258, 286
Бухарин Н.И. 383, 527, 550
Бухштаб Б. 526, 540

- Буш М. 550
 Бьёрнсон Б.М. 164
 Бьюкенен Д.У. 173
 Бюргер Г.А. 576
 Бюхер К. 433
- Вагин В.И. 40, 41, 103
 Вагинов К.К. 425, 426, 442, 451, 511, 520, 524, 526, 530, 535, 537, 540, 543, 557, 560, 569
 Вагинова А.И. 426, 537
 Вагнер Н.П. 518
 Вагнер Р. 126, 133, 134, 312, 326
 Вайнингер О. 323, 430
 Валентиниан III 220
 Ван-Дейк А. 493
- *Вардин (Мгеладзе) И.В. 370, 376
 Варламов К.А. 138
 Варшавский И.С. 523
 Василевский Л.М. 430, 516
 Василий Великий 216, 220
 Васильев А.В. 52, 108
 Ватсон М.В. 518
 Введенская Е.И. 464
 Введенский А.И. 417-422, 426, 427, 436, 437, 439-444, 446, 449, 454-456, 458, 459, 463, 464, 470, 477, 509, 510, 513, 515-517, 519, 521, 523-528, 530, 532, 535, 538, 541-543, 545-547, 550, 551, 554, 556-559, 561, 562, 565, 568, 569, 573-575
 Введенский А.И. 153, 294, 436
 Ведерников А.С. 551
 Вейсенберг Л.М. 462, 467, 556
 Веласкес Д. 493
 Венгеров С.А. 259, 286, 573
 Вербловская М.Б. 383
 Верлен П. 385
 Вермель С.М. 571
 Верн Жюль 144
 Вернадская (ур. Старицкая) Н.Е. 9, 14, 50, 59, 94, 111
 Вернадские, семья 86
 Вернадский В.И. 5, 9-14, 50, 58, 59, 95-99, 109, 111
 Вернадский Г.В. 14
- Вернэ О. 142
 Вертоградский А.И. 359
 Верховская О.Н. 475, 506, 570, 577, 582
 Веселовский А.Н. 111
 Вигилянский Е.И. 434, 437, 439, 441, 442, 454, 512, 523, 525
 Виденфельд, дипломат 202, 203
 Вижилинский, тайн. советник 88
 Виктор I, папа 219
 Викторов Д.В. 436, 528
 Вильгельм, имп. 130, 138, 176
 Вильгельм Оккам 230
 Виндельбанд В. 436, 528
 Виноградов А.К. 355
 Винокур Г.О. 419
 Витте С.Ю. 73, 79, 83, 85, 88, 108, 114
 Вишняк А.Г. 355
 Владимиров Д.П. 543
 Владимиров К.К. 511
 Владимиров Ю.Д. 424, 449, 454, 542, 543, 546
 Владимирова (ур. Брюллова) Л. П. 542, 543
 Водовозов В.В. 112, 116
 Водовозов Н.В. 116
 Водовозова М.И. 84, 116
 Воейкова, приятельница Гуровича Н.С. 85, 86
 Вознесенский А.В. 70
 Волков П. 520
 Волков-Давыдов С. 433
 Волкова, учительница 171, 174
 Волкова А. 207
 Волконский, чиновник особых поручений 91
 Волконский Н. 397
 Володарская Л.И. 382-413
 Волошинов В.Н. 557
- *Вольтер (Аруэ М.Ф.) 120, 397
 Вольф М.О. 275
 *Вольнский (Флексер) А.Л. 269, 289, 397
 Воронский А.К. 373, 374, 379
 Ворошилов К.Е. 380, 552
 Вострова П.П. 167

- Востросаблин, топограф 21, 24
 Врангель П.Н. 106, 381
 Всеволодский-Гернгросс В.Н. 433, 522
 Вульф Ю.В. 200
 Выгодский Д. 423
 Вышеславцев Б.П. 205
 Вышеславцева С.Г. 442, 536
 Вышинский А.Я. 383, 396
- Габбе, знаком. Хармса Д.И. 491
 Габрилович (*Галич) Л.Е. 252, 283
 Габриэлов, музыкант 476
 *Гайдар (Голиков) А.П. 6
 Гайдебуров П.П. 164, 189
 Галансков Ю.Т. 557
 *Галич (Гинзбург) А.А. 578
 Гампельн К. 192
 Гамсун К. 435, 492-494, 501
 Ганзен А. 397
 Гарднер Д.Д. 128, 131, 132, 179, 197, 198
 Гарднер Д.Д., сын пред. 179
 Гарднеры, семья 129
 Гаркави С.М. 200
 Гвозданович М. 138
 Гегар А. 430
 Гейне Г. 135, 382, 385, 390, 392, 494
 Гейне Э.Э. 465, 468, 470, 561
 Геласий I 221
 Гельмгольц Г.Л.Ф. 317
 Гендель Г.Ф. 461, 555
 Герасимова А.Г. 576
 Герд В.А. 129, 130
 Герд В.В. 130
 Геркен Е.Ю. 394
 Гернет Н. 491, 577
 Герцеги, проф. 430
 Герцен А.И. 56, 101, 109, 115, 197, 313, 316, 317, 397
 Гершензон А.О. 282, 284, 285, 288-291
 Гершензон М.Б. 262, 280, 281, 287
 Гершензон М.О. 232-248, 249-291
 Гершов С. 458, 462, 556, 552, 558
 Гершун А. 150
- Гершуни Г.А. 105
 Герье В.И. 351
 Гессе Г. 353
 Гете И.В. 255, 284, 285, 392, 482, 494
 Гефдин Г. 433
 Гефтер М.Я. (*Г.М.) 6
 Гизетти А. 104
 Гильдебрандт-Арбенина О.Н. 426, 570
 Гинзбург А.И. 557
 Гинзбург Л.Я. 424, 426, 446, 526
 Гинкмар Реймский 223
 Гиппиус З.Н. 84, 117, 511
 Глазенап С.П. 123
 Глебова Т.Н. 457, 460-463, 466, 468, 469, 521, 552, 557, 558
 Глинка М.И. 321, 330
 Глоцер В. 428, 549, 570
 Глумов А. 192, 193
 Гляссер И.А. 184
 Гляссер О.Ф. 185
 Гоголь Н.В. 189, 288, 312, 317, 404, 421, 435, 477, 482, 492, 493, 496, 501
 Гойя Ф. 471
 Голанд В. 179, 198
 Голицын Г.С. 27, 100
 Головин А.Я. 177
 Головина А.Я. 516
 Голубев В.С. 39, 42, 43, 104
 Голубцов В.В. 192
 Гольбейн Х. 492, 493
 Гольдина (в замуж. Каменская) В.Е. 426, 466, 505, 509, 562, 577
 Гольцев В.А. 95
 Гомец, знаком. Хармса Д.И. 491
 Гончаров И.А. 435
 Гор Г.С. 454, 546, 564
 Горбунов И.Ф. 410
 Гордин А.М. 192
 Горемыкин А.Д. 14, 17-21, 23-25, 27, 32, 34-37, 42, 47, 48, 53-58, 61-66, 75, 76, 79, 82-84, 86-91, 96, 97
 Горемыкин И.Л. 60, 84-86, 88, 89, 111
 Горемыкина Е.Д. 34

- Горин-Горяйнов, актер 138, 188
 Горнфельд А.Г. 252, 283, 285, 386
 Горская Г. 558
 Горский А.И. 167
 *Горький М. (Пешков А.М.) 84, 135, 350, 397, 435, 511, 559
 Готье Т. 317, 318
 Гофман В.В. 324, 446, 494, 526, 540
 Грабарь И.Э. 193, 195, 550
 Грабинский, владелец дачи 147, 149
 Гревс Е.М. 151
 Гревс И.М. 10, 59, 96, 111
 Гревс М.И. 60
 Гревс (ур. Зарудная) М.С. 111
 Фредескул Н.А. 288
 Греков И.И. 570
 Гремиславский И.Я. 197
 Гржебин З.И. 358
 Григ Э. 313, 321
 Григорий II 222
 Григорий VII 225, 226, 230
 Григорий Богослов 216
 Григорий Великий 219
 Григорьев В.Ю. 77
 *Григорьев М. 571
 Григорьев Н. 520
 Гриц Т.С. 475, 569
 Грицын В.И. 467, 468, 470, 563, 565
 Грицын К.В. 471, 565
 Грицына (ур. Колюбакина) Е.И. 470, 471, 475, 486, 491, 509, 510, 556, 562, 563, 565, 568-570
 Громова А.И. 44
 Гроссман Л.П. 315
 Грот Н.Я. 436, 528
 Груздев И.А. 563
 Груздева Т.К. 468, 563
 Грузенберг С. 433
 Губер П.К. 386, 387, 396, 397
 Гудим М. 446
 Гузарчик Н. 184
 Гуковский Г.А. 399, 401, 402
 Гумилев Н.С. 127, 296, 321, 434, 517, 518, 522, 569
 Гундяев Н., прот. 548
 Гурвич А.Г. 383, 392, 395, 396, 403, 408, 409
 Гурвич Л.Д. 396
 Гурвич Л.И. 383, 401, 408
 Гуревич (*Крюковский) Я.Я. 401, 402
 Гурко И.В. 98
 Гуро Е.Г. 512
 Гурович М.И. 117
 Гурович Н.С. 84, 85
 Гурфинкель Т. 179
 Гуцков К. 398
 Гучков А.И. 378
 Гюббенет, генерал 53
 Гюго В. 405, 406
 Гюисманс Ш.М.Ж. 281, 291
 *Давыдов (Горелов) В.Н. 138, 188
 Давыдова М. 152
 Даманская А.Ф. 353, 533, 534
 Данилевский В. 433
 Данини, архитектор 121
 Даниэль А.Ю. (*Т.Сонин) 6
 Данте А. 482, 493
 Данько Е.Я. 518
 Дельвиг А.А. 164
 Демель Р. 385
 Демьянов, адвокат 85
 Деникин А.И. 106
 Дервиз В.П. фон 349, 351
 Державин Г.Р. 464, 493, 560
 Дерман А.Б. 408, 409
 Де-Роберти Е.В. 235
 Дерягин В.Я. 251
 Деций 215
 Джеймс В. (У.) 281, 286, 291, 436
 Джексон, мисс 179, 180, 182
 Джером Дж. К. 494
 Джонсон Б. 493
 Диккенс Ч. 143
 Дилакторская Н.Л. 427, 577
 Диментьев, мастер 462
 Диоклетиан, имп. 194
 Дитрих Г. 552
 Дмитриев Н. 520, 557
 Добиаш-Рождественская О.А. 111

- Добкин А.И. (*Бурцев Л., Елизаров С., Крепс Р., Редькин Д., Захаров В., Гуляев В., Стахов Н., Остроумов Л.) 5, 6, 509, 518, 567
- Добровольская Е.В. 180
- Добровольские, семья 184
- Добровольский, врач 165
- Добровольский А.А. 557
- Добролюбов Н.А. 108
- Добужинский М.В. 191
- Добычин Л.И. 526
- Дойль К. 494
- Долгорукий, кн. 93
- Долгушин, революционер 113
- Долина, певица 137
- *Долинин (Искоз) А.С. 314, 315, 328
- Домбровский Я. 101
- Доминик Веригоносец 228
- Дорогов Н.Е. 50
- Дорогова (ур. Корнилова) Л.А. 50
- Дорофеев А. 520
- Достоевский Ф.М. 143, 312, 314, 315, 319, 322, 340, 355, 401, 406, 424, 493, 582
- Друскин Л. 570
- Друскин Я.С. 417, 418, 426, 427, 470, 492, 509, 528, 545, 552, 561, 562, 564, 565, 567, 569-571, 577
- Друскина Л.С. 509, 570
- Дубенский М.М. 40, 41, 103
- Дунаевский И.О. 508
- Дундуков-Корсаков, ген.-губ. 18
- Дункан А. 367
- Дурново И.Н. 27, 100
- Духович А.Ф. 76, 114, 115
- Духовской С.М. 53, 108
- Дьяконова Н.Я. 397
- *Дымов О. (Перельман И.И.) 269, 289
- Дэвис Р. 335, 353
- Дюамель Ж. 559
- Дюбуа П. 433
- Дюма А. 475
- Дюпон Э.А. 541
- Дюссарт К. 123, 190
- Евдокимов И.В. 361, 362, 364, 368, 375, 376
- Евдокимова Г. 121
- Евстафий 216
- Екатерина II, имп. 191, 196
- *Елагин И. (Матвеев И.В.) 524, 525
- *Еленин С. 557, 567
- Елпатьевский С.Я. 80, 82, 116, 268, 289
- Енукидзе А.С. 486
- Ераков Н.П. 76
- Ермолаева В.М. 462, 555, 556
- Ермолов А.С. 52, 55, 82, 83, 107
- Ершов И.В. 177
- Ершов П.П. 493
- Есенин С.А. 361-381, 434, 514, 520, 522, 529
- Есенина Е.А. 371, 375
- Есенина (ур. Сухотина-Толстая) С.А. 364, 375
- Жаботинский В. 289
- Жаккар Ж.Ф. 418, 420, 427, 509, 513, 515, 519, 523, 528, 531, 538, 545-547, 563, 565, 583
- Жарников В.В. 67
- Желдин Л.Б. 582
- Железнов В.Я. 356
- Железнов Л. 541
- Жид А. 559
- Житков Б.С. 446, 454, 457-461, 463, 468, 471, 496, 545, 546
- Житомирова Н. 566
- Жофр Ж.Ж. 156
- Жуковская Р. 577
- Жуковский, инженер 465, 560, 561
- Жуковский В.А. 355
- Жуковский П.В. 359
- Заболоцкий Н.А. 442, 443, 446, 451, 458, 465, 467, 474, 481, 495, 525-527, 530, 536, 537, 541, 554, 555, 557, 561, 565, 569, 570, 572
- Загоскин Д.Н. 551
- Заичневская (ур. Юсупова) 41, 42
- Заичневский П.Г. 39-43, 45, 46, 69, 103

- Зак (ур. Браудо) 190
 Зак И.Л. 190
 Зак Л.В. (Zack Léon) 122, 190
 Зальцман С.Д. 289
 Замошкин А. 550
 Замятин Е.И. 397
 Заостровская Н.Н. 35
 Зарудный А.С. 60, 112
 Зарудный С.С. 60, 82, 111, 112
 Звягинцева В.А. 574
 Зелинский К.Л. 6
 Зенкевич М.А. 574
 *Зиновьев (Радомысльский) Г.Е.
 376
 Золотарев А.А. 303, 305
 Золотницкий А. 520
 Зоргенфрей В.А. 424
 Зошенко М.М. 6

 Ибсен Г. 430
 Иванов В.И. 281, 291, 319, 518
 Иванов Вс.И. 369, 374
 Иванов Г.В. 518
 *Иванов-Разумник (Иванов Р.В.)
 252, 253, 283, 347
 Иванова Н. 128, 159, 162, 180, 183
 Иванская Н.О. 346, 359
 Ивантер А.С. 463, 464, 505, 509,
 558, 559
 Иваск У.Г. 192
 Игнатов И. 289
 Игнатъев А.П. 23, 31, 99
 Игнатъев Н.П. 26, 99
 Игумнов К.Н. 200, 203
 Иероним 217
 *Изгоев (Ланде) А.С. 249-253, 260,
 265, 266-278, 282, 283, 286, 289,
 290
 Иловайская А.А. 351
 Иловайская В.Д. 353
 Иловайская Н. 347
 Ильин И.А. 205, 208
 Инбер В.М. 431, 434, 520, 522
 Иннокентий I 220, 221
 Иннокентий III 226, 229
 Иоанн XXII 230
 Иоанн Дамаскин 493
 Иоанн Златоуст 493
 о.Иоанн Кронштадтский 204
 Иогансон Л. 564
 Иорданский Н. 274
 о.Иосиф (Фудель) 199
 Иоффе А.Ф. 401
 Иоффе Н. 541
 Иоффе-Мигай В.А. 398, 399
 Исотамм Я. (*Э.В.) 6
 Истрати П. 533, 534
 Ишутин Н.А. 101

 Каберман А.И. 120-123, 125, 128,
 130, 131, 156, 157, 180
 *Каверин (Зильбер) В.А. 446, 540
 Каган М.И. 557
 Каган Ю.М. (*Невельский К.) 6
 Каганович Л.М. 486
 Казак В. 362
 Казанская М.Б. 555
 Казин В.В. 374
 Калашников И.С. 577
 Калганов, убийца 533
 Калмыкова А.М. 84, 116
 Калнынь Я.А. 470, 565
 Кальдерон де ла Барка П. 394,
 493
 *Каменев (Розенфельд) Л.Б. 151,
 373, 378
 Каменская В.А. 426, 427, 509, 562
 Каменский А. 561
 Каменский В.В. 433, 522
 Канаев И.И. 557
 Канделаки А.В. 184
 Канделаки В.А. 184
 Канегиссер Е.Н. 388, 401, 406
 Канегиссер И.С. 386
 Канегиссер Л.И. 386, 388
 Канегиссер Н.А. 384
 Канегиссер Н.Н. 382, 383-394,
 396-398, 401, 402
 Кант И. 284
 Кантемир А. 493
 Караваев, пред. жилкома 533
 Каракозов Д.В. 43, 101, 104
 Карамзин Н.М. 493
 Карамзина С.Н. 331

- Караулов В.А. 75, 114
 Карев А.Е. 551
 Карл XII 158
 Карл Великий 222, 223
 Карнаухова И. 552
 Карсавин Л.П. 111, 204, 208, 211-231
 Карсавины, семья 190
 Карташева Л.П. 440, 534
 Карташов О. 555
 Карцели Л. 192, 195
 Катанян Р.П. 475, 571
 Катинский, знакомый С.А. Аскольдова 316
 Катков Н.И. 519
 Кауфман А.А. 23, 24, 51, 96, 98
 Кацман Г.Н. 443, 444, 475, 535, 538, 550
 *Качалов (Шверубович) В.И. 330, 331
 Квашнина-Самарина М.Н. 6
 Кекаутов, кн. 380
 Келлер В.В. 80, 116
 Келлерман Б. 382
 Кельсон З.С. 458, 553
 Кенегсберг Р.И. 200
 Керенский А.Ф. 150, 151, 159, 169, 174, 182, 185, 511
 Керенский Г.А. 151, 174
 Керенский О.А. 150, 155, 159, 169, 174
 Керн А.П. 140, 146, 148, 192
 Кибальчич Н.И. 110
 Кибель И.А. 403, 404
 Кизеветтер А.А. 205, 208
 Киль Е.И. 129
 Киплинг Р. 493
 Киреевский И.В. 285
 Кирилenco К.Н. 535
 Кирилл Иерусалимский 220
 Кириллов А. 520
 Киселев П.Д. 22, 98
 Киселева, актриса 45
 Кистьяковский А.Ф. 318
 Кистьяковский Б.А. 249-251, 256, 260, 261, 263, 282, 284, 286, 290, 316-318
 Кистьяковский В.А. 318
 Кистьяковский Ю. 316
 Клейн Р.И. 351, 352
 Клемансо Ж. 179
 Климент V 227
 Климов М.Г. 558
 Клодт П.К. 146, 193
 *Клычков (Лешенков) С.А. 374
 Ключев Н.А. 446, 541, 542
 Кнебель И.Н. 195
 Книпович Л.М. 110
 Книпер А.В. 5
 Князьков С.А. 160, 168, 175, 195
 Кюбак А. 5
 Кобринский А. 417-583
 Ковалевский В.И. 73, 114
 Ковалевский М.М. 277, 290
 Ковалевский П.И. 431, 516
 Коваленский, прокурор 93
 Ковалик С.Ф. 70, 113
 Ковтун Е.Ф. 555, 562
 Коган Л. 457, 532, 547, 548
 Коген Г. 317
 Кожевников В.А. 261, 286
 Козаков М.Э. 519
 Козлов А.А. 299-302, 313, 317, 436
 Козлов Н.Г. 24, 77
 Кокошкин Ф.Ф. 103
 Кола ди Риенцо 195
 Колачевский Д.А. 516
 Коллонтай А.М. 188
 Колюбакина В.С. 507, 583
 Колюбакина М.И. 462, 468, 556
 Колюбакина Н.И. 443, 460, 461, 466, 467, 468, 471, 474, 497, 522, 538, 556
 Комарович В.Л. 328, 557
 Комаровский, граф 200
 Комиссарова М.И. 518, 519
 Кондратьев П.М. 460, 461, 463, 466, 470, 471, 554, 555, 564, 569
 Константин Константинович, вел. кн. 139
 Корнель П. 493
 Корнилов Л.Г. 166, 380
 Корнилов А.А. 9-13, 14-95, 96-118, 182, 183

- Корнилов А.А., отец пред. 18, 98
 Корнилов В.А. 79, 98
 Корнилова В.А. 79-81, 94
 Корнилова (ур. Федорова) Е.А. 10, 17, 34, 49, 97, 182
 Корнилова (ур. Супонева) Е.Н. 10, 80, 81, 94
 Корнилова Н.А. 13, 14, 182, 183
 Корнилова (ур. Федорова) Н.А. 17, 34, 35, 37, 44, 45, 49-51, 56-61, 67, 69, 75, 79, 90, 93, 94, 97
 Корниловы, семья 182
 Короленко В.Г. 47, 51, 55, 56, 100, 106, 107, 151, 268, 272, 571
 Корсаковы, семья 80
 Котельников Б.П. 458, 460
 Котляревский Н.А. 265, 288
 Кошева, актриса 46
 Крайнева Н. 568
 Крайский А.П. 520
 Кранах Л. 492, 493
 Красин Л.Б. 104
 Красинский З. 493
 Краснов А.Н. 10
 Краснов П.Н. 191, 380
 Крейцер Б. 151
 Кржижановский Г.М. 110
 Кривополенова, сказительница 165
 Кривошапкина Е. 357
 Криммер Э. 521
 Кричинский С.С. 168
 Кропачев Н. 535
 Крупская Н.К. 116
 Крутовская (ур. Гоштофт) Л.С. 76, 77, 79
 Крутовский В.М. 64, 65, 71, 76-79, 112
 Крутовский Вс.М. 112
 Крученных А.Е. 419, 420, 429, 432, 434, 512, 513, 515, 516, 525, 574, 575
 Крыжановский С.Е. 10, 59, 85, 88, 111
 Крыленко Н.В. 380
 Крылов И.А. 68, 126
 Крымова Н. 560
 Крюков Н.А. 60
 св. Ксения Блаженная 425, 447, 448, 542
 Ктиторова М. 558
 Кудрин В.С. 75
 Кузмин М.А. 386, 420, 424-426, 547, 553, 574, 575, 577
 Кузнецов А. 112
 Кузнецов Н.И. 183
 Кукольник Н.В. 329-331
 Кузьминский К.К. 536, 537
 Куломзин А.Н. 29, 52, 56, 61-64, 74, 82, 100
 Куницын И. 564
 Купервассер Т. 184
 Куперник Л. 383
 Куприн А.И. 428, 435
 Куракина А.А. 192
 Курбанов М. 569
 Кустодиев Б.К. 150, 178
 Кустодиев К.Б. 150, 169
 Кустодиева И.Б. 150, 151
 Кутлер Н.Н. 52, 98, 108
 Кэри Г. (Carrey Н.) 355
 Кэрролл Л. 493, 501, 580
 Лавров И.П. 24
 Лавров П.Л. 103
 Лаврухин-Георгиевский Д. 520
 Лазуко У. 558
 Ланг Г.Ф. 396, 397
 Ланэ, поэт 520
 Лаппо-Данилевский А.С. 109
 Лапшин И.И. 294, 436
 Ласицкий, чиновник 84
 Ласкин С. 555
 Лассаль Ф. 540
 Латышевы, семья 323
 Лашкова В.И. 557
 Лебедев В.В. 489, 575
 Лев IX 224
 Лев Великий 221
 Лёвберг М.Е. 386
 Левенсон Е.М. 389
 Левенсон Н.М. 389
 Левенфельд Л. 430
 Левин Б.Д. 383, 391, 401, 402

- Левин Б.М. 446, 447, 449, 454, 458,
 459, 462, 465, 467, 475, 491, 530,
 536, 541, 543
 Левин Г.З. 559
 Левин И. 274, 539, 543, 580
 Левин Ф. 520
 Левина (ур. Врасская) О.Б. 401,
 402
 Левинсон А.Д. 575
 Левинтон Г.А. 509
 Лейкинд О.Л. (*Е.Чижов) 6
 *Ленин (Ульянов) В.И. 6, 110, 116,
 174, 176, 178, 181, 188, 197, 372,
 378, 380, 411, 552, 553
 Лентовская Л.Д. 517
 Лео Л. 514
 Леонардо да Винчи 127, 493
 Ленц А.К. 430
 Леонов Л.М. 369
 Лермонтов М.Ю. 319, 330, 331,
 405, 406, 433
 Лесгафт П.Ф. 126
 Лесевич В.В. 27, 28, 100
 Лесков Н.С. 493
 Лесман М.С. 534
 Лиа-де-Путти 446, 541
 Ливанов Б.Н. 573
 Лившиц Б.К. 386, 424, 560, 574
 Лизогуб Д.А. 44, 105
 Лилиенкорн Д. фон 382, 385
 Липавская (ур. Мейер) Т.А. 426,
 454, 464, 466, 491, 509, 528, 532,
 545, 561, 562, 569, 570, 577
 Липавские, семья 426, 427, 470, 505
 Липавский Л.С. (*Савельев Л.)
 418, 426, 463, 464, 466, 467, 475,
 481, 491, 502, 517, 523, 528, 532,
 557, 561, 565, 567, 569, 570, 572,
 582
 Липеровская (ур. Юркевич) С.И.
 335, 338, 339, 343, 348, 349, 351,
 352, 359
 Липинский, проф. 85
 Липская М. 180, 189
 Липский Б.Р. 180, 181
 Липский Р. 180, 188
 Лир Э. 493, 501
 Лисенко Л.К. 425
 Ли-Хунь-чан 60, 111
 Личков Б.Л. 99
 Личков Л.С. 23, 99
 Лобанов-Ростовский А.Б. 192
 Лобачевский Н.И. 502
 Лозинский М.Л. 408
 Ломоносов М.В. 139, 493
 Ломоносова Р.Н. 335
 Лонгфелло Г.У. 493
 Лондон (*Гриффит) Д. 556
 Лопатин Г.А. 103, 114
 Лопатин Л.М. 292, 318
 Лопухин В.Б. 5
 *Лори А. (Груссэ П.) 558
 Лорис-Меликов М.Т. 101
 Лосская А.А. 121, 143-145, 153,
 180
 Лосская В. 348
 Лосская (ур. Стоюнина) Л.В. 119,
 128, 130, 131, 153, 160
 Лосская М.Н. 120, 121, 126, 135,
 149, 161, 179, 180, 183, 189
 Лосский А.Н. 180, 186, 197
 Лосский Б.Н. 119-198, 204
 Лосский В.А. 177
 Лосский В.Н. 120, 121, 126-128,
 138, 144, 149, 152-154, 159-162,
 166, 170, 177, 180, 184, 187, 189,
 199, 204
 Лосский В.О. 148, 152, 154
 Лосский К.В. 197
 Лосский Н.О. 120, 125, 130, 131,
 143, 152-154, 172, 173, 175, 183,
 189, 194, 196, 197, 204, 208, 262,
 287, 294, 436, 528
 Лотарь, король 223
 Лотов А. 516
 Лохвицкая М.А. 324, 325
 Лубяникова Е.И. 335-360
 Лурье Л.Я. (*Бах Р.) 6
 Лурье С.А. 419, 554
 Лутохин Д.А. 517
 Лушников, купец 40
 Львов А.Ф. 355
 Львов Д.И. 140, 145, 193
 Львов Д.С. 194

- Львов И.И. 193
 Львов Н.А. 139, 141, 144-146, 192, 193
 Львов Н.С. 194
 Львов С.Д. 140, 192, 193
 Львов Ф.Н. 113
 Львова (ур. Тыртова) М.Ф. 193
 Львова (ур. Полторацкая) Т.П. 140, 146, 193, 194
 Львов-Рогачевский 434
 Любарская А. 424
 Любимова, дир. гимназии 152
 Любичев А.А. 396
 Лябин Л. 514
 Лянды С.А. 39, 44, 45, 67, 70, 94, 104, 105
 Лянды (ур. Левандовская) Ф.Н. 44, 45, 94
 Ляпунова А.С. 401, 402, 407, 409
 Ляхова И.Н. 349
- Магазинер Я.М. 396, 397
 Магалис В.И. 551
 Мазепа И.С. 142
 Май Дж. 541
 Маковский К.С. 155
 Малаховский Б.Б. 555
 Малевич К.С. 458, 471, 474, 529, 539, 544, 550, 551, 572
 Малевич О.М. 509
 Маленн А.И. 146
 Малер Г. 461, 555
 Малич М.В. 426, 475, 486, 489, 496 - 498, 500, 503, 505-507, 517, 565, 570, 571, 577, 582
 Маллармэ С. 512
 Мальфитано, социалист 188
 Малютин С.В. 177
 Мамонтов С.И. 72, 114, 353
 Мандельштам (ур. Гуревич) А.И. 383, 384, 390
 Мандельштам Б.Е. 383
 Мандельштам И.Б. 382-394, 395-413
 Мандельштам Л.И. 383, 401, 402
 Мандельштам (ур. Левина, в 1-ом браке Канегиссер) М.А. 384, 388, 391-394, 398, 400-402, 411, 412
 Мандельштам М.Е. 383, 384
 Мандельштам (ур. Хазина) Н.Я. 9
 Мандельштам О.Э. 344, 345, 357, 358, 383, 385, 387, 419, 424, 518, 543, 564, 574
 Мансуров П.А. 438, 529, 530, 542
 Мансуров С.П. 200
 Мансурова (ур. Самарина) М.Ф. 200, 204
 Маргарита Ангулемская 195
 Мариенгоф А.Б. 376, 377, 424, 431, 520
 Марков И. 434, 440, 441, 525
 Маркс К. 109, 253, 284
 *Марлинский (Бестужев) А.А. 475
 *Марсель (Русаков) П.А. 429, 464, 465, 513, 514, 531, 533, 542, 559
 Марсилий Падуанский 230
 *Март (Матвеев В.Н.) 434, 523-525
 Мартин Турский 217
 *Мартов (Цедербаум) Ю.О. 249
 Мартынов Н.М. 62, 112
 Мартынов И. 537
 Марцадури М. 515
 Маршак С.Я. 424, 426, 446, 449, 459, 460, 462, 475, 563, 570
 Масарик Т.Г. 179
 Масс В.З. 514
 Матвеев А.Т. 551
 Матвеев В.П. 468, 563
 Матвеев Г.Н. (*Эльф Г.) 523-525, 541
 Матвеев П.Н. 425
 Матвеев-Амурский Н.П. 523
 Матюшин М.В. 419, 513, 554
 Мачерет А. 573
 Мачтет Г.А. 353
 Маяковский В.В. 434, 438, 521, 522
 Медведев П.Н. 519, 557
 Мейер А.А. 431, 557, 567
 Мейер С.А. 509, 561
 Мейер Т.А. — см. Липавская Т.А.
 Мейерхольд В.Э. 557
 Мейлах М.Б. 419, 427, 509, 510, 526, 537, 547, 550, 573

- Мейринк Г. 494, 501, 580, 581
 Мейстер Экхардт 231
 Мельгунов С.П. 273, 289
 Мендельсон Я.Л.Ф. 487
 Менский Р. 541
 Мережковский Д.С. 84, 117, 253, 263, 279, 284, 287, 290, 291
 Мериме П. 394
 Меркушев, поэт 520
 Метальников С.И. 126, 129, 135, 152, 153, 183, 195, 196
 Метальникова О.В. 126, 152, 153, 195, 196
 Метерлинк М. 137, 493
 Мечников И.И. 168
 Мигай С.И. 382, 401
 Миклашевский М.П. 84, 117
 Миклухо-Маклай Н.Н. 107
 Милорадович К.М. 276, 290
 Мильн 493
 Мильтон Д. 338, 493
 Милюков П.Н. 97, 111, 249
 Милютин Д.А. 53, 109
 Милютин Н.А. 39, 102
 Минин С.К. 520
 *Минский (Виленкин) Н.М. 257, 284, 324, 325
 Минц К. 568
 Минц-Цветаев А. 346, 358
 Митурич П.В. 524
 Михаил Александрович, вел. кн. 373, 378
 о.Михаил (Шик) 200
 Михайлов Д.Д. 474, 475, 505, 561, 567, 569
 Михайловский Н.Г. 100
 Михеева Л.В. 554
 Мнухин Л.А. 335-360
 Могиланский А.П. 554
 Модзалевский Б.Л. 11
 Мойхер-Сфорем М. 494
 Мокиевский П.В. 298, 299
 Мокиевский Ю.П. 298
 Моллериус А.П. 34
 Моллериус И.П. 14, 16, 18-20, 34, 37, 51, 71, 72, 86, 88, 97
 Молодых И.А. 60
 *Молотов (Скрябин) В.М. 486
 Молчанов В.Ф. 251
 *Мольер (Поклен) Ж.Б. 393, 483
 Монган 215
 Моргенштерн Х. 385
 Мордерер В.Я. 509, 564
 Морев Г.А. 426, 427, 509, 537
 Морозов, музыкант 488
 Морозова М.К. 259
 Моцарт В.А. 324, 484, 492, 493, 552
 Мстиславский С.Д. 378, 379
 Муравьев М.Н. 93, 118
 Муравьев-Амурский Н.Н. 90, 113, 118
 Муромцев С.А. 95, 103
 Муранов, большевик 378
 Мусатова С. 338, 351
 Мшанская О.Ф. 558
 Мюрже А. 387
 Мюссе А. 366, 367
 Мякотин В.А. 288

 Набоков В.Д. 378
 Наполеон I. 187, 349
 Наполеон II 349
 Наппельбаум И.М. 520, 537
 Наппельбаум Ф.М. 520
 Направник Э.Ф. 126
 Нарберт 228
 Наседкин В.Ф. 371, 375, 377
 Насонов Д.Н. 117
 Насонов Н.В. 117
 Насонова (ур. Корнилова) Е.А. 117
 Насоновы, семья 86, 117
 Натансон М.А. 46, 47, 56, 57, 61, 94, 105
 Натансон В.И. 56, 57, 61, 94
 Нацвалов, домовладелец 70
 Некрасов Н.А. 101, 493
 Нельдихен С. 569
 Никитаев А.Т. 544
 Никитин Н.Н. 576
 Никитина Е.Ф. 379
 Никитина З. 423
 Никичук, знакомый Хармса 458

- Николаев А. 427
 Николай I, папа 222, 223
 Николай I, имп. 113, 529
 Николай II, имп. 29, 31, 47, 55, 58, 105, 130, 145, 156, 163, 164, 171-174, 181, 359, 378, 380
 Николай Михайлович, вел. кн. 192
 Николай Николаевич, вел. кн. 138
 Никольская Т.Л. 426, 513, 515, 524, 537
 Нильвич Л. 542
 Нобель Э.Л. 131-133
 *Новалис (Харденберг Ф. фон) 494
 Новиков М.М. 202
 Новиков М.Н. 206, 208
 Новикова Е.М. 205
 Новицкий О.М. 316, 318
 Новомбергский Н.Я. 94, 118
 Новосильцевы, род 10

 Обнинский В. 276, 290
 Обольянинов Л.А. 10
 Обручев Н.Н. 47, 53, 108, 109
 Овас Л.С. 558
 Овсяннико-Куликовский Д.С. 288
 *Овчинников Ю. 557, 567, 571
 Огарев Н.П. 109
 Одоевский В.Ф. 475
 Озаровская, актриса 165
 Озеров Л.А. 336
 Окладский И.Ф. 110
 О'Коннель-Михайловская Р.Р. (Fgau René) 457-461, 463, 468
 Оксенов И.А. 519, 537
 Олейников Н.М. 418, 419, 446, 458, 463, 467, 468, 474, 477, 481, 491, 527, 535, 563, 565, 566, 569, 570, 574
 Олимпов К.К. 425
 Ольденбург (ур. Старынкевич) А. Д. 111
 Ольденбург С.Ф. 10, 84, 98, 110, 111
 Ольденбург Ф.Ф. 10, 58, 84, 98, 110, 111
 Опекушин А.М. 358, 359
 Оптан 215

 Органов, механик 147
 Орехов И.В. 551
 Оринкин, врач 49
 Орлинский А.И. 24, 78
 Орлов, свящ. 147
 Орлов Г. 565
 Орлова Е.Н. 286
 Осборн Л. 475, 476, 572
 Освальд Р. 561
 Осипов Е.А. 23, 99
 Осолодков П.А. 551
 *Осоргин (Ильин) М.А. 206, 208
 Островский А.Н. 323, 351
 Оффенбах Ж. 164
 Оцуп Н.А. 569

 Павел I, имп. 150, 195
 Павел Фивский 215
 Павлович Н.А. 199
 Павловский А. 520
 Пакулин В.В. 551
 Пален К.И. 47, 55, 109
 Палетик А.П. 431, 435
 Панина С.В. 164, 168, 189
 Пантелеев А.И. 79, 89-93, 95, 117
 Пантелеев А.И. 419, 420, 425, 427, 459, 465, 540, 543, 547, 552, 553, 554, 559, 563, 565, 566, 577, 582
 Пантелеев Л.Ф. 14, 15, 43, 97
 Панченко, семья 316
 Паперная Э.С. 458, 552, 553
 Парнис А.Е. 569
 Парнок С.Я. 357, 574
 Пассек В.В. 197
 Пассек (ур. Кучина) Т. 197
 Пассек Т.П. 56, 109
 Пассек Т.С. 177, 178, 184, 197
 Пастернак Б.Л. 172, 175, 200, 489, 514, 559, 574, 575
 Пастухов А.А. 425, 535
 Паули В. 388
 Пахолкова Е.Ф. 35
 Пахомий 216
 Пахомов А.Ф. 551
 Пашек Ян 197
 Пейерлс Р. 388, 391
 Пейерлсы, семья 388

- Перегудова (ур. Генерозова) В.К. 349
 Перец (Перуц) И.Л. 494, 576
 Пермикин, купец 63
 Перуц А. 387
 Перуц Л. 494, 576
 Перченок Ф.Ф. (*Громов И., Трофимов Б., Солодов, Елизаров М., Бах Р., Крафт Р., Благовещенский Ф.) 5, 6
 Петр I, имп. 195
 Петрарка 385
 Петрашевский М.В. 113
 Петров В.Н. 507, 509, 510, 529, 552, 563, 568, 575, 578, 582
 Петрова М.В. 509
 Петров-Водкин К.С. 551, 557
 Петровичев И.Ф. 570
 Петровская, дир. гимназии 561
 Петровский Г.И. 6, 486
 Петровский Ф. 204
 Петрункевич А.М. 168, 174, 195
 Петрункевич (ур. Мальцева) А.С. 115
 Петрункевич И.И. 95, 100, 113, 115
 Петрункевич М.И. 115
 Петрункевичи, семья 79, 80, 128, 139, 160, 190, 194
 Пец Е.П. 475
 Пешехонов А. 278, 290
 Пешковский А.М. 434
 *Пильняк (Вогау) Б.А. 367, 369, 374
 Пименов Р.И. (*Волин) 6
 Пирожков М.В. 280, 291
 Писарев Д.И. 379
 Платон 302, 303
 Плутарх 240
 Плуцер-Сарна Н.А. 357
 По Э.А. 493
 Победоносцев К.П. 83, 116
 Познер В. 150, 184
 Познер Е. (Вилга Э.) 184
 Познер Ж. 151, 184
 Покровский Н.Н. 52, 108
 Полежаев А.Н. 494
 Поленова Е. 123
 Полетика Н.П. 517
 Полетика Ю.П. 431, 517, 528
 Поливанов Е. 516
 Половockая-Введенская Е.И. 458, 464, 532
 Полоцкий С.А. 432, 436, 520, 521
 Полторацкие, род 192
 Полторацкий Н.П. 249, 284, 285
 Полторацкий П.М. 140
 Поль (ур. Цвелева) А.М. 160, 161
 Поль В.И. 160, 195
 Полякова Е. 121, 128, 187
 Поляковская Р.И. 458, 530
 Попов, знакомый Хармса Д.И. 490
 Попов А.Н. 436
 Попов И.И. 39, 40, 70, 94, 103
 Попова (ур. Лушникова) В.А. 40, 94
 Попова М. 535
 Порай-Кошиц Е. 198
 Порет А.И. 457, 459-463, 465-471, 478, 549, 553, 555, 557, 563, 581
 Посохин В.М. 35
 Потанин Г.Н. 36, 99-103
 Потанина (ур. Лаврская) А.В. 35-37, 100
 Потоловский Н.С. 171
 Потоцкая В.В. 351, 352
 Почтенный А.П. 551
 Прево А.Ф. 387
 Пресняков, историк 13
 Приблудный И. 535
 Приклонский В.Л. 75, 76
 Приклонский Н.И. 114
 Присциллиан 217
 Прицкер Е.Д. (*Арапов Л., Стриж В.) 6, 419, 547, 554
 Пришвин М.М. 351
 Прокопович Ф. 493
 Проскурина В.Ю. 249-291
 Прохоров А.П. 379
 Пруст М. 493
 Пугачев Е.И. 147
 Пугачева К.В. 422, 475, 570, 572
 Пумпянская А.В. 518

- Пумпянский Л.В. 405, 406, 557
 Пуришкевич В.М. 165, 380
 Пушкин А.С. 85, 110, 116, 140, 146, 168, 192, 201, 319, 321, 323, 330, 390, 392, 400, 401, 433, 434, 464, 465, 482, 492, 493
 Пушин И.И. 116
 *Пяст (Пестовский) В.А. 569
- Рабинович И.Я. 387, 399, 401, 407, 409
 Рабле Ф. 493
 Равдин Б.Н. (*Петренко Н.) 6
 Радеганг Метцкий 224
 Радин Е.П. 434, 525
 Радлов Н. 497, 577
 Радлов С.Э. 514
 о.Раевский, свящ. 174
 Разумовский А.В. 475, 543, 554, 568, 569
 Райх З.Н. 367
 Раковский Л.И. 324-326
 Рамин (Рамен) Г. 461, 555
 Рапопорт, музыкант 164
 Раскольников Ф.Ф. 362
 Распе Р.Э. 576
 Распутин Г.Е. 156, 165, 172, 196
 Ратгауз М.Г. 509
 Рафаэль С. 248, 493
 Рахманин Е. 542
 Рахманинов С.В. 331
 Рачинский С.А. 264, 287
 Рачковский П.И. 61, 65, 76
 Рашковская А.Н. 518
 Рембрандт Х. ван Р. 493
 Ремизов А.М. 259, 278, 286, 493
 Решикова (ур. Угримова) В.А. 199-208
 Ржевуская М.Н. 505, 571, 582
 Риккерт Г. 317
 Римский-Корсаков Н.А. 134, 139, 160, 177, 184, 313, 321, 323
 Ричардсон С. 493
 *Ричиотти В. (Турутович Л.О.) 520, 521
 Рогинский А.Б. (*Шмидт К, Захаров В., Гуляев В., Бармин Н., Печерский С., Остроумов Л.) 5, 6
 Рогинский Л. 520, 521
 Родзянко, генерал 380
 Родичев Ф.И. 47, 85, 105
 Рождественский В.А. 519
 Розанов В.В. 285, 347, 349, 354, 357, 493
 Розенберг А.Г. 552
 Розенфельд А.Л. 151
 Розин Б. 514
 Роллан Р. 127, 559, 560
 Романов Д.И. 140, 194
 Романов Д.Д. 140, 141, 146, 161, 192, 193
 Романов И.Д. 141, 149, 192
 Романов Н.В. 60
 Романов Н.Д. 192, 193
 Романова А.А. 141
 Романова (ур. Львова) А.С. 140, 194
 Романовы, семья 139, 141, 144, 156, 192
 *Ромен Ж. 192, 387
 Ромм А.И. 574
 Рославлева Н.Я. 431, 518
 Ростан Э. 348
 Рубакин Н.А. 80, 115
 Рубель Ю. 178
 Рубинштейн А. 185
 Руммель В.В. 192
 *Русаков (Иоселевич) А.И. 440, 464, 514, 532, 533, 548, 551
 Русаков Ж.А. 514
 Русакова А.А. 514
 Русакова Л.А. 534, 559
 Русакова О.Г. 464, 514, 560
 Русакова Э.А. 424, 426, 439, 447, 451, 458, 459, 461-465, 467, 468, 470, 478, 491, 511, 531-533, 544, 559, 560
 Русаковы, семья 424, 514, 560
 Русланова Л.А. 325, 326
 Руссо Ж.Ж. 397
 Руфин 217
 Рыкачев А.М. 52, 108
 Рыкачев М.А. 52, 108

- Рюриков Б. 410
 Рябухина А. 121, 186, 187
 Саакянц А.А. 336, 354
 Савина М.Г. 124, 138, 191
 Савинков Б.В. 380
 Савинов А.И. 551, 554
 Сажин В.Н. (*Крамер Н.) 6, 509, 565, 568
 Сазонов С.И. 149, 174
 Сакулин П.Н. 288
 Салтыков Н.В. 359
 Салтыков-Щедрин М.Е. 101
 Самарин Ю.Ф. 285
 Самохвалов А.Н. 551
 Сара Бернар 348
 Сафонов И.К. (*Боголепов С.) 5
 Сафонова Е.В. 546, 558
 Свентицкий А.Л. 519
 Свентицкий В.П. 6
 Сверцева, коммунистка 533
 Светлицкий К.Н. 24
 Светлов М.А. 514
 Свитыч-Иллич В.В. 40, 103, 104.
 Свифт Д. 493
 Своя П. 520
 Северюхин Д.Я. (*Ксенин Д.) 6
 *Северянин (Лотарев) И.В. 433, 434, 512, 522
 Сейфуллина Л.Н. 374
 Сельвинский И.Л. 527, 528
 Семенов-Тяньшанский П.П. 51, 62, 106
 Сенковский О.И. 494
 Сеньотович-Троцкий, инспект. 37
 Серафимович А.С. 349, 350
 Сервантес С.М. де 493
 Сергеев А. 292-331, 518
 о.Сергий (Мечев) 204
 еп.Сергий (Бессонов) 457, 548
 *Серж (Кибальчич) В.Л. 424, 464, 465, 533, 534, 539, 559, 560
 Серов В.А. 195
 Серошевский С. 104
 Серый Г. 529
 Сибиряков А.М. 102
 Сибиряков И.М. 38, 102
 Сиверс А.А. 11
 Сигов С. 537
 Сидоров И.И. 149
 Сикорский И.И. 127
 Силаева З.А. 251
 Синклер Э. 556
 Синьорелли О.И. 529
 Сипягин А.П. 71, 89, 114
 Сипягин Д.С. 117
 Сириций 220
 Сказываева А.З. 44
 Скалдин А.Д. 557
 Сканцев А.М. 122
 Скарлатти А. 492
 Скаррон П. 493
 Скворцов, редактор 395
 Скородинские, семья 180, 189
 Слонимские, семья 505
 Славцева, художник 558
 Смиренский В.В. 517-519
 Смирнитская Л.А. 466, 467, 491, 497, 562
 Смирнов А.А. 387, 390, 391
 Смирнов Е.А. 14, 18, 23, 24, 31, 51, 77, 98
 Смирнов М.И. 514, 515
 Смоленцев К. 379
 Снегирев В. 436, 528
 Сно Е.Э. 425, 577
 Снопков (Снабков) П.П. 461, 466, 467, 469, 471, 478, 555
 Собко, знакомый Цветаевой М.И. 343, 356
 Советова Е.П. 121
 Сократ 123, 317
 Солженицын А.И. 361
 Соллертинский И.И. 459, 460, 462, 463, 554, 557
 Солнцева И. 535
 Соловьев В.С. 128, 143, 286, 293, 297, 307, 308, 318, 321
 Соловьев Н.М. 286
 Соловьев С.М. 406
 Соловьев-Афанасьев И.И. 440, 441
 Сологуб В.А. 102
 *Сологуб (Тетерников) Ф.К. 434, 493, 518, 519, 522

- Соломон, чиновник 37
 Сомов А.И. 190
 Сомов К.А. 190
 Сорокина М. 9-118
 Сотонин К. 521
 Спасский С. 521
 Сперанский А.Д. 475, 570
 Сперанский М.М. 40, 103
 Спиноза Б. 248
 Срезневский Б.И. 313
 *Сталин (Джугашвили) И.В. 362, 378, 380, 390, 397, 552, 559
 Станкевич Н.В. 113
 Старков, ссыльный 110
 Старов И.Е. 196
 Старцев Д.А. 303
 Старынкевич Д.С. 10, 60, 111
 Старынкевич И.Д. 111
 Статсбадер Л.П. 138
 Стевен А.Х. 52, 107
 *Стенич (Сметанич) В.О. 424, 580
 Степанов Н.А. 24, 78
 Степанов Н.Л. 496, 526
 Стерлигов В.В. 555, 557
 Стефанович Я.К. 70, 112, 113
 Стивенсон Р. 475, 476, 572
 Столыпин П.А. 108, 277
 Стольпины, семья 121
 Столяров А. 520
 Стоюнин В.Я. 119
 Стоюнина М.Н. 119-121, 129-134, 139, 143, 145, 152, 166-168, 170, 173, 176, 177, 180, 181, 183, 184, 188-191, 558
 Стравинский И.Ф. 160
 Струве А.П. 129
 Струве Б.В. 106
 Струве В.Б. 292
 Струве В.Г. 468, 563
 Струве Г.П. 129
 Струве Л.П. 129
 Струве Н.А. 129, 335
 Струве (ур. Герд) Н.А. 129, 130
 Струве П.Б. 47, 55, 84, 85, 106, 129, 249-252, 255, 256, 263-265, 266, 269, 271, 272, 274-277, 280, 282-292
 Стерн Л. 493
 Субботич Д.И. 53
 Суворин А.С. 275
 Сукачев В.П. 38, 39, 67, 102
 Сулимо-Самуйлло В.А. 555
 Султанова-Леткова Е.П. 475, 571
 Сульпиций Север 217
 Суслова А.П. 314, 315
 Сухорукова-Спектор О. 6
 Суперфин Г.Г. (*Д.Д.) 5
 Сытин И.Д. 272
 Сытина В. 199
 Тарасов Е.М. 341, 342, 355, 356
 Тарасов-Родионов А.И. (*Жайворонко С.) 361-363, 364-375, 376-378, 379-381
 Тассо Т. 392
 Татлин, инспектор 36, 37
 Татлин В.Е. 418, 550
 *Твен М. (Клеменс С.) 493
 Теляковский Л.К. 75, 114
 Терентьев И.Г. 513, 515, 539, 557
 Тертуллиан 215
 Тескова А. 336
 Тииф О. 6
 Тик, переводчик 389
 Тилье К. 387
 Тименчик Р.Д. 423, 509, 519, 520
 Титов А.Л. 154, 194
 Титов Л.Г. 154, 194
 Титова А.О. 154, 194
 Тихеев И.И. 21, 52, 98
 Тихменевы, род 122, 190
 Тихон, патриарх 199
 Тихонов А.Н. 296, 328
 Тихонов Н.С. 408, 409, 520, 569
 Толмачев М.В. 424
 Толпыго Б.Н. 308, 309, 312
 Толпыго К.Б. 326
 Толстой А.К. 520
 Толстой А.Н. 475, 580
 Толстой Д.А. 26, 100
 Толстой Л.Н. 71, 101, 143, 158, 162, 187, 204, 248, 289, 330, 350, 367, 400, 401, 412, 421, 477, 493
 Толубеев Ю.В. 515

- Толубеев Ю.В. 515
 Томашевский Б.В. 434
 Топоров В.Н. 425, 426
 Травкунов К.Д. 425
 Трапезников, золотопромышленник 38
 Тредьяковский В.К. 493
 Тропов, знакомый Хармса Д.И. 491
 Троицкая В. 182
 Троицкая И. 184
 Тройницкий Н.А. 51, 52, 107
 *Троцкий (Бронштейн) Л.Д. 151, 372, 375, 377
 Трубецкие, семья 200, 205
 Трубецкой Е.Н. 275, 290
 *Т-ский Дм. 571
 Туберовский М.Д. 441, 535
 Тубянский М.И. 557
 Туган-Барановский М.И. 55, 84, 109
 Тургенев И.С. 101, 169, 265, 288, 351, 406, 571
 Туфанов А.А. (*Беломорский А. В., Рудин) 418, 425, 429, 434, 435-437, 440-442, 511, 512, 515, 520, 523-525, 530, 531, 574
 Тынянов Ю.Н. 325, 326, 434, 475, 526
 Тэн И. 42, 104
 Тювелев Н.А. 468, 563, 564
 Тютчев Н.С. 56, 110
 Тютчев Ф.И. 238, 318, 321, 326, 330, 406, 493

 Уайльд О. 357, 358
 Уатт Д. 556
 Угримов А.А. 206
 Угримов А.И. 199-203
 Угримов Ал.И. 201
 Угримов Б.И. 201, 202, 204
 Уитмен У. 569
 Улитин В.В. 520
 Ульянов А.И. 104, 174
 Ульянова А.А. 110
 Умова Е.А. 121
 Унтербергер П.Ф. 52, 107

 Урицкий М.С. 386, 391
 Урман Г. 572, 573
 Успенский Г.И. 571
 Устинов А.Б. 417-583
 Ухтомский С.А. 127, 191
 Ушаков А.Н. 21, 24, 77, 98
 Ушаков Д.Н. 200
 Ушинский К.Д. 116
 Ушинский Н.Г. 10
 Уэллс Г. 440

 Фабр Ж.А. 144
 Фадеев А.А. 579
 Фальке Г. 385
 Фалькенберг Р.Ф. 436, 528
 Федин К.А. 580
 Федоров А.П. 94
 Федоров К. 150
 Федоров Н.Ф. 286
 Федорова Е.О. 49, 93, 94
 Федорова М.А. 17, 94
 Фейхтвангер Л. 573
 Феликс II 222
 Фельснер (ур. Алексева) М.С. 305
 Фельснер П.И. 320, 321
 Фельтен Ю.М. 196
 Фет (Шеншин) А.А. 321
 Филипп II Август 226
 Филиппов Б.А. 293, 295
 Филонов П.Н. 539, 549, 554, 562
 Философов Д.С. 257, 272, 284, 289
 Финкель А.М. 552
 Фирганг Ю.С. 507, 583
 Флейшман Л. 419, 424, 514, 559, 574, 575
 Флеров, сосед по даче 159
 Флоренский П.А. 5, 200, 207
 Флоровский Г., прот. 250
 Фоквель, врач 430
 Фокко С.Я. 155, 173, 187
 Фомин А.Г. 265, 288
 Форш О.Д. 408, 580
 Фраерман Р.И. 6
 Франк С.Л. 126, 148, 186, 190, 205, 208, 249-251, 252-259, 265, 277, 280, 282-284, 286-289, 528

- Франки, семья 186
 Франс А. 140, 384, 385, 394
 Франциск Ассизский 229
 Фрейд З. (Freud Z.) 323, 431, 475
 Фрейденберг О.М. 6
 Фрид О. 461, 555
 Фридлянд Л.С. 475, 568
 Фроман М.А. 519
 Фромантен Э. 387
 Фудель С. 199
 Фукидид 240
 Фультон Р. 556
- Халфин Э.П. 399, 402
 Харджиев Н.И. 420, 515, 564, 569
 Харитонова А.М. 390, 391, 402
 Харламов Н.В. 10, 117
 Харламов Н.П. 204
 Харламов Ю.Н. 200, 204, 205
 Харламова А.М. 192
 Харламова (ур. Корнилова) Т.А. 117
 Харламовы, семья 86, 117
 *Хармс (Ювачев) Д.И. 417-427, 428-509, 510-583
 Хигер Е. 521
 Хлебников В.В. 418, 419, 421, 432, 434, 438, 449, 477, 493, 512, 515, 520, 522, 526, 531, 544-546, 569
 Хлусевич З.О. 45
 Хлусевич С.О. 45
 Ходасевич В.Ф. 321, 324
 Ходотов Н.Н. 289
 Хоммер Е.М. 43
 Хоружий С.С. 208
 Хризосколео, корниловец 380
- Цвейг С. 382, 556
 Цвелев И.М. 160
 Цвелева А.М. 160
 Цвелева (ур. Вульф) Л.Г. 160
 Цвелевы, помещики 160
 Цветаев А.И. 338, 339, 351, 352
 Цветаев И.В. 338, 351, 352, 353
 Цветаева А.И. 336, 338, 339, 346-353, 355, 358-360
 Цветаева В.И. 352, 353
- Цветаева М.И. 335, 336, 337-346, 347-359, 360, 386, 571
 Цимбал С.Л. 535, 540
 Циолковская, биолог 200
- Чаадаев П.Я. 106, 287, 317, 318
 Чайковский П.И. 484
 Чапыгин А.П. 519
 Челлини Б. 480
 Червинский М.А. 514
 Черкасов Н.И. 514, 515
 Чернецов В.С. 470, 564
 Черномордик, врач 148, 149, 158, 159, 161
 Черношварц, врач 148
 Черный Д. 440, 441
 Чернышевский Н.Г. 103, 108
 Черняк Б.Х. 393
 Чертков В.Г. 272, 289
 Чертков Л. 537
 Честертон Г. 440, 556
 Четвериков Д.Б. 519
 Чехов А.П. 312, 317, 431, 435, 436, 493, 516, 578
 Чириков Е.Н. 269, 289
 Чирков Б. 514
 Чичерин А.В. 574
 Чишко О.С. 558
 Чубова Г. 184
 Чуваков В.Н. 362
 Чудов, партдеятель 486
 Чуковская Л.К. 354, 408, 409, 424
 *Чуковский (Корнейчуков) К.И. 286, 347, 389, 390, 397, 426, 457, 548, 554
 Чуковский Н. (*Радишев) 520
 Чупров А.И. 88, 95, 117
 Чурилин Т.В. 357, 476, 489, 571, 572
- Шаболидзе, рук. хора 492
 Шагал М.З. 552
 Шагинян М.С. 281, 291
 Шайкевич С.С. 269, 289
 Шаламов В.Т. 382
 Шаляпин Ф.И. 484
 Шанько Н.Б. 517

- Шапашникова, госдеятель 486
 Шапо, врач 474, 475
 Шария П.А. 6
 Шаховская А. 82
 Шаховская А.Д. 11
 Шаховская (ур. Сиротинина) А.Н. 11, 82, 116
 Шаховская Н.Д. 13
 Шаховские, семья 79
 Шаховской Д.И. 10-14, 47, 58, 82, 95, 98, 105, 106, 116, 117, 272, 289
 Шаховской Д.М. 192
 Шаховской С.И. 86, 117
 Шаховской Ф.П. 105
 Шашелева (ур. Елачич) И.М. 191
 Шварц А.И. 517, 576
 Шварц Е.И. 466, 517, 561
 Шварц Е.Л. (*Звенигородский) 426, 466, 470, 471, 474, 491, 517, 527, 535, 546, 552, 554, 558, 561, 566, 567, 570, 572, 575
 Швейцер В.Н. 348
 Шекспир В. 389-392, 398, 405, 482, 493
 Шервуд Л.В. 555
 Шершеневич В.Г. 376
 Шидловская М.А. 126, 139, 149, 150, 159, 161, 166, 169, 174, 184, 194
 Шидмейер, мастер 496
 Шиллер И.Х.Ф. 388, 396, 493
 Шилковский Е. 359
 Шипов И.П. 52, 107, 108
 Шиповы, род 10
 Широкова Е.И. 120, 121, 133
 Ширяева О. 184
 Шишков В. 101, 397
 Шкапская М.М. 513
 Шкловский В.Б. 397, 434, 525, 526
 Шмерельсон Г.Б. 513, 520, 521
 Шмидт П.П. 112
 Шницлер А. 387, 388
 *Шолом Алейхем (Рабинович Ш. Н.) 494
 Шольп Е.Г. 40, 41, 104
 Шопен Ф. 321
 Шопенгауэр А. 412
 Шостакович Б.П. 36, 39, 43, 101
 Шостакович Д.Д. 151, 166, 175, 184, 185, 196, 197, 483, 514, 552, 558
 Шостакович З.Д. 184
 Шостакович М.Д. 166, 184, 185, 196
 Шостакович С.В. 184
 Шпет Г.Г. 436, 528
 Шпынарь С. 520
 Штейгер А.С. 347, 353
 Штейнман, поэт 557
 Штеренберг М.Е. 550
 Шульгин В.В. 378
 Шуман М. 135, 441
 Шумихин С.В. 361-381
 Щеголев П.Е. 11, 117, 265, 288
 Щекотов Н. 550
 Щелкина-Куперник Т.П. 138, 187, 383
 Щербатской Ф.И. 111
 Эвердинген А. 129
 Эйбушин, знакомый Хармса Д.И. 491
 Эйдельман Н.Я. 109
 Эйзенштейн С.М. 198, 553
 Эйснер А.П. 425
 Эйхе А.М. 159
 Эйхенбаум Б.М. 328, 382, 383, 386, 395-413, 434, 525-528, 574
 Эйхенбаум Д.Б. 398, 399
 Эйхенбаум О.Б. 383, 398, 411, 412
 Эйхенбаум Р.Б. 395, 396, 398, 399, 411
 Элиава Ш.З. 370, 377
 Эллис Г. 434
 Эльснер В. 570
 Энгельгардт А.Н. 557
 Энгельгардт Б.М. 401
 Энгельгардты, семья 399
 Эндер Б. 513
 Эпикур 243
 Эрбштейн Б.Н. 462, 464, 552, 556-558
 Эрбштейн М.М. 558

Эрлих В.И. 376, 521
Эрль В.И. 425, 427, 428, 509, 510,
515, 524, 526, 527, 537, 543, 556,
564, 566, 573, 576, 579, 580
Эртель А.И. 257, 270, 272, 289
Эткинд М.Г. 576
Эфрон А.С. 346, 358
Эфрон П. 347
Эфрон П.Я. 357
Эфрон С.Я. 346, 354, 357-359
Эфрос А.М. 550, 574

Ювачев И.П. 423, 428, 437, 491,
495, 510, 524
Ювачева Н.И. 538, 556, 562
Юденич Н.Н. 380
Юдина М.В. 462, 549, 557, 558, 560
Южаков С.Н. 102
Юлий, епископ 220
Юрборский, управ. казенной пала-
той 76
Юревич В.А. 170, 176, 196
Юркевич И.В. 335
Юркевич П.И. 335-346, 348-356,
359, 360
Юркевич С.И. 338, 342, 343, 353,
354, 356
Юркун Ю.И. 386, 424, 426, 570,
575
Юстиниан 217

о. Яболонский 155, 174
Явейн И. 150, 151
Ягода Г.Г. 559
Ядринцев Н.М. 39, 40, 99, 101-
103, 107, 112
Яковлев (Богучарский) В.Я. 116,
117
Яковлев М.А. 62, 112
Яковлева-Шапорина Л.В. 543
Якушкин В.Е. 82, 116
Якушкин Е.И. 82, 116
Якушкин И.Д. 116
Ямпольский М.Б. 509, 561
Янин А.И. 6
Ясинский И.И. 553
Ярошенко Н.А. 123, 190
Яхонтов В.Н. 464, 465, 560

***

Blake W. 421, 477, 493
Chances E. 516
Cheron G. 575
Gastex A. 433
Havelock E. 431
Hegeler W. 431
Karlinsky S. 572
Levin A. 282, 285
Loewenberg, скрипач 457, 460, 461
Mann Th. 431
Oberlander G. 285
Pipes R. 249
Poplavski B. 572
Raynauld S. 120, 122, 127, 156, 179-
181, 189
Read Ch. 285

АННОТАЦИИ

В о с п о м и н а н и я

А.А. Корнилов. ВОСПОМИНАНИЯ. Публ. М.Сорокиной.

Фрагмент из обширной мемуарной рукописи известного русского историка и общественного деятеля, одного из основателей кадетской партии, секретаря ее ЦК, — охватывает период с 1894 по 1902 гг., когда Корнилов служил чиновником по крестьянским делам при Иркутском генерал-губернаторе. Вступительная статья прослеживает жизненный путь мемуариста, а обширные примечания дают богатый материал по упоминаемым в тексте событиям и лицам. 6 + 80 + 24 с.

Б.Н. Лосский. НАША СЕМЬЯ В ПОРУ ЛИХОЛЕТЬЯ 1914-1922.

Крупный искусствовед, сын Н.О. Лосского вспоминает о жизни семьи Стоюниных-Лосских в С.-Петербурге, о круге семейных знакомых и петербургском быте в период I мировой войны. Первая часть завершается 1917 годом, следующая — доводит рассказ до высылки семьи из Советской России. 80 с.

В.А. Рещикова. ВЫСЫЛКА ИЗ РСФСР.

Дочь известного агронома, активного члена Помгола А.И. Угримова повествует о событиях лета-осени 1922 г., аресте отца и последующей высылке всей семьи из России на знаменитом «философском пароходе», о прибытии высланных ученых и философов в Германию. 10 с.

И з н а с л е д и я о т е ч е с т в е н н о й ф и л о с о ф и и

Л.П. Карсавин. АСКЕТИЗМ И ИЕРАРХИЯ.

Неизвестная работа одного из крупнейших русских философов. Автор рассматривает два направления в церковной жизни, их смысл и противоборство в исторической жизни христианства. 21 с.

М.О. Гершензон. КРИЗИС СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ.

Историк литературы, культуролог и философ показывает тупиковость сознания, отказывающегося от духа во имя материального производства и технического прогресса. 17 с.

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ «ВЕХ». Публ. В.Проскуриной и В.Аллоя

Письма С.Франка, С.Булгакова, П.Струве, А.Изгоева, Н.Бердяева к редактору-составителю «Вех» М.Гершензону освещают изнутри процесс рождения одной из самых значительных книг начала века. 3 + 30 + 10 с.

С.А. Аскольдов. ИЗ ПИСЕМ К РОДНЫМ (1927-1941). Публ. А.Сергеева.

Письма к сестре и сыну из ссылок, в которых С.А. Аскольдов провел свыше пятнадцати лет своей жизни, содержат его размышления о справедливости, долге, роли интеллигенции, подводя итог философским раздумьям автора. 5 + 35 с.

Из истории литературной жизни

ПИСЬМА М.И. ЦВЕТАЕВОЙ К П.И. ЮРКЕВИЧУ. Публ., подг. текста и примеч. Е.И. Лубяниковой и Л.А. Мнухина.

Четыре письма поэта к неизвестному до сих пор корреспонденту — другу ее юности. В Приложении — неизданное стихотворение Цветаевой, посвященное Юркевичу. 2 + 10 + 13 + 1 с.

А.И. Тарасов-Родионов. ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА С ЕСЕНИНЫМ. Публ. С.В. Шумихина.

Мемуарист описывает визит Есенина в Госиздат перед его последним отъездом в Ленинград, их беседу в ресторане, приводит есенинские характеристики литераторов и политических деятелей. Вступительная статья и примечания содержат дополнительные сведения об упоминаемых событиях и людях. В Приложении дана Автобиография Тарасова-Родионова. 3 + 12 + 4 + 3 с.

ЦЕЛЬ В ЖИЗНИ — МЫСЛИТЬ И СТРАДАТЬ. Публ. Л.И. Володарской.

Письма известного переводчика И.Б. Мандельштама из ссылки к Б.М. Эйхенбауму. Биографическая статья Н.Н. Канегиссер о И.Мандельштаме. Примечания содержат богатый справочный материал. 2 + 12 + 19 с.

Дневники, записные книжки, маргиналии ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ ДАНИИЛА ХАРМСА. Публ. А.Устинова и А.Кобринского.

Записи Хармса за 1924-1941 гг. Вступительная статья рассматривает место дневников, записных книжек и автобиографической прозы Хармса в его творчестве. Обширный комментарий восстанавливает контекст эпохи и дает богатейшие сведения о десятках забытых деятелей культуры Ленинграда. 12 + 82 + 75 с.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
Воспоминания	
А.А. Корнилов. ВОСПОМИНАНИЯ. Публ. М.Сорокиной	9
Б.Н. Лосский. НАША СЕМЬЯ В ПОРУ ЛИХОЛЕТЬЯ 1914-1922	119
В.А. Решикова. ВЫСЫЛКА ИЗ РСФСР	199
Из истории отечественной философии	
Л.П. Карсавин. АСКЕТИЗМ И ИЕРАРХИЯ	211
М.О. Гершензон. КРИЗИС СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ	232
К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ «ВЕХ». Публ. В.Проскуриной и В.Аллоя	249
С.А. Аскольдов. ИЗ ПИСЕМ К РОДНЫМ (1927-1941). Публ. А.Сергеева	292
Из истории литературной жизни	
ПИСЬМА М.И. ЦВЕТАЕВОЙ К П.И. ЮРКЕВИЧУ. Публ., подг. текста и прим. Е.И. Лубянской и Л.А. Мнухина	335
А.И. Тарасов-Родионов. ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА С ЕСЕНИ- НЫМ. Публ. С.В. Шумихина	361
ЦЕЛЬ В ЖИЗНИ — МЫСЛИТЬ И СТРАДАТЬ. Публ. Л.И. Во- лодарской	382
Дневники, записные книжки, маргиналии	
ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ ДАНИИЛА ХАРМСА. Публ. А.Усти- нова и А.Кобринского	417

МИНУВШЕЕ. Исторический альманах. 11.

Atheneum • Феникс

Издательство «Феникс»: 103009, Москва, Тверская ул., 6, строение 7.

Подписано в печать 3.11.92 г. Формат 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная.
Объем 38 п. л. Тираж 8 000. Заказ 533.

Государственная типография № 4 г. Санкт-Петербурга Министерства пе-
чати и информации Российской Федерации. 191126, Санкт-Петербург,
Социалистическая ул., 14.